

Петрозаводская еврейская религиозная община

Общинный вестник

Избранные публикации 1998 – 2018 гг.

Том I

**Петрозаводск
2021**

УДК 008
ББК 94.3

Редактор-составитель Дмитрий Цвибель

Еврейская община выражает благодарность за финансовую поддержку издания
Федеральной еврейской национально-культурной автономии,
Андрею Цвibelю, Кларе Ежовой, Марте Цвибель.

Общинный вестник : избранные публикации, 1998 – 2018 гг. Том I / Петрозаводская
О-28 еврейская религиозная община ; редактор-составитель Дмитрий Цвибель. - Петрозаводск : ПИН ИП Марков Н.А., 2021. - 280 с. : ил. - ISBN 978-5-904704-83-4.

УДК 008
ББК 94.3

В настоящем сборнике собраны материалы, написанные специально для ежемесячника «Общинный вестник», выходившем в 1998 – 2018 гг.

Фото авторов и из архива еврейской общины
©Еврейская община Петрозаводска
©Дмитрий Цвибель
©Авторы публикаций

ISBN 978-5-904704-83-4

О местной газете замолвите слово...

(Вместо предисловия)

Сама постановка вопроса – нужна ли местная периодика? – как мне представляется, не совсем уместна; скорее даже, совсем не уместна. Что значит – нужна? Как и всё в жизни, это должно происходить естественным путем. Если она существует – значит нужна. А местная периодика не только существует, но и расцветает всеми возможными красками – и в этом ее сила. Как трава пробивает асфальт, так и даже совсем небольшие издания где-то на окраине огромной бывшей империи находят свою нишу, пробивают, казалось бы, своими слабыми голосами, толщу наслоений, вселенский гул, наполнивший наш мир. Большой объем и образцовое полиграфическое исполнение не всегда показатель значимости того или иного издания. Не всегда богатый умнее бедного. Ведь часто именно всевозможные ограничения заставляют находить неординарные решения, будят фантазию, приучают относиться к Слову более трепетно: писать так, чтобы слов было меньше, а смысла – больше. Стоило бы повнимательнее отнестись к этому явлению – местная периодика. Зачастую в этих изданиях рассыпаны искры таланта, находки и откровения, достойные стать одним из звеньев в пестрой палитре современной еврейской культуры.

Однажды на очередной еврейской тусовке выступил вполне уважаемый человек и призвал закрывать периферийные газеты – мол, сколько человек их прочитают? «Присылайте лучше ваши материалы нам, в центр, и о вашей общине узнают десятки тысяч, миллионы...» Правда, решать что печатать, как это подавать и что нужно этим миллионам, и вообще, нужно ли, будет он. Знакомая картина! Так и появляется, до боли напоминающий недавний родной «Огонек», журнал «Лехаим». (Это не умаляет его действительных достоинств.)

А ведь вся привлекательность и незаменимость местных газет именно в их, если так можно выразиться, «местечковости». Не в убогом понимании этого определения, а в смысле неповторимости местного колорита. Только этим изданиям и под силу воссоздать на своих страницах живую жизнь живой общины. Именно эти издания донесут потомкам живой голос многих общин и имена тех, кто вносит свой посильный вклад в передачу из «рук в руки» еврейских традиций, таких разнообразных, еврейского самосознания.

Но, на самом деле, основная ценность существования местной периодики даже не в этом. Как каждое начинание, хотя и кажется, что занимаются этим один-два человека, оно формирует вокруг себя группу людей, так или иначе с ним связанную. Кто-то читает, кто-то пишет, кто-то собирает материал, кто-то что-то или кого-то вспомнил или нашел и т.д. Как вокруг большого небесного тела вращаются несколько меньших, так и в данном случае образуется своеобразная «окологазетная среда». Это те люди, которые без этого, может быть, и не стали бы заниматься всеми этими «еврейскими штучками». Так формируется ядро общины, связанное общим делом, общими интересами, причем, интересами далекими

от меркантильного расчета, что, в нашей ситуации, может быть, еще важнее. Ведь не секрет, что большинство современных евреев вспоминают о своей принадлежности к избранному народу только тогда, когда их обижают или когда что-нибудь раздадут. А в перерывах между этим – они «как все», и не напоминайте им о каких-то «корнях» и связанных с этим обязанностях по отношению друг к другу!

Нелишне напомнить, что эти газеты не могут быть рентабельными, даже несмотря на то, что не выплачивают гонораров, и редакторы, в большинстве своем, работают безвозмездно. И проблема для них – зависимость от спонсорских вливаний. Причем проблема не только финансовая, но и идеологическая. Хорошо, если спонсор не стремится подчинить своим интересам направленность газетных публикаций, ограничить свободу выбора. А если – да... Вот и тиражируются идеи, привнесенные извне, мало кого интересующие в данном конкретном месте. И не может появиться в изданиях, поддерживаемых одной из центральных еврейских организаций (знающей, естественно, истину), материал другой подобной же организации (так же обладающей эксклюзивным правом на эту самую истину. Вообще, явление «центральных» еврейских организаций, и кто из них «центральной» – особая тема.) Вот и выходит в каком-нибудь городке, где при слове «еврей» до сих пор вздрагивают и озираются по сторонам, орган «ортодоксального иудаизма», пугая своим названием не вполне ортодоксальных представителей этого же иудаизма, не про нас будет сказано. И местный материал, тот, который и сделал бы эту газету уникальной, как-то растворяется, бледнеет, тушется под натиском «истинных ценностей».

И все же, не так все плохо. Этими изданиями уже накоплен уникальный материал, представляющий

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ТАМУЗ-АВ 5758 ПЕТРОЗАВОДСК ИЮЛЬ 1998
N 1

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сегодня - знаменательное событие в жизни нашей Общины: сегодня мы обрели **ГОЛОС!**

Это - первый номер нашей газеты, которая будет выходить ежемесячно и, как мы предполагаем, позволит доносить информацию о еврейской жизни до каждого, способного услышать ее. Появление газеты вызвано расширением деятельности еврейской Общины, образованием под эгидой общества "Шалом" разных ее подразделений: Религиозной общины, "Хэсэда Агамим", Молодежной секции, РЕКа, Воскресной школы "ЙОМ РИШОН". И все это - сегодняшняя еврейская жизнь города.

Через газету появляется возможность не только информировать о тех или иных событиях еврейской жизни, но и рассказывать о смысле, традициях, значении их для нас сегодня. Наша задача дать возможность читателю узнать что-то новое для себя, вспомнить забытое, поделиться пережитым, чтобы внести свой вклад в возрождение сознания принадлежности к своему народу с его величайшей культурой, философией, традициями, с уникальной историей. Каждый еврей - это особый мир; у каждого - свой неповторимый путь; а все вместе мы составляем картину, которая пишется Творцом.

Одна из главных задач - это возвращение к ТОРЕ, ибо без этого не может быть и речи о еврейском самосознании. Еврей без ТОРЫ - не еврей. За

стремлением "влииться в семью народов" (но зачем же при этом терять свое лицо), "быть как все" (а кто они - все?), периодом атеизма, коммунизма, Катастрофы, но и периодом возрождения Эрец Исраэль вновь встает вечный вопрос: "Кто мы? Зачем мы?". Почему не имея общего языка, территории, культуры, государства мы все же остались народом, евреями, и если мы сами иногда забываем об этом, нам напоминают? Значит в каждом из нас есть еще что-то, чего нет у других. И этим мы должны дорожить, а для этого надо понять, что же это такое.

Гейне назвал ТОРУ "Портативной родиной евреев" - может быть, здесь разгадка? Попробуем вместе разобраться.

Своим появлением газета обязана помощи наших друзей из Флориды, это: *Алвин Коренблюм, рав Эдвин Гольдберг, Хинди Кантор, синагога Темпл Иудея, организация ЯД ЛЕ ЯД, Южный совет Флориды для советского еврейства.* (Вот он принцип: "Все евреи ответственны друг за друга"). БОЛЬШОЕ СПАСИБО ИМ ОТ ВСЕХ НАС!

Пожелаем нашей газете, чтобы она оказалась нужной, интересной, содержательной, принесла радость в наши сердца.

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Дмитрий Цвибель

НОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ - НОВЫЕ ЗАДАЧИ

В мае месяце состоялось отчетно-перевыборное собрание общества "Шалом". С докладом на нем выступил Председатель Общества Александр Модылевский. Он рассказал о проделанной работе Общества за последние два года. И сделано оказалось немало: за это время образовалась и зарегистрировалась религиозная община и начала функционировать Синагога; старое еврейское кладбище, находящееся в центре города, обнесено художественно выполненной оградой и поставлена монументальная входная арка (архитектор Грета Логинская); продолжала работу школа "ЙОМ РИШОН"; по инициативе СОХНУТА открылся ульпан.

Все это время активно велась большая социальная работа, был сформирован корпус волонтеров, который и стал основой, образованного недавно,

"ХЭСЭДА АГАМИМ", взявшего на себя ряд функций, прежде выполняемых "ШАЛОМОМ".

С появлением "ХЭСЭДА АГАМИМ" стало необходимо по-новому строить работу общества "ШАЛОМ", которое теперь в своей деятельности бóльшее внимание будет уделять среднему и молодому поколениям, образовательным программам, расширению связей с другими еврейскими организациями.

На собрании было выражено некоторое беспокойство по поводу появления различных организаций внутри Общины, опасение разобщенности. Поэтому новое Правление призвано координировать действия всех подразделений, выработать общую концепцию, учитывая развитие еврейского движения в разных направлениях.

Исходя из этого, правление общества

"ШАЛОМ" сформировано следующим образом:

Александр Модылевский -

Председатель

Дмитрий Цвибель - заместитель Председателя, Председатель религиозной общины, директор школы "ЙОМ РИШОН"

Грета Логинская - секретарь Правления

Юрий Рыбак - медицинский сектор, Председатель Совета "ХЭСЭД АГАМИМ"

Михаил Бравый - сектор работы с пожилыми, директор "ХЭСЭД АГАМИМ"

Раиса Шапиро - социальный сектор

Владислав Мишин - молодежный сектор, руководитель молодежной секции

Пожелаем новому Правлению успешной деятельности на ниве возрождения еврейского самосознания, по созданию жизнеспособной еврейской Общины.

ценность для истории нашего народа, для связи между «периодом молчания» и сегодняшним днем, без чего нет устремления в будущее. Сам сегодняшний день, отображаемый в них, завтра тоже превратится в историю, которую необходимо сберечь для потомков. Сберечь уже сейчас, чтобы потом не пришлось тратить огромные усилия для ее восстановления. Для этого надо начать сбор всех этих изданий, концентрацию их в одном месте для хранения и изучения. Необходимо создание базы данных об этих изданиях, каталогизировать, классифицировать материалы и т.п. Все это не требует огромных финансовых вложений: нужен заинтересованный человек, помещение для работы и хранения изданий, элементарное современное оборудование. Могу сослаться на уже имею-

щийся опыт. В Иерусалиме живет удивительный человек – Владимир Карасик. Он собирает еврейскую периодику, как прошлых лет, так и сегодняшнюю. Его квартира должна бы быть объявлена национальным достоянием, так как там хранятся уникальные издания, существующие в единичных экземплярах. Он один проводит работу, под силу, разве что, кому-нибудь НИИ. Может быть, привлечь его к этому проекту, может быть, просто воспользоваться его опытом и создать свой архив. Важно только, чтобы архив этот был жизнеспособным и доступным для исследователей.

Как гласит пословица: «Даже самая длинная дорога начинается с первого шага». Может, есть смысл его уже сделать?

*Дмитрий Цвибель
(Январь 2006)*

АЗБУКА ЧУДАИЗМА

Мезуза

Слово мезуза означает «дверной косяк». Это свиток пергамента из кожи кашерного животного, на внутренней стороне которого написаны два отрывка из молитвы «ШМА» – символа веры евреев в единого Б-га (Дварим, 6:4-9; 11:13-21). Там есть такие слова: «... и напиши их (заповеди) на косяках дверей дома твоего и ворот твоих». Текст пишется сойфером – переписчиком ТОРЫ – и состоит из 22 строк. На внешней стороне свитка написано одно из имен Б-га – ШАДДАЙ – Всемогуший. Это имя еще трактуется, как аббревиатура «ШОМЕР ДАЛДОТ ИСРАЭЛЬ» – «Охраняющий дверь Израиля». Этот свиток помещается в специальный футляр и прикрепляется к дверям жилых помещений, как напоминание о заповедях Вс-вышнего: входя в дом – как вести себя дома, выходя – как вне дома. Крепится на верхней трети косяка входа во все жилые помещения с наклоном внутрь верхним концом. Форма футляра, его оформление могут быть любыми, что оставляет место для фантазии художников. Обычно на футляре пишется

буква шин – первая буква имени ШАДДАЙ. Принято при входе и выходе прикоснуться к мезузе пальцами и затем поцеловать их. В Талмуде сказано, что мезуза дарована евреям Б-гом в знак любви к народу Израиля.

При въезде в новое жилье мезуза прикрепляется сразу же, или не позднее 30 дневного срока. Перед прикреплением произносят благословение: БАРУХ АТА АДОНаЙ ЭЛОHeЙНУ, МЭЛЭХ hАОЛАМ, АШЕР КИДШАНУ БЭМИЦВОТАВ ВЭЦИВАНУ ЛИКБОА МЕЗУЗА (Благословен Ты, Г-сподь наш, Царь вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам прикреплять мезузу).

Нужно проверять мезузу дважды за семь лет, а в общественных помещениях – раз в 50 лет, чтобы убедиться, что нанесенный на нее текст не имеет повреждений. В противном случае мезуза не пригодна.

При выезде из дома, в который вселяется еврей, снимать мезузу не надо, а въезжающий обязан оплатить ее стоимость.

Талит. Цицит

Тора предписывает на концы мужской одежды, имеющей форму четырехугольника, привязывать кисти – цицит и вплетать в них нить цвета тхелет (это слово обычно переводится как голубую). «И она будет у вас в кисти цицит, и увидев ее, вы будете вспоминать все заповеди Г-спода и исполнять их; и не будете блуждать, влекомые сердцем и глазами вашими, которые свращают вас. Дабы помнили вы и исполняли все заповеди Мои и были святы пред вашим Б-гом» (Ваикра, 15:39-40). Секрет изготовления краски цвета тхелет утерян (известно только, что она готовилась из моллюска), и сейчас голубую нить в цицит не вплетают. Голубая нить служила для определения времени: вечером, когда нельзя уже было ее отличить от белых – время для вечерней молитвы; утром, когда ее уже можно было различить – утренней. Поскольку одежда имеет другую форму, чтобы

исполнить эту заповедь надевают покрывало прямоугольной формы – талит с кистями цицит, которые привязываются через специальные отверстия по четырем углам. Существует талит катан (малый талит), который носят постоянно под верхней одеждой, и талит гадоль (большой талит), надеваемый во время утренней молитвы. Цицит делают только из овечьей шерсти. По краям талита вытканы голубые, синие или черные полосы различной ширины.

Перед надеванием талита произносят благословение: БАРУХ АТА АДОНаЙ ЭЛОHeЙНУ, МЭЛЭХ hАОЛАМ, АШЕР КИДШАНУ БЭМИЦВОТАВ ВЭЦИВАНУ ЛЭhИТАГЭФ БЭЦИЦИТ (Благословен Ты, Г-сподь наш, Царь вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший закутываться в цицит).

(Интересно, что за основу государственного флага Израиля взят именно талит).

Тфилин

Тфилин – означает «свидетельство, доказательство» – свидетельство о присутствии Вс-вышнего в среде народа Израиля. Это коробочки (баттим – домики) с ремешками, изготовленные из телячьей кожи и покрытые специальной черной краской, внутри которых написанные на пергаменте четыре отрывка из

ТОРЫ: Дварим, 6:4-9; 11:13-21; Шмот, 13:1-10; 13:11-16. Существуют тфилин шель яд (тфилин на руку) и тфилин шель рош (тфилин на голову). Тфилин шель яд состоит из одного отделения, в котором помещается сложенный или свернутый в свиток пергамент со всеми отрывками из ТОРЫ. Тфилин шель рош имеет

четыре отделения, в каждом из которых по одному отрывку. Возлагать тфилин – заповедь ТОРЫ: «И будут слова эти, которые Я заповедаю тебе сегодня, на сердце твоём; и научи им сыновей своих; и произноси их, сидя дома и находясь в дороге, ложась и вставая. И в знак повяжи их на руку твою, и будут они украшением над глазами твоими, и напиши их на косяках дверей дома твоего и ворот твоих» (Дварим, 6:6-9).

Возлагают тфилин мужчины, достигшие тринадцатилетнего возраста перед утренней молитвой, стоя, сначала на руку, затем на голову, произнося благословение: БАРУХ АТА АДОНаЙ ЭЛОHeЙНУ, МЭЛЭХ hАОЛАМ, АШЕР КИДШАНУ БЭМИЦВОТАВ ВЭЦИВАНУ ЛЭhАНИЯХ ТФИЛИН (Благословен Ты, Г-сподь наш, Царь вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший возлагать тфилин).

Бар-мицва

Бар-мицва – буквально «сын заповеди» – подросток, достигший возраста 13 лет и один день. С этого момента он считается достигшим религиозного и правового совершеннолетия, обязан соблюдать все мицвот (заповеди) и присоединяется к миньяну как полноправный член общины, со всеми правами и обязанностями. С этого дня он также начинает возлагать тфилин. В Талмуде термин бар-мицва используется для обозначения того, на кого распространяется действие Закона, и только в XIV в. стали применять этот термин для обозначения 13-летнего подростка, вместо раввинского термина «взрослый», или «наказуемый», т. е. ответственный за свои деяния и проступки, а с XV в. им стал называться и сам торжественный акт вступления мальчика в совершеннолетие. В этот день (или в ближайшую Субботу) на утренней службе в синагоге мальчика первый раз вызывают к чтению Торы. Он читает соответствующий раздел Торы, или главу из Пророков – haфтару. Его отец стоит рядом и провозглашает: БАРУХ ШЕПТАРАНИ МЕОНШО ШЕЛЬ ЗЭ (Благословен Тот, Кто освободил меня от ответственности за этого! (сына). (Отец обязан воспитывать своих сыновей и приучать их к исполнению заповедей Торы с того дня, когда ребенок уже в состоянии понять то, что ему разъясняют.) Но с момента бар-мицвы мальчик, в соответ-

Хупа. Ктуба

Хупа – это балдахин, под которым проходит обряд бракосочетания, символизирующий дом жениха, куда вводят невесту. Обычно для хупы используется талит (большое молитвенное покрывало), который держат натянутым за углы (иногда для поддержания углов используют специальную конструкцию на возвышении, но чаще его просто держат четверо – по числу углов – наиболее высоких и сильных гостей). Под этим балдахинном, собственно, и происходит обряд бракосочетания, откуда и происходят выражения

Тфилин шель яд крепится ремешками на бицепсе левой (у левши – правой) руки между локтем и плечом, не выше середины бицепса напротив сердца и обращен к нему. Означает: все наши дела (рука – символ дел), чувства, эмоции (сердце) посвящаем Б-гу. Обматывают ремешками так, чтобы образовалась буква шин – первая буква одного из имен Б-га – ШАДДАЙ, Всесильный. Затем три витка на предплечье (все витки в направлении – «от себя»), небольшой пропуск и еще четыре, затем на кисти два и вокруг среднего пальца. Тфилин шель рош крепится на голову надо лбом, где «родничок». Тфилин накладывается после надевания талита.

Святость тфилин уступает лишь святости ТОРЫ, поэтому каждый еврей хоть раз в жизни должен возложить тфилин.

стви с еврейским законом, становится взрослым и сам отвечает за свои поступки. К чтению Торы могут приглашаться и члены семьи мальчика. Раввин произносит проповедь, посвященную новому члену общины, его моральным и религиозным обязанностям. Часто мальчик произносит специально подготовленную речь на талмудическую тему или на тему общего характера, связанную с вопросами этики, Заповедей и т.п., после которой, как принято в некоторых общинах, обходит присутствующих с мешочком для тфилин, куда бросают монеты, предназначенные наставнику мальчика. После завершения утренней службы устраивается праздничный киддуш и банкет, называемый «трапезой мицвы», так как в мидраше сказано: «И устроил Авраам пир великий в день отлучения Ицхака, то есть отлучения его от дурных наклонностей, когда ему исполнилось 13 лет».

Совершеннолетие девочек наступает в 12 лет, и называется бат-мицва (дочь заповеди). Празднование бат-мицвы известно лишь с XIX в. и ограничивается, обычно, кругом семьи, или школой. В некоторых общинах девочки читают в синагоге haвтару и молитвы. В Израиле в большинстве синагог вызывают к чтению Торы отца или братьев девочки, после чего раввин произносит в честь нее проповедь, и затем проходит празднование, аналогичное бар-мицве.

«поставить хупу», «стоять под хупой», и сама свадьба называется «хупой». Непосредственно под хупой стоят: жених и невеста, их родители и раввин, проводящий свадьбу. Хупу принято ставить под открытым небом. Раввин произносит благословения на вино и на свадьбу, жених и невеста отпивают по очереди из бокала, и наступает самая важная часть церемонии. Жених надевает невесте на указательный палец кольцо и произносит: «hАРЕЙ АТ МEKУДЕШЕТ ЛИ БЕ-ТАБААТ ЗО КЕ-ДАТ МОШЕ ВЕ-ИСПРАЭЛЬ» (Вот

ты посвящаешься мне этим кольцом по закону Моисея и [всего] Израиля). С этого момента они становятся мужем и женой.

После этого зачитывается ктуба – брачный договор, представляющий собой стандартный текст, написанный на арамейском языке, в который вписываются недостающие подробности. Ктуба составляется непосредственно перед церемонией бракосочетания раввином, женихом, свидетелями или представителем невесты.

Вот примерный перевод ктубы:

В (день) недели (...) числа (...) месяца (...) года от Сотворения мира согласно отсчету, который мы ведем в (название города), в Земле Израиля, господин (имя жениха) сын (имя его отца) из семьи (фамилия жениха) сказал этой девушке по имени (имя невесты) дочери (имя ее отца) из семьи (фамилия невесты):

«Будь мне женой по закону Моисея и Израиля. Я буду работать для тебя, и почитать тебя, и обеспечивать тебя пропитанием и всем необходимым, ибо сказано: сыны Израиля работают ради своих жен, обеспечивают их всем необходимым и почитают их. И я дам тебе денежную сумму в размере [эквивалентном] оговоренным Законом – 200 серебряных монет, а также то, что необходимо тебе для еды, одежды и прочего, чтобы жить нам семьей, как это принято повсеместно».

И девушка (имя невесты) согласилась стать его женой.

А что касается приданого, которое приносит она ему из родительского дома – деньгами, золотом, драгоценностями, одеждой или предметами домашнего обихода, общей стоимостью в (сумма) шекелей, то жених (имя жениха) принял всё [это приданое] и добавил от себя (сумма) шекелей – и всего [сумма, равная] (число) новых шекелей.

И так сказал (имя жениха), жених: записанное в этой ктубе – и приданое, и прибавленное к нему, я

принял; на мне и на моих наследниках [выплата этого] всеми моими средствами и всем, чем владею на свете, всем [уже] приобретенным и всем, что приобрету в будущем, собственностью застрахованной и незастрахованной. Всё будет залогом, предназначенным для того, чтобы выплатить [то, что] записано в этой ктубе: приданое и добавленное к нему, даже [если вынужден буду я отдать для этого] последнюю рубашку – навсегда этот долг на мне.

И ответственность за написанное в этой ктубе, включая приданое и добавленное к нему, принял на себя (имя жениха), жених, как это принято при подписании любой ктубы, с различными дополнениями, дочерям Израиля, по установлениям наших мудрецов, – так что этот документ есть подлинный и обязывающий.

И мы получили от [вышеупомянутого] жениха, господина (имя жениха), и [передали вышеупомянутой] девушке, госпоже (имя невесты), [как символ согласия] за всё, что написано и объяснено выше, [ценный] предмет, достойный этого.

И все это верно, ясно и подлинно

(подпись – имя), свидетель

(подпись – имя), свидетель

И я, жених, принимаю на себя всё вышесказанное и подписываюсь в этом сегодня.

(подпись)

Наливают второй бокал вина и произносят шева брахот – семь благословений. Их читает либо раввин, либо семь наиболее уважаемых гостей. Новобрачные выпивают вино уже как муж и жена, и мужчина правой ногой разбивает бокал в память о разрушенном Храме, произнося: «ИМ ЭШКАХЕХ ЙЕРУШАЛАИМ ТИШКАХ ЙЕМИНИ» (Если я забуду тебя, Иерусалим, да отсохнет моя правая рука). Все желают новобрачным: МАЗАЛЬ ТОВ! (Счастья).

Мишна. Темара

Мишна – древнейшая часть Талмуда, собрание Устного Закона, включающее в себя Галаху, Агаду, Мидраш. В нынешнем виде составлена и отредактирована Йехудой ha-Наси в начале III века и состоит из 6 разделов, каждый из которых в свою очередь состоит из трактатов. В общей сложности в Мишне 63 трактата, содержащие постановления, правила, законы, регламентирующие все стороны жизни. Мишной

называется также отдельный отрывок из трактата.

Гемара (завершение, изучение) – свод дискуссий Мудрецов и анализов текста Мишны, уточняющий и дающий толкование Закону. Мишна и Гемара составляют Талмуд – свод правовых и религиозно-этических норм еврейского народа. Гемарой также называют весь Талмуд.

Галаха. Агада. Мидраш

Галаха (предписание) – законодательная часть еврейской традиции, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь, одна из важнейших частей Устной Торы, свод законов и предписаний, разъясняющих, как правильно исполнять заповеди. Этим словом называется и каждое такое предписание

или закон в отдельности. Содержит постановления Мудрецов разных поколений, обсуждение законов и их деталей.

Агада (сказание) – часть Устной Торы, не относящаяся к закону (Галахе). Включает в себя различные истории, моральные поучения, притчи, толкования и

т.п., дополняющие текст Торы, объясняющие смысл заповедей. Ставит своей целью глубже понять тот или иной текст, дать ему интерпретацию, зачастую аллегорическую.

Пасхальную агаду читают в ночь Пасхального Седера.

Мидраш (изучение, толкование) – система тол-

кования Торы Мудрецами эпохи Талмуда, разъясняющая смысл написанного на основе сопоставления, аналогии с другими местами текста, разбора употребления отдельных фраз и даже букв. Определяет сферу действия закона, его обоснование в Торе. Существует четыре вида мидрашей: объяснительный, логический, сравнительный, ограничительный, хотя не всегда можно четко провести между ними грань.

Тфила

Тфила – молитва, обращение человеческого «я» к Божественному «Ты», один из способов связи с Вс-вышним. Ивритское слово тфила – от корня пал-ль – «судить», следовательно, молиться – это производить самооценку, суд над собой. Человек должен ощущать, что во время молитвы он разговаривает непосредственно с Б-гом. Для этого во время молитвы необходим особый настрой, сосредоточенность, направленность сердца – кавана. Сказано Мудрецами: «молящийся должен направить свои глаза вниз, а сердце вверх» (Иевамот, 105б). Так же: «Молитва без каваны – это тело без дыхания». Еврейская молитва – это молитва не только за себя. Талмуд подчеркивает особую важность молитвы за ближнего: «Тот, кто просит у Б-га о милости к ближнему своему, нуждаясь в ней сам, – будет услышан Небесами [и Божественную помощь получит как его ближний, так и он сам]» (Бава Кама, 92а). Большинство еврейских молитв составлено так, что человек молится за себя, за своих близких, за весь еврейский народ и, в конечном счете, за благо и спасение всего человечества.

Есть три ежедневные молитвы: «Шахарит» (утренняя), «Минха» (послеполуденная) и «Маарив» (вечерняя). Традиция связывает установление «Шахарита» с именем праотца нашего Авраама, «Минхи» – с Ицхаком, а «Маарива» – с Яаковом. Очень важной молитвой является также «Биркат ха-Мазон» («Благословения после трапезы»), ибо чтение ее – выполнение прямой заповеди из Торы. Существуют сборники молитв, называемые «Сидур Тфила» (или просто «Сидур») – буквально «Порядок молитв»; сборник молитв и пиятов (религиозных гимнов) на Праздники называется «Махзор» – буквально «[годовой] цикл [Праздников]». Различаются несколько вариантов – нусахов текстов молитвенников, касающихся отдельных деталей молитв, хотя общий порядок и основные молитвы одинаковые во всех нусахах. Существуют нусах «Ашкеназ», нусах «Сфарди», нусах

«Сфарад», нусах «Ари» и другие, принятые евреями – выходцами из разных мест проживания. Почти все молитвы в Сидуре составлены на иврите; небольшая часть – на арамейском языке, который был разговорным языком евреев в эпоху Талмуда (этот язык близок к ивриту). Однако большую часть молитв (в частности, «Шма», «Амида», «Благословение после еды») разрешается читать на любом другом языке, который молящийся понимает. Хотя во всех поколениях евреи предпочитали молиться на иврите, даже если они в массе своей говорили на других языках (идиш, ладино, арабский и т.д.). Во-первых, трудно создать адекватный перевод, а во-вторых, молитва на иврите служила в течение веков одним из важнейших факторов сохранения Святого языка. (Важность молитв для сохранения иврита подчеркивал Маймонид.) Общественная молитва (тфила бе-цибур), на которой собирается миньян, т. е. не менее десяти взрослых (не моложе 13 лет) мужчин, предпочтительнее частной (тфила тейхид – буквально «молитва отдельного человека»). Это связано с тем, что молитва в обществе помогает еврею ощутить не только свой личный диалог с Б-гом, но и тот общий диалог, который ведет с Ним народ Израиля как единое целое. Сказано в Талмуде, что «в миньяне присутствует шехина» (т.е. особое Божественное присутствие). Общественную молитву ведет шалиах цибур (буквально «посланник общины»), он же хазан, кантор. (Не путать с понятием священник, т.е. кохен, обязанностью которого было принесение жертв в Храме.) Назначение кантора – координировать общественную молитву и читать некоторые ее отрывки вслух от имени всего общества. Кантором может быть любой рядовой член общины, который хорошо разбирается в порядке молитв и может читать текст молитв достаточно громко, чтобы община могла его слышать. Предпочтительно, чтобы кантором был человек праведный и уважаемый в общине.

Гмилут хасадим

«Гмилут хасадим» – акты милосердия, совершаемые по отношению к другим людям без расчета на вознаграждение, – является одним из основополагающих понятий иудаизма. Гмилут хасадим рассматривается в качестве личного обязательства перед Вс-вышним и перед другими людьми. «На трех ве-

щах стоит мир: на Торе, на служении (Вс-вышнему) и на добрых делах (гмилут хасадим)» (Пиркей авот, 1:2). Без гмилут хасадим невозможно существование общины. Талмуд ставит гмилут хасадим выше цдаки, так как добрые дела могут относиться к богатым и бедным, здоровым и больным, живым и мертвым,

животным, словом, ко всему разнообразию жизни. Кроме того, для цдаки необходимы материальные средства – не все имеют возможность выполнить эту мицву, но мицва гмилут хасадим доступна всем: для нее нужны только честный ум, любящее сердце и рука, предлагающая помощь. Всегда надо быть готовым помочь ближнему, не дожидаясь, когда он попросит об этом. «Люби ближнего, как самого себя» (Ваикра, 19:18). Тора призывает нас любить не «вообще», а активно, то есть приходить на помощь ближнему, когда его жизнь, имущество или счастье находятся в опасности. Наши мудрецы включали в понятие гмилут хасадим следующие действия: «Ахнасат орхим» – гостеприимство по отношению к гостям, пришель-

цам и путешественникам; «Бикур холим» – посещение больных; «Пидйон швуйим» – выкуп пленных евреев; «Ахнасат кала» – обеспечение бедной невесты приданым (имеется в виду сбор средств для девушки, семья которой не имеет возможности дать ей достойное приданое); «Квод э-ани» – обеспечение достойного существования бедняка; «Аваат шалом бейн адам ле-хаверо» – примирение поссорившихся людей; «Хесед шель эмет» – забота о мертвом; «Идур пней закен» – почитание пожилых. Словом, необходимо активно способствовать справедливости и милосердию, ибо сказано: «Уклоняйся от зла и делай добро» (Тегилим, 34:15).

Тшува

Тшува («возвращение») – раскаяние, возвращение ко Вс-вышнему. Еврейский взгляд на мир всегда дает человеку надежду на возможность исправления. Рабби Нахман из Брацлава, да будет память праведника благословенна, говорит: «В какой бы ситуации человек ни находился и как бы далеко он (как ему, может быть, кажется) ни ушел от Б-га, этот человек всегда может, в соответствии с его часом и положением, опираясь на

Б-жественное присутствие всюду в мире, найти с помощью Торы путь к тшuve (раскаянию) и к возвращению к Б-гу; поэтому отчаянию нет места в этом мире, ибо никакая ситуация не является безнадежной и дорога к исправлению, возможно весьма трудная, существует всегда» («Мешиват нафеш», 121-122).

Заповеди, данные нам Торой, можно разделить условно (четкой границы нет) на «заповеди между человеком и человеком» и «заповеди между человеком и Б-гом». Тшува – возвращение к правильному пути – возможна для всех: как для нарушивших «заповеди между человеком и Б-гом», так и для нарушивших «заповеди между человеком и человеком». Однако во втором случае недостаточно только Б-жественного прощения, а следует получить прощение от обиженного, иначе обидчик не получит полного искупления даже в Йом Кипур. Но если обиженный трижды не простит обидчика, обидчик считается прощенным, а вся вина переходит на обиженного.

Цдака

Слово цдака, которое обыкновенно переводят как «благотворительность», происходит от слова цэдэк, то есть справедливость. Именно справедливость должна побуждать нас поделиться тем, чем одарил нас Г-сподь. Давать цдаку – мицва (заповедь, обязанность), ибо Он заповедал нам помогать бедным и Он обещал, что никто не обеднеет, давая цдаку. Тот, кто отворачивается от просящего, нарушает заповедь

Тшува состоит из четырех ступеней:

1. Признание в совершении неправильно поступка – это тшува, проведенная через сознание.
2. Понятие причины недостойного поступка и создание условий для невозможности его повторения в будущем – это тшува, прошедшая через сердце, через чувства.
3. Исправление всего, что можно исправить, возмещение причиненного кому-либо ущерба и признание неправоты своего поступка перед всеми, кто от него пострадал – это тшува, прошедшая через действие.
4. Решение никогда больше так не поступать.

Таким образом, тшува считается законченной, только когда она осуществилась на всех уровнях: интеллектуальном, эмоциональном, волевом и в сфере действия. Полная тшува снимает с человека все его грехи, и он становится чист перед Б-жественным судом. Сказали мудрецы: «Там, где стоят совершившие покаяние, не могут стоять даже величайшие праведники» (Талмуд, Брахот, 34). Необходимо помнить, что тшува возможна только при жизни, так что не стоит затягивать с ее исполнением.

Тшува – главная тема всех пророков Израиля. Нет никакого другого пути к освобождению, соединению и конечному спасению, кроме тшувy. «К концу изгнания совершит весь Израиль тшуву и будет спасен» (Маймонид; Законы тшувy, гл. 7).

Торы: «...не ожесточи сердца своего и не сожми руку свою перед нищим братом твоим» (Дварим, 15:7). Тора устанавливает размер цдаки от 10 до 20 процентов получаемого дохода. (Но не более, так как если человек будет давать слишком много, он сам может стать обузой для других.) Когда мудрецы хотели подчеркнуть главное отличие евреев от язычников, они не говорили, что первые служат Единому Б-гу,

а вторые – идолам, что евреи соблюдают субботу, а язычники – нет. Хотя это и важные отличительные признаки, мудрецы указывали на другое: «Еврей сострадатель, скром и милосерден». Евреи, лишённые этих черт, рассматривались как недостойные представители народа. Рамбам (Моше бен Маймон, 12 век) пошел дальше, когда писал: «Есть основания сомневаться в принадлежности к еврейству того, кто жесток» (Исурей биа, 19:17). Постоянное и настойчивое подчеркивание таких ценностей, как справедливость, сострадание и доброта, привело к тому, что именно эти принципы легли во главу угла еврейской общинной жизни еще более двух тысяч лет назад и остаются для нас основополагающими и сегодня.

Существуют выработанные приоритеты в распределении цдаки по степени важности:

1. Выкуп, освобождение пленных и заложников.
2. Помощь голодным и нуждающимся.
3. Помощь общине в постройке миквы (ритуальный бассейн).
4. Поддержка изучения Торы на всех уровнях.
5. Помощь в постройке и обеспечении больницы.
6. Помощь в постройке и поддержке синагоги.
7. Сбор средств с целью выдать замуж невесту-сироту.

Порядок предпочтения в помощи бедным:

1. Поддержка родителей и родственников.
2. Помощь бедным своей общины.
3. Помощь бедным своего города.
4. Помощь бедным других городов.
5. Помощь бедным-неевреям.
6. Для живущих в диаспоре поддержка бедных в Святой Земле предпочтительнее помощи бедным во всех других местах (речь идет только об обеспечении основных жизненных нужд).

Порядок предпочтения внутри каждой из категорий:

1. Раньше женщине, потом мужчине.
2. Раньше ученому человеку, потом неученому.
3. Если все нуждающиеся имеют один и тот же уровень учености, то в первую очередь следует помочь коhену, затем левиту, потом исраэли (то есть всем остальным евреям).

Качество исполнения мицвы цдаки зависит от того, удалось ли сохранить самоуважение получающего цдаку. В зависимости от этого различают восемь уровней цдаки:

1. Высший уровень, когда удается помочь человеку восстановить свою самостоятельность и независимость, что бы он мог сам зарабатывать себе на жизнь;
2. Получающий не знает, кто ему дает, и дающий не знает, кто получает;
3. Дающий знает, кому он дает, но получающий не знает, от кого получил;
4. Принимающий знает, от кого он получил, но дающий не знает получающего;
5. Когда дают, не ожидая просьбы;
6. Когда дают то, что просят, после просьбы;
7. Когда дают меньше, чем просят, но охотно;
8. Когда дают, скрепя сердце.

Непозволительно порицать нуждающегося или повышать на него голос, ибо сердце его и без того разбито, а дух подавлен. Необходимо активно способствовать справедливости и милосердию, ибо сказано: «Уклоняйся от зла и делай добро» (Тегилим, 34:15). Тот, кто привлекает к благотворительности других, делает великое дело и заслуживает большей награды, чем даже сам жертвовател. Сказано об этом: «...ведущие многих по пути справедливости (будут сиять) как звезды во веки веков...» (Даниэль, 12:3).

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПЕТРОЗАВОДСКА

(Очерк)

Предлагаемый вниманию читателей очерк является первой попыткой рассказать о 150-летней истории еврейской диаспоры города Петрозаводска. Автор ставил перед собой задачу кратко рассказать о том, когда и как появились евреи в нашем северном городе, никогда не входившим в черту еврейской оседлости, как они осваивались на новом месте и становились полноправными и достойными членами местного общества, сохраняя в то же время свое еврейство, свои обычаи и традиции, как зарождалась, развивалась и затем официально оформилась еврейская община Петрозаводска.

При написании очерка автор столкнулся с крайней ограниченностью имеющихся источников. По существу, единственным источником послужили архивные документы, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, и небольшое число публикаций в газете «Олонецкие губернские ведомости». Автор не ставил перед собой задачу осветить жизнь евреев Петрозаводска в период после 1917 г. Это совершенно другая история, и она еще ждет своего исследователя.

Первые евреи в Олонецкой губернии появились, по-видимому, в середине 40-х годов XIX в. Это были солдаты, взятые в армию по рекрутским наборам в соответствии с указом Николая I от 26 августа 1827 г., или, как их еще называли, «николаевские солдаты». Имеются документальные свидетельства того, что уже в 1845 – 1846 гг. в г. Вытегре в расквартированном там 2-м округе путей сообщения среди нижних чинов были евреи, причем в таком количестве, что военное начальство должно было разрешить им за городом «на бичевнике реки Вытегры» устроить молельню.

К этому же времени относятся и первые сведения о евреях в Петрозаводске. В Национальном архиве Республики Карелия сохранилась «Ведомость об иноверцах в г. Петрозаводске» за 1846 г., из которой следует, что в городе числилось 23 еврея. В ведомости ничего не говорится об их социальном положении, но, скорее всего, это – солдаты, проходившие службу в Петрозаводском внутреннем батальоне. Есть сведения за 1852 г. Тогда в числе 9130 жителей Петрозаводска было 22 еврея: 18 мужчин и 4 женщины – солдаты местного батальона и члены их семей.

В разные годы число служивших в Петрозаводском батальоне солдат евреев было различным, иногда достаточно большим. Так, по сведениям, опубликованным в «Памятной книжке Олонецкой губернии», в 1856 г. в Петрозаводске жило евреев 214 мужчин и 23 женщины. В 1859 г. командир батальона в рапорте губернатору писал: «В настоящее время во вверенном мне батальоне простирается военнотружачих евреев, кроме их жен и детей, сблизительно до 200 человек».

Однако всем остальным евреям жить в Петрозаводске не разрешалось. Олонецкая губерния, так назывался тогда наш край, находилась за пределами чер-

ты еврейской оседлости. Конечно, запрет проживать здесь вовсе не означал, что евреи сюда не попадали. Но всякий раз это было нарушением российских законов и влекло за собой репрессивные последствия.

Так, в декабре 1844 г. к городничему города Повенца (тогда Повенец числился городом) доставили двух евреев – мещан Витебской губернии Иделя Шимсакевича Макваца, 25 лет, и его шурина Монаса Давидова Баранова. На допросе они показали, что уже второй год, как «с плакатным паспортом» отправились с родных мест, занимаясь лужением и починкой медной посуды. Они побывали в Белозерском и Кирилловском уездах, а оттуда прибыли в Олонецкую губернию. Около трех месяцев работали в Вытегре и Вытегорском уезде, затем были в Вознесенье и передвигаясь от деревни к деревне добрались до Повенца.

До сих пор их пребывание здесь внимания властей не привлекало. Но повенецкий городничий оказался чиновником бдительным. «Имея в виду предписание господина на-чальника губернии... о неослабном наблюдении за приезжающими евреями», он их арестовал и в январе 1845 г. отправил под охраной в Петрозаводск. При аресте у них были изъяты 12 руб. 28 ½ коп. серебром – весь их заработок.

В Петрозаводске Макваца и Баранова посадили в тюрьму. Надо полагать, они из-рядно испугались, так что почти сразу по прибытии, а именно 16 января 1845 г. тут же в тюрьме написали прошение на имя губернского прокурора, в котором заявили о желании креститься и принять христианскую веру. Полтора года дело решалось в духовной консистории и закончилось тем, что они были в июне 1846 г. крещены в здешнем Петро-павловском соборе и получили новые имена и фамилии.

Конечно, не всегда последствия были таковы. Чаще всего незаконно приехавших евреев принудительно выселяли из пределов губернии.

Как правило, в Петрозаводском батальоне служили не новобранцы. За плечами почти каждого солдата были многие годы тяжелой службы. Сохранился в архиве список «нижним чинам еврейского закона» Петрозаводского батальона, составленный в октябре 1864 г., из которого следует, что, например, рядовой Шимель Мотдей был взят в службу в 1850 г., следовательно служил уже пятнадцатый год, Давыд Эдвабный, Берка Цильман, Мовша Мрус служили с 1852 г. Большая часть солдат вступила в службу в 1853-1855 гг. А было несколько рядовых в нестроевой команде, или, как она тогда называлась, в «команде неспособных»: Фраим Куква, Абрам Рожинский, Иосель Гит, Хаим Берман, тянувших солдатскую лямку по 16 – 18 лет.

Среди служивших в это время евреев был один унтер-офицер, 7 музыкантов, 2 барабанщика, оружейники. Но в основном это были рядовые стрелки. Из послужных списков (к сожалению, их сохранилось очень мало) видно, что родом эти солдаты из Виленской, Ковенской, Полоцкой и других губерний черты оседлости. Многие, подобно Абраму Вайвиловичу, Шмуйле Лейбовичу, начинали службу в Псковском, Киевском и других батальонах военных кантонистов.

Среди солдат евреев были такие, кто прежде, чем попасть в Петрозаводск, принимал участие в войнах, о чем свидетельствовали их награды. Так, Зельман Бенковский, Абрам Вайвилович, Гирш Панпер, Шимель Мотдей и др. имели бронзовые медали на Владимирской ленте за войну 1853 – 1856 гг., то есть за участие в Крымской войне. Многие имели нашивки за беспорочную многолетнюю службу.

В условиях военной службы, особенно, если учесть, что перед этим в большинстве своем эти солдаты еще совсем детьми прошли воспитание в школах кантонистов, сохранить еврейство, верность своим традициям и обрядам было совсем не легко. Можно себе представить, чего им это стоило. Оторванные от родных мест и родных людей на многие годы, а практически навсегда, они попадали в чужую языковую среду, в совсем чуждые им условия жизни. Здесь все было чужое – служба, обычаи, привычки, даже пища. И тем не менее они сохраняли свое еврейство. Случаи принятия христианства среди солдат, расквартированных в Петрозаводске, были крайне редки. Архивные документы сообщают, что, например в 1859 г. таких солдат оказалось только 6 человек, а в 1863 г. – всего один. Кстати, как видно из дела о крещении в 1863 г. солдата Товия Мелеха, за переход в христианскую веру ему полагалось единовременное пособие в сумме 7 руб. 15 коп.

Еврейская жизнь солдат протекала отнюдь не без проблем. В Своде военных законов была статья, которая содержала следующее правило: «Где нет ни си-

нагоги, ни раввина, там начальство позволяет им (т.е. солдатам. – Д.Г.) собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»; и далее: «место для сих собраний назначается начальством». Батальонный командир подполковник Харитонов, как видно из документов, достаточно лояльно относившийся к служившим в батальоне евреям, выделил место для «молитвенных собраний» в казарме 2-й роты. Только здесь, собираясь вместе, солдаты-евреи имели возможность общаться относительно свободно, не соблюдая обычной воинской дисциплины, разговаривать друг с другом на родном языке, вспоминать близких, ну и, конечно же, молиться.

Однако в марте 1855 г. командир корпуса запретил использовать казарму под молитвенное помещение. Поскольку в Петрозаводске в это время среди гражданского населения евреев еще не было и, следовательно, не было ни синагоги, ни раввина, солдаты евреи были лишены возможности, как утверждал их батальонный командир, «собираться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв, не только в дни суббот, но даже и в главных годовых их семь праздников».

Командир батальона пытался помочь своим солдатам. Он многократно обращался к губернским властям с просьбой выделить в городе дом для «молитвенной школы». Власти, ссылаясь на действующие законы, всякий раз отказывали. «Устройство синагог и молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев, а... Олонецкая губерния не причислена к числу губерний, где дозволено проживать евреям, – так отвечало губернское правление. – Военнослужащим евреям дозволяется собираться на молитву в указанном начальством месте», то есть в том месте, которого как раз и не было.

Переписка между командованием батальона и гражданскими властями длилась несколько лет и закончилась без видимого результата. Однако желание солдат евреев иметь свой дом, в котором бы они могли собираться, совершать свои обряды и молитвы, было настолько неодолимо, что они на свои скудные солдатские деньги купили в Петрозаводске дом и устроили в нем молельню.

Казалось бы, вопрос решился. И действительно, года три все шло вполне спокойно. Но вдруг власти опомнились. Оказывается, «еврейскому обществу особого дома иметь не дозволяется законом», и городская дума в феврале 1868г. решила принудительно продать дом. Тогда солдаты принимают, можно сказать, неординарное и беспрецедентное решение: передать дом «в собственность местного губернского батальона для того, чтобы мы могли в нем иметь постоянное богослужение». В своем «приговоре» солдаты писали: «Если же по дому сему придется уплачивать какие-либо казенные или общественные

сборы, то обязуемся это делать из собственных наших средств. Расходы по совершению купчей также принимаем на себя. Если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями г. Петрозаводска еврейского закона по усмотрению самих евреев».

Под приговором стоят подписи унтер-офицера Мовши Свечникова, солдат: Гирша Маса, Лейзера Финкельштейна, Хаима Месея, Мейзера Градуса, Иоселя Шварцмана, Лейбы Рыбкина, Абрама Шохтова, Овсея Шмойловича и многих других. Не все подписывали приговор сами: «вместо их, неграмотных, по личной их просьбе» подписались их товарищи.

Видимо, дом все же был продан, так как некоторое время еврейская молельня для солдат существовала в одной из комнат при батальонной мастерской. Но в августе 1870 г. комната эта потребовалась для батальонных мастеровых и ее у евреев забрали, разрешив им, впрочем, нанять под молельню частный дом. Но и это оказалось делом не простым. По закону нижним чинам не положено было заключать контракт на аренду дома. Выход был найден: к этому времени в городе уже появились первые бессрочноотпускные солдаты евреи (об этих солдатах см. ниже), и один из них – Давид Тейхерт оформил контракт на свое имя. Некоторое время еврейская молельня помещалась близ реки Неглинки в доме крестьянина Гуркина.

Почему мы так подробно рассказываем о жизни солдат евреев, служивших в Петрозаводском батальоне? Ведь, строго говоря, они не были в полном смысле городскими жителями, а лишь несли здесь воинскую службу. Но дело в том, что именно эти солдаты, как мы увидим дальше, и явились основателями еврейской общины нашего города.

Реформы Александра II внесли большие перемены в жизнь еврейского населения России. И хотя евреи не были уравнены в правах с остальными подданными империи, все же в огромном всероссийском гетто, каким, по существу, была черта оседлости, обрвалась существенная брешь.

Не будем останавливаться на всех законах о евреях, изданных в 60-е годы XIX в. Укажем лишь на те, которые сыграли решающую роль в судьбе еврейского населения Петрозаводска.

Закон 28 июня 1865 г. предоставил евреям ремесленникам право проживать повсеместно в России. При себе им разрешалось иметь членов своих семейств, то есть жен, детей и несовершеннолетних братьев и сестер. Так в нашем городе появились первые евреи ремесленники.

Число их было не велико. Петрозаводск в то время был городом небольшим. Да и обустройство на новом месте выходцев из пределов черты оседлости сопровождалось целым рядом условий, выполнить

которые было не так уж легко. Прежде всего, ремесленники евреи получали право жить в городе по особым паспортам в качестве временно проживающих. А чтобы получить такой паспорт, надо было представить в городскую думу свидетельство на звание мастера или подмастерья, выданное ремесленной управой с прежнего места жительства. Причем ничем иным, кроме обозначенной в цеховом свидетельстве профессии, этот ремесленник заниматься не мог. Это правило впоследствии не единожды приводило к возникновению конфликтов между властью и ремесленниками. Конфликты заканчивались иногда высылкой из города провинившегося со всем его семейством.

Первые ремесленники евреи в Петрозаводске начали появляться в конце 1860-х – в 1870-х гг. Среди них были портные Лейба Альшиц из Орши, Моисей Кац из Невеля, Рувим Левин из Борисова, Моисей Пивоваров из Динабурга, Яков Рубашкин из Полоцка. Из Витебска приехали часовщики Иосиф Свирский, Ерухим Хазен и Евсей (Авсей) Штейнзац, из Динабурга – красильщик Иосиф Мешель, из Вильно – перчаточник Мордех Мауерштейн, из Режицы – колбасник Михаил Ценципер.

Несколько позже в городе поселились часовщик Хаим Рубин из Вильно, портные Шолом Авербух и Шмул Лившиц, слесарь Шавель Дынер, шапочник Пейсах Пятов из Полоцка, портные Израиль Бернштейн (Беренштейн) и Абрам Роткович из Минской губернии, кузнецы Пейсах Блехман, Липман Давыдов из Режицы и Залман Трок из Ковенской губернии, сапожник из Сурожа Яков Роскин. Численность евреев ремесленников в Петрозаводске пополнялась и в последующее время.

Не все из тех, кто первыми приехали в наш город, остались в нем навсегда. Однако многие по-настоящему укоренились здесь, обзавелись большими семьями, их потомки затем долгие годы прожили в Петрозаводске. Сыновья, как правило, наследовали занятия своих отцов, либо обучались какому-то иному мастерству. Так, один из сыновей портного Моисея Каца Соломон пошел по стопам отца, а другой сын – Давид стал часовых дел мастером и был известен в Петрозаводске даже и в послевоенные годы. Сын сапожника Якова Роскина Мендел выучился на фотографа и когда-то был очень популярен в нашем городе. Детям некоторых ремесленников удалось получить высшее образование.

Проживавшие по временным паспортам ремесленники формально не числились гражданами Петрозаводска, а оставались минскими, полоцкими, виленскими и т.д. мещанами, но имели право жить в городе как занимающиеся ремеслом и торговлей.

25 июня 1867 г. был принят закон «Об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов». Этот закон давал отслужившим в армии солдатам евреям право не только жить там, где они пожелают,

то есть и вне черты оседлости, но и право приписываться с женами и детьми повсеместно в число городских сословий – в мещанство и купечество. Следует, однако, оговориться: право это признавалось только за теми евреями, кто поступил в службу на основании рекрутского устава. Те же, кто проходил военную службу по новому уставу о воинской повинности, который был введен в России в 1874 г., таким правом не пользовались и после окончания службы обязаны были вернуться к своему прежнему месту жительства.

В Национальном архиве Карелии сохранились документы (правда, их не очень много) о приписке отслуживших в русской армии свои 12 – 20-летние сроки евреев к числу городских сословий Петрозаводска. В основном это происходило в 1869 – 1875 гг. Были ли приписки до 1869 г. по сохранившимся документам установить не удалось. Хотя определенно можно утверждать, что какое-то число евреев солдат, вышедших в отставку, поселилось здесь еще до введения закона 1867 г.

Так, например, в 1865 г. на Набережной улице в Петрозаводске существовала «ресторация с продажей напитков», которую содержала жена отпускного рядового Шмула Бобермана. На той же улице находилось и «трактирное заведение» отпускного рядового Гирша Каца. На каком праве жили в городе эти евреи (возможно, кто-то еще), трудно сказать. Вполне вероятно, что они до этого здесь служили, а теперь числились в отпуске; ведь не случайно в документе они названы не отставными и не бессрочноотпускными, а просто отпускными.

Среди первых евреев, приписанных в число петрозаводских мещан, были Нохим (Нахим) Альперович, Энох Беневич, Гирш Ватенберг, Илья Вендров, Шмул Глинер, Берка Гольдман (или Гольцман), Самуил Госмер, Абрам Златкин, Вульф Кан, Насон Левин, Шмул Лившиц, Абрам Манербергер, Евсей Марковский, Герш Мас, Хаим Мессель, Манес Мойзель, Шимель Мотдей, Зельман Парийский, Иосиф Пороховников, Мордка Рубин, Гирш Рудковский, Арон Рыбак, Давид Тейхерт, Айзик Шиберштейн (Шеберштейн), Хаим Шпильберг, Давид Эдвабный (Едвабный и Гедвабный) и др. Эти-то евреи и составили ядро будущей еврейской общины в нашем городе.

60 – 70-е гг. XIX в. явились, таким образом, временем, когда сложилась еврейская община Петрозаводска. Община была еще очень малочисленной и никак организационно не оформившейся, но она уже существовала. Ее составляли приписанные к городским сословиям, преимущественно к числу мещан, отставные и бессрочноотпускные солдаты и небольшое число ремесленников, живущих по временным паспортам.

К этому времени в городе кроме еврейского молитвенного дома, о котором мы говорили выше, существовало и еврейское кладбище. Не известно вре-

мя появления еврейского кладбища. Надо полагать, что оно возникло тогда, когда в здешнем батальоне появились первые солдаты евреи, и служило вначале для захоронения умерших солдат и членов их семей. Существует документ от июля 1873 г. – постановление городской думы о выделении дополнительного участка земли для расширения еврейского кладбища. Постановление это было принято по ходатайству губернского воинского начальника.

Кладбище сохранилось и до наших дней. Самое древнее из обнаруженных захоронений относится к 1869 г. На надгробном камне можно прочесть надпись на еврейском языке: «Замужняя женщина скончалась 25 адара 629» (февраль 1869 г.). К сожалению, время не сохранило нам ни имени, ни фамилии этой женщины. Мы не знаем, старой она была или молодой. Возможно, что это была солдатская жена. Самая поздняя из сохранившихся могил датирована 1947 годом. Здесь уже надпись на русском языке: «Гуревич Аврам Хаймович. Сконч. 21 янв. 1947 г. Родился 1895 г.».

Еврейская община не могла, разумеется, существовать, не имея раввина. Люди женились, умирали, рожали детей. Все связанные с этими событиями духовные требы в те времена были немыслимы в отсутствие раввина.

По-видимому, еще в первой половине 1860-х гг. в городе появился человек, который имел все данные, чтобы исполнять обязанности раввина. Им был Ицко Гуревич из г. Вильно, по общему мнению, человек «вполне достойный». В течение ряда лет он совершал в городе все, что требовалось от раввина: бракосочетание, обрезание и т.д. Он же исполнял обязанности резника, без чего община также не могла жить, и учил детей еврейской грамоте. Гуревич вполне устраивал не только самих евреев, но и командование батальона. При необходимости он обслуживал не только евреев Петрозаводска, но и солдат, служивших в уездных командах в других городах Олонецкой губернии.

Какое-то время и гражданские власти мирились с присутствием Гуревича в Петрозаводске. Однако в 1872 г. они вдруг обратили внимание на то, что Гуревич не имеет права жить в нашем городе. «Резничество» власти не признали ремесленным занятием. Было принято решение выселить Гуревича из Петрозаводска. Началась довольно продолжительная тяжба между евреями, с одной стороны, и губернским правлением, – с другой. Евреи отстаивали свое право иметь возможность следовать своим обычаям и соблюдать традиции, что без раввина было немыслимо.

20 декабря 1872 г. солдаты Петрозаводского батальона и живущие в городе бывшие солдаты обратились к губернскому воинскому начальнику с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед губернатором «о дозволении Гуревичу по-прежнему иметь жительство в Петрозаводске и исполнять духовные наши требы». Под этим обращением подписалось более сорока человек. И среди них рядовые Илья Скорлубский, Арон Рыбак,

Абрам Ихелевич, унтер-офицер Давид Едвабный, барабанный староста Мовша Свешников, рядовые Вульф Кан, Абрам Месель, бессрочноотпускные Хаим Месель, Лейба Рыбкин, Самуил Лившиц и другие.

И все же губернское правление не вняло просьбам ни евреев, ни даже воинского начальника и потребовало выслать Гуревича из города. Правда, с исполнением этого решения никто не спешил, и Гуревич еще целых три года жил в Петрозаводске относительно спокойно и продолжал исполнять обязанности раввина.

Но в 1876 г. губернское правление вспомнило о Гуревиче. Губернский воинский начальник вновь обратился к гражданским властям с убедительной просьбой не трогать его. Свою просьбу воинский начальник аргументировал следующим образом: «Преподавание закона Божьего, наставления в вере, отправление богослужений и обрезание младенцев и выдачи метрических свидетельств раввином, близко известным и снискавшим расположение, есть дело большой важности». Но и на сей раз губернское правление было непреклонно. После длительных обсуждений в ноябре 1876 г. последовало решение: запретить Гуревичу исполнять обязанности раввина и «подвергнуть его и соучастников с ним законному преследованию».

Однако на этом дело не закончилось. В марте следующего года петрозаводские евреи направляют на имя губернатора новое прошение. В нем так подробно и убедительно рассказано о жизни общины и ее духовных нуждах, что есть необходимость привести из этого прошения достаточно пространную цитату:

«В г. Петрозаводске находится всех евреев обо-его пола и возраста на постоянном жительстве 150 человек, кроме воинских нижних чинов евреев же, служащих в губернском батальоне, и до 150 человек в городах и уездах Олонецкой губернии, так что всех около 300 человек. Раввина же для исполнения религиозных обрядов веры нашей нет и средств для содержания раввина тоже. До сих пор необходимые обрядности исполнялись одним из нашей среды человеком, знающим в теоретическом и практическом отношениях. А главное, для исполнения треб закона Моисеева могут быть допущены лишь люди религиозные, нравственные и знающие закон на древнееврейском тексте. Из среды всех нас есть в Петрозаводске виленский мещанин Гуревич, который вполне мог бы заменить в нужных случаях должность раввина. Но так как Гуревич обязан подпиской, чтобы отнюдь не исполнять обрядов по делам веры своих единоверцев, стало быть и кроме Гуревича также никто не имеет права на это. Таким образом мы находимся в безвыходном положении...

В настоящее время у некоторых из нас родились дети мужского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву на восьмой день, не исполнен, и само собой разумеется, имена

им не наречены. Кроме того, может встретиться важнейшее случаем, например, кто-либо умрет. Кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим? Вызывать же раввина для исполнения сказанных обрядов вещь немыслимая, во-первых, потому, что никто не согласится ехать по случаю дальнего расстояния, во-вторых, нет средств для этого, в-третьих, если допустить и то, чтобы приезжал раввин для исполнения треб, то может случиться так, что сегодня совершил обряд обрезания и уехал, вслед за тем кто-либо вновь родился или умер, и так бесконечная категория, сопряженная с громадными издержками и затруднениями, и, в-четвертых, если кто умрет, не ждать же приезда раввина для погребения умершего, а кроме раввина по закону никто не имеет права совершить обряд погребения. И много подобных затруднений...»

Одновременно с коллективным прошением губернские власти стали получать и личные прошения петрозаводских евреев, в которых они настаивали на своем праве иметь возможность жить по их обычаям и традициям.

21 марта 1877 г. с прошением к губернатору обратился петрозаводский портной Лейба Альшиц. У него месяц назад родился сын. И вот он пишет: «Обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву совершить на восьмой день, над ним не исполнен, а потому и имя ребенку не наречено. Раввина же для исполнения этого обряда в Петрозаводске нет». Альшиц просил, чтобы власти не препятствовали Гуревичу совершить то, что требуется. Он писал: «1. Закон иудейский для нас обязателен – исполнить обряд обрезания и наречение имени на восьмой день. 2. Требовать откуда-либо раввина – вблизи нет, да и средств не имею. 3. Чем дите старше, тем хуже потом исполнить над ним обряд обрезания, то есть большее для ребенка, так что даже опасно. 4. Грешно и даже неприятно, когда дите без имени и 5. Я лишен всякой возможности надеяться, что приедет когда-либо раввин, а сам везти ребенка туда, где раввин, не имею средств и немыслимо ехать с месячным ребенком такую даль в распуту».

Удивительным образом развивались события дальше. В защиту прав евреев выступил даже губернский прокурор. Он опротестовал решение губернского правления. В своем протесте он обращает внимание на то, что упорство властей вредит не только евреям, но идет вразрез с интересами государства и общества:

«В России, как в стране веротерпимой, – писал прокурор, – лицам всех вероисповеданий дозволяется исполнение богослужебных отправлений и религиозных обрядов. Между тем, если придерживаться мнения губернского правления, то евреи, несмотря на расширение их прав дозволением некоторым из них проживать во всех городах России, лишаются в то же время самого важного для них права – воспи-

тивать детей в вере своих отцов и исполнять религиозные обряды, так как при неимении раввина или его помощника исполнение обрядов обрезания, наречения имени, ведение метрических книг о рождении, браках, смерти и т.д. немисливо. Хотя по закону еврейскому каждый относительно ученый еврей может исполнять эти требы, но закон гражданский... строго запрещает исполнение еврейских обрядов кем-либо кроме правительством утвержденных раввинов и их помощников. Последствия такого положения дела смогут быть крайне неутешительны: евреи, принужденные обстоятельствами, мало-помалу будут отставать и манкировать обрядами своей веры и сделаются людьми вредными, без всякой религии, или будут все свои обряды совершать тайно, что повлечет к возбуждению множества бесполезных дел. Отсутствие метрических книг лишит правительство возможности знать действительную цифру населения и возраста евреев, чрез что евреям представится явная и как бы законная возможность уклоняться от воинской повинности и платежа податей. Кроме того, неимение метрических свидетельств о рождении представляет препятствие к цивилизации евреев – без метрического свидетельства никто не может быть принят ни в одно учебное заведение...

...Евреи проживают в г. Петрозаводске более десяти лет, рождаются и умирают. Кто же должен вести метрики о рождении и смерти их, и кто должен уведомлять о рождении и смерти те общества, к которым они приписаны? Наконец, вследствие высочайшей воли отставные солдаты и их потомство могут проживать и записываться в общества повсеместно в России. По каким же документам и по чьему удостоверению будут вносить в ревизские сказки новорожденных и делать отметки об умерших? Кроме того, есть лица из евреев, состоящие в государственной службе и по своему образованию и служебному положению не принадлежащие ни к каким податным обществам. Кто же этим лицам должен выдавать метрики? Кто должен вести списки о рождении их детей, кто должен выдавать удостоверения об их браке и смерти?».

Надо иметь в виду, что в то время никакой гражданской регистрации рождений, браков, смерти не существовало. Так что прокурор знал, что писал.

На это обстоятельство, а именно на то, что в городе совершенно не ведутся метрические книги на евреев, обращали внимание еще ранее сами евреи, живущие в Петрозаводске. Так, в 1874 г. петрозаводский купец Гирш Кац писал в городскую управу о том, что в городе не ведется ни списков, ни каких-либо книг, куда бы записывались родившиеся, сочетавшиеся браком или умершие евреи, что по этой причине даже метрики получить им неоткуда. А без метрик нельзя поступить ни в одно учебное заведение. Более того, отсутствие метрик, и этот аргумент он, видимо, считал совершенно неотразимым для начальства, по-

зволяет недобросовестным людям «избежать исполнения воинской повинности». Кац просил, «чтобы еврейскому населению в г. Петрозаводске, подобно другим нациям, велись правильные и точные сведения», а для этого были выданы особые книги и назначено особое ответственное лицо. Увы. И эта совершенно очевидная необходимость долгое время не находила решения.

Письмо Г. Каца совпало по времени с одним мероприятием, имевшим отношение ко всей империи. 2 октября 1874 г. Комитет министров издал Положение о производстве переписи всего мужского еврейского населения. Вызвано это было, надо полагать, переходом на новый порядок формирования армии, когда вместо рекрутчины вводилась воинская повинность. И здесь власть столкнулась с тем, что возраст многих мужчин евреев неизвестен. Местным по воинской повинности присутствиям предложено было определять возраст по внешнему виду.

Но вернемся к протесту прокурора. Он не только не соглашался с мнением губернского правления, но позволил себе бросить явный упрек местным властям. И даже больше – российскому законодательству: «На все эти вопросы не отвечают существующие законы об управлении духовными делами евреев. А потому я полагаю, – писал прокурор, – что губернное правление вместо того, чтобы отказывать евреям в их ходатайстве, в интересах правительства должно было бы войти с представлением надлежащим порядком о разъяснении и дополнении статей закона XI т. Уст. духовных дел иностранных исповеданий относительно евреев в законодательном или административном порядке».

В своем коллективном прошении, о котором речь шла выше, петрозаводские евреи просили местное начальство: если нельзя оставить Гуревича в качестве раввина, то хотя бы причислить их «относительно исполнения обрядов веры Санкт-петербургскому раввину», а Гуревича зачислить к нему помощником «для исполнения религиозных обрядов в Петрозаводске». Санкт-петербургский раввин доктор философии Дабкин знал Гуревича и был согласен иметь его своим помощником, «если не будет препятствий со стороны олонецкого губернского начальства».

Губернский прокурор также поддержал эту идею. Он писал: «Что касается личности, которая может исправлять должность помощника раввина, то это дело второстепенное, и для определения того, обладает ли Гуревич правоспособностью быть раввином, я не считаю компетентным в этом деле ни себя, ни губернное правление. Знаю только, что Гуревич как по отзывам частных лиц, так и полиции поведения безукоризненного». Здесь позиция прокурора была очень близка к позиции петрозаводских евреев. Они боролись не персонально за Гуревича, а за свое право быть евреями, то есть беспрепятственно следовать обычаям и традициям своего народа и, прежде всего, иметь возможность исполнять обряды своей религии.

Заканчивает прокурор свой протест призывом к губернскому правлению «в дальнейшем ходе дела поступать по закону».

Губернское правление и поступило по закону. Оно проигнорировало протест прокурора и подтвердило запрет Гуревичу исполнять обязанности раввина. По вопросу о том, может ли он быть помощником раввина, в постановлении губернского правления было сказано: по закону, помощник раввина может назначаться лишь в тех обществах, которые насчитывают более 1000 евреев. В Петрозаводске же такого числа евреев нет, стало быть и помощник раввина здесь не положен.

Дело с Гуревичем кончилось в конце концов тем, что против него было возбуждено судебное преследование. Паспорт от него отобрали, передали судебному следователю, и он вынужден был покинуть Петрозаводск.

После высылки Гуревича из Петрозаводска община осталась без человека, имеющего достаточные познания об основах религии, об обрядах и обычаях своего народа и необходимые навыки и умение исполнять эти обряды. Это, безусловно, не означает, что прекратилась еврейская жизнь в городе. По-прежнему люди молились, отмечали свои праздники, у них рождались дети, и нужно было совершать обрезание и наречение имени, женились, и кто-то должен был совершать обряд бракосочетания, наконец, люди умирали, и требовалось совершать обряд над умершим. Молиться и отмечать праздники евреи могли, конечно, и самостоятельно, но для совершения всех необходимых обрядов требовался если и не раввин, то хотя бы знающий все это еврей.

К сожалению, архивные документы не позволяют составить сколько-нибудь цельную картину жизни еврейской общины в то время. В архивы попадают только документы государственных учреждений или документы, как-то связанные с деятельностью этих учреждений, либо тем или иным образом касающиеся интересов государства. В них ничего нет о частной жизни рядовых граждан. Мы можем предполагать, что петрозаводским евреям приходилось, как это было и во многих других районах России за пределами черты оседлости, для совершения обрядов уезжать в те города, где имелся раввин, или приглашать раввина в Петрозаводск, что было связано с массой неудобств и, главное, с большими расходами, которые не всем были по карману. Существовал, наконец, и третий путь – обходиться местными силами, совершая обряды втайне от властей. Ведь согласно российским законам запрещалось кому-либо, кроме казенных, то есть правительством утвержденных, раввинов, исполнять все необходимые обряды.

Среди дел, которыми занимался в Петрозаводске Гуревич, было и обучение детей иудейской вере и еврейской грамоте. И надо сказать, что это являлось очень важной частью его обязанностей. Каждый еврей, даже самый бедный, считал святым долгом на-

учить своего ребенка (это относилось, разумеется, прежде всего к мальчикам) хотя бы основам религии и обязательно умению читать, дабы он мог самостоятельно читать Тору. Следует также иметь в виду, что обучение детей чтению на родном языке являлось чуть ли не единственным достаточно эффективным средством сохранить язык в тех условиях, в которых пришлось жить евреям вне черты оседлости.

Государственной еврейской школы в Петрозаводске никогда не существовало, и поэтому обучение детей было исключительно делом самих родителей. Каждый находил свой собственный способ решить эту проблему. Пока здесь был Гуревич, он вполне справлялся с этой задачей. Но и после его высылки из города попытки учить детей еврейской грамоте не прекращались. Как не прекращалось и стремление властей воспрепятствовать этому.

В 1878 г. до полиции дошли «слухи», что какой-то еврей, живущий на Старополцейской улице (теперь – ул. Пушкинская), занимается обучением грамоте еврейских мальчиков, не имея на это разрешения. Помощник городского пристава, отправившись к нему домой, застал там сыновей здешних евреев: Каца, Хазена, Загона, Левина, Мауэрберга, Лившица, «сидевших за столами, на которых перед каждым из них лежали книги, печатанные по-еврейски. Тут же на стульях лежало несколько тетрадей, исписанных еврейским письмом». Учителем оказался мещанин Могилевской губернии Шолом Ицков Сенектор. Было предпринято целое следствие, в результате которого выяснилось, что Сенектор приехал в Петрозаводск «для занятия выделкою дрожжей» и учить детей ему не положено. Губернское правление обвинило местную полицию в плохой работе и предписало строго следить, чтобы до высылки Сенектора из города он не занимался тем, чем ему не разрешено, и вообще «иметь самое тщательное наблюдение за приезжающими в город со стороны лицами, особенно евреями».

В 1879 г. в городе появился отставной солдат Рувим Абрамович Московский, который также занялся обучением детей. Родом он был из Режицкого уезда Витебской губернии, служил рядовым в 63-м пехотном Суздальском полку. 30 августа 1877 г. «в деле с неприятелем под Плевною», сказано в его формуляре, был ранен, после чего уволен из армии на один год «для поправления здоровья». Видимо, рана оказалась достаточно тяжелой, так как затем комиссия признала его «совершенно неспособным к продолжению... службы». Как отставной солдат городским приставом он был записан в городскую книгу, что, как мы увидим дальше, было «ужасной» ошибкой петрозаводской полиции.

Понимая, что долго скрывать свою деятельность от властей в таком городке, как Петрозаводск, невозможно, да он наверное и не считал, что делает что-то предосудительное, Московский в декабре 1879 г. обратился к олонекскому губернатору с прошением,

в котором писал: «А как я чрез полученные раны не способен снискивать себе пропитание... осмеливаясь покорнейше просить ваше превосходительство о дозволении мне, согласно удостоверению раввина, обучать еврейских мальчиков иудейской вере, так как я по испытании оказал достаточное знание и успехи в познании еврейского закона и в случае разрешения обязуюсь дать подписку в том, что я буду обучать собственно только иудейской вере».

Как видим, Московский заручился нужными документами, удостоверяющими его квалификацию, на всякий случай дал обязательство ничему кроме иудейской веры детей не учить. Однако все это ему не помогло. Прощение было передано на рассмотрение в губернское правление, которое определило: поскольку Рувим Московский не является ремесленником, жить в Петрозаводске он не имеет права. Не имеет права он оставаться здесь и как отставной солдат, так как призван в армию в 1876 г., то есть уже после введения устава об общей воинской повинности, а на таких лиц закон, разрешающий отставным солдатам евреям жить вне черты оседлости, не распространяется.

20 января 1880 г. Московский был выслан из пределов Олонецкой губернии. А городской пристав Остроумов, признанный виновным в том, что без должного основания записал еврея в городскую книгу, так сказать, «за потерю бдительности», был уволен от занимаемой должности.

Однако (в 1881 или 1882 г) Рувим Московский вновь появился в Петрозаводске, на этот раз заручившись ремесленным свидетельством Режницкой ремесленной управы на ремесло переплетчика. В течение почти десяти лет прожил он в Петрозаводске, занимаясь обучением детей (разумеется, нелегально) и своим ремеслом.

Наконец, полиция все же добралась до него. В феврале 1891 г. в его квартиру, а жил он в доме чиновника Боскова по Соломенской улице (теперь – ул. Куйбышева), внезапно заявился сам петрозаводский полицмейстер. Там он «нашел, – как записано в постановлении городского полицейского управления, – целую еврейскую школу с еврейскими элементарными учебниками». И хотя Московский объяснял в полиции, что обучает детей по просьбам их родителей, что ежемесячно получает за это не более 18 рублей, чем обеспечивает существование жены и четверых детей, а главное, когда есть заказы, занимается и переплетным мастерством, ничто не помогло. Полицейское управление пришло к заключению, что Московский «главным своим занятием избрал обучение еврейских детей, на что не получил даже ниоткуда разрешения, звание же переплетного мастера для него служит правовым прикрытием на жительство в г. Петрозаводске», и постановило выселить Рувима Московского из города.

Известно и еще об одной попытке получить официальное разрешение обучать еврейских детей. В

январе 1882 г. 12 евреев из отставных солдат подали прошение инспектору народных училищ, в котором писали: «Имеем малолетних детей, обучением которых к самым необходимым молитвам на родном еврейском языке мы по разным отраслям занятий наших положительно не имеем свободного времени» и просили разрешить такому же как они отставному солдату Минозу Мезену «заняться обучением детей наших необходимым молитвам на еврейском языке».

Интересно отметить, что прошением преследовалась еще одна цель – помочь бедному человеку обрести источник существования. Дело в том, что Миноз Мезен – «бедный и убогий еврей из отставных рядовых» был определен «на призрение в богадельню». «Но, – как писали просители, – по еврейскому закону он не желает поступать в оную», а обучая детей, «будет иметь от нас хотя кусок хлеба для своего существования и приют».

В результате продолжавшегося почти целый месяц изучения вопроса инспектор пришел к следующему мнению: поскольку Мезен «не имеет установленных документов на учительское звание и, руководствуясь статьями 26, 28 и 35 Положения о еврейских частных учебных заведениях и домашних учителях 13 ноября 1844 г., просьба... не может быть мною удовлетворена». Еще одна попытка придать делу обучения детей еврейской грамоте и элементарным знаниям еврейской религии официальный характер потерпела неудачу. Петрозаводские евреи, конечно же, не отказались от возможности обучать своих детей, но вынуждены были делать это на свой страх и риск и любыми доступными им средствами.

К началу XX в. в Петрозаводске проживала 51 еврейская семья – 254 человека. В социальном отношении большинство составляли ремесленники. Это были портные, сапожники, часовых дел мастера, шапочники, слесари, переплетчики, кузнец, красильщик, колбасный мастер, фотограф. В жизни города они уже играли достаточно заметную роль. Как докладывал в своем рапорте петрозаводский полицмейстер, закон 28 июня 1865 г., благодаря которому евреи ремесленники поселились в городе, «способствовал к увеличению в г. Петрозаводске ремесленного производства, так, например, в 1765 г. было мастеров евреев 13 человек, а в 1888 г. – 31, следовательно с 1865 по 1889 г. увеличилось число мастеров на 18 человек». Для такого небольшого города увеличение весьма заметное.

Среди еврейского населения небольшую по численности категорию составляли так называемые «торгующие евреи». Из них только 6 принадлежали к купечеству: некоторые имели лавки в гостином дворе, один был известен как лесопромышленник, один – Р. Кац – в 1897 г. открыл первую в Петрозаводске небольшую частную типографию «Северная скоропечатня». Остальные – это торговцы так называемым мелочным товаром или даже торговцы-старьевщики, как, напри-

мер, отставной солдат Лейба Яблонский, сын которого Лазарь – наборщик типографии Каца – стал известен в Петрозаводске в 1906 – 1907 гг. как один из организаторов первой социал-демократической группы.

Появились в среде местных евреев и первые образованные люди, а также мастера высокой квалификации. Некоторым из них суждено было сыграть заметную роль в истории нашего города.

В Петрозаводском уездном земстве работал врач Соломон (Савелий) Хазен, сын часовщика Ерухима Хазена. Сын портного Альшица Яков служил помощником присяжного поверенного в Петрозаводском окружном суде. В типографии «Северная скоропечатня» должность управляющего исполнял Шимон Беркович Эпштейн, как можно судить по имеющимся документам, человек весьма образованный и хороший специалист.

В числе высококлассных специалистов, появившихся в нашем городе в эти годы, безусловно должен быть назван Илья Соломонович Левин. В 1882 г. совсем молодым человеком (был ему 21 год) приехал он из Петербурга и поступил на работу в губернскую типографию. В столице он успел три года проучиться наборному мастерству и четыре года проработать наборщиком в одной из типографий. С первых же дней службы в губернской типографии он зарекомендовал себя как высокий профессионал и исключительно преданный своему делу работник.

Однако не безоблачным было начало его жизни в нашем городе. По документам Илья Левин числился мещанином Виленской губернии Трокского уезда местечка Жосли. А еврей из Жосли в Петрозаводске жить не имел права, если у него не было ремесленного свидетельства. Такого свидетельства Левин не имел, а, по заключению местных властей, «он как наборщик не является ремесленником».

Попытался Илья Левин причислиться к мещанскому обществу Петрозаводска, но из этого ничего не вышло. Несмотря на то, что общее собрание мещан Петрозаводска, состоявшееся в июне 1883 г., заявило о согласии принять Левина в здешнее мещанское общество, губернские власти не утвердили это решение и постановили выселить его вместе с беременной женой из города.

Пришлось Илье Левину ехать Виленскую губернию, добыть там свидетельство на право заниматься шапочным мастерством, и только с этим свидетельством на руках он получил право жить в Петрозаводске. Так он и жил здесь, отдавая всего себя работе в типографии, и еще содержал небольшую шапочную мастерскую.

В типографии дела молодого наборщика шли настолько успешно, что по прошествии некоторого времени его назначили сначала метранпажем, а затем фактором, то есть распорядителем всех работ. 6 декабря 1902 г. И. С. Левин был награжден серебря-

ной медалью на Станиславской ленте с надписью: «За усердие». А 26 июля 1905 г. олонекский губернатор в своем представлении министру внутренних дел просил наградить Илью Соломоновича Левина званием личного почетного гражданина. Награждение не состоялось, так как Левин умер 15 ноября того же года от профессиональной болезни наборщиков – чахотки. Это был единственный случай за всю историю нашего города, включая и советское время, когда еврей представлялся к такой высокой награде. В похоронах И. Левина участвовали все служащие и рабочие губернской типографии, причем от дома до кладбища носилки с покойным его сослуживцы несли на руках, а в местной газете был помещен большой некролог.

И.С. Левин оставил по себе добрую память не только как умелый организатор производства, но и как способный журналист. Его корреспонденции печатались в газетах «Биржевые ведомости», «Наборщик» и в других изданиях. Он стал постоянным автором и местной газеты «Олонекские губернские ведомости». Илья Левин был первым, кто познакомил петрозаводскую читающую публику с жизнью местной еврейской общины и вообще впервые на страницах местной официальной газеты заговорил о петрозаводских евреях. В газете систематически печатались его статьи и корреспонденции: «Из жизни олонекских евреев», «Из жизни евреев», «Из жизни местных евреев» и др. В них автор рассказывал, как и чем живет еврейская община Петрозаводска. Он впервые в печати заявил о том, что в городе не ведутся метрические книги о евреях и как это обстоятельство негативно сказывается на их судьбах. Многие его статьи посвящены борьбе евреев за официальное признание существования здесь еврейской общины, за право иметь свой молитвенный дом и отправлять богослужения, за право евреев обучать своих детей на родном языке.

Нельзя не вспомнить еще одного еврея, жившего в нашем городе в начале XX в. 7 декабря 1904 г. в помещении фельдшерской школы губернского земства состоялось открытие Общества врачей Олонекской губернии. Инициатором создания общества явился доктор медицины хирург Николай Ильич Гуревич. Он же был избран первым председателем общества.

Н.И. Гуревич появился в нашем городе примерно в 1902 г. Наряду с работой в земской больнице он преподавал хирургию в фельдшерской школе, очень активно выступал с публичными лекциями на медицинские и санитарно-просветительные темы. По существу, он был первым врачом в Петрозаводске, кто занялся санитарным просвещением населения. Об актуальности его лекций говорят темы некоторых из них: «Современные цели и средства в борьбе с заразными болезнями», «Туберкулез и общественная борьба с ним», «Санитарные условия и нужды современной войны» (лекция, прочитанная в феврале 1904 г. во время только что начавшейся русско-японской войны).

Н.И. Гуревич был известен в городе и как общественный деятель. Он являлся членом совета Петрозаводского благотворительного общества, а в годы первой российской революции стал активным членом местной организации кадетской партии, часто выступал на митингах и собраниях в местном Народном доме. Летом 1907 г. Н. Гуревич был арестован, а затем выслан из Петрозаводска.

В конце XIX в. – начале XX в. еврейская диаспора была уже неотъемлемой частью петрозаводского общества. Жизнь ее членов мало отличалась, а точнее сказать, совсем не отличалась от жизни всех других горожан. Селились евреи на тех же улицах в домах местных домохозяев (по данным полиции, в начале века евреям принадлежало только 9 домов). Дети бывших николаевских солдат и первых поселившихся здесь ремесленников-евреев бегали по тем же улицам, купались в той же речке Лососинке или в Онежском озере, играли в те же игры, учились в тех же школах, что и дети других жителей города. Но при этом евреи никогда не забывали, что они евреи. Как бы ни было сложно, они соблюдали свои традиции, выполняли положенные обряды, отмечали еврейские праздники, сохраняли родной язык.

Однако евреи не могли чувствовать себя достаточно комфортно в нашем городе, поскольку были лишены важнейших для нормальной национальной жизни институтов. По-прежнему здесь не велись метрические книги для евреев. В городе не было синагоги, не было и раввина. Время от времени городские и губернские власти, внимая просьбам евреев, выдавали разрешение на «временное отправление богослужений» «в частном доме под наблюдением полиции», предупреждая, впрочем, всякий раз просителей, что «даваемое разрешение не может продолжаться продолжительное время».

Еврейское общество Петрозаводска очень остро переживало существующее положение и настойчиво повторяло свои просьбы об открытии синагоги и разрешении выбрать раввина. Без этого, писали евреи в своих многочисленных прошениях, они не могут ощущать себя полноправной общиной.

Очередное прошение было направлено губернатору 31 августа 1899 г.: «Позволяем себе обратиться к вашему превосходительству с почтительнейшей просьбой разрешить нам составить общину, для каковой цели произвести из среды нас в установленном порядке выборы правления и раввина».

И опять закрутилась бюрократическая машина. Простение от губернатора попало в губернское правление, оттуда в городское полицейское управление с предписанием: во-первых, истребовать от просителей «надлежащим образом засвидетельствованные план и фасад дома, в котором предполагается открытие молитвенной школы»; во-вторых, выяснить, имеет ли общество необходимые средства на сооружение

(если возникнет необходимость) «особого дома для молитвенной школы»; в-третьих, представить сведения, в каком расстоянии от ближайшей церкви будет молитвенная школа, и, последнее, объявить евреям, что вопрос о выборе раввина может быть решен только после разрешения вопроса об открытии молитвенной школы или синагоги и после устройства при ней хозяйственного управления.

В феврале 1900 г. было выполнено первое требование: в полицейское управление представлены план и фасад дома, расположенного на углу Екатерининской (теперь – ул. Дзержинского) и Малой Слободской улиц. Дом этот принадлежал купцу Гиршу Кацу, и тот согласен был отдать его в аренду или продать общине. По утверждению евреев, дом по внутреннему устройству вполне подходил «для отправления богослужения». Были у общины и деньги, необходимые на покупку дома – 800 рублей добровольных взносов и пожертвований. Так что и со вторым пунктом предъявленных требований все было в порядке.

Наконец, точно было измерено расстояние от дома Каца до ближайшей Екатерининской церкви на Неглинском кладбище. Оно составляло 83 сажени. По этому пункту полицейское управление не имело никаких претензий. Более того, в его заключении сказано, что поскольку «церковь находится не по прямой линии улицы, а за мостом реки Неглинки вне городского квартала», достаточным можно считать расстояние и в 50 сажен.

Казалось бы, все в порядке, и вот-вот последует разрешение на открытие синагоги. Но этого не произошло. Строительное отделение губернского правления, куда были переданы материалы по дому, выдало следующее заключение: «Соображаясь с размером комнат, дом этот в настоящем виде не удовлетворяет своему назначению, так как, судя по числу подписавших прошение с их семействами, без расширения будет недостаточен для многолюдного собрания».

Получив такое заключение, губернское правление отказало евреям. Более того, полицейскому управлению было предписано «строго наблюдать, чтобы как в доме Каца, так и в других частных домах не совершалось евреями общественного богомоления».

Как удивительно повторяется история. 1 августа 1929 г. президиум Петрозаводского горсовета рассматривал поступившее к нему заявление (не указано, от кого) о том, что «в доме на углу Малой Подгорной и Пушкинской улиц в частной квартире устроена еврейская молельня» (к этому времени синагоги в городе уже не было). Высший в городе орган советской власти принял постановление: «Согласно существующих законоположений и чрезвычайного жилищного кризиса молельню закрыть». И в том, и в другом случае власти действовали одинаково: «согласно существующих законоположений».

25 сентября 1900 г. петрозаводские евреи подали губернатору новое прошение. Под ним подписались

43 человека. Просьбы все те же: разрешить открыть синагогу, учредить при ней хозяйственное управление, избрать раввина. Однако на этот раз они просят разрешения не на приспособление старого дома под молельню, а на постройку нового молитвенного дома. К этому времени еврейская община Петрозаводска сумела путем сбора добровольных пожертвований накопить некоторые средства, необходимые для начала строительства. Как это происходило, мы покажем ниже. К прошению был приложен план дома.

И вновь, как прежде, первый вопрос, который интересовал губернские власти, был все тот же: в каком расстоянии от ближайшей церкви будет находиться еврейский молитвенный дом? Городское полицейское управление, которому было поручено выяснить это, докладывало: «Ближайшая от него церковь находится на соседней Военной улице в помещении губернской земской больницы. Отстоит то место от церкви в расстоянии 102 сажен полтора аршина»: от места № 43 до угла Военной улицы (теперь ул. И. Федосовой) по Малой Слободской 32 сажени полтора аршина и по Военной улице 70 сажен. Расстояние было вполне достаточным и поэтому никаких препятствий к строительству дома не было. Строительное отделение губернского правления утвердило проект.

Окончательное решение вопроса было теперь за Министерством внутренних дел. 1 февраля 1901 г. министерство разрешило, наконец, открыть в Петрозаводске молельню, учредить при ней хозяйственное правление, установить взнос на содержание молельни в размере 5 рублей и избрать раввина, предупредив, что избрать его следует «из лиц, имеющих право на занятие таковой должности».

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что настойчивость и упорство, с каким местные евреи более тридцати лет боролись за право иметь полноценную общину, привели к успеху – Петрозаводская еврейская община была официально признана и получила право осуществлять свою деятельность в пределах, разрешенных российским законодательством.

Дальше события развивались следующим образом. Полицейское управление составило список евреев, имеющих право участвовать в выборах хозяйственного правления (надо сказать, что все, что было связано с созданием и функционированием общины, происходило под бдительным оком полиции). В список были включены 53 человека – мужчины старше 25 лет и живущие в городе не менее года (именно таково было условие для получения права на участие в выборах). Но было еще одно условие: каждый желающий участвовать в выборах должен был внести пятирублевый членский взнос. После этого список уменьшился до 38 человек. Остальные не имели пяти рублей для получения права на участие в выборах.

4 марта 1901 г. в здании городской думы под руководством полицмейстера состоялись выборы хо-

зяйственного правления. К участию в выборах явились 35 человек. Членами правления были избраны купцы Рафаил Кац и Давид Тейхерт, портные Лейб Альшиц и Исаак Мессель, красильщик Иосиф Мешель, торгующий мещанин (именно так он значился в документах) Зорух Парийский. Были избраны и три кандидата: часовщик Нахим Ольбрис, портной Израиль Бернштейн (или Беренштейн) и Абрам Карпович (чем он занимался, неизвестно).

На первых собраниях раввин не избирался. Его выборы состоялись только через год – на общем собрании 3 марта 1902 г. На этот раз в здании городской думы собралось 26 человек из 35 официально числившихся к тому времени прихожан. Девять человек по разным причинам отсутствовали. Собрание проходило в присутствии представителя полиции – помощника пристава. Предстояло избрать раввина, двух членов правления и одного кандидата.

Однако, прежде чем начать избрание раввина, собрание обсудило один весьма важный для общины вопрос – об открытии школы для обучения еврейских детей. Инициатором его постановки была видимо ревизионная комиссия. Именно в ее докладе сказано о том, что члены правления призваны заботиться не только о постройке молитвенного дома, но обязаны думать о всех нуждах общины, из которых устройство школы является одной из самых насущных. В докладе отмечалось, что община уже достаточно многочисленная, но здесь нет никакой школы, и дети растут без всякого понятия о религии.

Разгорелись оживленные и продолжительные прения. На все аргументы членов правления, которые в принципе соглашались с тем, что школа необходима, но полагали, что ее устройство дело будущего, сторонники немедленного создания школы утверждали, что хозяйственное правление ошибается, так как до окончательной постройки и отделки молельни может пройти много времени, может быть несколько лет, а до того времени дети современного школьного возраста вырастут, покинут родительские дома и останутся без необходимого религиозного образования. После долгого обсуждения приняли все же компромиссное решение: предложить правлению приступить к «сбору материалов для разрешения вопроса о школе», без какого-либо определения сроков окончания этой работы.

При выборе раввина община столкнулась с определенными проблемами. Претендент на занятие места раввина должен был отвечать некоторым обязательным условиям. Он не мог быть моложе 25 лет, он обязан был постоянно жить в городе не менее года и, что оказалось самым сложным, иметь необходимый образовательный ценз, то есть как минимум обладать аттестатом зрелости. Людей, отвечающих первым двум условиям, в городе было достаточно. А вот имеющих нужное образование не хватало.

Указанным выше условиям отвечал только один член общины – доктор Соломон Хазен. Но он рабо-

тал в земской больнице и оставлять свое место не желал. Хозяйственное правление так и докладывало властям об итогах собрания: «Избрать на должность раввина лицо, имеющее образовательный ценз, оказалось невозможным, так как имеющих по закону право занять эту должность оказалось лишь одно лицо – доктор С. Хазен, который категорически отказался ввиду того, что он обременен служебными обязанностями по должности в земстве». Поэтому единственным кандидатом в раввины был назван купец Рафаил Кац. За него проголосовал 21 человек из 26. Однако, поскольку Кац не полностью удовлетворял требованиям, которые предъявлялись к кандидату на эту должность (он не кончил даже гимназии, а лишь учился в ней три года), губернские власти не могли взять на себя ответственность за его утверждение и направили представление в Министерство внутренних дел. В нем они обращали внимание министерства на то, что в «числе евреев, проживающих в Олонецкой губернии, не имеется лиц, обладающих установленным... для занятия раввинской должности образовательным цензом». Министерство сочло это обстоятельство уважительным и 7 июня 1902 г. сообщило, что с его стороны «не встречается препятствий к утверждению еврея Рафаила Каца в должности раввина г. Петрозаводска».

Теперь у губернского правления были все основания для того, чтобы утвердить избрание Р.Каца, и оно 24 июня того же года приняло соответствующее постановление, обязав одновременно общество евреев заключить с Кацем договор, который также должен быть представлен на утверждение.

Поскольку отношения между общиной и раввином строились на договорной основе, есть смысл привести здесь текст этого договора:

«Мы, нижеподписавшиеся, утвержденный в должности раввина г. Петрозаводска петрозаводский купец Рафаил Кац, с одной стороны, и петрозаводское еврейское общество, с другой стороны, заключили настоящий договор в следующем:

- 1) Я, Рафаил Кац, принимаю на себя исполнение указанных действующими законами обязанностей раввина для членов петрозаводского еврейского общества безвозмездно.
- 2) Срок службы Рафаила Каца в должности раввина определяется в три года со дня утверждения настоящего договора.
- 3) Вознаграждение за исполнение обрядов веры по должности раввина в отношении евреев, проживающих в г. Петрозаводске, по таксе, помещенной в конце сего договора, в отношении же евреев, не проживающих в г. Петрозаводске, предоставляется взаимному их соглашению.
- 4) Поступившие суммы за исполнение обрядов веры по должности раввина я, Рафаил Кац, вношу на

нужды петрозаводского еврейского общества, оставляя за собою право распределять эти деньги на какие именно нужды по моему усмотрению.

- 5) Все расходы, сопряженные с исполнением обязанностей раввина, как-то: заготовление книг, бланков, покупка законов, печатей, канцелярских принадлежностей и т.п. должно быть отнесено на счет хозяйственного правления петрозаводской еврейской молельни.

Такса

- 1) За обряд наречения имени – от 50 коп. до 2 руб.
- 2) За совершение обряда бракосочетания – от 3 до 10 руб.
- 3) За выдачу метрического свидетельства – от 3 руб. до 10 руб. 25 коп.
- 4) За выдачу разрешения на развод или за самый обряд развода – по соглашению.
- 5) За выдачу каких-либо справок, удостоверений и пр. – по соглашению».

Договор подписали Рафаил Кац и 39 прихожан еврейской общины.

Этот договор был утвержден властями в феврале 1903 г. И первое, с чего пришлось начать свою службу раввину, было заведение метрических книг. В местной типографии отпечатали четыре книги: 1) о родившихся, 2) о бракосочетающихся, 3) о разводе браков, 4) об умерших. Пока в городе не было раввина, таких книг не существовало, и всякий раз, когда появлялась необходимость иметь то или иное метрическое свидетельство, возникала масса сложностей.

Еще многие годы, даже после утверждения должности общественного раввина, последствия тех времен давали о себе знать. Курьезный случай произошел с самим раввином Кацем. В июне 1917 г. его сын поступал в Петроградский университет. Родился он в 1896 г., когда раввина в городе еще не было. И для того, чтобы при поступлении подтвердить его возраст, пришлось отцу представить в университет удостоверение, выданное губернским правлением: «Дано сие удостоверение из Олонецкого губернского правления петрозаводскому купцу из евреев Рафаилу Гиршеву Кацу... для представления в Петроградский университет при поступлении в оный сына его Григория, родившегося 14 мая 1896 г., в том, что... в год рождения сына просителя – Григория казенных раввинов в г. Петрозаводске еще не было и метрических книг о родившихся евреях не велось, а потому метрического свидетельства о рождении помянутого сына Григория выдано быть не может, и заменяющим этот документ является единственно определение Петрозаводского окружного суда от 5 декабря 1902 г.».

Теперь, после избрания казенного раввина с таким ненормальным и, надо сказать, весьма унижительным положением было покончено.

По существовавшим тогда в России правилам, общественный или казенный раввин избирался на три года, и каждые три года происходили новые выборы. Выбор петрозаводских евреев, видимо, был весьма удачен, и на все последующие трехлетия прихожане еврейской общины вновь избирали раввином Рафаила Каца. Так продолжалось вплоть до его смерти в 1918 г.

В нашем городе на Еврейском кладбище сохранилась могила первого (возможно, единственного – других мы не знаем) петрозаводского раввина. Сохранилась и часть надгробия с надписью: «Рафаил Григорьевич Кац. 25 янв. 1871 г. – 4 окт. 1918 г.».

После избрания раввина главным вопросом деятельности правления стала постройка молитвенного дома или синагоги. Для этого нужны были деньги. А единственный источник их получения – добровольные пожертвования самих членов общины. Поэтому хозяйственное правление в первую очередь и занялось сбором денежных средств. Мы уже говорили, что местная община была не очень богатой, поэтому средства собирались не так быстро, как хотелось бы.

Начать строительство помогло, как ни странно, одно печальное обстоятельство, случившееся еще в 1899 г. 23 сентября 1899 г. на местном еврейском кладбище было предано земле тело скончавшегося Залмана Кагана, как писала местная газета, «известного могилевского богача, обладавшего, как говорят, чуть ли не миллионным состоянием». Человек этот по решению суда был сослан в Олонецкую губернию. (Кстати, хотя наш край не входил в черту оседлости, принадлежность к еврейству никогда не служила препятствием для ссылки сюда евреев за разного рода преступления, в том числе и политические.) Каган был уже очень стар (во время высылки ему было 85 лет), и прожил он здесь совсем недолго – всего около трех месяцев. Жена Кагана, похоронив мужа, пожертвовала местному еврейскому обществу на общественные нужды 1000 рублей. Эти-то деньги и позволили начать строительство синагоги.

Здание начали строить в 1902 г. на Малой Слободской улице на месте под № 43. По сравнению с первоначальным проектом здания синагоги в окончательный вариант с разрешения губернского правления были внесены некоторые изменения. После 1900 г. еврейской общине удалось прикупить к ранее купленному участку земли дополнительно трехсаженную полосу, в связи с этим здание удалось расположить более удобно и, главное, над зданием предполагалось было воздвигнуть декоративный купол.

К лету 1902 г. здание было доведено до крыши, но дальше работы приостановились, так как не было денег на покупку кровельных материалов, а пожертвования поступали туго.

Хозяйственное правление синагоги предпринимало массу усилий, чтобы ускорить сбор средств.

В этой связи следует отметить, что строительство в Петрозаводске синагоги вызвало поистине обще-

ственный интерес, и не только у еврейского населения города. Об этом красноречиво свидетельствуют неоднократные публикации в местной газете. Так, в статье «Заметки наблюдателя» 27 июня 1902 г. сообщалось о том, с каким трудом идет сбор средств на строительство, и отмечалось, что как ни странно, но наиболее неохотно жертвуют деньги люди состоятельные, которые «выставляют себя преданными своей национальности, а между тем, когда дело касается, например, до помощи на постройку храма Б-жия, они являются только патриотами до кармана». В статье от 9 марта 1903 г. автор обращал внимание читателей (думается, этот факт достоин упоминания) на то, что в числе жертвователей – «несколько фамилий почетных лиц Петрозаводска, принадлежащих к христианскому вероисповеданию», и делал весьма примечательный вывод: «это, как нельзя лучше, характеризует хорошие отношения, существующие между местными евреями и христианами».

В конечном счете все трудности удалось преодолеть, и, как можно понять из дошедших до нас свидетельств, в 1904 г. синагога на улице Малой Слободской была построена. Можно представить, какое это было событие для местной еврейской общины, особенно, если знать, в каких условиях им приходилось молиться до этого...

А о том, что представляло собой здание, в котором евреям было разрешено временно молиться, красноречиво говорит одна из корреспонденций в губернских ведомостях от 25 сентября 1899 г.: «Нынешнее помещение антисанитарно, в особенности можно указать на женское отделение, занимающее комнату в 2 сажени длиной и одну сажень шириной; в этой-то комнатке еврейки, числом до 50, обречены проводить за молитвою по несколько часов в большие праздники, а если прибавить, что в этой же комнате находятся и некоторые вещи сторожа, то картина представится еще более неприглядною... Нет ничего удивительно, что с женщинами случаются обмороки...»

В субботу 28 августа 1904 г. петрозаводские евреи впервые праздновали начало Нового года – 1 Тишрея 5665 года – уже в новой синагоге. Хотя здание к этому времени было отделано только вчерне, оно, как отмечала газета, уже «производит приятное впечатление как внутри, так и снаружи: внутри устроены хоры для женщин, света и воздуха довольно много и в противоположность прежнему зданию молельни и посторонний прохожий заметит, что это дом молитвы...»

Как вспоминает старый петрозаводчанин Лев Израилевич Альшиц, здание синагоги было двухэтажное, светло-бежевого цвета, с цветными окнами, двери с медными ручками. В здании синагоги был и хедер (по крайней мере, в первые годы после революции 1917 г. он еще существовал). К сожалению, синагога сгорела в 20-е годы (точное время пожара установить пока не удалось).

В Национальном архиве Карелии сохранилась опись имущества синагоги, составленная в январе 1919 г. Документ этот имеет длинное и довольно мудреное название: «Инвентарная опись имущества, предназначенного для богослужбных и обрядовых целей, состоящего при петрозаводском еврейском молитвенном доме». Сочинялся документ коммунальными органами новой городской власти и преследовал цель национализации собственности всех религиозных организаций. Из этой описи следует, что при синагоге была «баня» (надо полагать, что так названа миква), что в самом здании находились 21 парта (именно так сказано в описи), 12 стульев, 12 скамей, один стол, два шкафа, три люстры, четыре стальных бра. Был в синагоге венчальный балдахин. Имелись и специальные погребальные дроги.

Но главным богатством синагоги, были, конечно же, свитки Торы. В 1919 г. их числилось пять. К великому сожалению, все они бесследно исчезли, как и остальное имущество. Вполне вероятно, что все сгорело во время пожара.

Сохранившиеся в архиве документы почти ничего не сообщают о повседневной жизни общины и ее членов, не осталось в городе и людей, живших в то время, когда община активно действовала, когда работала синагога и когда петрозаводские евреи сохраняли еще верность обычаям и традиции своего народа. Поэтому все сведения наши неполны и весьма случайны. Известно, например, что весной 1904 г. в городе существовала частная библиотека, содержанием которой значился С. Эпштейн, и что этой библиотекой могли пользоваться все петрозаводские евреи. Библиотека находилась сначала на квартире Лифшица, затем переехала на квартиру Ольбриса в дом Тихонова на Сенной площади.

Видимо частная библиотека чем-то не устраивала, и в июне 1904 г. было создано под председательством все того же С. Эпштейна специальное собрание евреев по вопросу об учреждении общественной еврейской библиотеки. Состоять членами библиотеки изъявили желание 31 человек Эпштейн предложил принять в ведение общественной библиотеки его личную библиотеку. Собрание приняло решение избрать библиотечный комитет из 4 членов и 2 кандидатов. Членами комитета были избраны доктор Н. Гуревич, А. Пивоваров, Н. Парижский и Д. Кац, кандидатами – Л. Яблонский и С. Пергамент (кстати, отец известного в Петрозаводске композитора Р. Пергамента).

Члены комитета обратились к губернатору с прошением разрешить открыть общественную библиотеку и читальню при ней «под личной ответственностью доктора медицины Николая Ильича Гуревича». Возражений со стороны губернатора не последовало.

Вот что сообщали об этом событии «Олонекские губернские ведомости»: «Одним из местных евреев организована с разрешения г-на губернатора общественная библиотека-читальня, в которой получают разные газеты и журналы. Как нам передали, в настоящее время библиотека эта еще не велика, около 350 томов; пользуются ею живущие в Петрозаводске евреи. Плата за чтение книг, журналов и газет от 10 до 25 коп. в месяц; открывается библиотека для выдачи книг четыре раза в неделю. Наибольшее количество книг, находящихся в библиотеке, касаются еврейского вопроса во всем его объеме: здесь есть книги, знакомящие с бытом еврейской массы и условиями ее жизни в разных государствах, есть сочинения исторические, беллетристические, есть книги и на еврейском языке». К этому хочется добавить: все это делалось не специально выделенными или оплачиваемыми работниками, а, как бы мы теперь сказали, на общественных началах.

Петрозаводская еврейская религиозная община просуществовала до 1920-х гг. и была фактически упразднена в памятную пору яростной борьбы с религией. Это привело к тому, что мы начали забывать, что мы евреи (правда, время от времени нам это напоминали), мы практически утратили свой язык, свои традиции и обычаи. И только в 1990-е годы создались условия для возрождения еврейской жизни.

Поистине незабываемое событие произошло 18 июля 1996 г. (2 Ава 5756 г.). В этот день в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга нашей общине был передан свиток Торы, приобретенный на средства, собранные членами общины Дитрих-Банхоффер-Кирхе из города Тюбингена. Таким образом, наша Петрозаводская еврейская община впервые после утрат 1920-х гг. наконец обрела главную святыню всякого еврейского сообщества – свиток Торы. С этого памятного дня по существу началось подлинное воссоздание нашей общины. 4 апреля 1997 г. еврейская религиозная община Петрозаводска была вновь официально зарегистрирована. Теперь только от нас, ныне живущих евреев, зависит, сумеем ли мы достойно воспользоваться открывшимися возможностями.

Нашей общине 100 лет

На рубеже 60 – 70-х годов XIX в. определенная категория евреев получила право жить в нашем городе. Однако потребовалось более 30 лет настойчивых усилий, чтобы Петрозаводская еврейская община была официально признана. Только 1 февраля 1901 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (именно в его ведении находились эти дела) разрешил «проживающим в г. Петрозаводске евреям открыть в означенном городе молельню под условием избрания сими евреями для себя особого раввина из лиц, имеющих право на занятие таковой должности, и учреждения при этой молельне хозяйственного правления». 22 февраля олонекский губернатор А.В. Левашев приказал петрозаводскому полицмейстеру объявить об этом евреям города и произвести выборы хозяйственного управления. Его указание о правилах производства выборов настолько любопытно, что имеет смысл привести их с возможной полнотой: «1) Предварительно выборов должны быть составлены подробные списки всех проживающих в г. Петрозаводске не менее одного года евреев, имеющих право на участие в выборах; 2) право на участие в выборах имеют вносящие на нужды молельни не менее 5 руб., кроме того, не моложе 25 лет от роду, не опороченные по суду и не состоящие под следствием и судом; 3) всякий, принимающий участие в выборах, при входе в избирательное собрание должен быть снабжен каким-либо знаком или билетом на получение баллотировочного шара, последнее необходимо в устранение участия несколько раз в производстве выборов одного и того же лица; 4) кандидаты на должности членов хозяйственного правления намечаются предварительно записками избирателей и затем получившие наибольшее число по запискам голосов подлежат баллотировке, в случае неимения заявления об отказе со стороны предложенных в кандидаты; 5) баллотировка каждого предложенного кандидата должна быть произведена закрытой подачей голосов, причем на каждом избирательном ящике должно быть ясно обозначено, кто именно баллотируется; о том же следует предупредить каждого из избирателей пред тем, когда он будет подавать свой голос путем опускания шара в избирательную урну. Выданные избирателям билеты на получение избирательных шаров при этом отбираются; 6) о всех действиях при производстве выборов должен быть составлен особый акт за подписью присутствовавших при выборах и принимавших в них участие, последние подписи должны быть надлежащим образом заверены; 7) все выборное производство... должно быть представлено мне вместе с протестами на выбор в случае поступления таковых». Все расходы на производство выборов: составление списков, изготовление билетов, наем помещения для избирательного собрания и т.п. относятся на счет участников собрания.

4 марта 1901 г. выборное собрание состоялось. Проходило оно в здании городской думы на Мариинской улице (теперь на этом месте – здание Министерства внутренних дел) под наблюдением городского полицмейстера. Надо отметить, что выборы прошли при очень активном участии избирателей. Из проживавших в городе мужчин (121 человек) право участвовать в выборах имели 38 человек, явились на выборы 35 человек. Было избрано 6 членов правления и 3 кандидата. Членам нашей общины будет, наверное, интересно знать, что только один избранный член правления был старше 60 лет (купец Давид Тейхерт). Все остальные – молодые или средних лет мужчины: купец Рафаил Кац – 30 лет, портной Исаак Мессель – 33 года, торгующий мещанин Зорух Парийский – 31 год, Абрам Карпович – 38 лет, портной Израиль Беренштейн – 43 года, красильщик Иосиф Мешель – 48 лет, портной Лейб Альшиц – 52 года. Избранный в кандидаты часовщик Нахим Ольбрис имел от роду всего 28 лет.

Главным делом правления стал сбор средств на строительство синагоги. Он шел не так быстро, как хотелось бы: в основном жившие в городе евреи были не очень богатыми людьми. И тем не менее дело продвигалось. На улице Малой Слободской строилась синагога. Открыта она была в 1904 г. В субботу 28 августа 1904 г. евреи Петрозаводска праздновали начало нового года (1 Тишрея 5665 г.) в новой синагоге.

Избрание хозяйственного правления не означало, однако, что в городе окончательно оформилась еврейская религиозная община. Для полноценного существования общины необходим был избранный всеми ее членами раввин. Выборы раввина состоялись 3 марта 1902 г. Большинство голосов был избран Рафаил Гиршевич Кац. Его отец Гирш Кац – из николаевских солдат, после увольнения в 1860-х годах с военной службы получил право жить в нашем городе. Занимался он торговлей, мелким предпринимательством, имел спичечный завод в Петрозаводске и выбыл из мещан в купечество.

Одним из условий для кандидата в раввины было обладание определенным образовательным цензом. Но, как оказалось, это условие выполнить в полной степени местная община не могла. Как отмечало собрание в своем обращении в Олонекское губернское собрание, «избрать на должность раввина лицо, имеющее образовательный ценз, оказалось невозможным, так как имеющих по закону право занять эту должность оказалось лишь одно лицо – доктор С.Б. Хазен, который категорически отказался ввиду того, что он обременен служебными обязанностями по должности в земстве». Эта несколько замысловатая фраза означала лишь то, что доктор Хазен служил врачом в земской больнице. Р. Кац перед прочими участниками собрания имел то преимущество, что целых три года учился в Олонекской губернской гим-

назии. Наверное, сыграло роль и то обстоятельство, что по сравнению с другими членами общины он был достаточно состоятельным человеком и, кроме того, имел первую и единственную в городе частную типографию «Северная скоропечатня». Губернские власти, а затем и Министерство внутренних дел согласились с выбором петрозаводских евреев, и Рафаил Кац был утвержден казенным (или общественным) раввином местной еврейской общины.

Избранием раввина завершился процесс образования Петрозаводской еврейской общины. У евреев нашего города появился собственный молитвенный дом – синагога (и при ней миква), и они получили, наконец, возможность, как все прочие граждане города, иметь законные метрические свидетельства, чего были лишены до образования общины.

К большому сожалению, мы не знаем, как жила еврейская община после смерти Р.Каца (4 октября 1918 г.). В известных нам архивных документах никаких сведений на этот счет нет, а архив самой общи-

ны, если он был, скорее всего сгорел вместе с синагогой (пожар случился, видимо, в 20-х годах, впрочем, точную дату пока установить не удалось). Стоит, пожалуй, отметить, что никакого официального документа о ликвидации общины нет, она как бы сама прекратила свое существование в пору яростной борьбы с религией.

К 100-летию открытия петрозаводской синагоги

В прошлом номере нашей газеты мы уже рассказывали, что ровно сто лет назад в нашем городе была открыта построенная на средства, собранные евреями Петрозаводска, синагога. И 1 Тишрея (28 августа по старому стилю 1904 г.) в ней петрозаводские евреи встречали новый 5665 год. Более тридцати лет с завидным упорством и настойчивостью они добивались права иметь свою официально признанную общину и свой дом молитвы. Сегодня мы расскажем о том, как это знаменательное событие отразилось в исторических документах. Все они взяты нами из фондов Национального архива Республики Карелия.

25 сентября 1900 года евреи в очередной раз подали олонецкому губернатору В.А. Левашеву прошение разрешить им открыть в Петрозаводске синагогу и учредить при ней хозяйственное правление. Одновременно они представили проект синагоги. В прошении они писали:

«...На постройку молитвенного дома мы имеем следующие средства: 1) право на половину дома с местом, находящегося на слободской улице на месте под № 91, приобретенное на собранные между нами деньги за 450 руб.; 2) дом с местом, находящийся по Слободской улице на месте под № 43, приобретенный на собранные между нами деньги за 475 руб. (на этом месте и предполагена постройка молитвенного дома); 3) наличными деньгами, находящимися на хранении у местного купца Давида Тейхерта, 1100 руб. и 4) по разрешении постройки молитвенного дома имеется к поступлению 1025 руб., жертвуемых нами согласно сделанной между нами подписки. В случае недостаточности этих средств обязуемся пополнить требуемую сумму путем новых между нами пожертвований».

Прошение это подписали 43 человека.

16 декабря того же года проект был рассмотрен Олонецким губернским правлением:

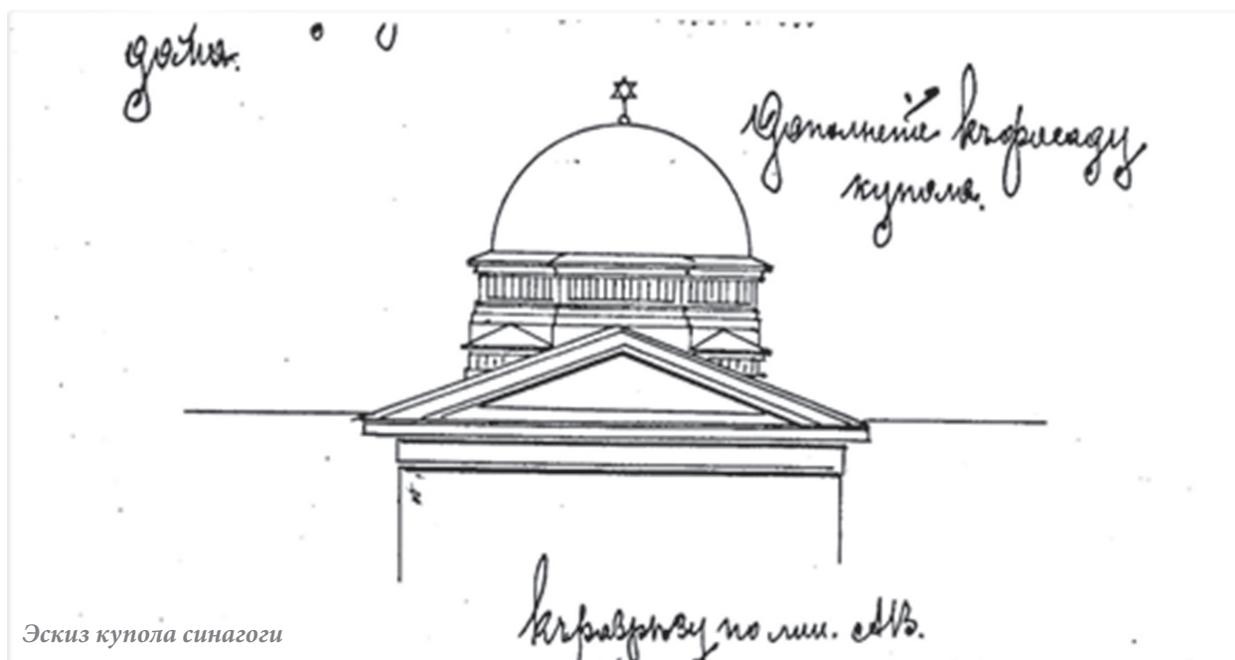
«2-е отделение Олонецкого губернского правления... с разрешения г. вице-губернатора препроводило в строительное отделение представленный проживающими в г. Петрозаводске евреями проект на устройство молитвенного дома на предмет заключения – может ли по техническим соображениям подлежать утверждению этот план, присовокупляя при этом, что всех евреев, проживающих в г. Петрозаводске, 254 человека обоего пола и что препятствий к постройке здесь молитвенного дома в отношении расстояния (102 сажени 1½ аршина) от ближайшей православной церкви не встречается».

По рассмотрении в строительном отделении губернского правления проекта на постройку в г. Петрозаводске еврейского молитвенного дома оказалось, что проект составлен правильно и одобряется, но с тем, чтобы выходящая лестница на улицу не занимала тротуара.

И.д. губернского инженера губернский архитектор (подпись)

За губернского архитектора младший архитектор (подпись)

Заключение: Приняв в основание данные строительного отделения и ввиду сообщения 2-го отделения губернского правления... проект на постройку в г. Петрозаводске на указанном месте еврейского молитвенного дома, как правильно составленный, утвердить, сделать на нем установленную надпись и отослать в Петрозаводское городское полицейское

Эскиз купола синагоги

управление для выдачи по принадлежности с приложением заключения строительного отделения и с тем, чтобы по окончании постройки было полицией донесено губернскому правлению...

Подписал и.д. губернского инженера губернский архитектор

Вице-губернатор полковник Старынкевич»

Собрание евреев города, на котором происходили выборы хозяйственного правления, состоялось 4 марта 1901 года. На нем присутствовало 35 человек. Это были мужчины старше 25 лет, жившие в Петрозаводске не менее одного года и внесшие по 5 руб. членского взноса (таково было условие на получение права участвовать в выборах). Правление немедленно приступило к сбору средств на строительство синагоги, и в следующем же году оно началось на улице Малой Слободской.

В том же году хозяйственному правлению удалось купить дополнительный участок земли шириною в три сажени, непосредственно примыкающий к строительной площадке, и тогда оно обратилось к губернскому правлению с прошением внести в проект некоторые изменения:

«...а) вследствие прикупки к левой границе трехсаженной полосы земли перенести здание на расстояние 4 сажени от левой границы, б) заменить брандмауэр деревянной стеной и в) поставить декоративный купол на передней части здания». (См. рисунок.)

Строительное отделение, рассмотрев это предложение, согласилось с ним. В 1904 году строительство было завершено. Вот что писала газета «Олонецкие губернские новости» в номере от 2 сентября 1904 года о встрече еврейского Нового года в новой Петрозаводской синагоге:

«В субботу 28-го начались осенние праздники евреев. Этот день считается у них началом Нового года (по церковному исчислению). Первые праздники особенно евреями почитаются, потому что, по их понятиям, в эти дни Господь решает судьбу каждого правоверного еврея к лучшему или к худшему – кому в предстоящий год быть здоровым, кому болеть и, наконец, даже умереть. Далее – в эти дни решается якобы вопрос о их материальном положении – кому разбогатеть, кому обеднеть и т.п., вообще – все зависит от того, будто бы, как кто покается в эти страстные дни в своих грехах, – вот почему в молельне можно заметить в эти дни и тех из их единоверцев, которые в течение года почти не заглядывают сюда.

В нынешнем году местные евреи молились уже в новой молельне, которая, хотя только вчерне отделана, но уже производит приятное впечатление как внутри, так и снаружи: внутри устроены хоры для женщин, света и воздуха довольно много и в противоположность прежнему зданию молельни и посторонний прохожий заметит, что это дом молитвы. Постройка молельни указывает, что при энергии и желании лиц, стоящих во главе общественного дела, – дело это постоянно будет процветать. В постройке молельни местные евреи преимущественно обязаны казенному раввину Р.Г. Кацу и З.С. Парижскому, которые положили много труда как по сбору пожертвований, так и по надзору за постройкою...»

Упомянутое в этой информации «прежнее здание молельни» – это арендованный еврейским обществом дом тоже на улице Малой Слободской, в котором евреям временно по праздникам разрешалось собираться для молитвы. Рафаил Гиршевич Кац – купец 2-й гильдии, владелец первой в Петрозаводске частной типографии «Северная скоропечатня»; Зорух Соломонович Парижский (Парийский) – петрозаводский лесопромышленник.

При синагоге появился хедер, в котором еврейские мальчики могли учиться читать на своем языке и получали начальные знания основ еврейской религии, обычаев и традиций. Из сохранившейся в материалах архива инвентарной описи имущества видно, что к 1919 году в синагоге имелся венчальный балдахин, освещалось помещение тремя люстрами и четырьмя настенными бра, были и погребальные дроги, на которых евреи отправлялись в последний путь. Но

главным и поистине неоценимым богатством являлись пять свитков святой Торы.

Около двадцати лет просуществовала синагога. Находилась она на улице Малой Слободской, между современными улицами Куйбышева и Ирины Федосовой в доме № 9. В 1920-е годы синагога сгорела, видимо, со всем имуществом. С тех пор верующие евреи собирались на молитвы у кого-либо на квартире, но происходило это нерегулярно и всегда скрытно.

Скромный труженик печатного дела

26 июля 1905 г. олонецкий губернатор направил министру внутренних дел России представление, в котором просил наградить фактора Олонецкой губернской типографии мещанина Илью Соломоновича Левина званием личного почетного гражданина. Именно министру внутренних дел предоставлялось право по ходатайству губернских властей награждать таким образом граждан России за особые заслуги. Правда, несколько необычной в этом случае была должность Левина - уж очень она скромная и мало заметная. Но что было совсем необычно, так это личность претендента. Илья Соломонович Левин, как сказано в представлении, - «вероисповедания иудейского». В истории нашего города это первый и единственный случай (включая и советское и постсоветское время).

Чем же заслужил скромный типографский работник Илья Левин такой почет?

Приехал он в наш город из Санкт-Петербурга в 1882 г. совсем молодым человеком - был ему 21 год. В Петербурге он жил с родителями. Семья была небогатой и после окончания школы родители отдали его в одну из столичных типографий обучаться наборному мастерству. После трехлетнего обучения в той же типографии четыре года проработал наборщиком. Однако его не удовлетворяли полученные в школе знания. Все свободное время он использовал для самообразования, проводя многие часы в императорской Публичной библиотеке.

В Петрозаводске Левин был принят на работу в губернскую типографию. И с первых же дней зарекомендовал себя как высокий профессионал и исключительно преданный своему делу работник. Однако не безоблачным было начало его жизни в нашем городе. По документам Илья Левин числился мещанином Виленской губернии Трокского уезда местечка Жосли. А еврей из Жосли, по тогдашним российским законам, в Петрозаводске жить не имел права, если у него не было ремесленного свидетельства. Такого свидетельства Левин не имел. В заключении казенной палаты по его делу было сказано, что «он как наборщик не является ремесленником».

Попытался Илья Левин причислиться к мещанскому обществу Петрозаводска, но из этого ничего не вышло. Несмотря на то, что общее собрание мещан

Петрозаводска, состоявшееся в июне 1883 г., заявило о согласии принять Левина в здешнее мещанское общество, губернские власти не утвердили это решение и постановили выселить его вместе с женой из города.

Пришлось Илье Левину ехать в Виленскую губернию, добыть там свидетельство на право заниматься шапочным мастерством, и уже с этим свидетельством на руках он получил право жить в Петрозаводске. Так он и жил здесь, отдавая всего себя работе в типографии, и еще, скорее всего, только для вида, содержал небольшую шапочную мастерскую.

А в типографии дела его шли весьма успешно. Губернская типография в Петрозаводске была довольно скромным заведением. Здесь печатались местная газета, разного рода официальные документы, сообщения правительства и местного начальства, небольшие частные заказы, изредка книги. Заказы исполнялись медленно. Без конца шли нарекания на качество выполненных работ. С появлением Левина многое начало меняться. Все лучшие и самые ответственные заказы передавались именно ему, и всегда они исполнялись в срок и на высоком уровне. Как тогда отмечали, «он, можно сказать, вложил всю душу в дело губернской типографии, с редкой любовью и самоотверженностью трудился на пользу ее, радовался ее успехам и печаловался постигавшим ее неудачам... Если нужно было что к сроку исполнить, он готов был сутки напролет работать, лишь только сдать вовремя дело и не вызвать нареканий по адресу излюбленного дела».

Усердие наборщика было замечено и оценено начальством. По прошествии некоторого времени его назначили сначала метранпажем, а затем фактором губернской типографии. В его обязанность входило распределение работы, он должен был «давать указания и советы», оценивать труд работающих в типографии, готовить счета за выполненные работы, следить за качеством шрифтов, типографских материалов. Все знавшие Левина отмечали, что в типографии он всеми был уважаем, а подчиненные ему рабочие «питали к нему полное доверие и любовь».

6 декабря 1902 г. Илья Соломонович Левин был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте. А 11 мая 1905 г. на торжестве по случаю 100-летия губернской типографии

ее заведующий старший советник губернского правления И. Благовещенский в своей речи назвал только две фамилии людей, работавших в типографии за все время ее существования: первого в Петрозаводске «типографщика» Алексея Пирогова, прибывшего сюда в 1805 г. и по существу открывшего здесь типографию, и Ильи Левина. Столь велик был его авторитет. В представлении к награждению Левина званием почетного гражданина губернатор отмечал: «Имея энергичный и внимательный надзор за ведением печатного дела, он своими личными трудами, усердием и знанием дела много способствовал к поднятию и усовершенствованию губернской типографии».

Илья Соломонович Левин был не только высокий профессионал-полиграфист, но и незаурядный журналист. Его корреспонденции печатались в газетах «Биржевые ведомости», «Наборщик» и в других изданиях. Он стал постоянным автором и местной газеты «Олонецкие губернские ведомости». Именно Илья Левин был первым, кто познакомил петрозаводскую читающую публику с жизнью местной еврейской общины и вообще впервые на страницах местной официальной газеты заговорил о петрозаводских евреях. В газете стали систематически печататься статьи и корреспонденции под названиями «Из жизни олонецких евреев», «Из жизни евреев», «Из жизни местных евреев» и др. В них автор рассказывал, как и чем живет еврейская община Петрозаводска. Он впервые в печати заявил о том, что в городе не ведутся метрические книги о евреях и как это обстоятельство негативно сказывается на их судьбах. Многие его статьи посвящены борьбе евреев за официальное признание существования здесь еврейской общины, за право иметь свой молитвенный дом и отправлять богослужения. В его корреспонденциях сообщалось о собраниях прихожан еврейской общины и об обсуждавшихся там вопросах, в том числе об устройстве школы для еврейских детей и о строительстве молитвенного дома, давалась информация о сборе денег на сооружение молитвенного дома, о ходе строительства синагоги и т.д.

Но не только вопросы еврейской жизни интересовали Илью Соломоновича. От его внимания не ускользали важнейшие исторические и общественные события. Его перу, например, принадлежит обстоятельная рецензия на брошюру «Столетие Олонецкой губернской типографии», вышедшую к юбилею типографии. В двух номерах «Губернских ведомостей» был помещен написанный им отчет о праздничных торжествах, посвященных столетнему юбилею типографии. На страницах газеты печаталось множество его статей и заметок.

Свои статьи и корреспонденции Илья Соломонович Левин обычно подписывал «И. Левин», чаще «Н. Л-н», иногда «L», а одну из статей он подписал «Иври - Онейхи» («Я - еврей»).

А почетным гражданином ему не суждено было стать. Пока шла переписка между губернатором и Министерством внутренних дел, Илья Соломонович скончался от обычной в те времена профессиональной болезни наборщиков - чахотки. Произошло это 15 ноября 1905 г. Было ему тогда не более 45 лет. Похоронили Левина 16 ноября за рекой Неглинкой на еврейском кладбище.

Вышедшая на следующий после похорон день газета поместила большой некролог, в котором, назвав Илью Левина «скромным тружеником печатного дела», писала: «Кто из петрозаводчан, имея дело с губернской типографией, не знал и не ценил этого труженика, готового словом и делом быть полезным». В этой же газете помещено следующее сообщение: «16 ноября предано земле тело фактора Олонецкой губернской типографии Ильи Соломоновича Левина. В 11 часов дня собрались на квартире умершего отдать последний свой долг почившему служащие в губернской типографии, заведующий типографией старший советник губернского правления И.И. Благовещенский, редактор «Губернских ведомостей» и много чиновников губернского правления. После совершения обряда по своей религии над покойным вынесли его единоверцы из дому и положили на носилки, а сослуживцы его по типографии несли до кладбища в сопровождении многочисленной толпы. У кладбища единоверцы умершего внесли на свое кладбище и опустили тело в могилу. Причем типографщики пропели «Вечную память». Вечная память тебе, труженик».

После смерти Левина осталась жена его с девятью детьми, из которых шестеро школьного возраста, а старший сын, как и отец, болен чахоткой, «без всяких средств к существованию». «Из типографских сумм» было выдано вдове 50 рублей на погребение. Просил олонецкий губернатор министра внутренних дел оказать семье «какое-либо от казны денежное пособие в воздаяние заслуг фактора Левина». Но министр денег не нашел. Как сложилась судьба членов семьи Левина, мы, к сожалению, не знаем.

Почти 23 года прожил Илья Соломонович Левин в нашем городе. Своей жизнью и служением делу он оставил добрый след, и не только в истории еврейской общины.

ЕВРЕИ КАРЕЛИИ

Карелия – республика, где бок о бок в мире и согласии живут и трудятся люди разных национальностей и вероисповеданий. Своим интеллектом, трудом и талантом все они участвуют в развитии экономики и культуры нашего северного края.

Свой вклад в общее дело вносят и евреи Карелии, для пяти поколений которых карельская земля стала родной. Некоторые из них представлены в настоящем справочнике. В их числе известные руководители предприятий и производств, учреждений здравоохранения, науки, образования и культуры, люди, удостоенные высоких ученых степеней и почетных званий России и Карелии, участники Великой Отечественной войны, а также те, кто сыграл и играет сегодня заметную роль в жизни еврейской общины Карелии.

Справочник не является полным и в дальнейшем, безусловно, может быть дополнен новыми именами. Однако составители надеются, что и в таком виде он может быть полезен.

М.Я. Бравый, И.Р. Шегельман, Я.Н. Бравый.

- АБЛОВА А.Р. (род. 1947), кандидат искусствоведения, заведующая отделом теории музыки Петрозаводского музыкального училища. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.
- АБРАМОВ В.М. (род. 1947), пианист, профессор Петрозаводской консерватории. Заслуженный артист Российской Федерации, Заслуженный артист Республики Карелия.
- АЗАДОВСКИЙ К.М. (род. 1941), доктор филологических наук, преподаватель Карельского государственного педагогического института (1970–1974). Член-корреспондент Академии педагогических наук Российской Федерации.
- АЛЬПЕРОВИЧ Б.С. (род. 1908), заместитель Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР, председатель Госплана республики (1940–1950-е).
- АЛЬШИЦ Н.Л. (род. 1884), член Петрозаводского комитета РСДРП (1907–1908).
- АРАНОВИЧ Ю.М. (род. 1932), главный дирижер симфонического оркестра Карельского радио (1955–1957), руководитель оркестра Всесоюзного радио, главный дирижер Мюнхенского, Стокгольмского симфонических оркестров.
- АРКАВИНА Э.А., (род. 1927), заведующая гематологическим отделением Республиканской больницы, Заслуженный врач Республики Карелия.
- АШКИНАЗИ М.С., член Петрозаводского комитета РСДРП (1907–1908).
- БАЙТМАН Л.Б. (род. 1931), тренер, директор спортивной школы, председатель комитета по физической культуре и спорту г. Сортавалы (1954–1962), председатель федерации легкой атлетики Карельской АССР (1964–1980), директор Республиканской школы высшего спортивного мастерства (1984–1989).
- БАКЕЛЬМАН И.Я. (род. 1928), математик, доктор физико-математических наук, профессор Карельского государственного педагогического института (1964–1969).
- БАЛЛО Л.З. (род. 1922), главный дирижер Музыкального театра Карелии (1966–1985). Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- БАРГМАН Б.М. (род. 1917), врач-гинеколог, зам. главного врача родильного дома г. Петрозаводска. Заслуженный врач Карельской АССР.
- БАЦЕР И.М. (род. 1916), журналист, писатель, театральный критик, ответственный секретарь центральной республиканской газеты Карелии (в течение 30 лет). Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- БАШ М.Р. (род. 1938), артист симфонического оркестра Карельской государственной филармонии. Заслуженный артист Карельской АССР.
- БЕЛЕНЬКИЙ В.Я. – уполномоченный Северо-западного управления по охране авторских прав. В 40–50 годах являлся хранителем традиций иудаизма в Петрозаводске.
- БЕДЕР М.Ю. (род. 1907), начальник окружного госпиталя Северного военного округа (г. Петрозаводск), полковник медицинской службы. Участник Великой Отечественной войны.
- БЕЙГМАН М.Г. (род. 1924), начальник территориального объединения междугородных связей и телевидения № 23 (1968–1998). Заслуженный работник народного хозяйства Республики Карелия. Участник Великой Отечественной войны.
- БЕРГЕР И.И., начальник строительно-монтажного поезда №138, главный инженер института «Карелгражданпроект». Руководил строительством

- железнодорожного вокзала в г. Петрозаводске.
- БЕРЛИНЕР Г.Б. (род. 1928), врач-терапевт, доктор медицинских наук, профессор Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Республики Карелия.
- БЕРМАН М.М. (род. 1924), заведующий рентгенологическим отделением Республиканской больницы (1955–1983). Участник Великой Отечественной войны.
- БЕРШАДСКИЙ С.Н. (род. 1957), артист Русского театра драмы Республики Карелия. Заслуженный артист Республики Карелия.
- БРАВЫЙ М.Я. (род. 1946), математик, исполнительный директор Петрозаводского еврейского благотворительного фонда «Хэсэд Агамим» (1997–2003).
- БРАВЫЙ Я.Н. (род. 1918), юрист, ветеран прокуратуры Карелии (1945–1995), автор ряда книг по правовой тематике. Заслуженный юрист РСФСР.
- БРАЙНИН А.М. (род. 1935), врач-стоматолог. Заслуженный врач Республики Карелия.
- БРОДСКИЙ С.Г. (род. 1923), художник, архитектор. Заслуженный деятель искусств РСФСР, Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- БУТИР Л.М. (род. 1947), музыковед, доцент Петрозаводской государственной консерватории. Один из инициаторов создания Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом».
- БУРКИН М.М. (род. 1939), врач-психиатр, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета. Председатель правления Петрозаводского еврейского благотворительного фонда «Хэсэд Агамим» (с 2000).
- ВАГНЕР С.Д. (род. 1928), физик, профессор Карельского государственного педагогического университета. Заслуженный работник образования Российской Федерации, Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- ВАЙНБЛАТ И.Я., заведующий хирургическим отделением Петрозаводской городской больницы. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ВЕКСЛЕР И.С. (род. 1925), заведующая столовой ОРСа Надвоицкого леспромхоза (1963–1997). Заслуженный работник торговли Карельской АССР.
- ВЕКСЛЕР К.И. (род. 1932), скрипач, профессор Петрозаводской государственной консерватории им. А.К. Глазунова. Заслуженный артист Российской Федерации, Заслуженный артист Карельской АССР.
- ВЕЛИКСОН Г.Е. (род. 1936), заведующая лор-отделением Республиканской больницы. Заслуженный врач Республики Карелия.
- ВЕРДЕН А.Л. (род. 1904), комсомолец, боец коммунистического отряда особого назначения. Погиб в бою с белогвардейцами летом 1919 у деревни Пудождгора.
- ВИДРЕВИЧ И.А. (род. 1919), юрист, ветеран прокуратуры Карелии (1947–1985). Участник Великой Отечественной войны.
- ВИЛЕНСКАЯ Р.Л. (род. 1908), заведующая хирургическим отделением противотуберкулезного диспансера, зам. главного врача Республиканской больницы. Заслуженный врач Карельской АССР. Участница Великой Отечественной войны.
- ВИЛЬКОВИЧ Л.М. (род. 1918), главный режиссер Музыкального театра Карелии (1955–1958). Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- ВИНОГРАДОВ (ИЦКОВИЧ) М.В. (род. 1946), главный дирижер Музыкального театра Карелии (1985–1991). Заслуженный артист Российской Федерации.
- ВИТУХНОВСКИЙ А.Л. (род. 1917), декан историко-филологического факультета, доцент кафедры всеобщей истории Петрозаводского государственного университета, председатель правления Карельского республиканского отделения общества «Знание». Заслуженный деятель науки Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ВИЧУРИНА М.Е. (род. 1937), врач-неонатолог, работала в родильном доме №1 г. Петрозаводска 40 лет, в том числе 20 лет заведующей отделением новорожденных. Заслуженный врач Республики Карелия.
- ВОВЧИК Е.Ш. (род. 1906), работал с 1932 по 1970 гг. в Петрозаводске руководителем ряда предприятий: ликеро-водочного завода, хлебозавода, фабрики валяной обуви, конторы «Союзглаввторсырье».
- ВОРОБЕЙЧИК Р.Д., начальник Петрозаводского отделения Октябрьской железной дороги.
- ВОСКОБОЙНИКОВ Е.М. (род. 1957), инженер-строитель, генеральный директор ОАО Строительная компания «Век» (с 1987). Заслуженный строитель Российской Федерации, Заслуженный строитель Республики Карелия.
- ГАФТ И.Л. (род. 1934), артист балета (1961–1964), главный балетмейстер (1985–1989) Музыкального театра Карелии. Заслуженный артист Карельской АССР.
- ГЕНДЕЛЕВ Д.Д. (род. 1958), исполнительный директор Петрозаводского еврейского благотворительного фонда «Хэсэд Агамим» (с 2003).
- ГЕНДЕЛЕВ Д.З. (род. 1920), историк, директор Центрального государственного архива КФССР (1949–1955), главный редактор издательства «Карелия» (1959–1983), соредaktor «Общинного вестника». Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской

- АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ГЕНДЕЛЬ И.М. (род. 1933), зам. директора Олонецкого леспромхоза (1963–1973), начальник отдела лесосплава «Кареллеспрома» (1973–1990). Заслуженный работник лесной промышленности Карельской АССР.
- ГЕНКИНА С.С. (род. 1936), режиссер Карельского телевидения. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ГЕНШАФТ Я.М. (род. 1894), композитор, музыковед, критик. Заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР.
- ГИЛЬБЕРТ Л.И. (род. 1902), художник, Участник гражданской и Великой Отечественной войн.
- ГИН И.Х. (род. 1931), литературный критик, литературовед, журналист, исследователь и популяризатор еврейской литературы.
- ГИН М.Х. (род. 1919), литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета. Заслуженный деятель науки Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ГИН Р.И. (род. 1919), врач-невропатолог. Заслуженный врач Карельской АССР. Участница Великой Отечественной войны.
- ГЛЕЙЗЕЛЬ Ш.Б. (род. 1913), солист симфонического оркестра Карельской государственной филармонии. Заслуженный артист Карельской АССР.
- ГЛИКМАН Т.Л. (род. 1939), дирижер-хормейстер, заведующая отделением Петрозаводского музыкального училища. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ГОЙХЕНБЕРГ А.Ш. (род. 1937), тренер по шахматам, директор Петрозаводской центральной спортивной школы олимпийского резерва (с 1988). Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации.
- ГОЛЛАНД А.И. (род. 1911), композитор, пианист, дирижер, художественный руководитель Карельской государственной филармонии. Заслуженный деятель искусств РСФСР, Заслуженный деятель искусств Карельской АССР, Заслуженный артист Карело-Финской ССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ГОЛЬДЕНБЕРГ Л.Л. (род. 1927), начальник Петрозаводского Дома офицеров (1967–1977), старший преподаватель Карельского государственного педагогического университета. Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ГОЛЬДЕНБЕРГ М.Л. (род. 1953), историк, директор Петрозаводской средней школы №30 (1980–1984). Заслуженный работник образования Республики Карелия.
- ГОЛЬДЕНБЕРГ Ю.С. (род. 1925), директор типографии им. П.Ф. Анохина. Кандидат технических наук. Заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР.
- ГОЛЬДШТЕЙН Б.М. (род. 1900), юрист и врач, возглавлял медицинскую службу МВД Карельской АССР (с 1951 более двух десятилетий).
- ГОЛЬДШТЕЙН В.Б. (род. 1936), тренер по баскетболу, зам. председателя Карельского совета ДСО «Спартак» (1965–1984) и Карельского совета ДСО профсоюзов (1984–1991), начальник отдела Госкомспорта Карелии (1991–2001). Заслуженный работник физической культуры Республики Карелия.
- ГОЛЬДШТЕЙН Ю.Б. (род. 1931), профессор, заведующий кафедрой строительной механики Петрозаводского государственного университета.
- ГОРНАЯ В.А. (род. 1924), юрист, Народный судья Пудожского районного народного суда (1948–1957), председатель Сегежского районного народного суда (1957–1965).
- ГОЛЬДФЕЛЬД И.Л. (род. 1939), заведующий урологическим отделением Республиканской больницы (с 1987). Заслуженный врач Российской Федерации и Карельской АССР.
- ГРЕЙСЕР А.Е. (род. 1933), организатор и руководитель эндокринологического отделения Республиканской больницы (1959–1983), доцент Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ГРИГОВИЧ И.Н. (род. 1932), доктор медицинских наук, профессор Петрозаводского государственного университета, главный детский хирург Минздрава РК. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ГРОДНИЦКИЙ Л.Л. (род. 1935), геолог-разведчик, петрограф, геохимик, доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Карельского филиала АН. Заслуженный деятель науки Республики Карелия.
- ГУРЕВИЧ Н.И., доктор медицины, врач Олонецкой губернской земской больницы, инициатор создания и первый председатель правления общества врачей Олонецкой губернии. Член Петрозаводской группы кадетской партии (1905–1908).
- ГУТИН К.Я. (род. 1910), архитектор, автор проектов зданий гостиницы «Северная», Республиканской публичной библиотеки, Дома Правительства в Петрозаводске.
- ГУТКИН А.А. (род. 1890), заведующий инфекционным отделением Петрозаводской городской больницы. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ГУТКИН К.А. (род. 1893), главный врач первого Петрозаводского родильного дома, носящего ныне

- его имя, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, главный акушер-гинеколог Министерства здравоохранения республики. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ГУТЦАЙТ Л.Е. (род. 1910), управляющий трестом «Сегежлес» (1948–1955), директор Медвежьегогорского леспромхоза (1955–1967), начальник отдела лесозаготовок Министерства лесного хозяйства КАССР (1967–1977). Заслуженный работник лесной промышленности Карельской АССР.
- ДАВИДЯН Г.И. (род. 1940), пианистка, солистка Карельской государственной филармонии. Заслуженная артистка Карельской АССР.
- ДАНОВИЧ Ф.М., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета. Заслуженный деятель науки Карельской АССР.
- ДВОЙРИН В.В. (род. 1928), доктор медицинских наук, профессор, заведующий хирургическим отделением Беломорской районной больницы (1953–1957), главный врач Республиканского онкологического диспансера, главный онколог Минздрава КАССР (1957–1967). Заслуженный врач Карельской АССР. Академик Международной академии информатизации
- ДОЛЬНИКОВ Ю.Б. (род. 1924), инженер-конструктор, зам. директора Онежского тракторного завода, главный инженер завода «Тяжбуммаш». Заслуженный инженер Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ДОМНИЧ Р.Р. (род. 1937), мастер, зам. начальника цеха, начальник отдела завода «Петрозаводскбуммаш». Заслуженный машиностроитель Республики Карелия.
- ДОНДЕ С.Д. (род. 1910), инженер-строитель, управляющий трестом «Кондопожстрой» (1955–1963).
- ДОНОВ А.В. (род. 1915), директор Сортавальского, затем – Петрозаводского парка культуры и отдыха, руководитель ансамбля «Мастерок». Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ДРОБНЕР В.Л. (род. 1928), уролог, доцент Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЖИХАРЕВИЧ Г.Л. (род. 1913), инженер-механик, возглавлявший Беломорский лесозавод, Кемский лесозавод, Петрозаводский лесопильно-мебельный комбинат (1940–1950-е).
- ЖОДЗИШСКИЙ Г.А., доктор технических наук, заведующий лабораторией Карельского научно-исследовательского института лесной промышленности. Заслуженный деятель науки Карельской АССР.
- ЗАЙДЕНБЕРГ З.А. (род. 1928), главный инженер, управляющий Петрозаводским промышленно-строительным трестом. Заслуженный строитель Карельской АССР.
- ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Ю.А. (род. 1930), главный режиссер Петрозаводской студии телевидения (1961–1988). Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- ЗАЛКИНД Б.И. адвокат. Заслуженный юрист Карелии.
- ЗБОРОВСКИЙ М.М. (род. 1937), главный врач Петрозаводской городской санитарно-эпидемиологической станции. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЗВЯГИН Л.М. (род. 1924), врач-хирург, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета (1963–1968).
- ЗЕВИН Я.Д. (род. 1884), член РСДРП с 1904, в 1912–1915 отбывал политическую ссылку в г. Кемь. Убит английскими интервентами в числе 26 бакинских комиссаров в 1918.
- ЗЕЛИКСОН И.Н. (род. 1902), помощник начальника политотдела Карельского района, делегат XI съезда РКП (б) от Карельской партийной организации (1922).
- ЗИЛЬБЕР А.П. (род. 1931), врач-реаниматолог, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета. Заслуженный деятель науки РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЗИЛЬБЕР К.Г. (род. 1931), врач-фтизиатр, заведующая отделением Республиканского туберкулезного диспансера (1954–1997). Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЗИНГЕР М.С. (род. 1924), гравер завода «Петрозаводскмаш», один из инициаторов создания Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом».
- ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ М.А. (род. 1928), инженер-механик, директор Петрозаводского деревообрабатывающего комбината, генеральный директор объединения «Карелстройматериалы».
- ИОФФЕ Г.В. (род. 1925), врач-радиолог, заведующий отделением и радиоизотопной лабораторией, зам. главного врача Республиканской больницы. Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.

- ИТКИН С.А. (род. 1898), зам. управляющего трестом «Кареллес». Незаконно репрессирован в 1937, реабилитирован посмертно.
- ИЦКАРЬ Д.Х. (род. 1925), зам. управляющего Петрозаводским Промстройтрестом, зам. управляющего Петрозаводским трестом крупнопанельного домостроения, директор фирмы «Карелмаркетинг».
- КАГАН И.Л. (род. 1933), мастер спорта СССР по шахматам, двадцать один раз становился чемпионом Карелии (1952–1987), победитель чемпионата Скандинавских стран.
- КАГАН Л.М. (род. 1907), заведующий кафедрой, директор Карело-Финского государственного учительского института (1944–1948). Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- КАГАН Ю.М. (род. 1917), физик, доктор физико-математических наук, профессор, работал в Петрозаводском государственном университете и Карельском государственном педагогическом институте (1951–1956, 1964–1968).
- КАГАНСКИЙ Я.Л., Заслуженный врач Карело-Финской ССР.
- КАЗАНСКИЙ Ф.И. (род. 1929), заведующий хирургическим отделением Республиканского туберкулезного диспансера (проработал более 40 лет). Заслуженный врач Карельской АССР.
- КАЗАНСКИЙ Ю.И. (род. 1941), заведующий отделением интенсивной терапии Республиканской больницы (1966–1984). Заслуженный врач Республики Карелия. Избирался депутатом Верховного Совета Карельской АССР.
- КАЛИНИН (ФЕРДМАН) Е.С. (род. 1938), искусствовед, культуролог, дизайнер, преподаватель Петрозаводской детской художественной школы. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.
- КАМЕНИР Г.М. (род. 1915), заведующая терапевтическим отделением Республиканской больницы. Заслуженный врач Карельской АССР.
- КАПЛАН М.А., социал-демократ, интернационалист, зам. председателя Олонецкого губернского совета (1917).
- КАПЛАН Р.Я. (род. 1933), инженер-механик, руководящий инженерно-технический работник Онежского тракторного завода (с 1957). Заслуженный инженер Карельской АССР.
- КАН И.Л. (род. 1913), журналист, заведующий отделом, ответственный секретарь газеты «Ленинская правда», первый директор Петрозаводской студии телевидения. Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КАРМАЗИН А.С. (род. 1952), учитель истории, директор средней школы №5 г. Петрозаводска, зам. министра образования и по делам молодежи РК. Заслуженный работник народного образования Республики Карелия. Избирался депутатом Верховного Совета Карельской АССР.
- КАРМАЗИН С.Г. (род. 1921), журналист, ответственный секретарь редакций ряда газет, редактор передач Карельского радио. Заслуженный журналист Республики Карелия.
- КАРП С.М. (род. 1923), художественный руководитель и директор (1971–1975) Государственного ансамбля «Кантеле». Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КАУФМАН Б.З. (род. 1957), доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института биологии Карельского научного центра РАН.
- КАУФМАН З.С. (род. 1921), доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института биологии Карельского научного центра РАН. Заслуженный деятель науки Республики Карелия. Участник Великой Отечественной войны.
- КАШИНА М.М. (род. 1939), главный врач поликлиники №2 г. Петрозаводска. Заслуженный врач Республики Карелия.
- КАЦ Р.Г. (род. 1871), купец 2-й гильдии, владелец первой в Карелии частной типографии «Северная скоропечатня», один из основателей еврейской религиозной общины и первый казенный раввин г. Петрозаводска, действительный член совета Петрозаводского благотворительного общества.
- КИПНИС Л.Д. (род. 1927), главный инженер Республиканского комитета кинофикации (1955–1992). Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- КЛЕЙН Н.-Б. Я. (род. 1923), первый председатель Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом» (1991–1992). Участник Великой Отечественной войны.
- КОЗИЦИНА Ф.Г. (род. 1930), главный врач Беломорской районной больницы (1956–1963), санатория «Марциальные воды» (1963–1966), Петрозаводской станции скорой и неотложной медицинской помощи (1966–1986), зам. главного врача городской больницы скорой медицинской помощи (1986–2003). Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР. Депутат городского Совета пяти созывов.
- КОММ Б.Г. (род. 1936), заведующий травматологическим отделением Детской республиканской больницы (1978–2002).
- КОН Ю.Г. (род. 1920), музыковед, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводской государственной консерватории (1970–1991). Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.

- КОНТУАШВИЛИ С.И. (род. 1954), пианист, солист Карельской государственной филармонии. Заслуженный артист Карельской АССР.
- КОРЕЦ С.Б., директор Петрозаводского судостроительного завода.
- КРАВЕРСКИЙ А.В. (род. 1921), артист Музыкального театра Карелии (1956–1960). Заслуженный артист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КРАСНОВСКИЙ Г.М. (род. 1920), юрист, член Верховного суда Карельской АССР. Заслуженный юрист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КРЕЙМАН Г.В. (род. 1921), врач-уролог. Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КРИВЧЕНОК И.Е. (род. 1916), заведующий редакцией издательства «Карелия» (1959–1987). Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- КРИЧЕВСКАЯ М.А. (род. 1925), главный врач Республиканской инфекционной больницы, доцент Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Республики Карелия.
- КУНИН М.М. (род. 1930), инженер-кораблестроитель, зам. директора завода «Авангард». Заслуженный машиностроитель РСФСР, Заслуженный инженер Карельской АССР.
- КУРТИШ М.Ф. (род. 1925), доцент Петрозаводского государственного университета (1961–1984), Карельского государственного педагогического института (1984–1991). Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- КУЦОВСКАЯ Л.С. (род. 1944), пианистка. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.
- КУЦОВСКИЙ С.Б. (род. 1923), скрипач, концертмейстер симфонического оркестра Карельского радио и телевидения (1954–1967). Заслуженный деятель искусств РСФСР, Заслуженный артист Карельской АССР.
- ЛЕВИН А.Р. (род. 1908), директор Пайского леспромпхоза, зам. директора Петрозаводского лесотехнического техникума. Заслуженный учитель школы Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЛЕВИН Б.А. (род. 1932), инженер-механик, зам. председателя республиканского объединения «Сельхозтехника» (1969–1986), зам. генерального директора «Карелагроссервиса» (1989–1994). Заслуженный работник народного хозяйства Республики Карелия.
- ЛЕВИН В.М. (род. 1937), доктор физико-математических наук, профессор Петрозаводского государственного университета.
- ЛЕВИН Е.Л. (род. 1916), инженер-электрик, главный энергетик завода «Авангард», и.о. раввина Петрозаводской еврейской религиозной общины.
- ЛЕВИН И.Ш. (род. ~ 1861), наборщик (с 1883), производитель работ (1897–1905) Олонецкой губернской типографии. Награжден серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие» (1902).
- ЛЕВИН Л.Г. (род. 1930), старший тренер сборной Карелии по боксу (1955–1974). Заслуженный тренер СССР, Заслуженный тренер РСФСР, Заслуженный тренер Карельской АССР.
- ЛЕВИН С.М. (род. 1923), заведующий Петрозаводским городским отделом здравоохранения, зам. министра здравоохранения Карельской АССР, доцент Петрозаводского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны.
- ЛЕВИНА П.Я. (род. 1913), заведующая методическим отделом Национальной библиотеки РК. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ЛЕВИНА Ф.М. (род. 1923), заведующая травматологическим отделением Республиканской больницы. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР. Участница Великой Отечественной войны.
- ЛЕДВИЧ М.А. (род. 1928), инженер-электрик, главный инженер объединения «Карелэнерго» (1971–1989). Заслуженный энергетик Карельской АССР.
- ЛЕЙН А.Я. (род. 1931), международный гроссмейстер по шахматам, пятикратный чемпион Карелии (1951–1956), участник чемпионатов СССР, победитель международных турниров, чемпион США.
- ЛИПНИНА Н.Я. (род. 1928), директор ДЮСШ-2 г. Петрозаводска, старший тренер сборной Карелии по художественной гимнастике. Заслуженный работник физической культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской АССР, Заслуженный тренер Республики Карелия.
- ЛИТВИНОВ А.Б. (род. 1935), инженер-технолог, зам. директора по научной работе Научно-исследовательского института целлюлозного машиностроения (1967–1999).
- ЛИФШИЦ Х.А., Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЛИФШИЦ Ю.Д. (род. 1933), скрипач, артист симфонического оркестра Карельской государственной филармонии. Заслуженный артист Карельской АССР.
- ЛИШАНСКИЙ Л.А. (род. 1895), заведующий неврологическим отделением Петрозаводской городской больницы (1950–1970). Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЛОГИНСКАЯ Г.Х. (род. 1939), архитектор, автор архитектурного проекта реставрации еврейского кладбища в г. Петрозаводске.
- ЛОЙТЕР С.М. (род. 1934), доктор филологических наук, профессор Карельского государственного

- педагогического университета. Заслуженный деятель науки Республики Карелия.
- ЛЬВОВИЧ З.Е. (род. 1910), художник. Заслуженный деятель искусств Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- МАЗО С.А. (род. 1910), министр торговли Карельской АССР.
- МАНЕВИЧ Э.Д. (род. 1915), заведующая кафедрой генетики и дарвинизма, первый декан биологического факультета Петрозаводского государственного университета.
- МАЙСТЕРМАН С.А. (род. 1932), специальный фотокорреспондент ИТАР ТАСС. Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Карелия. Обладатель звания «Золотой глаз России». Почетный полярник России. Почетный гражданин г. Петрозаводска.
- МАЛКИЕЛЬ А.И. (род. 1937), врач-хирург, доцент Карельского государственного педагогического университета. Заслуженный работник образования Республики Карелия.
- МАЛКИЕЛЬ Р.Я. (род. 1937), врач-терапевт, зам. главного врача отделенческой больницы на ст. Петрозаводск Октябрьской железной дороги (1976–1997). Заслуженный врач Карельской АССР.
- МАРКЕЛОВА (ЦИПИНА) М.М. (род. 1920), заведующая терапевтическим отделением Петрозаводской городской больницы (1952–1980). Заслуженный врач Карельской АССР.
- МАРШАК С.Я. (род. 1887), поэт, писатель, в 1918 работал в Петрозаводске в Олонецком губернском отделе народного образования.
- МАХРЕНСКИЙ Б.Л. (род. 1942), председатель совета Петрозаводского городского потребительского общества, президент торговой гильдии РК. Заслуженный работник народного хозяйства Республики Карелия.
- МЕЕРЗОН В., чемпион СССР по пулевой стрельбе, многократный чемпион и рекордсмен Карельской АССР (1950–1960), тренер сборной команды СССР. Мастер спорта СССР, Заслуженный тренер РСФСР.
- МЕЛЬЦЕР Р.И. (род. 1938), врач-ортопед, доктор медицинских наук, профессор Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Республики Карелия, Заслуженный изобретатель Республики Карелия.
- МЕНДЕЛЕЕВ И.М. (род. 1927), доктор медицинских наук, профессор, заведующий гематологическим отделением Республиканской больницы, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета (1964–1991). Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- МЕНЬКОВИЧ Л.О. (род. 1905), начальник Петрозаводского управления отделочных работ «Жилстротреста» (1961–1978). Заслуженный строитель Карельской АССР.
- МЕНЬКОВИЧ М.Л. (род. 1946), главный инженер строительно-монтажного управления №2 (с 1984). Заслуженный работник строительного комплекса Республики Карелия.
- МИНКИНА Н.Л. (род. 1930), директор Петрозаводского библиотечного коллектора. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- МОДЫЛЕВСКИЙ А.Л. (род. 1930), инженер, управляющий «Карелавтотрансом». Председатель Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом» (с 1992).
- МОНОСОВ И.М. (род. 1910), журналист, заведующий отделом, ответственный секретарь, ответственный редактор центральной республиканской газеты Карелии (с 1937 по 1952), директор Госиздата Карело-Финской ССР, заместитель министра культуры Карельской АССР, начальник Комитета по делам печати Карельской АССР. Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- МЯСНИКОВ А.А. (род. 1953), врач-гематолог, заведующий отделением, заместитель главного врача по лечебной работе Республиканской больницы. Заслуженный врач Республики Карелия.
- НИЛЬВА С.Е. (род. 1951), главный врач Республиканского онкологического диспансера. Заслуженный врач Республики Карелия.
- НОРЕЙКО Т.С. (род. 1918), заведующая Петрозаводским горздравотделом, заведующая Республиканским бюро судебно-медицинской экспертизы. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ОБШАТКО Б.И. (род. 1924), юрист, ветеран прокуратуры Карелии (1948–1986). Участник Великой Отечественной войны.
- ОДЛИС Б.Н. (род. 1926), директор Онежского тракторного завода (1961–1986). Заслуженный машиностроитель РСФСР, Заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР.
- ОСТРОВСКИЙ А.Г. (род. 1932), врач-хирург, доцент Петрозаводского государственного университета (с 1961). Заслуженный работник здравоохранения Республики Карелия.
- ОСТРОВСКИЙ Р.А. (род. 1963), пианист, доцент Петрозаводской государственной консерватории им. А.К. Глазунова. Заслуженный деятель искусств Республики Карелия.
- ОШЕРОВ Е.Б. (род. 1932), историк, директор Петрозаводского кооперативного техникума (1982–

- 1993). Заслуженный учитель школы РСФСР, Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- ПАСАМАНИК В.О. (род. 1924), юрист, ветеран прокуратуры Карелии (1950–1986). Заслуженный юрист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ПЕРГАМЕНТ Р.С. (род. 1906), композитор, скрипач, дирижер, более 20 лет был председателем Союза композиторов Карелии. Заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР, Народный артист Карельской АССР. Дважды избирался депутатом Верховного Совета республики.
- ПЕРГАМЕНТ Я.С. (род. 1908), директор ансамбля «Кантеле», Карельской филармонии, Финского театра. Участник Великой Отечественной войны.
- ПЕРЕЛЬ В.И. (род. 1928), физик, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН, преподаватель Карельского государственного педагогического института (1950–1956).
- ПЕТРИЧЕВА И.С. (род. 1938), историк-архивист, старший научный сотрудник Национального архива РК. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ПЕХОВА (РАППОПОРТ) Е.К. (род. 1928), Народный художник Республики Карелия.
- ПИНСКИЙ Б.Н. (род. 1925), главный дирижер Музыкального театра Карелии (1955–1958). Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- ПЛОТКИН В.Я. (род. 1927), доктор филологических наук, профессор Карельского государственного педагогического института (1954–1961).
- ПОЛЫКОВСКИЙ Т.С. (род. 1920), заведующий патологоанатомическим отделением Петрозаводской больницы скорой медицинской помощи. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ПОРТНОЙ В.С. (род. 1945), пианист, профессор, заведующий кафедрой, проректор Петрозаводской государственной консерватории (с 1993). Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- ПУКАЧ Г.М. (род. 1922), заместитель директора Музыкального и Русского драматического театров Республики Карелия (1948–2000). Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- РАДОМЫСЛЬСКИЙ Я.И. (род. 1930), главный механик Костомукшского горно-обогатительного комбината, зам. главы администрации г. Костомукши.
- РАБИНОВИЧ Л.Ш. (род. 1915), главный инженер «Карелремстройтреста», главный технолог «Жилстройтреста» (1963–1978). Участник Великой Отечественной войны.
- РЕВИЧ Б.Е. (род. 1921), директор Петрозаводской школы-интерната № 1, Петрозаводского профес-
сионально-технического училища № 7. Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- РЕЗНИКОВ Л.Я. (род. 1919), литературовед, писатель, критик, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны.
- РЕНЗИН И.М. (род. 1903), пианист, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводской государственной консерватории.
- РОГАЧЕВСКИЙ Б.И. (род. 1906), главный инженер, директор Сегежского целлюлозно-бумажного комбината (1950–1960), начальник управления целлюлозно-бумажной промышленности Карельского совнархоза (1960–1963).
- РОЗЕНГАУЗ В.И. (род. 1924), адвокат. Заслуженный юрист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- РОСКИН М.М. (род. 1902), зам. директора Петрозаводского дворца пионеров. Погиб в 1941 в бою в составе Петрозаводского истребительного батальона.
- РОСКИН Я.М. (род. 1901), фоторепортер республиканской газеты «Ленинское знамя». Погиб в 1941 в бою в составе Петрозаводского истребительного батальона.
- РОСКИНА И.М. (род. 1929), заведующая отделением Республиканской инфекционной больницы (1965–1984).
- РУВЗИН М.Х., управляющий трестом «Севкареллес», заместитель начальника управления «Кареллеснабсбыт».
- РУТГАЙЗЕР А.Л. (род. 1955), врач-невролог, заведующий отделением поликлиники №2 г. Петрозаводска. Заслуженный врач Республики Карелия.
- РУТГАЙЗЕР Я.М. (род. 1936), доцент Петрозаводского государственного университета. Заслуженный врач Российской Федерации, Заслуженный врач Республики Карелия.
- РЫБАК Е.Д. (род. 1922), историк, директор Республиканского краеведческого музея (1975–1984). Участник Великой Отечественной войны.
- РЫБАК Ю.Е. (род. 1961), врач-психиатр, доцент Петрозаводского государственного университета, председатель правления Петрозаводского еврейского благотворительного фонда «Хэсэд Агамим» (1997–2000).
- РЫВКИН Р.С., врач-невропатолог, заведующий отделением Петрозаводской городской больницы. Заслуженный врач Карельской АССР.
- САФРОН Ф.Г. (род. 1931), инженер-механик, начальник конструкторского бюро Онежского тракторного завода. Заслуженный рационализатор и изобретатель Карельской АССР.
- СЕЛЕЗНЕВА А.А. (род. 1915), начальник Петроза-

- водской междугородной телефонной станции (1959–1976). Участница Великой Отечественной войны.
- СИЛЬВЕСТРОВ В.С. (род. 1933), заведующий торакальным отделением Республиканской больницы. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- СКОРИК В.А. (род. 1928), главный художник Русского театра драмы Республики Карелия (с 1966). Народный художник Карелии.
- СКУНДИНА Б.Г., врач-гинеколог. Заслуженный врач Карельской АССР.
- СЛАВИН Н.Ф. (род. 1916), историк, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета (1962–1970). Участник Великой Отечественной войны.
- СЛАВИНА М.А. (род. 1922), философ, доцент, заведующая кафедрой Петрозаводского государственного университета (1961–1973).
- СЛОНИМ И.И. (род. 1921), пианист, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводской консерватории.
- СОКОЛЬСКИЙ С.Б. (род. 1930), инженер-механик, начальник производственно-диспетчерского отдела Онежского тракторного завода (1973–2000). Заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР.
- ТАМАРКИНА З.Ш. (род. 1920), пианистка, профессор Петрозаводской государственной консерватории.
- ТАТАРКО И.Л. (род. 1918), директор Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината (1965–1985). Заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР.
- ТАТАРКО Н.И. (род. 1946), заведующая отделением Республиканской больницы, главный кардиолог Минздрава РК. Заслуженный врач Республики Карелия.
- ТЕВЕЛЬ Р.Г. (род. 1929), главный инженер конструкторско-технологического бюро объединения «Кареллесэкспорт», института «Кареллеспроект» (1964–1991). Заслуженный работник целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Карельской АССР.
- ТЕПЛИЦКИЙ Л.Я. (род. 1890), композитор, главный дирижер симфонического оркестра Карельского радио. Руководитель одного из первых в Советском Союзе джазовых коллективов. Заслуженный артист Карело-Финской ССР, Заслуженный деятель искусств Карельской АССР.
- ТОЛЧИНСКИЙ В.Н., (род. 1913), директор Петрозаводского музыкального училища (1965–1975). Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ФАЙН М.А. (род. 1932), доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Петрозаводского государственного университета.
- ФЕЛЬДМАН С.Е. (род. 1902), тренер по фехтованию, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета (1957–1974). Заслуженный работник физической культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ФИНКЕЛЬШТЕЙН В.Н. (род. 1923), врач-хирург, главный врач Кондопожской районной больницы (1956–1962), главный врач Петрозаводской городской больницы (1962–1965). Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ФИССОН Л.М. (род. 1902), директор Соломенской ГЭС. Незаконно репрессирован в 1938, реабилитирован посмертно.
- ФИШМАН М.Ш. (род. 1922), журналист, кавалер двух орденов «Красного знамени», орденов «Отечественной войны» I и II степени, «Красной звезды». Командир роты разведки танковой армии, участвовавший в боях от Сталинграда до Берлина.
- ФРАДКОВ И.С. (род. 1927), преподаватель математики, директор средней школы № 9 в г. Петрозаводске, носящей ныне его имя. Заслуженный учитель школы Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ФРАДКОВА Д.И. (род. 1949), врач-кардиолог. Заслуженный врач Республики Карелия.
- ФРАДКОВА С.А. (род. 1922), заведующая отделением детской инфекционной больницы (1954–1964). Заслуженный работник здравоохранения Республики Карелия.
- ФРЕЙДИН В.Б. (род. 1928), главный инженер Петрозаводского «Жилстройтреста», зам. начальника «Главсевзапстроя» (1968–1990). Заслуженный строитель Карельской АССР.
- ФРИДМАН Н.И. (род. 1915), директор средней школы № 11 г. Петрозаводска (1961–1978). Заслуженный учитель школы РСФСР, Заслуженный учитель школы Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ФРОЛЬКИС А.В. (род. 1920), врач-гастроэнтеролог, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета (1963–1969). Заслуженный деятель науки Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ФРУМИН Р.П. (род. 1941), заведующий нейрохирургическим отделением, затем отделом клинической фармакологии Республиканской больницы (1990–2002). Заслуженный работник здравоохранения Республики Карелия.

- ХАИТ М.Я. (род. 1929), начальник СМУ-2 Петрозаводского «Жилстройтреста», управляющий «Карелжилгражданстроем».
- ХЕЙФЕЦ И.Г. (род. 1945), врач-анестезиолог Республиканской больницы (с 1979). Заслуженный работник здравоохранения Республики Карелия.
- ХЕЙФИЦ А.М., заведующая эпидемиологическим отделом Петрозаводской городской санитарно-эпидемиологической станции. Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ХЕНКИН С.Х. (род. 1923), заведующий урологическим отделением Республиканской больницы (1959–1991). Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ХЕРЕЦ И.С. (род. 1930), более 45 лет проработал на Онежском тракторном заводе в качестве мастера, технолога, главного сварщика. Заслуженный инженер Карельской АССР.
- ХОДОС ИРАХМАИЭЛ – раввин хасидской синагоги николаевских солдат в Петрозаводске до 1917 года.
- ХОРОШ Л.Ю. (род. 1946), учитель физики. Заслуженный работник образования Республики Карелия.
- ХОРОШ Ю.Л. (род. 1923), режиссер Карельского телевидения (1959–1963). Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ХОРОШ Л.К. (род. 1931), заместитель директора института «Карелгражданпроект» (1960–1992). Заслуженный работник строительного комплекса Республики Карелия.
- ХОТЯНОВ Б.Ш. (род. 1918), артист Русского драматического театра КАССР (1951–1979). Заслуженный артист РСФСР, Народный артист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ХРОМОЙ Ю.Д. (род. 1925), физик, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета.
- ХУМЕК Г.И. (род. 1914), скрипач и дирижер Музыкального театра Карелии (1955–1963). Заслуженный артист Карельской АССР.
- ЦАЛЬ Н.Д. (род. 1914), врач-терапевт, заведующий Петрозаводским горздравотделом (1941–1948), главный врач Петрозаводской городской больницы (1948–1958), заместитель министра здравоохранения Карельской АССР. Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЦВИБЕЛЬ Д.Г. (род. 1945), пианист, концертмейстер балета Музыкального театра Карелии (1963–2003). Организатор и председатель Петрозаводской еврейской религиозной общины (1997), редактор газеты «Общинный вестник», директор еврейской воскресной школы.
- ЦЕГЕЛЬНИЦКИЙ А.В. (род. 1926), главный инженер Пряжинского леспромхоза, директор Шуйско-Виданского леспромхоза. Заслуженный работник лесной промышленности Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЦЕЙТЛИН М.Ш. (род. 1929), главный инженер, директор Вяртсильского металлургического завода (1960–1985). Заслуженный инженер Карельской АССР.
- ЦЕХАНОВИЧ Б.С. (род. 1931), главный инженер Медвежьегорского лесозавода, директор Сегежского ЛДК, главный инженер объединения «Кареллесоэкспорт», зам. начальника «Кареллеспрома». Заслуженный работник целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Карельской АССР.
- ЦИНКЕРМАН Н.Г. (род. 1931), зав. Лоухским районным отделом народного образования, преподаватель истории учебных заведений Петрозаводска. Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ЦИПУК Р.С. (род. 1910), старший терапевт поликлиники №2 г. Петрозаводска (1951–1981). Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЦЫПКИН Э.И. (род. 1939), филолог, доцент, заведующий кафедрой Карельского государственного педагогического университета. Заслуженный работник образования Республики Карелия.
- ЦЫРЛИН И.М. (род. 1915), старший преподаватель Карельского государственного педагогического института (1961–1988). Заслуженный работник культуры РСФСР, Заслуженный работник культуры Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЧЕРТКОВ А.К. (род. 1907), заведующий кафедрой механики Петрозаводского государственного университета (1959–1976). Участник Великой Отечественной войны.
- ШАЕВИЧ Ш.Я., Заслуженный врач РСФСР.
- ШАПИРО С.А. (род. 1932), преподаватель русского языка и литературы Петрозаводского автотранспортного техникума (1954–1991) и Державинского лицея. Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- ШАХНИК С.Г. (род. 1929), заместитель начальника «Карелэнерго» (1971–1992). Заслуженный энергетик Карельской АССР.
- ШЕГЕЛЬМАН И.Р. (род. 1944), доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, директор Карельского научно-исследовательского института лесопромышленного комплекса, Президент Карельской федерации борьбы самбо и

- дзюдо, старший тренер сборной Карелии. Заслуженный работник физической культуры и спорта Республики Карелия, Заслуженный тренер Республики Карелия, Заслуженный изобретатель Карельской АССР. Депутат Законодательного собрания Республики Карелия.
- ШЕГЕЛЬМАН М.Р. (род. 1947), директор ЗАО «Строительное предприятие №1». Заслуженный строитель Республики Карелия.
- ШЕГЕЛЬМАН Р.И. (род. 1973), мастер спорта Российской федерации по борьбе самбо, многократный чемпион Карелии по самбо, дзюдо и рукопашному бою, победитель первенств Санкт-Петербурга, Северо-запада и Всероссийских турниров.
- ШЕНДЕРОВИЧ П.И. (род. 1933), главный инженер Кемской сплавной конторы (1963–1968), главный механик, заместитель генерального директора треста «Карелстроймеханизация» (1968–1999). Заслуженный работник строительного комплекса Республики Карелия.
- ШЕРМАН И.Э. (род. 1908), главный дирижер Музыкального театра Карелии (1959–1960). Заслуженный артист РСФСР, Народный артист Карельской АССР.
- ШЕХТЕР Д.И. (род. 1930), старший редактор издательства «Карелия». Заслуженный работник культуры Карельской АССР.
- ШИФМАН Е.М. (род. 1961), доктор медицинских наук, анестезиолог-реаниматолог Республиканского перинатального центра. Заслуженный врач Республики Карелия.
- ШТОКБАНТ И.Р. (род. 1925), главный режиссер Русского драматического театра Карелии (1968–1975). Заслуженный деятель искусств России. Участник Великой Отечественной войны.
- ШУСТЕР Л.М. (род. 1936), начальник СМУ «Промстрой» в г. Сегеже, управляющий трестом «Сегежстрой», управляющий трестом «Петрозаводскстрой». Заслуженный строитель Карельской АССР.
- ЩИПУРЖИЦКИЙ Е.М. (род. 1922), руководитель юридических служб Петрозаводского отделения Октябрьской железной дороги и объединения «Кареллеспром». Заслуженный юрист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЭЙЛЕНТУХ Р.М., начальник Петрозаводской телефонной станции.
- ЭПШТЕЙН А.И. (род. 1929), главный инженер комбината «Севкареллес», начальник комбината «Сегежлес», главный инженер объединения «Кареллеспром», председатель государственного комитета «Карелгосснаб». Заслуженный работник лесной промышленности Карельской АССР.
- ЭПШТЕЙН Е.М. (род. 1923), доцент Петрозаводского государственного университета (1949–1959), заведующий кафедрой Петрозаводского государственного педагогического института (1963–1986). Заслуженный деятель науки Карельской АССР. Двукратный чемпион Карелии по шахматам.
- ЭПШТЕЙН Л.А. (род. 1927), математик, заведующий кафедрой, декан физико-математического факультета Карельского государственного педагогического института (1971–1993). Заслуженный учитель школы Карельской АССР.
- ЭПШТЕЙН Ш.Б. (род. ~ 1870), управляющий типографией в Петрозаводске (1904), организатор частной еврейской библиотеки в Петрозаводске, преобразованной затем в общественную.
- ЭСТРИН А.А. (род. 1921), главный врач Сегежской центральной районной больницы (1962–1970). Заслуженный врач Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЭСТРИН З.Н. (род. 1906), артист Музыкального театра Карелии (1955–1982). Заслуженный артист РСФСР, Народный артист Карельской АССР. Участник Великой Отечественной войны.
- ЮРОВИЦКИЙ Л.А. (род. 1929), заведующий нейрохирургическим отделением Республиканской больницы (1968–1990). Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный врач Карельской АССР.
- ЮФА В.А. (род. 1938), фотокорреспондент, журналист. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.
- ЮФА М.Ш. (род. 1939), Народный художник Республики Карелия, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия.
- ЯБЛОНСКИЙ Л.Л. (род. 1882), наборщик Петрозаводской частной типографии Каца, член Петрозаводской группы, затем – комитета РСДРП (1906–1908). Погиб в борьбе с белогвардейцами на Кавказе в 1919г.

«Я из рода Альшиц...»

(из блокнота петрозаводского еврея)

От редакции.

Лейба Альшиц родился в Петрозаводске. Здесь он провел свои детские и юношеские годы. Вместе со своим другом Изей Миттельманом работал в газете «Комсомолец Карелии». В 29 году был арестован его отец, который через год умер в печально известных «Крестах». Интересно, что его сестра Ода Израилевна в Ленинградском театральном институте вела курс первой труппы нашего Финского театра, а двоюродный брат – известный драматург, писавший под псевдонимом Д. Аль, пьеса которого «...опаснее врага» в

60 годы шла и в нашем драматическом театре. Лев Израилевич прислал свои воспоминания о Петрозаводске, где пишет о своих родных и знакомых. Есть в них и воспоминание о посещении хедера, располагавшегося в синагоге на улице Малой Слободской. Сейчас Лев Альшиц живет в Боровичах, пишет статьи в газеты и журналы, активно участвует в еврейской жизни города. Публикуя его воспоминания и лишь малую часть «Мыслей», мы желаем нашему дорогому земляку здоровья, вдохновенья, и будем рады встрече с ним.

2000

Мне никогда не забыть город у Онежского залива. Здесь прошли мое детство и юность, здесь в моей жизни происходило все то, с чем связано становление человека. Я жил в Петрозаводске с 1915 по 1936 год.

Мы жили в доме № 37 на улице Малой Слободской, возле пересечения ее с Садовой. Еще одна еврейская семья – Минкины – жила на той же Малой Слободской в каменном «доме Вальтера», построенном еще в 1837 году. Трех братьев Минкиных щедро одарила природа: один из них был поэтом, другой – музыкантом, третий, Адольф Минкин, работал на «Ленфильме».

На правой стороне нашей улицы, ближе к озеру,

стояло двухэтажное здание светло-бежевого цвета – синагога. Там же находился и хедер. Мы с братом только один раз ходили туда на занятие – нас учил полноватый и невысокий еврей с пышной седой шевелюрой. Из первого и последнего урока в хедере запомнилось наставление, которое нам преподал наш тихий ребе: «Мы выжили потому, что были верны древнему еврейскому закону: «Один за всех и все за одного»...

В субботу мама пекла халу и ставила на стол, зажигала свечи. Отец в талесе произносил молитву, и все садились ужинать... Потом, когда отец стал работать в милиции, всё это куда-то исчезло.

Я из рода Альшиц. Альшицы попали в Петрозаводск в 19 веке, а может быть, и раньше. Все они всегда были портными. Портным был и мой отец. Помню, что он еще играл в духовом оркестре на корнете. Помню петрозаводский Летний сад времен моего детства, «раковину» для оркестра и огромную клумбу, вокруг которой я гулял маленьким. Ходя по кругу, я видел отца в шинели на эстраде. Слова песни «В городском саду играет духовой оркестр» еще давно вызывали у меня слезы – это спето обо мне, о нашем городском саде, о нашем оркестре... Позже отец работал в «гормилиции» (так тогда это называлось), притом занимал высокую должность. В 1929 году местное НКВД арестовало всю милицейскую верхушку. Не знаю за что, вероятно, два силовых органа в чем-то не ладили, и верх взял наиболее «силовой» из двух. Отца взяли позже всех – может быть, посчитались с его пороком сердца. Когда его выпустили, он пришел домой уже не тем человеком, каким мы его знали. Этого требовательного и жесткого мужчину сломали. Повтор-

ный арест оказался для него последним. Говорили, он отказывался давать на кого-то ложные показания. 14 июня 1930 года отца не стало. Я подростком забирал тело из «Крестов», где его допрашивали. Когда я шел за гробом отца по тюремному двору, откуда-то с верхних этажей раздалось надрывное: «Зриленька, прощай!» Это прощался с отцом его начальник Зуев.

После смерти отца вдруг выяснилось, что «дело петрозаводской милиции» – сфабриковано. Всех, проходивших по нему, реабилитировали. Семеро человек вышли из тюрьмы. Один из них впоследствии повесился, двое спились. Больше всех посчастливилось Зуеву – он стал начальником паспортного отдела милиции СССР в Москве. Мне осталась только могила отца на Преображенском кладбище. Мы похоронили его по еврейскому обряду, и имеем возможность посетить родной прах. А сколько наших соотечественников лишены даже такого утешения! Сколько безымянных могил на теле нашей страны!

Я из рода Альшиц. Все Альшицы всегда были портными. Не составлял исключения и дядя Хима из «вторых Альшицев». Дядя Хима хромал на одну ногу и нередко бывал навеселе. Он часто шил рабочим Александровского завода одежду в кредит. В день полочки на заводе он брал извозчика и отправлялся на Голиковку – собирать с рабочих плату за свой труд. Его дочь Рива (наша тетя) рассказывала, как однажды он взял

Второй родней нам были купцы Шеберштейны. Дальними родственниками считались Пергаменты. Их отец, которого мы звали «дядя Муля» был гримером и парикмахером в местном театре. Один из сыновей – Яша – руководил молодежным театром. Рувим Пергамент, младший сын, стал выдающимся карельским композитором.

Из братьев моего отца дальше всех пошел дядя Натан. Он выучился в Петербурге на юрисконсульта и там же служил в знаменитой фирме «Мыло Жукова». Его сын Даниил учился со мной в университете. Одно время он писал пьесы под псевдонимом Д. Аль («Опаснее врага» и другие). Теперь Даниил Альшиц – профессор и известный историк. Его сын Олег под

Моим лучшим другом в Петрозаводске был Изя Миттельман. Его семья переехала в Петрозаводск из Орши. Изя был живой, умный мальчик. Мы начинали вместе в молодежной газете «Комсомолец Карелии». Потом я поступил на исторический факультет ЛГУ, а Изя – в институт журналистики. Как способный газетчик, он сразу был взят в «Ленинградскую правду». Летом 1940 года в его судьбе произошел трагический перелом. Во время Зимней войны Изя был направлен на фронт в качестве переводчика с финского. Здесь он заинтересовался финскими военными листовками, печатавшимися на русском. С фронта он привез их домой и как лектор-международник планировал использовать их в своих лекциях. Понятно, что содержание листовок тогда квалифицировалось как «антисоветское». На беду Изю, его сестра Эльза, едва окончив школу, вышла замуж за финна, совсем еще мальчика, учившегося в десятом классе. Он и понес показывать финнам по городу эти листовки. Изю судили и дали ему семь лет лагерей. На суде выступали местные журналисты, и все заступались за Изю – но ничто не помогло. Его осудили за антисоветскую пропаганду. Финскому мальчику дали четыре года.

Война застала Изю в лагере под Кандалакшей. Изя смекнул, что лагеря будут эвакуировать в Сибирь, где он, скорее всего, погибнет. И он решил бежать. До финской границы было 200 километров, но побег удался. В Финляндии Изю сразу же посадили в лагерь

ее с собой. Когда они остановились напротив одного дома на рабочей окраине, где, по-видимому, жил должник, из дверей во двор с плачем выбежала женщина. «Прости нас, Химушка, – причитала она, обращаясь к дяде Химе, – мой-то ирод всю полочку пропил, не на что хлеба купить ребятишкам». Хима покачал головой, вынул из-за пазухи какие-то гроши, и сунул бедной бабе: «На, только старухе моей не говори»...

фамилией Данилов стал сценаристом фильмов, которые снимал сам Астрахан (х/ф «Изыди» и другие).

Моя сестра, Ода Израилевна Альшиц 25 лет преподавала актерское мастерство в Ленинградском театральном институте. Она вела студию для первой труппы Финского театра в Петрозаводске. В двадцатые годы сестра возглавляла лучшую в Петрозаводске по тем временам «живую газету» «Паровоз». В 1929 году, по дороге на слет в Мурманск, она с коллегами-журналистами целый день ехала в одном вагоне с Максимом Горьким, объезжавшим русский север. Горький потом написал про своих попутчиков, но мою сестру, которую все звали Люсей, он почему-то назвал Любой.

военнопленных в Хельсинки. Евреев-военнопленных в Финляндии держали отдельно. Некий Браун, сам еврей, опекал их всех. Этот энергичный и наглый авантюрист заставлял еврейскую общину Хельсинки содержать соплеменников в лагере. Он неожиданно сдружился с Изей. Когда Изю выпустили на свободу, Браун подыскал ему работу на финской ферме. Между тем Финляндия вышла из войны с Россией. Было ясно, что скоро всех пленных вернут. Для Изю это означало в лучшем случае – Магадан. Подарком судьбы стало предложение американского правительства предоставить один пароход, на котором все желающие смогут выехать из Финляндии. Стали составлять списки беженцев. Всеми правдами и неправдами Браун включил Изю в один из них. И вот пароход уже стоял на рейде у Турку, а Изя в 40 километрах от берега работал на своей ферме. Хозяин дал ему лошадь: «Скачите во весь опор. Может быть, успеете». Изя, никогда не сидевший верхом, в лучшем случае мог не сломать себе шею, пытаясь забраться в седло. Выручили товарищи-евреи. Они скинулись на такси Изю, и когда тот примчался в порт, пароход уже снялся с якоря, но почему-то не отправлялся. Его задержал Браун, видя отсутствие пассажира. Изю с берега, как говорил он сам, «сунули в вентилятор». Он услышал, как на берегу пьяненький финн возмущался: мол, из-за одного еврея задерживается целый пароход. Браун отвечал: «Послушайте, вы уже две тысячи лет ждете

одного еврея – Христа, почему бы вам полчаса не подождать другого!»

Изя сошел на шведский берег, ни слова не зная по-шведски и ничего не умея делать, кроме как писать статьи в советские газеты. С ним была финская еврейка Нора, с которой он познакомился еще в Финляндии. Жить было нечем. Помогло одно обстоятельство: Нора, еще живя в Выборге, научилась у одной русской графини искусству выделывать из парафина искусственные цветы. В Стокгольме они с Изей зашли в цветочную лавку. Нора попросилась на работу. Хозяйка сказала: «Сделайте мне на пробу чайную розу». На середине работы хозяйка ее остановила: «Я вижу, вы мастерица. Я вас беру». Изя поступил на службу в типографию. Так Изя с Норой начали жить в Стокгольме.

Первой заботой Изии было известить родителей о том, что он жив. Прямо написать им он, разумеется, не мог. Но придумал способ. Однажды в Петрозаводск пришло странное письмо от какой-то Нюры. Оказывается, они когда-то познакомились в Ленинграде с родителями Изии, и теперь Нюра пишет им о том, как устроилась, о своей семье. Обратного адреса не было, зато почерк был Изин. Было ясно, что сын жив, и, судя по такой тщательной конспирации, на свободе.

Четыре года Изя работал над составлением шведско-русского карманного словаря. Когда словарь вышел, ему предложили место переводчика в юридической конторе. Еще через пару лет ему позвонили из Стокгольмского университета и попросили заменить

Когда сгорела синагога, не помню. Зато помню свое раннее знакомство с антисемитизмом. Мне было тогда четыре, когда однажды ночью пьяный хулиган начал бить окна у нас в доме с криком «Жида проклятые!» Чем мы ему досадили, не знаю. С той ночи оказалось, что я не только «еврей», а еще и какой-то «жид» и тем самым кому-то мешаю.

В школе, в четвертом-пятом классах, русские мальчишки задирали нас с Мишей Парижским. Помню вид экзекуции: меня брали на руки всей толпой и били головой об стену. Били не сильно, и больно

слависта, ушедшего в отпуск. Изя ответил, что ему очень лестно такое предложение, однако, он не может оставить постоянную работу ради временной «халтуры». Вскоре поступило предложение постоянной работы на кафедре русского языка и литературы. Изя отдал преподаванию 40 лет жизни, стал профессором.

Конечно, хотелось опять побывать на родине. Сначала на разведку поехала жена. Все обошлось благополучно. Потом Изя стал приезжать в МГУ с группами студентов. В первый приезд к нему подошел подтянутый «товарищ» и пригласил на разговор в ближайшую домовую контору. Там незнакомец представился как сотрудник КГБ и попросил Изю написать свою автобиографию. Было ясно, что органам все известно, и отпираться не имело смысла. «Вы написали правдиво, – заметил чекист, пробежав бумагу глазами. – А не хотели бы вы вернуться в Россию?» Изя потупил глаза: «В моем возрасте, товарищ начальник, трудно начинать жизнь сначала». «Ваше дело», – сухо ответил гэбист. Больше государство Изю ни разу не побеспокоило во все его приезды в Союз. Времена изменились.

Изя несколько раз побывал в Петрозаводске, встретился со старыми знакомыми, коллегами-газетчиками. Самый смелый из них – Илья Кан – первым пришел к Изе в «Северную». В 1983 году я побывал у него в Стокгольме, месяц прожил в Изиной квартире. В 1998 году Изя умер, не оставив детей. Фамилия петрозаводских Миттельманов исчезла с лица земли по обе стороны Балтийского моря.

не было – было обидно. В школу пришла сама мадам Парижская и подняла скандал, упирая на то, что они «Парижские». В самом деле, эта еврейская династия имела большой вес даже в советское время: под Петрозаводском в Песках у Парижских была своя лесопилка. Случай с нами был строго, с идеологических позиций разобран в школе, виновные наказаны. Мне было жалко заводилу этих антисемитских забав – мальчику по фамилии Сперанский. Оказалось, что плохо быть не только евреем, но и однофамильцем царского министра.

К ЧИТАТЕЛЮ

Автору 87 лет. Он на исходе из жизни. Потому его все больше одолевает мысль, а что он оставляет живым? У него ничего нет кроме его Мыслей. Но нужны ли они людям. Им об этом судить, если они прочтут хоть частицу их.

Впервые автор положил свои мысли на бумагу в 1954 году. Первыми читателями их стали Эренбург, Чуковский и Каплер. Все трое дали Мыслям высокую оценку. Но напечатать ни одной из них не пришлось, ибо они были то не ко времени, то не ко двору. И ав-

тор забросил свой труд. Вернулся он к нему в 1985 году. Дело в том, что 3 июля того же года автор умер. У него остановилось сердце, и он упал на асфальт Сестрорецка. Подоспевшая скорая помощь вывела его из состояния клинической смерти. И тогда автор задумался, но зачем же Б-г подарил ему вторую Жизнь? Так он вернулся к своей Книге мыслей, над которой работает и по сей день...

*Лев Альшиц, ветеран двух войн,
участник обороны Ленинграда*

Мысли вразброс

«Дневник Анны Франк» – это послесловие XX века к Библии.

Количество народа не переходит в качество его гениев. Но качество народа может перейти в количество его гениев.

Любая нация, обладающая «критической массой», может стать ведущей в своей стране.

Одесса, может, один из первых городов мира по плотности талантов на душу населения.

У Израиля нет лимита побед. Но у него есть лимит поражений, ибо после первого поражения второго уже не будет, как не будет и самого Израиля.

Не симптоматично ли, что на Святой земле и Мертвое море становится животворным.

Евреи выжили в безднах тысячелетий не потому, что они молились по-еврейски, а потому, что жили по-еврейски. Прежде чем выжить, надо сначала жить.

Еврей – пробный камень человечества. На нем опробовали все зло мира от костров инквизиции до «двухшегубок» фашизма.

Пожары Хатыни и расстрелы Катюши – это кровное родство фашизма и коммунизма.

Национализм – это патриотизм за чужой счет. Антисемитизм – это религия бездарностей, реабилитация невежд, амнистия палачей.

Логика антисемитов предельно проста. По ней выходит, что если украинец украл сапоги, то потому, что он вор. Если еврей украл те же сапоги, то потому, что он еврей.

Талант – это светлое проклятие Б-га.

Картина «Вечерний звон» – немой колокол Левитана.

Будущее есть, пока его нет.

Любовь – это секс души.

Природа одарила блаженством секса людей и зверей не ради них самих, а ради собственного бессмертия.

Земледелие – это сотворчество природы и человека.

Мечты – это воспоминание о Будущем.

Социальное равенство – это не более чем миф. Не могут быть равными в обществе люди, неравные от природы.

Равенство – это неподвижность. Лишь при неравенстве сохраняется вакуум, в сторону которого можно двигаться, то есть развиваться.

Неровность рельефа – это движение рек. Ровный рельеф – это застой болот.

Равенство возможно лишь в нищете, ибо у нищеты есть свой физический предел. Но у богатых нет своего физического предела, а потому и невозможно равенство богатых. Потому и получилось, что социализм свелся к равенству нищих, а капитализм – к неравенству богатых.

1954-2000 гг.

Петрозаводск – Ленинград –
Вена – Первоуральск – Боровичи

ЕВРЕЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

В Минске, где я родился, евреи составляли более трети населения. Они были рабочими, ремесленниками, инженерами, хозяйственниками, врачами, бухгалтерами и т.п. В быту их повседневным языком общения был идиш, хотя они знали и русский. В 20-е и в начале 30-х гг. культура на языке идиш в Белоруссии не подавлялась: работали общеобразовательные школы, библиотеки, выходили газеты, журналы и книги, имелся театр, проводились концерты и литературные чтения. Все это было ликвидировано в 1935-1936 гг. Остался лишь один живой язык – идиш.

Сохранился идиш потому, что им пользовались массы простого народа, это был легко усваиваемый язык, вобравший в себя немало и славянских слов. Английский историк Пол Джонсон в книге «Популярная история евреев» отметил такие достоинства идиш, как его внутреннюю утонченность, изящество, способность характеризовать человеческие типы и эмоции. «Это язык, – писал он, – уличных мудрецов, умных неудачников; язык пафоса, страдания и покорности, скрашенных юмором, довольно сильной иронией и суевериями».

В результате пережитой еврейским народом в годы Второй мировой и Отечественной войн Катастрофы, исчезновения мест компактного проживания евреев, а также процессов ассимиляции язык культуры ашкеназийских евреев был обречен, а евреи России превратились в «русскоязычных».

Естественно, что судьбу языка разделил фольклор, в том числе заметная его часть – пословицы. Конечно, можно прожить, пользуясь меткими русскими пословицами. Эти сгустки разума и опыта русских людей полезны и для евреев. Но нельзя забывать, что язык и культура каждого народа уникальны, и потеря их чревата печальными последствиями для самого народа. В еврейских пословицах были отражены исторические условия повседневной жизни евреев на протяжении веков, особенности менталитета народа.

В настоящее время, с пробуждением национального самосознания, хотелось бы напомнить и о еврейских пословицах.

Данная брошюра не имеет претензий на какое-либо научное обобщение, а пытается лишь дать людям, не знающим идиш, возможность «попробовать на вкус», что из себя представляют еврейские пословицы. Автором они подобраны по своему субъективному усмотрению, а заимствованы пословицы, главным образом, из книги И. Бернштейна «Еврейские пословицы», вышедшей впервые в свет более ста лет тому назад, почти на тридцать лет позже сборника В. Даля «Пословицы русского народа». Близкие по смыслу пословицы двух народов по ходу изложения сравниваются.

Пословицы распределены по нескольким совершенно условным разделам и, конечно, не охватывают всего богатства и разнообразия еврейских пословиц.

Перевод пословиц сделан автором.

О Ъ-ге њ вере

Еще в VI веке до н.э. пророк Иезекииль утверждал, что не следует верить старой пословице: «Если отцы ели кислый виноград, то у детей на зубах будет оскоми́на». Действительно, пословицы не всегда верны, а порой противоречивы. Но они всегда учитывают жизненный опыт людей, а жизнь евреев в те времена, когда начали складываться пословицы на языке идиш, была тесно связана с еврейской традицией и с верой евреев в существование единого всемогущего Творца, по воле которого создана Вселенная и все, что на ней находится.

О всесии Б-га и Его милосердии сказано в пословицах:

אז גאָט וויל,
שיסט א בעזעם.

(АЗ ГОТ ВИЛ, ШИСТ А БЕЗЕМ)

«Если Б-гу угодно, выстрелит и метла».

Сравним с русской пословицей: «У Б-га все возможно».

גאָט שפּיזט אפּילע
עם וואָרעם אין דער ערד.

(ГОТ ШПАЙЗТ АФИЛЭ ДЭМ ВОРЕМ ИН ДЭР ЭРД)

«Б-г дает пищу даже червяку в земле».

Сравним: «Дает Б-г день, даст Б-г и пищу». Эта русская пословица уходит корнями в библейские глубины и совпадает с ивритским «Будет день, будет и пища».

Пословицы указывают на то, что деяния Вс-вышнего разумны:

גאָט שיקט די רעפוע
פאר דער מאקע.

(ГОТ ШИКТ ДЫ РЕФУЭ ФАР ДЕР МАКЕ)

«Б-г посылает лекарство до появления язвы».

Или сходная по смыслу поговорка:

גאָט גיט די קעלט
נאָך די קליידער.

(ГОТ ГИТ ДЫ КЕЛТ НОХ ДЫ КЛЭЙДЕР)

«Б-г шлет холода после того, как дает одежду».

Пословицы учат покорно принимать ниспосланное свыше:

וואָס גאָט גיט,
מוז צוגענומען ווערן

(ВОС ГОТ ГИТ, МУЗ ЦУГЕНУМЕН ВЕРН)

«Все, что дается Вс-вышним, должно
приниматься».

גאָט האָט געגבן,
גאָט האָט גענומען.

(ГОТ ХОТ ГЕГЕБН, ГОТ ХОТ ГЕНУМЕН)

Эта поговорка буквально совпадает с русской:

«Б-г дал, Б-г взял».

О правде и лжи

א האלבער עמעס
איז א גאנצער ליגן.

(А АЛБЕР ЭМЕС ИЗ А ГАНЦЕР ЛЫГН)

«Полуправда – это целая ложь».

Подобный нюанс о полуправде, конечно, ироничен, поскольку правда или ложь не делятся пополам.

אָפּנארן קען מען נאָר
איין מאָל.

(ОПНАРН КЕН МЕН НОР ЭЙН МОЛ)

«Обмануть можно только один раз».

Сравним: «Раз солгал, а век веры не имут».

Вообще среди русских пословиц немало таких, как: «Не любо, не слушай, а врать не мешай»; или: «Всяк человек ложь – и мы тож». Но все же преобладает такая оценка: «Кто врет, того бы под гнет».

איטלעכער האָט ליב דעם גמעס,
אָבער ניט איטעכער זאָגט אים.
(ИТЛЭХЕР ХОТ ЛИБ ДЭМ ЭМЕС,
ОБЕР НИТ ИТЛЭХЕР ЗОГТ ИМ)

«Каждый любит правду,
но не каждый говорит ее».

Сравним: «Всяк правду любит, а всяк ее губит». И это не удивительно, так как, согласно еврейской поговорке,

פאר דעם עמעס שלאָגט מען.
(ФАР ДЭМ ЭМЕС ШЛОГТ МЕН)

וועמען גאָט האָט ליב,
דעם שטראָפט ער.

(ВЕМЕН ГОТ ХОТ ЛИБ, ДЕМ ШТРОФТ ЭР)

«Кого Б-г любит, того и наказывает».

И эта поговорка буквально совпадает с русской.

Вместе с тем, согласно поговоркам, нельзя путать Б-жественное с мирским:

גאָט איז גאָט,
און בראַנפן איז בראַנפן.

(ГОТ ИЗ ГОТ, УН БРАНФН ИЗ БРАНФН)

«Б-г Б-гом, а водка водкой».

В еврейских поговорках воздается должное Торе – Закону, регламентирующему все стороны жизни человека и общества.

טוירע איז אַן א דעק.
(ТОЙРЕ ИЗ ОН А ДЕК)

«Тора – бездонна».

ווי טוירע, דאָרטן איז כאָכמע.
(ВУ ТОЙРЕ, ДОРТН ИЗ ХОХМЕ)

«Где Тора, там мудрость».

«За правду – бьют».

Сравним: «С правдой шутить – что с огнем».

Тем не менее отраднее, что большинство еврейских пословиц не просто констатирует существование лжи, а ее осуждает, предупреждая:

עמעס קומט ארויס
ווי ביימל אויפן וואסער.

(ЭМЕС КУМТ АРОЙС ВИ БЕЙМЛ ОЙФН ВАСЕР)

«Правда проступает
как масло на воде».

Пословицы – эти меткие народные изречения с поучительным смыслом, порой бывают противоречивыми, как и сами жизненные обстоятельства, их породившие. Поэтому неудивительно, что есть поговорки, допускающие возможность соврать:

ליגן טאָר מען ניט זאָגן, אָבער
דעם עמעס דארף מען ניט זאָגן.

(ЛИГН ТОР МЕН НИТ ЗОГН,
ОБЕР ДЭМ ЭМЕС ДАРФ МЕН НИТ ЗОГН)

«Врать не надо, но и правду говорить не следует».

И более того:

א גוטער ליגן אַיז אויך
אמאָל ווערט געלט.

(А ГУТЕР ЛИГН ИЗ ОЙХ АМОЛ ВЕРТ ГЕЛТ)

«Хорошее вранье тоже иногда дорогого стоит».

О муже, жене и детях

Много пословиц посвящены семейным взаимоотношениям. Но пословицы приходят из далекого прошлого. И немало их уже устарело и не соответствует нынешнему состоянию семейных отношений.

Так, в «Пословицах русского народа», в духе «Домостроя», нередко указывается на пользу битья жен и содержания их в страхе. Для примера назову такие пословицы, как: «Жена без грозы – хуже козы», «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее» и т.д. В сборнике же И.Бернштейна «Еврейские пословицы» с трудом нашлась лишь одна подобная: «Я – муж, ты – жена, я – бью, ты – молчи». Дело в том, что семейные взаимоотношения у евреев издревле имели свою специфику. Они были основаны на религиозной традиции, которая культивировала гармоничные отношения в семье, признание определенных прав за супругами, сохранение чистоты чувств в интимной сфере. В связи с этим жена фактически играла в семье нередко главенствующую роль, что чувствуется из следующей пословицы:

**א ווייב שטעלט אויף פיס,
און ווארפט פון די פיס.**

(А ВАЙБ ШТЕЛТ ОЙФ ДИ ФИС,
УН ВАРФТ ФУН ДИ ФИС)

**«Жена поставит на ноги
и совет с ног».**

Впрочем, и русская народная мудрость гласит: «Исподний жернов перемальвает верхний».

Здесь речь идет о жене вообще, что же касается плохой жены, то о ней сказано:

**א שלעכטע ווייב טרייבט דעם
מאן אין דער ערד אריינן.**

(А ШЛЕХТЭ ВАЙБ ТРАЙБТ ДЭМ
МАН ИН ДЭР ЭРД АРАЙН)

«Плохая жена мужа в гроб загоняет».

Сравним: «От злой жены одна смерть спасёт».

Семейная жизнь сложна и разных ситуаций в ней бывает множество. Об этом говорят и пословицы.

**אז דער מאן איז א נאר,
איז דאָס ווייב אין שטוב דער האר.**

(АЗ ДЭР МАН ИЗ А НАР,
ИЗ ДОС ВАЙБ ИН ШТУБ ДЭР hАР)

«Если муж глуп, жена в доме госпожа».

И сходная по содержанию пословица:

**אז דאָס ווייב גייט אין די הויזן,
מוז דער מאן וויגן דאָס קינד.**

(АЗ ДОС ВАЙБ ГЕЙТ ИН ДИ hОЙЗН,
МУЗ ДЭР МАН ВИГН ДОС КИНД)

**«Если жена носит брюки,
мужу приходится укачивать младенца»**

Сравним: «Худо мужу тому, у кого жена большая в дому»; или «Жена верховодит, так муж по соседям бродит».

Это не единственная «опасность», о которой пословицы предупреждают мужей. Страшит еще и женская неверность. Поэтому пословицы советуют:

**בעסער א מיעסע ווייב פאר זיך,
איידער א שיינע ווייב פאר אנדערע.**

(БЭСЭР А МИЕСЭ ВАЙБ ФАР ЗИХ,

ЭЙДЭР А ШЕЙНЭ ВАЙБ ФАР АНДЕРЕ)

**«Лучше некрасивая жена, но для себя,
чем красивая, но для других».**

Сравним: «Жена красавица – слепому радость».

**א ווייב און א פערד
באָרגד מען ניט אוועק.**

(А ВАЙБ УН А ФЕРД БОРГТ МЕН НИТ АВЕК)

«Жену и коня не одалживай другим».

Сравним: «Не верь коню в поле, а жене в воле».

В семьях не обходится без разлада. Но законы семьи таковы, что согласие между супругами в большинстве случаев все же наступает, особенно к ночи.

**בני טאָג צום געט,
בני נאכט אין בעט.**

(БАЙ ТОГ ЦУМ ГЭТ, БАЙ НАХТ – ИН БЕТ)

**«Днем готовы разбежаться,
а к ночи в кровать ложатся».**

Сравним: «Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится». Еще похлеще об этом же: «Черт с тобой, не живи со мной; пойдём в баню да разведемся!»

Хотелось бы отметить, как совпадают взгляды двух народов на разрешение семейных конфликтов.

**צווישן מאן און ווייב
אין נאר גאָט א שאַפעט.**

(ЦВИШН МАН УН ВАЙБ ИЗ НОР ГОТ А ШОФЕТ)

«Между мужем и женой лишь Б-г судья».

Сравним: «Не суди мужа с женой! Жену с мужем Б-г разбирает». И еще: «Муж с женой ругайся, а третий не мешайся».

Но такого единодушия в пословицах двух народов нет при оценке того, чего ждать от детей. Согласно еврейской пословице:

**א טאכטער - אין דער נויט,
א זון - נאָכן טויט.**

(А ТОХТЭР – ИН ДЭР НОЙТ,
А ЗУН НОХН ТОЙТ)

**«Дочь – необходима в трудную минуту жизни,
сын – после смерти».**

(Имеется в виду чтение сыном поминальной молитвы «Кадиш»)

А русская пословица гласит: «Сына корми – себе пригодится, дочь корми – людям снадобится».

О судьбе, счастье, горе и надеждах

Еврейская жизнь веками строилась на определенной иерархии жизненных ценностей, на соблюдении в поступках людей установленных правил и заповедей. Знатоки утверждают, что для евреев характерны оптимизм, непритязательность, сострадательность, милосердие. Это видно из пословиц.

קאַלזמאַן דער מענטש האָט נאָך
די אויגן אָפּן, זאָל ער נאָך האָפּן.

(КОЛЗМАН ДЕР МЕНТШ *h*ОТ
НОХ ДЫ ОЙГН ОФН,
ЗОЛ ЭР НОХ *h*ОФН)

«Пока человек жив, он должен надеяться».

אז דאָס אומגליק איז גרויס,
איז די הילף נאָענט.

(АЗ ДОС УМГЛИК ИЗ ГРОЙС,
ИЗ ДЫ *h*ИЛФ НОЭНТ)

«Когда несчастье велико, помощь близка».

עלטערך קענען אליץ געבן,
נאָך ניט קיין מאָזל.

(ЭЛТЕРН КЕНЕН АЛЦ ГЕБН,
НОР НИТ КАЙН МАЗЛ)

«Родители могут дать все, кроме счастья».

אז עס איז איינעם באשערט
דערטרונקען ווערן,

ווערט ער דערטרונקען
אין א לעפל וואסער.

(АЗ ЭС ИЗ ЭЙНЭМ БАШЕРТ ДЕРТРУНКЕН ВЕРН,
ВЕРТ ЭР ДЕРТРУНКЕН ИН А ЛЭФЛ ВАСЕР)

«Если кому-либо суждено утонуть,
он утонет и в ложке воды».

אז דער מאָזל גייט,
קעלבט זיך דער אָקס.

(АЗ ДЕР МАЗЛ ГЕЙТ, КЕЛБТ ЗИХ ДЭР ОКС)

«Если счастье улыбнется,
то и бык отелится».

אָרעם אין רייך,

ליגן אין דער ערד גלייך.

(ОРЕМ УН РАЙХ, ЛИГН ИН ДЕР ЭРД ГЛАЙХ)

«Бедные и богатые лягут в землю как равные».

ווער עס וויל האָבן
ראכמאַנעס פאר זיך,
מוז האָבן ראכמאַנעס
אויף אנדערע.

(ВЕР ЭС ВИЛ *h*ОБН РАХМОНЕС ФАР ЗИХ,
МУЗ *h*ОБН РАХМОНЕС ОЙФ АНДЕРЕ)

«Кто желает, чтоб ему сострадали,
обязан сострадать другим».

אז מען האָט ברויט,

זאָל מען קיין זעמל ניט זוכן.

(АЗ МЕН *h*ОТ БРОЙТ,

ЗОЛ МЕН КАЙН ЗЕМЛ НИТ ЗУХН)

«Если имеешь хлеб, не ищи пряника».

О труде, лени и бережливости

Имеющие давнее происхождение пословицы относятся ко времени, когда евреи, живя в странах рассеяния, в гетто и в черте оседлости были лишены права на многие профессии, занятия и ремесла. Работа, как необходимое средство к существованию и выживанию, была желанным и часто недостижимым благом. Поэтому у евреев не могли пользоваться успехом пословицы типа «Работа дураков любит», или «Работа не волк, в лес не убежит». Ни «скатерти-самобранки», ни кайф на печи им даже сниться не могли.

Наоборот:

ווער עס ליגט אפּן אויוון,
קריגט ניט קיין בייגל

(ВЕР ЭС ЛИГТ АФН ОЙВН
КРИГТ НИТ КАЙН БЕЙГЛ)

«Кто лежит на печи не получает бубликов».

Кстати, сходная пословица есть и у В. Даля: «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи».

Можно привести еще и следующие еврейские пословицы:

גאָט שיקט ניט פון אייבן,
אז מע ליגט אפּן אויוון.

(ГОТ ШИКТ НИТ ФУН ЭЙВН,

АЗ МЕ ЛИГТ АФН ОЙВН)

«Б-г не посылает тому,
кто лежит на печи».

אָרעמקייט און פולקייט
זיינען צוויי ברידער.

(ОРЕМКАЙТ УН ФУЛКАЙТ ЗАЙНЕН
ЦВЕЙ БРИДЕР)

«Бедность и леность родные братья».

אז מען איז פויל,

האָט מען ניט אין מויל.

(АЗ МЕН ИЗ ФОЙЛ,

ОТ МЕН НИТ ИН МОЙЛ)

«Кто ленив, тот голоден».

Сравним: «Лень мужика не кормит».

Не любим путем, говорится в пословицах, достается человеку благополучие.

וואָס מע באַקומט גיך,
פאַרלירט מען גיך.

(ВОС МЕ БАКУМТ ГИХ, ФАРЛИРТ МЕН ГИХ)

«Что легко достается,
легко и теряется».

וואָס מע פאַרדינט מיטן ווײַנט,
גיט אוועק מיט רויד.

(ВОС МЕ ФАРДИНТ МИТН ВИНТ,
ГЕЙТ АВЕК МИТ РОЙХ)

«Добро, принесенное ветром, уйдет дымом».

Пословицы ратуют за бережное отношение как к своему, так и чужому добру.

אַז מען היט אָפּ פּרעמדס,
קומט מען צו אייגנטס.

(АЗ МЕН ЫИТ ОП ФРЕМДС,
КУМТ МЕН ЦУ ЭЙГНТС)

«Если бережешь чужое,
приобретешь и свое».

אַז מע לייגט ניט קיין
קליינע לאַטע,

ווערט אַ גרויסע לאַך.

(АЗ МЕ ЛЕЙГТ НИТ КАЙН КЛЕЙНЭ ЛАТЭ,
ВЕРТ А ГРОЙСЭ ЛОХ)

«Если не ставят маленькую заплату,
становится большая дыра».

О мудрости, уме и глупости

В идиш слова «мудрец», «мудрость» сохранились в их первоначальном смысле и произносятся весьма уважительно. Правда, есть одно исключение: употребляемое в идиш выражение из иврита «ХОХЕМ БА ЛАЙЛА» (то есть «умный ночью») означает глупца.

Пословицы определяют, чем отличается мудрец и вообще умный человек от глупца.

אַ כאַכעם קעדיי ער זאָל לעבן,
אַ נאַר לעבט קעדיי ער זאָל עסן.
(А ХОХЕМ ЭСТ КЕДЭЙ ЭР ЗОЛ ЛЭБН,
А НАР ЛЭБТ КЕДЭЙ ЭР ЗОЛ ЭСН)

«Мудрец ест, чтобы жить,
глупец живет, чтобы есть».

אַן אייזל דערקענט מען
אַן די לאַנגע אויערן,
אַ נאַר - אָן דער לאַנגער צונג.

(АН ЭЙЗЛ ДЕРКЕНТ МЕН ОН ДЫ ЛАНГЕ ОЙЭРН,
А НАР - ОН ДЕР ЛАНГЕР ЦУНГ)

«Осла узнают по длинным ушам,
глупца - по длинному языку».

Или

דער קלוגער באַהאַלט זײַן סײַכל,
ראַר נאַר ווײַזט זײַנט
נאַרישקײַט אַרויס.
(ДЭР КЛУГЕР БААЛТ ЗАЙН СЭЙХЛ,

О языке и речи

Вспоминаю, как в далекие студенческие годы на комсомольском собрании рассматривался вопрос об ответственности одного из студентов за опрометчивое замечание на политическую тему. Это было тревожное время, и «виновный» с горечью признавался: «Язык мой – враг мой!»

Издавна народная мудрость советовала «держат язык за зубами» и содержала множество других поговорок и пословиц о языке и речи. Соответствующий раздел «Пословиц русского народа» В. Даля насчитывает их более четырехсот.

ДЭР НАР ВАЙЗТ ЗАЙН НАРИШКАЙТ АРОЙС)

«Умный скрывает свой ум,
дурак же выказывает свою глупость».

Пословицы предупреждают (и жизнь это постоянно подтверждает):

בעסער מיט אַ קלוגן זון פאַרלירן,
איידער מיט אַ נאַר צו געפינען.
(БЕСЭР МИТ А КЛУГН ЦУ ФАРЛИРН,
ЭЙДЕР МИТ А НАР ЦУ ГЕФИНЕН)

«Лучше с умным потерять,
чем с дураком найти».

מיט אַ נאַר טאָר קיין
קאַטאַוועס ניט טרייבן.
(МИТ А НАР ТОР МЕН КАЙН
КАТОВЕС НИТ ТРАЙБН)

«С дураком не следует шутить».

Другая сходная пословица не советует показывать глупцу незавершенную работу.

В то же время некоторые пословицы к глупцам весьма снисходительны, читая их провидцами.

Немало имеется об этом и еврейских пословиц.

אַ גוטער וואָרט אַ גוט ענטווער.
(А ГУТЭР ВОРТ БРЕНГТ А ГУТ ЭНТВЕ).
«Доброе слово влечет и добрый ответ».

ווערטער זאל מען וועגן
און ניט ציילן.

(ВЕРТЕР ЗОЛ МЕН ВЕГН УН НИТ ЦЕЙЛН).
«Слова следует взвешивать, а не считать».

גרינג צו זאגן,
שווער צו טראגן.

(ГРИНГ ЦУ ЗОГН, ШВЕР ЦУ ТРОГН).
«Сказать легко, носить тяжело».

בעסער פריער איין וואָרט,
איידער צוויי דערנאָך.

(БЕСЕР ФРИЕР ЭЙН ВОРТ,
ЭЙДЕР ЦВЕЙ ДЕРНОХ).

«Лучше одно слово, но вовремя,
чем два – но потом».

פון פיל ריינדן קומט
ארויס ליינדן.

(ФУН ФИЛ РЕЙДН КУМТ АРУИС ЛАЙДН).
«От болтовни жди беды».

Сравним: «Язык до добра не доведет».

В то же время пословицы учат не придавать слишком большого значения словам:

О юморе.

Евреи любят шутить. Однако еврейское слово «хохма», означающее мудрость, и лишь в переносном смысле шутку, в русской разговорной речи употребляется только в смысле шутки, острого словца, необычного поступка.

Склонность к юмору не могла не сказаться и на еврейских пословицах. Некоторые из них содержат насмешку, которая помогает лучше увидеть комическую сторону того, чему посвящена пословица. Но юмор в пословицах мягкий, я бы сказал, шолом-а-лейхемский, иногда с грустинкой.

Даже над своей бедностью можно поиронизировать.

אז אן אָרעמאן עסט אַ הון,
איז ער קראַנק, אָדער די הון.

(АЗ АН ОРЕМАН ЭСТ А hУН,
ИЗ ЭР КРАНК, ОДЭР ДЫ hУН)

«Если бедняк ест курицу, то либо он болен,
либо курица была больна».

ווען פרייט זין דער אָרעמאן?
אז ער פארלירט און געפינט.

(ВЕН ФРЕЙДТ ЗИХ ДЕР ОРЕМАН?
АЗ ЭР ФАРЛИРТ УН ГЕФИНТ)

«Когда радуется бедняк?
Если находит потерянное».

Насмешка над бездельником:

אז מען האָט ניט וואָס צו טאָן,
איז קאקן אויך אן ארבעט.

(АЗ МЕН hОТ НИТ ВОС ЦУ ТОН,
ИЗ КАКН ОЙХ АН АРБЕТ)

פון זאגן ווערט מען ניט טראָגן.

(ФУН ЗОГН ВЕРТ МЕН НИТ ТРОГН).

«От слова не забеременеешь».

Сравним: «От слова не сбудется».

Более того, в одной из еврейских пословиц делается обобщение о том, могут ли слова повлиять на мирские дела:

ניט מיט שעלטן

און ניט מיט לאכן,

קען מען די וועלט איבערמאכן.

(НИТ МИТ ШЕЛТН УН НИТ МИТ ЛАХН,
КЕН МЕН ДЫ ВЕЛТ ИБЕРМАХН).

«Проклятиями и насмешками мир не изменишь».

И, наконец, приведем пословицу, содержащую художественный образ пустословия:

פוך ליידיקע פעסער

איז דער ליארעמ גרעסער.

(ФУН ЛЭЙДИКЕ ФЕСЕР ИЗ ДЕР ЛЯРЕМ ГРЕСЕР)

«Пустые бочки громче грохочут».

«Если заняться нечем,
то какать тоже работа».

Совет неумному – помолчать:

אַ שווייגנדיקער נאר -

איז אַ כאָכעם.

(А ШВАЙГНДИКЕР НАР - ИЗ А ХОХЕМ)

«Помалкивающий дурак – умница».

Насмешка над тем, кто не желает стариться:

אז מע וויל ניט אלט ווערן,

זאל מען זיך יונגערהייט אופהענגען.

(АЗ МЕ ВИЛ НИТ АЛТ ВЕРН,
ЗОЛ МЕН ЗИХ ЮНГЕРhЕЙТ УФhЕНГЕН)

«Тому, кто не желает стариться,
следовало бы в юности повеситься».

И близкая по смыслу пословица, но с черным юмором:

(ШТАРБТ МЕН ИН ДЕР ЮГНТ,
ИЗ ЭС ОЙФ ДЕР ЭЛТЕР ВИ ГЕФУНЕН)

«Умереть в юности – находка в старости».

Предупреждение слишком стеснительным:

אז מע שעמט זיך,

האָט מען ניט קיין קינדער.

(АЗ МЕ ШЕМТ ЗИХ,

הֹוֹת מֵעַן נִיֵּט קַיִן קִינְדֵּר)

«У стеснительных не бывает детей».

Предупреждение ненасытным:

צו גוט - איז אומגעזונט.

(ЦУ ГУТ - ИЗ УМГЕЗУНТ)

«Слишком хорошо - вредно для здоровья».

И почти о том же:

בעסער א בער אָן א שוואנצ,

איידער א שוואנצ אָן א בער.

(БЕСЕР А БЕР ОН А ШВАНЦ,

ЭЙДЕР А ШВАНЦ ОН А БЕР)

«Лучше медведь без хвоста,
чем хвост без медведя».

И в завершение хотелось бы привести «гарик»
Игоря Губермана:

В года, когда юмор хиреет,

скисая под гласным надзором,

застольные шутки евреев

становятся местным фольклором.

«Философия» повседневной жизни

Во многих еврейских пословицах утверждаются нравственные ценности народа.

Обращает на себя внимание то значение, которое в пословицах приобрело вошедшее в идиш слово из иврита «ОЛАМ» (мир, земной шар). В идиш «ОЙЛЭМ» означает одновременно и толпу, и общество, и даже сборище людей. Причем слово «толпа» здесь не имеет пренебрежительного смысла («толпы непросвещенной», «жадной» и т.п., с чем мы иногда встречаемся в русской поэзии). С обществом, толпой, согласно еврейским пословицам, следует считаться – ибо они «не глупы».

א אוילעם איז ניט

קיין גוילעם.

(А ОЙЛЭМ ИЗ НИТ КАЙН ГОЙЛЭМ)

«Общество – не болван».

אז די וועלט לאכט,

איז דאָ פון וועמען

און פון וואָס.

(АЗ ДЫ ВЕЛТ ЛАХТ, ИЗ ДО

ФУН ВЕМЕН УН ФУН ВОС)

«Если свет смеется,
то есть над кем и над чем».

Но в то же время:

וואָס קלענער דער אוילעס,

אלץ גרעסער די סימכע.

(ВОС КЛЭНЭР ДЕР ОЙЛЭМ,

АЛЦ ГРЕСЕР ДЫ СИМХЕ)

«Чем меньше народу,
тем больше веселье».

О вкладе каждого в общее дело:

אז איטלעכער קערט

פאר זיין טיר,

איז די גאנצע גאס ריין.

(АЗ ИТЛЕХЕР КЕРТ ФАР ЗАЙН ТИР,

ИЗ ДЫ ГАНЦЕ ГАС РЕЙН)

«Если каждый подметет возле своего крыльца,
вся улица будет чистой».

Даже к мнению нескольких людей следует прислушиваться:

אז צוויי דאָגן:

«שיקער», דארף זיך

דער דריטער לייגן שלאָפן.

(АЗ ЦВЕЙ ЗОГН: «ШИКЕР»,

ДАРФ ЗИХ ДЕР ДРИТЕР ЛЕЙГН ШЛОФН)

«Если двое говорят: «Ты пьян»,
третий обязан лечь спать».

О соотношении желаемого и возможного говорят
такие пословицы:

אז עס מאכט זיך ניט ווי מע וויל,

מוז מען וועלן ווי עס מאכט זיך.

(АЗ ЭС МАХТ ЗИХ НИТ ВИ МЕ ВИЛ,

МУЗ МЕН ВЕЛН ВИ ЭС МАХТ ЗИХ)

«Если не получается так, как хочется,
надо желать как получится».

מע טאָר ניט פארלאנגען,

וואָס מע קען ניט דערלאנגען.

(МЕ ТОР НИТ ФАРЛАНГЕН,

ВОС МЕ КЕН НИТ ДЕРЛАНГЕН)

«Нельзя желать недостижимого».

Интересная «диалектика» содержится в следующей
пословице:

אז דער מילנער שלאָגט

זיך מיטן קוימען-קערער

ווערט דער מילנער שווארץ

און דער קוימען-קערער ווייס.

(АЗ ДЕР МИЛНЕР ШЛОГТ ЗИХ МИТ ДЕМ КОЙ-

МЕН-КЕРЕР, ВЕРТ ДЕР МИЛНЕР ШВАРЦ

УН ДЕР КОЙМЕН-КЕРЕР ВАЙС)

«Когда мельник дерется с трубочистом,
то мельник становится черным,
а трубочист – белым».

Имеется притча о язычнике, который попросил еврейского мудреца очень коротко изложить суть Торы. Мудрец ответил: «Не делай другим того, что неприятно тебе. Вот и вся Тора, остальное – комментарии». Об этой сути еврейского Закона говорят и пословицы.

אז דער סוינע פאלט,
טאָר מען זיך ניט פרייען.
(АЗ ДЕР СОЙНЭ ФАЛТ,
ТОР МЕН ЗИХ НИТ ФРЕЙЕН)
«Не радуйся поверженному врагу».

אז מען פריידט זיך מיט
יענעמס סימכע,
דערלעבט מען די אייגענע.
(АЗ МЕН ФРЕЙД ЗИХ МИТ ЕНЭМС СИМХЕ,
ДЕРЛЕБТ МЕН ДЫ ЭЙГЕНЕ)
«Кто радуется чужой радости,
дождется и собственной».

О требовательности к себе говорит и распространённая пословица:

ווער עס עסט ניט קיין קנאָבל,
דעמ שטינקט ניט פון מויל.
(ВЕР ЭС ЭСТ НИТ КАЙН КНОБЛ,
ДЭМ ШТЫНКТ НИТ ФУН МОЙЛ)
«Кто не ест чеснока,
у того не воняет изо рта».

Есть и такой разумный совет:

רופט מען דיר ניט צו,
רוק זשע זיך ניט צו.

Еврей о себе и неевреях

Как и отдельный человек, народ, видимо, так же может заблуждаться в оценке своих качеств. В течение веков накопилось немало и предрассудков. Нельзя не учитывать склонности евреев к самоиронии, вследствие чего они вполне могут «Ради красного словца не пожалеть и родного отца». (Полагаю, что немало так называемых «еврейских анекдотов» насочиняли она сами).

С учетом сказанного рассмотрим некоторые пословицы о евреях и неевреях.

צווישן יידן ווערט מען
ניט פארפלן.
(ЦВИШН ИДН ВЕРТ МЕН НИТ ФАРФАЛН)
«Среди евреев не пропадешь».
דער יאם איז אן א גרונט,
און ייטישע צאָרעס -
אן א ברעג.
(ДЕР ЯМ ИЗ ОН А ГРУНТ,
УН ИДИШЕ ЦОРЕС - ОН А БРЕГ)
«Море бездонно,
а еврейское горе – безбрежно».
ווען דינגט א ייד?
ווען ער איז הונגעריק.

(РУФТ МЕН ДИР НИТ ЦУ,
РУК ЖЕ ЗИХ НИТ ЦУ)
«Если тебя не зовут,
не высывайся».
Хотелось бы привести еще несколько пословиц, свидетельствующих о тонкой наблюдательности народа.
דער גרעסטער ווייטיק איז דער,
וואָס מע קען אים פאר
אנדערע ניט אויסזאָגן.
(ДЭР ГРЕСТЭР ВЕЙТИК ИЗ ДЭР,
ВОС МЭ КЕН ИМ АНДЕРЕ НИТ ОЙСЗОГН)
«Наибольшая боль – это та,
о которой другим не скажешь».
א גאסט אויף א ווייל,
זעט אויף א מייל.
(А ГАСТ ОЙФ А ВАЙЛ,
ЗЕТ ОЙФ А МАЙЛ)
«Гость, пришедший на миг,
видит на целую милю».
דאָרט וואו מע האָט דיר ליב,
גיי ווייניק,
וואו מען האָט דיר פיינט,
גיי גאָר ניט.
(ДОРТ ВУ МЕ הОТ ДИХ ЛИБ, ГЕЙ ВЕЙНИК,
ВУ МЕ הОТ ДИХ ФАЙНТ, ГЕЙ ГОР НИТ)
«Туда, где тебя любят, ходи редко,
где тебя не любят – не ходи вовсе».

(ВЕН ЗИНГТ А ИД?
ВЕН ЭР ИЗ hУНГЕРИК)
«Когда поет еврей?
Когда он голоден».
מיט א יידן איז גוט נאָר
קוגל צו עסן, - נאָר ניט
פון איין טעלער.
(МИТ А ИДН ИЗ ГУТ НОР КУГЛ ЦУ ЭСН,
НОР НИТ ФУН ЭЙН ТЭЛЭР)
«С евреями хорошо лишь кугл есть,
и то не с одной тарелки».
בעסער א יידישע הארץ
מיט א גאָייש קאָפּ,

איידער א גאָייש האַרץ

מיט א ייריש קאָפּ.

(БЕСЭР А ИДИШЕ hАРЦ МИТ А ГОИШ КОП,
ЭЙДЕР А ГОИШ hАРЦ МИТ А ИДИШ КОП)

«*Лучше еврейское сердце с нееврейской головой,
чем нееврейское сердце с еврейской головой*».

לעבן זאָל מען צווישן גאָים,

שטארבן זאָל מען צווישן יידן.

(ЛЭБН ЗОЛ МЕН ЦВИШН ГОИМ,
ШТАРБН ЗОЛ МЕН ЦВИШН ИДН)

«*Живите среди неевреев,
но умрите среди евреев*».

И в заключение приведем еще одну пословицу:

ווער עס האָט ניט קיין בושע

אין פאָנים און קיין ראַכמאָנעס

אין האַץ, דער קומט ניט

ארויס פו יידן.

(ВЕР ЭС ХОТ НИТ КАЙН БУШЕ ИН ПОНИМ
УН КАЙН РАХМОНЕС ИН ХАРЦ,
ДЕР КУМТ НИТ АРОЙС ФУН ИДН)

«*Кто не знает краски стыда
и не имеет жалости в сердце своем –
не происходит от евреев*».

На этом заканчиваю свои заметки. Для меня это была вызывающая щемящее чувство попытка впервые прикоснуться к далекому детству, которое уже едва просматривается сквозь плотную пелену прожитых лет. Надеюсь, что какую-то пользу извлечет и благосклонный читатель.

АВИВА

Каждый раз, когда я думаю о моих родителях, мне хочется рассказать о них своим детям и внукам, чтобы они могли узнать из моих рассказов о некоторых подробностях жизни наших родных, о том, как они поступали в тех или других случаях, как преодолевали трудности жизни, что чувствовали. Часто я сравниваю себя в возрасте родителей, в возрасте своих бабушек и прабабушек. Это бывает весьма полезно и поучительно. Получается, что им в подобные их годы выпадали куда более трудные испытания, но ведь они их смогли преодолеть, они все равно были счастливы, несмотря на бесконечные трудности жизни. В этом и заключается великий пример жизни – наши предки дают нам оптимистический прогноз на будущее, а наша задача – не подводить их, оправдать их усилия по выживаемости и передать этот пример как эстафетную палочку своим потомкам.

Наша мама Гороховская Ави́ва Самуиловна родилась 29 февраля (!) 1924 года на границе зимы и весны, поэтому ее и нарекли ВЕСНОЙ (АВИВ в переводе с иврита на русский – Весна). И жизнь свою наша мама прожила счастливо, целеустремленно, интересно, любя все новое, доброе, позитивное. Родилась мама в местечке Бельцы (штетл – на идиш). Сейчас это современный город в суверенном государстве Молдова. Город имеет свой сайт (<http://www.beltsy.md/beltsy.php?get=hist>), где можно увидеть и прочитать много интересного об истории его возникновения. Но в пору рождения нашей мамы – местечко Бельцы было захолустьем и принадлежало провинции, носящей название Бессарабия. Читая мемуары нашего папы, Шамиса Маркуса Яковлевича, мы узнаем, что и он родился в Бессарабии (в местечке Резина). Вот, что пишет нам папа о своем месте рождения:

«Я родился 31.01.1920 в местечке Резина. Городок Резина располагался на правом берегу Днестра примерно в среднем его течении. Провинция, где находилась Резина, носит название Бессарабия и расположена между реками Днестр и Прут. За рекой Прут до реки Сирет расположена провинция Молдова. Обе эти провинции до 1812 года составляли княжество Молдова. Бессарабия с 14-го века являлась составной частью Молдавского княжества, а с начала 16-го века попала, как многие другие независимые государства на Балканах, под власть Османской империи. С 1812 года Бессарабский край стал частью Российской империи. В 1918 году по окончании 1-й Мировой войны Бессарабия воссоединилась с Румынией. Таким образом, родившись в январе 1920 года, я стал гражданином Румынии».

Мы видим, что и наша мама, а также вся ее семья, на момент маминого рождения проживала на территории «тогдашней» Румынии. Этот факт, что мои мама и папа были практически земляками и их семьи порознь в свое время, в годы лихолетья в начале 20 века, проживали на территории многоотрадной Бессарабии, которая то принадлежала

Российской империи, то отходила к Румынии, этот факт при их «космической» встрече, произошедшей в годы Второй мировой войны (для Советского Союза – Великой Отечественной войны) уже на территории Средней Азии, оказался фантастическим промыслом Судьбы. Как еще можно рассматривать этот факт?

Тем временем, мама росла в семье своих родителей Сусанны и Наума Гороховских. В семье говорили на двух языках: на идиш и на румынском. И еще немного бабушка Ривка говорила с нашей мамой, своей внучкой, на древнем языке иврит, на языке Торы. Этот забытый впоследствии язык своего детства мама вспомнила позже, в 90-ые годы в Ташкенте, когда наметилась волна эмиграции в Израиль, когда открылись границы благодаря «Перестройке», провозглашенной Горбачевым, когда наша семья решила на поездку в Израиль навестить Мишу, увезенного незадолго до этого его отцом Левой.

Однако, вернусь к годам маминой юности.

Как мы опять же узнаем из мемуаров нашего папы Маркуса Шамиса, летом 1940 года Бессарабия снова отходит к России (в лице Советского Союза). Вот как папа описывает эти события:

«28 июня 1940 года случайно днем я оказался на главной улице Яссы Лэпушняну. Прохожу мимо магазина радиотоваров. Из рекламного радиорепродуктора слышу:

«Атенцие! – Atencie!» (Внимание). Я остановился. Было примерно 12 часов дня. Слышу: «Говорит Бухарест». Радиоприемник передал Ультиматум Советского Правительства о том, что Бессарабия и Северная Буковина, незаконно захваченные в 1918 году, должны быть возвращены Советскому Союзу, и не позднее, чем через 48 часов Румынская Армия должна начать эвакуацию своих войск с указанных территорий. Таким образом, через двое суток часть Румынии (Бессарабия) оказалась территорией Советского Союза. Мы все еще оставались в городе Яссы на территории Румынии. Кишинев отошел к СССР».

Авива, Марк, 1957

Вокзал, 20-х годов

Сегодня уже не так трудно себе представить, как может оказаться человек вчера в одной стране, а сегодня (не делая ни одного шага за порог своего дома) – в другой стране, в другом государстве, с другими законами, с другим государственным языком. Так произошло на наших глазах в 1991 году, когда после подписания документов в Беловежской пуще, прекратил существование Советский Союз, и люди, проживавшие в нем, очутились на территориях своих ранее просто Советских Социалистических Республик, а теперь отдельных суверенных государств. Но мы все, пережившие это, можем себе представить, что это шок. Для одних – меньший, для других – больший. Но в любом случае – шок.

Итак, мамина семья в одночасье очутилась в Советском Союзе, в социалистической Молдавии. Молдавский язык похож на румынский, здесь проблем не было. Русский язык мама и вся семья тоже освоили достаточно быстро. У мамы оставался год до окончания школы, и она закончила советскую школу блестяще. Я помню, что когда я спрашивала маму, как же она справилась с такой трудной языковой задачей, она смеялась и говорила: «Я все-таки сделала в сочинении (или изложении – вот этого я, дочка, не помню) одну ошибку. Я написала слово ЭШАФОТ через Д, но только потому, что я знала, как это слово пишется по-английски – scaffold и по-французски – échafaud. Хорошо, что я не поставила 2ф». Тут поневоле вспомнишь притчу о Вавилонской башне. И еще больше заважаешь профессию переводчика. Но это лирическое отступление.

В июне 1941 года мама закончила среднюю школу и была премирована в числе нескольких лучших учеников поездкой в Киев на выходные вместе с их молодой учительницей Ниной Яковлевной. Этими

выходными были 21 и 22 июня 1941 года. Началась война. Гитлеровская Германия напала на СССР. Киев и эти места были подвергнуты массированному бомбовому удару. Школьники (их было 5 или 6 человек) вместе со своей учительницей не могли вернуться домой. Далее им приходилось передвигаться все глубже и глубже в тыл страны. Учительница была молодая, всего на несколько лет старше своих выпускников. Она их не бросила. Она переезжала с ними, пристраивая их то в детские дома, то просто в семьи. Она сохранила их всех. Позже все эти выжившие ученики переписывались и дружили с Ниной Яковлевной до последних ее дней. Она потом жила в Киеве. У меня на память от нее – многотомная энциклопедия История Искусств. Так мама оказалась в Средней Азии, сначала в Коканде, где только через год ее разыскала семья, а затем и в Ташкенте, городе, который приютил на своих территориях очень многих советских людей, оказавшихся в этих краях в результате войны. (Об этом времени, о подвиге и узбекского народа, оказавшего гостеприимство всем, попавшим в беду, читайте в повести Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».)

А теперь я хочу описать еще один папин рассказ, как папа увидел маму впервые. Это было уже позже, в 1947 году. Папа с семьей (отец, мама и папина младшая сестренка Бэлла) очутились тоже в Ташкенте. Дедушка Яков был врачом, а папа в это время учился на врача. Они искали, где можно поселиться ближе к дедушкиной работе, и кто-то им дал адрес в одном из районов глинобитного послевоенного Ташкента, сказали, что там узбеки сдают комнаты, и в том районе селятся евреи. Дедушка поручил папе пойти в указанный район. Вот как описывает папа этот эпизод:

«Я вошел в небольшую полуподвальную комнату. Моя голова почти задевала потолок. Нужно было спуститься на несколько ступеней вниз. В глубине небольшой комнаты сидела молодая девушка неземной красоты за низким столом и занималась (читала книгу). Рядом горела керосиновая лампа и освещала ее лицо. Как будто в темной кибитке я увидел лик луны. Тогда я сразу же подумал, что это моя Судьба. Я выяснил, что эта девушка с родителями тоже снимают тут жилье. Я попросил разрешения еще приходить сюда. Наша семья тоже сняла жилье поблизости, и мы стали встречаться. Я пригласил Авиву в кино. Это был фильм «Первая перчатка». Авива вошла в мое сердце с первой встречи. Фотография, где она в клетчатом пальто и в шляпке – это как раз тот 1947 год, когда нас судьба свела на чужбине, но это были очень счастливые дни. Авиве тогда было 23 года. Через год, 24 мая 1948 года мы поженились, а 8 марта 1949 года у нас родилась наша первая дочка Идочка». Вот так все перипетии глобальных политических процессов, бушующих на огромных пространствах мироздания, сошлись в этой точке места и времени, в городе Ташкенте, в одном из старых его районов, весной 1947 года, откуда дальше продолжилась история нашей семьи, другие главы которой, я мечтаю еще представить вашему вниманию.

Семейная хроника

Недавно исполнилось 4 года, как ушёл из жизни мой папа, Маркус Яковлевич Шамис. Он закончил свой жизненный путь в возрасте 87 лет, прожив долгую и интересную жизнь. Мы, его дочери, а также внуки, внучки и правнуки, заставшие прадеда, помним его и любим. Я предоставляю вниманию читателей воспоминания папы о своём детстве, семье, рассказ о некоторых событиях давно минувших лет, которые врезались в его память в детстве и юности. Папа был очень наблюдательным, думающим ребёнком, относился к жизни как к раскрытой книге, которую с интересом и азартом читал до последнего дня своей жизни.

Элла Осипчук

Воспоминания Марка Шамиса

Я родился 31.01.1920 в местечке Резина (штетл – на идиш). Городок Резина располагался на правом берегу Днестра примерно в среднем его течении. Название городка от имени барона Розена, который владел когда-то этими землями. Сколько там было жителей в это время, точно не знаю, но вероятно, около 3 тысяч человек. В городе было три больших улицы: «Главная» – застроенная вдоль побережья с двух сторон, «Средняя» улица и «Подгорная» – протянувшаяся вдоль холмистой части города.

Провинция, где находилась Резина, носит название Бессарабия и расположена между реками Днестр и Прут. За рекой Прут до реки Сирет расположена провинция Молдова. Обе эти провинции до 1812 года составляли княжество Молдова. Бессарабия с 14-го века являлась составной частью Молдавского княжества, а с начала 16-го века попала, как многие другие независимые государства на Балканах, под власть Османской империи. С 1812 года Бессарабский край стал частью Российской империи. В 1918 году по окончании 1-й Мировой войны Бессарабия воссоединилась с Румынией. Таким образом, родившись в январе 1920 года, я стал гражданином Румынии.

Здесь надо добавить, что я в то время очень топорился появиться на свет и родился на два месяца раньше положенного срока. Позже моя мама (для моих дочерей – бабушка Роза, урожденная Лукиановская) рассказывала мне, что в этот день был сильный мороз и вьюга. Для определения возможности про-

ведения обряда обрезания на 8-й день после рождения потребовалась консультация специалиста раввина. Осмотрев меня, он без колебаний дал добро, сказав: «У ребенка нормальный цвет».

При записи в книге учета новорожденных отец хотел записать имя Марк. Казенный раввин сказал, что имя должно быть или на идиш, или румынское. Тогда отец решил записать мое имя по-румынски – Маркус.

Моя бабушка Ита приготовила 15-20 пустых бутылок из-под вина, простерилизовала их кипячением и заполнила вином из лучшего винограда. Их закрыли пробками при соблюдении всех правил консервирования, залили пробки сургучом и закопали в погреб. Эти бутылки, о которых никто не знал в течение всего этого срока, раскопали только через 13 лет, когда по еврейскому закону я достиг совершеннолетия. Их передали в синагогу на торжества по случаю моей бар-мицвы.

Виноград, из которого делалось вино, был свой. У дедушки Нафтали (дед со стороны матери) был вино-

градник в 2 гектара на холме близь городка на расстоянии 30-40 минут ходьбы. Такие виноградники были у многих жителей городка. Помню, банк в Резине привозил виноградные черенки из Франции и снабжал виноделов лучшими сортами. Большинство же земледельцев – жителей городка, занималось табаководством. Остальные жители занимались торговлей. Были большие оптовые магазины и маленькие розничные. Были в городке две небольших маслобойни, на них работали молдаване из соседних сел. Было много ремесленников, портных, сапожников, кузнецов. Было и много бедняков. Помню, что у нас была домработница Рахель – я не хотел, чтобы она качала мою коляску! Детских садов у нас в Резине не было. Состоятельные люди держали для детей бонну, а также прислугу (домработницу).

Моего деда со стороны матери звали Нафтали – это библейское имя, так звали одного из 12-ти сыновей патриарха Якова. Фамилия деда была Лукиановский. Год рождения деда Нафтали я не помню. Он был набожным человеком, хорошо знал Тору. Дедушка был родом с Украины, он хорошо знал украинский язык. Помню, сидя за столом на кухне, он держал меня на коленях и напевал очень мелодичные украинские песни и песни на идиш. Когда я подросток и стал кое-что понимать в житейских делах, я узнал, что дедушка Нафтали имел конфетную фабрику в период, когда Бессарабия принадлежала Российской империи.

Я хотел бы сказать несколько слов о нашем доме в Резине. Дом стоял как бы из двух частей, или можно сказать, что это были два дома. Один дом выходил фасадом на «Главную» улицу, второй выходил фасадом на «Среднюю». В первом доме размещалась небольшая конфетная фабрика. На конфетной фабрике у дедушки Нафтали работали несколько женщин и один мужчина – молодой человек по имени Мордехай. Он был родом с Украины и был родственником то ли моего дедушки, то ли бабушки. Когда в 1918 году румынские войска заняли Бессарабию, Мордехай решил вернуться на Украину. В то время граница через Днестр еще не была твердо установлена, и можно было переходить ее, не особо нарушая закон. Моя бабушка тогда потеряла связь с Мордехаем. Но наша семья неожиданно встретится с ним позже в эвакуации в Ташкенте.

В 1917 году, после Февральской революции, российские войска стали возвращаться с фронта домой. Над Резиной и Рыбницей часто возникали перестрелки, но постепенно они затихли. В то время моя мама жила с бабушкой, у них квартировал офицер русской армии. Однажды этот офицер пришел и объявил: «Все, война для нас закончилась, я уезжаю домой в Санкт-Петербург. Я расскажу дома, что был в стране, где хлеб не пекут, а варят. И режут хлеб не ножом, а ниткой». Он имел ввиду мамалыгу. В эти тревожные дни моя мама жила с бабушкой Итой.

А дед Нафтали в этот период жил в Америке у своего брата Якова. Вот как он туда попал. Брат дедушки жил на Украине. В начале XX века в черте оседлости прокатилась волна еврейских погромов. Власти стремились направить волну недовольства на евреев и других инородцев. В этих условиях усилилась эмиграция евреев. Брат дедушки Яков эмигрировал в Америку. Дедушка получил приглашение от него в 1913 году и в этом же году уехал. В то время в Америку можно было добраться только пароходом. Билет назывался шипскарт. Брат Яков жил в Нью-Йорке, в Бруклине. У него к тому времени был уже двухэтажный дом, на первом этаже дома был магазин посуды, фарфора и хрусталя. А начинал Яков с торговли вразнос, толкал перед собой по улице лоток на колесах, который останавливал в людных местах. Торговля шла бойко, а главное преимущество – она не облагалась налогом. Дедушка тоже начал заниматься этим бизнесом и занимался им с 1913 до 1919 года. За все это время никто ни разу не спросил у него документов или разрешения на торговлю. В Америке фамилию деда иммиграционные власти для краткости изменили на Лукинский. Дед Нафтали прожил в Америке 7 лет, но английского так и не выучил – не было в этом надобности.

Уехал дед Нафтали из Бессарабии, которая принадлежала России, а вернулся в Бессарабию, которая принадлежала Румынии. Он рассказывал, как в Констанце, главном порту на побережье Черного моря, его долго мучили вопросами и бумажной волокитой. А приехал дедушка, опоясанный специальным поясом с долларами. Приехал потому, что бабушка Ита не соглашалась ехать в Америку – она не переносила качку на море.

Что же собирался делать дед Нафтали с долларами в бедной Румынии? Он решил создать конфетную фабрику в столице «Великой Румынии» – Бухаресте. Румыния в конце Первой мировой войны примкнула к Антанте (Англия и Франция) и стала Великой Румынией с множеством провинций – в том числе Трансильвания, Буковина и Молдова – от Карпат до Днестра! У дедушки были большие планы, но судьба решила по-своему. Дедушка связался с компаньоном, который его обманул. Почти все заработанные в Америке доллары пропали. Но дедушка был верующий человек, что и помогло ему пережить случившееся. Он считал, что такова воля Вс-вышнего, как он называл Б-га. Он продолжал ходить в синагогу, делать хорошее вино, но с трудом сводил концы с концами. Пробовал купить корову, но дела не пошли, занимался торговлей пшеницей – тоже не повезло. Он все время вспоминал, как в Бруклине он на бойком месте торговал безделушками, слониками, лошадаками, танцующими парами. Он рассказывал, как все это расхватывали бабушки для своих внуков за какие-нибудь центы, которые довольно быстро превращались в целые доллары. Он набирал на фарфоровой фабрике бракованные изделия, а по вечерам подклеивал эти

разбитые безделушки, распиливал и приспособливал к ним недостающие части. Заработанные центы брат Яков быстро превращал в зеленые бумажки – ему нужна была мелочь для размена в магазине.

У Якова было два сына, старшего звали Эйба, он учился в университете на адвоката – очень престижная профессия в Америке. Дедушка однажды рассказал мне, как Эйба в каком-то парке встал на бочку и произнес перед публикой речь, из которой, конечно, мой дед не понял ни слова. Однако, как он сказал мне на идиш, «он говорил так, будто изо рта у него сыпался жемчуг! Его слушали с открытыми ртами!».

Детство

Я рос физически не очень крепким и не очень послушным мальчиком. Бабушка тыкала мне ложку с едой в рот, а я не хотел кушать. Но она заметила, что я охотно кушаю у наших соседей, где за одним столом сидели еще два мальчика. Они черпали бульон не каждый из своей тарелки, а из общей глубокой посуды, скорее похожей на миску. Я тогда не знал, что это просто из-за отсутствия тарелок в доме. Бабушка ухитрялась заносить мой обед или завтрак к соседям, и я его там охотно съедал. Когда я капризничал, бабушка угрожала мне, что пойдет утопиться в Днестр, и делала вид, что идет эту угрозу осуществить. Но однажды я заметил, что она спряталась за дверь, и больше уже этот номер не проходил.

Дед Нафтали привел меня к первому ребе в хедер – его звали Эли. Я помню, у него была большая белая борода. Ребе учил меня и таких же, как я, ребят еврейскому алфавиту – это был первый класс. Мне было 4-5 лет. Показывая на букву «алеф» гибким гуттаперчевым указателем, ребе говорил название буквы, и я повторял – алеф, и так далее несколько букв. Сначала он уделял внимание каждому ученику в отдельности, потом вся группа хором повторяла за ребе. Ребе не забывал каждого хвалить за успехи. Занятия продолжались недолго, но когда нас отпускали домой, мы вылетали из хедера, как картечь из ружья! Благо, что в те времена на улицах не было не то что автомобилей, но даже повозок с лошадьми или волами.

Учеба в хедере продолжалась до семилетнего возраста. Я по мере роста переходил от одного ребе к другому, пока не дошел до изучения Торы у ребе Натана. Я уже читал свободно Тору, но переводить свободно еще не мог. Здесь, в Израиле, в Ришоне я встретил одного врача, моего бывшего одноклассника, с которым я учился у последнего ребе – было что вспомнить. Вопросы ребе мы не задавали. Он читал соответствующий раздел Торы на иврите и переводил на идиш.

Мы, дети, узнали очень рано, кто мы такие. В хедере нам объяснили, что мы евреи. Слово «еврей» мы не произносили. Мы знали название нашей национальности на идиш. Это звучит так: в единственном числе говорят с артиклем «а ид», во множественном «идн».

С северной стороны городка было село Черна, где жили молдаване. На южной стороне находилась деревня Сахарна, на востоке Днестр и напротив – город Рыбница, откуда видны были дымящиеся высокие трубы, очевидно, от заводов и слышны были звуки гудков поезда. А по вечерам были слышны звуки оркестра из городского сада. На запад уходила дорога

Брат дедушки Яков стал миллионером. Он держал деньги в частных банках, которые давали более высокий процент. Но часть денег он держал и в государственном банке. В 1929 году в Америке разразился сильнейший экономический кризис. Все частные банки лопнули. Деньги Якова, хранившиеся в этих банках, испарились в одночасье. Яков не был человеком религиозным, он не выдержал этого удара и покончил с собой – зашел в ванную и открыл газовый кран. Его жена писала бабушке, что в государственном банке у него осталось столько денег, что хватило бы на несколько поколений Лукинских.

в село Матеуц и дальше в уездный город Орхей. По воскресеньям в город к нам приезжали крестьяне на «каруцах», у некоторых в повозки были запряжены не лошади, а волы. Крестьяне привозили сельхозпродукты, а в магазинах они покупали себе нужные им промтовары.

Изучая Тору, я все больше узнавал о традициях моего народа, с другой стороны, я чувствовал какое-то раздвоение, и это причиняло мне немало переживаний. Я всегда стремился придерживаться традиций и вместе с тем относиться к другим окружающим меня народам с уважением, старался их понять.

Учился я в хедере до семилетнего возраста, разговорным языком там был идиш. Он относится к германской группе языков с примесью слов из языков народов, окружающих евреев в данной местности. Когда мне исполнилось семь лет, я пошел в первый класс румынской школы. В Резине сразу же после присоединения ее к Румынии в 1918 году была открыта начальная румынская школа и румынская гимназия до 4-го класса. Из Румынии прислали учителей и директоров, были и часть учителей из местных, которые знали молдавский язык, не очень отличающийся от румынского.

Нужно сказать, что интеллектуальная элита Румынии не признает существования молдавского языка. Молдова, т.е. Бессарабия, в X – XI веках входила в состав Киевской Руси – в Галицко-Румынское княжество. Так что славянизмов в молдавском, да и румынском языках очень много. Об этом можно много писать, как и спорить о сходстве и различиях между молдавским и румынским языками.

Как бы то ни было, а мои детские мозги тогда быстро схватывали язык. Вскоре я начал бегло говорить

по-румынски. Дома, однако, продолжали говорить на идиш. Я стал двуязычным – «биглосса» (глосса – язык по-гречески): в школе – румынский, дома – идиш.

Я помню первые дни, когда я ходил в 1-й класс с дощечкой и грифелем. Мы записывали на дощечке буквы латинского алфавита и названия предметов, которые учитель нам показывал, на румынском языке. Весь класс хором повторял слова, сказанные «профессором» – так по-румынски называют учителя.

Об отце и его родителях

Отец Шамис Яков Залманович 1893 г. рождения, дедушка Шамис Залман, бабушка Шамис Нехама (в девичестве Вайдергорн).

Родились они, вероятно, на севере Бессарабии, они хорошо говорили на молдавском и румынском языках. Отец родился в селе Новоселица. Говорил хорошо на молдавском и русском языках. В 1936 году вся наша семья – папа, мама, я и моя сестра Бэла – покинули город Резину и переехали в городок Биволарь, что находится на правом берегу реки Прут, недалеко от города Яссы. С нами была домработница Параскива (мы ее звали Кица). Меня отдали в школу, которая находилась на окраине городка. Это было ремесленное училище, там делали плетенную мебель. Я думаю, что вся эта затея с переездом в Биволарь была задумана дедушкой Залманом и бабушкой Нехамой, чтобы мы были поближе к ним. Они жили недалеко, в часе езды на дедушкиной двуколке.

Бабушка имела маленький магазин (дугеана) в селе Якобени. Дедушка Залман имел в том же селе питейный дом. Известно, что в 18-19 веках бессарабские евреи занимались главным образом шинкарством и торговлей, т.е. были хозяевами кабаков и питейных домов.

Через некоторое время он продал питейное заведение, переехал на хутор около села Якобени и стал работать управляющим имения знаменитого помещика по фамилии Негруци. Этот помещик владел 500 гектарами пашни и лугов в местечке Брошени.

Дедушка имел свою молотилку и мельницу, а также лошадь с бричкой (двуколка). Подальше от дома, рядом с конюшней находился свинарник, и в нем 10-15 свиней. Во время каникул я находился всегда то у бабушки в Якобени, то на хуторе в Брошени у дедушки. Я любил лошадку дедушки и ухаживал за ней. Я заметил, что когда я открывал дверь конюшни, лошадь чувствовала, что иду именно я. Дедушка мне говорил, что лошади нельзя давать много овса, но я давал ей указанную порцию и всегда добавлял еще немного, сколько помещается в одной моей ладони «сверх плана». А солому и траву можно было давать сколько угодно. Верховая езда была для меня самым приятным делом. Никогда я не подгонял лошадку плетью. Только на мои шаги она покачивала головой и мурлыкала. Я часто выходил из дома, прихватив в руке немного овса, подходил и открывал ладонь, и лошадь губами вылизывала все с ладони. Однажды я протя-

нул кочан кукурузы и неправильно подал, и остался у меня на ногте большого пальца синяк!

Дедушку и бабушку знала вся округа, дед имел деловые связи с ближайшими железнодорожными станциями – Владень на севере и Шолдано, южнее вышеназванных сел. На железнодорожный вокзал Шолдано я ездил не верхом на лошади, а на двуколке с заданием «принести пакет». Дело в том, что на вокзале был зерновой склад, где работали два приемщика. Они принимали у дедушки зерно: пшеницу, овес, кукурузу. Дедушка предупредил меня, чтобы я взял этот «пакет» внутри помещения, так чтобы никто не видел. Я все понял, ведь мне тогда было уже 16 лет. Я уже разбирался в социальных явлениях, знал о структуре общества и о политическом положении в Европе после 1933 года. Это был уже 1936 год, т.е. прошло 3 года после прихода Гитлера к власти в Германии. Только позже я узнал, куда идет пшеница, выращенная крестьянами Румынии, куда идут кожа, меха, яйца и другое сырье, куда направляется румынская нефть из Плоешти. Все это шло в Германию.

Отец работал в Биволарах только один год. В 1936-1937 году мы переехали в город Яссы. Я, наконец, поступил в пятый класс платного лицея имени Михаила Когылничану, который находился почти рядом с нашей улицей. Половина учеников были евреями по национальности. Учителя были знаменитые, деканом лицея был Асман.

О переезде в город Яссы

Город Яссы – бывшая столица княжества Молдова. Во время господаря Штефана Великого границы Молдовы были: на востоке – Днестр; на севере – Буковина (Австро-Венгрия); на западе – цепь восточных Карпат. В Яссах проживало очень много евреев.

Переехали в Яссы примерно в 1936 году. Я запомнил 1936 год по Олимпиаде, которая проходила в Германии, в Берлине, где в это время уже правил Гитлер.

Я был с товарищами в кинотеатре «Трианон». Все картины всегда начинались с киножурнала. Кинотеатр работал с утра до ночи без перерыва. Сеансов не было – сиди и смотри сколько хочешь раз. Показывали киножурнал вроде «Последние известия». Показали олимпийские соревнования. Показывали Гитлера, который сидел на трибуне в качестве болельщика, хлопал ладонью по колену и «переживал» за немецкую команду – команду «высшей расы». Чаще побеждали спортсмены из США, к тому же негры! Помню, когда боксер Джоэ Льюис, представитель «низшей» черной расы, во втором раунде сломал Максу Шмелингу несколько ребер – на этом игра была прервана! Реакция представителей «высшей расы» была очень бурной!!!

В связи с Олимпиадой и запомнился год переезда в город Яссы.

О родителях моей мамы Розы

Дедушка Нафтали родился на Украине. Держал меня на руках, он любил мне петь или просто напевать украинские песни, а я внимательно слушал.

Когда я подросток и в юношеском возрасте кое-что стал понимать, я узнал, почему в те годы меня воспитывали бабушка Ита и дедушка Нафтали.

Перед тем, как обосноваться в городе Яссы, мои родители, я и сестричка Бэлла жили недолго под городом Яссы в городке Биволарь на берегу реки Прут. Из Резины родители «прихватили» и нашу домашнюю прислугу Кицу (Параскиву), которая помогала маме по хозяйству. В Биволаре на окраине была маленькая муниципальная больница. Получить должность врача в земской больнице мог только румын по национальности. Помню, там работал один врач, заведующий Каранда. С ним папа дружил.

Из-за меня родители папы предложили переехать в Яссы, чтобы я мог продолжить учебу в гимназии, закончить и сдать бакалавр и поступить в высшее учебное заведение. Это было мечтой подавляющего числа еврейских родителей.

Сумеет ли отец в большом городе выдержать конкуренцию многочисленных врачей, у которых, кстати, были хорошо оборудованные кабинеты с аппаратурой, привезенной из развитых стран Европы? У моего папы этого не было. В Яссах пришлось жить в одной из квартир одной старушки, которая получила в наследство серию домов по улице Халей – по-румынски – Strada Halei №3, в центре города, рядом с городским крытым рынком (Halla). У хозяйки был управляющий, который собирал (выбивал) квартплату ежемесячно с каждого жильца. Отцу пришлось

Папа был врач – представитель «свободной» профессии – и в поисках счастья кочевал с одного места на другое. Так я запомнил, где он работал, начиная примерно с 1928 года: Липкань – городок или скорее большое село на севере Бессарабии; Рэдэуць – тоже городок на севере Бессарабии; Резина – родной город бабушки Розы и мой родной городок.

платить, кроме налогов, также за мою учебу. Я поступил в платный частный лицей Михаил Когылничану, который находился недалеко от нашей квартиры.

Поступить не румыну в Liceu National, т.е. в Национальный лицей не было возможности. В Яссах еще был Французский лицей, который финансировался Католической церковью Франции. Туда принимали евреев, плата за обучение была не очень большая. Девочка-соседка, помню, училась в этом лицее.

Начал я обучение с 5-ого класса. Директором лицея был некий Assman – немец, женатый на еврейке. Учился я как средний ученик.

Учитель французского языка упорно отказывался говорить с нами на уроке по-румынски. В Яссах я уже говорил по-румынски и дома, и на улице и всюду. Идиш стал забывать.

В 7-ом классе произошло разделение: я перешел в гуманитарное отделение, другие – в техническое. Я мечтал пойти по стопам отца. Увеличилось количество часов по латыни, прибавился древнегреческий язык – 2 часа в неделю, румынская литература. Другая группа в техническом отделении изучала вместо этих предметов высшую математику. Для будущего бакалавра нужно было изучить досконально одного из румынских писателей. По-румынски – Autorul preferat – предпочтительный автор. Мой автор был Ион Лука Караджале. Я обязан прочитать все его произведения, знать его литературных критиков, словом, все досконально об этом авторе. По окончании 8-го класса гимназии имени Михаила Когылничану я фактически закончил полную среднюю школу – 12 классов.

Тридцатые годы были очень тревожными. В 1933 году Гитлер в Германии пришел к власти, и это обстоятельство повлияло и на Румынию. Румынский правящий класс или, как сейчас говорят, истеблишмент, традиционно был связан с Францией. По мере усиления агрессивности Германии крепчали правые антисемитские партии. Даже на короткое время пришла к власти кузистская партия от слова Куза – фамилия руководителя этой партии. Ее официальное название «Национал-христианская партия». Ее эмблемой была свастика, она удержалась у власти недолго. Активизировалось крайнее движение «Железная гвардия». Его главарь Кодряну и несколько сообщников были несколько лет назад расстреляны «при попытке к бегству».

Молодежь, ученики старших классов испытывали давление с двух сторон. Еврейская молодежь – давление национального лагеря – сионистов. С другой стороны чувствовалась и работа подпольной коммунистической партии. Я получал от ребят и от студентов массу подпольной литературы. Я даже удивлялся, что брошюры маленького размера, но так хорошо и четко напечатаны. Не верилось, что печатается подпольно. Скорее всего литература подбрасывалась контрабандным путем из СССР. Я так думаю. Но меня снабжали регулярно. Родители и моя сестричка не знали.

Забегу вперед и скажу, что в Самарканде на 1-ом курсе мединститута со мной учились еще двое из Бессарабии, т.е. Молдовы. Преподаватель женщина говорила студентам обо мне: «Смотрите, парень только недавно в Советском Союзе, а уже знает об «Анти-Дюринге», о Феербахе, читал Ленина («Империализм, как последняя стадия капитализма») и т.д. Я не хотел ее обидеть, поэтому я молчал, но думал: «Запретный плод сладок».

По мере взросления у меня возникали вопросы. Почему периодически меня и несколько других ребята отсылают из лицея домой, потому, что родители несвоевременно вносят деньги за обучение? Откуда отец берет эти деньги? Бабушка Нехам только в 1936 году купила папе тонометр французского производства. Romania Mare (Великая Румыния) аппаратов для измерения кровяного давления не производила! И заплатила бабушка Нехам 5000 лей. Цена лошади по тем временам. Близость родителей со стороны отца я ощущал лучше, когда в летнее время ездил к ним (примерно 30-40 км от Яссы) сначала в село Якобени, потом на Хутор Броштень (1,5 км от Якобени),

где дедушка работал управляющим у помещика Негруци. Помещик имел только в районе города Яссы 500 гектаров земли. Я никогда помещика не видел, он жил то в Париже, то в Бухаресте

О жизни и работе бабушки Нехамы и дедушки Залмана можно писать целые тома. Как я уже упоминал, бабушка держала магазин в селе Якобени, а дедушка в этом же селе держал Корчму. Помню, около корчмы устраивали танцы, где по поводу и без повода играли лэутари (музыканты). Парни и девушки-сельчане устраивали танцы – из-за пыли не видать танцоров. Бабушка и дедушка имели свой кусок хлеба и помогали своему сыну. Благодаря им и я смог закончить гимназию.

Бабушка в делах была умеренна. Дедушка любил рисковать. Бывало, проигрывал в законных делах. Но бывало, что зарабатывал – тогда уж это был заработок!!! Я чувствовал, что дед и баба спорят из-за разного подхода к деловым вопросам.

Дедушка был в хороших отношениях с местными властями, он даже имел местное разрешение носить оружие (имел Браунинг). Многие знали, что он «вооружен».

У отца не было фундамента для создания оснащенного медицинского кабинета хотя бы в собственном доме. Время шло, я благополучно закончил лицей Михаил Когылничану, который находился на ул. Россети недалеко от нашего дома. 4-го июня 1940 года я сдал экзамен на получение диплома бакалавра (по-румынски – баклауреат).

28 июня 1940 года случайно днем я оказался на главной улице Яссы Лэпушняну. Прохожу мимо магазина радиотоваров. Из рекламного радиорепродуктора слышу:

«Атенцие! – Atencie!» (Внимание). Я остановился. Было примерно 12 часов дня. Слышу: «Говорит Бухарест». Радиоприемник передал Ультиматум Советского Правительства о том, что Бессарабия и Северная Буковина, незаконно захваченные в 1918 году, должны быть возвращены Советскому Союзу, и не позднее, чем через 48 часов Румынская Армия должна начать эвакуацию своих войск с указанных территорий. Таким образом, через двое суток часть Румынии (Бессарабия) оказалась территорией Советского Союза. Мы все еще оставались в городе Яссы на территории Румынии. Кишинев отошел к СССР.

Европа перед войной

Румыния обычно проводила в Европе профранцузскую политику. Франция в свою очередь защищала интересы Румынии при заключении Версальского Договора в 1918 году. Тогда к трем княжествам, из которых состояла Румыния до 1918 года (Молдова, Мунтения, Доброджа) присоединились Трансильвания, Банат, Олтения, Кришана и Марамуреш на западе, Бессарабия на востоке и Буковина на севере. Румыния стала, как говорили сами румыны, Великой Румынией.

С приходом Гитлера к власти в 1933 году резко нарушился баланс сил в Европе. В 1935 году Германия захватила демилитаризованную зону около француз-

ской границы. Франция стала строить «линию Мажино» вдоль Рейна – границы с Германией. В 1938 году Германия оккупировала Австрию, затем потребовала

присоединения территорий, где проживали немцы вдоль чешской границы. Англия и Франция уступили немцам (Мюнхенское соглашение). Это соглашение привело к последующей оккупации немцами Чехословакии. Словакия стала марионеткой Германии.

Летом 1939 года между Германией и СССР был заключен Пакт о ненападении. 1-го сентября 1939 года Германия напала на Польшу, это было начало 2-й Мировой войны. За этим последовал ввод советских войск в Западную Украину и Белоруссию. Гитлер оккупировал прибалтийские страны. В 1939 году была также финская война.

В этих условиях мы, ученики старших классов, ощущали давление с двух сторон. С одной стороны от подпольного коммунистического движения Румынии, которое распространяло нелегальную коммунистическую литературу. Родители не знали, что мы ее читаем. С другой – от сионистского лагеря, пропаганда которого не была подпольной.

Вернемся к важным событиям немного назад, к судьбоносному дню 28-го июня 1940 года – объявлению советским правительством ультиматума Румынии о возвращении Бессарабии и Северной Буковины. Советские войска в течение 48 часов достигли реки Прут, и румынская армия отступила. Началось беспорядочное бегство населения, причем по двум направлениям. Проживавшие в Румынии выходцы из Бессарабии старались вернуться на родину в Бессарабию. Проживавшие в Бессарабии выходцы из Румынии тоже стремились на свою родину в Румынию. В этой суматохе возникли перестрелки на всех переправах на реке Прут, особенно в городах Рени, Галац, Унгены. Все это в 15-ти километрах от Яссы, где мы проживали на тот момент.

В таких условиях было страшно трогаться с места. Мы имели право вернуться в Бессарабию, однако занимали выжидательную позицию. Но через 15 дней папа получил повестку из полиции срочно явиться в пункт Пуцекюя, что на юге Молдовы в распоряжение какой-то военной части. В повестке было сказано: «Младшему лейтенанту врачу-терапевту г-ну Шамис Якову явиться в распоряжение в/части N...». Папа не знал, что делать, но как законопослушный гражданин, он нашел друга, у которого была форма лейтенанта, оделся, сел на поезд и поехал... Каково

было наше состояние, когда наша семья осталась без единственного кормильца!

Когда он доехал до станции назначения и собрался выходить, ему преградил путь один военный-румын. Он по лицу определил, что отец не румын, а еврей, и потому не хотел его пропускать. Неподалеку находились офицеры более высокого ранга. Один из них вынул из кобуры пистолет, приставил его к «антисемиту» и сказал: «Это офицер нашей армии, если не пропустишь его – выпущу в тебя весь заряд!». Инцидент был исчерпан, отца пропустили.

И вот здесь произошла первая счастливая случайность. Когда папа добрался до места назначения, начальник части неожиданно заявил: «Мы не нуждаемся во врачах. Кто вас послал? Возвращайтесь домой!». На оборотной стороне повестки он написал разрешение. Отец немедленно подчинился приказу и первым же поездом вернулся домой! Какова же была наша радость – папа вернулся! Это был второй счастливый момент в нашей жизни – отец благополучно добрался до дома и соединился с семьей. Позже мы узнали, что эта злополучная «повестка» была подстроена мелкими людьми из полиции.

Мы все еще раздумывали, перебираться ли в Бессарабию. Весь период с июня 1940 года по декабрь 1940 года были только страх и неопределенность. Бабушка Нехама поехала из хутора Броштень к своим родным в г. Черновцы. Туда же поехал и дедушка Залман. Потом мы взяли его к себе в Яссы. В третий раз нам помог счастливый случай. Отец вспомнил, что когда-то он лечил двух «ребят» - сотрудников «Сигуранцы» (румынская служба госбезопасности). Он обратился к ним за советом. Эти «ребята» сказали буквально следующее: «Доктор, уезжай домой (в Бессарабию). Будет большая война, и вам (т.е. вашей нации, евреям) будет плохо.» Отец воскликнул: «Но как ехать, вы же видите, что делается на переправах!». Они ответили: «Ничего, мы дадим вам двух наших сопровождающих, и они всех вас переправят через границу».

Так судьба нас хранила. В декабре 1940 года мы упаковали вещи и сели на поезд: папа, мама, сестра Белла, я, дед Залман в сопровождении двух парней из «Сигуранцы».

Переезд в Кишинев

В Европе продолжалась война. 10-го марта 1940 года Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Голландии и начала наступление в сторону побережья Атлантического океана, в направлении на Дюнкерк. Английская армия во Франции стала отступать в сторону Дюнкерка. Внезапно Гитлер отдал приказ остановить наступление на Дюнкерк и повернуть основные силы на юг, на Париж! Историки полагают, что этот приказ был намеком Великобритании о том, что Германия предлагает ей перемирие и совместную борьбу против большевизма. Черчилль был ярким противником соглашения с Германией. Придя к власти, он после нападения Германии на СССР заявил о полном и безоговорочном союзе с СССР против нацистской Германии.

Французы отступали, остановить немцев они не смогли. Устроить им второй Верден французы не

сумели. Париж был объявлен «открытым городом». Немцы заняли Париж и северную часть Франции.

Английский корпус, воевавший во Франции, успел благополучно переправиться через Ла-Манш на родину. В городе Виши генерал Петен сформировал правительство и подписал акт капитуляции в лесу Компень, в том же самом вагоне, где в 1918 году был подписан акт о капитуляции Кайзеровской Германии.

Венгрия, союзник Германии, потребовала свой кусок добычи и получила часть Трансильвании – бывшей румынской провинции. Город Клуж и его окрестности перешли к Венгрии. Болгария получила два уезда на юге румынской провинции Добружа. Чехия превратилась в протекторат Германии. Словакия отхватила кусок южной Польши. Картина, напоминающая джунгли: тигр ловит крупную дичь, а вокруг собираются гиена, коршуны и другая мелкая дичь и все рвут, что попадет.

В этих условиях в Румынии происходила борьба за власть. Крайне правые открытые нацисты «Железная гвардия» пытались взять власть, но это было невыгодно Германии. Германии нужно было иметь у власти «патриота», а не «предателя-марионетку». Генерал Антонеску, представитель буржуазии, связанный с традиционными партиями, подходил на эту роль. Король Карл бежал через Югославию в Испанию, оставив вместо себя сына. Михай стал королем.

В этих условиях мы в середине декабря 1940 года выехали из Яссы в Кишинев. Итак, мы упаковали вещи и сели на поезд: папа, мама, сестра Белла, я, дед Залман в сопровождении двух парней из «Сигуранцы». Через 30-35 километров мы прибыли на станцию Унгены на правом берегу реки Прут. Быстро прошли контроль на румынской пограничной заставе. Лежал уже глубокий снег, это я запомнил. Когда через 10 минут мы приблизились к железнодорожному мосту, сестра Белла обратилась к одному из румынских пограничников и назвала его «товарищ»! Он ей ответил, что «товарищ» это не он, а тот, который стоит на противоположном конце моста! Моей сестричке было тогда 13 лет, она спешила очутиться, наконец, по ту сторону и радовалась, что теперь наступит спокойствие.

На советской стороне моста к нам подошел, по-видимому, офицер пограничной службы. Мы поздоровались, он взял ручную кладь у сестрички, взял ее за руку и мы пошли в сторону погранзаставы. Через 5-6 минут мы уже были в помещении. Нас записали, выдали нам по 3 рубля на человека, т.е. всего 15 рублей, и мы направились на вокзал, что находился рядом. Отдохнув немного, мы решили взять чай с бутербродом. Выпили чай и расплатились. Этот завтрак стоил около 3-х рублей. Больше всего удивился дедушка Залман. Он думал, что нам выдали огромную сумму – 15 рублей! В царское время, он помнил, корова на рынке стоила 3 рубля царских денег.

На заставе нам выдали билеты, как мы и просили, до Кишинева. Скоро пришел поезд, мы сели в вагон и доехали до Кишинева. У папы был адрес его дру-

га, помню его фамилию: Болцман. Там нас встретили хорошо, мы гостили у них два дня. Нашли квартиру по улице Котовская №3. Хозяин румын, но не выехал в Румынию, т.к. жена его русская. Советское командование вселило к нему в одну комнату младшего офицера с женой и ребенком 2 лет. Осталась еще одна комната, он сдал ее нам – боялся, что еще кого-нибудь вселят. Так мы стали жить в этой проходной комнате. Младшего офицера звали Вася, жену его Зоя – молодая красивая блондинка из Донбасса.

Папа тут же пошел в Министерство здравоохранения Молдавской ССР и получил направление на работу врачом-ординатором в 4-ю городскую больницу – бывшая «еврейская» гор. Кишиневская больница. Папа тут же почувствовал разницу между «свободной» профессией врача в капиталистической Румынии и в советском учреждении здравоохранения. На протяжении всей своей жизни он говорил об этом! Он не был коммунистом, не состоял в партии, но дал правильную оценку социальному строю.

Папа успел проработать свыше 5-ти месяцев в 4-й городской больнице Кишинева. Подавляющее число врачей и медицинского персонала были жителями Кишинева. Врачи и медсестры, устроенные, живущие в своих домах, обеспеченные. В дежурствах они не нуждались. Папа их выручал – почти все просили его заменить их на дежурстве. В конце месяца они рассчитывались с отцом. Кроме того, как дежурный врач, он обедал и ужинал в больнице. А сколько он приносил домой – полные сумки! И кучу денег за дежурства и постоянную зарплату, пусть по тем временам и небольшую. Папа почувствовал себя человеком равноправным!

А мы стали привыкать к новым порядкам, например, к очередям в магазинах, с чем мы не сталкивались в Румынии. Помню, мама однажды, уже весной пришла с базара, где стояла в очереди за сливочным маслом. Перед ней стояла гражданка (советская, как мы их называли). Она купила много масла. Мама ей говорит: «У вас, наверное, большая семья!». На что та отвечает: «Вовсе нет, просто завтра, может, не будет масла!» Так постепенно мы привыкали к новой реальности.

Время шло, мы постепенно начали ощущать атмосферу тревоги. Мы почувствовали это по тревоге, которую невольно выражала временами наша соседка Зоя. Ее муж носил два или три треугольника на воротничке гимнастерки (офицерский чин). Иногда Зоя говорила: «Мой Вася опять сегодня не пришел ночевать!» Она и не подозревала, что мы из этого факта делаем вывод, что в армии происходит нечто, похожее на подготовку к войне. С февраля 1941 года Вася неделями ночевал в части. С февраля по ночам стали выключать электричество в городе. Люди говорили: «Это учебные тревоги».

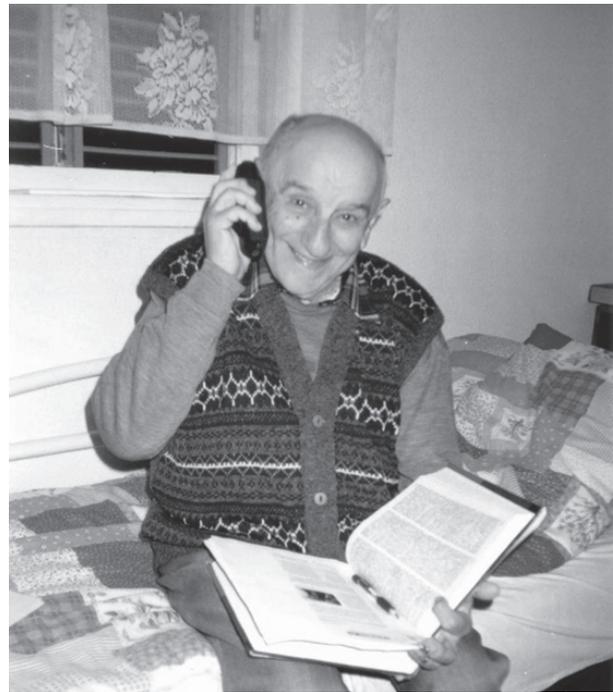
6-го мая 1941 года я получил повестку в районный военкомат, чтобы встать на учет, как допризывник. Я

запомнил эту дату. Оставалось 48 дней до вероломного нападения Гитлера на СССР.

На медкомиссии врачи спросили меня, болею ли я чем-нибудь и на что жалуюсь. Я ответил, что страдаю язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки. Мне тут же выписали направление на лечение в 4 городскую больницу! Полковник Шамсутдинов сказал мне, что я обязан выполнять все указания врачей. Я в этот же день лег в больницу, где работал папа. Меня обследовали, и профессор Эпштейн сказал, что необходима операция. 12-го мая профессор Эпштейн с помощниками оперировал меня – я запомнил и эту дату. Оставалось 42 дня до начала войны. В конце мая меня выписали, операция прошла успешно!

Направление на лечение в 4 городскую больницу города Кишинева за подписью начальника райвоенкомата я сохранил. Оно до сих пор хранится у меня среди документов. Подпись ясная: полковник Шамсутдинов, 6/5-1941 г. Справку о том, что я находился в городской больнице №4 г. Кишинева, и какую операцию мне делали, я получил 22 июня 1941 года, в первый день войны, и тоже сохранил ее!

Вместо послесловия:

Здравствуйте, дорогие! Сегодня день памяти нашего папы и дедушки и прадедушки Маркуши. Вот пролетело 4 года, как его с нами нет, но мы его помним и любим. Помним, каким он был: веселым, жизнелюбивым, добрым, умелым, мудрым. Помним его улыбку с ямочкой на щеке, никогда не унывающим, всегда оптимистичным («Это не имеет значения» – говаривал он, когда случалось что-то неприятное. И после этих слов становилось понятно, что действительно, то, что случилось, не имеет особого значения, исправимо, переживаемо, и жизнь идет дальше). Я собираюсь написать о папе более подробно, написать так, как я папу помню и чувствую. Я обязательно это сделаю. А пока я сообщаю вам, что в нашем петрозаводском Общественном вестнике № 154 вышла моя статья под названием «АВИВА» (это история о том, как наши родители, родившись порознь в Бессарабии, нашли друг друга в Средней Азии и прожили счастливую жизнь, несмотря на различные трудности, без которых ни у кого не может складываться жизнь). Это пример того, что любовь между людьми преодолевает все препятствия. И даже тогда, когда смерть разлучает любящих, память об этой любви помогает выжить тому, кто остался. После потери мамы, папа очень переживал, но смог преодолеть тоску и

печаль, смог вернуться к любимым занятиям, смог снова смотреть на жизнь с интересом и азартом. Он много читал, изучал, переводил, общался. Уже после потери Авивы, в 1997 году, в свои 77 (!) лет, папа не побоялся совершить путешествие в Россию, к нам в Петрозаводск, потому что он соскучился по мне и своим внучкам, потому что ему было интересно, как живет перестроечная ельцинская Россия. Если бы было позволено, папа бы с удовольствием приобрел и российское гражданство (он об этом мечтал! Как когда-то мечтал его папа, дедушка Яша, стать советским врачом – об этом он мечтал, живя в буржуазной Румынии). Наш папа до последних дней не терял вкуса к жизни – и это очень мощный завет, который мы, потомки, должны воспринять с благодарностью.

Желаю вам всем

ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, МЕЧТАТЬ, ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ВАШИ МЕЧТЫ!

Из истории одного стереотипа

Что такое «национальное самосознание»? Без этого звучного термина не обходится ни один уважающий себя политик, наделяя его любым удобным смыслом и сопровождая глаголом «возродить». Между тем, обращаться с этим понятием нужно очень аккуратно, чтобы, возвращая к жизни наши достоинства, не возродить заодно и наши недостатки.

С точки зрения психологии, национальное самосознание состоит из огромного количества установок и стереотипов, содержащих информацию о своем этносе и о других этнических группах. Этническая группа только потому и обладает самосознанием, что существуют другие этнические группы, по некоторым признакам отличающиеся от нее. Границы между «нами» и «не-нами» определяются путем сравнения внешности, языка или обычаев. Общаясь со «своими», человек постепенно привыкает к определенному типу внешности, к звучанию родного языка, к традициям и укладу жизни. Привыкание переходит в одобрение, поощрение сходства, на основе которого возникает чувство сопринадлежности. Сравнение своей группы с другими неосознанно приводит к оцениванию, и несхожесть вызывает внешне обосновательное отвержение, возникают уничижительные клички типа «узкоглазые», «чурки», «краснокожие». Известно, что древние греки всех «не-греков» называли варварами, хотя персидская культура при Дарии и Ксерксе была ничуть не менее развитой, чем греческая. Просто она была другой.

Этнический стереотип может отражать предубеждение, уходящее корнями в глубь веков. Именно так с течением времени сложился стереотип антисемитизма, поначалу отражавший как конфессиональное отвержение христианами иудаизма, так и восприятие «изгоя», маргинала, абсолютного чужака. Изначально этот стереотип был сугубо религиозным. Он возник тогда, когда первые христиане стали ощущать себя единой общиной посредством размежевания с «чужими», но такими близкими «чужими»: иудеи и христиане жили в одном и том же городе, но жили все же разной жизнью, они читали одну и ту же Тору, и всё-таки читали ее по-разному. «Они» выглядели совсем так же, как «мы», но были совсем другими. Особую остроту в такого рода размежевание привносит обвинение каждой стороной противников в «отступничестве», «измене» истине. Таковы по своей природе конфликты между католиками и протестантами, православием и старообрядчеством, сунитами и шиитами и т.д. Именно то, что отличает данную сторону от другой («не-иудаизм» и «не-католицизм»), составляет основу понимания в себе самого существенного и определяющего: чужой – это не такой как ты. Конфессиональная рознь была одной из главных причин формирования отрицательного стереотипа евреев. Принадлежность к иной религии,

в лоне которой возникло христианство, но в итоге Христа отвергшей, была в глазах христиан тяжким грехом.

В средние века стереотип антисемитизма стал превращаться из религиозного в религиозно-этнический. Проследить этот процесс можно на примере средневековой Праги. В XIV – XVI веках в восприятии бюргерства формируется стереотип евреев, в исторической перспективе оказавшийся весьма устойчивым. Конечно, с течением времени этот стереотип изменялся в своих отдельных чертах, однако для бюргерско-мещанского сознания он был характерен в главном на протяжении длительного исторического времени. В XX веке именно этот стереотип послужил основой для нацизма в Германии и для официальных антисемитских кампаний в СССР («борьбы с космополитизмом»). К сожалению, в наши дни мы стали свидетелями искусственного возрождения этого стереотипа со стороны так называемого «русского патриотического движения». Исторически это вполне понятно, так как в периоды резкого обострения социально-экономических отношений и роста (пробуждения, возрождения) национального самосознания коренного народа ненависть к евреям, по словам Н. А. Бердяева, часто бывает исканием козла отпущения. Возрождение средневекового по своей сути стереотипа евреев характеризует прежде всего уровень сознания и мышления носителей подобных представлений.

Судя по сохранившимся документальным источникам, в XVI веке над конфессиональным фактором начинает преобладать фактор этнический. Это можно заключить из того, что еврея, принявшего христианство, в официальных записях до конца жизни сопровождает определение «крещеный еврей», то есть постоянно подчеркивалась его социально-религиозная неполноценность на основе чисто этнической принадлежности. У чехов вызывала неприязнь предприимчивость евреев, их активные деловые связи с соплеменниками в других странах, гордость в сочетании с вынужденной униженностью, сознание истинности своей веры. Отталкивал и несколько восточный социо-культурный колорит повседневной жизни евреев.

В сложившихся у бюргеров представлениях о евреях можно выделить несколько характерных черт, которые, к сожалению, дошли до XX века и поразии-

тельной точностью повторились в идеологии погромщиков и «борцов» с космополитизмом. Во-первых, по мнению бюргеров, выраженному в посланиях к правителям города, еврейскому народу в Чехии живется лучше, чем всем другим. Во-вторых, евреи обирают и притесняют христиан («...лишают нас нашего имущества, пожирают наш хлеб, прямо вырывая его изо рта, обдирают нас...»). В-третьих, с ухудшением международного положения (турецкая угроза) евреи стали заниматься шпионажем и вредительством; в-четвертых, они пьют христианскую кровь. Результатом этих представлений было несколько погромов в Праге, каждый из которых уносил тысячи жизней.

Если мы наложим колебания в отношении города к гетто на схему межконфессиональной, политической о социальной жизни чешского общества XIV – начала XVII века, то увидим одну закономерность: усиление антисемитизма происходит в периоды, когда общество разделено на враждующие группировки, с ослаблением конфронтации внутри общества антисемитизм уменьшается.

Естественно встает вопрос: а что мы имеем сегодня? Чтобы как-то ответить на него, весной 2000 года было проведено психологическое исследование, определяющее отношение наших сограждан к представителям традиционных конфессий. Результаты оказались весьма интересными. Лидирующие позиции занимают православные. Представления о них оказались наиболее отчетливыми и положительными. Здесь нужно отметить, что испытуемые не принадлежали к какой-либо конфессии и в большинстве своем даже не были верующими. И свои религиозные стереотипы они устойчиво подменяли этническими.

Проявился отчетливый отрицательный стереотип мусульман. А представления об иудеях очень расплывчатые, но положительные. Говоря об иудеях, люди начинали описывать своих знакомых евреев, и в

общем портрете характера преобладали положительные черты.

Стереотип – штука очень сложная, он изменяется крайне медленно, и нельзя категорично заявить, что антисемитов в нашем городе нет. К сожалению, они еще есть. Но все-таки можно сказать, что есть тенденция к изменению взглядов и представлений по этому поводу в лучшую сторону.

Можно предположить, что снижение уровня антисемитизма связано и с уменьшением доли евреев в населении России из-за интенсивной эмиграции, и с тем, что сегодня на уровне массового сознания образ традиционного этнического «врага» вытесняется пресловутым «лицом кавказской национальности», которое вызывает значительно большее отторжение как совершенный «чужак» в отличие от значительно более привычного и близкого по культуре и образу жизни еврея.

В последние годы неприязнь к выходцам с Кавказа возрастает; возможно, «кавказофобия» связана с чеченским конфликтом, а также с непривычностью традиций и «южного темперамента» народов Кавказа. Все это, как ни печально, повлияло теперь на отрицательный стереотип о мусульманах.

Вообще в сознании каждого человека есть положительные и отрицательные стереотипы – это естественный продукт общения разных групп населения между собой. Наш разум устроен так, что стереотипов просто не может не быть. Но они не должны быть разрушающими и приносить вред обществу или отдельным людям. Здесь следует отметить, что чем выше культурный уровень человека, тем более осознано его национальное самосознание, тем больше у него внутренней независимости и меньше претензий к окружающим.

2000

Пятая графа

*Через целую жизнь я пронес
Безответный еврейский вопрос.*

В.Вишневский

Однажды в кронах деревьев, возросших вдоль дачных берегов Кончезера, мы с женой «среди бела дня» увидели клубящееся черное облако ворон, в центре которого, отбиваясь из последних сил, крутился волчком и опрокидывался филин. Он мужественно сражался за свою жизнь, пытаясь вырваться из кипящего ненавистью орущего круга. А, может, это была сова и у нее «по жизни» были с воронами идейные разборки. Не знаю. Да и какая разница. Этот пестрый желтоватый ком, ведущий неравный бой за право на существование с превосходящими силами воронья, навсегда останется у меня в памяти символом осатанения. Как и удаленный теперь из паспорта «пятый пункт». Все адекватные люди давно поняли, что

*К какой бы мы не относились расе
Становимся равны мы на матрасе.*

Одним из основателей разрывающей человечество расовой теории, которой до сих пор руководствуются современные фашисты, был мой «земляк» по Эстонии Альфред Розенберг. Правда, мы с ним разминулись, он жил там задолго до моего рождения. При Гитлере А.Р. еще до начала ВОВ эмигрировал в Германию, как остзейский немец, где стал даже министром. Казалось бы, это все уже замшелая история, но три года назад в самом центре эстонской столицы, которая в советские времена была еще и базой Балтийского флота, где служил мой отец и выросли мы с братом, был установлен стеклянный «Крест Свободы», вершину которого украшает тот же самый «рунический» знак, что носили на руках солдаты СС.

Дело А. Розенберга живет, к большому сожалению, не только в Эстонии. Сейчас это грязное знамя подхватили на Украине. Впрочем, тараканы тоже пережили динозавров, демонстрируя в 30 раз большую устойчивость к радиации и практически не изменившись со времен палеозоя. Но так и остались тварями, ненавистными для каждого нормального человека. Правда, их это совершенно не волнует. Сейчас лаборатория чешского профессора Мухи (это фамилия, а не псевдоним) разрабатывает новое биологическое оружие для уничтожения тараканов – спецвирус, который будет убивать только их, оставаясь для всего остального мира совершенно безвредным. Мировому политическому сообществу тоже надо бы подумать о чем-то подобном.

Все мы люди-человеки, но уже давно и не мною подмечено, что если начинать фразу с неожиданных слов, например, «а вот у нас, масонов...» слушают тебя намного внимательнее. А некоторые даже начинают записывать. Остается только запомнить их лица, что-

2009

бы потом знать, кого и за что благодарить. Эти «каллиграфы» во все времена старательно поддерживали и инспирировали любую чушь и гадости, типа расхожего представления, что русский всегда пьяница, охлажденный северным ветром финн спит на ходу, еврей – хитрец и жадина, а прокаленный солнцем араб боится даже смотреть в сторону морозильника. Тем, кто дружит с головой, такое «этнографическое» отношение к людям претит. Им всегда было понятно, что никто не хочет чувствовать себя, «как живая лиса в пушном магазине». То есть, расцеловывания во все места ни одному нормальному человеку для полного счастья не требуется, но справедливости жаждет и ищет любая живая душа. Впрочем, еще в древнегреческой трагедии «Антигона» маленькая девочка требовала у царя абсолютной справедливости. А он объяснял ей, что это «такое же зло, как и абсолютная анархия». Добавлю от себя: и еще многое другое абсолютное. Это необходимо понять всем тем, кто уже давно не маленькая девочка.

Тем не менее, на нашей территории такая средневековая дикость, как черта оседлости, дожила до XX века. Подобные нравы «застряли» не только у нас. В

Италии еще в 1937 даже всемирно знаменитый тенор Марио Дель Монако не мог без боя жениться на своей возлюбленной: закон запрещал браки между католиками и иудеями. Мир давно уже стал таким маленьким, что все этносы толкаются локтями и активно обмениваются генофондами. Я даже видел в детстве на стене поликлиники Балтфлота санбюллетень с фотографией негрочукчи. Основным посылом этой настенной информации было, конечно, воспитание интернационализма в наших многонациональных военно-морских силах. Правда, слишком прямолинейно и не очень «уклюже». Как в этом немудрящем произведении:

*Когда родит однажды дочь
Вам двойню черненьких, как ночь,
Пускай не правит вами злоба:
На толерантность это проба.*

Лучше не дожидаться, когда тебя «опробуют». Никто не должен и слишком полагаться на мнения, оценки и суждения так называемой интеллектуальной элиты. Те журналисты, писатели и деятели культуры, которые во многих странах превратились в СМИ-номенклатуру, бывают слишком самонадеянны и высокомерны, чтобы можно было доверять их анализу, не говоря уже о субъективности моральных и даже юридических оценок. Надо самим веселее складывать и вычитать, делить и умножать.

В очень колоритной «деревне городского типа», где я отрабатывал «свой срок» по распределению, жил мудрый старик – интернационалист, дочка которого была первой и последней многодетной матерью – одиночкой, которую я видел в своей жизни. Дама любвеобильная, а при этом еще и честная, она всегда давала деткам фамилии их настоящих отцов (например, Штейн, Шанава, Коккоев и т.д.). То есть, была грозой поселка и всех «командировочных». Когда таких «детей разных народов», как пелось в одном из гимнов того времени, набралось полдюжины, смысленный и любящий дед пошел со всеми сви-

детельствами о рождении в поссовет и все детишки в одночасье стали Доброславовыми, – как и их мудрый предок. Вот вам и все особенности современной отечественной генеалогии, уважаемые сограждане. И это был далеко не первый подобный вклад в отечественную историю формирования этнических групп. А поэтому,

*Генеалогии своей рисуя древо,
Знай, часть ветвей всегда растет налево.*

Такого интернационального банка крови, как в России и США, больше, пожалуй, нигде не увидишь. Только у них из разных этносов уже сложилась одна нация – американец, а у нас россиянина все еще нет. У Г.Л. Дитрих в «Окончательной судьбе» говорится о том, что наши «планиды предопределены космическим выбором». То есть, дается понять, что от нас ничего не зависит. На деле это не совсем так. Хотя связь между случайностью и необходимостью уже определена, «ручное» управление данной проблемой вполне реально. А называется это свободой выбора своей позиции по отношению к другим людям. Для меня основным из критериев в таких делах всегда была и остается проба на пятый пункт. А если конкретизировать, понимание того, что «когда сынов Отечества определяют по крови, у Родины наступают критические дни». Недавно я с большим интересом прочел в библиотечке «Общинного вестника», издаваемого нашей общиной, несколько небольших очерков о людях, с которыми меня не раз сводила профессиональная судьба, и задумался о том, как мало мы знаем друг о друге, как закрыто живем. Определенную роль во всем этом сыграли и те правила выживания, в которых весь советский народ находился многие десятилетия. Что уж тут говорить о небольших этносах, не раз становившихся «козлами отпущения» в квадрате и кубе. Читал я эти очерки внимательно и обратил внимание на тот факт, что действующие лица даже сейчас, практически на финишной прямой, все как один говорят о том, за что им постоянно портили

*Пана
Ионтель Давыдович,
капитан первого
ранга,
участник Войны*

*Моя еврейская
красавица-мама
Роза Менделеева*

жизнь, весьма неохотно, сквозь крепко сжатые зубы. Я понимаю и полностью разделяю их нежелание жаловаться, «тянуть одеяло на себя» и т.д. Как и многим соплеменникам, мне тоже случалось подвергаться незаслуженным испытаниям, а иногда – примитивному давлению по этническим мотивам. Но выставлять на всеобщее обозрение весь калейдоскоп своих чувств и переживаний, связанных с подобным негативом, не вижу надобности и смысла: для человека, изнутри знакомого с прелестями советского образа жизни, их преодоление было неизбежной проблемой. Но сейчас время иносказаний, кажется, закончилось и, очевидно, пора все называть своими именами. И при этом никогда не унывать. «Не надо печалиться...»:

*Ведь в нас гемоглобин великих предков –
Философов, поэтов, докторов,
И как бы ни теснила сердце клетка,
Веселым пой щеглом и будь здоров.*

Иначе нас до конца так и не поймут: чтобы лопнуть чужие мысли на лету, надо самому хотя бы раз пережить что-то подобное или же очень долго тренироваться. Этого от других людей требовать нельзя. Когда приходится говорить о чем-то неприятном не только тебе, но и другим людям, взаимопонимания иногда удается добиться не сразу. Тем не менее, рассказывать все как было, без умолчаний, являющихся разновидностью вранья, давно пора, даже необходимо, хотя бы для того, чтобы такие мерзости больше нигде не повторились.

*Мы родились в расстрельный век,
Когда от страха всех трясло,
А сочинение “телег”
Вдруг превратилось в ремесло.
И всяк с бедой наедине
Жил наяву, как в страшном сне.*

И если «выпрямлять спину», то когда же это еще делать, если не сейчас? Смутное время, когда, по Б. Крутиеру, «умный попугай сначала учился помалкивать, а только потом говорить», слава богу, ушло. И теперь пора уже рассказывать обо всем без помощи товарища Эзопа. В конце концов, еще царь Соломон предупреждал, что «нет ничего нового под солнцем», а я его заключению верю. Потому, что

*Проблема, очевидно, наша вечна,
Раз путеводная звезда шестиконечна.*

Не являясь специалистом по национальному вопросу, я постараюсь держаться поближе к практике и подальше от теории. Наша отечественная действительность отчетливо иллюстрирует существующий в стране тренд к ассимиляции этнических меньшинств и их растворению в титульной нации. В частности,

*Маккавеев как могли
Кровь в России развели,
И теперь приснится на ночь
Может вам Абрам Иванныч.*

Всевидящее народное око давно подметило эту тенденцию, породившую самый известный местный анекдот о двух финнах, проживавших в Карелии: фининспекторе и Финкельштейне. Ударной концовкой было сообщение о том, что, как потом выяснилось, это оказался один и тот же человек.

Иначе говоря, объективную реальность процесса отрицать бессмысленно. Другое дело, как, чем и с какой целью в него вмешиваются идеологи. Когда все это носит естественный характер, не форсируется политиками, процесс происходит без ломки, надрыва и взрывных конфликтов. Важно понимание того, что у человека должен быть реальный выбор отношения к этой проблеме, а так же характера и степени участия в ее решении. «Каждый выбирает для себя...». И это правильно. А вот когда начинают давить, понукать, ущемлять и вынуждать, хорошего ждать уже не приходится. Ведь это изнасилование души народа. Говорят, что истина не может быть национальной, но ведь разные этнические образования видят ее по-своему. Например, по М. Туровскому:

*«Чем известен иудей?
Тем, что полон он идей.
Что пространства, времена
Для него не знают дна».*

Этот достаточно комплементарный стих, по всей видимости, соответствует доброжелательному взгляду на суть дела изнутри. О представлении о нас снаружи я уже и так сказал много.

Я родился в еврейской семье, где родители прекрасно знали идиш и дома говорили на нем, когда не хотели, чтобы мы с братом узнали что-нибудь лишнее (т.е. для нас тогда – самое интересное). А этого «лишнего» в те времена было довольно много – часть родственников сидела уже до моего рождения, другая – села позже, но наговаривать лишнее не стану: многие были все еще на свободе. Отец мой, Ионтель Давидович, был по происхождению и убеждениям социально близким советской власти: его большая семья жила в голодной маленькой деревушке на краю Полесья. Того самого, о котором много позже так вдохновенно пел знаменитый белорусский ансамбль «Песняры» под управлением коренного сибиряка Мулявина: так причудливо переплетались судьбы людей самых разных национальностей в огромном Советском Союзе. Папа был в семье восьмым, но не последним. Четверо ушли на войну, вернулись трое. Отец крепко повоевал, вернулся с целым «иконоста-

сом» наград на груди. У одного поэта – фронтовика, кстати, стих есть к этому случаю:

*«Пуля его миновала,
Чтоб говорили нелживо:
Евреев не убивало!
Все воротились живы».*

Самый старший из братьев отца, дядя Адольф подорвался на mine, когда ехал на «Виллисе» (машина была такая – американская) на передовую. Был начальником связи в штабе полка. А самый младший – дядя Наум, умер уже после войны от ран и болезней. Совсем молодым. Знаменитый российский прозаик, с изрядным этнографическим уклоном, ошибался, когда огульно называл людей непереносимой для него национальности «героями Ташкентского фронта». Как человек с математической подготовкой, он не поленился уточнить и статистические данные о потерях нашего этноса на фронте: снизил их с 500 тысяч до 450. Скрупулезный был человек. Его «Иван Денисович» изрядное время был моей настольной книгой. Брат моей матери, рядовой участник Сталинградской битвы, еще до ВОВ был женат на немке изпод Ленинграда и прожил счастливо с ней всю жизнь. Моя русская двоюродная сестра, удочеренная этим дядей-интернационалистом, вышла замуж за чуваша или удмурта, я точно не помню. Да и ни к чему было. Как говорилось в одном разумном анекдоте, «главное, чтобы человек был хороший».

В школу я пошел на базе Амурской флотилии, под Хабаровском. В классе этническое разнообразие зашкаливало, но мы об этом даже не задумывались: у детей есть, слава богу, свои, более интересные дела. В пятнадцатитысячном населении базы кроме нас была еще одна еврейка из Ленинграда, работавшая, как и моя мама, линотиписткой. Военнослужащие ярко представляли почти всю семью народов СССР. Хотя большинство, разумеется, составляли славяне. Особенностью были коренные жители (нивхи, нанайцы) и прочие небольшие группы, которые в царской России имели общее «ученое» название – ихтиофагов (рыбоедов). Вместе с ними мы сидели в классе, а потом, в обстановке строжайшей конспирации, скудными военными зимами вполне интернационально сидели вокруг костра в стойбище, тесали ножами замерзшие рыбы тушки и ели «стружки» с черемшой, стараясь не слишком громко чавкать от удовольствия: родители не разрешали есть рыбу «сырым» из антигельминтологических соображений. Но разве маленьких мужчин испугаешь гипотетической опасностью? Впрочем, как и больших... Шла война и нас больше интересовал провиант. В такое время «только злыдни легко живут», – устами Т. Дорониной сказала ее героиня из «Трех тополей на Плющихе». Думаю, что именно такое воспитание доброжелательного отношения «детей разных народов» друг к другу

представляет особую ценность и является эффективным. Призывами и лозунгами в нацполитике не многого добьешься. Все ведь «мечтою о мире живут».

С 11 лет я жил в Эстонии, куда перевели служить отца. Женат на русской, отцовская часть предков которой берет свое начало от немецких стеклодувов Веллингов, приглашенных в Россию еще Екатериной Великой. В семейной жизни мне сражаться на полях интернационализма не довелось. В связи со своим поселковым прошлым, да еще в условиях севера, моя супруга была этнографически подготовлена слабо. Нет, она слышала кое-что «по этому вопросу», но больших эмоций не испытывала. На четвертом году совместной жизни, когда уже дружно «слиняли» из ЦРБ в клиническую ординатуру разных Ленинградских медвузов, жена угостила меня очень «вкусным» эпизодом: «У нас есть доктор с украинской фамилией Ерусалимчик». Я насторожился. «Очень знающая, но старенькая уже. Утром облачится в халат, сядет на диван, покормит отделенческую кошку яичком вареным и говорит: «Ах, как я устала». Нам было где-то лет по 25. Сейчас-то я на 77% понимаю эту старую и одинокую ленинградку, потерявшую в блокаду всех близких и доживавшую свой медицинский век с «украинской» фамилией, происхождение которой я молодой супруге коротенько пояснил. На всякий случай.

К слову, есть анекдот, который я помню с детства:

*Маленький Додик приходит из школы домой и рассказывает маме:
– У нас в школе будет ставиться пьеса,
и мне дали роль еврейского мужа.
– А что, ты не мог попросить роль со словами?
– спрашивает мать.*

У меня уже больше 55 лет – роль со словами. Правда, их не так много, да и говорю я тихо. Ортодоксом мне уже не бывать, так как изначально я продукт российского культурного пространства, толком владею одним (русским) языком, который, соответственно, и является родным. Никаких неясностей с национальной идентификацией у меня не осталось еще в тинэйджерстве. В последующие годы никакие из существовавших идеологических и психологических щелей и даже целые их лабиринты не могли уже увести меня от глубинного ощущения связи с собственным этносом, хотя иногда и в нем встречались такие персоналии, что полюбить их без памяти было сложно. Процессу кристаллизации и осознания своей этнической принадлежности способствовало, в основном, мощное давление окружающей среды. Национальная самоидентификация в условиях социалистической Родины всегда проходила в обстановке однозначных социально-бытовых подсказок и ощутимых подталкиваний сомневающимся в спину. Хо-

чешь быть как все, правильным, настоящим нашим, – будь русским. В семье никакой подготовительной обработке мы с братом не подвергались, а мое детство вообще проходило во время ВОВ, когда антисемитизм воспринимался нашим обществом резко отрицательно: страна воевала с фашистами. Все у нас, по экстремному решению, изрядно стухнувшего генералиссимуса были в те годы – «братья и сестры». Впрочем, «недолго музыка играла»: уже в 1943 году редактор «Красной звезды» Ортенберг получил из Главного политуправления жесткие рекомендации очистить (!) газету от авторов-евреев. В Таллинне, где проходил весьма увлекательный подростковый период моей жизни, нацвопрос разворачивался, в основном, в плоскости «русские-эстонцы», а до нас дело не доходило. Пару раз, по мелочи, я получал «сигналы», но здорово на них не «застревал». То есть, лет до десяти я с проблемами «пятого пункта» не сталкивался вообще. Только потом мне стали периодически напоминать об этом «недостатке». В разных филологических вариантах. По всей видимости, некоторые окружающие «помогали» самоопределяться: когда во дворе мы подрались с соседским пацаном, его мать кричала на все четыре этажа, что только евреи так не умеют детей воспитывать. А в секции спортивного фехтования Таллиннского общества «Калев» проигравший мне поединок Томас Соотна с каинской улыбкой сообщил мне, начинавшему бородачу, покрывшемуся в 15 лет рыжим пухом: «Юдэс поротка» (еврейская борода). А у меня в руках была сабля. Наш любимый тренер Тармо Каурит тут же прервал наш поединок и как следует поддал обоим, что сразу же восстановило интернациональный климат в секции. Впрочем, приятелями мы с Томасом так и не стали, несмотря на то, что плечом к плечу еще три года оставались основными мушкетерами сборной Эстонии. Постепенно до меня доходило, что все это такие мелочи, на которые не стоит реагировать, чтобы не радовать подобную публику достигнутым эффектом. К тому же, аналогичных поганцев – ЛЕГИОН.

Затем был длительный антракт, который охватил период учебы в 1-ом Меде, где таких, как я было много, и три года работы в деревне городского типа. В Карелии тогда, может быть, что-то и слышали о подобных этнических проблемах, но не сталкивались с ними: своих, северо-западных, вполне хватало.

Вновь все началось с первых дней учебы в клинической ординатуре, но уже в латентном варианте – «подковерном». С периодическими мерзкими протуберантными выбросами, когда причина ненависти была совершенно ясна, но умело закамуфлирована подо что угодно другое, смотрящееся более прилично. Что поделаешь, на Земле уже не так просто найти душу, в которую ни разу не плюнули. В итоге, от такой умело разжигаемой «дружбы народов» плохо было всем, причем независимо от должностного калibra, значимости «для народного хозяйства» и даже заслуг перед партией и правительством.

*Медслужба
подводной лодки*

г. Полярный. Служба на базе подводного флота

*Вид из окна БСМП
на окружающую жизнь,
которую я созерцаю уже
50-й год.*

«Ну что, Мойша Жаров, ты еще жив?» – звонили всенародно любимому актеру специальные граждане, когда Михаил Иванович отказался развестись с женой шестиконечной национальности, родителей которой накануне посадили. «Общественность» театра отреагировала быстро: М. И. скоропостижно выперли из секретарей партбюро родного театра.

А он не поджал копчик, а пошел на Старую площадь, в высшую партийную инстанцию, отстаивать свою родню. Вскоре родителей жены освободили. Прознавшие об этом наиболее хитропопые служители Мельпомены начали поздравлять М. И., поднимавшегося по лестнице театра, а он отвечал им такой лютой бранью, какой от него никогда не слышали даже те, кто прослужил с ним рядом практически всю жизнь.

Несправедливость в этом мире, к сожалению, часто остается безнаказанной. Правда, некоторые историки утверждают, что египетские фараоны часто погибали от карисеса, после того, как все стоматологи ушли с Моисеем. Однако сам Моисей так и не ступил на землю обетованную, ему довелось только глянуть на нее с иорданской стороны. Так круто он был наказан за то, что усомнился в могуществе Всевышнего. Зато сквозь скалу, в которую он раздраженно ударил посохом, пробился родник. И люди пьют его чистую воду до сих пор.

Если говорить совсем откровенно, мне, как и многим моим соплеменникам, приходилось не раз приспосабливаться к совершенно неожиданным обстоятельствам, неписанным законам и правилам, а также новым способам существования в условиях социального зазеркалья. Догадываюсь, что это не лучшим образом сказалось на моем характере. С таким «напрягом», вероятно, связана и привычка к рациональному консенсусу, а также отсутствие брутальной прямолинейности в отношениях с окружающими. Зато я никого не подсиживал, всегда старался не брать лишнего греха на душу и ни у кого «кусочек хлеба» изо рта не вытаскивал. Как поется в еврейской колыбельной, у каждого «пуэлэ» под колыбелькой стоит своя белоснежная козочка. Так что лучше еще в детстве научиться ее не пачкать.

Регулярные обострения дружбы народов, связанные то с внешними, то с внутренними событиями, являются осложнениями хронической недостаточности отечественной национальной политики. Это прямой результат ее декларативности и непоследовательности. Длительные «перекося» привели к возникновению множественных фокусов межэтнического напряжения, и... мы живем теперь в другом государстве.

Отношение окружающих к семитам у нас в стране описать легко и просто: терпят. И мы это не только знаем, но и чувствуем, пусть и не каждый день. Благо большинство из нас жизнелюбы и редко депрессируют. Но иногда от житейских сложностей и тягот глаза все же потеют.

Разумеется, не одни мы подвергались скрытому и прямому давлению и даже выдавливанию. Беда коснулась многих небольших по российским масштабам этносов. Десятилетия я проработал плечом к плечу с кандидатом медицинских наук Сenni Михайловной Ошуковой, в девичестве Питкянен. В тридцатых годах, в порядке зачистки Карельского перешейка от коренного угро-финского населения, всю ее родовую одночасье вывезли в Заполярье, где ссыльные ингерманландцы «комфортно» зазимовали в брезентовых палатках прямо в тундре, у подножия Хибин. Такие пробы на выживание пришлось пройти тысячам и тысячам обычных людей, вся вина которых была только в том, что они были «неправильными пчелами» в нашем теперь общероссийском, а тогда еще советском улье.

В истории каждого народа есть такое, что он не сможет забыть никогда, сколько бы времени ни прошло. Для нас это Холокост. Изрядная часть веточек и моего генеалогического дерева во время оккупации была навсегда оборвана в селе под Чернобылем. Фашисты вместе с местными «ассистентами» расстреляли моего деда Давида, бабушку Пэрелэ, теток, двоюродных братьев и сестер, съехавшихся из разных городов Союза к старикам на летние каникулы: родители отправили поесть фруктов и закупаться в Припяти. Для многих жителей этого местечка со значащим названием Чернобыль мир взорвался еще в 1941 году...

Дед мой Давид был местным ветеринаром-самоучкой. Так что я потомственный медик. А что такое Давид? В смысловом переводе это тот, кто стоит в центре круга. И я уверен, что мой дед, носивший это библейское имя, когда стоял на краю расстрельного рва за околицей полесской деревушки и держал за руки своих внуков, ни за чью спину не прятался. Я всегда помню, что я сын, брат, племянник и внук своего расстрелянного и сожженного народа. Пафосно «звучать» не хотелось бы, но, как гласит пословица, однажды «на жару и камень треснет».

В одной из своих «фрашек», а в переводе с польского – мелочей, как называл сам Станислав Ежи Лец свои небольшие только по размеру произведения, автор справедливо заметил, что евреи уже выполнили «обязательные поставки» мучеников.

Многострадальная Польша первой попала под гусеницы гитлеровской военной машины, двинувшейся на восток. Вскоре уже два миллиона польских евреев томились в гетто. Следует отметить, что многолетние традиции местного антисемитизма, который и в предвоенный период процветал здесь, а этот факт сквозь зубы признается рядом польских исследователей, были причиной того, что большинство населения этой страны не только не стремились чем-то помочь, но и не сочувствовало узникам. К слову, первая карательная акция была проведена в местечке Едвабно под Белостоком, где совсем не «фрицы», а местные

крестьяне 10 июля еще 1941 года вырезали 1600 своих соседей – евреев. Немцам было достаточно только дать понять, что они вмешиваться не станут. Впервые рассказал об этой трагедии в 2000 году американский историк Ян Томаш Гросс и в качестве гонорара получил на родине, а он поляк по происхождению, персональный ушат грязи. Не следует, однако, никогда забывать и тот факт, что 6554 поляка носят звание «Праведник народов мира», который израильский институт Яд ва-Шем присуждал тем, кто во время войны спасал евреев, рискуя собственной жизнью. Польша Ирэна Сендлер спасла из Варшавского гетто 2,5 тысячи детей. Я не мог даже представить себе, как это можно было сделать в тех жутких условиях. И решил уточнить все в публикациях о ней. Нашел книгу, посвященную ей, которая была издана в Америке. Выяснилось, что И.С. удалось создать организацию, которая вывозила детей из гетто в карете скорой помощи, выводила через коммуникационные сетевые каналы и даже выносила в обычных авоськах. А еще ей помогали родители выносить детей в ящиках для плотницкого инструмента и гробах. «Мне до сих пор снится», – писала она, – «как кричали дети, расставаясь с родителями», которые делали невозможное – отдавали их чужим людям, чтобы спасти. И.С. осталась невоспетой героиней. Ей нет памятника ни на чьей земле. Есть только оливковое дерево, посаженное в ее честь через сорок (!) лет в Израиле. Историки пишут, что таких, как Иоланта (подпольная кличка И.С.), в Польше был один процент, но в тех условиях и это, вероятно, было бы уже много. Дело в том, что ряд дискриминационных ограничений по отношению к нацменьшинствам был введен правительством Польши еще до начала войны. Уже к лету 1939 еврейские дети были лишены какой-либо социальной защиты и пособий. Чуть позже его указом из госорганов были уволены все работники еврейского происхождения. У каждого народа есть свои добрые сердца и свои негодяи. Но даже маленькая ложка широко известных отхождений портит бочку меда. Выдавливание евреев из этой страны уже практически завершилось. А ведь многие из них не мыслили себя вне Польши. Да и сейчас трудно представить XX век Польши без Юлиана Тувима или Станислава Ежи Леца, евреев, которые прославили на весь мир литературу этой страны ничем не менее Генрика Сенкевича. К сожалению, урок далеко не всем пошел впрок: процесс забвения националистических клиньев продолжается и касается он, разумеется, не только нас, так как и доброта и злодейство всегда были интернациональны. И на стенах бараков в концлагере Дахау совсем рядом были выцарапаны кресты и звезды Давида. Да, в Освенциме в большинстве своем сожженные фашистами люди были евреями. Слово «ШОА», которое переводится с иврита как «Катастрофа», стало во всем мире символом того, что произошло с еврейским народом в годы Второй мировой войны. Но в этом же лагере превратились в пепел и около 15 тысяч советских военно-

пленных, на которых испытывался смертоносный газ Циклон-Б. Катастрофа была и остается общей, а стало быть, память о ней должна быть одной на всех приличных людей. Более 600 тысяч евреев, согнанных только в Будапештское гетто, отправлено потом в небо над Освенцимом. Уцелели из венгерских евреев лишь те, кого Красная Армия еще застала в гетто при освобождении столицы этой от фашистов. В ту зиму, когда наша армия освободила заключенных нацистского концлагеря Освенцим – Биркенау, весь мир, наконец, услышал истории людей, побывавших за его стенами и оставшихся в живых. Они до сих пор заставляют сердца сжиматься до размеров гранатового зернышка и замирать. Мы вместе со всеми соотечественниками пережили невозможное, но иммунитета к катастрофе, как известно, не бывает. Да и не должен ни один народ его вырабатывать.

Так что вопрос «быть или не быть» вовсе не датский, а наш, еврейский. И жизнь уже ответила на него положительно: быть! Но услышали это не все. В частности, Борис Пастернак, бежавший от своего еврейства, пошел даже на тяжелый конфликт с отцом, «не заметил» Холокоста. В 1946 (!) году, ознаменовавшемся послевоенным рецидивом государственного антисемитизма, в письме двоюродной сестре О.М. Фрейденберг он сообщил о начале работы над столь нашумевшим романом так: «Я свожу в нем счеты с еврейством». Но, как выяснилось позже, поторопился:

*«...Дождь над Переделкиным дрожит,
А на указателе к могиле Пастернака
выведено: «Жид»...*

Это заключение по обсуждаемому вопросу принадлежит перу Риммы Казаковой, однажды посетившей место упокоения своего «товарища по оружию». Так что

*Как ни рвешься, ни блажишь,
От себя не убежишь...*

В роли еврейского вечного двигателя всегда выступали воспитанные веками раскаяния тяга к знаниям, трудолюбие и, конечно, такое обязательное для выживания условие, как «быть, по крайней мере, не хуже других». Эти спасительные качества были необходимы, так как они обеспечивали конкурентоспособность и позволяли не затеряться среди других народов. Продолжу экспликацией из статьи главы петрозаводской общины Дмитрия Цвибеля, опубликованной в ее «Вестнике», где речь идет о его взгляде на эту проблему: «Находясь среди других народов и культур и служа им, совсем не обязательно забывать свои истоки, забывать кто твои предки, и откуда у тебя то, что выделяет тебя среди окружаю-

щих, не дожидаясь, когда тебе об этом напомним их пристрастное внимание». Марк Шагал так сформулировал свою позицию по этому вопросу в одном из эссе: «Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником». Короче, пусть уж государи отрекаются от чего хотят, а нам, простым смертным это ни к чему. И Борис Пастернак, признанный великим русским поэтом, несмотря на то, что он «свел счеты с еврейством», для некоторых так и остался «жидом». Хороший повод задуматься... А собственно, о чем? Просто надо быть тем, кто ты есть. Это вовсе не означает, что обязательно нужно надеть лапсердак и отгородиться пейсами от мира. Необходимо знать свои корни, свое предназначение в этом мире: «Приходите, сыновья, и слушайте меня – я научу вас трепету пред Господом. Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро: стремится к миру и добивается его». Так гласит псалом 34. Лучше объяснить понимание этой проблемы невозможно.

Казалось бы, кому не ясно, что мир – это хорошо. Как и многие соплеменники, я никогда не понимал склонности к немотивированной конфронтации. Почему такие конфликты все же происходят, люди, по-моему, не всегда могут и себе точно объяснить, не то, что другим. Не зря мудрые китайцы давно говорят, что иногда потерять врага гораздо труднее, чем найти друга. Тора учит не делать другому того, что ненавистно тебе самому. Нам с братом это объяснила мама еще в детстве. Всегда следовать данной заповеди очень трудно, и я особенно глубоко понимаю это сейчас, на финишной прямой своего преподавательского марафона, который скоро уже подходит, с Божьей помощью, к «полтиннику». Я не доллар и даже не девушка. Соответственно, по ходу дела, сталкивался с разным отношением окружающих. Единодушнее всех по реакции на конкретный персонаж была прослойка руководителей. Очень ценила меня только заведующая винно-водочным отделом гастронома у Финляндского вокзала, где я студентом подрабатывал в качестве грузчика: я не крал и всегда был в работоспособном состоянии. К тому же, у меня был самый низкий процент «боя» продукции. Практически все мои последующие попытки выстроить спокойные рабочие отношения с начальством были тщетны: все пальцы на руках у большинства из них были указательными. А ведь я изначально на много и не претендовал, – даже безразличное отношение я рассматривал как благо: один из моих наставников по кандидатской давным-давно объяснил мне, что хороший руководитель – это не тот, кто помогает, а тот, кто не мешает. Еще из Угловской клиники, где в молодые годы начиналась моя учеба в клинической ординатуре, я вынес одно ясное представление: у культуры общения с коллегами есть определенная особенность. Ее присутствие незаметно, а вот отсут-

ствие сразу бросается в глаза. По моим представлениям это понятие включает в себя достаточное воспитание, выдержку, терпимость, доброжелательность, грамотность вообще и обученность по профессии, разумную простоту в общении и т.д. Разумеется, отыскать таких идеальных людей почти невозможно. Практически полностью соответствовал всем требованиям только мой первый учитель, тогда еще м.н.с. и к.м.н. Зот Кирьянович Башуров. Мне и не снилось примерять эти условия на себя: я не самый злой человек, ни на кого не повысил голос за все годы работы, национально толерантен и довольно грамотен. Но это такая малость по сравнению с тем, чего иногда требовали от меня обстоятельства. Жизнь делала из моих соплеменников социальных канатоходцев. Чтобы не свалиться с высоты, не загреметь под откос надо было все время держать в руках баланс. На Кавказе этим балансом был длинный шест, а нам его заменили образование, обученность сложным ремеслам, искусство и литература. Должен сразу оговориться: у всех народов есть и дураки свои, и умники. Никаких гарантий и бонусов, принадлежность к какой-либо национальной группе не дает. Я имею в виду – врожденных. В медицине доброжелательные отношения между коллегами особенно важны, так как очень многие знания и умения передаются из рук в руки, как эстафетная палочка. То есть, необходимо душевное расположение или хотя бы отсутствие «отталкивания» в тандеме учитель-ученик. Поэтому, очевидно, и отсутствует заочное медицинское образование. «Люди, люди, – х на блюде», – афористично заметил как-то премудрый Игорь Миронович Губерман. Врачебная интуиция подсказывает мне, что он во многом прав.

В отличие от моего поэтического гуру, никаких планов по поводу «фурагина» (в переводе с идиша, – драпака) в другие места я никогда не строил, хотя многое на Родине хотелось бы видеть другим. Когда начался массовый отъезд евреев на «историческую» родину, некоторые неосторожные люди задавали мне вопросы системы «а чо Вы...» Я злился и не всегда проходил мимо «недоумевающих», пытался даже объяснить, что я не у них в гостях, а у себя дома, что мои предки живут здесь не первое столетие и за эту мою «неисторическую» родину три предыдущих поколения ходили в бой, проливали кровь и погибали. Да и я, хотя и не воевал, но свое на нашем подводном флоте отслужил. В основном, я связывал подобные бестактные попытки лезть в чужую жизнь с недостатком ума и воспитания. А целому миллиону эти вопросы «помогли» переехать намного южнее. Сейчас я, вообще, смотрю по сторонам с недоумением:

*Ну, не пойму, зачем вы нас «ушили»,
Раздумьями об этом часто маюсь:
На смену нам «арбайтеры» пришли,
А насчет «гаст» – я крепко сомневаюсь.*

Наше государство пережило общественно-политическое землетрясение. Многие вечные истины оказались жизнеспособными только в прежнем пространственно-временном континууме. Воробьев, наконец, оставили в покое и нами («жидами») не обзывают, но сама проблема отсутствия толерантности остра до сих пор. Принципы интернационализма в нашей стране, к огромному сожалению, были чисто декларативными, а на практике процветала скрытая ксенофобия. Это и привело в последующем к скоростному развалу Союза на десяток держав. Одним из наглядных и первых симптомов этой катастрофы был всесоюзный День опричника с ритуальными омовениями в фонтанах – «праздник со слезами на глазах» для всех смуглых пролетариев рыночной торговли, которые еще накануне стремительно удалялись в сторону своих конспиративных квартир. Но государство не считало нужным на это «баловство» реагировать. Сейчас власть, слава богу, перестала «не замечать» эту грязь, поняла, что она легко может облепить и утопить наш многонациональный «нuevo ковчег». Жизнь показала, что не так уж сложно вызвать подобные эмоции неприятия у отдельных людей, облыжно предъявляя кому-либо рядом с ними обвинения в хитрости, гордыне, врожденной жадности, неблагодарности и тяге к необоснованным предпочтениям. Но, чтобы проделать такой психологический трюк с целым народом, обычно приходится потратить много сил, времени. Результат видели все не так давно на Майдане.

Как и многие «ex nostris», я восхищаюсь, например, чистотой и прибранностью сопредельной Финляндии, причем не только в городе, но даже в лесу. С некоторой завистью замечаю также упорядоченность жизни каждого отдельно взятого «финика», но одновременно с чувством внутреннего раскола ощущаю, насколько странным и чуждым для меня является этот пенсионный рай с его эмоциональной прохладой и дистанционными соседскими приветствиями типа «хей-хей». Одолевают пагубная привычка к родному простору с редким разнообразием беспорядка, чертополохом на городских обочинах и гостеприимно распахнутыми помойками, выступающими в роли кормушек для бомжей и онежских чаек, успешно конкурирующих с ними. Это как следы противооспенной прививки на плече у каждого здешнего уроженца: на всю оставшуюся жизнь; но они спасают нас от страшного зверя – скуки. А вот этническую толерантность они сумели наладить, как настоящие прагматики: за послевоенный период эта небольшая страна организовано приняла в свои не очень-то многочисленные ряды около 500 тысяч приезжих и всех пристроила к делу. Причем, пусть и со скрипом, не без каких-либо существенных скандалов.

Иногда от некоторых межэтнических моментов меня, как, вероятно, и многих других, просто выворачивало: известный во всем мире пушкинист Натан

Эйдельман, всегда относился с большим пиететом к нашему не менее знаменитому писателю Астафьеву. Однажды Н.Э. позволил себе обратиться к нему с письмом в защиту «малого народа» Грузии, полагая, что писатель в одном из своих произведений был неосторожен и случайно допустил бестактность. В ответ он неожиданно получил грубую антисемитскую отповедь. Когда же великого русского писателя потом спросили, почему он так поступил, в ответ прозвучало: «Потому что они всюду лезут!..» И мы продолжаем жить, если не вместе, то рядом. Нам не привыкать. Хотя довольно трудно быть оптимистом, не имея на это существенных оснований.

*Иудеи живут
От беды до беды,
Вот поэтому их
И жидеют ряды.*

Присущее нам неутолимое стремление сделать все «как лучше», в том числе и существование тех, среди кого мы живем, одной фразой охарактеризовано И.М. Губерманом: «Мы слишком раскаляем уют, глядя чужие брюки».

Сейчас мы вместе со всем народом, строим очередное светлое будущее на древней и вечнозеленой Среднерусской равнине. А как хотелось бы хотя бы под конец повстречаться с таким светлым настоящим. Но ничего не поделаешь: такова цена выживания. Неподъемное бремя проблем рано или поздно может породить у людей чувство опустошения, депрессии, усталости, но не мысли о завтрашнем дне, детях и солнце. Вот только конкретных идей, как это все изменить, электорат сейчас практически не имеет и не видит. Слышит только. То есть, «бытие опережает сознание в темпах роста». И нетерпеливая молодежь продолжает «делать ноги» на радость отделам кадров различных силиконовых долин.

*Мигрируют активно наши гены,
Напор судьбы шумит в их парусах.
А перевозит их обыкновенно
Еврей тысячелетия – в трусах.*

Чего только с нашими людьми не случилось на этом крестном пути: чудеса, да и только. Возьмите, например, всеми любимого певца Джо Дассена, который своей звучной фамилией целиком обязан американской таможне: во время иммиграционного контроля служащий спросил его отца как фамилия свежее испеченного американца. Одесский еврей не знал английского и гордо ответил на идише: «Их бин Одессен». Чиновник ни звука не слышал об этом славном городе и записал, как слышал: фамилия – «О. Десен». Так в Нью-Йорке и появился потом Джо Дассен. А много лет спустя умер в одиноком месяце с В. Высоцким. Таким же знаменитым и всеми любимым.

Как и многие представители моего поколения, идиша я не знаю. Помню только несколько еврейских ругательств и проклятий, которые намного «травояднее» русских. Во взрослом состоянии я осознал наше с братом незнание языка, как большую потерю. Думаю, что родители, прекрасно владевшие своим языком, сделали так сознательно, опасаясь за нашу безопасность.

Комплексом нацмена я не страдаю и не имею серьезных оснований считать лично себя кем-то вумерть обиженным. По крайней мере, мне так все представляется. Не собираюсь я и каждое утро делать себе обрезание из идеологических побуждений. Я просто пишу о том, с чем нас сталкивает жизнь каждый день, чтобы любому стало ясно, чем отличается в условиях нашего стонационального государства рациональная толерантность от пресловутой «дружбы народов». У меня эта дружба, вообще, вызывает большое сомнение в плане своей осуществимости: по-моему, это так же реально, как история с Кэрролловским «чеширским котом», точнее, его улыбкой, оставшейся висеть в воздухе после исчезновения самого котопфея. Речь надо бы вести об организации нормального сосуществования «в одном государственном флаконе» и жестком неприятии обществом любого, кто сеет рознь и прочие «зубы дракона». Необходимо настойчивое воспитание в обществе веры в победу добра над злом. Ибо в одной из заповедей сказано: не пожелай зла ближнему своему. Цитирую по смыслу, за что винюсь.

*Тысячелетия стремительно летят,
Хотите вы того иль не хотите,
Но заповеди, пусть уж нас простят,
Написаны сначала на иврите.*

Само же этническое многообразие, если власть не распускает всяких уличных «бультерьеров», способно принести государству оздоровление населения и всяческое процветание. Примеры наглядны и общеизвестны. Я имею в виду Сингапур, где идеологический отец новой нации законодательно научил всех жить вместе. И, к тому же, не писать в лифте, который за это сразу током бьет. А наши чиновники все еще ограничиваются словоизвержениями. Правда, после миллениума их реакция начала заметно меняться в лучшую сторону.

За школьные годы я изрядно обэстонился. Первая из 7–8 главных врачей, при которых мне довелось в «горбушке» (БСМП г. Петрозаводска) работать, в состоянии административного раздражения даже обозвала меня однажды прибалтом. Не разобралась сразу: я блондинистый тогда был. Пришлось мягко дать ей понять, что я прибалт, но «шестиугольный». Мне всегда не нравилось, когда люди подобным образом заблуждались: могли возникнуть большие неловкости по ходу дела. Кроме того, у кого-то могло сло-

житься впечатление, что это я способствовал формированию данного этнического заблуждения. И я взял за правило уже на ранних этапах знакомства ненавязчиво вносить ясность в этот вопрос. По этой же причине я никогда не мимикрировал в Анатолевича, а всем затрудняющимся предлагал сразу два легко запоминающихся пародийных варианта: Гантелевича и Антенновича. По созвучию.

Как человек ассимилированный не «до победного конца», а в разумных границах, я от своих соплеменников никогда не «уплывал» и не шарахался: помнил кто я такой и откуда взялся. Согласно Зодиаку – я Рыба, а если точнее и в национальной интерпретации – фиш. Соответственно, желающих «взять за жабры» всегда было достаточно. Из-за этого я и с защитой докторской диссертации припозднился. Мягко говоря. Слишком много времени и сил отнимала повседневная борьба за выживаемость по «Микки-Маусу»: у моей «норки» все время дежурили кошки. Они менялись, но общая дислокация была все время одна – ожидание моей оплошности, срыва или неудачи. Нужен был всего лишь повод «погуще». Выручали только гены, то есть труд и терпение. А целью этой запоздалой эпопеи с защитой докторской диссертации была, разумеется, при условии получения «искомой степени», связанная с профессорством возможность подольше поработать. А ведь мне уже к 60 подкатило. Впрочем, после того, что я недавно прочел, остается только встать и удалиться за кулисы: в мае 2015 года Ингеборга Силм Рапопорт, которой исполнилось 102 года, защитила диссертацию, написанную 77 лет назад. В Германии в 1938 году уже пять лет хозяйничали нацисты, и защититься ей не дали, так как ее мать была еврейкой. Да и муж ее, Самуэль Митя Рапопорт, уроженец Волынской области не был истинным арийцем. Врач – неонатолог, И.С.Р. посвятила свою жизнь самым маленьким детям. По сравнению с ней, я защищался в пацанском возрасте. Общей была только обстановка наименьшего благоприятствования, хотя и совершенно несравнимая по тяжести. Точнее других описывал суть всего, происходившего у нас почти весь XX век, гениальный Исаак Дунаевский: «Я вполне успешный человек, у меня есть практически все и я, улыбаясь, сижу на пороховой бочке. Как настоящий оптимист».

Я полагаю, что отношусь к ашкенази литваковского разлива. А их не очень-то жалуют за вредность и упрямство. Поясню одной давней историей. Один из моих учителей доцент И.С. Консон и его супруга, тоже доцент Маргарита Гансовна Мюллер, пожилые годы проводили вдвоем. По хозяйству, поскольку они еще продолжали работать, им помогала сельского типа женщина средних лет. Отношения у них сложились добрые, приятные, хотя М.Г. на язык была довольно остра и отличалась шикарным образованием с некоторой склонностью к саркастическим экспромтам. Однажды домоправительница вдруг сделала этнографическое открытие: «Маргарита, а муж

то у тебя похоже яврей». «Да», – ответила М.Г. – «а что?» «Как тебе сказать», – тактично подытожила домоправительница, – «не хвалят их».

Следует отметить, что отношения у этой дамы с Исааком Соломоновичем были, по моим многолетним наблюдениям милейшие. Несколько капель пикантности или еще чего-то в эту историю добавляло то, что М.Г.М. была обрусевшей немкой.

Наше слово «хохма», столь глубоко проникшее в русский язык, переводится, как мудрость. А представление о последней у каждого свое. Также как и о юморе.

Существует антисемитский анекдот о еврее, который подал документы на смену фамилии, так как «по случаю» дешево приобрел подержанную надгробную плиту. Не удивлюсь, если его придумали евреи. В такой экономической заточенности, которой я, к сожалению, не наделен, тоже есть своя сермяжная правда, если она не доводится до апофигея. Но мне на пару световых лет ближе совсем другая наша национальная черта – склонность к самоиронии. Еврейский юмор по своей направленности всегда был средством социальной самозащиты: чужая ненависть, оказывается, тоже может очень вдохновлять! Ирония долгое время была единственным для моего народа доступным оружием в его вековой борьбе за право каждого на чувство собственного достоинства. Да и за другие гражданские права. Ведь любой разумный общественный строй должен служить людям: «Суббота для человека, а не человек для Субботы», – вот истинный и основополагающий принцип нормального жизнеустройства. Завуалированное и откровенное неприятие нас окружающими создало в XX веке столь необычную еврейскую государственность, уверенно перешагнувшую миллениум.

Читая воспоминания, которые издает «Общинный вестник» Петрозаводска, я вижу, как повторяются не только изломы судеб, но и места рождения действующих лиц в этих маленьких, но столь дорогих людям книжках. Этим еврейским «Клондайком» стал горемычный кусочек западной окраины царской России, ограниченный недоброй памяти «чертой оседлости», где «коза считалась уже достатком, а корова – целым состоянием».

Из проживавшей здесь бесправной еврейской бедноты вышли в конце XIX и начале XX веков не только многие деятели нашей российской науки, но и мощная колонна музыкантов и художников. Среди последних такие всемирно известные, как Шагал и Сутин, Липшиц и Цадкин, Лисицкий и Штеренберг. Многие из этих мастеров кисти были вынуждены в последующем под напором волны еврейских погромов покинуть свою родину. У Гарри Бардина, великого российского мультипликатора, обладателя пяти «Ник» (без единого почетного звания к 70 годам), и у Вениамина Смехова, ведущего и теперь уже «международного» артиста бывшей Таганки, деды были

сапожниками. Только у одного в Киеве, а у другого в Жмеринке. У меня тоже – но в Полтаве. Смешно было бы протискиваться в такую звонкую компанию. Дело совсем в другом: наши предки работали там, где им позволяла тогда «демократичная» черта оседлости, где навсегда остались и мои корешки.

В XX веке на здешней земле произошла интеракция, которую можно рассматривать, как весьма своеобразный культурный симбиоз, сопровождавшийся взрывом креативности российских евреев. Возникшее при этом сочетание огромного давления извне и высокой социальной температуры внутри породило плеяду гениальных физиков, в том числе, нобелевских лауреатов, известных теперь всему миру писателей, поэтов, актеров, режиссеров et cetera... Причем, в изрядной степени эта эпоха наложилась на смутное время, когда идеологическая машина переехала судьбу многих светлых умов, творцов, талантов и, не побоюсь этого слова, гениев. Достаточно вспомнить Вавилова, Флоренского, Королева, чуть не павшего под Красное колесо Льва Ландау и ... «несть им числа». К сожалению, в этом плане нам далеко даже до крокодила, который относится одинаково хорошо ко всем людям, независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Несправедливо было бы говорить, что у нас ничего не меняется. Это не так. Ко мне уже четверть века не подходит человек с пристрелянным взглядом и не спрашивает «шпионским» голосом: «А какие анекдоты любит рассказывать Теодор Самуилович?». А получив ответ, что Т.С. Польшковский, кстати, лучший в Карельской медицине XX века патологоанатом, по тематике анекдотов – «канадский лесоруб»: в лесу о бабах, а с бабами о лесе, этот дрищ с оловянными глазами уже не страшит меня ПетрГУшными неприятностями. Времена настолько изменились, что моя страна дозрела до обвинения украинских псевдо-революционеров в пропаганде антисемитизма. И все же...

*«Нынче лик у Москвы ну не то, чтоб жесток,
Не стреляет, в баранку не гнет...
Лишь возьмет, да и спросит: «Боишься, жидок?»,
И при этом слегка подмигнет».*

Спешу предупредить, что это не мое, с автором я не встречался, и желающие пусть его сами ищут. Кроме того, адреса и телефона И. Иртеньева у меня нет, и с содержанием третьей строки не знаком и поэтому не согласен. Я не «барабан». А текст проходит через всю нашу жизнь одной из тех «красных» нитей, которые пошли для изготовления веревок на многие шеи в нашем прежнем «интернациональном» государстве.

Даже сейчас, когда многое в моей жизни уже практически «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой», то есть, не имеет существенного

значения ни для кого, кроме меня, я не могу себе позволить называть своими именами все до конца.

Но пока «сердце бьется, нос трясется», я останусь маленькой частичкой своего народа, которого жизнь часто принуждала слишком многое делать добровольно. На оградке материнской могилы мне хотелось по углам поставить столбики с шестиконечными звездами. Но я ведь с детства знаю здешний интернационализм. Поэтому звезды не стоят, а лежат на столбиках: иначе – обязательно отломают.

Такие «мелочи» иногда помогают сосредоточить внимание читателя на «лейб» – мотиве, как говорила одна моя знакомая дама, а также векторном направлении разговора, письма, проблемы, дискуссии. Да, за прошедшие годы многое в нашей стране изменилось до неузнаваемости. Почти.

Должен оговориться: в мои намерения не входит ябедать на свою Родину. Одно дело ругать ее неустрашенность вместе со своими «односельчанами», сохраняя анемичную надежду, что все вокруг враз станет «голубым и зеленым». Конечно, необходима длительная и упорная работа. Совсем другое, когда какой-то чужак начинает злорадствовать, «протягивать язык» и совать его в наши внутренние дела. Таких мы всегда умеем вежливо остановить. Однако друг другу пора говорить всю правду, иначе темп реформ будет нарастать со скоростью коалы, едва переставляющей лапы по стволу родного эвкалипта, и результатов не дождутся даже внуки. Мне не кажется, что я рассматриваю нашу проблему через специальное увеличительное стекло, что-то перегибаю, как мне иногда намекали. Я всегда считал антисемитизм у нас только частью более обширной мировой проблемы – ксенофобии. Когда я вступал во взрослую жизнь, время уже начало меняться. Всякое в жизни бывало, но в меня не стреляли, не избивали и когтями не драли. А для любого человека, хорошо осведомленного о «преlestях» еще сталинского времени, пережить мелкие пакости было вполне посильной задачей. Но и до сих пор слишком многие у нас «так и не прониклись духом полного и окончательного интернационализма» потому, что при «развитом» социализме хроническое течение государственного национализма периодически обострялось «отвлекающими» маневрами политиков, решавших свои текущие проблемы по главной заповеди ведущего иезуита Игнатия Лайолы, согласно которой «цель оправдывает средства». В результате уже многие годы

*Родной земли многоголорье,
Дерет друг друга за волосыя.*

Наше российское государство, наконец, так отточило во многих своих гражданах «пейсконтроль», что смогло без всякого ущерба позволить себе убрать из наших паспортов столь «полезные» для отдела кадров сведения о национальной принадлежности каждого.

Разумеется, вся эта госксенофобия касалась раньше не только нас, но и всех других «инородцев». И все-таки... зачем-то Всевышний расшвырял нас по всей Земле! Или за что-то?

1 сентября 1964 года я вошел в ординаторскую знаменитой клиники профессора Ф.Г. Углова. За крайним столом сидели 2 парня года на 3-4 постарше меня. Поздоровался. «Кто таков?» – спросил жгучий брюнет. «Клинический ординатор, травматолог» – ответил я. «Как звать?» – спросил блондин. «Рудольф Ионтелевич», – ответил я. «Это откуда же у нас такое странное отчество?» – прищурился, спросил сын гор. «Ничего странного, обычное еврейское». «А шеф-то стареет», – сообщил приятелю брюнет. «Почему?», – спросил блондин. «Евреи в клинике появились», – закончил беседу брюнет. Как говорится, с «приехалом» вас. В подставленную мне бутылку я не полез: после 3 лет работы в деревне, где я пробыл практически в хирургическом одиночестве, очень хотелось учиться, а не выяснять отношения с каждым самопальным этнографом. Но выводы сделал сразу и через 3 месяца уже «сехал» в ЛНИИТО, где и проучился весь оставшийся срок клинической ординатуры. Был приглашен в аспирантуру, но, как и обещал главному хирургу МЗ Карелии М.Я. Раудсепу, вернулся работать в республику. На всю жизнь я остался благодарен к.м.н. Азе Николаевне Кедровой, ассистенту кафедры Ф.Г. Углова по моей специальности, которая своевременно подсказала мне, как этот назревший переход можно было организовать «без шума и пыли». Что ж,

*«У верблюда два горба
Потому, что жизнь – борьба».*

Вероятно, мне со своими «мелкими неприятностями» следовало бы «постоять в сторонке», но пробыть на учебу мне удалось с «кровавыми боями». Вскоре я узнал, что когда коллектив «Современника» собрался в зарубежные гастроли, единственным, кого «не выпустили», стал один из самых любимых в стране актеров Игорь Кваша! Мне сразу полегчало. Коллеги актера правильно поняли причину такого решения и отказались выезжать. Запрет сняли, и труппа двинулась гастролировать в полном составе. Ну, зачем и какой дурак все это устраивает?! К сожалению, такая победа солидарности над искушением «не заметить» встречается в природе не чаще тигров – альбиносов.

«Непоняток» и странностей, созданных глупцами от имени власти, в нашей державе, вообще, пруд пруди. Мне, например, за всю жизнь не довелось встретить ни одного еврея, жителя Еврейской Автономной области. Не знаю, куда они деваются. Но по телевизору видел. Что-то есть у этого образования и его названия общее с Чеширским Котом (извините за повтор – настольная книга): помните, сам усатый-полосатый исчезает, а улыбка его продолжает висеть в воздухе.

Я помню нарочито недоуменные вопросы некоторых «любопытных» людей, типа: «А почему евреи не восставали в гетто, концлагерях и практически добровольно шли на расстрел?». Во-первых, восставали, бежали и сопротивлялись, если была возможность. Вспомним хотя бы Варшавское гетто. А во-вторых, надо слышать и сокрытый смысл вопроса: «Значит, с ними что-то не так?». На самом деле все очень даже ТАК.

В 1962 году я был в Варшаве и сидел на ступеньках этого памятника: ноги не держали. Было утро, вокруг замерла прохлада обычного городского парка. Невозможно было поверить, что мы стоим на земле Варшавского гетто. Все было слишком обыденно. Утреннее солнце еще только поднималось и семерка рвущихся из гранита узников отбрасывала длинные тени. Невозможно было даже представить себе весь тот ад, который видела эта земля. Стояла какая-то скорбная тишина. Огромный 10-метровый гранитный блок, похожий на гигантское надгробье, был доставлен из Швеции. Он заказывался личным скульптором Гитлера для памятника его патрону в Берлине. В 1948 году, когда на месте этого парка почти до самого горизонта все лежало в развалинах, по личному разрешению известного юдофоба тов. Сталина, был построен этот памятник Героям Варшавского гетто. Неисповедимы дела и пути твои, Господи: и в коммунистической Польше 19 апреля, – в день восстания в гетто, у памятника собрались люди, и горел Вечный огонь, а вокруг стояли в почетном карауле польские солдаты.

Здесь души мертвых передают живым факел Памяти.

Полмиллиона евреев сражались на фронтах Отечественной войны, 135 из них стали Героями Советского Союза. Для нашего небольшого этноса это серьезная цифра. И плена для нас не было! Моряками, летчиками, связистами, минометчиками и штрафниками сражались мой отец, его братья, мужья теток и братья матери. Не все вернулись домой. А из возвратившихся многие прожили недолго. Раны догнали их уже в мирное время. Наше поколение еще знает и помнит о них, а вот внукам осознание этого я передать как следует не сумел. А ведь у нас есть заповедь: «расскажи сыну своему». У меня нет сына, а обязанность передать, как эстафетную палочку, все то, что я видел и знаю, тем, кто идет следом, осталась.

*С отмененной строкой в паспортах
Мы упрямо идем через все,
Потому что с собою в портах
До сих пор о ней память несем.*

Это и заставило взяться за писанину. Писать так долго и много почти непосильное дело для такого неусидчивого человека, как я. Вся наша страна, давно страдающая ретроградной амнезией, только в по-

следние годы, наконец, сумела предложить сегодняшним юношам и девушкам идею «Бессмертного полка», от которой сразу перехватывает горло. Ведь его солдаты шли в бой «ради жизни на Земле». Сражались с убийцами, негодьями и ворами.

Такими, как А. Розенберг, благодаря всепоглощающей «любви» которого к искусству, в том числе и нашему, фашисты во время ВОВ вывезли со всех захваченных земель около полутора миллионов (!) вагонов культурных ценностей. Потрясает, разумеется, не только сам факт, но и сатанинский размах грабежа. Я с удивлением и даже некоторой оторопью прочел об этом в интересном и чрезвычайно информативном двухтомнике старшего и уважаемого мною коллеги, известного Петрозаводского уролога Валентина Львовича Дробнера. Эти интересные и прекрасно изданные в Канаде книги, под необычным названием «Сотгизье», были любезно подарены мне, как и многим другим врачам города, самим автором. Во время ВОВ В.Л. был в гетто и совершил удачный побег. В длительный период его успешной работы в Карелии мы были только знакомы: В. Л. Дробнер был постарше и «побомондистее». Я больше знал о нем, чем его, но все, что я слышал и видел, вызывало у меня уважение и интерес. Однако я был из следующей возрастной волны выпускников 1-го ЛМИ, направленных в Карелию и, соответственно, из другой тусовки. Пока В.Л. жил в Петрозаводске, я внимательно наблюдал за ним. А началось все, когда на Ученом совете медфака разбирались с пятикурсником, который что-то по мелочи спер. Все в едином порыве благородного негодования дружно проголосовали за его «изгнание из факрая»: как же, – будущий ВРАЧ украл! Я не был исключением, хотя кошки кое-где скребли: жалко было. Воздержался один В.Л. После заседания этого «трибунала» я подошел к В.Л. и спросил, почему он принял такое решение. Он помолчал и сказал: «Там ведь было мно-ого, а он экспроприировал малую толику. Значит, не от жадности влез. Да и молод он слишком». Не могу сказать, что я его сразу понял и прочувствовал. Но через год штрафник восстановился, закончил медфак, а через лет десять пришел работать в «горбушку», где и вкальвает до сих пор. Получился вполне приличный человек и отменный доктор. Вот так.

Фьючерсные способности В. Л. Д. проявились на моих глазах еще раз, когда он, я и еще один преподаватель с отрядом в 100 студентов были десантированы на поля пригородного совхоза дергать корнеплоды, из уже начавшей коченеть земли. Поле было разделено на квадраты дренажными канавами, заросшими осокарем. В.Л. задумчиво гулял вдоль канавы по краю центрального квадрата. Я с интересом наблюдал за одним задумчивым студентом, который ритмично пинал ударной ногой свеклу, надежно вмерзшую в северо-западную осеннюю почву. То есть, все занимались своим делом. А третий преподаватель совсем не баскетбольного роста почему-то решил, что на

соседнем квадрате морковка покрупнее и решил проверить этот факт. Небольшой разбег, решительное отталкивание, активная разножка в полете и... вот он уже стоит на дне канавы, удивленно рассматривая свои мокрые по самое «не балуй» штаны. «Ну, вот», – сказал В.Л., – «один уборочную уже закончил». Затем прошел еще метров пять вдоль канавы, нашел ее заметное сужением и, слегка подпрыгнув, практически перешагнул через нее. А я посмотрел на «подмоченного» коллегу и сказал: «Ты в следующий раз внимательно смотри за В.Л. и будешь всегда сухим, как порох». А потом вытащил его за руку из канавы. «Утопленника» мы быстренько отправили в город попутным транспортом, то есть сохранили довольно ценный кадр для медицины Карельской АССР.

Дело, в конце концов, не в байках. Валентин Львович, один из лучших карельских урологов XX века, доброжелательный и остроумный человек, живет теперь в Торонто, пишет очень хорошие книги и радуется ими нас, чем и объясняется столь необычная длина данного фрагмента.

Никаких претензий и т. д. уехавшим на ПМЖ в более комфортные места власти теперь не предъявляют:

*У нас другие времена,
У нас свободная страна.*

И слава Богу, что каждый волен теперь сам сделать выбор.

Я россиянин, так как всегда был и есть – часть этой земли. И когда придет мой час – целиком стану ею. Даже не могу представить себя счастливо живущим и говорящим на другом языке. Однако общественно-политическая система, в рамках которой я родился, вырос и прожил основную часть жизни, официально прокламируя лозунговый интернационализм, рано или поздно заставляла каждого излишне четко идентифицироваться этнически из соображений оптимального выживания. Никогда не понимал, кого я должен убить, чтобы эта невидимая черта, а точнее прозрачная перегородка исчезла, но все равно верю: чтобы любить свой народ, не так уж необходимо ненавидеть чужой. Если люди когда-нибудь поймут это, жить станет куда приятнее и веселее. Но вместе при одном условии: Б. Шоу как-то сказал одному знакомому, который слишком активно размахивал руками: «Твоя свобода заканчивается там, где начинается мой нос». Вот и все.

Еще раз вернусь к «языкознанию». Идишь я не знаю, и сейчас жалею, что так все сложилось. А раньше было не до этого, – штормило часто. Кое-что не без труда понимаю, а говорить вообще не могу. Хорошо освоил только бытовые еврейские ругательства, скорее даже проклятия, которые довольно «травоядны» по сравнению с обычным отечественным матом,

но очень изобретательны и живописны. Все это «богатство» нашло меня в ленинградской коммунальной квартире. Вероятно, родители боялись за нас, так как периодически в нашей «отдельно взятой» стране интернационализм так зашкаливал, что за разговор на «неправильном» языке в трамвае или на улице запросто могли и башку снести. А язык-то веселый, певучий, интонационно богатый: просто музыка! С какой радостью и гордостью я слушал как мои многочисленные «дядья» ладно пели на своем родном идише! Послушаешь один раз – век не забудешь! Одна их песня мне особенно нравилась: она начиналась со слов «ну, почему я такой везучий парень». Очень жалею, что не выучил ее. Сейчас бы, в мои элегантные годы, самое время ее спеть. «Форвус их бин а за фартверверт...» И далее по тексту.

Советское время, в плену у которого прошла почти вся наиболее активная жизнь моих сверстников, до сих пор полуприкрыто сфинксовым молчанием наших архивов. Поэтому «чужакам» трудно понять историю формирования стереотипа отношений между строителями коммунизма.

Даже для того, чтобы просто выжить, мы были вынуждены поколениями существовать в условиях тяжелейших компромиссов. Нас лишали права обижаться. Мы видели, что нужны только самим себе и больше никому. И так было слишком долго. Да и работать мы могли только там, где позволяли. И все – равно, никто так бесконечно не любил жизнь! Так, например, знаменитая московская актриса Серафима Бирман заканчивала постановку спектакля «Синяя птица» в «желтом» доме, причем с его обитателями в главных ролях.

На работе, хотя лодырями мы никогда не являлись, практически каждому приходилось сталкиваться с предвзятым отношением. И я, как уже писал выше, с доброжелательным начальством сталкивался, к сожалению, далеко не всегда. Искреннее огорчение по этому поводу должно быть понятно, я полагаю, любому человеку, потрудившемуся долго, причем не «директором Каспийского моря», а в экстремальных условиях неотложной медицинской помощи. Начальственная неприязнь обычно отравляет жизнь, треплет нервы, отнимает массу творческой энергии и времени, то есть, самое дорогое, что нам дано свыше. Это в футболе соперникам могут дать дополнительные полчаса на выяснение отношений, а в жизни – нет. Из четырех заведующих нашей кафедрой первым двум было просто не до меня – золотое, как потом выяснилось, время. Сталкиваясь в очередной раз с немотивированным и плохо скрываемым недоброжелательством, я вспоминал сына полка Ваньку Солнцева, который объяснял свою отправку в тыл тем, что «не показался капитану Енакиеву». Таких «капитанов» мне на жизненной дороге пути повстречалось немало. Иногда этнопричина просто «торчала», а чаще тщательно вуалировалась.

С возрастом я стал относиться к этому спокойнее: ну, что с такими чертами сделаешь. А недавно встретил в какой-то книжке веселую фразу: «он работал в заведении так давно, что последние два года ему часто снился начальник с большими ножницами в спине». Умеют люди пошутить.

С интересом, а иногда и с удовольствием, оглядываясь вокруг, я всегда легко знакомился, но трудно прощался: привыкал быстро. Почти со всеми, кого бог послал на жизненном пути, старался дружно жить и работать. Но даже тонны прокачанной моим сердцем крови не смогли смыть ощущение какой-то странной отстраненности, сначала навязанной окружающим меня социумом, а потом ставшей моим внутренним состоянием.

Вот и приходилось с этой «венецианской карнавальной маской» на лице включать в подобных случаях пятую (юмористическую) передачу. Впрочем, злым и равнодушным к чужой беде человека сделать невозможно, если он сам этого не хочет. Надо просто выбирать для себя достойные примеры: в те жуткие дни, когда треть Армении лежала в развалинах после землетрясения в Спитаке, одним из первых ринулся на помощь В. Спиваков. И не с пустыми руками. А ведь некоторые местные «бизнесмены» в то горестное время спекулировали даже гробами. Вот такие личности, как Владимир Теодорович, и могут быть нравственным камертоном в вопросах интернационализма. Когда же его награждение орденом Дружбы народов совпало с началом военной кампании в Чечне, он, разумеется, от получения награды воздержался. Далеко не каждый человек обладает таким душевным тактом. Как же можно не гордиться своей принадлежностью к такому народу?!

Любое прошлое в качестве объекта научного исследования – это вотчина историков, социологов и т.д. Осмысление его происходит только тогда, когда под пером писателя или взглядом кинематографиста оно уже перетекает в настоящее.

Жизненный путь еврея обычно не усыпан розами при любом «изме», тем более, при том, который с «человеческим лицом», но совершенно другим набором внутренних органов. Во все обозримые периоды цивилизации наша жизнь была слишком сложна и противоречива, при этом изрядная часть возникавших проблем часто представлялась практически неразрешимой. Иллюстрацией последнего положения является иронический анекдот времен Древнего Рима, который Бертольд Брехт приводит в своих «Делах господина Юлия Цезаря»: один из сенаторов спрашивает: «А где Гай Юлий Цезарь?»

Ответ: «Он вышел на пять минут – решить еврейский вопрос».

Мне, как и многим представителям моего народа, пришлось пережить время оторванности от своих этнических корней. В детстве, на амурской военно-морской базе, мои соплеменники были как

лейкоциты в порядочной моче – единичные в поле зрения. Задавать вопросы было особенно некому, да и говорить на подобные темы тогда никто не рвался. А мне они и в голову не приходили. Людям, которые тогда слишком крепко держались за свои корешки зубами, их иногда вырывали вместе с головой. Аналогичных мишеней в России было много во все времена. Одних выкуривали из ущелий, других вымораживали в различных тундрах, третьих загоняли «за Можай» или «куда Макар...». Постепенно формировался пласт людей системы «перекати – поле». А ведь отдельно взятый нормальный человек, как и весь спокойно живущий народ, всегда идет по жизни, неся в себе прошлое, настоящее и будущее. Три времени. Без связи с этим триединством все основы бытия прогибаются под малейшим натиском, буквально дуновением ветра перемен. Как у нас и происходит сейчас. Очень хотелось бы, чтобы в многонациональном государстве у начальства, военных, актеров, дикторов и т.д. были такие же очень разные лица, какие мы видим на наших улицах, а СМИ вещали во всех тональностях и для всех национальностей. Это тоже лечит от ксенофобии. А сейчас по экранам все еще бродят клонированные киноевреи, – картавящие недотыки, какими, вероятно, нас и хотели бы видеть деятели потерпевшей неудачу нацполитики советского разлива. Скоро они сойдут на нет вслед за их многочисленными прототипами, улетевшими на 4 часа южнее. Впрочем, расстраиваться руководству отечественного кинематографа не из-за чего: страна у нас все еще большая, этнография наипестрейшая. Просто придется немножко потрудиться, подыскать на роли «ботаников», антикваров, ювелиров, маклеров и т.п., что-нибудь новое, например, небольшой северный этнос, который смотрит на все очень прищурившись и злоупотребляет словом «однако». И все дела. А еще лучше было бы научиться работать без трафаретов и дешевых штампов, а также повторов и плохо замаскированного плагиата. Иначе скоро многомиллионные телезрители и радиослушатели начнут гоняться друг за другом по все еще бескрайним просторам нашей отчизны с серпами и молотами. Или булавами и кинжалами. Правда, когда я вижу сегодняшнюю эстонскую рекламу таблеток для похудения со слоганом «В Бухенвальде толстых не было», меня волнует только конкретная судьба моего небольшого этноса, а не общетеоретические предпосылки интернационализма. Ведь

*Все мое небольшое воинство -
Чувство собственного достоинства
И душа моя иудейская,
Не приемлющая злодейское,
Еще память – струна звенящая,
Где все прошлое – настоящее,
Где ушедшие, но хранимые.
Все друзья мои и любимые,
Что дорогой своею следуют,
Но со мной до сих пор беседуют.*

Участь антисемитов в нашей стране трагична: евреи заканчиваются.

Недавно я узнал, что якуты в числе своих предков числят Чингисхана. Австрийцы считают своим немцем Моцарта, а собственного земляка – австрийского ефрейтора Шикльгрубера (Гитлера) – объявили немцем. Все стараются найти предков поблагопристойнее. Так устроены люди. Так было и будет. Да, в XXI веке они знают больше, но, как говорил один весьма ученый муж, «никто не знает, как из протонов, электронов и прочих обозванных элементарными частиц складываются совесть, любовь, радость, толерантность к другим и им подобные жизненно необходимые вещи».

Для каждого порядочного человека чувство национальной гордости – могучая штука, но иногда приходится «учитывать складки местности». В соответствии с канонами социалистической «толерантности» знаменитый бас Большого театра Иван Краузе, этнический немец, чуть не зачах в ожидании признания своих вокальных заслуг. А затем, поразмыслив над происходящим и по застольному совету одного из своих доброжелателей, взял фамилию жены. Вскоре он, уже в качестве Ивана Петрова, получил две Сталинские премии. Казалось бы, мелочь, всего на одну букву фамилия стала длиннее, а какой эффект! Любимой многими актрисе Татьяне Васильевой сразу объяснили, что с ее паспортной фамилией Ицыкович в отечественном кинематографе делать нечего. Не считаю уместным это комментировать и осуждать ее, как и многих других, кто «взял псевдоним». За их спинами дети, престарелые родители и другие маломощные и немощные. Мы в ответе за всех, кого приручили. У меня просто не было такой необходимости, вот я и прожил свой медицинский полувек со своим «странным» отчеством. К тому же мне оно всегда нравилось и казалось очень симпатичным. Мы все очень разные, но это не должно мешать нам жить рядом, не конструируя никому из соседей «прокрустово ложе».

В своей пока первой и последней поездке по Израилю я перемещался в основном автобусным способом, но времени старался не терять даже на ходу. Вот одно из «оконных наблюдений»: шабат, в субботу улицы квартала, где кучно проживают ортодоксальные верующие, были пустынно. Один – одинешенек по улице перемещался специфической брейкдансовой походкой юноша с ДЦП (детским церебральным параличом) и развевающейся на щеках жидкой растительностью: день был ветреный. Глядя на него я сразу вспомнил Довлатовское:

*«Люблю тебя Виталий
От пейс до гениталий».*

И боль сердечная, и смех, и грех. Мой народ будет на Земле всегда, потому что он умеет посмеяться

и поплакать над собой. Кто-то пошутил, что в Израиле проживают евреи разных национальностей. Рано или, к сожалению, поздно жизнь должна всех научить жить вместе: Земля достаточно велика даже для избыточного количества придурков.

Человек не волен в месте своего рождения. Даже гетто может стать малой родиной. Кстати, не стоит намертво привязывать это горестное слово к нам. Вполне уместно вспомнить судьбу первохристиан и их катакомбы, американских негров, а также будущих «космополитов», совершивших знаменитую прогулку по дну морскому. Многие, кто в годы погромов и разгула антисемитизма думал, что ограничатся нами, вскоре поняли, как они ошибались. Не стоило им забывать старый, но нетленный анекдот времен бессмертного армянского радио, в котором взрослые дети просили погибающего отца посоветовать, как им дальше жить. И он ответил: «Дети мои! Берегите евреев: закончат с ними – за нас возьмутся!».

В последние десятилетия мы все увидели, как легко любую «сказку сделать былью»: тень небольшой Чечни сейчас смогла заслонить только мгла Украины. Всем нам толерантней надо смотреть друг на друга, намного терпимей. А иначе – кто следующий?

На всем нашем этносе столетиями лежит печать незаслуженного изгойства. С подобным отношением, повторю, сталкивались многие народы, и ни единого раза в истории это не привело человеческое сообщество ни к радости, ни к счастью. Возможно, что судьба конкретно нас наказывает за то, что мы придумали «козла отпущения». Как известно, древними евреями был разработан свой способ химчистки для души: брали козла двумя руками за рога, затем возносили молитвы об отпущении грехов путем передачи их рогатому-бородатому и «отпускали» (выгоняли) его с глаз долой – в пустыню, где бедолагу ожидал «полный кирдык». Впрочем, подобных мудрых нанорешений полно и у других народов. «По уму» ведь все это не объяснить. Разница, чаще всего, лишь в том, на кого перекладывается вина за собственные грехи. Не здесь ли кроется причина того, что

*Всегда полно галлюцинаций
На тему о единстве наций.*

Конечно, и у нас есть особенности. Это неисчерпаемое терпение, закаленное веками гонений, иногда раздражающие окружающих сплоченность, настырность, предприимчивость и изобретательность, а также способность, стремление и умение адаптироваться к тяжелым реалиям жизни. И, повторюсь, редкая способность к самоиронии. Художественный руководитель Пушкинского академического театра военных лет Л.С. Вивьен как-то описал «забавный» эпизод. В суровую годину Отечественной войны, когда театр был вывезен из Ленинграда в Новосибирск,

явился к нему с просьбой о работе оголодавший художник, эвакуированный из пригорода Витебска. Этот небольшой город был, как известно, одной из культурных столиц еврейской резервации, располагавшейся за чертой оседлости, нанесенной на карту России милостивым указом царя-батюшки. Эта черта, позволю себе напомнить, была официальной границей территории, где было разрешено евреям проживать постоянно. Вивьен доверчиво заказал живописцу, вероятно, как земляку знаменитого М. Шагала, оформление к задуманному шекспировскому спектаклю. Когда тот принес эскизы, худрук ахнул: «Послушайте, милейший, обстановка не та, природа не та, вся атмосфера не та!» «А питания та?», – воскликнул творец. Извечное полемическое своеобразие мышления, моментальная реакция и способность к трагикомическому восприятию окружающего мира, вероятно, и являются тем удобрением, на котором «взошла» тучная нива еврейской юмористики, которая стала спасательным жилетом для целого народа. Мы, в конце концов, только один этнос из ста с лишним в нашей стране, почти у каждого из которых хлопот полон рот. Теоретически у нас, как и во многих других странах, государством провозглашались библейские идеологемы. Но когда в стране начинала хозяйничать любая беда, власть норовила сделать козлом отпущения именно наш народ, тратя время и средства на организацию ограничений, гонений и погромов. Не часто. Где-то раз в поколение.

Зычный клич «Россия для русских!» это все та же старая флейта, с помощью которой в известной сказке уже заманивали в воду и топили некоторых длиннохвостых млекопитающих. Для тех, кто дружит с головой – «Россия для всех ее граждан». Только если не забывать, что у нас в стране целое море этносов, можно надеяться, что недоумкам не дадут в очередной раз развалить страну и вырыть еще глубже демографическую яму, через которую страна пытается с таким трудом перебраться. Злые семена ксенофобии живучи, как возбудители сибирской язвы. А эта зараза практически неподвластна времени.

Известный литератор Наум Зиновьевич Кислик писал в своих заметках: «Всякое незаслуженное страдание, унижение, боль, страх, тяжкое душевное потрясение, на которые был так щедр XX век, могут остаться миной замедленного действия в генах и взорваться в последующих поколениях. Вот это и есть глубинная суть выражения, гласящего, что «ничто не забыто». В Союзе, к сожалению, отношения между народами на практике воспитывались долгие годы по анекдоту:

*«Вы слышали, у Хаймовича дочь – проститутка!
– Так у него же сын.
– Ну, мое дело сказать».*

Никто не может позволить себе жить «на проценты» от истории своего народа, от той огромной

духовной работы, которую проделали все предыдущие поколения, чтобы изменить и исправить окружавший их враждебный мир. Разумеется, вместе со всем остальным коллективом народов. Духовное продвижение требует собственных усилий от всех и каждого, поскольку мы пришли в этот мир не в качестве «нахлебников» и рафинированных, проматывающих наследство своих отцов. И если иногда случается, что успех или удача сопутствуют нам, то и на этот счет кое-что сказали мудрецы: «Если не трудился и достиг, – не верь этому результату – он видимость успеха. Только в том случае, если ты потрудишься и у тебя, в конце концов, что-то путное получилось – это настоящий успех»: истинным может быть лишь то благо, которое ты заработал своими руками и мозгами. В противном случае оно превращается в «дармовой» хлеб, за который рано или поздно приходится краснеть. Впрочем, это тоже дано не каждому.

Во время визита в Польшу, канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колено перед памятником жертвам Варшавского гетто, разделяя ответственность своего государства, хотя лично он к этим преступлениям, к самому трагическому геноциду в истории человечества не имел никакого отношения. Он просто повел себя как порядочный человек, у которого есть сердце. А мне не так уж давно довелось услышать от одного начальствовавшего коллеги, что «Холокоста вообще не было. Просто люди в концлагерях умирали от болезней». Вот так. Причем столь активно болели, что от миллиона евреев, проживавших в Польше, осталась тысяча! Во многих европейских странах подобное заявление давно считается уголовным преступлением и за него судят. Двенадцать миллионов глаз удивленно смотрят на нас из тьмы: «Холокоста не было? А куда же мы ушли?». Я слышал эти голоса еще в 1962 году, когда сидел в Варшаве на ступеньках мемориала: ноги не держали.

Следующий памятный знак Катастрофы повстречался мне прямо на городской улице только на склоне лет. Однажды я поехал в музей, посмотреть заново созданную Янтарную комнату, а нашел город своей мечты, в котором хотел бы прожить остаток жизни. Символично, что Пушкин, этот небольшой, но очень симпатичный городок, находится всего в 20 минутах езды от Витебского вокзала, расположенного в центре Санкт-Петербурга. Короче,

*Как жаль, что мне не повезло,
В тебе жить, Царское Село.*

Более чем через полвека после Холокоста на одной из центральных улиц бывшего Царского Села мы с женой случайно обнаружили памятник, созданный знаменитым Сидуром в его традиционной апокалиптической манере. Вадим Абрамович Сидур, со свойственной нашему брату самоиронией, даже называл художественный стиль некоторых своих инсталляций «гробартом». Он (привет знаменитому про-

Памятник жертвам Холокоста в г. Пушкине

заик) тоже был воином и инвалидом ВОВ. Вероятно поэтому работы Сидура стали, в целом ряде случаев, памятниками людям, погибшим в военное лихолетье. Одна из них использована как скульптурная основа для монумента, установленного в г. Пушкине. На пьедестале его выбито: «Евреям г. Пушкина, павшим жертвами фашистского геноцида 1941г. ...Пролили кровь их, как воду... и некому было похоронить их».

Не так часто в наших городах можно увидеть такой символ памяти. Обычно только на кладбищах. В Пушкине, как и на всей оккупированной врагом территории, погибло множество людей разных национальностей, в частности, жены и дети командиров Красной Армии, не успевшие эвакуироваться, да и другие жители города, выданные местными предателями. Встречались и такие. Сидуровский памятник был установлен на деньги, собранные частными лицами и еврейскими организациями разных городов, включая и Петрозаводск.

А вот в деле с Варшавским гетто не все так просто. Его узниками двигала не столько надежда на спасение, сколько стремление отдать жизнь как можно дороже, то есть, с оружием в руках. Этого-то оружия польская подпольная Армия Крайова «жидам» как раз и не дала. Вскоре после войны правительство Гомулки успешно закончило начатое этой армией дело: оставшиеся в живых и вернувшиеся на Родину штучные евреи были выдвинуты из страны. А я их еще застал в почти социалистической Польше. В 1962 году вместе с группой других строителей коммунизма, мне довелось побывать в гостях у этих товарищей по соцлагерю. В Гданьском студенческом кафе-диско «Жак» со свойственным молодым пацанам нахальством я пригласил на танец симпатичную солистку местного джаз – бенда. Языковый барьер нам не мешал: она немного говорила по-русски и много лучше меня владела идишем. Я ей сказал пару фраз о нашей поездке, спросил, как здесь живется. Девушка криво улыбнулась и сказала: «Никак. На следующей неделе двинем целым пароходом в сторону «исторической Родины». На глазах у нее были слезы. Вот такие «пес-

ни» громко звучали здесь в те времена. Впрочем, антисемиты прекрасно выживают и при загнивающем капитализме: «Молодых львов» я прочел достаточно давно и, таким образом, узнал все об особенностях службы американского рядового Ноя Аккермана. Ксенофобия, к сожалению, носит характер пандемии. Эффективное лекарство от этой заразы идеологами любых «измов» все еще не найдено: одного из самых знаменитых наших фотолетописцев времен Великой Отечественной войны орденосного Е.А. Халдея уволили через пару лет после ее окончания за «профнепригодность». На самом деле, «вдруг» выяснилось, что он еврей. Злую и лицемерную власть того времени уже покинули тревоги военных лет и страх за собственную шкуру. И сразу появилось желание заняться черносотенством. Недавно состоялась персональная фотовыставка этого Мастера, естественно, посмертная, и там вышеизложенная неприличная проделка была предана огласке. Какая-никакая, а все-таки подвижка. Темпы только, как у сороконожки. Эта история, к сожалению, стала одной из тысяч ей подобных. Как ни удивительно, в послевоенные годы нашу страну, победившую нацизм, накрыла очередная волна антисемитизма. С ощеренной «мордой лица» рассказывались анекдоты, центральной в которых была милая идея, что все евреи во время войны сражались на «Ташкентском фронте». А ведь наш маленький этнос, с гордостью повторю, оказался на четвертой позиции по числу Героев Советского Союза. Кривые годы, лживое время. Снова в бытовых перепалках зазвучало погромное «жид» в адрес невинных птиц. Вероятно, опять начала раздражать их жизнерадостная активность и умение найти «жемчужное зерно» даже в социализме. В книге знаменитого барда и профессора-океанолога А.М. Городницкого я нашел строчки, посвященные невинно пострадавшему из-за нас воробыному племени:

*«Только он мне по-прежнему дорог,
Представитель пернатых жидов,
Что, чирикавая, пляшет «семь сорок»
На асфальте чужих городов».*

Тот, кто помнит городской фольклор тех лет, поймет меня сразу и правильно.

С профессором Александром Моисеевичем Городницким я имел честь родиться на одном острове (Васильевском), правда, он обогнал меня на пятилетку. Ему принадлежат и другие, не менее дорогие мне, строки:

*«Полюбил я Васильевский остров,
В мире равных которому нет».*

Полностью солидарен с ним. Дочитав последние страницы его книги воспоминаний о той поре, я понял, что хотя мы жили после войны в совершенно разных концах необъятной родины, но рады нам

езде были одинаково. Но память о моих родителях, о боевом прошлом и настоящем многочисленной родни, ее мужестве даже на краю расстрельной ямы, всегда удерживала меня на плаву, заставляла учиться гнуться до боли, но пружинить, а не ломаться. И никогда не опускать голову ниже рационального допуска.

За прошедшие годы многое в нашей стране изменилось до неузнаваемости. Воробьев, наконец, оставили в покое, но сама проблема жива до сих пор: только теперь через 70 лет после нашей победы в ВОВ в 14-м блоке Освенцима вновь появился Российский филиал музея памяти павших в этом концлагере. Лучше поздно, чем никогда.

Значит, не зря мой дед Мендель больше 100 лет назад был ранен под Порт-Артуром при защите российских рубежей. Еще под прежним знаменем с двуглавым орлом.

*Под сенью крыльев гордой птицы
Встречались и картавых лица,
Пока на них партийный мор
Не напустил кавказский вор.*

Сталкиваясь со всем многообразием проявлений нашего всеобщего несовершенства, нет смысла и оснований вставать в позу праведника и лишний раз напоминать другим о предстоящем Высшем Суде. Надо просто продолжать жить, причем так, чтобы другим стало скучно, когда нас не будет. Главное, следить за дорогой и не слишком «торопить лошадей». Все равно их можно только загнать в воду, а заставить пить ее невозможно.

Надо бы уже высечь на камне, что мы все разные. Благостные разговоры об атмосфере всеобщей любви являются, к сожалению, химерами, порожденными нашей общечеловеческой склонностью выдавать или (и) принимать желаемое за действительное. Та черта, за которой жили и умирали мои предки при царе – бабушке, при советской власти превратилась в пунктир, а сейчас стала сырьем для множества эстафетных палочек. Я бегу с одной из них в руке уже довольно давно, а передать некому: ассимиляция сделала свое дело.

2016

Чинарики

Обычно шутки вызывают зло,
Когда с мозгами Вам не повезло.

Прогресса как не удивляться многоликости:
Эпоха Варварства пришла на смену Дикости.

Был с молотом сюжет совсем провальным:
Не хочет человек быть наковальной.
И даже при всей склонности к дерзаниям
Ему не нужен серп для обрезания.

Привычки из социализма
Торчат забытой в ... клизмой

Исправно нынче комсомольцы
Сигают прямо в богомольцы.

Научат нас титаны пропаганды,
Как клизму ставить, не забрызгав гланды.

С российской стихией бытия
Не стоят ваши планы ничего.

С такой зарплатой буду я богат,
Когда русалка сядет на шпагат.

Вопрос о пенсии понятен -
Работать всем до трупных пятен.

Как заканчивает век
Наш российский человек?
От отставки до могилы
На полставки в четверть силы.

Свободы, как и всей стране,
Недоставало раньше мне.
Теперь, у жизни на излёте,
Свободен, как сопля в полете.

Если будешь слишком деловым,
То станет плохо с актом половым.

Если танцору что-то мешает,
Приходит хирург и проблему решает.

Инстинкт, который основной,
Как можно дольше будь со мной.

Ничто не может в юности сравниться
С мечтой о зазевавшейся девице.

Мне не мешают седина и лишний вес
Питать к красивым ножкам интерес,
И не качайте вслед мне головой:
Не молод я, но я еще живой.

Как только здоровье немного упрочится,
Так хочется думать, что все еще хочется.

Никогда не будь беспечным,
Не женись на первой встречной,
Лучше сразу на (со) второй,
Ты свою судьбу устрой.

Когда стоишь уже у алтаря,
То поздно думать: зря или не зря.

Склонюсь пред истиной одной:
Не гоже спать с чужой женой,
Морально даже не опрятно,
Но как же, черт возьми, приятно.

Отношения между полами
Не словами вершат, а телами.

Когда настроишь свой рожок,
Играй по-крупному, дружок.

Пока живешь - активно практикуй,
Когда кончат, тебе подскажет жизнь.

Когда сионскую встречаю деву,
В её глазах читаю справа я налево.

Безумно мужа возлюбя,
Не отдавайте всю себя:
Оставьте что-нибудь, однако,
Для своего второго брака.

Нет, сил не требуется море,
Чтоб пережить чужое горе.
Вот пережить чужой успех-
Задача эта не для всех.

Есть польза людям и от дурака:
Без дуба не бывает конька.

У каждого свои и рай, и ад,
Сам в своей жизни каждый виноват.

Ты не пришелся ко двору.
Прощай. Собака. Точка. Ру.

Четыре года милосердия

В конце января есть дата, значимая для пожилых людей нашей общины – четыре года назад был открыт благотворительный фонд Хэсэд Агамим. Тогда еще не вполне представлялось, что это такое. Теперь все знают, что Хэсэд, базирующийся на принципах милосердия и ответственности евреев друг за друга, – это организация, осуществляющая разнообразную помощь членам общины.

Основные программы фонда – Питание, Продовольственные наборы, Патронаж, Прокат оборудования, Медицинские консультации, Клуб – помогают решать многие проблемы, встающие перед пожилыми людьми.

На общении людей строится программа Дневной центр, работающая чуть более года. Регулярные встречи помогают пожилым людям избавиться от однообразия дней, от одиночества. Появляется возможность быть в курсе общинной жизни, завязать новые знакомства, побеседовать, почитать еврейские газеты и журналы, поделиться радостью или просто посочувствовать друг другу.

Широко известен в общине оснащенный при помощи наших друзей из общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе (Тюбинген) новейшими средствами физиотерапевтического лечения медицинский кабинет, куда за консультативной помощью обращаются многие наши подопечные.

Весной прошлого года для семей с маленькими детьми открылась новая программа Мазл Тов (эти слова означают на иврите пожелание удачи). Проводимые с детьми занятия направлены на развитие творческого начала. Дрейдл, – так назвали детский танцевальный коллектив – уже выступал на общинном празднике. Теперь дети с упоением готовят новую программу – близится очередной еврейский праздник. С февраля месяца начинаем работать по программе «Ницаним» («Ростки»), разработанной в нашей общине, которая обеспечит детским питанием и витаминами детей дошкольного возраста. Эта программа финансируется организацией Яд Ле-Яд и общиной Темпл Иудеа из Флориды.

Деятельность Хэсэда давно вышла за пределы Петрозаводска: в рамках программы Мобильный Хэсэд осуществляется помощь евреям во многих населенных пунктах Карелии. Не из-за врученного пакета с продуктами, а от радости, что них вспомнили, их нашли, появляются слезы в глазах людей, большую часть жизни проживших в отрыве от еврейских традиций.

В октябре прошлого года в г. Костомукше был торжественно открыт филиал нашего Хэсэда. Непосредственное участие в этом событии принял директор Петербургского отделения Джойнта Иосиф Рабин и директор социальных программ Рита Гутина. Открытие филиала позволит на качественно новом уровне проводить культурные, образовательные и благотворительные мероприятия во второй по величине (после петрозаводской) еврейской общине Карелии.

Главное богатство Хэсэда – волонтеры, чья бескорыстная работа является основой всей деятельности фонда. Череда осенних еврейских праздников традиционно началась с проведения двухдневного семинара для волонтеров в санатории «Белые ключи». В этом году с волонтерской аудиторией плодотворно работала группа преподавателей из Петербургского Института общинных и социальных работников.

Первые Хэсэды возникли семь лет назад, сейчас их насчитываются десятки по стране. Петрозаводский Хэсэд, не претендуя на исключительность, скромно и добросовестно выполняет возложенную на него миссию милосердия и возрождения национальных традиций. Успехов вам, подопечные, волонтеры и сотрудники Хэсэда Агамим!

День первый «Хэсэда Агамим»

Десять лет назад, 27 января 1998 года состоялось открытие Петрозаводского еврейского благотворительного фонда «Хэсэд Агамим». Но возник он не на пустом месте. За несколько лет до него благотворительная помощь нуждающимся проводилась обществом еврейской культуры «Шалом», которым руководили сначала Борух Клейн, а затем Александр Модылевский. Непосредственной организацией благотворительной помощи в «Шаломе» занималась Софья Новопольцева со своим коллективом

волонтеров. Основным спонсором этой помощи – Американским еврейским фондом «Джойнт» было принято решение о создании на территории бывшего СССР профессиональных благотворительных организаций (хэсэдов) для оказания широкого спектра социальной помощи нуждающимся, в первую очередь, пенсионерам и инвалидам. Решение было вызвано тем, что уровень жизни этих людей в тот период был, как правило, значительно ниже порога нищеты.

Первое, что требовалось для создания Хэсэда, - подходящее помещение. Его подготовкой занялся Дмитрий Цвибель. Руководство Петрозаводска (тогдашний мэр Катанандов С.Л.) и Министерства культуры республики (министр Олег Белонучкин) пошли навстречу общине и предоставили в аренду большое пустующее помещение на площади Ленина. К осени 1997 г. был выполнен его ремонт. Летом того же года новая организация была зарегистрирована Минюстом Карелии, а в декабре избрано правление Хэсэда во главе с доцентом медицинского факультета университета Юрием Рыбаком и исполнительным директором, автором этих строк. После этого началась интенсивная подготовка к открытию фонда: устраняли строительные недоделки, закупили и завозили мебель, инвентарь, благоустроивали помещения. Проводили анкетирование подопечных, составляли списки (первая база данных включала 300 человек, к осени 2003 г. стало уже около 1200, из них 700 - пенсионеры и инвалиды). Формировали бригаду волонтеров, многие из которых имели опыт работы в «Шаломе». Это: Нина Цинкерман, Фаня Цукарева, Ирина Фоменко, Ревекка Кауфман, Раиса Шапиро, Белла Толкоцир, Белла Трейстер, Изольда Роскина, Виктория Слободская, Виктория Гольденберг, Валентина Бравая, Елизавета Якович, Елена Авишева, Рахиль Штейн, Минна Куртиш, Лиля Рубинштейн, Римма Пригожина, Сима Чернякова, Таисия Самойлова, Раиса Сафра, Валентина Литвинова и др. Бригадиром волонтеров стала Грета Логинская, преподаватель архитектурно - строительного техникума. Юрий Рыбак и Юрий Иоффе сформировали группу волонтеров-врачей, среди которых были Галина Отвагина, Лев Юровицкий, Александр Мясников, Надежда Татарко, Елена Гольденберг, Софья Фрадкова, Тамара Александровская, Мария Маркелова, Адольф Островский, Аркадий Рутгайзер, Рудольф Мельцер, Тамара Питерская, Елена Полякова, Светлана Флока, Марта Цвибель. В конце декабря в новом помещении состоялась первая раздача ханукальных посылок.

За несколько дней до официального открытия приехала «бригада» из Петербурга во главе с Изей Сабагом, легендарным молодым израильянином марокканского происхождения, организатором движения Хэсэдов СНГ, и Леонидом Колтоном - директором петербургского Хэсэда Авраам. С ними были Рита Гутина, руководитель отдела социальных программ Петербургского отделения «Джойнта», Зарина Малкова и опытный волонтер Петербургского Хэсэда Лариса Звягина. Они приняли участие в отборе и инструктаже сотрудников нашего фонда (клуб возглавила Ася Новицкая, благотворительные программы - Ида Вол, бухгалтером по совместительству стала работать Татьяна Кузнецова), консультировали волонтеров, вместе с нами участвовали в обустройстве помещений и организации открытия.

Утром в день открытия Хэсэда приехали директор Петербургского отделения «Джойнта» д-р Арон Вайс, руководители других благотворительных организаций Северо-Запада России. На открытии было много гостей, ленточку у входа перерезали Арон Вайс и заместитель мэра города Юрий Тарасенко (сам Сергей Катанандов в этот день был в отъезде), Борух Клейн прикрепил мезузу к косяку двери и произнес благословение. С приветственными словами выступили Ю.Рыбак, А.Модылевский, А.Вайс, И.Сабаг. Директор Хэсэда рассказал о планах работы фонда.

А потом состоялся большой концерт в зале Филармонии на улице Гоголя. Зал был полон. Играл на скрипке профессор консерватории Клементий Векслер под аккомпанемент заслуженного артиста России Виктора Портного, заслуженный артист Карелии Олег Белонучкин читал стихи Нахмана Бялика и Иосифа Бродского, выступали артисты Петрозаводского музыкального театра. Во втором отделении концерта исполнял песни и псалмы на иврите и идише главный кантор Петербургской хоральной синагоги Борух Финкельштейн (ему аккомпанировал Д.Цвибель).

Это был праздник, а со следующего дня началась повседневная работа.

Искусство отдавать

Дни, проведенные в г. Тюбингене с 7 по 16 июля по приглашению общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе оставили яркий след в развитии наших отношений с немецкими друзьями. Вся многогранность этой поездки, важность ее для нашей общины была отражена в статье Дмитрия Цвибеля («О. В.» № 14). Должен признаться, что перспектива общения с немцами на правах гостя вызывала у мен противоречивые чувства. Однако искренность и неподдельная радость, с которой нас принимали, растопили лед предубеждения. Незабываемым было то деликатное, бережное отношение к еврейскому наследию, проявившееся во время диспута с членами общины, как и весь строй нашего диалога, далекий от привычного нам миссионерского со стороны христиан по отношению к евреям. Все переплетения, все конфликты и противоречия иудаизма и христианства, оказываются, могут быть не только источником для обоюдных нападок, но и отправной точкой для терпеливого поиска взаимопонимания. Можно сказать, что этот визит подарил нам очень приятное ощущение причастности к обнадеживающему перелому, изменению тона в отношении христиан к евреям, иудаизму и во взаимоотношениях двух религий в целом. Эта тема, думаю, ждет своего развития на собраниях в нашей синагоге и на семинарах Иосифа Гина в воскресной школе не только в силу своей увлекательности, но и большой актуальности. Всем нам известно, как часто она всплывает в наших разговорах в связи с изменениями, происходящими в стране и обществе. В этой заметке мне хотелось бы остановиться на вопросах на первый взгляд гораздо более приземленных. Мы, представители возрождающейся общины, невольно наблюдая в течение этих дней за жизнью зрелой общины наших гостеприимных хозяев, поняли, что нам есть что перенять у них, есть что себе напомнить. Тем более, что речь идет о еврейских ценностях, о лучших образцах общинной жизни, заимствованных христианами из иудаизма. Мне не забудется тот такт, с которым нам вручали пожертвования от общины и частных лиц, и просветленные лица людей, уходивших со службы, на которой были собраны немалые средства для нашей общины. Было так очевидно, что люди не только выполняют свой нравственный долг, но и получают большое удовольствие, жертвуя на благотворительность. Действительно, деньги могут приносить удовольствие не только в магазине. Еврейской традицией предусмотрено многое для того, чтобы пожертвования приносили и удовлетворение, и удовольствие: пожертвование в праздничные дни и дни годовщин умерших родных (Йорцайт»), входящие в ритуал поминовения. Произнося в присут-

ствии собравшихся в синагоге евреев слова древних поминальных молитв «Изкор» и «Азкара» (пусть часто в русской транслитерации), мы вспоминаем наших близких, просим хорошего для них на небе и обещаем продолжить их добрые дела на земле – пожертвовать на благотворительность. Эти простые и понятные каждому вне зависимости от степени религиозности чувства воплощаются в прекрасное торжественное действие, достойное памяти наших близких. Этот обряд, совершающийся евреями из поколения в поколение, радует души ушедших и вносит покой в наши. На Хануку мы можем доставить себе удовольствие, делать подарки детям (и не обязательно только своим). В Пурим – посылать традиционные «мишлоах манот», «щалохмонэс» (подарки из кушаний и напитков) знакомым евреям. Благотворительность очищает нас, уменьшая присущее каждому чувство вины, в Дни раскаяния в Иом-Кипур. Мне кажется уместным вспомнить в этой связи восьмиступенчатую иерархию для оценки цдаки: каждая следующая ступень ниже предыдущей. Прежде всего, существует высший тип благотворительности – дать человеку, находящемуся в бедственном положении, взаймы на льготных условиях, открыть с ним дело на паях или просто найти ему работу – таким образом, он сможет быстро встать на ноги и начать сам зарабатывать себе на жизнь. Но если уж речь идет о чистой благотворительности, то наилучшая ее разновидность – это когда подающий и принимающий остаются неизвестными друг для друга. Следующим идет денежное пожертвование в благотворительный фонд общины. Дальше – случаи, когда благотворитель знает, кому он дает, в то время как получающий остается в неведении. Затем – противоположный вариант. Так в Талмуде – трактат Ктубот, 67б – говорится об учителях Торы, которые завязывали монетки в узелки из полотняной материи и швыряли, не глядя, себе за спину, чтобы бедняки могли их подбирать, не чувствуя при этом стыда. Есть еще четыре ступени: когда подают бедняку, не дожидаясь, пока он попросит; когда подают только после того, как поступило прошение; когда подают меньше, чем следовало бы, но выказывают при этом доброе расположение, и, наконец, на самой нижней ступени находится тот, кто подает ворча и с неохотой (Йод Матнот Аниим, 10:1-14). Само слово «цдака» происходит от ивритского «цедек» (справедливость), но обычно переводится как «благотворительность». Совершение справедливых поступков – основное правило иудаизма. Талмуд учит: «Цдака равна всем другим заповедям, взятым вместе» (Бава батра, 9б).

С точки зрения иудаизма, дающий деньги на цдаку поступает справедливо, не дающий - несправедливо. Еврейское право рассматривает такое отсутствие справедливости не только как моральную низость, но и как нарушение закона. Известные истории самоуправляющиеся еврейские общины определяли размер цдаки так же, как теперь государство определяет размер налогов. Как справедливо заметил самый влиятельный еврейский мыслитель средневековья Рам-

бам (Раби Моше бен Маймон): «Никто и никогда еще не обнищал от дачи цдаки». Возвращаясь к нашей поездке, навеянным ею мыслям и сопоставлениям, хочу заметить, что возрождение общины проявляется не только нарастанием активности общинной жизни, но и возрождением нравственных начал еврейской жизни в нашем мировоззрении. И благотворительность – одно из них и даже в какой-то степени показатель зрелости общины и ее членов.

В течение недели месяца Хешвана (12-19 ноября 1998 г.) в Иерусалиме состоялись два выдающихся события, в которых мне посчастливилось принять участие. Это 9-я Всемирная конференция еврейских общинных служб и Генеральная ассамблея Совета еврейских Федераций. Оба эти события были приурочены к 50-летию государства Израиль и, являясь последними в этом столетии, намечали основные тенденции развития мирового еврейства в начале XXI века. Остановлюсь на каждом из этих событий. Конференции еврейских общинных служб такого уровня проводятся 1 раз в 4 года. Для участия в этой конференции собрались в основном работающие в общинных центрах профессионалы: социальные работники, психологи, педагоги, врачи. Животрепещущие проблемы еврейской жизни обсуждались очень конкретно в удобной для профессионалов форме – семинаров и заседаний круглых столов. Было много параллельно проходивших секций по наиболее актуальным и для Израиля, и для диаспоры проблемам. Одни из них такие же древние как еврейство, например: еврейская семья, смешанные браки, забота о пожилых; другие – более современные: понимание в поляризованном обществе, диалог между религиозными и светскими евреями, возрастание роли женщины в работе еврейских общинных служб. На одной из секций я сделал сообщение о преодолении психологических проблем детей, оказавшихся между двух культур. Генеральная ассамблея Совета еврейских федераций объединила более 3 тысяч делегатов. Среди них были видные еврейские лидеры из Израиля, США, Канады, Латинской Америки, Европы; политики, организаторы, меценаты. Назову лишь некоторые наиболее известные имена: Авраам Бург, Теодор Комет, Дов Гольдберг; выдающиеся филантропы – семья Бронфман, Шустерман, Векслер и многие другие. Приветствовал делегатов премьер-министр Израиля Беньямин Нетанияху. Три дня ассамблеи вместили в себя впечатляющие выступления ярких ораторов на пленарных заседаниях, выездные рабочие семинары, концерты, экскурсии. Пожалуй, наиболее интересным был выездной день. Участники могли выбрать один из 38 маршрутов, скажем "Туризм - мост между Израилем и диаспорой", "Израиль - мозаика культур иммигрантов", "Эволюция израильской демократии", "Современные ортодоксы и религиозный сионизм в

Израиле" и т. д. Каждый маршрут включает в себя посещение нескольких пунктов в разных городах страны, где участников уже ждали сотрудники, исследователи и волонтеры для того, чтобы познакомиться и обменяться опытом. Семинар "Забота о пожилых", в котором я принял участие, проходил в 5 центрах. Два из них мы посетили в Иерусалиме и 3 – в Тель-Авиве. Таким образом, нам дали возможность познакомиться с работой основных вариантов обслуживания пожилых в Израиле, в том числе и таким современным как "Поддерживающее соседство" – программа, сохраняющая независимость пожилых людей и расширяющая круг их общения. Расписание семинара было очень плотным, времени не хватало, поэтому обсуждение и даже несколько сообщений продолжались в автобусе во время переездов. Несмотря на интенсивность работы, организаторы как конференции, так и ассамблеи сумели предусмотреть возможность для неформального общения. Надо сказать, что доброжелательность, открытость и очень большой интерес к евреям из России делали общение с соплеменниками из Европы и Америки особенно приятным и содержательным. Этому способствовало, наверное, еще и то, что делегация из России была немногочисленной, разнородной по профессиональным интересам и поэтому мы работали, как правило, в окружении иностранцев. Общение было настолько интенсивным и поглощающим все время, что грозные предупреждения о готовящейся бомбардировке Ирака прошли почти незамеченными. И даже не привыкшие рисковать представители огромной американской делегации, об отзыве которой с конференции, как мы узнали потом, ставился вопрос, не придали особого значения этому событию. Одним из итогов ассамблеи стало заключение конвенции между евреями Северной Америки и Израиля. В этом документе, в частности, записано: "...Сегодня мы вновь подтверждаем свою преданность делу упрочения связей между нами через активное установление сближающих нас личных отношений. Во имя наших детей и детей наших детей мы вновь посвящаем себя нашему духовному и историческому центру – государству Израиль и друг другу. Мы утверждаем ценности, которые поддерживали нас в течение веков: веру в единого Б-га, уважение к бесценности человеческой жизни, стремление к миру, особую ответственность евреев друг за

друга, принятие заповеди Тиккун Олам – участие в исправлении мира, заповеди Клаль Исроэль и Ахават Исроэль – единого еврейского народа и любви к этому народу, который подвел нас к этому благословенному и желанному дню". За этими торжественными словами стоят конкретные программы, в которые будут вложены огромные средства. Одна из них – дать возможность гораздо большему, чем теперь числу молодых евреев из диаспоры поучиться или поработать в Израиле, увидеть страну не только туристическим взглядом, но почувствовать ее своей, познакомиться с израильскими сверстниками. Конечная же цель программы – сделать так, чтобы каждый еврей диаспоры побывал в Эрец-Исроэль. Пытаясь выделить главное

из той массы впечатлений, которые я получил, я, пожалуй, назвал бы восхищение высоким профессиональным уровнем участников и вообще работы на заседаниях, удивление оттого, насколько похожими проблемами занимаемся все мы в общинах стран рассеяния и яркое ощущение единства Израиля и диаспоры. Хочу выразить благодарность за возможность принять участие в этих незабываемых встречах в Иерусалиме директору программ развития общин "Джойнта" Саре Боген, директору С-Петербургского отделения "Джойнта" д-ру Аарону Вайсу, директору института социальных работников д-ру Вениамину Халлеру и руководителю отдела социальных программ "Джойнт" по Северо-Западу Рите Гутиной.

Уже стал традиционным приезд в нашу общину ко Дню города представителей Дитрих-Бонхоффер-Кирхе. Именно этой общине мы обязаны приобретением Свитка Торы и, как следствие, появлению в городе синагоги. Наши встречи помогают лучше узнать друг друга, стать настоящими друзьями.

На этот раз мы с удовольствием принимали д-ра Рене Шмитт-Кип, пастора Дакварта-Пауля Целлера, пастора д-ра Михаэля Фолькмана. Встречи, беседы, участие в праздновании Дня города, прием в Мэрии, прогулки по городу, культурная программа, служба в синагоге, встреча с пастором Виктором Гриневичем, Архиепископом Петрозаводским и Карельским Мануилом – все это до предела «сжало» время для наших друзей. Должно пройти некоторое время, чтобы оценить и понять всю значимость этого визита. А пока мы попросили Михаэля Фолькмана рассказать о человеке, чье имя носит возглавляемая им община. И вот основные моменты этого рассказа перед вами.

В 1906 году в семье известного немецкого психолога Карла Бонхоффера родился мальчик, которого назвали Дитрихом. Он был на редкость одаренным ребенком, хорошо учился. Происхождение, весь образ жизни благополучной профессорской семьи, природные задатки сформировали уверенность и твердость характера. На его мировоззрении сказало также сильное впечатление детства, когда в 1923 году был убит Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Германии, еврей по национальности, убит вблизи училища, в котором учился Дитрих в одном классе с дочерью убитого. Семья Бонхофферов исповедовала христианские воззрения, однако, церковь посещала нерегулярно. Поэтому было довольно странно, когда Дитрих в 14 лет заявил, что хочет изучать теологию, сделать церковь современной. В своем стремлении он проявил себя как личность с твердым жизненным кредо. По окончании гимназии он побывал в Риме, где стал сторонником экуменического движения, ставящего своей целью усиление влияния религии, выработку общехристианской социальной программы, пригодной для верующих стран с разным социальным строем. Получив образование в университетах Берлина и Тюбингена, он написал докторскую работу по теме «Сообщество святых» (термин можно найти в Торе – Исход 19:6) и в 26 лет стал профессором теологии. Наряду с карьерой ученого для него характерна деятельность пастора. Он читал проповеди по радио, высказывая то, о чем люди могли думать, но боялись произнести вслух. Так, после кризиса Веймарской республики 1929 г. он сказал: «Немецкая общественность получит много мучеников веры». В феврале 1933 г. (напомним, что 30.01.1933 г. Гитлер пришел к власти) в проповеди по радио он избрал

темой фюрерство, вождизм, и не побоялся заявить: «Вождь, который объявляет сам себя вождем, становится человеком, который ведет нацию в бездну». После этих слов Бонхофферу выключили микрофон.

Осенью 1933 г. в узком кругу служителей протестантской церкви он сказал, что церковь должна решать вопрос, связанный с иудаизмом, т.е. еврейский вопрос. Этому предшествовали события поджога рейхстага и принятие 07.04.1933 г. рейхстагом ряда законов, запрещающих занимать государственные должности неарийцам. По этому закону евреи в государственную службу уже не допускались.

При рассмотрении этого вопроса протестантская церковь оказалась расколотой. Протестантский священник Мартин Нимюллер встал во главе движения сопротивления этому закону, и Дитрих Бонхоффер стал его активным участником. Знаменательным стал доклад Бонхоффера о задачах церкви и государства, об обязанностях церкви способствовать миру и справедливости, помогать жертвам государственного строя, безотносительно национальности и вероисповедания. Метафорическим было заключение доклада: если государство уподобляется автомобилю, потерпевшему управление, и давит своих граждан, церковь обязана остановить автомобиль, чтобы избавить общество от ненужных жертв. Когда он читал проповедь, многие служители в знак протеста покинули помещение. Дитрих Бонхоффер своими проповедями дал понять, что он готов сопротивляться новому порядку и видел свою задачу не только в организации сопротивления, но и в защите прав евреев в стране. Широкой поддержки он не нашел. Большинство священников не видели или не желали видеть угрозу для самой жизни евреев. Некоторые из них считали, что государство имеет право сократить влияние евреев на жизнь общества. Видя, что он не находит активной поддержки на родине и из-за настроения отчаяния и пессимизма Бонхоффер переезжает в Лондон и занимает должность священника протестантской церкви. Устанавливает связи с евреями – эмигрантами, с епископом Чичестерским (англиканская церковь). В 1935 г. он вернулся в Германию и стал руководителем семинара теологов, выступающих против нацизма, принял участие в экуменической конференции в Дании. Там он проповедовал идею мирного согласия среди всех христиан. Он знал, что развяжется война.

В эти годы он перешел на нелегальное положение и работал по вопросам этики, написал монографию, в которой признавал вину немцев перед евреями. Он обвинял церковь в том, что она предаёт братьев и сестер, имея в виду, что она предала евреев, одобрила Хрустальную ночь. В личном экземпляре Библии Бонхоффера (псалом 74) подчеркнуты строки «Они сжигают все храмы в стране», на полях страницы он отметил дату 9 ноября 1938 г. В эти дни, обращаясь к студентам, он сказал о том, что если горят синагоги, то со временем загорятся и другие храмы.

Муж старшей сестры Бонхоффера Данани был высокопоставленным советником в Германии, он общался с Дитрихом о подготовке к войне и проведении в будущем юридически обоснованных репрессий. Позже этот родственник стал сотрудником абвера, ведомства Канариса. Данани вместе с Канарисом и генералом Остером ещё до начала второй мировой войны встали на позиции сопротивления. С помощью ведомства Канариса Бонхоффер спас жизнь 14 евреям, переправив их в Швейцарию. Все попытки организовать движения сопротивления (вплоть до покушения на Гитлера) были неудачны. Группа Бонхоффера была арестована в апреле 1943 г., но он лелеял надежду на освобождение. Однако его надежды были разрушены после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., когда преследованию подверглись все, кто не был приверженцем режима. Чистке подвергся в первую очередь высший состав вермахта. Для Бонхоффера стало ясно, что вопрос физического уничтожения его группы решен.

Письма Бонхоффера, из заключения родственникам и возлюбленной были найдены и опубликованы

под названием «Сопротивление и исход». По мнению некоторых, это издание является убедительным документом сопротивления протестантской церкви нацизму.

Уже в заключении Бонхоффер создал новую теорию как богослов: она – история человека, глубоко изучившего Пятикнижие. Читателю предстает образ человека, который духовно свободен, полностью отдает себя воле Бога. Он не ожесточается из-за того, что происходит, он продолжает верить в Бога и отдает себя Божьей милости. Бонхоффер утверждает, что наступило время безнравственности. Выводы не теряют актуальности и сегодня. Церковь должна говорить на понятном языке для всех, в том числе и для тех, кто не верит. Церковь должна быть церковью бедных, церковь должна защитить безмолвных. Он рассматривал проблему лжи и произвола, правды и произвола, ссылаясь на примеры допросов, пишет проповеди, утешая тех, кто осужден на смерть. Стремится воодушевлять людей, в письмах утешает близких, прекрасно понимая, что его ждет. Одно из писем включает прекрасное стихотворение.

За месяц до конца войны пришел приказ уничтожить всех, кто входил в группу Канариса. Был устроен скоротечный процесс над Канарисом, Остером и Бонхоффером, все они были казнены. Место захоронения неизвестно.

Христианская община Тюбингена, приняв имя Бонхоффера, восприняла это не только как честь, но и как обязанность вершить то, о чем писал гуманист и теолог Дитрих Бонхоффер.

«Бойцы вспоминают минувшие дни...»

Накануне Праздника Победы в клубе Хэсада появился любовно оформленный стенд с фотографиями знакомых лиц. Это наши подопечные, получившие в «сороковые, роковые» визу войны, с которой вошли они в историю Великой Отечественной. Смотришь на фотографии и узнаешь, что на Ленинградском фронте воевали М. С. Любчик, Д. З. Генделев, Ю. Б. Дольников, а на Карельском – И. Е. Кривченко, Г. В. Иоффе, И. М. Гроссман, И. А. Цисин, на Прибалтийском – М. Г. Бейгман. На Белорусском направлении могли встретиться Е. М. Щипуржицкий, Ш. Б. Дун, А. В. Цегельницкий. Участвовали в битве за Сталинград Л. С. Рабинович и М. С. Фишман. В разных родах войск дрались с врагом наши люди: в артиллерийской разведке служил З. С. Кауфман, в мотострелковом батальоне – Г. Е. Слуцкий, на черноморском флоте – Б. Я. Клейн, в авиационно-разведывательном полку служил до 1946 года С. Г. Кармазин. По военным дорогам прошел с первого дня войны «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом», как в известной симоновской песенке о военных корреспондентах, И. М. Бацер. Курсантом танкового училища принимал участие в

военных действиях Л. Л. Гольденберг. Начал старшим лейтенантом, а закончил войну подполковником медицинской службы С. Х. Хенкин, поднимался в небо Б. М. Залманов, а И. Е. Ладыженский обеспечивал связь генеральному штабу. Участвовал в сражении под Прохоровкой на Курской дуге командир отдельной разведывательной танковой роты М. С. Фишман. В лесах Белоруссии отважно партизанил В. И. Цукарев, в том же отряде была медсестрой его мать, рядом прошли они и на параде Победы в Минске. Довелось освобождать Варшаву Л. А. Побережному, а Ш. Б. Дун закончил боевой путь в поверженном Берлине. «У войны неженское лицо», но и милых девушек задела она своим крылом. «Шинель, пилотка, сапожки грубы, от вида крови дрожали губы», но не жалея себя работала в военном госпитале П. Я. Левина, а в другом была парикмахером Л. С. Шиберман – стричься и бриться тоже было нужно выздоравливающим бойцам. Кстати, именно тогда она и встретила своего будущего мужа. Е. Г. Максимова принимала участие в строительстве аэродромов, а Р. Г. Фактор служила в погранвойсках в 1944-45 гг. В еврейской традиции принято

считать героизмом героизм духа. В руках узника Освенцима Семена Бекенштейна не было оружия, но сильный духом, он вышел победителем из страшных испытаний, выпавших на его долю, об этом удивительном человеке подробно написано в номере 21 «Общинного вестника». Жизнь продолжалась – и в еврейском гетто родилась девочка. Сейчас Серафима Гойхенберг – самый молодой участник войны в нашей общине. Чудом выжили, перенесшие все тяжести жизни в еврейском гетто В. Л. Дробнер, Е. В. Кубасова (Шхизер), Г. М. Пукач. Улыбается с фотографии и сейчас красивая М.Л. Желтова, молоденькой девчонкой убежавшая из Винницкого гетто, а затем воевавшая с фашистами на Украинском фронте. По окончании войны не все расстались с ратной службой: Е. С. Нильва находился в рядах Советской армии с 1944 по 1976 гг.,

дослужил в воздушно-десантных войсках резерва Верховного Главнокомандования до звания полковника. Б. И. Фрейдкин служил в штабе 9-й воздушной армии в Приморье. 11 мая в Хэсэде собрались участники войны, чтобы вспомнить минувшие тяжкие дни и отметить праздник Победы. Каждый из них мог бы многое рассказать о себе, по простому упоминанию мест, где воевали наши подопечные, можно изучать географию войны. Виза войны для них не закрыта, сквозь толщу лет прорываются воспоминания о страшных тяжелых годах, и только их ордена и медали сияют как маленькие солнца. Спасибо и низкий вам поклон, наши дорогие ветераны!

2000

ИМЕНА И СУДЬБЫ

Лора Береговская

Мой отец Наум Цаль

Мой отец, Цаль Наум Давидович, был одним из тех, кто со своими единомышленниками, умными, талантливыми, преданными медицинской профессии людьми поднимал службу здравоохранения в Карелии, в Петрозаводске из провинциальной и слабой в 30-х годах до современной, ни в чем не уступающей в лечебной и научной базе столичным городам. Он прожил недолгую, но очень насыщенную жизнь.

Цаль Наум Давидович родился в 1914 году в Даугавпилсе, в Латвии. Семья его (отец, дед) традиционно занимались малярным делом. В поисках работы кочевали по маленьким городкам Латвии. Один из братьев моего деда (звали деда Давид Нахимович) уехал в Россию, в г. Остров, где нашел работу, и вызвал семью моего отца в г. Остров. Обратного в Латвию дед мой вернуться уже не мог, т.к. по Брестскому миру граница для них была закрыта. Семья жила бедно. О маме своей (ее звали Рахиль Вениаминовна) папа вспоминал с теплотой и жалостью к ней. Она была тихой, безропотной, рожала много детей, но в живых осталось трое, (папа старший), много работала по дому, с мужем, а папа, будучи мальчиком, искал возможность ей помочь. Он ребенком всегда где-то подрабатывал: убирал конский помет с улиц Острова, работал у аптекаря. Его сестра вспоминает, что его все любили и учителя, и дети, все, с кем он общался. Отец учился отлично, а письменным столом его был деревянный ящик, принесенный из магазина. В возрасте 14 лет он тяжело заболел: 1928 год, на железнодорожную станцию в Остров привезли кино, он бежал, торопился, хотел пить, ледяная вода из колодца, затем ангина, осложнение, с которым он боролся до конца жизни. Эта болезнь сблизила его с доктором, который говорил родителям, что, если мальчик выздоровеет, ему надо учиться. В начале 30-х годов семья приезжает в Ленинград, где их отец сумел устроиться маляром и рабочим по ремонту на Октябрьскую железную дорогу, а мать вскоре умерла от туберкулеза. В Ленинграде папа поступил в медицинское училище, закончил его с отличием и сразу в 1932 г. был принят во Вторую ленинградский медицинский институт. Все эти годы он работал, в основном, фельдшером в больнице им. К. Маркса. Нужно было помогать семье, где тоже учились брат и сестра. Неоднократно учеба прерывалась из-за ухудшения состояния здоровья, были больницы, санатории, но он боролся.

Будучи студентом медицинского института, папа подрабатывал в Ленинградской филармонии, вот тогда он прикоснулся к высокому искусству, в дальнейшей жизни его всегда влекли музыка, театр, живопись. Я вспоминаю, что в нашем доме бывали люди из этого прекрас-

ного мира искусства, он лечил многих из них, помогал молодым музыкантам осваиваться в нашем городе.

В 1937 г. папа получает диплом с отличием, его оставили в аспирантуре, но он распределился в Карелию. Выбор этот был неслучайным, т.к. он женился на своей сокурснице, Павле Алексеевне (тогда Завьяловой). Она была откомандирована Карелией на учебу во Вторую медицинский институт г. Ленинграда, и вернулась вместе с мужем. Моя мама была старше, она была отцу опорой во всем, решительная, умная, требовательная, но именно она и нужна была моему папе по жизни. У нас была хорошая семья, где все любили друг друга, семья для нашего папы – это что-то святое.

С 1937 года он участковый врач. На свои первые вызовы в Петрозаводске он перемещался на лошади, где вместо телеги была карета с красными крестами по бокам, работал в больнице, которая располагалась на Военной улице, набирался опыта у старого опытного врача Луговского, преподавал в медицинском техникуме и учился заочно в аспирантуре Первого медицинского института, готовил диссертацию.

В 1941 году, в возрасте 27 лет, он становится заведующим Петрозаводским Горздравотделом, руководит эвакуацией лечебных учреждений города, медицинского персонала с семьями. Санитарная машина, где был отец со своими коллегами, покидала город последней, когда в город уже вступали финские отряды. До 1944 года трудился в г. Беломорске, оставаясь на прежней должности, с ним рядом были коллеги, которые стали гордостью Карельской медицины, с ними он был связан великой дружбой и преданностью. А в Ленинграде остались его отец и сестра. Папа использовал любую возможность что-нибудь послать в блокадный город. Не всё до них доходило, но они выжили (а помог им в самые голодные месяцы столлярный и малярный клей, которые у деда оставались от довоенной работы, они варили этот клей и ели).

В июне 1944 г. в Петрозаводск прибыла первая группа врачей: Абрам Андреевич Гуткин, Лидия Тимофеевна Шунгская, Ольга Васильевна Белкина,

Василий Александрович Баранов и мой отец, чтобы начать восстановление медицинского хозяйства. В 1944 году не было ни одного годного для приема больных медицинского учреждения, не пострадал только родильный дом.

До 1948 г. отец – на должности зав. Горздравотделом, в 1948 г. – главный врач больницы г. Петрозаводска и работал, как терапевт, очень хороший клиницист, особенно, если учесть, что первая ЭКГ в Петрозаводске была снята в 1948 г.

Папа много работает, контактирует с 1-м Ленинградским медицинским институтом, выпускает книгу «Гипертоническая болезнь». Город пополняется новыми молодыми силами, в основном, из Ленинграда, появляется научная база, папа рядом с ними.

В 1958 г. отца назначили на должность зам. министра здравоохранения республики, но он в очередной раз попал в тяжелом состоянии на больничную койку. Совпало это с поездкой на о. Валаам, куда он поехал с коллегами, чтобы разобраться с проблемами дома

престарелых, который в тот период помещался на острове, тогда они попали в шторм, была осень. Из-за болезни папа покинул этот пост и вновь работает терапевтом, но желание заниматься наукой, учить молодых перетянуло его в открывшийся в 1963 г. Медицинский факультет университета.

Он очень любил свое дело, любил молодых, общался с молодыми учеными, радовался успехам медиков в городе. Он много работал дома, часто прерывал сон или какой-то досуг и по телефонному звонку с просьбой о помощи, брал свой чемоданчик и уходил, ни слова досады, ни сетования на нездоровье.

Папа был мягким, ранимым человек. Я вспоминаю 50-е годы, когда раздувалось «дело врачей». Коснулось это и моего отца, но травля быстро угасла, т.к. не нашла поддержки ни у правительства Карелии, ни у населения города.

Папа прожил всего 57 лет, он очень любил жизнь, жил с тревогой за близких, с готовностью помочь и родным, и всем, кто к нему обращался.

«Рискнул и нырнул в джаз...» (О деятельности Леопольда Теплицкого)

В мае 2002 года на сцене петербургской Академической капеллы им. М.И. Глинки прошел джазовый вечер, который отметил 75-летие первого концерта джаз-банды, созданного Леопольдом Яковлевичем Теплицким (1890-1965), концерта, который был осуществлен именно в этом зале в далеком 1926 году. Питерские музыканты выступили, "чтобы поблагодарить тех первых, кто, по сути, не зная броду, "рискнул и нырнул в джаз", – так выразился ведущий программы Владимир Фейертаг. Нельзя сказать, что о Теплицком-джазмене сегодня забыли совсем, хотя известно о нем очень мало. Как выдающийся джазовый музыкант он, конечно, не состоялся, но он "первый в нашей стране ввел джазовую музыку в концертные залы", и уже за это перед ним можно снять шляпу. Однако Теплицкий немало потрудился и на ниве классического искусства, став одной из ключевых фигур в становлении и развитии профессиональной музыки Карелии. Он создал там симфонический оркестр и более тридцати лет находился в центре всех главных музыкальных событий.

Л.Я. Теплицкий родился 27 февраля 1890 года в местечке Смело недалеко от Екатеринослава (будущий Днепропетровск) Киевской губернии в многодетной семье еврейского портного, перебравшегося затем в Екатеринослав и работавшего там в магазине готового платья Рагинского. Леопольду, как одному из старших, пришлось начать трудовую жизнь двенадцатилетним мальчиком, ибо на одиннадцать душ детей отцовского заработка не хватало: "Я начал помогать отцу в портняжном деле. Но совершенно случайно у меня обнаружили музыкальные способности, и меня начал учить музыке наш сосед (музыкант). И через год я поступил в музыкальное училище в г. Днепропетровске. Прочувшись около трех лет, я должен был оставить учебу, так как наша семья очень нуждалась... Я нашел себе работу в оркестре, с которым... уехал в Симферополь... В 1908 году я приехал в г. Харьков и решил возобновить занятия по музыке, так как за годы становления... убедился, что как музыкант я еще очень слаб, и я поступил в Харьковское музыкальное училище, которое в 1914 г. окончил отлично".

Но не только музыка владела Теплицким в эти годы, были и события совсем иного характера. Драматично пережила семья еврейские погромы 1905 года: перенеся нервный припадок, отец лишился трудоспособности, что, естественно, усугубило их материальное положение. Наверное, это сыграло свою роль в том, что 18-летний юноша приобщился к стихии политической борьбы. В 1908 году в Ялте он был арестован "за распространение нелегальной литературы. При обыске нашли дома револьвер и нелегальную литературу. Сидел одиннадцать месяцев... Допрашивал меня генерал Думбадзе – (зверски били)". Так для Теплицкого прозвенел первый "звонок" в драме столкновения с властями.

Но он мечтал продолжить музыкальное образование и в год окончания училища поехал в Петербург

(1914). Эта дата зафиксирована в трудовой книжке как время приема на работу в качестве дирижера в столичный кинотеатр "Люкс". В 1915 году Теплицкий поступил на фортепианный факультет консерватории, в которой проучился 10 лет. Это необычно, и в автобиографии Леопольд Яковлевич сам отвечает на невольнo возникающий вопрос: перед выпускным экзаменом у него "заболели пальцы (это продолжалось 12 лет)" и он "перешел на другой факультет (теории и композиции)".

На протяжении всех лет учебы в консерватории Теплицкий продолжал работать пианистом, а с 1917 года дирижером в системе Севзапкино (позже Совкино), сопровождая демонстрацию "великого немого". Эти должности требовали от музыканта и вкуса, и сноровки, и тщательной подготовки к показу кинолента.

Видимо, на этом поприще Теплицкий раскрылся как незаурядный музыкант. Весной 1926 года Наркомпрос (в документах упоминается А.В. Луначарский как непосредственный автор идеи) направляет Леопольда Яковлевича в Соединенные Штаты Америки – в Нью-Йорк и Филадельфию – с целью изучения музыки для иллюстрации немых фильмов (так этот факт трактовался самим Теплицким в автобиографиях). Но одновременно выполнялись и другие обязанности. В его распоряжении была небольшая группа музыкантов, с которой он выступал в русском павильоне на Международной выставке в Нью-Йорке.

По отзывам дочери Этель Леопольдовны, Теплицкий, будучи человеком увлекающимся, "легко загорающимся", быстро вошел во вкус не только полученного задания, но и вообще американского стиля жизни, обзавелся собственным автомобилем и, видимо, чувствовал себя вполне благополучно. На одной из фотографий он запечатлен на фоне этого показателя американского стендинга. Вообще о пребывании Теплицкого за границей практически нет никаких

точных данных, кроме фотографий, и именно эти снимки приоткрывают некоторые факты его американской жизни.

Известно, что Леопольд Яковлевич периодически музицировал с американскими джазовыми исполнителями, а в недавней статье Евгении Федяшевой предлагается еще одна трактовка цели поездки в Америку: "...он был командирован в Америку Наркомпросом на стажировку в оркестр "Короля джаза" того времени Поля Уайтмена". В итоге "Леопольд Яковлевич вернулся в Ленинград с чемоданом уайтменовских аранжировок, чемоданом грампластинок...". Очевидно, уже за океаном в его сознании утвердилась мысль о создании своего джаз-оркестра, за что он сразу и взялся по возвращении на родину.

Теплицкий обладал незаурядным организаторским талантом, объединив вокруг себя довольно разных музыкантов, в том числе консерваторских преподавателей, поэтому оркестр получил прозвище "джаза профессоров". 28 апреля 1927 года созданный им "джаз-банд" дал тот самый первый концерт. Теплицкого поддержали многие музыканты и деятели искусства, в том числе и тогдашний глава Ассоциации современной музыки Иосиф Шиллингер.

Программу концерта составили оригинальные джазовые пьесы и джазовые обработки популярных фрагментов русской и западной классики. 30 апреля "Красная газета" (вечерний выпуск) поместила на этот концерт отзыв А. Римского-Корсакова (сына великого композитора), констатирующего, что "выступление недурно сыгравшегося первого концертного джаз-банды прошло с успехом у публики". Однако общий тон высказывания совсем не носил характер комплимента. И все-таки был успех, было признание, было желание внедрить джаз в повседневность. Теплицкий пригласил в оркестр замечательную негритянскую певицу Коретти Арле-Тиц, которая с 1913 года жила в России, выйдя замуж за пианиста Бориса Тица. Коретти обладала красивым драматическим сопрано, пела классику, особенно любила Шуберта, Шумана, а из русской музыки – Чайковского и Рахманинова. Современные композиторы – М. Гнесин, М. Ипполитов-Иванов писали для нее и посвящали ей свои вокальные опусы. Она могла бы стать выдающейся певицей. Но в условиях советской России цвет ее кожи стал средством политической пропаганды. Программы, о которых она мечтала, не могли реализоваться, она должна была выполнять идеологический заказ.

Участие Арле-Тиц в концертных программах несомненно украшало их и придавало определенную пикантность. Кроме нее в оркестре Теплицкого пел Леонид Утесов. Об этом он вспоминал в своей книге "С песней по жизни". Достоин сожаления, что в ней названы неверные инициалы Теплицкого (вместо Л.Я. – Я.В.), но певец правильно оценил роль Леопольда Яковлевича, назвав его "первым из отечественных

музыкантов, кто показал у нас джазовую игру". И это действительно так. Хотя первооткрывателем джаза у нас был В. Парнах, создавший в 1922 году "Первый в России эксцентрический оркестр – джаз-банд", но в этом коллективе на самом деле преобладала эксцентрика, в то время как Теплицкий стремился к классическому джазу.

Те, кто знал Теплицкого, вспоминали, что до конца жизни он блестяще разыгрывал регтаймы и с ностальгическим чувством иногда посещал ресторан "Северный" в Петрозаводске – единственное место в 50-60-е годы, где можно было услышать джазовую игру в исполнении канадских финнов, эмигрировавших в Советский Союз.

Но вернемся к 1927 году.

Были у Теплицкого и творческие проблемы. Первый пианист джаз-банды Борис Вольман вспоминал, что "оркестровки были довольно однообразны, звучавшие один за другим фокстроты воспринимались с трудом". Летом оркестр совершил большую гастрольную поездку по городам юга страны. Но осенью он распался. Как пишет Фейертаг, "профессора вернулись на работу в консерваторию, а Теплицкий возглавил один из симфонических составов города и более к джазу не возвращался". К джазу как таковому он действительно не возвращался, но джазовая стихия по-прежнему влекла его. Сохранилась афиша джаз-концерта, состоявшегося в 1933 году в Петрозаводске (точная дата, к сожалению, отсутствует), где под управлением Теплицкого исполнялись фрагменты из американских оперетт.

Возвращение к классическому дирижированию было для Теплицкого естественным шагом. Работа с оркестром кинематографа, окончание консерватории по этой специальности (напомним, что он учился у выдающегося педагога-дирижера Эмиля Купера, прославившегося своим искусством по всему миру), периодические выступления в музыкальных театрах (в архивном фонде Теплицкого хранится программа спектакля Государственного академического театра оперы и балета (Мариинского) "Лебединое зеро" от 30 мая 1920 года, которым дирижировал Леопольд Яковлевич) – все это было для него привычным. Но в одночасье все рухнуло.

В 1930 году Теплицкий был арестован и приговорен к трем годам концлагерей. Скорее всего, поводом стала поездка в Штаты. И не только сам данный факт. В Америке жили, гонимые погромами 1905 года, дядя (в Нью-Йорке) и тетя (в Филадельфии). Теплицкий позволил себе повидаться с ними. Для ареста и определения его американским шпионом этого было вполне достаточно. Так он оказался на строительстве Беломоро-Балтийского канала, где поначалу строил бараки. Затем был переведен в город Медвежьегорск. И тут помогла принадлежность к искусству: он становится дирижером в драматическом театре заключенных и иногда исполняет таперские обязанности

в кинотеатре. За успехи в работе был неоднократно премирован и в итоге как "ударник" досрочно освобожден в 1932 году, что также подтверждает его невиновность.

Возвращение в Ленинград было кратковременным: устроиться на работу бывшему политзаключенному было невозможно, он не имел права жить и работать здесь по определению. Видимо, у него были какие-то связи с Петрозаводском, и он сделал попытку устроиться там, что увенчалось успехом. Так начался новый этап жизни Теплицкого, прочно и до конца жизни связавший его с Карелией.

Тридцатые годы – очень важный для северной республики период становления профессионального искусства. Здесь дирижерское мастерство Теплицкого оказалось максимально востребованным. Он становится одной из ведущих фигур профессионального музыкального строительства. В 1933 году при республиканском Радиокомитете организуется небольшой симфонический оркестр, дирижером и художественным руководителем которого становится Леопольд Яковлевич. Когда в 1935 году постановлением Совнаркома республики симфонический оркестр переводится в ведение Филармонии, его главным дирижером остается Теплицкий.

В 1936 году в Петрозаводском Центральном доме культуры открылся первый в Карелии университет музыкальной культуры. Его концерты проходили под патронатом и художественным руководством Ленинградской филармонии, в программах принимали участие ленинградские исполнители, в том числе дирижеры, но многими произведениями дирижировал Теплицкий. Тогда же он принял непосредственное участие в создании национального ансамбля песни и танца "Кантеле", а в последующие годы периодически руководил его оркестром. Он также стал преподавать в открывшемся в Петрозаводске Театральном (впоследствии Музыкальном) училище (1938), до конца жизни не оставляя там педагогической работы. Одним из его учеников стал будущий создатель карельского национального балета "Сампо" и многих других значительных произведений Гельмер Синисало.

Сложившийся жизненный и творческий уклад был резко нарушен 1941 годом. Война заставила Теплицкого эвакуироваться в Киргизию. Здесь ему пришлось поработать в разных городах и организациях, но его деятельность в той или иной мере всегда была связана с музыкой.

В год Победы по вызову Совнаркома Карельской АССР Леопольд Яковлевич вернулся в Петрозаводск и был зачислен главным дирижером в ансамбль "Кантеле"; с 1948 года он опять главный дирижер симфонического оркестра, который создает фактически за-

ново. В 1947 году он получил почетное предложение принять участие в музыкальном оформлении физкультурного парада на Московском стадионе "Динамо" и открывал парад исполнением своего "Торжественного марша", дирижируя сводным оркестром в 1200 музыкантов.

1959 год связан для Карелии с проведением самой представительной Декады Карельского искусства в Москве, и Теплицкий, конечно же, принимает в ней участие. Вообще в столицах Леопольда Яковлевича знали и ценили. В Автобиографии он не без гордости приводит такие факты: "В 1920 г. в гор. Ленинграде на мою долю выпало счастье дирижировать в присутствии В.И. Ленина на Втором конгрессе Коминтерна (в театре оперы и балета им. С.М. Кирова)". Второе подобное событие произошло в 1927 году на XV съезде партии в присутствии И.В. Сталина. И затем, в 1947-м, он открывал физкультурный парад на стадионе "Динамо", где на трибунах сидели члены Политбюро и Правительства. Сейчас к этому можно относиться по-разному, но одно безусловно – кого попало на такие мероприятия не приглашали, значит, в его исполнительских достоинствах сомнений не было.

Но была еще одна сфера, без которой характеристика Леопольда Яковлевича окажется неполной. Он находился в числе тех, кто стоял у колыбели композиторской организации Карелии. Им создано сравнительно немного произведений, большинство из них – на народные мелодии. Создание большинства произведений на народные темы оправдано временем – эти жанры характерны для этапа становления профессиональной культуры, они должны были утвердить национальную стилистику. Для этого Теплицкий много сделал. Кроме того, он, несомненно, был мастером инструментовки. В архиве лежит оркестровка Теплицкого Гимна Советского Союза с автографом автора – А.В.Александрова.

Вклад Теплицкого в отечественную музыкальную культуру нужно оценивать с двух сторон – его ролью в становлении карельской профессиональной музыки, а также тем, что он был зачинателем советского джаза. Последние ученики Леопольда Яковлевича по музыкальному училищу со временем реализовали негласные заветы учителя. Они не только открыли джазовое отделение в училище, но и создали в Петрозаводске Международный джазовый фестиваль "Звезды и мы", занявший видное место в этой сфере современного искусства. И, конечно, не случайно в 2002 году этому фестивалю было присвоено имя Леопольда Теплицкого. И отдавая должное заслугам Леопольда Яковлевича перед карельским музыкальным искусством, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

Юзеф Кон: путь музыканта

Юзеф Гейманович Кон (1920-1996) принадлежит к старшему поколению еврейско-польских музыкантов, чья жизнь и деятельность, начиная с 1940 г. прочно связаны с Россией: здесь прожита бóльшая часть (56 из 76 лет) жизни; здесь пришла слава ученого, педагога, музыканта; здесь изданы главные труды; здесь живут ученики, друзья, родственники. Впрочем, польских ли – вопрос непростой. В Польше Ю. Кон является «своим чужим», одним из многих, вынужденных покинуть в начале 40-х гг. страну музыкантов, которые впитали польскую культуру, выросли из нее, но под давлением жизненных обстоятельств не стали ее частью. Но право представлять Польшу у Кона есть: существенная часть его научных работ посвящена польской тематике; в течение двух десятилетий сначала в Кракове в родительском доме, а потом в местечке Долина в предместье Львова в дедовском провел он свои счастливые детские и ранние юношеские годы; в 1938-1939 гг. учился на музыковедческом отделении Института музыкологии Варшавского университета (позднее во Львове – на фортепианном отделении Музыкального училища и Консерватории, диплом, которых так и не получил); в Польше остались дорогие его сердцу друзья-гимназисты Конрад Наленский, Адольф Шостакович и Анджей Кломинек, дружбу с которыми пронес через всю жизнь¹; наконец, в Польше похоронены его родители. В сентябре 1939 г., когда фашистская армия вторглась на территорию Польши, он бежал из Кракова на восток и оказался во Львове, который со временем стал советским. . . .

Жизненный путь Ю.Кона, оборвавшийся 12 ноября 1996 г., за четыре месяца до 77-летия, делится на три неравные части: короткую, безоблачную, польскую – первую; еще более непродолжительную, но насыщенную бурными событиями, военную – вторую; долгую, относительно спокойную, российскую – третью. И насколько вторая непредсказуема, драматична, нестабильна, настолько первая и третья спокойны и размеренны в своем установившемся течении.

ОТЦОВСКАЯ ЛИНИЯ

Семья Кон

Краков, Польша

Дочь Лёня

Сын Гейман

МАТЕРИНСКАЯ ЛИНИЯ

Семья Гутентаг

Вена, Австрия

Дочь Регина

Сын Сигизмунд

Дочь Анка

Юзеф-Альберт Кон

17.03.1920 – 12.11.1996

Из еврейско-польских музыкантов, осевших тогда в России, Юзеф Кон, пожалуй, один из самых известных. У него большой международный авторитет, он – кавалер ордена Трудового Красного Знамени, действительный член Академии гуманитарных наук России, заслуженный деятель искусств Карелии, доктор искусствоведения, профессор, автор значительного числа работ, опубликованных едва ли не на всех европейских языках. Существенная часть из них издана в Карелии (К вопросу о ладовом строении карельских народных песен, 1980; Эпический программный симфонизм Сибелиуса и «Калевала», 1986; Об одной проблеме современного музыкознания и книге Э.Тарасты «Миф и музыка», 1990; Композиторская техника как знак [«Сквозь зеркало» Метаморфоз для 12 струнных

и клавесина И.Кокконена], 1994 и др.). Хотя делать на этом основании вывод о благополучии его судьбы было бы опрометчивым. Здесь он ничем не отличается от других. И быть может, впечатление успешности возникает оттого, что он никогда не жаловался и никого в трудностях не обвинял, по меньшей мере, публично. И вряд ли из опасения прослыть неблагодарным.

Кон приехал в Россию молодым, но уже сложившимся исследователем, и хотя основные свои труды создал в именно здесь, они зачастую развивали и реализовывали идеи и принципы, наметившиеся и сформировавшиеся ранее в Польше, правда не без австрийских (венских) влияний. О них хотелось бы сказать подробнее, потому что «венское» определило его мышление, научный стиль и во многом – судьбу ученого.

Его отец и мать – выпускники медицинского факультета Венского университета. Австрии они принадлежали не только как уроженцы и жители (из Вены ведет родословную материнская линия; польский Краков, где Юзеф Кон родился в 1920 г., всего за два года до этого входил в состав Галиции, которой правила известная австрийская династия Габсбургов), но и как страстные поклонники и патриоты ее столицы. Свою любовь и восхищение Веной родители передали сыну, власть этого города над собой он ощущал долгие годы. Трудно назвать другую европейскую столицу, в которой всеобщая любовь к музыке и вообще искусству были бы столь беззаветными. Именно отсюда исходили важнейшие для мирового музыкального процесса импульсы. Но на Ю.Кона огромное воздействие оказала не та Вена, что легко ассоциируется в нашем сознании с безза-

ботным, веселым, прелестным, а та, что скрывается за этим светлым и привлекательным фасадом – Вена с ее болезненными, состояниями человеческой души, порожденными ощущениями страха, отчаяния, трагизма. Возможно здесь следует искать истоки увлечения Коном мистикой Каббалы.

Родители оказали большое влияние на формирование художественного вкуса сына. Мать, страстная поклонница Ф.Кафки, приобщила Юзефа к современной австрийской литературе (Й.Рот, С.Цвейг) и философии (Л.Витгенштейн). С нею в четыре руки он играл переложения симфоний венцев Г.Малера и А.Брукнера. Позже его вниманием овладели композиторы новой венской школы – А.Шенберг, А.Берг, А.Веберн (А.Шенберг и «критика языка», Л., 1990; Скрябин и Берг: совпадение или влияние? Нижн. Новг., 1995 и др.). От двоюродного брата со стороны матери, выдающегося математика, пришло увлечение точными науками, математической логикой (О проблеме логики в музыке, 1994 и др.). От отца Ю.Кон унаследовал способности и любовь к языкам, которые тот выучил во время Первой мировой войны в офицерском концлагере, оказывая медицинскую помощь иностранным пациентам. Примечательно, что среди языков, которые знал Гейман Кон, были русский, узбекский, так впоследствии пригодившиеся его сыну. Но, как гласит еврейская пословица «родители могут дать детям все, кроме счастья», его Юзеф Кон нашел в далеком Ташкенте, где встретил Ольгу Бочкареву, ставшую женой, другом, единомышленником. В 1948 г. после окончания Ташкентской консерватории Ю.Кон работает одновременно в названном вузе и научно-исследовательском институте им. Хамзы. С 1963 г. его жизнь связана с Новосибирской, а с 1970 – с Петрозаводской консерваториями, где он возглавляет кафедры теории музыки и композиции. Карелия покорила Кона красотой вечерних закатов, дремлющими зелеными сопками, незамутненным спокойствием озера, которые он любил наблюдать из окна девятого этажа своего уютного кабинета. Петрозаводск стал для Кона конечным пунктом в его непростом жизненном пути. Здесь он нашел свое последнее пристанище, тихо уйдя холодной ноябрьской ночью високосного 96-го.

Говоря о Коне, постоянно ловишь себя на мысли о том, что в характере этого человека мирно уживались две противоположные интеллектуально-творческие натуры. С одной стороны рациональный ученый-структуралист, эрудит, остротой мысли ускоривший время, с другой – иррациональный лирик, фантазер, обаятельнейший мечтатель, силой воображения изумлявший окружающих. И еще раз. С одной стороны – педантичный педагог, строгий руководитель, серьезный критик, с другой – деликатный, доброжелательный слушатель, остроумный рассказчик и собеседник, душа любой компании. По-видимому, в отношении Кона тесный контакт этих двух противоположных натур был наиболее плодотворен.

Людей, близко знавших Юзефа Геймановича, поражали его бездонная память, тонкий еврейский юмор, умение артистично и к месту рассказать анекдот. Их он знал очень много и все они отличались, если можно так сказать, особой «коновской» эlegantностью. Вот один из его обширной коллекции:

– Скажите, ребе, что будет, если я нарушу одну из десяти заповедей?

– Что будет? Останутся еще девять.

Воистину, «если мир смеется, то есть над чем и над кем» (еврейская мудрость).

Другой домашней страстью была кулинария, секреты которой Кон постигал еще в Долинском детстве под бабушкиным руководством, о чем вспоминал все время с нескрываемым удовольствием. Кушанья, которые украшали его хлебосольный дом на Октябрьском проспекте, собиравшем по воскресеньям гостей, включали часто еврейские блюда: росл флейш (мясное жаркое), айнгемахц (редька в меду), хальцель (куриная шея, начиненная потрохами), лэках (пирог) и, конечно же, его любимый шницель по-венски, в приготовлении которого ему не было равных. Его голубоглазый восьмилетний внук Егор, как две капли воды похожий на своего деда, уже сейчас, учась во втором классе Санкт-Петербургской французской гимназии, проявляет наклонности, которые наверняка бы обрадовали деда – к языкам, книгам, музыке и ... кулинарии. Дай бог, чтобы жизненная дорога Егора была освещена путеводной звездой его деда. «Да возвысится и осветится великое Имя Его» (Кадись).

¹ Конрад Наленский – впоследствии знаменитый кинорежиссер, прославившийся фильмами о художнике Зигмунде Валишевском, но более всего известен российскому зрителю по телесериалу «Четыре танкиста и собака»; Адольф Шостак – видный дипломат, советник Польского посольства в Англии; Анджей Клонинок – талантливый художник и новеллист, работавший в варшавском журнале «Перспективы».

Рувим Пергамент и музыкальная культура Карелии

Еврейская диаспора в отечественной культуре, даже еще конкретнее – в Карелии... Вопрос далеко не простой, требующий долгих размышлений... Не претендуя в настоящих кратких заметках даже на отдаленную глобальность, все же перекинемся некоторыми соображениями по этому поводу в связи с кратким рассказом об одном замечательном человеке Рувиме Пергаменте, карельском музыканте, композиторе...

Рувим Самуилович Пергамент родился 30 августа 1906 года. Его родители жили в трехкомнатном деревянном доме традиционной постройки дореволюционного Петрозаводска на живописном берегу Онежского озера (ныне – улица Пушкинская; дом сгорел в войну, как и все вокруг). Отец Рувима – театральный парикмахер, мать – домовитая и гостеприимная хозяйка, радостно поддерживавшая славу хлебосольного семейства, мастерица всяких гастрономических блюд – еврейских, русских, карельских, грузинских... Отменный кулинар!

С ранних лет мальчик проявил завидное трудолюбие, увлеченность окружающим миром, желание учиться. Но главной его страстью стала музыка. Первым музыкальным инструментом, поразившим его детское воображение (к счастью для родителей, для окружающих, спонтанно напоминающим о таинственных генетических «зовах») была скрипка. Уже к шести годам Рувим поразил завидными успехами, недюжинными способностями. С полной естественностью мальчик воспроизводил случайно услышанные мотивы – и простые и сложные. Главное, ему хотелось ощутить отклик и у взрослых, чтобы вместе с ним нашли радость от звучания этого обожаемого им инструмента!

И родители, старшие Пергаменты, и сам юный скрипач мечтали о профессиональном образовании, о серьезной и неспешной работе, долгих занятиях...

И в 1914 году удалось направить вундеркинда в Санкт-Петербург. Там ему довелось пробыть три года. После перерыва, лишь в 1920 году он возобновит учёбу в Петроградской консерватории. Здесь, в огромном городе, Рувим – а он еще отрок! – захвачен и поглощен разнообразными музыкально-художественными событиями. Он постигает специальные музыкальные дисциплины, погружается в изучение партитур классиков, пытается постичь природу симфонического оркестра и дирижерского искусства, посещая – упорно, целенаправленно – театры, общаясь с другими музыкантами, приглядываясь к их труду, профессиональным заботам и потребностям, размышлениям, оценкам. Мальчик постигал жизнь

во всей ее сложности... И результатом явилось его новое увлечение – сочинительство музыки, сначала – для себя, втайне.

Через некоторое время – всецело, безоглядно, с абсолютным пониманием, что иначе жить не может, он будет композитором, Рувим бросает занятия на скрипке и берет консультации по композиции у крупнейшего и опытного петербургского педагога профессора Р.И. Мервольфа. И достигает новых успехов!

Обосновавшись с 1926 года в Петрозаводске, Пергамент с головой окунается в разнообразнейшую творческую и общественную работу: подбирает музыку к немым кинофильмам и оформляет драматические постановки театральных антреприз – «Юного зрителя», эстрадного коллектива «Живая газета», рабочих молодежи «Трам» и прочих, беседует с молодыми начинающими музыкантами, объединяя их вокруг себя и друг с другом. Он становится высококвалифицированным авторитетным профессиональным музыкантом, композитором дирижером, заметнейшей фигурой в республике. Он проявляет чуткое понимание задач и потребностей реальной музыкальной жизни – потому-то пишет песни для самодеятельных коллективов, для ансамбля «Кантеле», для духовых оркестров, для филармонических радиоconcertов – его фантазия и жажда работать, творить, общаться – неиссякаемы, он способен вдохновить других!

Потому-то столь естественным явилось избрание Рувима Пергамента председателем созданного в 1937 году Союза композиторов республики. Его он возглавлял бессменно до 1948 года. Его авторитет – по свидетельству коллег дирижера Л.Я. Теплицкого, композитора Г.-Р. Синисало и других – был непревзойденным, но без всяких давлений, либо ненужных похвал – кому, что и как сочинять! Его природную чуткость, способность услышать другого, истинно интеллигентскую «разумность» скрашивали национальный юмор – ненавязчивый и тонкий, что в нем напоминало неподражаемого Шолом-Алейхема – народного писателя.

Постановление ЦК ВКПб от 48 года «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели» коснулось и Перга-

мента, но он отнесся к этому с высочайшим достоинством, как и подобает мудрому человеку: Суета сует (hАВЕЛЬ hАВЕЛИМ).

Лучшее, что создавал Пергамент – обработки финских, венских, карельских, русских песен, оригинальные песни и романсы, развернутое вокально-симфоническое полотно «Аино» по бессмертному эпосу «Калевала» – первое подобное сочинение в республике, инструментальные пьесы, сюиты – все быстро находило своего слушателя, принималось широким зрителем, легко усваивалось, становилось популярным. А уж песня на слова А. Титова «Лесная наша сторона», воспевающая карельский край – родной для композитора – много лет бытует как народная...

В годы Отечественной войны и в первые послевоенные годы композиторский голос Пергамента крепнет, становится мужественным. Свойственная ему лирическая интонация, трогательная и проникновенная, подчас превращается в суровую, гневную – соответственно жанрам и текстам, к которым обращался композитор: песня «Победа будет за нами» на слова В.Гудкова (1941 г.), верного соратника и соавтора, вдохновителя ряда сочинений; поэма «Песня о соколе» на слова М. Горького (1942); «Песня о девушках партизанках», героинях карельского народа Анне Лисициной и Марии Мелентьевой, слова Б. Шмидта (1947); оратория «Обретенное счастье» на слова А. Титова (1952) и др.

Особого разговора заслуживают такие вершинные сочинения Пергамента, как симфоническая «Вепская рапсодия», 1953г. и опера «Кумоха», 1958, 2 редакция.

В Рапсодии уверенной рукой мастера, знатока фольклора и опыта русских композиторов-кучкистов воссоздан мир – завораживающий и непосредствен-

ный – народной жизни, быта с его горестями и радостями у всякого народа.

Комическая опера «Кумоха» (либретто Н. Рубана и В. Чехова) создавалась коллективом, в который вошли режиссер Н. Смолич, дирижер И. Шерман, художник Л. Ланкинен. Все были охвачены творческим горением, вникали в музыку. Герой оперы – деревенский парень Онто, простак и пройдоха – вобрал в своем образе черты, которые можно встретить у разных народов, национальностей, ценящиеся как вековые – находчивость сочувствие, верность, благородство, желание придти на помощь страждущему... И вот такой сложный мир ёмко, ярко создает музыка Пергамента. В ней неподражаемо органично слились истоки культур, ему близких – карельских, русских, еврейских (отголоски фрейлекса с их ритмической остротой).

В целом наследие Рувима Пергамента – существенная и значительная часть музыкальной культуры Карелии. Камерно-инструментальные сочинения звучат – и с большим успехом, песни обретают новое дыхание. Композитор В. Кошелев подготовил к исполнению скрипичный концерт Пергамента, который не был завершен автором. Несколько лет тому назад в Петрозаводского консерватории была успешно защищена Е. Лосевой дипломная работа о творчестве Пергамента (рукопись хранится в библиотеке).

Деятельность Р. Пергамента была отмечена – он получил звание Народного артиста Карелии, избирался депутатом Верховного совета.

Близится 100-летие со дня рождения композитора. Оно должно быть отмечено достойно, с данью уважения к тому, кто явился одним из основоположников национальной музыкальной культуры Республики.

Учитель божией милостью

Проходят годы после того декабрьского утра, когда зазвонил телефон, и я услышала срывающийся голос Людмилы Фрадковой: «Папы больше нет...». Ни разум, ни сердце не принимали эту весть: разве может не быть Исаака Самойловича! Ведь он самый молодой и живой из всех знакомых мне людей, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, костыли и больное сердце...

Неимоверно трудным испытанием в последующие скорбные дни стало для меня участие в написании официального некролога: принятые в таких случаях выражения все сделанное Фрадковым приводили к некоему среднему знаменателю, но главное – сам факт подведения итогов не оставлял более никаких надежд. На похоронах запомнились глубокое горе сотен людей – не тихая скорбь, привычная для прощания с немолодым человеком, а настоящее горе.

Однажды к нам в редакцию «Лицея» заглянул литератор, давно живущий в Финляндии. Увидев на стене портрет Фрадкова, обрадовался: «Хороший мужик был!» Оказалось, наш гость – бывший ученик Исаака Самойловича, которого легендарный директор когда-то здорово поддержал в трудной ситуации – как многих из своих учеников. Приглядевшись к фотографии, литератор полшутя-полусерьезно воскликнул: «Это что – нимб над ним?!» Действительно, на снимке над головой учителя виден светящийся круг...

Исаак Самойлович Фрадков родился 3 июня 1927 года в городе Велиж Смоленской области. Отец – Самуил Соломонович Фрадков – окончил Еврейский институт в Вильно, учительствовал с 1908 года. Мать занималась воспитанием детей. Учителями были двенадцать родственников Исаака Фрадкова!

Незадолго до смерти в одной из публикаций он писал:

«Трудно вспомнить, когда я стал понимать многие слова – «школа», «учитель», «книги», «учебники»... По воскресеньям к отцу приходили товарищи по работе, бывшие ученики, среди которых нередко, как я позже узнал, бывал и Антон Семенович Макаренко, поэт Борис Слуцкий, Герой Советского Союза Немировский и другие.

Точно помню, что самой моей любимой игрой до семи лет была игра «в школу». В четыре года я уже свободно читал, очень хорошо считал и с нетерпением ждал возможности стать настоящим учеником. Иногда отец даже давал мне проверять ученические диктанты».

По мнению Исаака Самойловича, его профессиональное будущее определила школа, в которую он поступил 1 сентября 1934 года, – 83\94 экспериментальная харьковская школа. Завучем там работал его отец.

За три дня до начала Великой Отечественной войны Исаак Фрадков окончил семилетку и стал курсантом 14-й Харьковской артиллерийской школы специального назначения.

«Мы сразу повзрослели, почувствовали свою причастность к понятию «защитник Родины», и мы ее защищали – рытье окопов, противотанковых рвов, участие в ликвидации пожаров, в поимке немецких десантников-террористов стало повседневной нашей жизнью».

Судьба, даже несмотря на войну, продолжала вести Исаака к заветной цели. В 1943 году он оканчивал артспецишколу, и неожиданно выяснилось, что в одном из восьмых классов не хватает учителей. По просьбе начальника школы Григория Демьяновича Ярового, которого чтит всю последующую свою жизнь, Фрадков с 1 сентября стал вести математику. Все подопечные 17-летнего учителя успешно сдали переводные экзамены, а сам он окончил артшколу с похвальной грамотой и уехал в артучилище в Красноярск.

Когда Фрадков окончил училище и был направлен в войска 1-го Белорусского фронта, шел июнь 45-го. Война де-юре уже была окончена, однако в Германии выстрелы продолжали звучать. При ликвидации одной из фашистских банд Фрадков получил тяжелое ранение в ногу. Но мирный договор был уже подписан, и ранение в личное дело не записали.

Впоследствии Исаак Самойлович много раз лечился в военных госпиталях, в 54-м был демобилизован из рядов Вооруженных сил, получил инвалидность. Но несмотря на все это, на награждение медалью «За Победу над Германией», статуса участника Великой Отечественной войны Фрадков так и не получил. Глубокая обида из-за этой несправедливости жила в нем до последних дней.

В армии Фрадков занимался политработой – был комсоргом, пропагандистом. Одновременно заочно окончил Ленинградский педагогический институт. Демобилизовавшись, стал учителем математики в петрозаводской школе рабочей молодежи №5. Директора этой школы Дорофея Никитовича Музалева называл своим крестным отцом в педагогике.

А 9 июня 1956 года молодой учитель и сам стал директором 9-й петрозаводской школы. Начался, по

признанию Исаака Самойловича, «самый бурный, творчески насыщенный период» его жизни. Он пришелся на время, которое романтически назвали «оттепелью», с ее окончанием и завершился. Всего 13 лет, но каких!

Школа с приходом Фрадкова сразу же включилась в эксперимент по трудовому обучению и профориентации. В течение первого года в расписании появились новые предметы – машиноведение, электротехника, ручной труд, ввели факультатив по эстетике. Вскоре школа первой в стране полностью перешла на кабинетную систему. В каждом кабинете имелись киноустановка, эпидиаскоп, магнитофон. Ежегодно зарабатывали до 50-ти тысяч рублей, имея цеха на ОТЗ, швейной фабрике, ремзаводе. В педсовет, что было новостью для того времени, вошли ученики.

Новшества 9-й школы гремели по всей стране. Здесь был создан МБО – молодежный боевой отряд, который не только поддерживал дисциплину в школе (начали с того, что отменили дежурства учителей), но и следил за порядком в микрорайоне. Дежурили на рынке, боролись с хулиганами. Кстати, членом МБО, получившего статус внештатного отряда городской милиции, был нынешний министр МВД Карелии Игорь Юнаш.

В 1958 году один из пятых классов был полностью сформирован из трудных детей.

«То были второгодники и даже третьегодники, – вспоминал много лет спустя Исаак Самойлович. – Некоторым исполнилось уже 14-15 лет, и они были «грозой» в своих районах – чего только два брата-«разбойника» стоили! Что вытворял класс первое время – неопишимо...»

Лучшие педагогические силы были брошены на этот класс. Поскольку у всех ребят были неблагополучные семьи, их три раза в день кормили – конечно же, бесплатно. Каждому праздновали день рождения, водили в кино, читали им вслух, ввели ежедневные уроки физкультуры – незаменимое средство для выхода агрессии. Много чего еще было придумано, и результат превзошел все ожидания: выпускные экзамены за 8-й класс по русскому языку и математике недавние «трудные» сдали лучше других.

Прошли годы, и как-то в троллейбусе к Фрадкову бросился один из братьев-«разбойников» – Вадим. Сжимая учителя в объятиях, он все повторял: «До гроба буду помнить 9-ю школу!»

Не случайно столько пишу о внимании Фрадкова к так называемым трудным детям. Он не раз доказывал на практике: трудный вполне может оказаться одаренным. И вообще был убежден: нет трудных учеников – есть трудные воспитатели. Одни из последних замыслов Исаака Самойловича был связан как раз со школой для таких учеников в Петрозаводске.

Все, сделанное Фрадковым в 9-й школе, трудно даже перечислить. Один из выпускников 9-й, извест-

ный журналист Валерий Хилтунен назвал Фрадкова человеком, опередившим свое время. Самое главное – его школа пестовала личности. Не случайно столько выпускников 9-й школы стали учеными, инженерами, руководителями всех рангов, наконец, просто прекрасными специалистами.

Трудно забыть вечер, посвященный 60-летию 9-й школы. 1996 год. Уже много лет прошло с того дня, как Фрадкова вынудили покинуть ее стены. Но будто и не было этих двадцати с лишним лет: огромная волна любви и поклонения со стороны бывших учеников накрыла с головой старого учителя. Дух ностальгии по школе, какой она была при Фрадкове, витал в зале. «Такого директора не было и не будет», «Стал учителем, хочу быть похожим на Фрадкова» и, наконец, десятки раз повторенное: «Я люблю вас!». Как сиял Исаак Самойлович, как, распахнув объятия, хотел обнять всех...

Много на той волне родилось новых планов, но ничто до практического воплощения не дошло: все меньше у Фрадкова оставалось физических сил, все больше подводных рифов обнажала новая действительность. «Свобода труднее несвободы», – как-то с горечью обронил Исаак Самойлович. Газета «Лицей», созданная в 1991 году, стала, наверное, последним оперившимся птенцом гнезда Фрадкова.

Исаак Самойлович был неисправимым идеалистом, всерьез убеждал, что среди трех тысяч его учеников – а помнил он каждого! – нет ни одного разгильдяя или непорядочного человека. Увы... И подводили, и имя учителя все употребляли, и даже, как это ни прискорбно, предавали. Конечно, то были исключения, но ведь их надо было пережить! Как пережить травлю завистников, игнорирование его уникального опыта в родной школе, многолетнее замалчивание заслуг. Став заслуженным учителем Карелии в 32 года, за всю последующую педагогическую деятельность Фрадков более ничего не получил. 8 раз коллеги представляли его к званию заслуженного учителя РСФСР, но документы не покинули даже пределы Петрозаводска.

В минуты, когда Учителю подставляли очередную подножку, сердце разрывалось от боли за него, не было сил смотреть в его растерянню-недоумевающие, полные обиды глаза. Глаза ребенка, который чистым пришел в этот мир и не может привыкнуть к его грязи и мерзости. Однажды в сердцах я сказала: «Самое страшное, что есть в нашем народе, – это зависть». Фрадков не согласился со мной: «Это во всех людях есть».

При всех невзгодах и случающихся в последние годы минутах отчаяния, Фрадков не раз называл себя счастливым человеком. Может, потому, что у него была удивительная любящая семья, которая глубоко сопереживала его делам. А присущее всем незаурядное чувство юмора давало на семейных встречах необходимую разрядку после безумных будней.

С девятнадцати лет и до последних минут жизни рядом с Исааком Самойловичем была его жена Софья Александровна, известный в Карелии врач. Надо было видеть, как замирал Исаак Самойлович, когда видел ее, сколько любви и нежности было в его глазах. Такого сильного чувства, пронесенного сквозь годы, я никогда более не видела. Не раз вытаскивая Исаака Самойловича буквально с того света, Софья Александровна была его настоящим другом, а порой и бескомпромиссным судьей. Уход Фрадкова из 9-й школы она назвала его величайшей ошибкой.

За месяц до его смерти они отметили золотой юбилей. Собрались только свои – дочери Даша и Мила, внуки Саша и Инна, зятя Слава и Борис. (В этом году талантливый ученый Борис Кауфман безвременно ушел из жизни). Будто чувствовали, что такое больше не повторится, и все записали на видео.

Софья Александровна прочла посвященную мужу поэму об их жизни – знакомстве, его признании «Я тебя на всю жизнь полюбил», рождении детей и ... 9-й школе. По просьбе Исаака Самойловича свою поэму Софья Александровна читала ему и в последний вечер его жизни, 11 декабря 1998 года. А наутро Исаака Самойловича Фрадкова не стало...

Официальное признание, которого так не хватало Фрадкову при жизни, приходит сейчас. 9-й школе присвоено его имя. Недавно при Министерстве образования и по делам молодежи Карелии создана рабочая группа по изучению педагогического наследия И.С. Фрадкова. Будут проводиться «Фрадковские чтения», откроется экспозиция в Музее образования республики. В 2002 году планируется издать сборник работ выдающегося педагога, воспоминаний о нем. И всё же, всё же, всё же...

Дороги Герша Пукача

Герш Майрович Пукач (1923-2002) – один из основателей общества еврейской культуры «Шалом» (названного по его же предложению), известный театральный деятель России, заслуженный работник культуры Карелии. До конца своих дней он оставался полным сил и энергии, активным членом общины. Полвека жизни он отдал театру, и в театральном мире живут легенды и истории «от Пукача». Да и сам он теперь легенда...

В архиве общины остались воспоминания о годах молодости Герша Майровича – человека большой и непростой человеческой и еврейской судьбы.

Родился я в польском городе Калише. Это административный центр воеводства, расположенный примерно в трехстах километрах западнее Варшавы. Перед второй мировой войной из 100 000 жителей 20 000 составляли евреи. Семья наша была типичной еврейской семьей: дома говорили на идиш, соблюдали все обычаи и традиции. Во многом благодаря моему деду, который был ребе, учил детей еврейской грамоте. Я с малолетства, с трех лет, посещал его уроки. Дед мой прожил долгую и достойную жизнь. Я с ним расстался, когда ему было больше 90 лет. Немцы его, конечно, уничтожили.

В 7 лет я поступил в польскую школу. В ней учились дети евреев. Учась в школе, примкнул к сионистскому движению – вступил в молодежную еврейскую организацию бетар ("Союз имени Иосефа Трумпельдора"). Эта организация была создана в 1923 году в Риге. Она ставила своей целью создание еврейского государства по обоим берегам Иордана. Организация стала авангардом движения сионистов-ревизионистов, созданного Владимиром Жаботинским.

Мы учили иврит, занимались спортом, словом, готовили себя к самообороне и жизни в будущем еврейском государстве. Я был там хотя и самый высокий, но самый младший.

В этой организации я состоял до последнего дня, пока в Калиш не пришли немцы. Последнее собрание было 31 августа. Мы сняли наш бело-голубой флаг, один из членов организации его спрятал, и мы разошлись. А утром в нашем городе уже были немцы.

Нормальная жизнь кончилась. Вся моя семья, наши родственники никуда не успели уехать. В первые же дни немцы хватили евреев на улице и выводили на работы – самые тяжелые и грязные. Если у людей не хватало сил, их выстраивали в шеренгу и каждого десятого расстреливали. Я дважды или трижды стоял в такой шеренге... Но Б-г был милостив ко мне.

Вскоре немцы создали в Калише гетто: огородили колючей проволокой территорию бывшего базара и туда загнали 15 тысяч евреев. Там ничего не было – один асфальт. Тащите солому, делайте что хотите и как

можете живите. Что там была за жизнь, трудно вспоминать спокойно: даже поляки, которые нас не очень-то любили, через проволоку кидали гнилую картошку и хлеб, чтобы как-то помочь выжить. Каждое утро строили колонны и выводили людей на работы. Конечно, самые тяжелые и изнурительные. Я тоже несколько раз выходил на работу. И в один прекрасный день, несмотря на то, что там у меня остались отец, мать, две сестры, все родственники, я убежал.

Решил пробираться на восток – в сторону СССР. В варшавском поезде было полно немцев, а на моем рукаве – нашивка с маген-Давидом, которую должен был носить каждый еврей. Одной рукой я ее закрыл и так ехал до самой Варшавы. Из Варшавы не без приключений добрался до Белостока.

Что здесь творилось – жуть. Людей тьма – из Польши, из Румынии. Устраивались, кто как мог. Я жил в зверинце, в клетке, оставшейся от зверей. Вскоре началась вербовка на шахты на Урал. И у меня хватило ума завербоваться: сказал, что мне 18 лет, мне поверили. А тех, кто не завербовался, потом отвезли туда уже под конвоем.

Когда мой контракт на Урале закончился, я поехал в Симферополь. Это был март 1941 года. Недолго там пришлось пожить. Началась война, я был эвакуирован в глубь страны: Дагестан, Казахстан. Когда начала организовываться польская армия имени Тадеуша Костюшко, меня вызвали в военкомат: надо идти в польскую армию. Надо идти – значит надо идти. Армия формировалась под Москвой. Недели через две нас выстроили, и польский генерал, поблагодарив за то, что мы отозвались на призыв идти воевать за Речь Посполитую, заявил: "Поскольку в армии оказалось больше евреев, чем поляков, придется вас пока отпустить". И повезли меня обратно в Казахстан.

Там меня мобилизовали в трудовую армию, и попал я на строительство завода ферросплавов в Актюбинск. Когда в 1944 году освободили Карелию, нашу часть перебросили на восстановление Беломорско-Балтийского канала. Так я оказался в Карелии. Штаб управления снабжения был в Медвежьегорске. Я был представителем этого управления в Петрозаводске.

В 1946 году вышло постановление правительства, что все поляки могут вернуться в Польшу. К этому

времени я уже был советским гражданином. Но постановление распространялось на всех, кто родился в Польше. Я подал документы в НКВД и – "до видения", уехал в Брест, на границу между Польшей и СССР,

В Москве я зашел в польское посольство. Там можно было посмотреть результаты переписи населения Польши по состоянию на 1 января 1946 года. Отдельно были переписаны евреи. До войны в Польше жило 5 миллионов евреев, а теперь все их фамилии умещались на 10-15 страничках. И когда я дошел до города Калиша и других городов, где жили мои родственники, и не нашел ни одной знакомой фамилии, мне стало жутко грустно. Стало ясно, что все мои родные погибли. Еще в 1941 году я с ними переписывался. Они были уже в Майданеке или в Освенциме, но письма от них доходили. Последнее письмо я получил уже после 22 июня. Писалось оно в конце мая 1941 года, значит, они погибли где-то в 1941 году. Когда я был в Израиле, в Яд ва-Шеме, то занес их имена в Книгу памяти.

Но, тем не менее я поехал в Польшу. В Бресте на вокзале при мне пришел поезд из Польши. Из него выходили евреи, которые успели побывать там, а теперь возвращались обратно. "Ты куда едешь?", – спрашивали они меня. – Все, что было, продолжается до сегодняшнего дня". И действительно, даже после войны в Польше были погромы, там убивали десятки, сотни евреев.

Я подумал: никого у меня там нет, ехать некуда, да еще вот это известие... И я решил вернуться. Так я вновь оказался в Петрозаводске и живу в нем уже более 50 лет.

Могу сказать, что жизнь здесь сложилась удачно. Я имел и имею хорошую работу, доброе отношение со стороны окружающих меня людей.

Я жил, родился, воспитывался в традициях нашего еврейского народа, и все годы, где бы я ни был, не забывал, кто я такой. Каждый народ должен знать свою историю, свои истоки и не должен этого стесняться. Наш народ – народ героический. И пусть он долго-долго живет и процветает.

Иридий Михайлович Менделеев

14 мая 1991 года в возрасте 64 лет после тяжелой болезни умер один из выдающихся клиницистов нашей страны, Заслуженный врач РСФСР и КАССР, доктор медицинских наук, профессор Иридий Михайлович Менделеев.

Иридий Михайлович родился и вырос в Ленинграде. Жил он с мамой Раисой Григорьевной – директором одной из престижных средних школ Ленинграда. Отца своего он знал мало, так как тот был репрессирован в 1937 году.

Нелегким были его школьные годы, пришедшиеся на годы войны. Во время учебы в 1-ом Ленинградском медицинском институте Иридий Михайлович был комсомольским вожаком, совмещал отличную учебу с работой лаборантом на одной из кафедр вуза. Получив в 1951 году диплом врача, И.М. Менделеев приехал в Карелию, где прошла вся его дальнейшая жизнь. Вся его врачебная и научная деятельность была связана с Республиканской больницей, которая своим нынешним высоким уровнем в немалой мере обязана именно ему. В 1959 году, преодолевая трудности, И.М. Менделеев организовал гематологическое отделение, ставшее одним из первых и лучших в РСФСР. В 1957 году Иридий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию и написал монографию по проблемам дифиллоботриозной анемии – тема весьма актуальная для Карелии.

И.М. Менделеев является одним из пионеров радиоизотопной диагностики у нас в стране. На базе созданной им радиоизотопной лаборатории в Республиканской больнице были проведены исследования оценки функционального состояния эритропоза при заболеваниях системы крови с помощью железа-59. Результаты этой работы с успехом были сообщены на XI Международном съезде гематологов в Сиднее, послужили основой блестяще защищенной им докторской диссертации. И кандидатская и докторская диссертации были сделаны за счет личного времени, ни дня отпуска для научной работы Иридий Михайлович не имел.

И.М. Менделеев был терапевтом широкого профиля. Блестящий врач, он не имел технического образования, но буквально на уровне инженера знал сложную медицинскую аппаратуру и владел методами инструментальной диагностики и терапии. Особенно это касалось радиоизотопных исследований и лучевой терапии. Он ввел в Карелии ширококомантйное облучение при лимфогранулематозе, разработал схемы облучения и введения радиофармпрепаратов при неопухолевого патологии.

На базе терапевтических отделений Республиканской больницы в 1964 году Иридий Михайлович организовал кафедру госпитальной терапии, которую возглавлял до своих последних дней. Он автор 136 печатных работ. Его монография «Очерки клинической гематологии» в свое время была настольной книгой многих врачей в нашей стране. Под руководством Иридия Михайловича защищено 14 кандидатских диссертаций, он был идейным вдохновителем двух докторских диссертаций. По сути им была создана в Карелии гематологическая школа, которая в 1974 году одной из первых у нас в стране начала успешно заниматься современными методами радикального лечения больных острым лейкозом и лимфогранулематозом. Результаты этой работы широко и систематически публиковались в центральной медицинской печати. К профессору Менделееву приезжали лечиться гематологические больные из разных мест нашей страны.

Иридий Михайлович был членом редакционного совета журнала «Проблемы гематологии и переливания крови», членом правления Всесоюзного общества гематологов и трансфузиологов. Много лет он возглавлял общество терапевтов Карелии, в последние годы был председателем республиканского общества милосердия.

Весьма высок был его человеческий и деловой авторитет среди товарищей по работе, больных и студентов. Он был блестящим лектором.

Каждое утро в 9.00 он проводил врачебную терапевтическую конференцию, а в 22.00 дежурная служба ежедневно по телефону докладывала ему домой о положении дел в больнице. Каждую пятницу в 13.00 проходили клинические конференции, на которых разбирались сложные для диагностики и лечения случаи. Он был весь в работе, по сути праздники и выходные для него не существовали.

Неутомимый труженик, он много сил вложил в строительство нового терапевтического корпуса Республиканской больницы, внося существенные поправки в его проект. Так, по его инициативе построен конференц-зал. Он участвовал в планерках строителей, которые советовались с Иридием Михайловичем. В это время один больной рассказывал: «Смотрю, у них тут шустрый прораб работает, и этот же «прораб», гляжу, у них в больнице профессорские

обходы делает». Недаром переход между терапевтическим и хирургическим корпусами называют неофициально «Проспектом Менделеева».

Чуткий, скромный, отзывчивый товарищ, высокоинтеллигентный человек, неутомимый энтузиаст и труженик, отдавший все свои силы и время больным, науке, обучению студентов и врачей – таким был Иридий Михайлович. Именно под его руководством сложился единый рабочий коллектив из сотрудников кафедры и врачей терапевтических отделений Республиканской больницы.

...В Бесовце, на холме среди могучих сосен покоится настоящий Человек, Врач, Ученый, дорогой наш Иридий Михайлович Менделеев.

Кафедре госпитальной терапии присвоено имя И.М. Менделеева.

Прошло 10 лет. Ученики Иридия Михайловича достойно продолжают его дело.

В 1959 году на уровне знаний того времени И.М. Менделеев сделал попытку трансплантации костного мозга. И вот теперь в 2001 году его ученик заведующий гематологическим отделением Республиканской больницы А.А. Мясников, на самом современном уровне, впервые в Карелии провел успешную аутопересадку костного мозга.

Кафедра госпитальной терапии – детище И.М. Менделеева и сегодня, как при его жизни, продолжает под руководством ученика Иридия Михайловича профессора В.К. Игнатьева занимать ведущее место на медицинском факультете Петрозаводского государственного университета и в терапевтической службе Карелии.

Жена Иридия Михайловича Тамара Самарьевна с дочкой Леной и внуком Сашей в настоящее время живут в Израиле.

Профессор Фролькис

«Профессор Абрам Вениаминович Фролькис» – так называется книга, вышедшая из печати в 2001 г. в издательстве «Нормед-издат» в Санкт-Петербурге.

Я знал Абрама Вениаминовича, хотя не могу отнести себе ни к его ученикам, ни к друзьям. Книга написана друзьями, учениками и крупными учеными России, в ней как в каждой работе памяти – горечь утраты и оценка деятельности этой незаурядной личности.

Биография человека говорит о многом, но о вкладе ученого в науку могут говорить только те, кому мы доверяем и лаем право на это.

Абрам Вениаминович Фролькис родился в 1920г. в Житомире во врачебной семье.

После отличного окончания школы поступает в Киевский медицинский институт, который заканчивает в 1942 г. уже в Челябинске (туда был эвакуирован институт). Сразу же по окончании института – фронт под Москвой, где он командир медико-санитарного взвода. Выносил раненых с поля боя, прыгал с парашютом. В 1947 году пытался поступить в адъюнктуру Военно-медицинской академии. Блестяще сданные экзамены не дали возможности для поступления в академию. Из более тридцати претендентов он третий по оценкам, фронтовик. Член комиссии генерал, профессор Новодворский В.М. после экзаменов сказал: – «Сочту за честь, если Вы согласитесь стать адъюнктом на моей кафедре». Вместо адъюнктуры ему представляют возможность поступить на двухгодичный факультет усовершенствования (замена неравнозначная). За два года Абрам Вениаминович защищает кандидатскую диссертацию. Подобное – прецедент в истории факультета. По окончании факультета он начальник терапевтического отделения Архангельского госпиталя, затем его переводят в Вологду, потом на ту же должность в Пушкин. Огромная работоспособность и талант позволили практически врачу гарнизонного госпиталя к 40 годам, подготовить огромный труд – докторскую диссертацию.

Абрам Вениаминович человек талантливый, незаурядный. Однако, шестидесятые годы – отголоски прошлого. За два года ему пришлось трижды защищать и перезащищать докторскую диссертацию. На последней защите диссертация была утверждена единогласно и через два месяца ее утверждает ВАК.

В 42 года Абрам Фролькис – доктор медицинских наук, позади несправедливость и абсурд. Дальнейшее продвижение в армии невозможно. Уволиться из армии нельзя. С большим трудом он все-таки уходит из армии.

Абрам Вениаминович проходит по конкурсу на кафедру терапии медицинского факультета Петрозаводского университета, где создает блестящую кафедру и школу гастроэнтерологов. Он заведовал кафедрой 16 лет с 1963 по 1979 год. В первую очередь он был врачом. Будучи консультантом существовавшей тогда спецбольницы, лечил все начальство Карелии.

В 1971 году он читает первую Актовую речь, которая поручается самым авторитетным и уважаемым ученым. Тема лекции «Основные критерии современной терапии». Подобная тема очень трудна и ответственна. Блестяще прочитанную речь, он закончил заветом для практического врача, в котором есть три положения П. Уайта:

1 – любовь к больному, 2 – научный склад ума, 3 – интерес к раскрытию болезни.

За этот период времени он воспитал блестящую школу гастроэнтерологов. Под его руководством защищено 16 кандидатских диссертаций. Абрам Вениаминович. Написал около 300 научных статей и 12 книг. Основные его научные работы посвящены заболеванию кишечника, не случайно он был признан гастроэнтерологом – терапевтом N1 (проф. Коростовцев С.Б.) Книги Фролькиса рождались тогда, когда он полностью овладевал предметом и знал о нем все. Блестящее владение пером делали эти книги – монографии полезными, убедительными, а для гастроэнтерологов они стали настольными в практической жизни.

Он принимал участие в работе многих конференций и съездов Союза и России, выступал на них с докладами. Однажды на заседании конференции крупнейший терапевт страны академик Василенко В.Х. сказал: «Давайте спросим профессора Фролькиса, что он об этом думает.....» Выступления Абрама Вениаминовича, как и его вопросы на заседаниях обществ и конференций, всегда были лаконичными и предельно содержательными, отличались ясностью и четкостью. За его заслуги ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки КАССР. По окончании Петрозаводского периода жизни, вернувшись в Ленинград, он стал главным терапевтом в больнице Ленинградского оптико-механического объединения. В последние годы был сотрудником в ГИДУВ (ныне МАПО) в центре сорбционных технологий.

Абрам Вениаминович продолжал активно трудиться, сотрудничая в центральных медицинских журналах, был профессором-консультантом в терапевтических стационарах, читал отдельные лекции на кафедре гастроэнтерологии МАПО. Он писал и издавал каждые 2-3 года новые монографии.

Таков был крупнейший гастроэнтеролог страны, блестящий ученый, врач и учитель Абрам Вениаминович Фролькис. Его петрозаводский период жизни оставил глубокий след на медицинском факультете Петрозаводского университета и у жителей Карелии.

Абрам Голланд

В конце января исполнилось 90 лет со дня рождения Абрама Исаевича Голланда – композитора, пианиста, дирижера, общественного деятеля, засл. арт. Карело-Финской ССР, засл. деят. иск. РСФСР и КАССР. Он родился 27 января 1911 г. в Чите в состоятельной еврейской семье, имевшей одиннадцать детей (7 братьев и 4 сестры). В дальнейшем жизнь разбросала их всех по свету: одна из сестер оказалась в Америке, брат – в Израиле, сын – в Голландии, остальные родственники – в разных концах необъятной России.

Отец семейства, Исайя Голланд, имел скорняжную мастерскую, которая давала ста-бильный доход. Несмотря на большое число детей, Голланды жили обеспеченно. Они занимали просторный, хорошо обставленный, дом в центре Читы, с множеством комнат и вспомогательных помещений. О материальном благополучии родителей, по воспоминаниям Абрама Голланда, свидетельствовали шاباتы, собиравшие за столом кроме отца, матери, детей, еще родственников и знакомых. Столы ломились от изысканных еврейских угощений, среди которых на первом месте были традиционные фаршированная щука или судак, форчмак (именно так именовали в семье это блюдо), жареные цыплята, цимес из моркови. Свидетельством достатка являлся и тот факт, что сколько бы человек не садились за стол на шабат, каждый был дорогим и желанным и каждый получал по целому жареному цыпленку. Это распространенное еврейское гостеприимство и хлебосолие царили впоследствии и в семье самого Абрама Голланда и его жены Ядвиги Голланд, известной в Карелии артистки оперетты, засл. арт. КАССР (театральное имя Ядвига Страздес), родившейся в Литве и пережившей своего мужа на три года.

Дети росли в атмосфере тепла и уюта, окруженные заботой и любовью отца и матери Софы, домохозяйки, не работавшей нигде кроме своего дома. Родители поддерживали и поощряли интересы детей. Видя их увлечение музыкой, они купили рояль. И не какой-нибудь, а знаменитый “Steinway”, считавшийся тогда в начале XX века (впрочем, и сейчас в начале XXI) одним из лучших. Музыкальное дарование Абрама проявилось очень рано. В 12-13 лет он уже выступал в открытых концертах, аккомпанировал гастролировавшим в Чите именитым солистам. В одном из таких концертов ему даже пришлось сыграть труднейший Скрипичный концерт Г.Венявского. Начальное музыкальное образование Абрам Голланд получил в Чите в Народной консерватории.

Осенью 1925 г. в 14 лет он покидает отчий дом (как потом выяснилось навсегда) и едет для продолжения музыкального образования в Петроград. Путь был не близкий, и поездка из Читы в Петроград заняла две недели. Все классы консерватории к этому времени были уже укомплектованы и прием абитуриентов за-

вершен. Не желая терять год и стремясь найти выход из создавшегося положения, А.Голланд обращается за помощью к тогдашнему ректору Ленинградской консерватории композитору А.К.Глазунову. Выслушав юного посетителя, маэстро посоветовал ему поступить во вновь открывшийся в Ленинграде Центральный музыкальный техникум, в деятельности которого нашли отражение самые новые и передовые для того времени педагогические идеи. А.Голланд попадает в фортепианный класс М.С.Друскина. Здесь он проходит хорошую пианистическую школу.

Параллельно с занятиями по фортепиано А.Голланд посещает, в качестве вольнослушателя, класс композиции П.Б.Рязанова. Его собратьями по курсу оказались студенты-композиторы Никита Богословский, Василий Соловьев-Седой (тогда еще просто В.Соловьев), Иван Дзержинский, Наталия Леви, Николай Минх – в будущем все известные композиторы, работавшие в жанрах эстрадной песни, оперетты, джазовой музыки. Не избежал увлечений этими жанрами и А.Голланд. В его портфеле уже в те годы были песни, эстрадные сочинения.

Ко времени учебы в Центральном музыкальном техникуме, т.е. к концу 20-х гг., относится начало деятельности А.Голланда в немом кино. Выдержав огромный конкурс (около 200 человек), он приступает к работе в качестве пианиста-иллюстратора в одном из кинотеатров, расположенном на Невском. Играть приходилось как популярную музыку, так и импровизации, характер которых должен был соответствовать событиям, происходящим на экране. Это была прекрасная школа, дававшая молодому музыканту не только заработок, но и учившая мгновенно подмечать важные детали, сочинять краткие и точные характеристики, действовать оперативно, гибко. Эта практика в дальнейшем композитору очень пригодилась в создании ярких, запоминающихся образов в его музыке к драматическим спектаклям, в опереттах, вокально-симфонических сочинениях, песнях.

Последующие десятилетия в творческой биографии А.Голланда оказались весьма плодотворными. Он получает ряд приглашений на работу в театры

страны, но из всех выбирает театр Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, в котором занимает пост заведующего музыкальной частью и дирижера. Несколько лет спустя переезжает в Луганск уже в Театр юного зрителя на ту же должность. Вероятно, в эти годы зародился у него интерес к театру и театральной музыке, который сохранялся на протяжении всей творческой жизни. В 1940 г. жизненные пути приводят его в Выборг в Театр русской драмы. С этого момента вся творческая деятельность А.Голланда протекает на северо-западе России.

Абрам Голланд – участник двух войн, зимней финской (1939-1941) и Великой Отечественной (1941-1945), был дважды ранен, демобилизовался в чине старшего лейтенанта. В годы зимней войны Политуправление Карельского фронта поручило ему организовать Ансамбль песни и пляски Пограничных войск Карельского фронта. По приказу командования участников будущего коллектива (около 80 человек) он собирал в частях действующей армии. Умело подобранный репертуар, завидный профессионализм артистов ансамбля, художественная завершенность отдельных номеров и всей программы в целом определили успех коллектива. Он быстро завоевал популярность, став любимым фронтовым составом. Музыканты объехали с концертами все ближние и дальние заставы, выступали на передовой. Во время одного из таких выступлений А.Голланд был ранен. Одним из первых в России среди работников искусства он получил орден Красной Звезды.

Находясь с ансамблем во время войны на территории Карелии, А.Голланд имел возможность познакомиться с музыкальным фольклором народов, населяющих республику, который произвел на него большое впечатление. Тогда же в начале 40 гг. он впервые встретился с молодой финской певицей из Петрозаводска Сирккой Рикка, выступавшей в составе женского вокального квартета Их творческий союз продолжался более 40 лет. Очень часто именно С.Рикка доверял композитор премьеру и последующее исполнение своих вокальных сочинений (“Веселый пастушок”, “Там где милый”, “Люблю тебя, Карелия”). В начале 50-х гг. совместными усилиями они подготовили программу, включающую “Песни народов мира”, значительную часть которой составили обработки русских, финских, карельских, вепсских, английских, польских и негритянских народных песен.

Все обработки были сделаны мастерски, с хорошим вкусом и бережным отношением к первоисточнику.

Особые отношения сложились у композитора с ансамблем “Кантеле”. Работа в коллективе в конце 40-х – начале 50-х гг. позволила хорошо изучить исполнительскую специфику и возможности ансамбля и впоследствии много и плодотворно сочинять для него.

Песенное творчество – основная сфера композиторской деятельности А.Голланда.

Именно в этой области он наиболее полно и разносторонне проявил себя. Около 200 песен, написанных автором, дают основание называть его композитором-песенником. Но сфера его творческих интересов несомненно намного шире.

Театр – другая глубокая и постоянная привязанность А.Голланда. Его интересуют необычные специфические задачи музыкального оформления спектаклей. В молодости он с увлечением и изобретательностью готовил концертные программы театра Промкооперации в Петрограде, делал разного рода музыкально-литературные монтажи и обзоры, писал музыку к водевилям, драматическим спектаклям. В Русском драмтеатре Петрозаводска А.Голланд написал музыку почти к 80 постановкам.

Наряду с драматическими спектаклями одним из любимых театральных жанров композитора была оперетта. Музыка оперетт отмечена яркой образностью, красочностью, остроумием, весельем, она обращена к широкой аудитории. У оперетт А.Голланда – “Маскарад в лесу”, “Возраст женщины” (обе совместно с Г.Синисало), “А любовь – красота”, “Ребята настоящие” – счастливая сценическая жизнь. Композитор не обошел вниманием и традиционные камерно-инструментальные жанры, такие, как струнный квартет, трио и др.

Завершая статью, невольно хочется вспомнить старую притчу о художнике, который на вопрос, сколько времени он рисовал свою лучшую картину, сказал: “три месяца и всю жизнь”. Любое подлинно зрелое сочинение, являясь результатом минутного озарения, в то же время заключает в себе весь художественный и духовный опыт творца, а потому, так или иначе, оказывается делом всей жизни. Это справедливо и по отношению к музыке Абрама Исаевича Голланда.

Она звалась Татьяна

В один из дней декабря 2000 года в концертном зале Петрозаводского музыкального училища им. К.Э. Раутио собрались многочисленная аудитория любителей хоровой музыки на не вполне обыкновенный, но уже ставший доброй традицией концерт. Проводится он уже 9 раз и приурочен ко дню рождения Татьяны Гликман – выпускнице и преподавателя училища.

А не вполне обычный и даже печальный он потому, что самого виновника этого торжества нет среди нас: 19 августа 1992 года на 53 году жизни настигла ее неожиданная для всех друзей и коллег смерть.

Не каждый удостоивается подобного почитания. Многих очень выдающихся и уважаемых в коллективе, городе и республике людей отмечают только по "круглым" датам. Пожалуй, ежегодные торжества памяти Т. Гликман – единственный такой случай. За что же удостоилась она такой чести?

Татьяна Гликман родилась 10 декабря 1939 года в семье музыкантов – выпускников ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. Отец ее Леонид Самуилович Гликман (1909 – 1941) к тому времени окончил фортепианные факультеты Бакинской (1932г., класс проф. Г. Г. Шароева) и Ленинградской (1938 г., класс проф. П.А. Серебрякова) консерваторий. Мама Татьяны – Цецилия Наумовна Кофьян (1907 – 1987) окончила инструкторский факультет Ленинградской консерватории по специальности "хоровое дирижирование". Хотя у обоих молодых специалистов были отличные перспективы для карьеры в Ленинграде, они без сомнений поехали в столицу Карело-Финской ССР, где музыкальная культура была в стадии становления. Леонид Гликман стал солистом филармонии, вел класс фортепиано во Дворце пионеров, преподавал на специальных курсах при Доме творчества для художественной самодеятельности. При его деятельном участии создавалась Карельская организация Союза композиторов РСФСР, членом которой он был с 1938 года.

Ц. Н. Кофьян была руководителем хора Дворца пионеров, преподавала сольфеджио в Музыкальном училище, в организации которого также принимала активное участие.

Когда началась Война, Татьяна, которой было тогда без малого 2 года, отправилась с мамой в эвакуацию в сторону Урала. Леонид Гликман ушел на фронт, отказавшись от брони, освобождавшей его от призыва. С фронта он не вернулся. Погиб в первые месяцы войны. Обстоятельства, место гибели и захоронения точно неизвестны, скрыты в тумане "показаний очевидцев".

Об отце у Татьяны сохранились отрывочные воспоминания (младенческая память оказалась цепкой и

прочной), но больше знала она о нем по рассказам мамы и немногим материалам домашнего архива, которые Цецилия Наумовна бережно хранила. Мало того, что родители для нее всегда были идеалом в жизни и работе, от них Татьяна наследовала разнообразные способности. Разумеется, прежде всего, она – музыкант.

Вернувшись из эвакуации в Петрозаводск, Ц. Н. Кофьян приступила к восстановлению музыкального образования. С ее участием возобновили свою работу Музыкальная школа и училище. В училище она вела курс сольфеджио, была заместителем директора по учебной части.

Татьяна росла, что называется, у мамы на работе. Она успешно училась в музыкальной школе по классу фортепиано, но в училище поступила на отделение хорового дирижирования. Среди ее учителей – Исая Эзрович Шерман, Лев Николаевич Косинский, Вениамин Наумович Толчинский. Мама для нее – пример педагога-воспитателя, сочетавшего в себе высокий профессионализм, требовательность, принципиальность с чуткостью, добротой, искусством найти индивидуальный подход к каждому ученику. Впоследствии, окончив дирижерско-хоровой факультет Ленинградской консерватории, Татьяна вернулась в родное училище в роли преподавателя и успешно продолжила дело своих родителей.

Основной своей педагогической специальностью Татьяна всегда считала дирижирование. У нее была отлично разработанная методика обучения мануальной технике, в которой она обобщила опыт профессоров консерватории (А.Е. Никлусов, но более всего, пожалуй, – К. А. Ольхов) и училища, но до многих деталей и тонкостей дошла своим путем. Ученики ее успешно поступали в лучшие ВУЗы страны и сейчас работают в разных городах России и "ближнего зарубежья".

Но работой в дирижерском классе Татьяна не ограничивалась. Она была преподавателем сольфеджио, теории музыки, гармонии. При этом и здесь она не только использовала опыт своих учителей (Ц. Н. Кофьян, Б. Н. Незванов, К. Н. Дмитриевская), но искала и находила свои методы преподавания.

Педагогическую работу Татьяна не мыслила в отрыве от концертно-исполнительской практики. Некото-

рое время она была хормейстером академического хора ПГУ. Много лет работала она в качестве хормейстера Народной капеллы ДК Профсоюзов Карелии. Когда на одном из пленума Карельского Союза композиторов понадобилось озвучить новые сочинения Э. Патлаенко для детского хора, и все руководители действующих хоров отказались от них, найдя слишком трудными, Татьяна собрала группу учащихся дирижерско-хорового отделения. Они не только быстро выучили эти песни и успешно исполнили их, но превратились в активную концертующую группу с интересным камерным репертуаром от Баха до современных песен. Группа выступала не только в Петрозаводске, но и в районах Карелии и за пределами республики.

Авторитет, который завоевала Татьяна Гликман у своих учеников и коллег, позволил ей занять должность заведующей Дирижерско-хорового отделения. Позже к этому добавилось руководство академическим хором ДХО, на которое Татьяна решила после долгих сомнений. Под руководством Татьяны хор из учебного превратился в коллектив, сочетающий основные, учебно-педагогические функции, с активной концертной деятельностью, участием в смотрах и конкурсах, гастрольными поездками.

На этих должностях Татьяна пребывала до конца своей жизни. К ним добавилась еще одна общественная творческая работа: она стала хормейстером камерного хора "Валаам". Этот хор из студентов и преподавателей училища сложился под руководством автора этих строк к 1988 году. Дивный остров Валаам для Татьяны, как и для нас, стал любовью и болью. На Валааме бывали туристы из разных городов России, из Финляндии. Суровые финны не скрывали слез, когда хор под руководством Татьяны Гликман пел "Suomen laulu" Ф. Пациуса, "Muisto" Борениуса или "Miserere" А. Лотти.

1992 год – год последней нашей поездки на Валаам стал для Татьяны роковым, последним годом ее земной жизни. Там 12 августа ее поразил инсульт и 19 августа в Сортавальской районной больнице закончился ее жизненный и творческий путь.

Обладая многими талантами, Татьяна имела и удивительный дар общения. В любой компании: среди коллег, студентов, участников самодеятельности, случайных попутчиков в дороге – она была душой общества. Жизнерадостность, чувство юмора, разносторонняя эрудиция, дар интересного рассказчика-собеседника, общительность делали ее человеком незаменимым в любой среде. Особенно привлекательными были капустники, в которых Татьяна была и ведущим автором и режиссером и одним из первых исполнителей. В этих увлекательных, веселых, порой дерзких в критике недостатков текстах, когда под огонь сатиры и юмора попадали не только ученики и коллеги, но и власть придержащие, проявился незаурядный литературный дар Татьяны. Интересно отметить, что очень многие персонажи из окружения

Татьяны искренне полагали, что именно их она считала своими лучшими друзьями. Многие ученики полагают, что именно они – самые любимые ее воспитанники, для которых Татьяна была не только учителем, но и другом. Действительно, для нее не было нелюбимых учеников и безнадежно плохих людей. Она могла простить любую ошибку, любой недостаток (кроме подлости). Часто говорила она, что лучше ошибиться, поверив человеку, чем обидеть его недоверием.

Литературно-поэтический дар и тягу к сочинению музыки Татьяна тоже унаследовала от отца. И если музыкальные произведения, и, прежде всего – хоры на стихи Н. Рубцова и собственные слова еще исполнялись при ее жизни, как, впрочем, и обработки народных песен Карелии, то стихи свои она показывала лишь ближайшим друзьям.

Сколько помню, лишь один раз Татьяна выступила с чтением собственного стихотворения на вечере памяти поэта В. Морозова. Когда один из поэтов неудачно процитировал строчки из малоприятного стихотворения Е. Евтушенко "Володя Морозов", Татьяна не выдержала и прочитала свой страстный, гневный "Ответ Евгению Евтушенко...", чем заслужила горячее одобрение аудитории, состоящей из поэтов, знатоков и почитателей таланта безвременно погибшего поэта.

В 1999 году к 60 – летию Татьяны Гликман друзья составили и выпустили в свет небольшую книжечку ее стихов под названием "Люди, милые люди! Как хорошо мне с вами!" Многие из круга близких к автору коллег, друзей неожиданно и впервые открыли для себя огромный, богатый и противоречивый духовный мир Татьяны, в котором были не только радость жизни, шутки и смех, но и боль, страдания, отчаяние, чувство одиночества и обреченности:

Ушедших, но близких и милых
Как часто я вижу во сне.
Мне кажется, в темных могилах
Тоскуют они обо мне.

Ни гнева, ни слова укора –
Предчувствуют молча беду
И знают, конечно, что скоро
Я к ним непременно приду.

6.08.1984

Шесть стихотворений из этого сборника уже стали материалом для хоровых композиций и надо полагать, что появятся новые музыкальные прочтения поэзии Татьяны Гликман.

Татьяна относится к числу тех людей, о которых говорят, как о вечно живых. Она жива в памяти коллег, учеников, детей и внуков, в музыкальных и поэтических произведениях. Вот поэтому и существует традиция отмечать день ее рождения ежегодно 10 декабря.

Человек, излучавший свет

Недавно ребята из 11 "Ц" (целевого) класса 30 гимназии провели опрос на улицах Петрозаводска, знают ли жители нашего города, кто такой Генрих Саулович Альтшуллер? Как выяснилось, никто из опрошенных не знал этого человека. Правда, вполне возможно, что эти люди не знают, кто такие Галилей или Ньютон, но ни Галилей ни Ньютон не жили в нашем городе. Генрих Саулович не только с 1990-го года жил в Петрозаводске, но и могила его находится на Сулажгорском кладбище. А ведь по вкладу в развитие человечества его можно поставить в один ряд с величайшими умами планеты. Он создал науку о творчестве, он доказал, что творчество не удел избранных, творчеству можно учиться. Наука, которую он создал, называется Теория решения изобретательских задач.

Он родился 15 октября 1926 года в семье журналистов. Его отец, Саул Ефимович, родом из Одессы. Там окончил мореходное училище, работал судовым механиком, служил в порту, участвовал в Первой мировой войне, был ранен, награжден медалью. После войны работал журналистом, писал книги. Мать, Ревекка Юльевна росла в очень религиозной семье, что не помешало ей стать хорошей журналисткой. Родители познакомились, работая в Азербайджанском телеграфном агентстве АзТАГ.

В год рождения Генриха родители по семейным обстоятельствам вынуждены были переехать в Ташкент и несколько лет работали в редакции газеты «Правда Востока».

В 1933 году семья переехала в Баку, и именно Баку Генрих всегда считал своей родиной. Родители часто разъезжали по командировкам, и уже в школьные годы его иногда оставляли на несколько дней на попечение соседей. С раннего возраста он был очень независимым и свободолюбивым человеком.

Еще в школе увлекся фантастикой. Здесь ему повезло с учительницей русского языка и литературы. Звали ее Тамара Андреевна Серебрякова. Видя, что Генриху скучно «разбирать» обязательные литературные произведения и понимая, что ребенок своеобразен, она стала «играть» на его любимой струне – фантастике. Нарушая школьную программу, она задавала ему персональные сочинения на такие темы, как например, «Образ капитана Немо», «Сравнение героев Жюль Верна и Г.Уэллса» и т.п. Писателем он стал (и каким!) во многом благодаря Тамаре Андреевне.

А потом был химический кружок Дворца пионеров, где они с приятелем соорудили первую в мире лодку с ракетным двигателем. И, хотя двигатель развалился во время испытания, идея опередила свое время лет на 20. (Об этом жизненном эпизоде он потом написал рассказ под названием «Угол атаки»).

Школу Генрих заканчивал уже во время войны. Сначала очно поступил в Азербайджанский инду-

стриальный институт, но, чтобы попасть на фронт, перевелся на заочное отделение. В армию был призван 8 февраля 1944 года, но на фронт не попал, поскольку еще в школе получил авторское свидетельство на изобретение (аппарат для подводного плавания), то его направили в Отдел изобретательства ПВО, затем в Отдел изобретательства Каспийской военной флотилии. Начальником отдела был интересный человек, обожавший изобретателей, Сергей Евграфьевич Смугилев. Генрих всегда рассказывал о нем с большой теплотой. Он учил Генриха во всяком изобретателе видеть «Жюльверна». (Образ С.Е.Смугилева выведен в прекрасном рассказе Альтшуллера «10% приключений»).

С 47 года его служба проходила в Баку, где они с приятелем Рафаилом Шапиро к этому времени уже занимались методикой изобретательства. Из письма ко мне от 7.05.67 года: «Года через два, вникнув в состояние изобретательства, мы написали длиннейшее письмо Сталину. Очень доказательное письмо: около 30 страниц с цифрами и фактами... Не веря в мудрость гения всех времен и народов, я напечатал штук 20 копий и послал в газеты, министерства и прочие инстанции. А когда гений не ответил, начал настойчиво напоминать». Гений, как известно, шутить не любил. В результате двух лет практически открытой слежки друзей просто посадили, дав каждому по 25 лет (ст. УК РСФСР NN 19-58-16, 58-10 ч. I и 58-11).

Практическое использование будущей Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) началось еще во время следствия. Поскольку Генрих ни на какие компромиссы со своими следователями не шел, то из Тбилиси, где его задержали, как очень опасного преступника, отправили в Москву. Там в Лефортово следователь Малышев поставил его на «конвейер». «Конвейер» – это пытка отсутствием сна. Допросы ведутся ночью. Собственно, это даже не допросы. Следователь всю ночь занимается какими-то своими делами (Малышев, например, конспектировал «Краткий курс истории ВКП(б)», а заключенный сидит пе-

ред ним на табурете, изредка отвечая, как пишется то или иное слово, когда был такой-то съезд партии и т.п. В 5.30 возвращают в камеру, приказывают раздеться, лечь. В 6 часов подъем. До 22 часов лежать нельзя, можно только ходить или сидеть. В 22.00 – отбой, в 22.30 – на допрос. И так всю неделю. Обычно уже на третий-четвертый день подследственный не выдерживает и теряет над собой контроль, а в таком состоянии человек не очень-то соображает и может подписать все, что угодно. Генрих же не собирался сдаваться, поэтому, перед ним стала изобретательская задача: надо было разрешить противоречие – для тюремщиков он должен быть бодрствующим, то есть НЕ СПАТЬ, а для себя – СПАТЬ. Это противоречие было блестяще разрешено: вместе с сокамерником они на обрывках бумаги от папирос «Север» нарисовали обожженной спичкой глаза, Генрих удобно садился лицом к двери, опираясь спиной на стену, закрывал глаза и мгновенно засыпал, а его сокамерник с помощью слюны наклеивал «глаза» на закрытые веки Генриха, а потом ходил, разговаривая сам с собой и иногда меняя позы Генриха. Это изобретение (не запатентованное и не зарегистрированное) позволило доказать, что диктату силы, фашизму может противостоять только мощь интеллекта.

После приговора (вернее, никакого приговора не было, было решение Особого совещания) Генриха отправили в Воркуту (Рафаила – в Караганду).

Из того же письма: «В лагере я первые полгода мыкался по карцерам: опять же отвратительный характер – отказался от всякой работы. Потом ахнули рукой: народу много, не было смысла возиться с одной человеко-единицей. И года два я читал книги. Конечно, надо было ловко читать. Со школы я привык считать – сколько часов отработано (на науку и изобретения) за день. Так вот, когда меня выпустили, я подсчитал, что в среднем все эти годы занимался по 7 часов в день».

Спустя два года он все-таки пошел работать на шахту: методику надо было проверять на практике... А в 1954 году их после переследования освободили. Дома его ждало страшное известие. Мать, регулярно писавшая прошения о помиловании и уже даже после смерти Сталина, получившая очередной отказ, не выдержала и покончила собой. Случилось это за 4 месяца до его освобождения...

А ему надо было жить и работать над осуществлением своей Достойной Цели – сделать творчество, в том числе изобретательское творчество доступным для любого человека.

Уже было достаточно наработано, чтобы можно было переходить к официальному опробованию методики, делать ее доступной для всех. В то время вопросами защиты прав изобретателей и рационализаторов, а также массовым изобретательством в СССР занималась общественная организация ВОИР – Всесоюзное общество изобретателей и рационали-

заторов. Руководил этим обществом Центральный Совет ВОИР, возглавляемый, впрочем как и все другие такого рода организации, партийными чиновниками. Вот туда-то, то есть в ЦС ВОИР и обратился Генрих с предложением заслушать его сообщение о новой методике творчества, которая позволит резко увеличить ряды новаторов. Причем с первых своих писем он не просил никакой финансовой помощи, наоборот, он предлагал приехать за свой счет и выступить перед любой заинтересованной аудиторией тоже бесплатно. Жил же он все это время на те деньги, что зарабатывал, публикуя научную фантастику. (Его литературная деятельность как писателя-фантаста заслуживает отдельной статьи. Под псевдонимом – Генрих Альтов он вошел в число лучших писателей-фантастов мира 60-х годов). В письмах бюрократам от изобретательства он требовал одного – объективной оценки методики. Но не тут-то было...

Скопилось 3 объемистых папки переписки с ЦС ВОИР под общим названием «Ехали мы ехали...», переписки, которая заняла 10(!) лет. За это время он за свой счет провел массу семинаров на разных предприятиях страны, выпустил 2 книги по теории изобретательства (1961 г. – «Как научиться изобретать» и 1964г. – «Основы изобретательства») и только в 1968 году ЦС ВОИР наконец-то пригласил его для участия в общесоюзном семинаре по техническому творчеству.

После первых публикаций завязалась оживленная переписка со многими заинтересованными людьми (в том числе и со мной), которые стали опробовать методику, не дожидаясь одобрения высоких бюрократических инстанций. Все, с кем Генрих Саулович переписывался эти годы, как дражайшую реликвию хранят его письма. Ибо каждое его письмо – это не просто развернутый подробнейший ответ на ваш вопрос, но и прекрасное литературное произведение, написанное живым языком со свойственным ему тонким юмором.

К 1980 году по всей стране накопилось достаточное количество материала, который требовал уже коллективного обсуждения. И вот здесь повезло Петрозаводску. Именно у нас во Дворце культуры «Машиностроитель» стали проходить всесоюзные семинары по Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), руководителем и душой которых был Генрих Саулович. На эти семинары съезжались тризовцы со всего Советского Союза, а иногда и из-за границы. Увозили люди с этих семинаров не только массу впечатлений, но и книги по ТРИЗ издательства "Карелия". Ведь именно наше издательство первым в стране начало систематический выпуск книг по ТРИЗ (1977 год – А.Б.Селюцкий, Г.И.Слугин «Вдохновение по заказу», 1980 год – Г.С.Альтшуллер, А.Б.Селюцкий «Крылья для Икара», 87, 88, 89 и 91 годы – серия сборников «Техника-молодежь-творчество»: «Дерз-

кие формулы творчества», «Нить в лабиринте», «Правила игры без правил», «Как стать еретиком», «Шанс на приключение»). До сих пор эти книги остаются основными учебными пособиями по ТРИЗ. И именно в Петрозаводске появился первый опыт обучения детей курсу развития творческого воображения, начиная с детского сада.

Отдельной статьи заслуживает рассказ о той борьбе, которую Генрих Саулович вел с отечественной бюрократией за всех нас, за наше право на равенство в творчестве. Итог этой борьбы сегодня ясен: во многих городах России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, республик Прибалтики, Израиля ТРИЗ преподают в школах (в Ангарске Иркутской области работает первая в стране целиком тризовская школа), в США работают (и довольно эффективно) 3 тризовские фирмы и создан институт Альгшуллера, ТРИЗ преподают во Франции, в Австралии, в Финляндии, Испании, во Вьетнаме и Южной Корее... Надо сказать, что Петрозаводску в отношении ТРИЗ повезло больше других городов. Когда в 1990 году в Баку произошли кровавые события, мы, с помощью

Петрозаводского молодежного жилищного комплекса (МЖК), которым в то время руководил Д.Ральман, а позднее Н.Житков сумели организовать переезд семьи Генриха Сауловича в наш город (понятно, что мы не смогли бы этого сделать без поддержки тогдашних руководителей горисполкома С.Л.Катанандова и Е.Н.Акатьева). С тех пор Петрозаводск стал, что называется, Меккой для тризовцев всего мира.

Генрих Саулович умер 24 сентября 1998 года. Но с нами осталась его семья – жена Валентина Николаевна Журавлева, его верный друг и помощник, сама замечательный писатель-фантаст (вместе с Генрихом она в 60-е годы вошла в число лучших фантастов мира), его невестка Лариса Дмитриевна Комарчева и его внучка Юна. Все, тризовцы, которые приезжают в Петрозаводск из других городов ближнего и дальнего зарубежья, считают своим долгом посетить эту семью и обязательно побывать на могиле Генриха Сауловича. Я думаю, что мы доживем до того момента, когда в Петрозаводске появится памятник этому Великому Человеку.

Дядя Заля

Сорок пять с половиной лет назад на железнодорожный вокзал Петрозаводска вышел из поезда кругленький человек небольшого роста... Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что в городе появился один из самых знаменитых в скором будущем его жителей, тот, чье имя будет известно и прославит наш театр далеко за пределами Петрозаводска, – заслуженный артист России, народный артист Карелии Залман Наумович Эстрин, а для близких – просто дядя Заля.

Эстрин впервые вышел на петрозаводскую сцену в день открытия Музыкального театра – 5 ноября 1955 года, в роли моряка Фомы в «Вольном ветре» Исаака Дунаевского, и с тех пор в течение более четверти века редкий спектакль обходился без его участия. Многие годы имя Эстрина было синонимом карельского музыкального театра.

В нынешнем году Залману Наумовичу исполнилось бы 95 лет. Хотя для рассказа о таком человеке не нужен особый повод...

В 1906 году в многодетной семье музыканта Нахима Эстрина, бывшего николаевского солдата (поэтому он с семьей и мог поселиться в Москве), родился Залик. Работать ему пришлось уже с юных лет, и он курьером разносил директивы какой-то конторы.

Что же потянуло в театр еще совсем маленького мальчика? По воспоминаниям жены Эстрина Берты Григорьевны, записанным В.А.Савельевым, можно восстановить события тех далеких лет. Рядом с домом, где жили Эстрины, находился театр Эрмитаж, и маленький Залик до того примелькался артистам, что именно его попросили однажды выручить спектакль – вынести на сцену поднос с конвертом, сказать героине: «Вам письмо» – и, передав его, удалиться за кулисы. Актриса так умилилась непосредственности юного дебютанта, что, прочитав письмо, схватила Залика в объятия и закулиса по сцене. «Поставьте меня на землю! Я ведь мужчина!» – возмутился новоявленный артист, поклонился и ушел за кулисы, сорвав первые в жизни аплодисменты.

Повзрослев, Залман пошел учиться. На сварщика. Это были 20-е годы, в стране шло строительство новой жизни, и на одну изстроек однажды был командирован Эстрин. Так он впервые побывал в Карелии – сварщиком на Кондострой.

Одновременно с работой Эстрин занимался в студии при Театре имени Вахтангова и по окончании ее в 1930 году уехал в Свердловск. В театрах этого города – ТюЗе и Театре оперы и балета – началась его творческая биография, причем первые заметные роли были сыграны не в оперетте, а в балете.

Через три года Эстрин вернулся в Москву, в alma mater – Театр имени Вахтангова. Не оттуда ли его ма-

стерство импровизации, стремление к яркости выразительных средств, четкому ритмическому рисунку роли, к сочетанию жизненной достоверности и гротесковой остроты? Начало 30-х годов – еще не удешевлено разнообразие театральной жизни, еще ставят Станиславский, Мейерхольд, Таиров, в 1935-м Михоэлс сыграет короля Лира. Публика ломится на вахтанговскую «Принцессу Турандот», а в 1932 году на этой же сцене Николай Акимов взрывает театральную Москву скандальной постановкой развеселого, издательского «Гамлета» (кстати, нет ли там в массовке юного Залмана? – предположение вполне реальное). Да просто невозможно было, находясь в этой среде, не впитать ее жадному до познаний молодому актеру.

Новый поворот судьбы – театр одного актера, созданный Владимиром Яхонтовым. Однако и ему нужны были партнеры – тогда и появлялся на сцене Залман Эстрин. И эта работа не проходит даром: когда внимание зрителей весь спектакль держит один человек, значимым становится малейший штрих, нюанс, деталь.

Проба сил в другом искусстве – участие в съемках фильма Веры Строевой «Поколение победителей» (в нем снимались Вера Марецкая, Борис Шукин, Владимир Канделаки) о событиях 1905 года. Эстрин играл эпизодическую роль молодого ученого-еврея.

Вскоре Залман Эстрин меняет драматический театр на музыкальный – Московский ансамбль джаз-оперетты под руководством И.С.Полонского. Оперетта – думал ли тогда артист, что нашел дело своей жизни?

1941 год. Народное ополчение, бои под Смоленском, Нарофоминском, под Москвой. После госпиталя Эстрина списали из армии, и до конца войны он с агитбригадой ездил по фронтам.

Закончилась война, а жизнь на колесах продолжалась. Московский областной театр оперетты, ансамбли оперетты разных областных филармоний – многочисленные, с минимальным составом артистов – гастролировали по стране, показывая традиционно любимый опереточный репертуар. В этих незамысловатых постановках накапливались опыт, умение, мастерство. Быстро определилось амплуа – Эстрину доставались роли комических стариков (амплуа ведь

мало зависит от возраста актера). В них можно было найти применение арсеналу выразительных средств, которыми он овладел в драматическом театре. Актер становился заметен, известен, любим зрителями.

Впрочем, не только зрителями. Однажды он встретил девушку по имени Берта. Они поселились в его московской квартире, где жила и вся остальная семья, так что «комнату» молодоженам отвели в нише коридора. И уже ждали ребенка, но тут...

Тут произошел, может быть, самый важный поворот в жизни. Залман Эстрин получил приглашение в настоящий, еще только открывающийся театр Петрозаводска. Его директор Сергей Петрович Звездин пригласил актера по рекомендации главного режиссера Музыкального театра Льва Михайловича Вильковича.

Эстрин был самым старшим в труппе – но разве это важно в оперетте, искусстве молодых и умеющих быть молодыми? Признание пришло очень скоро. Он был незаменим в своих ролях. Как правило, если в театре есть настоящий комик, то в своем амплуа он работает один. Единственным был и Эстрин.

Те, кто с ним работал и кто видел его на сцене, могут рассказывать о нем бесконечно. «Эстрин – всегда актер напряженного действия, четкого ритма, острого характера»; «Вспоминая всю галерею созданных им комических образов, буквально поражаешься умению актера находить столько нового в самом маленьком и незаметном – взгляде, походке, паузе, интонации. И при всем этом – драгоценное чувство такта, умение «не пересместить», не удариться ради смеха в ненужную крайность», – писали газеты страны. «Самая величайшая ерунда была в его исполнении самой величайшей правдой», – вспоминал работавший в Петрозаводске в 1960-е годы артист Евгений Флек.

На сцене он всегда оставался собой, его нельзя было не узнать, хотя, по сути, все его герои были разными. Граф Кутайсов из «Холопки» был смешон и страшен, Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке» – смешон и жалок, для Птичкина («Весна поет») или Кавалькадоса («Поцелуй Чаниты») артист находил уже другие, предельно сатирические, гротесковые краски. Одна из его лучших буффонных ролей – Негош в «Веселой вдове». Были в палитре артиста и лирические тона – они появлялись в спектаклях «Фиалка Монмартра», «Севастопольский вальс», им самим поставленном водевиле «Дочь актера».

До сих пор вспоминают очевидцы работу актера в мюзикле «Моя прекрасная леди». Эстрин играл лондонского мусорщика Дулиттла прежде всего философом, для которого образ забудыги-пьяницы – только дань необходимости, иначе невозможно существовать в его кругу. Дулиттл жил в соответствии со своей моралью, и в излагающем ее монологе актер поднимался до подлинно драматических высот.

1960-е годы – время расцвета сил и таланта Эстрина. Пример тому – его работа в спектакле «Цирк зажигает огни». В шаблонной, казалось бы, роли Вольдемара Лососиноостровского (одно «го-

ворящее» имя многого стоит) проявились черты не только бывшего графа и неудачливого афериста, но и эмигранта, в глубине души тоскующего по России. Свою последнюю сцену – расставание с советскими артистами – Эстрин завершал песней Вертинского «В степи молдавнской». Была ли эта деталь найдена самим актером или подсказана режиссером спектакля В.Е.Валиным, в свое время оказавшимся в Харбине, сейчас уже не установить, но осталось то особое впечатление, которое сцена производила на зрителей. У говоривших и писавших о нем в то время появляется слово «трагический», «трагикомический»: талант актера поворачивался новой гранью.

Спектакль «На рассвете» поставил драматический режиссер Наум Лившиц, начинавший в Театре комедии у Н.П.Акимова. На сцене не было привычных развлекательных схем: там действовали живые люди. Этого требовало само произведение, в котором воссоздавался эпизод гражданской войны – французская интервенция 1919 года в Одессе. Трогательно беззащитным, душевно чистым играл еврейского портного Ременника З.Н.Эстрин. В этой роли ему вместе с режиссером и партнерами пришлось решать сложнейшую для опереточной сцены задачу – играть сцену гибели своего героя.

В те годы театр каждое лето ездил на гастроли, и стоило ему появиться где-либо во второй раз, первым вопросом публики было: «А Эстрин приехал?» Да, именно в нашем театре он нашел себя, свое место в искусстве, в полной мере состоялся как актер. И нет преувеличения в утверждении того, что имя Эстрина стоит в ряду лучших представителей жанра оперетты. Кстати, ему – единственному из нашего Музыкального театра – посвящена отдельная статья в пятитомной Театральной энциклопедии.

Каким же человеком был Залман Наумович Эстрин? Бескомпромиссным и даже колючим, если речь шла о сцене. Поддерживал молодых артистов, помогал им в работе, а они звали его дядей Залей и бегали на его спектакли. В легенду вошла его страсть к книгам (о нем писали даже в «Книжном обозрении»). Его сын Юрий рассказывает: «Если мне нужно было с отцом поговорить, я его отрывал либо от роли, либо от книги. Другого состояния у него практически не было». Для внучки Лили записывал на магнитофон стихи. (Второй внук появился уже после смерти деда; его называли Залманом. Сейчас оба живут в Израиле.)

В доме хранятся сделанные им из коряг фигурки – он и по лесу ходил, не грибы высматривая, а причудливые ветви и корни, с топориком за поясом. Друг Эстрина Герш Майрович Пукач вспоминает о веселых пикниках, о шашлыках на природе и гурманстве актера, о ночах, проведенных за преферансом...

Эстрин работал в театре до конца жизни. Пораженный инсультом, последние дни он находился без сознания. И откуда-то из самых глубин его существа вдруг раздалось слово: «Передайте в театр, что я сегодня не смогу играть спектакль». 7 августа 1982 года дяди Зали не стало.

СУДЬБЫ ЧЕВРЕЙСКИЕ

О первом главном инженере

Когда просмотрел, по первому разу, изданную в 2007 году книгу «История строительства в Карелии», обратил внимание и вспомнил, что сегодняшний петрозаводский железнодорожный вокзал был введен в эксплуатацию в марте 1955 года – за шесть месяцев до моего прибытия в Петрозаводск по направлению Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ). В то время я этого, естественно, не знал. А интересно то, что главным инженером строительной организации СМП-138 (сейчас – строительная компания «ВЕК»), построившей вокзал, был будущий первый главный инженер института «Карелпроект» Бергер Израиль Иосифович.

Израиль Иосифович появился сначала в проектной конторе «Совнархозпроект», куда был назначен Карельским Совнархозом на должность главного инженера конторы в 1961 году после перенесенного инфаркта (что часто случается со строителями). После образования в 1962 году института «Карелпроект» Израиль Бергер стал его главным инженером, а директором института был назначен Лобко Геннадий Акиндинович, ранее возглавлявший основную строительную организацию Карелии – «Карелгорсельстрой».

Пройдя большой путь в строительстве, особенно в системе Министерства путей сообщения (из системы МПС вышло много квалифицированных инженеров-строителей, занявших впоследствии руководящие посты в строительном комплексе республики), Израиль Иосифович быстро освоился в проектном деле, имеющем свою специфику... Но я не о производстве, а совсем о другом...

Выходец из Западной Украины, где больше говорили на украинском, польском и еврейском языках, чем на русском, Израиль Иосифович допускал частенько в русской речи забавные обороты и выражения, то есть обладал своеобразным лексиконом. Говоря, например, о ком-то, кто не прав или виновен, он говорил, что «у него рыльце в пу`шку» с ударением в слове «пушку» на первом слоге, не предполагая об абсурдности результата. Или: «Этому не может быть». Но коллеги реагировали нормально, никогда никто не иронизировал.

Вспоминается и другая ситуация. Бывали производственные споры между главными инженерами проектов и начальниками проектных отделов. И, естественно, хотелось разобраться, за кем должно быть последнее слово. Однажды на обращение к главному инженеру с просьбой рассудить, он ответил: «Вы оба полковники...» Как здесь не вспомнить анекдот о раввине, который в споре двух прихожан рассудил: «И Вы, и Вы правы», а когда жена раввина (ребецен) указала ему, что так не может быть, он ответил: «И ты права».

Попутно не могу не вспомнить (читал ранее) о выдающемся одесском педагоге-скрипаче начала XX века – Петре Соломоновиче Столярском, подготовившем большое количество выдающихся скрипачей, в том числе и Давида Ойстраха. Русской речью Столярский владел не вполне. О его оговорках, выражениях ходили легенды. Несколько примеров. Созданной им детской музыкальной школе-интернату при его жизни было присвоено наименование – «Школа имени профессора Столярского». Он говорил: «Школа имени мене». После одного из успешных выступлений питомцев в столице дал телеграмму в Одессу: «Школа прошла с большим фуражом», т.е. фурором. Любимому ученику Ойстраху: «Додик, не плутайся между ног, иди прежде», а имел в виду: «Не плутайся под ногами, иди впереди нас».

Вернемся к И.И. Бергеру... В один период с ним в институте трудился Донде Сергей Давидович (о нем отдельное воспоминание). Оба в прошлом строители-производственники и оба перенесли инфаркт. По достижении пенсионного возраста (в то время для мужчин – 60 лет), трудясь в институте, они дискутировали на тему, как правильней поступить – продолжать ли работать, или уйти на заслуженный отдых. С.Д. Донде был сторонником продолжения работы, И.И. Бергер считал, что нужно выходить на отдых. Так они и поступили, руководствуясь каждый своими взглядами. Оба скончались в возрасте 66 лет, но в разные годы...

С. Д. Донде и кое-что о нем

Интереснейшим человеком был Сергей Давидович Донде. Энергетик по образованию, практически всю жизнь проработал в строительной отрасли. Оказавшись в Карелии, возглавил трест «Кондопожстрой», затем, не будучи в «любовных» отношениях с Обкомом партии, был отправлен в Питкярантское

СМУ. После инфаркта пришел в институт «Карелпроект» и возглавил отдел подготовки проектирования, затем – планово-производственный.

Сергей Давидович, будучи высокообразованным, интеллигентным и остроумным человеком, быстро

вписался в коллектив института и, можно сказать, стал его кумиром. Он имел массу интересов. Например, написал ряд производственных повестей (к публикации, правда, их не приняли – улавливали крамолу), был музыкален, слагал стихи по различным поводам и, прежде всего, к дням рождения коллег. Сергей Давидович написал несколько сценариев спектаклей для самодеятельного театра института – «МЭТЛА» (Малый эстрадный театр любителей аплодисментов), в которых сам участвовал.

В Ленинграде 13 марта 1976 года в институте «Гипробум» отмечался 60-летний юбилей нашего коллеги – главного инженера проектов реконструкции и развития Кондопожского и Сегежского ЦБК Бравого Моисея Наумовича. Сергей Давидович был знаком с ним со времен молодости – в один период трудились на Соликамском ЦБК, я же – главный инженер проектов института «Карелпроект», последние лет десять работал в контакте с Моисеем Наумовичем, занимаясь параллельно с институтом «Гипробум» проектами развития и застройки городов Кондопога и Сегежа.

Получив приглашение на юбилей, директор института Антохин Владимир Иванович принял решение направить в «Гипробум» Сергея Давидовича и

меня. К этому событию Сергей Давидович сочинил стихотворное поздравление – значительную поэму, которую должен был зачитать на чествовании юбиляра (текст у меня сохранился). Не пришлось: по дороге в «Гипробум» на юбилей, в ленинградском метро Сергей Давидович Донде скончался... Через два дня – 15 марта – дата рождения Сергея Давидовича, к которой он успел купить в Ленинграде конфеты, чтобы по возвращении в Петрозаводск угостить сотрудников своего отдела...

К вопросу об остроумии Сергея Давидовича... К ноябрьским праздникам 1969 года сдавалось в эксплуатацию здание Дома политического просвещения (сейчас здание Филармонии), запроектированное Карелпроект (архитекторы – Т. Ковалевская и Э. Адалева). Существовала традиция: первое мероприятие в новом здании – торжественная часть и концерт – для строителей и проектировщиков. Торжественная часть затянулась и, естественно, в перерыве у мужского туалета (мужчин-строителей всегда больше, чем женщин) выстроилась огромная очередь. Кто-то из очереди заметил: «Проектировщики предусмотрели недостаточное количество туалетов», на что Сергей Давидович тут же громогласно среагировал: «Туалеты запроектированы по нормативам, х... развелось много!» Комментарии излишни!

Как утверждали Л. М. Шустера

Карелия, в плане национализма и экстремизма, всегда считалась республикой достаточно спокойной. Антисемитизм, как бытовой, так и на государственном уровне, почти не проявлялся.

Событие, о котором мне рассказали, происходило в 1971 году. В тресте «Сегежстрой» намечалось назначение нового управляющего – Шустера Леонида Михайловича, прошедшего все ступеньки роста в этом тресте. Казалось бы, что за проблема, при наличии вышестоящей строительной организации «Главсезвзапстрой», которая и выдвинула эту кандидатуру. Однако, требовалось согласие Карельского обкома КПСС – номенклатурные должности всегда согласовывались с партийными органами.

Строительную отрасль курировал второй секретарь Обкома партии Василий Васильевич Чупий. Когда ему была представлена на согласование кандидатура Шустера, секретарь спросил: «Что, мы собираемся превратить строительную отрасль в синагогу?»

Анализируя причину такого вопроса, «перебираю» в памяти фамилии представителей «некоренной

национальности» среди руководителей (первого-второго уровней) в строительном комплексе республики на тот период: Зайденберг, Донде, Бергер, Фарбер, Фрейдин, Менькович, Жадановский, Фактор... Действительно, вопрос мог возникнуть!

Леонид Михайлович Шустер все же был утвержден управляющим трестом «Сегежстрой», и стал сильным руководителем. Через несколько лет он был переведен в Петрозаводск (номенклатура, однако!). В 1982 году после объединения «Промстройтреста» и «Жилстройтреста» возглавил трест «Петрозаводскстрой». К сожалению, Леонид Михайлович рано ушел из жизни.

Когда я недавно напомнил историю с утверждением Л.М. Шустера одному из осведомленных евреев-пенсионеров строительного комплекса, то услышал от него, что Василий Васильевич был лоялен по отношению к евреям. Если это так, то его замечание о синагоге следует, видимо, отнести к проявлению своеобразного юмора.

От атеизма к национальным традициям

До начала 90-х годов XX века я никак не был связан с еврейскими национальными обычаями и традициями, историей и религией своего народа. Живя в Ленинграде, учась в школе, в институте, а затем, уже

работая в Петрозаводске, мое внимание никогда не акцентировалось на национальности друзей, товарищей, коллег по учебе и работе. В то же время, я знал кто я по национальности, родители иногда говорили

между собой на языке идиш и я кое-что понимал. Я знал, что людей нашей национальности не любят (и больше, чем не любят), но не представлял и не понимал почему и отчего, видимо потому, что не знал истории еврейского народа. Моя жизнь прошла, как у большинства моих сверстников: пионерия, комсомол, интернационализм, правда, членом партии никогда не был (об этом имеется отдельный сюжет).

В начале 1991 года узнал, что в Петрозаводске создано и зарегистрировано в Исполкоме горсовета Общество еврейской культуры «Шалом». А уже 9 сентября (1-го тишрея 5752 года от сотворения мира по еврейскому календарю) состоялся первый городской еврейский праздник Рош ха-Шана (еврейский Новый год), проходивший в здании Финского театра. Зал был полон, многие сидели на ступеньках амфитеатра. С этого момента я понял, что в городе не так уж мало евреев.

Активистами Общества проводилась большая разноплановая работа по формированию общины. Моего участия в работе Общества на том этапе практически не было. Посещал праздничные встречи, откликнулся на приглашение приобрести мацу на Песах, либо продуктовый набор к какому-либо празднику. Помню, что первое арендованное обществом «Шалом» помещение было в доме по ул. Лисицыной, 30-а.

В Питере к началу 90-х годов уже существовал городской благотворительный фонд «Хэсэд Авраам». Постепенно он превратился в Центр не только для Северо-Запада, но и для стран СНГ. «Отцом» Хэсэдов СНГ стал Изя Сабаг – марокканский еврей, направленный ДЖОЙНТом поначалу в качестве волонтера на Украину, затем, благодаря удивительным способностям, оказавшийся в Петербурге.

В структуре «Хэсэда Авраам» трудился мой зять – муж сестры, Исаак Азриель. Вышедшего в отставку инженера-подполковника (строителя) кто-то уговорил стать главным инженером цеха (позднее превратился в завод) по изготовлению вспомогательного оборудования для инвалидов и пожилых людей (ходунки, костыли и т.п.). Его, как строителя, Изя Сабаг часто приглашал с собой в командировки, когда нужно было изучать и принимать решения по приобретению (или аренде) помещения для создания в очередном городе нового Хэсэда.

В 1997 году в Центре возник вопрос об образовании Хэсэда в Петрозаводске. Для его размещения Министерство культуры Карелии сдало во временную аренду часть помещения Краеведческого музея, ждущего капремонта, в торце исторического здания на площади Ленина (Круглой площади). Помещение требовало проведения ремонта с перепланировкой и необходимого обустройства. Мой зять подсказал в «Хэсэде Авраам», что в Петрозаводске работает его родственник – строитель, в результате чего, Дмитрий Цвибель, как заместитель председателя общества «Шалом» и директор-организатор Хэсэда в Петрозаводске, обратился ко мне, и я оказал определенную помощь в работе с подрядчиком по подготовке помещения.

С появлением в Петрозаводске «Хэсэда Агамим» (что-то вроде «Благотворительность на озерах») я и Елена (супруга) стали чаще общаться с членами общины и, прежде всего, по пятницам – на Шабатах, а также на других мероприятиях, проводимых Хэсэдом. Однажды, после беседы, проведенной в Центре национальных культур, Дмитрий Цвибель, председатель еврейской религиозной общины, обратился к присутствующим с просьбой поддержать посещение Синагогу. Прежде всего, он обратился к мужчинам. Уже потом я узнал, что для проведения любого религиозного обряда (молитвы и др.) необходимо не менее 10 мужчин-евреев. Решил «поддержать». Выяснил, что собираются в синагоге по Субботам в 10 часов утра в подвале жилого дома – единственном помещении на сегодняшний день, в котором размещаются все еврейские организации.

(Здесь уместно отметить, что в 2007 году, используя ряд подручных печатных источников, я начал составлять для собственного воспитания и самообразования «Краткую хронологию событий в истории еврейского народа».)

С первого же посещения синагоги (ноябрь 2008 г.) понял, что мне это очень интересно. Во-первых, это помогло пополнить и уточнить мою «Хронологию», дало возможность ознакомиться с молитвами и Свитком Торы, с религиозными обычаями и традициями. Кроме того, познакомился в синагоге со многими известными и интересными людьми. С некоторыми из них стал даже «перекидываться» отдельными фразами на идиш (фразы и слова стали «всплывать» из времени жизни в Ленинграде с родителями более 50 лет назад).

Самым неожиданным было то, что в синагоге и.о. раввина (ребё) оказался Ефим Львович (Лейбович) Левин, с которым, как инженером-электриком, я познакомился еще в 1960-61 годах в проектной конторе «Совнархозпроект» в работе над совместными проектами. Оказалось, что он был единственным членом общины, знавшим хорошо древнееврейский язык (учил его в детстве в хедере) и большим знатоком халахи – свода религиозных законов. К великому сожалению пообщаться с ним после моего прихода в синагогу удалось только по телефону: после тяжелой болезни Ефим Лейбович ушел из жизни в мае 2009 г. на 93 году жизни. А в июле не стало и бессменного председателя общества «Шалом» Александра Львовича Модылевского... С огромной горечью нужно отметить, что уже все чаще и чаще уходят от нас ветераны-евреи.

В память о них и для поддержки общины решил для себя регулярно посещать синагогу и участвовать в ее мероприятиях. Именно здесь понимаешь слова: «Все евреи ответственны друг за друга» – ведь если не соберется миньян (десять мужчин), то некоторые молитвы нельзя читать, в том числе и в память об ушедших.

Родных сожгли в Велиже

Интернет помог мне восстановить примерный ход событий того, что произошло с евреями, в том числе с моими ближайшими родственниками по фамилии Хорош в городе Велиже Смоленской области с приходом туда немецких фашистов в 1941 году.

Велиж, родина моих родителей и многих родственников, находится на Западной Двине, в 134-х километрах от Смоленска и 87-ти километрах от Витебска. В летописях Велиж упоминается с конца XIV века. А в 1823 году внимание мировой общественности было проявлено к «Велижскому делу» – судебному процессу, в котором группу местных наиболее зажиточных и известных евреев обвинили в убийстве мальчика Федора в ритуальных целях. Несмотря на незаконные методы следствия и давление реакционных кругов, обвиняемых через 12 лет (столько длился процесс) оправдали, а лжесвидетелей сослали в Сибирь. «Велижское дело» даже нашло отражение в Советском Энциклопедическом словаре.

В XIX веке в Велиже насчитывалось 11 церквей, 8 синагог и 1 костел.

Численность населения города: 1926 год – 10,5 тысяч человек, перед войной проживало 18 тысяч, в 1959 г. – 7,9 тысяч, по переписи 2002 года – 8,3 тысяч человек. По информации из Интернета, перед войной в Велиже «не менее половины населения – евреи», т.е. можно предположить, что евреев было 8-10 тысяч человек.

В 1945 году, после окончания войны, у нас в ленинградской коммунальной квартире по 7-ой Советской улице появился демобилизованный дядя Борис – родной брат моего отца. На какое-то время он поселился у нас. Из разговоров родителей с дядей Борей мне стало ясно, что когда он был призван в Красную Армию, семья его (жена и две дочери) осталась в оккупированном Велиже и погибла.

Велиж был оккупирован уже 13 июля 1941г., и немцы стали устанавливать свой порядок. Первое, что они сделали, – расстреляли всех коммунистов. Второе – уже 13 августа начали переселять всех евреев в гетто. Велиж – городок, который находился в черте оседлости. Зачастую еврейские дети до школы русского языка не знали. Школы были и еврейские, и русские. Были улицы, где проживало сплошь еврейское население. Две такие улицы огородили колючей проволокой, поставили охрану и никого оттуда не выпускали. Это и было гетто, в котором была страшная теснота. В доме, где раньше проживала одна семья, помещали 30-40 голодающих человек.

Евреев немцы начали расстреливать практически сразу. Подъезжала к гетто грузовая машина, и забирала молодежь поработать на оборонных работах.

Молодые ребята не роптали, так как сидеть без дела в тесноте гетто было нестерпимо. Их отвозили в лес и предлагали рыть траншею, а потом расстреливали из автоматов. Сначала родственники не беспокоились. Ведь неизвестно, куда и на какой срок их увезли. Уезжали все новые и новые группы. Но тайное всегда становится явным...

Наступила зима 1941-42 годов. Немцы были разбиты под Москвой. Фронт стремительно приближался к Велижу. Ходили слухи, что немцы в кратчайшее время собираются расстрелять всех евреев. Когда 29 января 1942 года части четвертой ударной армии вышли к Велижу, фашисты сожгли в гетто оставшихся 1400 евреев. Можно сделать вывод, что до этой даты были расстреляны около 8,5 тысяч евреев.

До меня ранее доходили слухи, что жену дяди Бориса Бэлу, урожденную Цодикову (рожд. 1903г.) и его дочерей – Раю (рожд. 1927г.) и Любу (рожд. 1932г.) фашисты сожгли в Велиже, но других сведений не было. Теперь же, с помощью данных, полученных от родственников из Израиля, можно с уверенностью утверждать, что так оно и было.

Велиж всегда был небольшим городком (штетл), поэтому вполне естественно, что очень многие горожане друг друга знали, здесь же находили женихов и невест и не удивительно, что так появлялись своего рода семейные кланы. Даже, когда молодежь уже не жила в Велиже, старшее поколение стремилось поддерживать контакты с выходцами из Велижа. Так, моя сестра после войны вышла замуж в Ленинграде за велижанина, к тому же еще троюродного брата. Наличие развитых семейных кланов дает основание предполагать, что в Велиже погибло очень много родственников, так или иначе связанных с фамилией Хорош (линия отца) и Клейнер (линия матери).

Велижан война находила и уничтожала не только в Велиже. Страшная судьба тети Фани, старшей сестры моей матери. Тетя Фаня Клейнер жила с мужем – Соломоном Маневичем и сыном Матвеем (Мотей) в Ленинграде. Во время войны остались в городе. Соломона похоронили в период ленинградской блокады. Фаня с взрослым сыном Матвеем, уже после блокады, решили «оттаять» после перенесенного, направились в Краснодарский край, куда пришли немцы и уничтожили их в 1944 году! Младший брат отца – Иосиф Хорош женился перед самой войной. В Ленинграде в 1942 году появляется на свет его сын Роман. Иосиф, провоевав всю войну, доходит до Берлина, и там погибает. Отец не видел сына, сын – отца!

Мой двоюродный брат Исаак Клейнер (племянник мамы) стал сапером, и подорвался на mine в первый же месяц войны! А его родители немного позднее, в числе упомянутых жертв велижского гетто, были сожжены.

Недавно позвонил из Москвы двоюродный брат и рассказал, что побывал в этом году в Велиже – городе своего детства, и дал дополнительную информацию. Мало было городов во время войны, в которых, как в Велиже, бои велись в черте города более двух лет. Город, освобожденный от гитлеровцев 20 сентября 1943 года, представлял собой руины и пепелище. Осталось около 20 каменных зданий. Синагоги, собор, церкви были разрушены. Население города составляло менее 600 человек, в том числе 32 выживших еврея.

После войны Велиж заселили другие люди – мигранты из разных районов Смоленщины. О былом населении города нынешние жители знают немного, но знают, что городок был цветущим, хорошим «еврейским городком». Память о многочисленных жертвах еврейского гетто отмечена более чем скромными знаками. Велиж – лишь один из многих еврейских городков, исчезнувших в огне Холокоста. Осталась память. «Расскажи сыну своему» – заповедь, обязывающая нас передавать следующим поколениям то, что мы знаем, то, что мы помним. Это и подвигло меня написать данную статью.

Старый Велиж

*Слева направо -
Люба, Рая, Стелла
и Лева Хороши (1936 г.)*

Матвей (Мотя) (1940 г.)

Дядя Борис с женой Бэллой и Раей (1930 г.)

Архитектор Константин Гутин

В 2010 году исполнилось 100 лет со дня рождения архитектора Константина Яковлевича Гутина (1910 – 1976 гг.). Мое знакомство с ним состоялось в 1962 году, когда проектная контора «Совнархозпроект» Карельского Совнархоза была объединена с проектной конторой «Карелпроект» Совмина КАССР, и образовался проектный институт «Карелпроект». Я вошел в бюро главных инженеров проектов института в должности главного инженера проектов, а К. Гутин – в состав отдела генпланов в роли главного архитектора проектов.

Непосредственных пересечений в проектировании у нас не было. Константин Яковлевич разрабатывал генпланы различных населенных пунктов и проекты детальных планировок (ПДП), оставив, как выяснилось потом, объемное проектирование после внедрения в стране типового проектирования. Я же продолжал вести комплексное проектирование двух городов в Карелии и одного (Коряжма) – в Архангельской области.

Константин Яковлевич обладал скромной внешностью: невысокий рост, круглолицый, короткая стрижка. Обыватели, видимо, представляют архитекторов совсем иными. Мои родители были выходцами примерно из тех же местечек, что и Гутин, поэтому по внешнему облику К. Гутин напоминал мне любого из евреев-ремесленников тех времен – портного, скорняка, сапожника. А вот историк Николай Кутьков в заметке, посвященной К. Я. Гутину, написал: «...а с фотографии смотрит простоватое лицо провинциального бухгалтера, ничего героического». Это близко к моему впечатлению.

Разговаривал Константин Яковлевич очень тихо и также тихо смеялся, скорее – хихикал, когда слышал что-либо смешное, например, анекдот. Проектировщики очень тепло к нему относились и, в его отсутствие, называли его «наш Гутинька». Обеденный перерыв Константин Яковлевич никогда не посвящал еде: этот час он использовал для уличных прогулок (позднее я понял, что этим, видимо, укреплял свое не самое здоровое сердце). Ушел он из жизни в 66 лет неожиданно, скоропостижно: вернулся с работы домой, решил протопить на ночь печи (жил с семьей в собственном брусчатом доме, построенном по своему проекту), принес дрова, нагнулся к топке печи и... Сердце!

Так уж, к сожалению, случается в жизни, что, общаясь с человеком, не будучи его другом или товарищем, мало знаешь о нем – о его бытовой жизни и даже о его профессиональной деятельности. Первым моим знакомством с архитектурным творчеством К. Гутина было знакомство с гостиницей «Северная» в первой половине 1955 года после выбора города Петрозаводска на распределении при окончании ЛИСИ. Кто-то из студентов преподнес мне журнал «Огонек», на обложке которого (во весь лист) красовалась фотография с надписью: «Гостиница «Северная», город

Петрозаводск». А во второй половине того же года, приехав в Петрозаводск работать, был поселен на три месяца в 4-х местный (!) номер этой же гостиницы, с постоянно меняющимися соседями (не был достроен жилой дом, в котором предстояло получить комнату).

До настоящего времени гостиница «Северная» (ее архитектурный образ, запечатленный на открытках, буклетах и т.д.) является визитной карточкой города Петрозаводска.

Так что с первым из объектов К. Гутина знакомство уже состоялось, а с автором-архитектором – через семь лет. О жизни Константина Яковлевича и обо всех объектах-зданиях, построенных по его проектам, узнавал постепенно в последующие годы.

Константин Яковлевич (Куша Янкелевич) Гутин родился 31 марта 1910 года в одном из местечек Белоруссии в еврейской семье, в которой отец был учителем. Евреи царской России, испытывавшие длительное время различные унижения, ограничения и проживавшие в черте оседлости, стремились дать своим детям достойное образование. Так было и с Константином Гутиным, которого родители отправили учиться на архитектора. В 1936 году он окончил Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ). Получил специальность архитектора. С этого же года, видимо по распределению, стал работать в Петрозаводске – в проектной конторе Наркомхоза Карельской АССР.

В числе проектов зданий, выполненных в довоенный период и не дошедших до нашего времени, следует отметить реконструкцию здания на Онежской набережной, занимаемого в прошлом губернской земской управой, под первый Дворец пионеров – Дворец детей, как его часто называли (1936-37 гг.). Бывшие пионеры отмечают, что интерьер здания был выполнен с большим архитектурно-художественным вкусом. К сожалению, Дворец был разрушен во время войны (1941 г.).

С началом Великой Отечественной войны К. Гутин становится командиром батальона оборонно-строительного полевого управления. Инженерные знания архитектора оказались востребованы в новых условиях. Однако, в начале 1942, Гутин отозвали с фронта, чтобы он возглавил проектную ор-

ганизацию, работавшую в эвакуации в Беломорске, куда переместилась столица Карелии на два с лишним года, до освобождения Петрозаводска.

Перед войной в Петрозаводске работали 11 архитекторов, По инициативе троих, в том числе и Гутина, был создан Союз архитекторов Карелии. Гутин вошел в состав первого правления Союза.

Не имея в виду анализировать архитектурные достоинства (или недостатки) зданий, построенных по проектам К. Гутина (это успешно делают профессионалы-архитекторы, в частности, Елена Ициксон), попробую перечислить только основные известные осуществленные проекты К.Я. Гутина:

- Поликлиника НКВД (МВД) по ул. Кирова – 1937-38 гг.;
- Жилой дом НКВД, угол улиц Дзержинского и К. Маркса – 1937-1938 гг.;
- Жилой дом пограничников, пр. Ленина, 12 – 1939 г.;
- Реконструкция здания финансово-экономического техникума под здание правительства – 1940 г.;
- Реконструкция здания бывшей гимназии под Дом политпросвещения по ул. Куйбышева, 4 – 1945-47 гг.;
- Реконструкция гостиницы «Северная», разрушенной в войну (была построена в 1939 году по проекту арх. Ю. Русанова) – 1948 г.;
- Архитектурно-строительный техникум по ул. Энгельса – 1946-1952 гг.;
- Здание Обкома КПСС (совместно с арх. Ф.Рехмуковым) – построено в 1952 г.;

– Национальная библиотека по ул. Пушкинской (Гутин – победитель во всесоюзном конкурсе – 1945 г.) – построена в 1959 г.

Хочу привести цитату из статьи архитектора Елены Ициксон, посвященной творчеству архитектора Гутина, где она пишет о гостинице «Северная»:

«Визитной карточкой и Петрозаводска, и архитектора стала гостиница «Северная», реконструированная К. Гутиным в 1948 году. Изображение ее растиражировано в многочисленных изданиях, касающихся нашего города, – исторических, краеведческих, рекламных, туристических путеводителях, фотоальбомах, буклетах и на отдельных открытках. Сейчас ее знают все. Однако та, в первоначальном своем виде гостиница «Северная», построенная в 1939 году по проекту архитектора Юрия Русанова и почти полностью разрушенная во время войны, ничем не напоминает нынешнюю. Архитектурный образ, созданный Гутиным в неоклассическом стиле, отличается праздничностью и духом победного триумфа, напоминающего атмосферу послевоенного восстановления, несмотря на все тяжелые последствия военных лет».

Вышедшее в 1955 году Постановление ЦК КПСС «Об устранении излишеств в строительстве и проектировании» предусматривало полный запрет на архитектурную детализацию и использование элементов классического наследия. И сразу после этого в строительстве пришло типовое проектирование. Все это практически вывело архитекторов из активного участия в сфере строительства. К этому времени за плечами у К. Гутина было уже почти 20 лет интенсив-

ной плодотворной работы. Его здания в Петрозаводске украсили центр города, но 1955 год стал переломным и в его творческой судьбе.

В запроектированные им в предшествующие 2-3 года объекты, начатые строительством, сам Гутин отказался вносить изменения в части снятия «излишеств», это уже делали без него. Он же не подписывал эти чертежи, как автор, и не включил эти объекты в свой перечень авторских работ. Видимо, в этот период, не признавая вошедшее в практику типовое

проектирование, К. Гутин переходит на планировочные работы, которые всегда сохраняют свою индивидуальность.

Сопоставляя количество объектов, построенных по проектам К. Гутина – только основных зданий, построенных по его проектам – десять, с работами других архитекторов, можно утверждать, что Константин Яковлевич Гутин – один из самых плодотворных и заметных архитекторов Карелии.

Дом Правительства

Дом НКВД

Публичная Библиотека

Дирижер Юрий Аранович (К 80-летию со дня рождения)

Вскоре после того, как я приехал в Петрозаводск по окончании ЛИСИ в 1955 году, благодаря помощи секретаря горкома партии Прокуева Анатолия Ивановича был создан Клуб молодых специалистов (базировался в здании бывшего Дворца пионеров, ныне – Дворец бракосочетания). Он объединил молодых специалистов разных специальностей, как приехавших из других городов, так и местных выпускников. Туда заглядывал и молодой дирижер симфонического оркестра Карельского радио Юрий Аранович, с которым потом мы при встречах здоровались, но не более. Знакомые музыканты, которые играли не только в симфоническом оркестре, но и подрабатывали в других местах, говорили об Арановиче, что он очень интересный и своеобразный музыкант. Я помню, что он был невысокого роста, изящный, очень подвижный и эмоциональный. Манера дирижирования у него была очень необычной – он высоко поднимал руки и этим напоминал взлетающего орла (это отмечал позднее и музыковед Сергей Яковенко).

Пробыл Аранович в Петрозаводске недолго, уехал в 1956 или 1957 году (сведения разнятся). Почему уехал мне не известно. Возможно, маловат был для него оркестр, либо слабоваты были музыканты. Для меня его след затем затерялся.

Дальнейшая информация получена из Интернета – из текстовых материалов, а также из воспоминаний певца и музыковеда Сергея Яковенко, который дружил с Арановичем и длительное время работал с ним на радио.

Родился Юрий Аранович в Ленинграде в 1932 году. В четырехлетнем возрасте остался без отца – репрессировали. Пережил ленинградскую блокаду, учился в музыкальной школе по классу скрипки, затем в Ленинградской консерватории. Его наставниками были Курт Зандерлинг и Натан Рахлин.

В Петрозаводск Аранович появился по окончании консерватории в 1954 году, видимо, по направлению, как было принято в то время. После недолгого пребывания у нас и совсем недолгого в Саратове, оказался в Ярославле – возглавил Ярославский симфонический оркестр, с которым проработал с 1957 по 1964 год. В этот период Ярославский симфонический оркестр стал очень популярным в стране благодаря молодому дирижеру Арановичу. В Ярославль с большим удовольствием выезжали на гастроли видные музыканты-исполнители, такие как Гилельс, Растропович и другие.

На Юрия Арановича в период его работы в Ярославле обратили внимание композиторы Хренников и Шостакович. По их рекомендации он был назначен в 1964 году руководителем и главным дирижером симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения – одним из ведущих в Советском Союзе. Рассказывают, что слышали от самого Арановича, как Тихон Хренников, рекомендуя Арановича коллегии Гостелерадио, зная об антисемитизме некоторых ее членов и, прежде всего, Председателя комитета Гостелерадио Лапина, произнес: «Аранович – дирижер блистательный, фамилия его, правда, может пока-

заться не очень благозвучной, но знаете, будучи повторяемой в эфире часто – «Юрий Аранович, Юрий Аранович» – она очень скоро делается привычной ушам массового слушателя».

Период 1964-71 годы были исключительно плодотворным, как для Арановича, так и для оркестра Всесоюзного радио и телевидения. Одних только опер было исполнено и записано – 26 (!), не считая симфонической музыки.

Талантливый, но сложный и гордый человек, Аранович умел наживать врагов. К примеру, он мог отменить концерт, если ему не понравилась афиша. В то же время, был добр и отзывчив: не дослушать вопрос «Не могли бы Вы...» тут же отвечал «Да» – чего бы это ни касалось.

В 1971 году, будучи «невъездным», считая, что недооценен в СССР, Аранович подал документы на выезд в Израиль.

Сергей Яковенко вспоминает, как проходил его отъезд.

Шла запись оперы М. Копытмана «Касса маре». К дирижеру оркестра Юрию Арановичу подошел секретарь главного редактора Всесоюзного радио и что-то шепнул ему на ухо. Аранович тут же положил дирижерскую палочку и вышел. Потом выяснилось, что там ему был задан вопрос – действительно ли подал документы на отъезд в Израиль? Аранович подтвердил, и после этого ему заявили, что он не может быть допущен к дирижерскому пульту. Аранович тут же покинул студию звукозаписи, не подойдя к оркестру.

Юрий Аранович был членом компартии, в связи с чем, ему через день-два нужно было зайти в партбюро – возможно, сняться с учета, а там предположили, что он пришел покаяться. Аранович же написал заявление, в котором указал, что уезжает в Израиль для воссоединения с семьей (двоюродным дядюшкой) и «заверяет высокоуважаемое партийное бюро в том, что и за рубежом будет верен принципам свободы, братства, равенства и счастья людей» (можно представить возмущение партбюро!).

Сергей Яковенко, заехав к Арановичу домой после этих событий, ожидал увидеть растерянного, расстроенного человека, а увидел бодрого и жизнерадостного.

Как-то перед отъездом, когда Аранович пошел погулять с собачкой, его жестоко избили. Несмотря на 40-летний возраст, он не был женат, ухаживать за ним было некому. Коллегам делать это было небезопасно, однако скрипачки оркестра, сменяя друг друга, несколько дней приводили бывшего дирижера в порядок. В 1972 году, оправившись после нападения, Юрий Аранович улетел в Израиль и поселился в Иерусалиме. А на Всесоюзном радио все записи, сделанные оркестром под руководством Арановича, были запрещены к использованию на радио и телевидении, а затем размагничены (стерты).

В первые же дни пребывания в Израиле, Аранович встретил на улице израильскую девушку в военной форме с автоматом, которая ему очень понравилась. Попытка познакомиться с ней не увенчалась успехом. А через несколько дней, в гостях у своего знакомого, вновь встречает ее, предлагает стать его женой и получает согласие Талли (так зовут ее). Он усиленно изучает иврит, она, ради него, – русский. Прожили счастливо около тридцати лет – до его ухода из жизни...

Уже в январе 1973 г. Юрий Аранович с успехом выступил с Израильским филармоническим оркестром, впоследствии неоднократно дирижировал симфоническими оркестрами Хайфы и Ришон-ле-Циона; некоторое время был вторым дирижером Иерусалимского симфонического оркестра радио и телевидения, исполнив и записав с этим коллективом ряд музыкальных произведений, в том числе сочинения израильских композиторов. И опять неудовлетворенность. Если в Советском Союзе Аранович был «невъездным» дирижером (единственный раз гастролировал в ГДР в 1966 г.), то в Израиле не получил возможности стать руководителем какого-либо оркестра. В 1975 г. он стал главным дирижером и художественным руководителем «Гюрцених-оркестра» в Кельне (Западная Германия), пробыв в этой должности до 1986 г., а в 1982–1987 годах – главным дирижером Королевского симфонического оркестра Стокгольмской филармонии (был избран пожизненным членом этого оркестра). Аранович с успехом выступал, сделал ряд звукозаписей с лучшими оркестрами Европы, США и Японии, в том числе с Парижским, Лондонским и Венским симфоническими оркестрами. Кроме того, Аранович проявил себя как незаурядный оперный дирижер. Его дебют состоялся в 1974 г. в лондонском театре «Ковент-гарден» постановкой оперы Мусоргского «Борис Годунов». Впоследствии Аранович работал во многих оперных театрах мира. Несколько раз он участвовал в оперном фестивале «Арена ди Верона». Итальянская музыкальная критика присудила ему премию за лучшую интерпрета-

цию опер Пуччини. В 1984 г. Аранович стал членом Шведской королевской академии музыки; в 1985 первым из иностранных дирижеров был награжден рыцарским орденом Полярной звезды «за выдающийся вклад в музыкальную жизнь Швеции». Благодаря Арановичу было возобновлено исполнение некоторых незаслуженно забытых музыкальных сочинений («Орлеанская дева» Чайковского в Шведской королевской опере, «Царица Савская» Гольдмарка в оперном театре Турина) и другие. Он ввел в репертуар многих западноевропейских коллективов произведения израильских композиторов. В последние годы жизни Аранович успешно занимался педагогической работой, проводя дирижерские мастер-классы в ряде европейских музыкальных академий, в том числе в академии в Сиене (Италия) – одном из ведущих музыкальных заведений, воспитывающих дирижеров.

В 1982 г. в Израиле Аранович провел серию концертов с Иерусалимским симфоническим оркестром и с тех пор регулярно выступал с этим коллективом, а также с другими израильскими оркестрами. Все сборы от своих выступлений в Израиле Аранович передавал в фонды этих оркестров. В 1984 г. на концерте в День Независимости Израиля Аранович впервые дирижировал исполнением симфонии № 6 ля-минор ор. 79 Мечислава (Моисея) Вайнберга, написанной для хора мальчиков и симфонического оркестра в 1962–1963 годах. Созданная одновременно с Тринадцатой симфонией Дмитрия Шостаковича (при постоянной общении двух композиторов), симфония Вайнберга перекликается с ней темами войны, страданий, трагической судьбы еврейского народа. Последний раз Аранович выступил в Израиле с Иерусалимским симфоническим оркестром в 2000 г. на концерте, посвященном Дню Независимости. Юрий Аранович стал лауреатом премии имени Розы Эттингер, присужденной за вклад в музыкальную жизнь Израиля.

Живя в Израиле, Юрий Аранович опубликовал статью о композиторе Рихарде Вагнере. Очень важно, что именно музыкант такого масштаба, как Аранович, еврей, глубоко вник в полный объем творчества Вагнера, включая даже его переписку с супругой, сопоставляя тексты и музыку, и пришел к выводу, что музыка Вагнера не менее страшна, чем его слова и тексты. Она подтверждает и укрепляет уверенность в том, что Вагнер – озверелый нацист и антисемит, опередивший Гитлера в формулировании программы «окончательного решения еврейского вопроса».

Музыку Вагнера перестали играть в тогдашней Палестине еще в 1938 году. Было это после «хрустальной ночи» в Германии, когда создатель Палестинского филармонического оркестра, знаменитый скрипач Бронислав Губерман, вернувшийся из Германии, заявил, что Вагнера играть не будет, объяснив, что Вагнер – это символ нацизма.

И все же, в Израиле предпринимаются попытки исполнить произведения Рихарда Вагнера. В 1981

году, когда знаменитый Зубин Мета объявил о своем желании исполнить Вагнера, израильская общественность ответила грандиозным скандалом. Попытка была повторена спустя десять лет израильским дирижером и пианистом Даниэлем Баренбоймом, и реакция была такой же. В 2001 году Баренбойм все же исполнил фрагмент из музыки Вагнера с Берлинским филармоническим оркестром на фестивале в

Иерусалиме. Это не изменило отношения к Вагнеру и его музыке в Израиле – Вагнер в глазах израильтян остается символом нацистской Германии, и игнорирование его музыки в сознании многих израильтян стало нерукотворным памятником шести миллионам евреев, погибших во время Холокоста. И в этом значительная роль принадлежит Юрию Арановичу.

С Владимиром Ашкенази

По следам презентации книги

6 марта 2012 года в Национальном музее Республики Карелия состоялась презентация книги на русском языке «Тайны партизанской Торы» (теологический детектив), написанной бывшим немецким протестантским пастором Данквартом-Паулем Целлером, родившимся в 1924 году в немецком городе Тюбингене. В декабре 2010 года Пауль Целлер в возрасте 86 лет ушел из жизни, не дождавшись перевода своей книги на русский язык.

Автор книги с 1942 года по 1945 воевал против советских солдат, а с 1945 по 1949 год находился в русском плену. Вернувшись в Германию, изучал теологию в университете, служил викарием, затем пастором в разных городах Западной Германии.

В книге рассказывается история Свитка Торы, которая начинается в Венеции в семнадцатом веке, проходит через Хорватию времен Второй мировой войны и заканчивается в наши дни в Тюбингене и Петрозаводске. Книга автобиографична. Автор Данкварт-Пауль Целлер – пастор в четырнадцатом поколении, один из инициаторов побратимских связей между Тюбингеном и Петрозаводском. В 1938 году он, четырнадцатилетний мальчик, становится очевидцем поджога синагоги в одном из районов Штутгарта, видит унижения, которым подвергают местных евреев. В 1941 он присутствует при аресте двух евреев в пансионе его родителей, а в 1943 году наблюдает в Кракове медленно ползущий мимо товарной станции депортационный поезд, набитый людьми, еще не знающими, что через тридцать километров состав закончит свой путь в Освенциме.

Десятилетия критических размышлений привели протестантского священника к выводу, что уничтожение евреев фашистами не было исторической случайностью. Оно было духовно подготовлено антииудаизмом, который столетиями пестовала христианская Церковь. Таким образом, вину за преступления против евреев нельзя сваливать только на нацистов. Физическое истребление, за которым христиане наблюдали со стороны, было давно уже подготовлено теологически.

Эта книга и о судьбе петрозаводчанина, прошедшего ад немецких концлагерей, затем – основателя Музея памяти жертв фашизма в Петрозаводске, чье единственное имя автор оставил в книге без изменения. Его имя – Вадим Мизко. Книга также об истории дарования христианами Тюбингена Свитка Торы евреям Петрозаводска, что позволило им стать полноценной общиной.

Чтение книги привело меня к воспоминаниям...

В начале 70-х годов прошлого столетия меня познакомили с неким Вадимом Мизко – художником-дизайнером отдела промышленной эстетики БОПа. Жил он с женой и двумя сыновьями на улице Красной, в одноэтажном бревенчатом доме с неболь-

шим земельным участком, который занимали, в основном, два сарая. Аналогичными домами была застроена остальная часть улицы Красной – на участке от улицы Комсомольской (сейчас – им. Андропова) до улицы Энгельса. Эти дома были снесены в связи со строительством Дворца пионеров в 1980-85 годах.

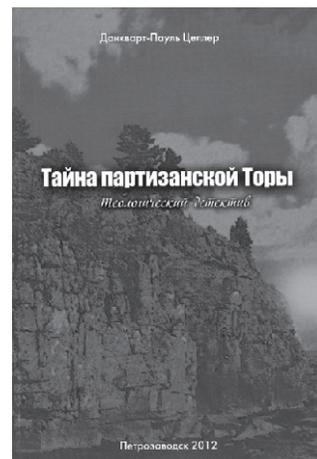
В начале 1974 года, когда я приобрел автомашину ВАЗ, а гаража не было, мой приятель предложил обратиться к Вадиму Мизко (у него уже был красный «Жигуленок»), с просьбой поставить машину на его участке. Вадим тут же откликнулся и даже предложил для нее свободный сарай. С этих пор мы с Вадимом стали общаться, я бывал у него дома, он у меня. Не скрою, бывало, вместе «брали по рюмочке», совмещая с различными беседами. Несколько раз вместе выезжали на рыбалку. Не могу не вспомнить еще одного «члена семьи» Вадима – огромного дога по имени Ярд (домашние называли его Яшкой). Яшка хорошо запомнился мне тем, что в первые же дни появления моей машины на участке, он прыгнул на ее капот... и оставил когтями хорошие следы на полированной поверхности.

Вадим был доброжелательным, непосредственным, отзывчивым и обязательным человеком. И к нему, соответственно, нельзя было относиться иначе. Вспоминаю, когда я уже приобрел гараж и не держал машину на участке его дома, в какое-то воскресное утро звонит мне по телефону Вадим и просит выручить: он с двумя приятелями «хорошо провели время» с субботы на воскресенье в Косалме, и просит вывести их оттуда. У меня не было ни минуты колебаний. Тут же бросил все дела, добрался до гаража (на противоположной конце города), поехал и вывез их – Вадиму нельзя было отказать ни в чем.

Вадим Мизко никогда не рассказывал о своем прошлом. Через много лет я узнал, что он был узником немецких концлагерей, и понял, что вспоминать о прошлом ему было тогда трудно, больно, да и опасно.

Возвращаюсь к книге.

1989 год. Активисты города Тюбинген, в числе

которых был и Пауль Целлер, выбрали Петрозаводск в качестве будущего города-побратима. Пауль Целлер, находясь в Петрозаводске, поинтересовался, есть ли в Петрозаводске бывшие узники нацистских лагерей, и его познакомили с Вадимом Мизко, который к тому времени уже возглавлял региональный Союз малолетних узников концлагерей в Германии. Это знакомство привело к их большой многолетней дружбе, пониманию того, что должно наступить примирение и взаимное прощение двух народов. Дружба дала серьезные и ощутимые результаты. С помощью немецкой молодежи позднее было благоустроено захоронение военнопленных немецких солдат в Петрозаводске; при помощи Пауля Целлера был собран в Германии ценнейший материал, давший возможность Вадиму Мизко создать Музей памяти жертв фашизма, который в наше время, сохраняя память о страшном историческом прошлом, призван воспитывать солидарность, миролюбие, человечность и толерантность.

В тот же период, когда Пауль Целлер познакомился с Вадимом Мизко, он поинтересовался наличием в Петрозаводске евреев, их количеством, как организована их жизнь, есть ли в городе синагога. Целлера познакомили с Дмитрием Цвибелем, Александром и Ириной Зайденберг – активистами общества «Шалом». Они объяснили Паулю Целлеру, что синагоги в городе нет, и нет потому, что нет денег на приобретение Свитка Торы. Пауль Целлер, не представляя еще масштаба проблемы, пообещал Свиток Торы для Петрозаводска достать.

Организация сбора денег в Германии, поиски возможного для приобретения экземпляра Свитка Торы – и в итоге наступил момент (18 июля 1996 года), когда в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга Свиток Торы был торжественно передан евреям Петрозаводска.

И вновь о Вадиме Мизко, о том, чего я не знал многие годы.

Родился Вадим 19 сентября 1926 года на Украине в Полтавской губернии. Ему было 16 лет, когда пришли фашисты в городок Глухов, где тогда он жил с родителями. В первый же месяц оккупации отца расстреляли в присутствии его и матери, обвинив в связи с партизанами. Вадима фашисты забрали и увезли в Германию, матери он никогда больше не видел. Так начались его скитания по концлагерям Гросс-Розен, Дора, Бухенвальд и Заксенхаузен.

Чудом выживший, он дал себе клятву донести до многих-многих людей ужас фашистского «механизма» уничтожения людей. Создание Союза малолетних узников концлагерей и Музея памяти жертв фашизма имени Максимилиана Кольбе (католического польского священника, добровольно пошедшего в газовую камеру вместо незнакомого ему человека, отца семейства) – доказательство того, что Вадим Мизко осуществил свою клятву. Имя Максимилиана Кольбе дано Вадимом Музеем не случайно. Дело в том, что в лагере Заксенхаузен из барака, в котором размещался Вадим, трое заключенных совершили побег. Руководство лагеря заявило, что если они не вернуться, то каждый десятый заключенный барака будет расстрелян. При расчете Вадим оказался десятым, но шарфюрер СС посмотрел ему в глаза и, пожалев мальчишку, взял одиннадцатого – близкого Вадиму старшего товарища. Вадим Мизко всю жизнь пытался искупить «вину» за то, что его товарищ был казнен вместо него.

Как уже было сказано, Пауль Целлер оказал помощь в создании синагоги в Петрозаводске и создании Музея памяти жертв фашизма. Петрозаводская еврейская община на базе музея создала Информационный Центр по Холокосту, Антисемитизму, Ксе-

нофобии (ИЦХАК). Там проводятся совместные с Музеем мероприятия по ознакомлению молодежи с историей, с ужасами, принесенными нацистами на нашу землю, воспитанию толерантности.

Не могу не вспомнить еще об одном упомянутом герое книги.

Когда я начал посещать синагогу в 2008 году, с удивлением узнал о том, что мой бывший коллега по институту «Карелпроект», главный специалист-электрик Левин Ефим Львович (Лейбович) является в синагоге главным знатоком Торы и иврита, на котором и читал молитвы и Тору. Оказывается, он в детстве учился в хедере (еврейской начальной школе) и память многое сохранила. В петрозаводской религиозной общине он считался раввином. Ефим Левин был знаком с Паулем Целлером с первых его контактов с еврейской общиной. К сожалению, к моему приходу в синагогу Ефим Лейбович был уже тяжело болен, и на службах не появлялся. Мне удалось несколько раз пообщаться с ним по телефону. Поначалу он был несколько удивлен моему появлению в синагоге, но потом я почувствовал его одобрение и удовлетворение. К сожалению, вскоре Ефим Лейбович скончался на 93-м году жизни.

В последние годы контакты с Вадимом сводились к случайным встречам на улице, и это объяснимо – взаимная занятость работой, семьей, да и возраст. Однако, при встречах, он по-прежнему был искренен, доброжелателен и по-прежнему называл меня Левочкой. Теперь уже рассказывал о своей работе в Союзе малолетних узников концлагерей и организации Музея, частых поездках в Германию. Вместе с Верой Александровной (второй женой Вадима) неоднократно приглашали меня с супругой на дачу.

Проходит время. Узнаю, что у Вадима Мизко появился заместитель по Союзу малолетних узников – Бордановский Владимир Леонтьевич, мой коллега – строитель, с которым проработали в тесном

контакте более двадцати лет. Он руководил УКСом администрации города Петрозаводска, я был заместителем директора института «Карелпроект» – основного проектировщика комплексной застройки жилых районов и отдельных объектов города. О том, что Бордановский в 3-4-х летнем возрасте попал под оккупацию фашистов на родине – в Белоруссии, я знал ранее.

В 2005 году стало известно, что Вадим Николаевич Мизко серьезно болен. Во второй половине года, посоветовавшись, я позвонил по телефону перенесшему операцию Вадиму. Он довольно бодро и обрадовано (так мне показалось) поприветствовал меня и выпьем по рюмке за здоровье. Не довелось – 1 февраля 2006 года, после второй операции, Вадима Николаевича Мизко, основателя Музея памяти жертв фашизма, не стало.

Накануне второй операции журналист Николай Кутыков имел беседу с Вадимом Мизко в больничной палате. Фрагменты этой беседы были опубликованы в еженедельнике «ТВР панорама» 18 января 2006 года под рубрикой «Жизнь замечательных людей». Публикация даже фрагментов беседы оставила у меня такое впечатление, будто Вадим чувствовал, что это последняя его серьезная беседа, и был в ней очень откровенен.

Возвращаясь к книге «Тайна партизанской Торы», хочу настоятельно порекомендовать тем, кто еще не успел, – прочесть ее. Важность темы, глубокое знание теологических, исторических и фактических материалов делают книгу исключительно ценной. Эта книга содержит некоторую информацию, имеющуюся в предыдущей книге, презентованной ранее немецкими друзьями – «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви», но это не умаляет ее достоинств.

В Интернете, на сайте «7 дней» (7DN.RU)/Караван историй/
обнаружил материал Константина Купервейса –
Я назвал бы этот материал исповедью...

«Жизнь со «Звездой»

Константин Купервейс – московский пианист-виртуоз, аранжировщик и композитор. Поводом для «исповеди» явилось обнаруженное им в одном из желтых еженедельников интервью его бывшей супруги, с которой он прожил 17 лет и развелся 19 лет назад.

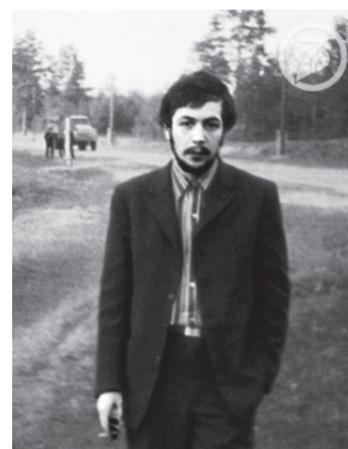
Так вот, этому желтому еженедельнику «Звезда» сообщила: «Мои мужья – это отбросы и обмылки...» А дальше еще много-много гадостей о них.

Константин познакомился со «Звездой» в 1973 году (ему было 23 года, ей – 38). Он был пианистом и аранжировщиком в эстрадном оркестре, который аккомпанировал «Звезде» на концерте. После концерта она подошла к Константину и дала высокую оценку ему, как музыканту. Потом были еще профессиональные встречи, на одной из которых «Звезда» поделилась – как она одинока и как страдает по поводу ухода из жизни любимого отца. Константин, сочувствуя, пригласил ее на свой будущий день рождения – в дом родителей. Обещала быть...

Гостей ждали к 16-ти часам. «Звезда» появилась в 22, когда почти все разошлись. Села за рояль, и играла и пела до утра (бедные соседи). Потом они стали встречаться. Отец Константина, Тобяш Давидович, видя серьезное увлечение сына, сказал ему: «Опомнись! Разница в возрасте – дело второе. Первое – разница в статусе. Она сначала превратит тебя в кролика, а потом съест. Ты совершаешь большую ошибку»...

Прерву изложение.

Однажды я спросил у Дмитрия Цвибея, как музыканта, знаком ли ему пианист с фамилией Купервейс? «А как же, – ответил Дима, – он был моим преподавателем года полтора в петрозаводском Музыкальном училище». Я усомнился – не подходит возраст Константина. Разобрались. Дима имел в виду отца, Тобяша Давидовича Купервейса, который, оказывается, тоже пианист, музыковед, и в начале 60-х годов работал в Петрозаводске! Я был поражен – как тесен мир! А затем Дима дал мне почитать две книги. Первая – «Последние свидетели» (из серии «Анатомия Холокоста»), изданная в Москве в 2002 году, в которой приведены воспоминания более 60-ти евреев, переживших Холокост, в числе которых – Тобяш Купервейс (в числе других – известный в Карелии Семен Бекенштейн). Вторая книга – «Путешествия Вениамина IV» Тобяша Купервейса, изданная в Москве в 1998 году (написана в 1995-98 годах) тиражом 500 экземпляров, в которой автор повествует о своей судьбе, судьбе своих близких, о событиях в стране и мире, с которыми пришлось соприкоснуться. Поразительное переплетение событий и необычайная судьба Ку-

Молодой Константин
Купервейс

первейсов подвигли меня на настоящую компиляцию.

Продолжаю.

Так вот, семнадцать лет семейной жизни Константина со «Звездой» (это ее четвертый брак) были наполнены унижениями с ее стороны, скандалами, необоснованной ревностью. Это при всем том, что он в 23 года стал полноценным «отцом» 14-летней дочери «Звезды» с первых же дней (Маша сама попросила разрешения называть его папой), совмещал работу музыканта в разных местах с ведением всего домашнего хозяйства. И даже тогда, когда Маша, выйдя замуж, должна была рожать, то именно Константин отвез ее в роддом и забрал оттуда с сыном. Муж Маши был в командировке, а у мамы ее не было времени. Константин очень хотел иметь в браке своего ребенка – продолжателя рода Купервейсов, но «Звезда» категорически отказывалась. Одна из причин – помеха в карьере, но, видимо, были и другие...

«Звезда» всегда стремилась оставлять своего мужа и постоянного аккомпаниатора в тени. В частности, когда режиссер Анатолий Эйрамджан предложил Константину написать музыку к своему фильму, «Звезда» среагировала: «Какой из него композитор, он же рядовой пианист». В фильме звучат его песни, но в титрах в качестве композитора указана фамилия... «Звезды».

Негатива в их отношениях добавляло еще и то, что «Звезда» с первого дня невзлюбила родителей Константина и, в результате, не посещала их дом и не приглашала в свой. В книге «Путешествия Вениамина IV» Тобяш Купервейс, отец Константина, очень коротко, на фоне остальных событий, описанных в книге (а написана она за 12-15 лет до «Исповеди» сына), упоминает этот неудачный брак. При этом, нужно отдать ему должное, – ни разу не назвал имени «героини»...

А теперь немного о самих «Путешествиях...» Тобяша Купервейса. Это – воспоминания о его жизни,

наполненной многими трагическими и сложными событиями, проживанием и работой в различных городах, встречами со многими, хорошими и плохими, людьми. Воспоминания содержат значительный объем знаний в разных областях, написаны отличным языком с включением тонкого юмора, самоиронии и различных выражений на языке идиш. Читаются воспоминания, как говорят, «на одном дыхании». Постараюсь быть кратким...

Родился Тобяш Купервейс в Варшаве в 1922 году. Отец – польский еврей, мать – еврейка из под Минска. К 1939 году окончил колледж и музыкальную школу. 21 сентября 1939 года немцы начали бомбить Варшаву – началась вторая мировая война. Немцы пришли в Варшаву. Дважды был на волосок от смерти. Первый раз его спас самоотверженный труд. Во втором случае спасла музыка. В подвале здания, куда его вели на расстрел, под обломками штукатурки и кирпича в пыли Тобяш увидел пианино и попросил немца разрешить сыграть. Заиграл сонату Бетховена... Немец приказал ему бежать – шнель! – и выстрелил в воздух.

В 1940 году родители направили его в Гродно – известить дядю (немцы беженцев в сторону СССР еще пропускали), затем, с напутствия родителей, начал сдавать экзамены в Минскую консерваторию. Последний экзамен предстояло сдать 23 июня 1941 года, но в этот день Минск уже горел – бомбили. Бежал, ехал – оказался в Самарканде. На фронт не взяли, и работы не было. Решил, ради стипендии, поступить в какой-нибудь вуз (были дополнительные наборы для эвакуированных) и поступил даже в два – Медицинский и Сельскохозяйственный (на ветеринара), но выбрал первый. Учиться не удалось – институт ликвидировали. Попал на «трудовой фронт». Был и землекопом, токарем, слесарем, помощником кузнеца.

После многих очередных злоключений вернулся в Минск, в консерваторию. Там его застал конец войны. Принял предложение ректора консерватории поехать на два года на периферию – в творческую команди-

ровку – в Гродно. В разрушенном городе родственников не осталось. Преподавал в музыкальной школе и играл в Белорусском ансамбле Песни и пляски.

Хотел вернуться в Польшу – не дали. Удалось не стать агентом НКВД. Познакомился с Еленой Николаевной (Лялей) – пианисткой, преподававшей в музыкальной школе. Вскоре поженились. Странно, но ей также не давали покоя «спецорганы». Умные люди посоветовали сменить место проживания и работы. Вновь Минск – консерватория и подработки в разных коллективах.

1948 год... В январе в Минске убивают Соломона Михоэлса, в мае создается государство Израиль (у Тобяша своя версия, он связывает эти два события – ведь он был в то время в Минске). Кампания против «безродных космополитов»...

1949 год... Родился сын – Константин (появился второй Купервейс). Ликвидирован Белорусский Государственный еврейский театр, в котором Тобяш руководил оркестром, – последний среди еврейских театров страны...

1950 год... Получен консерваторский диплом (после десяти лет обучения). В Минске не оставляют – началась «кампания за чистоту национальных кадров». Далее: Витебск, Гродно, Ленинабад, Львов... Дело врачей. Рождение дочери Диночки и тут же ее смерть. Психологическая травма – необходимость покинуть Львов. Объявление в «Советской культуре» подсадало Петрозаводск.

1959-62 годы... Петрозаводск встретил «путешественников» приветливо. Цитата из книги: «Предоставили прекрасный номер в гостинице «Северная», город... покорила нас красотой природы, необыкновенной чистотой улиц и удивительным спокойствием и порядком». Ожидали встречу с Председателем Горисполкома, так как, прежде, чем предоставить приглашенным специалистам квартиру, глава города желал лично познакомиться (вот такая была традиция!). Поехал во Львов, чтобы оформить все документы, связанные со сменой работы и учебы Кости, а когда вернулся, – жена вручила Тобяшу ключи от замечательной двухкомнатной квартиры в центре города.

Костя, учась в музыкальной школе, «уплотнил» восьмилетнее образование и в 1962 году поступил в музыкальное училище. Существовали ограничения в работе по совместительству. Тобяш получил разрешение на полторы ставки от Министерства культуры КАССР – работал в училище и музыкальной школе и, как и в других городах, занимался концертной деятельностью, в частности, аккомпанировал Сиркке Рикке.

Органы Госбезопасности вновь «находят» его и предлагают сотрудничество. Вновь надо думать о продолжении «путешествия» – о переезде, на этот раз – на Юг. После длительных поисков нашелся подходящий обмен с Ереваном – трехкомнатная квартира в

центре.

1962-66 годы... Ереван. Музыкальная жизнь города насыщена... Языковый барьер, но Костя успешно оканчивает музыкальное училище. Издавна мечта – перебраться в Москву – на родину жены... После нескольких лет усилий – удалось.

С 1966 года – Москва... Профессиональные дела складывались по-разному: и успешно, и конфликтно. Костя в 1967-69 годах отслужил в армии и вернулся на прежнюю работу – в вечернюю Музыкальную школу для взрослых. Появился широкий круг знакомств, в том числе – с музыкантами Москонцерта. Костю пригласили в Московский Диксиленд. Отец в какой-то степени завидовал сыну: Костя в совершенстве владел инструментом в недоступном отцу жанре, извлекал невероятные гармонии. Когда в Союз приехал известный певец Рафаэль, из представленных ему пианистов он выбрал Костю. Костя выступал со многими знаменитостями, в том числе, с Майей Кристалинской. Затем «случайно» женился, но, к счастью, быстро и спокойно расстались. Не очень горя, женился во второй раз, – на «Звезде», и этот брак тянулся 17 лет!

Тобяш в книге отметил: «Про невестку скажу – *a mecie fun a ganef* (удачная покупка у вора – идиш). Завистлива, бессердечна, эгоистка, хищница».

Любовь, общие профессиональные интересы, поездки по стране, за рубеж, шикарная жизнь, ссоры и примирения, и снова ссоры. В итоге, сын вынужден был вернуться к родителям. А потом Костя осчастливил родителей – привел в дом Наташу, с которой давно был знаком, и она стала для родителей не только отличной невесткой, но и дочерью (взамен скончавшейся во Львове Диночки).

... 9 мая 2011 года по телеканалу «Культура» был повторен известный концерт «Звезды». Аккомпанировал рояль, но аккомпаниатора ни разу не показали.

С нетерпением ждал окончания передачи, чтобы увидеть в титрах, кто аккомпанировал, и год записи концерта. Дождался. Автор композиции – «Звезда», аккомпаниатор не указан, год записи концерта – 1980, то есть на 7-ом году совместной жизни! Комментарии излишни.

Константин Купервейс написал: «Мне есть, о чем жалеть. О том, что не реализовал свой талант музыканта и композитора, о том, что у меня нет, и никогда не будет, своих детей, а у моих родителей – внуков.

Но за все эти девятнадцать лет я ни разу не пожалел о том, что ушел от «звезды» по имени Люся Гурченко».

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925. (неоконченная повесть)

Детство

"Мальчики играют в легкой мгле,
Сотни тысяч лет они играют:
Умирали царства на земле,
Детство никогда не умирает".

В. Луговской.

На чудом сохранившейся фотографии изображены: мамин дедушка Моше (Моисей) Давид (Давыдович) Пен, его супруга и три внучки – моя мама (крайняя слева) и две ее сестры Лиза и Соня.

Известно, что мой прадедушка родом из литовской диаспоры Новоалександровска, ныне город Заросай (Литва), по социальному своему положению – ремесленник, воспитывался в строго ортодоксальном духе, о чем красноречиво говорит сама фотография.

Мой дедушка, мамин папа, Давид Моисеевич Пен родом из того же Новоалександровска, точный год его рождения мне неизвестен, в равной степени, как и дата переезда всей семьи Пенов из Литвы в город Витебск, где в 1886 году родилась моя мама Ханна Давыдовна Пен.

Время рождения моей мамы можно отнести к эпохе Императора Александра III (1845 – 1894), а город Витебск к "столице" местечкового еврейства России.

Первое поселение евреев в Витебске относится к концу XIX века. Строительство железной дороги к концу XIX века: Орел – Витебск – Двинск (ныне город Даугавпилс, Латвия), превратило Витебск в крупный центр торговли и привело к бурному росту самого города. Допускаю, что именно к этому времени относится переселение семейства Пенов из Литвы, в ставший губернским городом Витебск.

В 80-х годах XIX столетия Витебск насчитывал около 34 тысяч еврейского населения (52 %), среди которого значительное место занимали литовские евреи, эмигрировавшие из Литвы в поисках лучшей доли. Витебск стал оплотом ортодоксального иудаизма, но... с литовско-еврейской ученостью. На литовское (прибалтийское) еврейство сказались веяния запада, в особенности Центральной Европы.

В 1901 году в Витебске впервые была создана школа нового типа, где наряду с религиозными предметами, преподавались и светские дисциплины, а уже в 1906 году открылись даже несколько частных гимназий, в которых большинство учащихся были еврейские дети.

Увы, с установлением советской власти, начался распад еврейской общины Витебска. Тысячи евреев

при первой возможности вернулись на свое прежнее место жительства в Литву. Причиной тому послужило закрытие еврейских школ, конфискация и разрушение синагог, методичное уничтожение еврейской самобытности. К началу Великой Отечественной войны в Витебске осталось всего тринадцать тысяч евреев. Все они были истреблены 8 октября 1941 года.

Белоруссия пала первой жертвой фашизма. Уничтожались города и села. Каждый ее третий житель погиб.

Однако эти события будут иметь место потом, в XX страшном веке. А пока что, в семье Моисея Пена назревали события, которые иначе, чем трагическими назвать нельзя. Старший сын бедного ремесленника Иехуда, воспитанный уже в детском возрасте в духе строгой еврейской ортодоксальной традиции, стал проявлять недюжинные, но одновременно греховные по законам Торы, способности к рисованию и требующие своего воплощения. Он стал "изгоем" в своей же семье.

Иехуда Пен (впоследствии Юрий Моисеевич Пэн) родился в 1854 году. Получив первоначальное обучение в хедере, он, пройдя невероятные трудности и мытарства самого различного рода, все же сумел к двадцати семи годам поступить в Петербургскую Академию художеств (1881-1886). Через десять лет он возвращается в Витебск, ближе к родному дому, где через год открывает художественную учебную студию (1897-1918), в которой получили профессиональные навыки несколько сот (преимущественно еврейских) юношей и девушек. Среди его учеников числится и будущий всемирно известный и неповторимый художник Марк Шагал (Сегаль, 1887-1985).

Основная особенность художественной школы Юрия Моисеевича Пэна заключалась в том, что им предоставлялась ученикам большая творческая свобода, оставаясь при этом художником самобытным и очень разносторонним. Среди его картин есть такие, от которых просто не оторвать глаз. Это, в основном, произведения, посвященные еврейской бедноте: "В прихожей у пана", "В пекарне", "За утренним листом талмуда", "Старый раввин" и многие другие. Большинство его картин хранятся в частных коллекциях.

Юрий Моисеевич Пэн (Иехуда Пен) умер в Витебске, в 1937 году, прожив большую плодотворную жизнь.

Приведенные данные о моем двоюродном де-душке Иехуде Пен носят чисто энциклопедический характер. Что касается маминого отца Давида Пена, брата Иехуды, то мои представления о нем ограничиваются лишь знаниями, что он был раввином. Допускаю, что этим он пытался искупить "грехи" своего старшего брата.

Мама моя родилась в 1886 году, в городе Витебске. Она была первым ребенком в семье Давида Пена. В последствии у нее появились пять братьев: Борис был командиром танка и как его брат Захар, врач по специальности, погиб на фронте; Наума расстреляли немцы; Теда и Исаак работали мастерами на заводе. Единственная сестра мамы – Лиза была белошвейкой. Соня умерла в раннем детстве.

Мама, видимо, по причине своего "первенства", относительно поздно, по еврейским понятиям, вышла замуж, приблизительно в 18 -19 лет. Кто и кем был ее муж, какого гражданского и социального статуса, какого возраста, – я не знаю. Но не бедным ремесленником. Она родила от своего мужа Натана Кагана сперва дочь Татьяну (1907), а затем сына Илью (1909). Дальнейшие события совершенно не укладываются в представления о строгих правилах жизни ортодоксальной еврейской семьи начала XX века. Как свидетельствует один из очень немногих сохранившихся документов, бракоразводный процесс мамы с Н. Каганом состоялся в 1914 году. Маме было двадцать восемь лет. Как мама с двумя детьми на руках, семи и пяти лет, решилась на такой шаг в то давнее время, – до сих пор уму непостижимо. Причина развода должна была быть очень весомой. Речь вероятнее всего шла об измене Н.Кагана и, вероятнее всего, о появлении новой семьи на стороне. Раввинат стал на сторону мамы. О величине проступка Н.Кагана говорит в какой-то степени и щедрость его при расставании с мамой. Она оказалась хозяйкой небольшого магазина женской одежды и стала, как сказали бы сегодня, представительницей малого бизнеса, иными словами "бизнесвумен". К моменту развода мама жила в Двинске (Даугавпилс, Латвия). И это все, что я знаю из той, прежней жизни мамы.

А далее... далее было вот что! В 1916 году мама выходит вторично замуж. Маме тридцать. Ее избраннику – двадцать шесть лет. Он, естественно, холост, красив, высок ростом, строен, голубоглазый блондин, играет на пианино и обалденно (да простит мне читатель это жаргонное словечко) танцует вальс. И он выбирает в жены женщину старше себя и с двумя детьми! А может, его выбирают?

Вспоминается одна фотография, увиденная в детстве, датированная 1915 годом. Молодая женщина запечатлена в полный рост. Она одета в красивое длинное платье, на голове небольшая, видимо, очень модная для того времени шляпка, на шее нитка жем-

чуга, мягкая, слегка ироничная улыбка. Левая рука опирается на красивую дамскую трость, а в правой руке длинный, чисто женский мундштук с пахитоской, как тогда говорили. Элегантная, аристократического вида женщина. Может, в этой фотографии и кроется загадка столь неравного для того времени брака.

Сегодня приходится много домысливать, ведь мама на эту тему никогда со мной не говорила. В нашей семье, как впрочем и в большинстве подобных семьях того времени, было не принято рассказывать детям о своих прошлых годах и событиях важных, а порою судьбоносных. А жаль! Сколько потеряно, недосказано, недоузнано!

О прошлом моего отца мне очень мало что известно. Он также из многодетной семьи. У него было пять братьев. Вся семья родом из Екабпилса (Латвия). Городок этот расположен на Западной Двине между Двинском и Ригой.

Жизненный путь еврейского мальчика конца XIX века, родившегося в бедной семье простого ремесленника был заранее предопределен: хедер (четыре класса религиозно-общеобразовательной школы) и далее учеником к богатому торговцу или владельцу мастерской учеником, что означало первые несколько лет быть "мальчиком на побегушках" или чаще всего "мальчиком для битья", на котором выпускали "пар" подмастерья или приказчики. Так случилось и с моим отцом. Окончив к тринадцати годам школу, ему родители вручили письмо к дальнему, скорее всего к очень дальнему родственнику, владельцу в Двинске сапожной мастерской, дали с трудом накопленные полтора рубля и, благословив, отправили самостоятельный жизненный путь. Больше для самого любимого и самого юного сына они сделать не могли. Такова была жизнь!

Отец был принят на работу учеником подмастерья в сапожную мастерскую, хозяин которой, занимался не только починкой старой обуви, но и шил по заказу клиентов и новую, что свидетельствовало о повышенном статусе самой мастерской и ее хозяина.

Первые годы были очень трудными. Было все: и подзатыльники, грубость, и рабочий день от зари до зари. Будучи от природы одаренным ребенком, вернее уже юношей, трудолюбивым и честным, он выгодно отличался от работающих в мастерской "сапожников". И хозяин этого не мог не заметить. Но самое главное, у отца проявилась способность к рисованию и видению в обуви, преимущественно, женской, особенные линии необычных, но очень красивых новых форм обуви, совершенно не похожих на имеющихся в продаже у хозяина. Хозяин это оценил сполна.

Шли годы. Отец стал мастером женской модельной обуви. Отец из юноши превратился в красивого молодого человека. Заходя в магазин за покупками, или просто так полюбоваться новыми образцами, мама просто не могла не обратить на него внимания, красивого, обладавшего к тому же хорошими мане-

рами. Отец, одаренный природой к тому же еще и абсолютным слухом и красивым голосом, был частым гостем в "Общинном еврейском доме" Двинска, где он научился на слух играть на пианино, сочиняя при этом стихи и придумывая к ним собственную мелодию. Нет сомнения в том, что этот молодой человек просто не мог не понравиться маме. Она была в цветущем возрасте зрелой женщины. Она заказывала обувь только у него, и именно он снимал мерку с изящной маминой ножки. Тогда ведь не носили мини юбки. Платья были длинными. Даже в слегка приподнятом виде выше щиколотки было уже достаточно большое проявление, говоря сегодняшним языком, сексуальности. Есть все основания предполагать, что события разворачивались в таком ключе и своим чередом. Мама не хотела предаваться сомнениям, она не хотела ждать, она жаждала любви... и отец не устоял. Он пошел у мамы на поводу тогда и всю последующую жизнь, не понимая и не подозревая этого. У мамы был дом, она была самодостаточна и даже "немного богата".

В 1916 году, в Петрограде состоялось их бракосочетание. С тех пор мать шла по жизни с отцом всегда рядом, не выдвигаясь ни на полшага вперед и только на равных. Первый танец был всегда ее, будь то на светском балу или на палубе атлантического лайнера "Конта де Савоя" (до войны вторым по величине после "Квин Мэри"), совершая кругосветное путешествие. Доверительное отношение со стороны мамы отец испытывал всегда: на деловых встречах, которых было не так мало в их общей жизни, в заграничных поездках и в отношениях с другими женщинами. Но все это было потом. А пока... мать в качестве уже Ханны Лак переезжает вместе с отцом в Ригу, где молодая чета закладывает основу новой фирме, ставшей впоследствии ведущей на рынке женской одежды Латвии. В 1917 году появилась на свет моя сестра Дора, а в 1925 году, в день праздника "Пурим" – я, долгожданный наследник.

Вопрос о моем воспитании родителями, видимо, был оговорен заранее. Это должна была быть женщина средних лет, со специальным образованием, желательна немца, добрая и порядочная. Прошло всего несколько месяцев, как в наш дом вошла Эльза. Она окончила специальные курсы в Германии, имела определенный опыт работы с детьми и отличные рекомендации. Мама задала ей не совсем обычный вопрос – как она собирается воспитывать ее сына. Ответ Эльзы, о чем впоследствии мне рассказала мама, был весьма необычен: она взяла из стоящей на столе хрустальной вазы большое яблоко и стала ножом снимать кожицу в виде спирали и одновременно рассказывать сказку. Когда сказка кончилась, яблоко было очищено и нарезано одинаковыми по своей размерности дольками. В этом "яблочном" действе сочеталось точное распределение времени, прославленная немецкая аккуратность и определенный психологический расчет.

"Вы остаетесь", – сказала мама. У Эльзы отныне была одна забота, и этой заботой был я.

Забегая далеко вперед, скажу, что Эльза покинула наш дом тринадцать лет спустя не по своей и не по родительской воле.

Эльзу я помню, примерно, с пяти лет. Помню то удивительное ощущение душевного тепла, которое излучала эта одинокая, не имевшая ни своей семьи, ни своих детей женщина. Нерастратное материнское чувство она отдала мне, а я все больше и больше привязывался к ней. Мы были неразлучны и днем, и ночью. Эльза охраняла мой сон, оберегала от болезней, играла со мной и учила разговаривать на чистейшем немецком, а позднее читать и писать на нем. Так этот язык вошел в мою жизнь, накрепко привязал к себе и уже более никогда не покидал меня. Эльза вложила в меня немецкий педантизм, в результате чего я до сих пор "страдаю" при нарушении продуманного мною же порядка расположения книг, предметов личного обихода и т.п. Это может лишить меня спокойствия и бывает очень утомительным, особенно для близких, поскольку в них, в первую очередь, видишь виновников беспорядка.

Эльза рано познакомила меня с героями сказок Андерсена, она умела увлекательно рассказывать о богах Древней Греции, в ее устах они оживали, бывали порою злыми, но чаще добрыми и мужественными. Зло в рассказах Эльзы всегда наказывалось, и не только порядка ради. Моя воспитательница великолепно знала мир живой природы, это по ее настоянию родители еще в дошкольные годы выписали из Германии "Детскую энциклопедию". Так ненавязчиво Эльза приобщила меня к книгам, развивала любовь к чтению. Кроме того, она умела рисовать цветными карандашами, акварелью и даже маслом; создавала на куске фанеры причудливые рисунки и учила меня лобзиком выпиливать сложные орнаменты, что требовало большого терпения и аккуратности. Эта черта терпеливо доводить начатое дело до конца, а при необходимости начинать все сначала в дальнейшей моей жизни пригодилось не единожды.

Я научился читать, когда мне не было еще шести лет, но детские книги довольно скоро потеряли для меня свою привлекательность. Я уже много знал из Эльзиных рассказов и стал стремиться к более "взрослому" чтению. Кажется, в шесть лет я уже прочел "Счастливого принца" Оскара Уайльда. Эта книга произвела на меня сильное впечатление. К великому сожалению, родители хотели действительно во мне видеть своего "счастливого принца" и к восьми годам стали меня брать с собой в гости. Для меня это было мучительно скучно. Я понимал, что "меня показывают", ведь я был на редкость воспитанным мальчиком. Подавая руку, обязательно делал "кратчфус". Надо было не слишком громко, но чтобы и слышно было щелкнуть каблуками. Вставал, когда ко мне обращались взрослые. Я умел женщинам говорить компли-

менты: "Вы сегодня прекрасно выглядите!" Нетрудно представить, какое умиление вызывал этот благовоспитанный мальчик в строгом костюме и белой рубашке с "бабочкой". С особым любопытством наблюдали за мной, когда мы все уже сидели за столом. Перед каждым стоял столовый прибор из нескольких "разнокалиберных" тарелок и соответствующего количества ложек, вилок и ножей. Я умел ими пользоваться. Эльза провела со мной немало часов, вдалбливая в меня законы этикета. Но до чего же мне было скучно на этих светских раутах, на которые родители, и не только они, шли по обязанности. Обычно это были какие-либо вечера, мероприятия благотворительные или просто дни рождения близких знакомых и родных.

1933 год. Мне восемь лет и шесть месяцев. Минувя два подготовительных класса, я поступаю сразу в первый неполной средней школы с шестилетним сроком обучения, в так называемую "Эзершуле", в которой все занятия проводились на немецком языке. Латышский шел как иностранный, но в достаточно большом объеме. Думаю, что в этом была немалая заслуга Эльзы. Чтобы больше не возвращаться к школьной тематике той поры, должен сразу признаться, что самыми трудными предметами на всех стадиях обучения для меня оставались математика, физика и органическая химия. Все гуманитарные науки давались легко с одного прочтения. Те шесть первых лет обучения я вспоминаю с трудом. Отличником или хорошистом, несмотря на просьбы и наставления разного рода со стороны родителей и Эльзы, я по убеждению быть не мог. Меня спасали частые простуды (ОРЗ и ОРВИ тогда еще не были известны), ангины и даже воспаления легких. Наконец-то все убедились, что мальчик слаб здоровьем и смирились. И я блаженствовал, окруженный заботой, градусниками, компрессами и наставлениями домашнего врача: у мальчика слабое сердце, его нужно беречь и не перегружать занятиями. Ура!

Я уже писал, что Эльза будучи женщиной одинокой, всю силу своего неистраченного материнского чувства отдавала мне, вызывая порою даже ревностное чувство со стороны родителей. Она оберегала свою любовь ко мне от всякого постороннего вмешательства. Ее отношение ко мне носило и чисто эгоистичные чувства, но в то же время и очень трезвые – она держала меня в большой строгости. Думается, все это вместе взятое и позволило мне выжить в той нелегкой жизни, которая меня ожидала впереди.

Сегодня, на девятом десятке, я понимаю, что отчасти мое детство было каким-то "недоразвитым", недетским. Я имел хороший и добрый дом, но "двор" был для меня "закрытым" обществом. Я не участвовал в играх дворовых команд и вне школы практически не общался со своими сверстниками. Мой день был строго регламентирован: подъем в одно и то же время (впрочем, как и отход ко сну), школа, приго-

товление уроков (что давалось мне мучительно до боли). Нет, я не был лентяем, да при таком воспитании я просто не мог им быть.

Мне было скучно! Из всех школьных предметов я бредил географией, любил историю, зато ботанику и зоологию я едва терпел: мне представлялось верхом бессмысленности заучивать наизусть все эти растения, позвоночных и беспозвоночных. Математику я просто не понимал, физкультуру не любил, но было у меня одно летнее хобби – велосипед.

Вот и прозвучало слово "лето", – когда жизнь моя становилась разнообразнее и относительно свободнее. Примерно с середины июня месяца наш дом переезжал в Булдури на Рижское Взморье (Юрмала), где родители снимали одну из трех дач, принадлежащих брату нашего президента Карла Ульманиса. Мелочь, но приятно. Сюда до войны ходили небольшие паровозики, которые тащили за собой десяток смешных дачных вагонов, где каждое купе имело свой отдельный вход. Вагоны также имели и свою "классность" – первый, второй, третий – с соответствующей ценой и удобствами: мягкий, полумягкий и жесткий. Родители приезжали к нам ежедневно около семи вечера, и я их всегда встречал на велосипеде.

До войны на пляже Рижского взморья было заведено в утренние часы – с восьми до десяти для мужчин и с десяти до двенадцати для женщин – купаться без лишней "атрибутики". Своеобразный "однополюсный нудизм". Отец любил утром поплавать и, естественно, я с ним рядом. Это были самые хорошие и счастливые часы в нашей жизни с отцом, когда мы были только вдвоем. По воскресеньям родители отдыхали на даче весь день. Это были часы, когда я ощущал в полной мере счастье соприкосновения с ними. Зимой таких мгновений почти не бывало, только на праздниках и празднествах, но они были всегда очень людными и не моими. Ближе к вечеру мы совершали велосипедные прогулки: отец, сестра и я. У меня сохранилась старая фотография, где втроем с велосипедами стоим на берегу моря. Мама в них не участвовала, у нее уже было больное сердце и начиналась астматическая одышка.

Двадцатого июля отец отмечал свой день рождения. Мы с сестрой помогали Эльзе клеить китайские фонарики, которые развешивались гирляндами в саду. Приходили гости, было всегда красиво, весело и радостно. Отец пел, шутил, а после ужина под трио приглашенных музыкантов танцевали на лужайке. Папа очень любил скрипку, ее чарующие и одновременно как бы стонущие звуки, мгновенно переходящие в зажигательный чардаш. Я не припомню, чтобы в папин день рождения хоть когда-нибудь шел дождь.

Увы, лето быстро кончалось, вода в море становилась холодной, купаться уже не хотелось, начиналась подготовка к переезду в городскую квартиру.

Настала пора рассказать о нашей квартире, которая для нас всех была нашим домом, какова была в нем обстановка, чем он дышал, чем жил?

Квартира состояла из пяти комнат: столовая, гостиная, родительская спальня, комната для двух моих сестер и детская для нас с Эльзой. Здесь в пять часов утра 10 марта 1925 года (по еврейскому летоисчислению в 5685 году) я и появился на свет. Здесь прошло мое детство и отрочество.

Самой красивой комнатой была спальня родителей с гарнитуром из карельской березы. Комната светлая, окно выходило на солнечную сторону. К ней примыкала детская, чуть побольше размером, обставленная только самым необходимым: две кровати, письменный стол, рабочий – для прикладных занятий, шкаф, книжная полка, небольшая "шведская стенка" для гимнастических упражнений.

Напротив детской размещалась комната сестер. Я редко заглядывал туда, но все же помнится, что убранство их жилища было довольно скромным. Это уже потом, когда Таня вышла замуж и стала жить своим домом, отец заказал мебель, выдержанную в светло-зеленых тонах. Комната стала очень уютной и красивой.

Столовая служила местом встречи всех членов семьи. Здесь стояла традиционно темная мебель из красного дерева: одну из стен занимал низкий буфет с тремя большими хрустальными вазами для фруктов; над ним гобелен во всю стену с изображением Фауста и Мефистофеля в винном погребе. Угол между буфетом и окном занимали напольные часы с маятником и тремя медными гириями. Часы обладали "двухступенчатым" внушительным боем. В центре столовой находился массивный круглый стол, над которым ранее висел большой оранжевый абажур, а в последние годы – люстра с хрустальными подвесками. Стол был раздвижным, за ним свободно размещались двенадцать человек, при необходимости и того больше. К нему имелись дополнительные вставные секции. Вокруг стола стояли шесть обитых кожей тяжелых стульев, остальные шесть размещались в протенках. Я хорошо помню пятничные вечера, когда за столом собиралась вся наша семья, и мама зажигала две свечи, читая соответствующую молитву. Здесь следует оговорить: наш дом не был ортодоксальным, скорее реформистским в американско-европейском понимании, но традиционно-еврейские обычаи соблюдались свято, в первую очередь – кошерность. Из праздников отмечались самые главные: Пасха (Песах), Йом-Кипур (Судный День), Рош ха-Шана (Новый год), Ханука.

Далее следовала небольшая гостиная. Здесь стояли столик для игры в карты, радиоприемник "Телефункен" (в те годы еще большая редкость). Мне было разрешено им пользоваться самостоятельно во время Всемирных Олимпийских игр в 1936 году, проходивших в Берлине. Когда к нам приходили гости, то после ужина мужчины собирались в гостиной играть в вист, женщины оставались в столовой и также играли в карты, но в более простую игру, так называемый джокер.

И, наконец, кухня, которая требует особого описания. Хозяйкой кухни была повариха Вера, которая работала у нас уже много лет, и мама ей полностью доверяла во всем: она готовила, составляла меню, закупала на базаре продукты, пекла торты, печенье и незабываемые по вкусу "тейглах" (еврейское лакомство). Жила Вера в небольшой комнате, расположенной рядом с кухней. Несколько слов о самой кухне. Это было просторное, вытянутое в длину помещение с огромной деревянной плитой и большим котлом под тяжелой чугунной крышкой для нагрева воды. Плита отапливалась березовыми дровами, которые в связке, стянутой металлическим обручем, приносил из подвала дворник. Дровами на зиму не запасались, заготовкой дров занимались специальные артели. Единственный в квартире балкон размещался на кухне, кроме того, рядом с балконом был так называемый "холодный шкаф" (холодильников тогда еще не было). Жилые помещения соединялись с кухней длинным коридором, служившим мне в детстве "велодромом" для гонок на трехколесном велосипеде. Вот где можно было проявить весь свой азарт и "выпустить пар" во время зимнего застоя (всю последующую жизнь велосипед оставался для меня самым любимым спортивным развлечением). И еще несколько слов о днях, когда кухня превращалась в мамину вотчину, и наступал ее "звездный" час, – пора приготовления варенья на зиму. Доставались большие, до блеска начищенные медные тазы с длинными ручками и кухня для всех становилась запретной зоной. В такие дни мама не отходила от плиты. Вера и Эльза становились подручными на подхвате. В медных тазах все бурлило, кипело, варилось, издавая поистине божественные запахи. Я до сих пор ощущаю вкус пены вишневого варенья, в которую я ужасно любил макать куски белой мягкой булки. А какое было клубничное варенье! Его аромат чувствовался уже на лестничной клетке. И что самое замечательное, – ни одна яголка не теряла своей формы. Но особое место в мамином искусстве как "вареницы" (по В.Далью) занимало приготовление брусники с яблоками. Эту приправу подавали к мясу. Вкус непередаваемый!

Настало время перевернуть одну из страниц трудной маминой жизни – это ее дети от первого брака. Из них только Таня жила с нами, ее сын Илья жил самостоятельно, но бывал в нашем доме часто и не как гость, а как полноправный член семьи. Они не были для меня по-настоящему сестрой и братом. Свои, но очень взрослые люди: каждому из них было уже далеко за двадцать.

Своего сводного брата Илью я помню плохо, но достаточно, чтобы по одним лишь детским впечатлениям, сегодня охарактеризовать его словом "повеса". Согласно С.Ожегова: "Повеса (раз. неодобр.). Молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях..." Он был красивый мужчина, среднего роста, плотного телосложения, невысокого образовательного ценза, любящим женщин и кабаки. Невольно, как

сквозь туманную пелену, всплывают картинки из далекого детства...

Вечер. Дождливая осень. Родители уехали дней на десять в Чехию, в Карлсбад (Карловы Вары), подлечиться. Мы с Эльзой в доме совсем одни, у Веры выходной, а сестра куда-то упорхнула, она была уже самостоятельной девицей. Я лег спать, но едва успел задремать, как раздался длинный требовательный звонок в дверь и следом в квартиру с шумом ввалилась большая компания подвыпивших мужчин и молодых женщин. Я услышал звонкий смех, властный голос брата. Затем выстрел пробок и звон бокалов. Эльза, как тигрица металась по комнате. Где мне моим детским умишком было понять всю глубину трагедии, которая происходила в ее душе. В какой-то момент она попыталась прорваться в столовую, но там развлекался брат со своей компании и дверь была крепко-накрепко закрыта. Компания между тем разошлась не на шутку. Зазвучал аккордеон, послышался звон разбитой посуды, табачный дым ощущался даже в детской. Эльза снова предприняла попытку проникнуть в столовую, на этот раз дверь распахнулась, но почти тотчас раздался звук пощечины, и Эльза буквально влетела в детскую и упала на пол. В столовой все умолкло. Через некоторое время хлопнула входная дверь, затем в квартире наступила тишина. Эльза сидела на кровати, вся в слезах. Я выбрался из кровати и, как был, в длинной ночной рубашке, прижался к ней, гладил ее по лицу, целовал, лишь бы унять слезы, которые текли и текли по ее щекам...

Летний воскресный день, мы отдыхаем на даче, по-семейному спокойно. Но вдруг врывается Илья на своем спортивном автомобиле немецкой фирмы "Ханомаг" (машину ему совсем недавно купила мама в ответ, как мне сегодня думается, на обещание сына взяться за ум и начать другую жизнь).

Илья приехал не один, следом за ним прикатил небольшой автобус с игроками рижского футбольного клуба "Маккаби", завоевавшего в минувшем сезоне призовое место в первенстве Латвии. У членов команды оказалось несколько свободных дней, и они решили отдохнуть, воспользовавшись приглашением брата. Илья рассчитал все точно. Он знал, что родители при посторонних не станут устраивать "разборку". К тому же отец во взаимоотношениях мамы с Ильей занимал нейтральную позицию, не высказывал своего мнения, и только тогда, когда мама просила его сделать что-то определенное для ее сына, он выполнял ее просьбу, но сам инициативы не проявлял.

В то злополучное воскресенье мама весь день молчала, однако чувствовалось, что она в ярости. Ее сын не сдержал данного им слова.

Прошло немного времени, и брат исчез из нашей жизни. Случайно попавшая на мои глаза фотография из чудом уцелевшего семейного альбома с выцветшей надписью "Рига, 1936 год", сегодня говорит мне о многом. На карточке – Эльза, Илья и я. Мы стоим

на перроне вокзала у спального вагона с табличкой Рига – Варшава. Нас только трое, ни родителей, ни сестры рядом нет. Помнится, я спросил маму, почему брат больше не приходит к нам. Мама, глядя куда-то вдаль, ответила: "Твой отец дал Илье денег, чтобы он уехал в Палестину и начал там новую жизнь". (Двадцать лет спустя мама приехала в Тель-Авив на постоянное место жительства. Ее встретил Илья, он был к тому времени вполне самостоятельным человеком, женат, имел двух сыновей. Однако близких отношений мамы с сыном так и не сложилось).

После отъезда брата в нашем доме снова наступил мир, но он был недолгим и хрупким. Его нарушил истошный крик из комнаты сестер. Прибежав, я с ужасом увидел распростертое на полу тело Тани с обнаженной кровоточащей грудью, а рядом окровавленный нож. К счастью рана оказалась поверхностной и примчавшийся по вызову наш домашний доктор, заверил маму, что дочь вне опасности. Меня, конечно же, сразу поспешили изолировать. И опять по крохам, по обрывкам разговоров, по тогдашним действиям мамы я стараюсь понять, что стояло за всем этим?

Причиной разыгравшейся драмы была любовь. Избранником сестры стал Михаил, мужчина примерно лет тридцати с небольшим, без образования, без определенного достатка, но очень красивый, галантный, имел от природы приятный баритон... "Салонный тигр на охоте за невестой с богатым приданным" – так выразилась Эльза об этом человеке, когда он впервые появился в нашем доме. Сестра была очень хороша собой – стройная, высокая, типичная шатенка с огромными зелеными глазами. Влюбить в себя Таню, Михаилу не стоило большого труда. Но мама и слышать не хотела о Михаиле как о возможном женихе и согласия на брак не давала. Закрадывается крамольная мысль, что Таня, переступив дозволенную грань, разыграла спектакль. У нее не было выхода: позорное бесчестие или замужество. Рождение ребенка стало очевидной реальностью.

Этот акт отчаяния на маму сильно подействовал, и она смирилась с неизбежным. В нашем доме, только этажом выше, была снята двухкомнатная квартира, сыграли скромную свадьбу, а в качестве приданного мама подарила Тане небольшой магазин с полным набором и запасом готовой мужской одежды, чтобы молодые супруги могли начать новую, самостоятельную жизнь.

На открытии магазина, за банкетным столом мама сказала всего несколько слов: "Живите, как можете, я сделала все!" Через некоторое время, это я уже хорошо помню, у Тани с Михаилом появился очаровательный малыш – было в кого. Его назвали Беньямином, а я стал дядей. Мне было доверено держать их сына на руках во время церемонии обращения его в иудейскую веру.

Недолго было отпущено Мише и Тане радоваться своему первенцу. В октябре месяце 1941 года нем-

цы повели их и еще 35.000 евреев на смерть. Таня с Мишей шли в первых рядах (обо всем этом мне после войны рассказала женщина, чудом спасшаяся из расстрельного рва). Один из фашистов вырвал из рук Тани маленького Веню и на глазах родителей швырнул об стенку рва.

Моим родителям, наверное, было трудно с Таней и Ильей. Винить здесь некого, хотя... Только Бог знает, в чем каждый из них был прав или виноват!

Сегодня раздумывая о прошлом, я понимаю: мамина власть в доме не имела предела. Отец, скорее всего, обладал правом только совещательного голоса. Все наши последующие беды явились следствием всевластия мамы, натуры жесткой и негибкой. Отец понимал, что в мире назревало столкновение двух сил: цивилизованной демократии с тираническим господством. Прибалтийским евреям грозила опасность, что с запада, что с востока. Но они этого не понимали, или не хотели понимать. Преобладало представление о немецкой культуре. Отец ни кому и ни во что не верил. Он хотел уехать со своей семьей в Палестину, в страну своих предков, но мама уговаривала его еще немножечко подождать, в одночасье фирму было трудно продать. Так настало 1 сентября 1939 года, когда польское радио захлебываясь кричало: "Увага, увага. Немецкие самолеты бомбят Варшаву". Время было упущено.

Вернемся к жизни нашего дома, в котором исподволь назревала очередная трагедия, жертвой которой стала моя сестра Дора.

Сестра была разносторонне одаренной девушкой. Она училась, после окончания русской гимназии, одновременно в консерватории и в английском колледже, знала пять языков, пройдя языковую практику в Париже, Лондоне и Берлине. Артистично исполняла чечетку и чарльстон, сочиняла юморески, писала стихи и скетчи. Молодые парни по очереди в нее влюблялись. Мне в свои тринадцать лет было смешно наблюдать, как поклонники сестры ходили за ней "табунами". Она же оставалась к ним равнодушной и просто веселилась. Кроме того, сестра была богатой невестой, это все понимали, в том числе и она сама.

Родители на некоторое "буйство" дочери поглядывали сквозь пальцы, ведь развлечения были для нее вторичными. Она просиживала часами за роялем, доведя меня до иступления своими гаммами. Занятия музыкой отнимали, наряду с учебной в колледже, очень много времени, и сил естественно. И все же в жизни любой девушки рано или поздно появляется свой принц. Появился он и у сестры. Звали его Николай. Он выгодно отличался от всех других ее ухажеров, и, видимо, поэтому я так хорошо его запомнил. Инженер, с высшим образованием, интеллигентен, статен и умен. Мне он очень нравился еще и тем, что вел себя со мной на равных.

Родители снова уехали в Чехию на воды. Николай бывал у нас каждый день. Что творилось в душе моей

сестры, я, конечно, представить себе не мог. Ей шел двадцать второй год, и она любила. Мы были практически с Дорой в доме вдвоем. Надзирающего ока в лице Эльзы больше не было. Она, тайком от меня, покинула нас осенью 1938 года. Она ушла в ночь, не простившись со мной, ничего не сказав мне на прощание. Она последовала зову фюрера. Он обратился (а в сущности приказал) всем немцам Прибалтики, всем без исключения, "вернуться" в Германию. Эльза уехала в никуда. Родственников у нее нигде не было. Что с ней стало, – мы не знаем. Она нам не писала.

Как-то вечером я ворвался без стука к сестре в комнату, будучи уверен в том, что она одна, но это было не так. При погашенном свете, крепко обнявшись, Николай и Дора лежали на тахте. К тому времени я был уже достаточно начитанным мальчиком. Почему-то мелькнула мысль, что когда родители вернутся, случится нехорошее. Так оно и было!

В первый же день по возвращении родителей Дора объявила, что хочет выйти замуж за Николая. Родители, разумеется, его знали, без их одобрения нас никто не посещал. Но встречи в общепринятых пределах – это одно, а замужество...

Настали дни напряженной тишины. Мама резко и однозначно высказалась против, отец поддержал ее. Позиция мамы была предельно ясна – Николай в ее глазах был беден, хотя и образован и очень мил. Но этого для замужества дочери своей мало. Сегодня маму того времени с теми семейными устоями понять можно, но сестра ни понять, ни простить не захотела, просто не смогла. Николай уехал в Америку, а сестра осталась со своей болью.

Забегая далеко, далеко вперед, сорок лет спустя, Дора, живя в Тель-Авиве, получила письмо от Николая, в котором он писал, как долго и упорно искал Дору, как сердцем чувствовал, что она не должна была погибнуть ни в гетто, ни в лагерях смерти и как через многих и разных лиц, наконец, узнал ее адрес. В этом же письме он просил разрешения приехать, чтобы ее увидеть и сказать, что он ее до сих пор любит. Их встреча состоялась, она была и радостной, и грустной одновременно. За это время Николай стал богатым, живет в Сан-Франциско на берегу моря в собственном большом доме. Он женат, имеет двух взрослых дочерей, которые живут своими семьями. Он привез все письма Доры, которые она писала ему в Америку, пока это было возможно. Он их берег, в знак своей любви к Доре. Николай поведал ей о том, что жена знает о его неугасшей любви. Она также знает, что он сейчас в Тель-Авиве. А далее последовало самое неожиданное: Николай попросил Дору соединить свои судьбы и попытаться стать снова такими счастливыми, какими они были в своей далекой юности. Дора залилась горькими слезами, но... отказалась. На обломках чужой жизни начинать свою, даже с до сих пор любимым человеком – Бог не простит.

Через год Николай снова прилетел в Тель-Авив, но уже не один. С ним были его жена и обе дочери.

Они провели с Дорой несколько по-человечески хороших дней.

Мать до этих событий не дожила. Она ушла из жизни в 1968, на восемьдесят втором году. Дора умерла шесть лет спустя после приезда Николая, в 1984 году. Мама и Дора лежат на одном кладбище, в Холоне, в городе спутнике Тель-Авива. Мир и покой им!

Однако вернемся в Ригу. Шел последний предвоенный год. Я, по настоянию отца, сдал вступительные экзамены в гимназию с обучением на латышском языке. Это было очень трудно. Надо было подготовиться за лето к сдаче пяти экзаменов: латышская грамматика, письменный и устный по литературе и два экзамена по математике. Велосипед на летние каникулы заперли в чулан. Он выдавался мне раз в неделю – в воскресенье. Наконец, все мучения оказались позади. Я стал гимназистом. Меня одели в форму: черные брюки, строгий китель и бархатная фуражка с золотым околышем. Девушек в гимназии не было. Кроме гимназий были и просто средние школы, но без такого четко выраженного гуманитарного уклона и столь высокой степени изучения иностранных языков. В Латвии было широко развиты так называемые реальные училища, наподобие наших техникумов. Среди них выделялись художественные, коммерческие, технические и др.

В последние предвоенные годы Рига жила в каком-то торговом ажиотаже. Все всё покупали, продавали, увеселительные учреждения не знали недостатка в посетителях. Родительская фирма выросла до "Торгового дома женского платья" и занимала три этажа: подвальный упаковочный, откуда рассылалась одежда во все концы Латвии; второй – торговый зал; третий – пошивочный, где семнадцать швей выполняли частные заказы. В Европе бушевала Вторая мировая война, в Риге она особенно не ощущалась. Но... 17 июня 1940 года, в три часа дня в столицу Латвии вошли советские танки. Жизнь перевернулась!

На второй день после захвата Риги советскими танками президент Латвии Карл Улманис, объезжая в открытой машине улицы города, с дрожью в голосе призывал народ к спокойствию. Через несколько дней поползли слухи, что правительство в полном составе арестовано, в том числе и президент. (В 1957 году в двух номерах "Известий" появилась статья министра иностранных дел Латвии того времени Мунтерса, который сообщил, что К. Улманис умер в 1941 году в тюрьме, Сам же Мунтерс пробыл в лагерях шестнадцать лет и единственный из довоенного кабинета министров Латвии остался жив).

Наша жизнь менялась быстро, круто и жестоко. После официального вхождения Латвии "по просьбе трудящихся в Союз Советских Социалистических Республик" началась национализация крупных и средних предприятий. У нас отобрали все. Со всей остротой возник вопрос, а как дальше жить? На него не было ответа. Отец для видимости поступил,

вспомнив, что он когда-то был модельером женской обуви, в какую-то обувную артель, чтобы приобрести статус служащего. В то время необходимо было числиться хотя бы на какой-либо работе, иначе грозила опасность попасть в разряд тунеядцев, что грозило многими неприятностями.

По распоряжению местных властей к нам подвели майора авиации Красной армии. Дора освободила свою комнату и перешла в мою детскую, а меня родители переселили в гостиную на кожаный диван. Жизнь пошла кувырком. Майор был до безобразия нелюдим. Он ни с кем не здоровался, ему, видимо, запретили с буржуями общаться. В квартире запахло гуталином и тройным одеколоном. Вера, проработавшая у нас десятки лет, ушла и поступила работать поваром в бывший Дом офицеров Латвии, где отныне расположился не то штаб, не то офицерское собрание в кавычках. Мама за ней сохранила комнату, которую Вера занимала до своего "бегства" от нас. Мы ее почти не видели. О ее присутствии напоминали лишь вкусные пирожные и пирожки, которые она иногда приносила. Итак, от нас уехала Эльза, сбежала Вера, отняли средства к существованию. Что еще ожидало в этой странной, столь враждебно настроенной к нам жизни?

Мама ходила подавленная, много времени проводила на кухне, где ей через день помогала приходящая женщина. Я продолжал учиться, сестра ушла из консерватории с четвертого курса, но колледж успела закончить и стала работать секретарем-машинисткой в прокате кинематографа. Она ведь окончила русскую гимназию. Владела латышским, немецким, английским и французским. Кроме того, она достигла высокой "скорострельности" на пишущей машинке, до 300 знаков в минуту. Отец продолжал делать вид, что работает, а мы все продолжали делать вид, что спокойны и не унываем. Гости в доме не появлялись, а если кто-то и приходил, то говорили уже только шепотом, оглядываясь на дверь комнаты, в которой проживал майор. В Европе всю бушевала война, все понимали, что близок день, когда она дойдет и до нас.

Новые власти предложили отцу альтернативный вариант: или он платит восемнадцать тысяч рублей золотом в виде налога – за уже национализированную фирму (!) – и может чувствовать себя в безопасности, или...

Таких огромных денег родители в наличии не имели. Банковские счета были реквизированы. Пришлось продать мамин драгоценности, которые охотно покупались и были в цене. Вспоминаю эпизод. Когда открывался памятник "Родине и свободе" (в переводе с латышского), возведенный на пожертвования граждан, президент для внесших наибольшие суммы денег, устроил в своей резиденции большой прием, на который были приглашены и мама с папой. Понимая, что на вечере дамы будут блистать и сверкать всеми бриллиантовыми радугами, которые

только есть на свете, мама решила предстать в строгом бархатном платье с одним лишь украшением. Это был поясок с тремя рядами отборного жемчуга.

Итак, деньги были уплачены, хотя знающие люди говорили, что это вымогательство чистой воды. Но отец не видел другого выхода: он думал о нас и надеялся на порядочность новой власти. Наивный отец!

А затем... затем настала ночь! Ночь на 14 июня, когда в два часа нас разбудили ударами в дверь и пять человек, вооруженных винтовками и наганами ворвались в квартиру и велели нам, сонным и оглушенным, одеться, собрать носимые вещи, еду на сутки и следовать за ними. На все давалось двадцать минут. Родители, да и мы тоже, не понимали, чего от нас хотят и только когда прозвучали роковые слова: "Вы арестованы, вас высылают из Риги", – до нас дошел весь ужас происходящего.

Больное сердце мамы не выдержало, она лишилась чувств. Отец кинулся к телефону звонить нашему доктору, но его остановил грозный окрик: "Назад". Дора на коленях стояла перед мамой у кровати, давала ей нюхать нашатырный спирт, совала в рот таблетки нитроглицерина, прикладывала к области сердца мокрое полотенце, а у самой безостановочно текли слезы. Отцу шагу не давали сделать, за ним неотступно следовал стражник. Мама продолжала лежать с закрытыми глазами, и казалось, она не дышит. Конвоиры металась между мамой и телефоном, докладывали обстановку, их торопили, отведенное на акцию время истекало, но мама не открывала глаз и не шевелилась. Сегодня, описывая события той роковой ночи, я уверен, что мама в сознание пришла раньше, но продолжала лежать с закрытыми глазами, чтобы подумать, как быть дальше и что в первую очередь делать. Наконец она приподнялась и тихим голосом велела расстелить диванное покрывало. Затем по ее команде папа с Дорой стали туда складывать вещи. Среди пяти латышей, карауливших нас, нашелся один, который шепнул маме, чтобы брали больше теплых вещей. "Далеко поедете", – сказал он. Мама глазами и незаметным движением руки позвала меня подойти к ней, обняла и шепотом велела незаметно пробраться в спальню и из указанного ею ящика в шкафу взять только золотые украшения. Мне это удалось, и вскоре отцовские золотые часы с широким золотым браслетом, несколько маминых колец и цепочек, лежали в моем кармане. Наконец произошло неминуемое, – у стражников лопнуло терпение, и они стали вытаскивать нас из родного дома. Захлопнулась дверь. Закончилось детство. Мне тогда казалось, что сама жизнь кончилась.

ХРОНОЛОГИЯ ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИИ

1941 год, июль месяц.

Прибытие в Красноярский край, Канский район, село Анцырь, колхоз имени Ворошилова.

1941 год, декабрь месяц.

Арест отца и заключение его в лагерь № 235, станция Решота Красноярской железной дороги.

1942 год, июнь месяц.

Пришли за нами. Под конвоем переправили в Красноярск. Затем на пароходе по Енисею до Туруханска и далее по Нижней Тунгуске 800 километров в поселок Тура, "столицу" Эвенкийского национального округа.

1944 год, февраль месяц.

Смерть отца в лагере № 235. Причина смерти – "алиментарная дистрофия", иными словами – голодная смерть.

1944 год, июнь месяц.

Призван в Красную армию с дальнейшим следованием на фронт. Маме и сестре разрешено вместе со мной покинуть Туру для переезда в Свердловскую область, город Бисертский Завод к мамину брату, эвакуированному из Витебска, для дальнейшего проживания в статусе ссыльных "спецпереселенцев".

1944-1945 годы, октябрь-май месяцы.

Принимал участие в боях 2-го Белорусского фронта.

1945 год, октябрь месяц.

Демобилизован из рядов Советской армии по причине тяжелого ранения.

1947 год, ноябрь месяц.

Принят на работу в должности препаратора в сектор геологии Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР.

1949 год, декабрь месяц.

Мать и сестра получили разрешение вернуться в Ригу на постоянное место жительства. Прежняя квартира со всем содержимым национализирована. Вынуждены снимать проходную комнату в чужой съемной квартире.

1955 год, сентябрь месяц.

Отъезд мамы в Израиль по официальному разрешению, полученному от Советского правительства.

1967 год, октябрь месяц.

Отъезд сестры в Израиль.

1968 год, февраль месяц.

Смерть мамы в Тель-Авиве.

1984 год, октябрь месяц.

Смерть сестры Доры в Тель-Авиве.

1987 год, ноябрь месяц.

Институт геологии Карельского филиала Академии наук. Выход на пенсию по возрасту и по собственному желанию в должности старшего научного сотрудника в звании кандидата геолого-минералогических наук.

1987 год, ноябрь месяц.

Подача прошения в Центральный Комитет Ком-

мунистической партии Советского Союза с просьбой о получении разрешения поехать в Израиль для посещения могил мамы и сестры.

1989 год, август месяц.

Получено разрешение на поездку сроком на три месяца в Израиль.

1993 год, апрель месяц.

Получено свидетельство о реабилитации по статье 16 закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий".

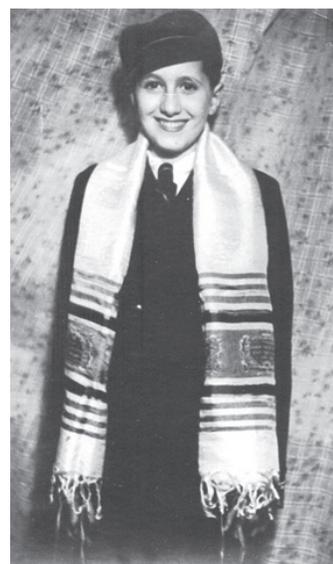
1939 г. Фирме 15 лет

Мамин дедушка Моисей и его супруга, мама и ее сестры Лиза, Соня

Папа, Рига 1940 г.

Мне 13 лет

Таня, Миша

Мама, Папа, Петроград 1916 г.

Маме - 50, 1937 г.

Мне 7 лет

Эльза, Илья Каган

Я

Разговор на рассвете

Моя палатка стоит у обрыва реки, порожистой, непокорной, бесконечно шумящей порою злым рокотом, высказывая таким образом только ей ведомое недовольство. Наступает очередной рассвет в моей геологической жизни. Прохладным туманом потянуло от реки. Легкий ветерок прошелестел в листьях березы, высокой и красивой. Первые косые лучи солнца пробились сквозь ее листья, создавая причудливый узор на тенте палатки. Сегодня 20 июля, день рождения моего отца. Его не стало в 54 года. На его могиле нет ни креста, ни звездочки, да и самой могилы нет. Жертвы ГУЛАГа, каковым был мой отец, хоронились неведомо где и неизвестно как.

17 июня 1940 года в Ригу вошли советские танки. Прежней жизни не стало. Болью в сердце отдаются удары прикладами винтовок солдат НКВД в дверь нашего дома в половине третьего ночи, также в июне, но только годом позже. Мы оказались арестованными: папа, мама, сестра и я, мальчишка шестнадцати лет. Далее нас ожидал длинный состав товарных вагонов. В каждом вагоне по обе стороны дверей два яруса нар из неструганных досок, посередине маленькая железная печка, а позади её нечто в виде слива для человеческих нужд. Я не помню, как люди справлялись со своими надобностями. Среди нас оказалась женщина, которая пожертвовала, прихваченную в спешке, старую простыню в качестве "занавески". Получилось что-то похожее на театр абсурда, в котором актеры были только в черно-белых тонах.

Затем потянулись тридцать два дня пути, проведенными в замкнутом пространстве забитого людьми вагона. Среди нас были маленькие дети, пожилые люди и такие как мои родители. Были также юноши и девушки моего возраста и чуть постарше, которым труднее всего было перебороть чувство стыдливости за "парашным" занавесом.

Пересекли Волгу, позади остался Урал. Чувство глубокого уныния охватило всех. Стало ясно, нас везут очень далеко, откуда, скорее всего, обратного пути нет, и не будет. Взрослые уже были наслышаны о страшных сибирских лагерях, о далекой Колыме, где люди погибали десятками тысяч, только не думали, что это может их самих коснуться.

За Уралом внезапные остановки в чистом поле стали частым явлением, мы пропускали встречные воинские эшелоны. Сомнений более не оставалось: началась война с Германией. Не стану скрывать – многие "пассажиры" этому радовались.

На бескрайних просторах Западной Сибири наша охрана стала как бы "помягче", менее жестокой. На остановках подолгу двери оставались открытыми, бежать-то было некуда. Люди могли на охраняемом, но все же свободном пространстве справиться со своими нуждами, посидеть на траве, подышать свежим воздухом.

Обстановка в вагоне становилась все напряженнее. Не хватало воды, еды, не говоря уже о горячей пище, которая нам доставалась только на крупных станциях больших городов. На них был возможен обменный торг с местным населением. В ход шло все.

Какие только вещи не вытаскивались из чемоданов, баулов и просто тюков, собранных во время ареста. За ведро картошки шли золотые украшения, добротная одежда, халаты, ночные шелковые сорочки. Даже один стакан муки имел свою определенную цену, ведь из нее можно было быстро приготовить обыкновенную болтушку для маленького ребенка. Я помню глаза местных жителей, одетых нищенски, как они вцеплялись в красивые вещи, не забывая при этом, что узники эшелона все равно отдадут любую свою вещь, лишь бы накормить своего голодного малыша. Чувство сострадания у местных жителей отсутствовало начисто. Они видели в нас врагов народа и были о таких наслышаны достаточно. Помню смешной, но полный трагизма случай, когда пожилая женщина предлагала на обмен настенные часы с боем, Бог весть каким чудом оказавшиеся у нее в багаже. Они получили "высокую оценку". Только намного позднее мне стал понятен этот бредовый случай, когда увидел и ощутил ту невероятную бедность, в которой жили люди, именуемые колхозниками. Но это будет потом, а пока шла борьба за выживание в вагоне, как впрочем, и во время всего пребывания в ссылке. Для тех, кто сумел выжить, она длилась долгих семнадцать лет.

Шел двадцать седьмой день нашего, казалось, бесконечного пути. Проснувшись от грохота колес на стрелках рельс, я почувствовал, поезд мчится со страшной скоростью. Приподняв голову, в сумерках вагона я увидел отца, сидящего у кого-то в ногах на нижних нарах и курящего папиросу. Это крайне удивило меня, так как последние годы отец не курил. Ему запрещали врачи. Я выполз из плотного ряда тел и подсел к нему, прижавшись к его плечу.

– Папа, почему ты не спишь? – спросил я тревожным голосом.

– Я не сплю уже не одну ночь. Душа болит за всех вас и, особенно, за тебя, – добавил он грустным голосом.

Отец глядел на меня глазами, полными тоски и боли, и стал тихо рассказывать о своей юности, как он женился на маме, как был счастлив, когда родился я, наследник. Тихо и спокойно лилась его речь, глубоко запавшая мне в душу.

– Меня скоро не будет с вами, продолжил отец, не для этого нас всех арестовали, чтобы мы могли быть вместе. Не много осталось ждать. Ты самый млад-

ший в семье, до сих пор ты был и самым маленьким. Однако так уже более не будет. Ты сразу, в один день станешь взрослым, и этот день настанет тогда, когда меня рядом не окажется. Ты должен будешь очень быстро взрослеть, от тебя этого требовать будет сама жизнь. Постарайся, сын мой, иначе тебе будет плохо, а возможно даже очень плохо, ты можешь погибнуть.

Затем отец рассказал мне, что он тоже был самым младшим в семье, причем семьи большой и многодетной. Одних братьев у отца было шестеро. Все они стали работать в юном возрасте. Уходили в посыльные, становились мальчиками на побегушках, а часто даже для биття. Постепенно все выросли, им выбирали девушек в жены, сами становились главами таких же больших и обездоленных семей, рано умирали в разных краях и городах от болезней и скудости жизни. Далее отец стал рассказывать о том, как родители хотели его, последнего и самого любимого, сберечь, подалее поддержать под своим крылом, но этого им не удалось: на учебу в школе не хватало средств. Достигнув тринадцати лет, отец был отдан в ученики в ателье по пошиву верхней одежды. Вскоре и отца проявилась способность к созданию в рисунках новых моделей одежды. Он прекрасно рисовал и обладал видением нового в пошиве одежды, особенно женской. К двадцати годам он стал мастером своего дела, женился и вместе с моей будущей мамой постепенно создал фирму по продаже женской одежды, которая в середине тридцатых годов покорила половину женского населения Латвии. Судя по фотографиям того времени, папа был очень хорош собой, высок, красив, блондин с голубыми глазами и интеллигентен. Об этом говорил весь его облик. Мама была среднего роста, в молодости очень красива, обладала мягкими округлыми чертами лица, но железным характером и деловой хваткой, свойственной, как сказали бы сегодня, настоящей "бизнес-леди".

Рассказав о своей юности, совместной жизни с мамой, отец надолго замолчал. Потом крепко меня обнял и стал говорить уже совсем о другом. Он обращался уже лично ко мне, касался моей будущей жизни, непредсказуемость которой так волновала его. Отец говорил об обязательных нормах поведения, что бы ни случилось в жизни.

– Сын мой, продолжал отец, ты можешь оказаться в таких условиях, когда невысказанно трудно будет вставать по утрам и начинать свой новый день. Но первое, что ты должен сделать, – это умыться лицо, шею, руки, пусть ледяной водой пусть снегом, но только умытый человек может считать себя личностью.

Странно, но отец как бы предвидел, что, будучи на Крайнем севере, мне придется при лютом морозе вставать в четыре часа утра и топором прорубать в ведре замерзшую за ночь воду.

В том предрассветном разговоре отец коснулся опасности, которая таится в изнуряющем и постоянном чувстве голода. Он как будто предвидел, что и это мне не миновать в столь еще юной жизни.

– Ты уже узнал здесь, в этом вагоне цену хлеба. Но это еще не самое страшное. Для тебя может настать такое время, когда кусок хлеба окажется дороже всего золота мира. Не торопись его съесть, потерпи, собери всю свою силу воли, раздели тот единственный кусок хлеба на три части и он придаст тебе силы на весь день. Помни, в этом хлебе твоя жизнь.

Далее отец коснулся взаимоотношений мужчины и женщины.

– Я знаю, у тебя в школе была подруга, ее, кажется, звали Анцой. Она тебе нравилась, ты был ей не безразличен. Это хорошо, школьная любовь должна быть у каждого мальчишки, она чистая. Ты будешь привлекательным юношей. Девушки и женщины будут на тебя заглядывать, но помни, женщин нельзя обижать. Они единственные, кто может продлить род человеческий. В любви к ним можно ошибиться, но если придется уходить, пожелай ей счастья и тихо закрой за собой дверь. Настанет миг, когда ты найдешь свою единственную, как я нашел твою маму.

Для нас наш поезд остановился в городе Канске, в 170 километрах от Красноярска. Определили на поселение в деревню Анцыр, где мы первоначально работали в колхозе. Четыре месяца спустя в нашу жизнь снова вторгся "черный ворон". 9 декабря 1941 года, глухой сибирской ночью от нас забрали отца. Больше мы его не видели.

Я поведал эту печальную повесть не для того, чтобы "еще один стакан влить в море боли и страданий". Я просто не мог об этом не рассказать.

Уже находясь после ареста отца в Туре, "столице" Эвенкии, мы изредка получали письма из "почтового ящика № 235". В нем было 10 так называемых "лапунктов". Отец побывал в первом, втором, седьмом и десятом. Последний, видимо, был лапунктом смертников. У Жан-Жака Руссо есть такие строки:

*"Не дай вам Бог узнать такую тьму,
Где бьет озноб от холода и страха,
И безнадежный, будто путь на плаху,
День завтрашний уже вам ни к чему".*

Остается лишь добавить, что предлагаемый рассказ написан в 1968 году, в память об отце, которому исполнилось бы 80 лет. И еще, свидетельство о реабилитации на основе Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" автору было вручено 20 апреля 1993 года, то есть 52 года спустя. Этим сказано многое, если не все...

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: ФИГА, 1925-й.

(часть вторая)

Зафиксированная документами история еврейства Риги начинается, примерно, с 1536 года, когда городские бюргеры потребовали от властей не впускать в город приезжих евреев. В 1593 году этот запрет приобрел официальную силу в лице соответствующего закона, изданного польско-литовским правителем Сигизмундом III. Со временем этот запрет был частично "смягчен", и евреям был разрешен въезд в Ригу при условии оплаты соответствующего налога. Им разрешалось временно проживать в городе, вести во время ярмарок различные торговые действия, как например, покупать товары местного производства с условием вывоза его из Риги. Подобной политики по отношению к евреям придерживались и шведские правители как Густав II Адольф, под властью которого оказалась Рига, начиная с 1638 года. Приезжие еврейские купцы и более мелкие торговцы обязаны были во время своих приездов останавливаться на специальных еврейских подворьях, своеобразных гетто. В 1700 году, в самом начале Северной войны, войска польского короля Августа II дважды осаждали Ригу и еврейское подворье, находившееся на окраине города, было полностью сожжено, и их обитатели получили разрешение на проживание в самом городе. Со времени взятия Риги войсками Петра I и установления российской власти над всей территории Латвии и не только, евреям, начиная с 1715 года было разрешено свободно жить в Риге, а с 1725 года было открыто официальное еврейское кладбище. Однако "недолго музыка играла". В 1727 году вышел указ императрицы Екатерины I об изгнании евреев из России. Разрешено было остаться только нескольким семьям, однако и они были вынуждены после соответствующего указа уже императрицы Елизаветы покинуть Россию (1742 год). Просьба рижских горожан, поддержанная сенатом империи, дать возможность еврейским купцам хотя бы только приезжать в Ригу, было отвергнуто императрицей, наложившей на положительное решение сената, следующую резолюцию: "...от врагов христовых не желаю интересной прибыли".

С приходом к власти Екатерины II (1762) в 1764 году было разрешено четырем семьям еврейских купцов (36 человек) вместе со слугами поселиться в Риге. Они образовали первую еврейскую общину в России. Постепенно в Ригу стали приезжать и другие евреи. Всем им было предписано жить в подворье на окраине города, в так называемом Московском форштадте (по горькой иронии судьбы именно в Московском форштадте в 1941 году немцами было создано еврейское гетто). В то же время, разрешительные действия Екатерины II сопровождались запретами заниматься евреям некоторыми видами ремесел, продавать товары за пределами Риги.

В 1770 году на Россию нагрянула эпидемия чумы и евреи снова были изгнаны из страны (за исключением тех же четырех привилегированных семей). Через год всем изгнанникам было разрешено вернуться и даже открыть молельный дом. В 1785 году евреи Риги получили право на постоянное место жительства в местечке Слока (город современной Юрмалы). В 1792 году евреям Риги было разрешено открыть второй молельный дом.

В 1811 году в Риге проживало уже 736 евреев, но только в пределах Московского форштадта. В 1822 году был снят запрет на некоторые виды ремесел, и евреям было разрешено заниматься любыми на выбор. Была также, с разрешения высоких властей, позволено построить первую синагогу. Это случилось в 1851 году, и это была первая синагога в России. В 1857 году евреи получили право на жительство уже по всей Риге, а через год им была предоставлена возможность иметь недвижимое имущество, записываться в ремесленные цеха и купеческие гильдии. К 1869 году в Риге уже проживало 5254 еврея, в 1897 – 21962, а в 1913 – 33615 человек данной национальности.

Среди еврейского населения Риги со временем образовалась достаточно большая прослойка купцов и торговцев. Экспорт товаров через рижский порт осуществлялся в основном еврейскими фирмами. Преобладал лес, зерно, лен. В начале двадцатого века в Риге существовало уже около десяти еврейских банков, была создана система кредитных учреждений. Увеличивался состав интеллигенции. К 1912 году в Рижском политехническом институте обучалось около 200 студентов-евреев (11% от всех студентов). Особо надо отметить, что постепенно Рига становилась одним из центров палестинофильского и сионистского движения. Росло еврейское самосознание.

Функционировало отделение «Буйда» (в переводе с идиш – союз) – Всеобщий еврейский рабочий союз, «Ховевай Цион» (буквальный перевод – «Любящие Сион»).

Первая Мировая война и вслед наступившая в России гражданская война многое изменила в жизни евреев Риги. Самым главным событием было образование 18 ноября 1919 года самостоятельного Латвийского государства. Стала стремительно расти численность еврейского населения, как за счет внутренней миграции, в основном, из Латгалии (к ним относятся и мои родители), так и за счет возвращения беженцев из смутного времени войны и революции. Так в Риге в 1924 году проживало 24712 евреев (10%), в 1930 – 42328 (11,2 %), в 1935 – 43672 (13,3 %). К 1935 году в Риге проживало уже примерно 47 % всех евреев Латвии.

В моих представлениях ребенка из благополучной семьи, жизнь в Риге, да и сама Рига была чудесна.

Ведь не случайно Ригу перед Второй Мировой войной называли «маленьким Парижем». Даже при строгом домашнем воспитании, жизнь была достаточно свободной и спокойной в духовном плане. В своем раннем детстве я не помню проявления антисемитизма. Скорее могли обозвать буржуем, но не жидом. Это уже ближе к 40-годам при Ульманисе, когда стали появляться фашистские молодежные группы, нам еврейским юношам приходилось порою проявлять бдительность и осторожность, чтобы не нарваться на их бесчинства.

В школу, притом в немецкую, меня родители «сдали» в восемь лет и с приличной домашней подготовкой. Я был ребенком болезненным, ангины и просто простуды ко мне прилипали с необыкновенной легкостью, отсюда и бережное отношение к позднему и единственному наследнику, родившемуся, когда маме было уже 39 лет. По тем временам это были поздние роды. Школа состояла из шести классов, называлась «основной», то есть «неполной средней школой» по своей сути. Обучение шло только на немецком языке. В достаточно большом объеме преподавался и латышский. Из той поры я мало что помню. Дружбы особой ни с кем не водил, все дети были из обеспеченных семей и особо ни с кем не контактировали. Сегодня такую школу назвали бы «элитной». Наверное, так оно и было.

После окончания школы отец пригласил меня на «серьезную беседу», в которой сообщил о своем желании видеть меня учеником латышской гимназии. А это значило для меня прощание с летними каникулами, так как необходимо было сдать пять (!) вступительных экзаменов: латышскую грамматику, литературу и написать сочинение, а также математику письменно и устно, также на латышском языке. Единственным утешением служила гимназическая форма, которую при удачном поступлении (о неудачном и речи не могло быть) мне предстояло носить: китель со стоячим воротничком из черного сукна и брюки навыпуск из того же материала. Но самое главное – это была синяя бархатная фуражка с золотым околышем и маленьким лакированным козырьком. Она была копией студенческих фуражек и отличалась только по цвету. У каждого высшего учебного заведения Риги была фуражка своего особого цвета.

Экзамены по латышскому языку принимала суровая, не только на вид, дама – госпожа Крумыньш, ее все боялись как огня. Каким-то образом я умудрился по грамматике у нее получить пять с плюсом, литература была мною сдана на пять, а сочинение на пять с минусом. Соответственно и математика. Итак, я был принят. Следует еще добавить, что это была единственная общественная гимназия, которая содержалась на средства родителей еврейских (в основном) детей, где преподавание велось только на латышском языке. Кроме общепринятых общеобразовательных предметов, нами изучались еще немецкий, англий-

ский и французский или латынь на выбор. Я выбрал латынь. Почему-то! Как показала сама жизнь, в последующем она мне очень пригодилась.

Первого сентября 1939 года началась учеба и именно первого сентября прозвучали первые звуки тревоги по польскому радио, извещавшие о начале Второй мировой войны. Жить стало очень тревожно. Из «темных подворотен» повылезала профашистски настроенная латышская молодежь. Немецкое население к этому времени уже покинуло не только Ригу, но и всю Прибалтику. Еще в 1938 году по зову «фюрера», живущие в Прибалтике немцы покинули свои, в сущности, родные места, и переехали в Германию. В том числе и моя домашняя воспитательница Эльза. Она прожила в нашем доме тринадцать лет и была как родная нам. В Риге стало как-то неуютно жить, и это в нашей Риге. По вечерам родители порою уединялись в спальне и долго о чем-то говорили и даже спорили. Только спустя много лет я узнал, что отец просил маму немедленно, пока еще не поздно, уехать в Палестину. Мать не могла так сразу бросить свою фирму. Слишком поздно она поняла, как отец был прав!

17 июня 1940 года в Ригу вошли советские танки. Прежней буржуазно-демократической Латвии не стало. Установилась власть Советов. Была прекращена деятельность всех еврейских автономных учреждений, политических партий, студенческих корпораций, спортивных обществ. В самом начале 1941 года были арестованы все руководители религиозных и политических партий, в том числе и в первую очередь, еврейских. Все предприятия, выражаясь современным языком, крупного и среднего бизнеса национализированы, в том числе и недвижимое имущество, транспортные средства. Не знаю кому, сколько и как, но моему отцу предложили уплатить 18000 лат (36000 долларов) огромную сумму по тем временам, взамен за спокойствие. И отец уплатил, лишив нас всех хоть какой-то материальной безопасности. Но это был обыкновенный большевистский обман.

Изменения произошли и в школьной жизни. Наша гимназия была переименована в 20 среднюю школу, форма отменена, введено совместное с девочками обучение. В классе появилось множество новых учеников, в равной степени, как и учителей. Директор школы остался прежним и вместе с нами продолжал учиться его сын – Саша Бергман.

Сегодня я понимаю, как родители старались нас оберегать от неприятностей бытовых, материальных, духовных, социальных. От нас (от буржуев) ушла наша многолетняя русская повариха Вера. Ее взяли поваром в Дом офицеров. В помощь маме стала приходиться через день женщина, помогавшая по дому. В комнату сестры поселили майора-летчика Красной армии. Он с нами не разговаривал, даже не здоровался. Сестра Дора перешла в мою детскую, а я переселился на диван в гостиную. Сестра ушла из

консерватории, где она училась на IV курсе и устроилась работать в Управлении кинопроката, благо знала пять языков, успела закончить английский колледж, освоила машинопись. Я со своей стороны старался прилежно учиться. В Европе шла война, а Рига жила в страхе. В ночь на 14 июня 1941 года нашу семью, как и еще 10000 подобных нам, арестовали и депортировали в Сибирь. *Finita la kommedia*.

Война Германии против России началась 22 июня 1941 года, а уже 1 июля того же года немецкие войска вступили в Ригу. К тому времени в городе находились около 40000 евреев, включая беженцев из Литвы. 4 июля латышские фашиствующие элементы при содействии немцев подожгли несколько синагог, в том числе крупнейшую «Гоголь-шул» в Московском форштадте с находившимися в ней евреями-беженцами. Немцы и латыши расстреливали всех, пытавшихся спастись из огня. Так погибли первые 2000 человек еврейского населения. Так было положено начало всеобщего истребления евреев Риги.

В первые же дни оккупации немцами и латышскими полицейскими были расстреляны в Бикерниемском лесу под Ригой еще несколько тысяч евреев. В конце июля 1941 года немецкими властями был опубликован приказ, обязывающий всех без исключения евреев пройти регистрацию и пришить на свою одежду отличительный знак – звезду Давида желтого цвета. В Московском форштадте было создано гетто, куда на очень ограниченном пространстве (см. рис.) были переселены все евреи города, около 32000 человек, от младенцев до глубоких стариков. Само же гетто было разделено на «большое» и «малое». В последнем было размещено около 4,5 тысяч работоспособных мужчин, юношей и женщин.

29 – 30 октября и 8 – 9 ноября 1941 года во время двух «акций», осуществленных «Эйнзацгруппен СС» и отрядами латышской полиции, под общим командованием генерала СС Ф.Эксльна, были уничтожены около 27000 евреев. Место расстрела было определено в лесу, около железнодорожной станции Румбулы. Там, в Румбулы, в том числе, были лишены жизни: моя старшая сестра с двумя ребятишками трех и семи лет (муж сестры погиб в концлагере); мамин брат с женой; папин брат с женой. В Румбульском лесу в числе расстрелянных оказались почти все ученики моей школы. Спаслись только дети эвакуированных родителей. Но их были единицы. Никто из евреев Риги подобного зверства со стороны «культурнейшей нации» не ожидал. Святая вера, породившая детскую невинность!

В декабре 1945 года после демобилизации из Советской армии по причине тяжелого ранения, приехав в Ригу, узнал, что в родной наш город вернулись: Ага Верт, Лея Михельсон, Боб Аншелевич, Ося Ро-

зенбаум. Кроме них вернулись также Саша Бергман и Макс Гуткин, каким-то чудом спасшиеся, пройдя сквозь горнила фашистских концлагерей. Несколько лет тому назад вышла книга Александра Бергмана: «Записки недочеловека», в которой описаны все невыносимые мучения, которые пришлось пережить узникам рижского гетто и лагерей смерти. Читать их без содрогания нет сил. Горло сжимается.

1944 – 1945 годах была создана нелегальная еврейская организация «Бриха» (в переводе с иврита – побег), назначение которой было помочь уцелевшим в Катастрофе Восточной Европы и Прибалтики, в особенности юношам и девушкам, перебраться в Палестину. Среди желающих оказался и Макс. Ему помогли тайно перейти границу Советской Литвы с Польшей, а далее в запломбированном товарном вагоне с фиктивными сопроводительными товарными накладными, в составе таких же отчаянных молодых людей, перебраться через оккупированную Восточную Германию в Западную. Далее их ожидал не менее опасный переход через Альпы в Италию. Там в Турине их ждало зафрахтованное старое торговое судно, чтобы доставить несколько сот юношей и девушек в Хайфу. Об этом переходе через Альпы, лет шесть тому назад, поздно вечером по 2 каналу российского телевидения показывали документальный фильм: «Огненные столпы». Из-за позднего времени его показа, к сожалению, мало кто его видел. Увы, недалеко от Хайфы, куда пароход направлялся, он был атакован двумя английскими военными кораблями, пленен, а все его пассажиры переправлены на Кипр, уже в английский концентрационный лагерь. Пробыв в этом лагере еще два года, Макс с несколькими товарищами удалось бежать, и в середине мая 1948 года оказаться уже в Израиле и начать новую жизнь с участия в «войне за независимость».

Макс Гуткин прожил большую и интересную жизнь. После, уже своей «войны» он был послан в США, где закончил авиационный институт, завершил свою служебную карьеру в должности заместителя директора крупнейшей израильской авиакомпании «Эль-Аль», вырастил трех сыновей, перенес три операции на открытом сердце. Во время третьей операции ему заменили свой сердечный клапан на свиной. Сегодня он шутит, что является правоверным евреем, но... с некошерным сердцем. Я ему пишу письма, он отвечает телефонными разговорами. Так ему проще. Саша Бергман живет в Риге, известный адвокат, много ездит по Германии и другим европейским странам с рассказами и лекциями о Холокосте. Все названные мною имена ребят (иначе я просто назвать не могу), моих товарищей по школе и юности моей, объединяет одно место рождения – Рига, и один год рождения – 1925-ый.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925 год.

(часть третья, последняя)

АНЦА

В 1941 году, когда мне было 16 лет, когда я учился в 8 классе Рижской средней школы, я испытал впервые чистую и радостную юношескую любовь. А началась она с двойного перелома щиколотки левой ноги...

Столь невразумительное начало требует, очевидно, вразумительного объяснения. Но как найти вразумительное объяснение тому, что летом 1940 года в Ригу вошли советские танки, и все перевернулось: богатые стали бедными; бедные вошли во власть; гимназисты стали простыми учениками, потеряв столь оберегаемую ими индивидуальность; сестра моя была вынуждена уйти с IV курса консерватории, в которой она училась по классу фортепиано, а родители оказались не у дел, испытывая одну лишь боязнь за завтрашний день своей семьи.

Осенью, к началу нового, во всех своих проявлениях, учебного года, я уже знал, что в школе произошли крупные изменения: во-первых, отменили форму; во-вторых, школа стала всеобщей, то есть, совместное обучение юношей и девушек; в-третьих, в нее влились ученики из других школ, класс в своем количественном составе увеличился в равной степени, как количественно увеличился и состав преподавателей. И последнее, если в гимназии (как это было раньше) обучались пять лет, то новая наша средняя школа по количеству классов сократилась до трех – 8, 9 и 10-й.

Все эти изменения вызывали во мне двойственное чувство. С одной стороны, было любопытно, как это все отныне будет выглядеть, с другой же – возникло некоторое уныние от всего случившегося не только в школе, но и в жизни вообще. Вот почему я вошел в школу одним из последних, за несколько минут до первого звонка.

Первое, что бросилось в глаза "разношерстность" в одежде учеников. Каждый был одет, кто во что горазд. В том числе и я. Второе, – много новых лиц при заметном отсутствии моих одноклассников прежних школьных лет. Свободных мест почти уже не было, лучшие места у окна и вдоль противоположной стены были предельно заняты. Верно, одно такое место все же оказалось свободным, рядом с девушкой с огромными серыми глазами. "Разрешите, мадмуазель", – обратился я к ней и воспользовавшись ее некоторым замешательством, сел с ней рядом по какому-то неведомому мне наитию. Звали ее Анцой. Она была очень прилежной ученицей, помогала мне решать задачи по алгебре, которую, как, впрочем, все науки, связанные с математикой, чертовки не любил и не воспринимал.

Пришла зима, и раз в неделю мы всем классом во главе с преподавателем физкультуры выезжали в ближайший пригород покататься на лыжах. Обычно

это было недалеко, примерно, в часовой доступности. В последней такой вылазке я воспользовался небольшим естественным трамплином, но, увы, неудачно. Это был ледяной бугор под снежным прикрытием, лыжи разъехали в разные стороны, и я совершил совсем не мягкую посадку. Тотчас в левой щиколотке почувствовал острую боль, но самолюбие не позволило в этом признаться. Я попросил ребят не обращать на меня внимания и уговорил физрука продолжать путь, пообещав их догнать, в крайнем случае, вернуться домой.

Нога стала распухать на глазах. Боль усиливалась, спасало только то, что довоенные лыжные ботинки были довольно высокими и плотно охватили распухшую щиколотку. Начался длинный и мучительный путь домой – двумя трамваями с пересадкой. Сестра в трамвае я не посмел: во всех вагонах висели таблички на латышском языке: "Юноши! Уступите место старшим". К концу пути силы меня почти оставили. Слезы текли по щекам, было очень больно и страшно. Уже стемнело. Голова кружилась, подступала тошнота, я уже не верил, что сумею дойти сам до дому. Ведь от трамвайной остановки предстояло еще идти метров триста, а я уже больше не мог.

С трудом сошел со ступенек трамвая и... увидел отца. Отец, предчувствуя что-то неладное, уже окончательно стемнело, пошел меня встречать. Он тут же остановил извозчика (до войны в Риге это был основной вид частного транспорта), и мы поехали домой. Был срочно вызван наш семейный врач, и узнав от отца о чем идет речь, принес собой портативную рентгеновскую установку. Сделали снимок, и через некоторое время врач вернулся с помощницей-сестрой и с гипсом. В щиколотке оказались две трещины. Ногу загипсовали, приделали к пятке железную скобу, чтобы я мог ходить на ней, и... неожиданные каникулы на целый месяц.

На следующий день меня навестил весь класс во главе с учителем физкультуры. Когда я показал им свою загипсованную ногу, все сначала неловко замолчали, а потом стали шумно выказывать восторг по поводу моего мужества. Я вдруг почувствовал себя героем дня. На следующий день пришла Анца, но уже одна.

Анца стала приходить почти ежедневно, приносила уроки, в смысле задания, помогала мне не отставать от учебного плана. В дневные часы дома редко кто бывал, и приход Анцы, этой девушки с красивыми серыми глазами, доставлял мне большую радость. Мы что-то друг другу рассказывали, смеялись, обсуждали школьные новости, нам было хорошо вдвоем.

Наши встречи нашли свое продолжение и весной, катались на велосипеде, заходили в небольшие кафешки, где всегда были недорогие и очень вкусные

булочки и маленькие пирожные. Мы радовались весне, юности, жизни...

В 1941 году в Риге шел с сумасшедшим успехом немецкий цветной кинофильм "Девушка моей мечты", в котором, в исполнении Марики Рёки, прозвучали слова "фривольной" песенки. Этот шлягер напевала вся Рига, и мы с Анцой в том числе, хотя в кино нас тогда еще не пускали по причине "малолетства". Тогда нравы строго наблюдались. Когда я приходил к Анце во двор ее дома, я насвистывал именно этот мотив песни, а в ответ раздавался веселый перестук ее каблучков по лестнице и веселый возглас "Салют", и мы отправлялись гулять. Ездили на Рижское взморье, посещали в Межапарке зоосад, бродили просто так по узким улочкам Старой Риги. О школьных заданиях мы не шибко думали тогда. Гнетущее ощущение, что:

"Тучи над городом встали, // В воздухе пахло грозой..." не покидало нас. Немецкие войска вошли в Париж, бомбили Лондон, Польша оккупирована, в самой Риге множество богатых в прошлой жизни семей под прицелом "советского возмездия". Настроения учиться ни у Анцы, ни у меня не было. Мы сами не понимали, как по-юношески влюблены друг в друга.

Глубокой осенью 1945 года, я вернулся после демобилизации из армии в Ригу, и тотчас пошел на знакомую улицу, где находился столь знакомый мне двор, и стал насвистывать уже полузабытую мелодию из "Девушки моей мечты". Но тщетно! Никто не откликался. Только дворник подошел, и грустными глазами глядя на меня, сказал: "Парень, не жди свою Анцу, ее расстреляли немцы".

Эвенкийские мотивы

(из цикла: Место рождения: Рига, 1925)

Эвенкийский автономный (в советское время – национальный) округ в составе Красноярского края со «столицей» Тура (ныне поселок городского типа), образован переселенцами, в прошлом так называемыми «кулаками» из Украины и других мест России, в 1930 году. Площадь округа 768 тыс. кв. км. Население (эвенки, якуты, русские и др.) – 19,5 тыс. чел. по переписи 1989 года. Расположен в центре Средне-Сибирского плоскогорья, занимает пространство между реками Енисеем и Леной. Основная водная магистраль – Нижняя Тунгуска, правый приток Енисея, длина – 2989 км, судоходна в половодье до Туры, на расстоянии 800 км. от Туруханска.

В конце мая 1942 года в Туруханск прибыл пассажирский пароход «Енисей» из Красноярска, преодолев расстояние более 1,500 км. В его трюме находились человек двадцать, так называемых «спецпереселенцев» из Риги и немцев с Поволжья. Каким-то чудом среди них оказались мать и дочь польского происхождения. Мужчин среди спецпереселенцев не было, одни только женщины и их дети, среди них были и юноши, которым на день ареста было не более шестнадцати лет.

В Туруханске этот спецконтингент с нетерпением дожидался под парами буксир и две баржи, груженные продуктами, горючим, промтоварами и многим другим, столь жизненно необходимым для поселка Туры на целый год. Было то единственно возможное время, когда «большая вода» весеннего паводка позволяла доставить необходимые грузы до самой Туры, и длилось оно всего каких-то три, максимум четыре недели. Вот почему с таким нетерпением ждали пароход из Красноярска со спецпереселенцами, для которых пункт назначения и дальнейшее проживание Главным управлением лагерей (Гулаг) был обозначен поселок Тура.

Перемещение людей с парохода на баржи было стремительно быстрым. Их кое-как разместили на палубах барж, и тут же раздался гудок буксира. Ему, бедному, предстояло пройти трудный путь в 800 км

против течения с множеством порогов и длинными перекатами.

Будучи непосредственным участником того спецпереселения, должен признаться, что это было на грани непереносимости. Мы, не зная суровых жизненных условий в Сибири, не будучи знакомы с социальным устройством страны под странным названием СССР, не знавших в прошлом голод и физические мучения, вдруг, внезапно и неотвратимо получили все сполна.

Баржи не были обустроены для перевозки людей. Единственное «удобство» на корме, в виде нависающего над водой сооружения, которое позволяло хотя бы в этом случае надобности укрыться от глаза людского. Не было возможности сварить какую-либо пищу, да и этой пищи, по сути, не было. От фактории к фактории, которые были выстроены в советское время на берегу Нижней Тунгуски, мы плыли по реке несколько дней. Только там мы могли получить хотя бы хлеба и еще кое-что по нормам военного времени. Были еще и вынужденные остановки, когда кончались дрова для топки буксира и мы, кто мог быть полезным, участвовали в заготовке дров: команда буксира валила лес, мы пилили (кто мог) и таскали тяжелые чурбаки на буксир.

Отношения между «пассажирами» были весьма натянутыми. Немцы с Поволжья не хотели понимать наш немецкий, которым мы владели не хуже их. Они вообще считали себя невиновно сосланными, а к нам, из-за нашего довоенного социального прошлого, относились как к врагам народа.

Зато полной неожиданностью для нас оказалась польская девушка. Ее звали Ядвига, она сошлась с сестрой на почве музыки: сестра до прихода Советов училась в консерватории по классу пианино, а Ядвига окончила музыкальную школу по классу пения. Эта общность очень сблизила сестру с польской девушкой. Я тоже нашел себе приятеля на барже. Его звали Иосифом, его отец, так же, как и наш, находился в лагере. Иосиф закончил начальную еврейскую школу, знал иврит и играл на скрипке, учился у частного преподавателя. Как-то вечером, когда мы плыли по тихому плесу реки, он взял скрипку и стал тихо наигрывать только нам с ним знакомые еврейские мелодии. Его игру услышали все, но Ядвига по особенному, с удивлением и радостью одновременно. Она попросила его сыграть что-то более знакомое. Он с пониманием улыбнулся ей в ответ и по вечерней воде Нижней Тунгуски поплыли чарующие звуки из разных оперетт. Это было до боли нелепо: река, баржа, ссыльные, которых ждала сплошная неизвестность и... Оффенбах. После этого вечера они были почти неразлучны. Когда мне приходилось впоследствии встречать их на улицах Туры, они были всегда вместе, Иосиф и Ядвига.

Чем выше мы поднимались по Нижней Тунгуске, тем сильнее становилось течение, тем труднее было слабенькому буксиру преодолевать все чаще возникающие препятствия в виде подводных камней и перекатов. Порою оставалось только поражаться умению и стойкости команды буксира. Это были мужественные и знающие свое дело люди, именующие себя речниками. И все же, наконец, настал тот долгожданный миг, когда за поворотом реки стали видны дома Туры, и буксир многократными гудками оповестил жителей о своем прибытии. Было четыре часа утра. Белая ночь, солнце светит восходящими косыми розовыми лучами, радость, что путь наш завершился и страх перед неизвестностью.

Встречало все население поселка, баржи ждали, каждый день вглядываясь: когда же станет виден из-за поворота реки караван? Как нам потом рассказывали, мужчины поселка уже давно курили опилки, перемешанные с ягелем, а вкус чая успели позабыть и пили чагу, если посчастливилось ее найти в северном лиственничном (в основном) лесу. Через какое-то время подтянулся даже небольшой оркестрик, который должен был подбадривать людей во время выгрузки барж. Всю тяжесть этой работы мы познали на следующий год, когда уже сами участвовали в этом непомерно тяжелом труде. А пока мы сидели на берегу, охраняя свои вещи.

Тура располагалась на плоской возвышенности в треугольнике, образуемом Нижней Тунгуской и ее притоком Тембенчи. Сегодня об этом горестном для нас месте ежедневно напоминает синоптическая карта России, которую показывают по телевидению. На берегу Тембенчи мы и ждали своего часа, когда за нами придут и куда-нибудь поселят. И этот час настал, нас подвели к бараку и сказали: «Отныне здесь вы будете жить»!

Барак, в котором нам было предложено жить, требует некоторого пояснения. Строение по возрасту, скорее всего, было ровесником самой Туры. Вполне возможно, что его строили и затем жили сами основатели Туры. Стены – насыпной конструкции из горбылей. Пространство между ними когда-то было заполнено опилками, давным-давно просевшими. Их там просто не было. Не трудно себе представить, насколько эти стены были морозоустойчивыми и ветронепроницаемыми. Внутри барака по всей его длине протягивался коридор с шестью дверьми по обеим его сторонам. Каждая комната площадью не более двенадцати квадратных метров. В каждую комнату селили не менее пяти-семи человек, иными словами, две семьи. С нами поселены были мать и дочь, с двухсторонней общностью: наши отцы находились в одном лагере под Красноярском. Мама пожертвовала диванную накидку, в которую были завернуты в ту роковую ночь нашего ареста в спешке собранные вещи. Накидка теперь превратилась в занавеску, хотя бы частично отделявшую нас от комнатных соседей. В середине комнаты стояла железная печь. Зимой она топилась почти круглые сутки, но все равно не могла противостоять холоду, проникающему отовсюду: от дощатых стен, пола, окна и дверей. Так мы прожили более двух лет.

Отношение властей к нам и немцам с Поволжья было резко дифференцированным. К примеру, моя сестра знала пять языков, владела в совершенстве машинописью, не говоря уже о музыкальном образовании, но ни одно из ее знаний и умений не было востребовано. Ее уделом стала тяжелая неквалифицированная работа, и так со всеми нами. Немцы считались «советскими», их дети посещали школу. Мне это было изначально запрещено. Немцы работали в отапливаемых зимой помещениях уборщицами, счетоводами и т.п. Над нами же висело классовое проклятие.

Прошло месяцев девять, и я оказался учеником в бондарном цехе, где изготовлялись 100-литровые бочки под рыбу, соленого тайменя, разновидности сибирского лосося. До этого я долбил вечную мерзлоту под котлован какой-то постройки, возил зимой воду в бочках для начальства. Замерзал порою до посинения, до онемения всех конечностей. Порою, в 50-ти градусный мороз я превращался в стекловидное образование, которое уже не было в состоянии даже согнуться. И... вдруг работа в тепле и в престижной должности ученика-бондаря.

В начале ноября 1943 года Туру облетела весть, что Красной армией освобожден Киев. Это означало, что впереди освобождение от фашистских войск ждет вся Украина, Белоруссия, Прибалтика. Люди заулыбались, в клубе НКВД возник незапланированный митинг. Люди обнимались, радовались. В клубе, случайно или нет, оказались Ядвига и Иосиф. Они вошли на сцену. Иосиф заиграл на скрипке, Ядвига запела, а порою просто подпевала ему. Под конец они исполнили гимн Великой Отечественной войны: «Вставай страна огромная//Вставай на смертный бой...» люди замерли в торжественной тишине. Эта песня как бы примирила польскую девушку и еврейского юношу с советской действительностью.

В марте уже следующего года поселок встревожился: Иосиф не вернулся из леса. Ему и его напарнику была выделена недалеко от Туры лесная делянка, для заготовки дров для поселка. После обеда того злосчастного дня разыгралась пурга, злая, северная. Напарник вышел из леса, Иосиф в тот вечер домой не вернулся. На следующее утро, весь поселок, кто только мог, вышел на его поиски. Но... тщетно.

Нашли его только по весне, в нескольких километрах от Туры, в овраге ручья. Рядом с ним лежали обугленные ветки неразгоревшегося костра, разбросанные спички. Последняя спичка была зажата в мертвых остеклевенных пальцах, умевших извлекать чарующие звуки, но не сумевших разжечь спасительный огонь.

Поль Марсель – история одной песни

Ленинград. Зимой 1947 года, в коммунальной квартире, в которой я тогда временно проживал, поздно вечером раздался звонок в дверь. На пороге стоял мужчина в бушлате серого цвета, в ватных брюках, на голове суконная шапка ушанка. На меня смотрели полные тревоги глаза, лицо усталое, плохо выбритое. Он тихим охрипшим голосом спросил: «Нина Мироновна здесь еще проживает?» Я ответил утвердительно и подвел его к двери, за которой жила Нина, тридцати двух-тридцати четырех лет женщина особой некрасовской красоты, «которая коня на ходу остановит и в горящую избу войдет».

На следующий день рано утром, все еще спали, Нина постучала в дверь и как-то очень трогательно попросила меня проводить ее ночного гостя до Витебского вокзала за несколько кварталов от нашего дома. Выйдя с ним, спускаясь по лестнице, я обратил внимание на его изношенную обувь. Стало очень жалко этого человека с явно не простой судьбой. Попросив его немного подождать. Я вернулся и достал пару почти новых ботинок с галошами, полученных мною из канадской гуманитарной помощи как фронтовик в то очень трудное для всех время. Не знаю, что меня на это подвигло: сострадание или какое-то внутреннее чувство, что этому человеку сегодня и сейчас они нужнее, чем мне. Он их молча взял и, присев на ступеньку, тут же обул. Посмотрев на меня долгим взглядом, спросил: «У тебя там кто-то был?» Ответил, что отец погиб в лагере, он понимающе кивнул. «Я так и понял», – сказал он, и мы вышли на улицу. У вокзала он молча обнял меня, и мы расстались. Больше я о нем никогда и ничего не слышал. Некоторое время спустя, я все же осмелился спросить Нину, а кем же был этот загадочный ночной посетитель? «Гарри, – просящим голосом обратилась ко мне Нина, – никому о нем не говори. Это Поль Марсель, композитор, сочинитель многих довоенных популярных песен, которые пела вся страна. Он только что освободился из лагеря, мы были с ним близко знакомы в том, довоенном прошлом, но я ему ничем помочь не могу. Ему не смог помочь даже его друг Дмитрий Шостакович, так как над ним нависла угроза. В начавшейся в начале 1948 года компании он был обвинен в формализме, и его музыка была объявлена антинародной. И в этом обвинили Д. Шостаковича! Автора всемирно известной Ленинградской симфонии!»

Прошло более шестидесяти лет. В октябре-ноябре 2010 года на первом канале нашего телевидения шла популярная передача «Достояние Республики», на которой общее признание получила песня тридцатых годов прошлого столетия «Дружба», до сих пор исполняемая разными исполнителями на концертах, дома и у костра. Первая грампластинка этой песни вышла в 1936 году в исполнении Клавдии Шульженко, только истинный автор музыки к ней оставался скрытым за занавесом нашей истории. И вот: «Веселая час и боль разлуки /Хочу делить с тобой всегда / Давай пожмем друг другу руки /И в дальний путь на долгие года» наконец-то открыто впервые прозвучало имя истинного автора музыки песни – Поль Марсель

(Павел Русаков). Он родился в 1908 году в Марселе, куда его отец Александр Иоселевич Русаков эмигрировал во время еврейских погромов в Таганроге, но... переехал он туда не только по причине своей национальной принадлежности. А.И. Русаков был профессиональным анархо-коммунистом и соратником Ленина – его партийная кличка Ананьев. За призыв русских солдат и моряков в 1918 году, находящихся во Франции, выступить против Антанты и подстрекательство их к беспорядкам, он был выслан со всей семьей в Советскую Россию.

В 1923-1932 годах Павел Русаков посещает Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано, а затем и по теории композиции. Свои первые песни Павел Русаков пишет еще в 1924 году. Это «Игра любви», «Тампа», «Гренада» и другие, которые сразу приносят ему заслуженную популярность и именно тогда Павел Русаков становится Поль Марселем. В доме Русаковых на улице Желябова в Ленинграде постоянно собирались деятели культуры и искусства. Молодой Поль знакомится с Дмитрием Шостаковичем, у него возникают тесные дружеские отношения с Сергеем Есениным, ставшие впоследствии роковыми. Младшая сестра Поля Эстер выходит замуж за Даниила Хармса (1905-1942), чей талант и слава будущего литератора тогда только набирала силу. Забегая вперед, его произведения – сочетание парадоксов, алогизмов и нарочитой наивности вскрывали абсурдность бытия, обезличивание человека, ощущение надвигающегося кошмара. Репрессирован в 1941 году. Умер в психиатрической больнице.

В конце двадцатых прошлого столетия, коварное время уже стучится в дверь. В 1928 году Русаковы (за исключением Поля) становятся жертвами Главного Политического управления (ГПУ) и в одночасье оказываются в разных лагерях. Эстер погибла в лагере на Колыме, брат Жозеф находился в лагере три года, сестра Анита – пять лет. Следует понять, что тогда, да и в последующие годы, родиться во Франции, а затем в СССР писать «мещанские песенки», водить дружбу с Есениным, быть в родстве с Хармсом, вести свободный образ жизни, – роскошь непозволительная в Советском Союзе и, как следствие, Поль Марселя арестовывают 2 июня 1937 года. Обвинение: десять лет за контрреволюционную деятельность. Этого показалось мало, будучи в тюрьме Поль Марселя обвиняют в организации убийства С.М. Кирова. Ему грозил расстрел. Какая ирония судьбы. Ведь именно Поль

Марсель написал «Реквием» по поводу гибели Кирова, который с большим успехом шел в Доме культуры им. Кирова и его же обвиняют в организации убийства. После двухмесячного одиночного заключения в камере смертников, его отправляют на десять лет в Вятлаг на Урале. По представлениям автора очерка, от неминуемой гибели Поль Марселя спасает поручение лагерного начальства реорганизовать имевшуюся там культ-бригаду в образцово-показательный музыкально-драматический театр Вятлаг НКВД. Он давал концерты и целые представления, как для руководства лагеря, так и для прилежных осужденных по уголовным статьям. «Музыкальная обработка композитора Поль Марселя дала блестящие результаты, оркестр звучал прекрасно... Не диссонировало и смелое нововведение композитора – соло на гавайской гитаре... – это крупный успех и большое достижение в культурной жизни Вятлага», – писала газета политуправления лагеря...

Прошли мучительные девять лет и один месяц, ворота лагеря для Поль Марселя наконец открылись, но... жить в России ему было запрещено. Он был приговорен на вечное поселение в Казахстан, в город Джамбул. Но Марсель должен побывать в Ленинграде, хотя бы на сутки, увидеть друзей, если только таковые у него остались, и рискуя снова потерять свободу, он тайком от властей приезжает в свой родной город. Вот тогда, чисто случайно открыв ему поздно вечером дверь, я увидел его, легенду песенного мира России.

В советское время ни одно музыкальное издание просто не могло, да уже и не знало истинное имя композитора песни «Дружба», которая сохранила популярность до наших дней. В нотах и на пластинках «Дружбы» обычно указывались авторы – композиторы: А.Шмулян или А.Тургель, поэты – сразу трое: Алексеев, Сидоров, Ландау. Среди певцов, исполнивших песню, чаще всего называли Вадима Козина. Наконец истина восторжествовала и Первый канал в 2010 году вернул песне «Дружба» своего истинного автора.

Поль Марсель был полностью реабилитирован только через три года после смерти Сталина, в 1956 году. И даже после этого, чтобы легализовать его проживание в Ленинграде, потребовалось ходатайство Дмитрия Шостаковича в высших инстанциях власти. С 1956 по 1970 годы Поль Марсель был музыкальным руководителем и одновременно дирижером оркестра Ленинградского цирка. В 1973 году его не стало.

Народного артиста и лауреата Государственной премии Поль Марселя должны были по статусу похоронить на Литературных подмостках в Ленинграде, но... ему отвели место только на Северном кладбище. Даже уже ушедшему из жизни власти не могли забыть его жест, возможно отчаяния, а скорее всего протеста, когда он в 1956 году на Красной площади бросил к стенам Мавзолея все свои наградные листы. Но мы простим и постараемся его не забыть.

ЧАСТИЧКИ БЫТИЯ

Дорогие мои, незабвенные...

Из многочисленных писем, писанных моими родителями с 1953 года сначала мне, позже моей семье, сохранилось 28 маминых и 7 папиных. Перечитываю их и оказываюсь в атмосфере необычайного тепла, любви, нежности, заботы, чистоты, и не побоюсь этого слова, святости. И вижу небольшой одноэтажный дом в Житомире на углу улицы Хлебной, 78 и Старогончарного переулка, где я родилась, и прошло мое довоенное детство, откуда уехала в эвакуацию в узбекский городок Мирзачуль и куда вернулась после окончания Великой Отечественной войны. Наш дом был куплен в начале 1920-х годов дедом Иосифом и бабушкой Куней Гальпериными, уроженцами местечка Левков, которое находилось в двенадцати километрах от Житомира. Дедушка там служил помощником лесника.

Бабушка и дедушка дома говорили между собой и с моими родителями на идиш, были очень религиозными людьми, неукоснительно соблюдавшими заповеди и предписания Книги книг. В любую погоду утром и вечером дед шел в синагогу, где был «шамесом», помогая во всем, совершенно бескорыстно ребе. Запомнила его часто молящимся, облаченным в талес и с наложенными на лоб и руки тфилин. Дедушка был очень уважаемым человеком. Бесхитростный и бескорыстный, он начисто был лишен коммерческой жилки, никогда не лгал и не делал ничего предосудительного. В семидесятилетнем возрасте в эвакуации он пошел работать на танковый завод кладовщиком инструментального цеха. Он удостоен медали «За доблестный труд в войне 1941-1945 годов».

Бабушку и дедушку со стороны отца никогда не видела, я появилась, когда их уже не было. И они уроженцы того же местечка Левков. Я много слышала о своем дедушке Берко от папы. Дед был главным мебельщиком в имении графа Броницкого, петербургского вельможи, у которого в селе Левков был большой замок. К столярному делу дед приобщил троих своих сыновей. Все они стали высокопрофессиональными столярами-краснодеревщиками. И до войны, и после нее мой отец Михель Беркович Лойтер работал на мебельной фабрике, которая была одним из крупнейших мебельных предприятий Украины. Об уровне квалификации свидетельствуют такие факты: когда после войны в Москве строился ГУМ, а в Киеве главные правительственные здания, папа в числе лучших краснодеревщиков страны был командирован на эти стройки. Среди сохранившихся у меня документов – удостоверение и значок «Стахановец» и «Мастер, золотые руки».

С детства в меня вошел полюбившийся запах стружек, которым я дышала постоянно, и когда девочкой бегала к папе на фабрику, чтобы отнести ему обед, и дома, где в сарае у папы был оборудован большой верстак, и он постоянно строгал и что-то мастерил. Он очень многое умел и все в доме делал сам. Не окончив ни одного класса школы, он самоучкой постиг грамоту, постоянно читал газеты, а изредка

и полюбившиеся ему даже книги. Мой двоюродный брат Вилен Киль в 2004 году в краеведческом издательстве «Волынь» выпустил книгу «Кусочек планеты по имени Житомир», где очень тепло вспоминает моего отца: «С Михелем, остроумным и язвительным, я часто спорил на «идейные» темы. <...> Искусный краснодеревщик он работал на Мебельной фабрике на Киевской улице и получал там копейки. Какой это был мастер! Он сделал дома овальный шкаф и комод – это был высший класс! Когда он вышел на пенсию, она оказалась мизерной.

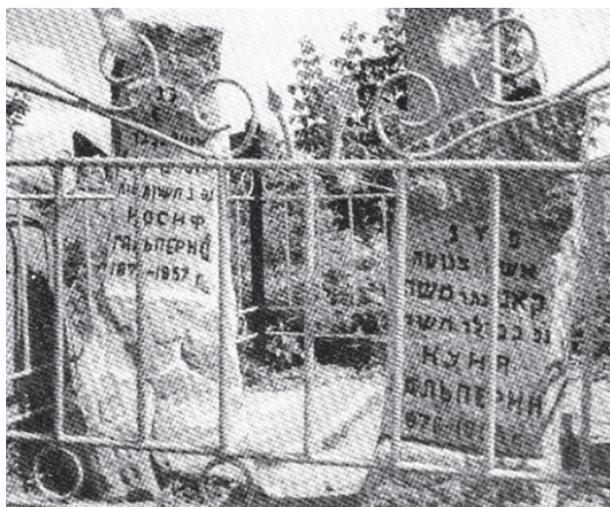
Памяти М.Б. Лойтера

*Мой старый тихий дядя Михель
Любил опасной бритвой бриться,
Он как-то утром очень тихо
Сказал, что Сталин – кровопийца.
Такое вынести не в силах
Я, пионер с гадючьей жилкой,
Как будто муха укусила –
Не медля сдать его божился.*

*Вождю был тезкой дед Иосиф.
Он, вроде не вникая в споры,
Прервав молитву, дяде бросил:
«Язык – твой враг, накличешь горе.
До большевистской колотнечи
Ты не был столь болтливым, право,
Скажи спасибо – хлеб и свечи
Еще достать мы можем в лавке».*

*Но гнул свое с подначкой Михель,
Фуганком высекая стружки:
«Развалится твоя мелиха –
Недолговечная избушка»...*

*В цеху стахановец советский –
В холодный день, бредя с работы,
Пер на горбу щепу, обрезки,
Из грязи выдирая боты.*

Могилы дедушки и бабушки на Житомирском еврейском кладбище

Дедушка Иосиф Гальперин, 1956

Мама Рухля-Лея Лойтер

Папа Михаль Беркович Лойтер

*Любил есть курочку с фасолью,
Из тканей признавал лишь ситец.
Как поздно с горечью и болью
Я понял: Михель был провидец».*

(Филадельфия, 1992)

Папа писал редко: «мне легче держать в руках рубанок, чем перо». Но как он, человек без образования, уважительно относился ко всякому знанию, учению, книге. Как глубоко понимал всю сложность моей преподавательской работы в вузе. До сих пор не могу без слез читать его слова угрызения в одном из писем «Мы тебе очень сочувствуем, но, как всегда, помочь тебе духовно не можем». Зато как он духовно помогал своему внуку, моему сыну Яше, когда тот в первые школьные годы оказывался на каникулах в Житомире. Дедушка записал его в детскую библиотеку, каждый раз сопровождал его и терпеливо ожидал в читальном зале, пока Яша прочитывал очередную книгу. «Меня радуют Ленины успехи в учебе» (это о внучке Лене, студентке пединститута, теперь Елене Авишевой). Папа не терпел праздности, безделья, до последних дней находил себе занятия и сохранил чувство юмора. «Я работаю в одной школе интернат для инвалидов – (сохраняю его орфографию и пунктуацию – С.Л.) она находится близко возле дома это для меня самое главное работаю по моим силам я делаю мелкие ремонты что поломали я то исправляю окна, двери, мебель, а если работа тяжелая то мне дают учащих на помощь <...> Какая работа, такая оплата – 60 рублей. Все-таки я доволен, потому что кроме материальной стороны, я имею занятие и не

нервничаю, и мама тоже я меньше соваю свой нос в бабские дела и перестали сориться. ...Недавно мама купила себе сапоги элегантные с замочком за 14 руб.»

56 отнюдь не идиллических лет мои родители прожили вместе, поражая трогательной заботой друг о друге. Этим чувством, как и заботой и любовью к нам, детям и внукам, дышат все мамины письма. Она настоящая идише мамэ. Мамины письма о самом повседневном, о том, кто их посетил, какие продукты удалось достать, что заготовили на зиму, как ей удастся разнообразить и соблюдать диетический режим для папы с его больным желудком и печенью и т.д. и т.д. «Сегодня получили и Ленино и Яшино поздравления (по случаю дня рождения – С.Л.), так что дед имеет что читать. Он берет все ваши фото и целует, и говорит: вот мое счастье». Мама – удивительный повествователь и даже философ, а предметы и факты не самого высокого порядка в ее изложении обретают поистине эпический характер.

В Житомире, теперь другой стране, покоятся дорогие мои и незабвенные: бабушка и дедушка, умершие в 1953 и 1957 годах, на старом еврейском кладбище, папа и мама, почившие в 1980 и 1983 годах, на общем кладбище. Моя постоянная боль – невозможность посетить их могилы. Раз в году я адресую каждому из них вот эту поминальную молитву: «Да помянет Б-г душу отца моего, матери моей, бабушки, дедушки, отошедших в вечность. Поелику я даю за них обет благостыни, то в воздание за сие да будет завязана их душа в узле жизни вместе с душами Авраама, Исаака, Иакова, Сарры, Ревекки и Лии и других праведников и праведниц, пребывающих в саду Эдема. И возглашаю: амен!»

Мой Кассиль

10 июля 2006 года Льву Абрамовичу Кассилю исполнился бы 101 год. Прошедшее в прошлом году 100-летие писателя прошло почти незаметно. Ни одной достойной публикации в центральной печати, ни передач на радио и телевидении, как, впрочем, и о других детских писателях. «А ведь писатель он был хороший и человек чудесный. Очень я его уважала и любила», – написала мне в письме одна из замечательных современных детских поэтов старшего поколения Ирина Токмакова.

Меня очень огорчило забвение писателя, который столько сделал для нашей детской литературы. В октябре 2005 года доцент Лариса Николаевна Колесова, сотрудник научной библиотеки Ольга Романовна Левина и автор этих строк организовали для студентов университета литературный вечер памяти Льва Кассиля, и тем воздали дань писателю, которого в Петрозаводске изучают, помнят, исследуют, чтят.

Для меня Лев Кассиль – часть жизни, работы, занятий. Вот уже много лет я обращаюсь к нему, его творчеству то непосредственно, то опосредованно – в связи со штудиями по детскому фольклору. А «пришел» он ко мне в студенческие годы, когда под руководством И.П. Лупановой, известного ученого-фольклориста и литературоведа, создателя школы

исследователей детской литературы в Петрозаводске, выполняла свою первую курсовую работу по только что вышедшей повести «Ранний восход» (1953) и решала проблему биографизма, соотношения факта и вымысла в ней. С этой необычной для детей книги, героем которой был реальный мальчик-художник Коля Дмитриев, и нетрадиционной для детской литературы темы – «искусства как поведения», рождения художника, художнического видения и восприятия начался для меня Кассиль. Потом были многочисленные статьи, печатавшиеся в Петрозаводске, Москве, Ленинграде, книга «Там, за горизонтом: Проблемы романтического в творчестве Л.А. Кассиля» (М., 1973), участие в коллективном сборнике «Жизнь и творчество Льва Кассиля», составителем которого

был Л.Э. Разгон (М.,1979), полная персональная библиография, включающая как все издания писателя на родине и за рубежом, так и все, что написано о нем и его творчестве. Были прижизненные встречи и переписка.

В январе 1965 года Ленинградский дом детской книги при Союзе писателей свои очередные научные чтения посвятил предстоящему 60-летию Л.Кассиля. Он был приглашен на них, а мне доверено было сделать доклад. Он назывался «Открытие неведомых стран в творчестве Льва Кассиля». И хотя доклад был приурочен к юбилею, не был только комплиментарным. Сам же Кассиль говорил совершенно блестяще. Он вообще был превосходным рассказчиком. Он говорил о своих учителях, критиках, «отцах и детях», с присущим ему чувством юмора отвечал на многочисленные вопросы. Тогда он и подарил мне новое издание книги «Маяковский – сам» с теплым и дорогим автографом: «Софье Михайловне Лойтер – с благодарностью за все то доброе и серьезное, что она сказала и написала об авторе этой книги, скромном ученике великого поэта. Лев Кассиль. 22.01.1965. Ленинград».

Последний раз я видела Кассиля в январе 1969 года. Несмотря на то, что в их доме поселилась беда (умирала мать жены), Лев Абрамович не сказал мне об этом и на мой звонок велел непременно зайти. Он знал, что у меня неприятности, и не мог упустить возможности поддержать. И поддержал. А когда я приехала из Москвы домой, то вскоре получила от него открытку с сообщением о печальных событиях в их семье. Из многих писем и корреспонденций Льва Абрамовича, которые я храню, приведу одну, очень характерную для его мироощущения и вызывающее в памяти эти строки: «Он награжден каким-то вечным детством». Это телеграмма, полученная мною после защиты кандидатской диссертации в декабре 1967 года: «Приказываю поднять флаги и произвести салют всех кораблей Швамбрании, Синегории и Джунгахоры в честь вашей справедливой победы. Бывший швамбранский адмирал Кейс, ныне живущий под именем Льва Кассиля».

22 июня 1970 года Лев Абрамович скоропостижно скончался. Услышав в утреннем сообщении центрального радио о его смерти, я в тот же день выехала в Москву. 23-го прямо с вокзала отправилась в проезд МХАТа и успела проститься с покойным в его доме, когда у гроба еще никого не было. Смотрела на Льва Абрамовича и думала о том, как безоглядно и безотказно он растрачивал себя, как рано ушел из жизни. В ЦДЛ, где на сцене был установлен гроб, и проходило прощание, было множество народу и масса знаменитостей. Я не подходила к гробу. Не слышала всех слов, сказанных на гражданской панихиде. Из крематория уехала прямо на вокзал.

Летом 1971 и 1972 годов я получила счастливую возможность работать в кабинете Льва Абрамовича и

пользоваться радушным гостеприимством Светланы Леонидовны Собиновой, вдовы писателя. Я работала тогда над книгой, и Светлана Леонидовна предоставила мне все материалы до того, как они будут сданы в Центральный государственный архив литературы и искусства: все уже было разложено по папкам и ящикам. Я читала рабочие варианты книг, сотни статей, писем, записных тетрадей и книжек, разного рода заметки. И снова узнавала Кассиля – человека доброго, невероятно отзывчивого. Папки, в которых сотни приглашений приехать к детям в школу, библиотеку, детскую больницу, детский туберкулезный санаторий. И он ездил, выступал, радовал, врачевал. А сколько бумаг-ходатайств за кого-то заступиться, выхлопотать квартиру, устроить в интернат, помочь одинокой женщине, которую терроризируют соседи по коммуналке. О доброте и великодушии Льва Абрамовича мне много рассказывала Елена Константиновна Ефставьева, очень старенькая и необыкновенно интеллигентная женщина, в прошлом секретарь Собинова, которая так и осталась жить в их семье. Мы были с ней в квартире одни целыми днями, и ее рассказы помогали мне ощутить человеческий талант Кассиля.

Полагаю, у меня есть право непредвзято утверждать: Кассиль – несомненно, выдающаяся личность в культуре детства и незаурядный детский писатель. Придя в детскую литературу в 1920-е годы и оставаясь в ней до конца своих дней, он был одним из ее создателей, разумеется, советской детской литературы. А как могло быть иначе, если он жил в советские годы в стране с однопартийной системой? Хотел работать, печататься, выходить к детям своими книгами. И работал, писал, печатался. На лучших (все его произведения составляют пять томов собрания сочинений) произведениях – «Великое противостояние», «Дорогие мои мальчишки», «Вратарь республики» и особенно «Конduit и Швамбрания» – выросло не одно поколение детей.

Я говорю об этом потому, что бытует мнение: дескать, Кассиль – типичный писатель соцреализма, пользовавшийся официальным признанием, обласканный властями, благополучный и успешный. Вероятно, это объясняется тем, что Кассиль всегда был очень общественным человеком, слишком на виду в силу своей личной активности. Однако всегда почитаемым и благополучным он не был. Мне хорошо знакома «кривая» отношений к нему. Первые восторженные рецензии 1930-х годов сразу же сменились огульными обвинениями в беспочвенной мечтательности и проявлении мелкобуржуазного прекраснотушия. За Кассилем утвердился ярлык «ложного романтика». Придумывание стран детской мечты расценивалось как неприятие реальной живой действительности и желание создать параллельный, более совершенный мир. Писателю вменяли в вину формализм и псевдоромантизм. В 1949-1950 гг., в пе-

риод космополитической компании, критика стала еще более изощренной. И только последнее десятилетие жизни он был, действительно, почитаем.

А «начался» Кассиль с «Кондуита и Швамбрании» (1927, 1930, 1955) – книге о детстве, семье, гимназии, родной провинциальной слободе Покровской (теперь город Энгельс под Саратовом). Именно в этой книге художественно воплотилось то, что стало одной из главных романтических доминант в творчестве Кассиля, – воссоздание страны детского воображения. После Швамбрании появилась Синегория («Дорогие мои мальчишки»), Джунгахора («Будьте готовы, Ваше Высочество!») – своеобразный триптих, отразивший главные творческие искания автора. Но уникальна именно Швамбрания. Швамбрания стала поэтическим символом, именем нарицательным. Феномен Швамбрании сделал книгу настоящей детской классикой, как для отечественного, так и для зарубежного читателя.

Однако не только искрометной вымышленной страной исчерпываются достоинства этой повести о детстве. Не менее замечательны ее детские характеры и прежде всего Лельки, главного автобиографического героя, и его брата, «великого путаника, подражателя и фантазера» Оськи. Это он, услышав от старшего брата рассказы о погромах, спрашивает: «А что такое еврей?». А потом допытывается: «А наша кошка тоже еврей?». Вопрос об этнической идентификации, принадлежности к еврейству всякий раз связан с появлением в повести именно Оськи – то в гениальной главе «Бог и Оська», то в другой, прекрасной по своему юмору главе «Директор и Оська», где речь идет о том, что в ответ на поданное отцом «прошение на свободную вакансию гимназического врача», директор написал: «Желателен врач не иудейского вероисповедания». Кстати, после «Кондуита и Швамбрании» слово «еврей» напрочь исчезло со страниц кассилевских книг, его нет ни в одном из последующих его произведений. И это вполне объяснимо.

Страшная судьба была уготована в реальной жизни тому, кто послужил прототипом Оськи, брату писателя Иосифу Абрамовичу Кассилю. Тридцатилетний литератор и ученый, доцент вуза он в январе 1938 года был объявлен «врагом народа», троцкистом, «участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации», сослан, а затем расстрелян. В ссылке от «звонка до звонка» отбыла свой срок и его жена Зинаида Петровна, отказавшаяся отречься от мужа – «предателя народа и шпиона». Лев Кассиль пытался хлопотать за брата, ведь родственникам не сказали о его расстреле, а объявили об осуждении на десять лет без права переписки. Добился встречи с А.Я. Вышинским. Ничто не помогло. Кассиль сам стал ждать ареста. Но все обошлось, он остался на свободе и даже не был исключен из Союза писателей, распростившись лишь с должностью редактора журнала «Мурзилка». Это уже ис-

пытанная иезуитская игра палачей. Братья Вавиловы – знаменитые ученые. Одного – Николая Ивановича – репрессировали как врага народа, другой – Сергей Иванович стал президентом Академии Наук СССР. Братья Фридлянды: один – знаменитый публицист Михаил (псевдоним «Кольцов») – «враг народа», другой Борис (псевдоним «Ефимов») – художник, жив и работает по сей день.

Разумеется, потрясение и страх не прошли бесследно для Кассиля-писателя. Как это ни досадно, первая большая книга (до «Кондуита и Швамбрании» было несколько маленьких) оказалась самой лучшей его книгой, самой честной, самой свободной, наименее цензурируемой собственным сознанием, самой совершенной в художественном отношении, самой озорной и веселой.

Одно из несомненных ее достоинств – яркие образы еврейской провинциальной интеллигенции. И, прежде всего образ отца, одного из самых прекрасных «взрослых» в повести. Художественный образ и его реальный прототип не всегда одно и то же. Зато одно и то же главные обстоятельства жизни. Одно и то же то, что молодым врачом Абрам Григорьевич Кассиль приехал в слободу Покровскую, мало чем отличавшуюся своим укладом жизни и обычаями от большой деревни, и, как человек долга, проработал в ней всю свою жизнь, оставив о себе благодарную память. Одно и то же, что мать Кассиля, пианистка, учительница музыки, из состоятельной семьи, выйдя замуж, «храбро покинула большой город», «уехала с супругом в земство», безропотно разделяя тяготы жизни (ее имя Анна Исаковна Кассиль, оно не названо в книге).

Сочно, в точно наблюденных деталях и характеристиках нарисован социально-исторический «портрет» самой Покровской слободы. Превосходно передает Кассиль разноязычную (украинскую, немецкую) речь покровских обывателей. В этом хоре прекрасно воспроизведен еврейский (одесский) колорит и интонации коммивояжера Иосифа Пукиса, пришедшего к директору гимназии выручать набедакуривших ее воспитанников: «Господин высший директор, я старый блуждающий еврей, и я вижу на вашем лице семейное счастье. Бьюсь об закладку, ваши дети не будут ходить босы и наглы. ... Одно маленькое мгновение, господин директор. Вы сегодня исключили восемь ребят. За что вы их исключили, я вас спрашиваю? Нет! И еще двадцать раз нет. Но у меня мягкое сердце. А когда мягкое сердце, так нельзя молчать. Мне очень жалко за мальчиков. А еще больше мне жалко за родителей, которые нянкали и росли этих мальчиков...».

Сбылось достаточно жесткое предупреждение Ильи Эренбурга, сказавшего Кассилю, что все написанное после «Швамбрании» будет приниматься с оговоркой: «А «Швамбрания» лучше». Добавлю: если бы Кассиль написал только одну эту книгу, он

все равно вошел бы в историю литературы навсегда. Одна из замечательных книг в мировой литературе о детстве поколения начала XX века, она вышла из самого детства, детства двух реальных мальчиков и их реальной игры. Сохранившиеся ее атрибуты (карта Швамбрании, ее герб, флаг, «тайные документы») мне довелось видеть в кабинете писателя. «Страну незабываемого счастья, куда мы в детстве бежим» (Пришвин), страну-утопию открывали многие писатели. Но никому, как Кассилю, не удалось так худож-

нически полнокровно описать это явление детского мифотворчества.

Я благодарна Кассилю навсегда. Благодарна за рыцарское служение детской литературе. Благодарна за то, что он не пренебрег начинающей исследовательницей из провинции. Благодарна за интерес к Карелии: он хорошо знал «Калевалу» и с пониманием писал о ней. Я благодарна ему за то, что он своей «Швамбранией» привел меня к детскому фольклору.

Встречи и письма

К счастью, последнее десятилетие произведения Кассиля и особенно повесть «Кондуит и Швамбрания», много раз переиздавались. А в 2009 году вышло новое собрание сочинений в пяти томах, составленное сыном писателя Владимиром Львовичем Кассилем и дочерью Ириной Львовной Кассиль-Собиновой.

Уже более пяти десятилетий обращаюсь к его творчеству, то непосредственно – к его книгам, то опосредованно – в связи со студиями по детскому фольклору. Именно кассилевская Швамбрания, самая яркая из воплощенных вымышленных стран детского воображения, стала сквозной темой и импульсом моих многолетних разысканий детских игровых утопий, которые уже вошли в науку как явления детского фольклора.

Первая работа о Кассиле (по повести «Ранний восход») была выполнена еще в студенческие годы и опубликована в 1957 году. Последняя – по проблеме текстологии и истории изданий «Кондуита и Швамбрании», – в 12-м выпуске сборника «Проблемы детской литературы и фольклор» (Петрозаводск, 2009). Много из написанного печаталось при жизни писателя. Поэтому контакты, переписка, встречи естественны и не являются чем-то исключительным. Для меня они бесценны и бесконечно дороги и по-разному отражены в моих работах. Но не менее важным видится мне все то, что и как делали близкие Кассилю люди, его друзья, с которыми судьба меня свела после его смерти (1970). Это Евгения Александровна Таратута – на протяжении многих лет жизни исследователь и ревностный пропагандист творчества Кассиля, автор статей, воспоминаний о нем, составитель и комментатор двух собраний его сочинений, организатор вечеров его памяти, преданный и верный друг (Таратута – 1912-2005; литературовед, кандидат филологических наук. С 1937 по 1954 год с перерывами отбывала в лагерях и ссылке. С середины 1950-х гг. – исследователь творчества Э. Войнич, публикатор ее собрания сочинений на русском языке: автор книг: «По следам "Овода"», «Этель Лилиан Войнич: судьба писателя и судьба книги», воспоминаний о К. Чуковском, А. Фадееве, В. Гроссмане и многих других.). Мое знакомство с Е.А. состоялось, когда издательство «Детская литература» определило ее рецензентом моей книги «Там, за горизонтом». Вот тогда я побывала у нее дома на проспекте Вернадского и единствен-

ный раз видела эту по-своему легендарную женщину, ее уникальную библиотеку, частично запечатленную в ее книге «Драгоценные автографы». Тогда я и услышала, и прочитала заинтересованный, тонкий и взыскательный «разбор» рукописи, который был для меня чрезвычайно полезен и, разумеется, учтен. А потом последовала многолетняя переписка (1971-1991 гг.), в которой Е.А. неизменно сообщала мне обо всем, что связано с Кассилем.

Другой уникальный человек, с которым мне повезло не однажды встречаться, получать письма (1971-1979), книги с автографами и просто слушать, – Лев Эммануилович Разгон. (1908-1999; узник сталинских лагерей, прошедший в них 17 лет. После освобождения работал редактором, потом занялся писательским трудом, написал несколько книг об ученых и путешественниках для детей: «Живой голос науки», «Один год и вся жизнь», «Шестая станция» и др.; как литературный критик известен книгами: «Мир, в котором дети – не гости: очерк творчества Николая Дубова», «Ян: Критико-биографический очерк», «Юрий Коринец: очерк творчества». Всемирную славу принесла ему книга «Непридуманное» (1989). Последнее десятилетие жизни был правозащитником, одним из основателей Общества «Мемориал». О нем книга Рады Полищук «С Разгоном о Разгоне»). Став составителем сборника «Жизнь и творчество Льва Кассиля», он предложил мне участвовать в нем. И когда в скромной квартире на Малой Грузинской мы говорили о будущем сборника, я и не предполагала, какой биографии и какого масштаба этот человек.

И совершенно особая фигура в подвижническом служении делу Кассиля его жена Светлана Леонидовна Собинова (1920-2002). Слишком много значила ss (этим условным знаком – двумя зашифрованными «с» – обозначал он ее имя в письмах, дневнике) в его жизни. Однако С.Л. и сама по себе человек незаурядный, заслуживающий отдельного разговора. Дочь великого певца, объездившая с ним весь мир, выпускница студии им. Станиславского, актриса те-

атра им. Станиславского, участница фронтовых артистических бригад периода Великой Отечественной войны, затем в течение 30 лет преподаватель актерского мастерства, доцент ГИТИСа, создатель музея отца в Москве и Ярославле, одна из устроительниц Собиновских фестивалей в Саратове. При непосредственном участии С.Л. создавался музей Кассиля в его родном Энгельсе, что недалеко от Саратова. Но не менее поразительно то, с каким трепетом и бережностью она относилась к творческому наследию мужа, незамедлительно после его смерти пригласив специалиста для архивации всех рукописей, писем, записных книжек, тетрадок, разного рода заметок, не дав пропасть ни одному листочку. Зная, что я работаю над книгой о Кассиле, С.Л. предоставила мне, безвестной провинциалке, счастливую возможность дважды продолжительное время просуществовать в атмосфере Швамбрании, каковой в некоторой степени был кабинет Льва Кассиля, до того, как все материалы будут сданы в Центральный государственный архив литературы и искусства. И эти дни, равно как и общение со Светланой Леонидовной, естественной и простой, начисто лишенной барственности и снобизма, обремененной всеми заботами хозяйки дома, матери, бабушки, для меня незабываемы. С ней я побывала на Новодевичьем кладбище и поклонилась Льву Абрамовичу на его могиле. Затем постояла (С.Л. в это время подметала, мыла, поливала цветы) у могилы ее родителей и увидела один из самых прекрасных памятников – Белого Лебедя (работа В. Мухиной, которая доводилась двоюродной сестрой матери С.Л.), символизирующего роль Собинова в опере «Лоэнгрин». С ней я посетила тогда привезенную из Фран-

ции выставку импрессионистов в Пушкинском музее. Ее вкус, ее «души высокий строй», замечания, наблюдения обогатили мое восприятие великих мастеров живописи. С.Л. повезла меня в Переделкино, и я посидела в кабинете, где все дышало хозяином – его работой, читательскими пристрастиями, увлечениями. Потом С.Л. повела меня по поселку, остановилась у дома Чуковского, и я увидела знаменитую библиотеку, которую Корней Иванович собирал для детей. Мы подошли к дому Пастернака, затем прошли к его могиле. На стеле – портрет-контррельеф Сарры Лебедевой. На могиле много цветов, недавно положенных: молодежь приходила тогда к Пастернаку почти каждый день и читала стихи. Мне не повезло, я этого не услышала. Зато увидела три березы, которые так любил Пастернак и которые издали смотрелись «в его стекло». Миновав резиденцию патриарха, вышли на дорогу, ведущую к электричке. Здесь рассталась со Светланой Леонидовной, которую с тех пор больше не видела. Потом были только письма. Более 30-ти писем, в которых так явственно ощущается градус преданности делу любимого человека.

Сохранившиеся у меня письма этих трех замечательных людей одухотворены одним чувством – любовью и верностью Кассилю, пониманием его места в детской литературе, заботой о судьбе его книг и сохранением его памяти. Публикацию, в которой письма предлагаются выборочно и с купюрами очень личного свойства, правильнее обозначить «Из писем С. Собиновой, Е. Таратуты, Л. Разгона». Она помещена в книге «Кормановские чтения». Вып. 9. Статьи и материалы науч. конф. (апрель, 2010). Ижевск, -2010. С. 464-477.

«Да будем мы к своим друзьям пристрастны...»

(Петр Руднев: коллега, учитель, друг)

Петр Александрович Руднев приехал в Петрозаводск в 1973 году, пройдя по конкурсу доцентом кафедры литературы Карельского педагогического института. И с первых же лекций и бесед с коллегами обратил на себя внимание своей неординарностью, преподавательской страстностью. Он сразу вызвал огромное уважение, даже восхищение одних и неприятие других. Неприятие охранителей официального литературоведения, для которых занятия Руднева стиховедением ассоциировалось с формализмом. Ничего удивительного: Руднев был первым ученым-стиховедам в Петрозаводске.

Немного биографии. Родился 27 марта 1925 года в Ставрополе. В 1942 году со школьной скамьи был призван в армию. Воевал на Кавказском направлении. Был контужен. В 1945 году демобилизован. Экстерном сдал экзамен за 10-й класс. Из воспоминаний П.А. Руднева «В те годы дальние, глухие», опубликованных в газете «Лицей» (1994, апрель, май): «В конце августа сорок шестого года я стал студентом отделения классической филологии факультета русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Какое безграничное счастье!.. Еще бы за спиной два с половиной года войны, а я не только жив, но и не изуродован, как некоторые мои сотоварищи по

факультету и общежитию <...> И – самое главное: сбылась моя мечта, заветная – стать студентом-филологом. Окопы, вши, сыпняк, «уборка конского состава» – все это далеко позади». В 1950-м Руднев получил диплом с отличием и квалификацию учителя греческого, латинского и русского языка. Он один из лучших и любимых учеников академика А.Ф. Лосева, с которым позже связывала многолетняя дружба. Автографы Лосева на книгах, подаренных Рудневу: «Дорогому Пете Рудневу, тончайшему ценителю поэзии и моему другу» (на книге «Проблема символа и реалистическое искусство»). «Дорогому Пете Рудневу – моему старому сотоварищу в борьбе со злом» (на «Введении в общую теорию языковых моделей»),

Петр Руднев

«Дорогому Пете Рудневу с чувством неизменной близости учителя и ученика. Любящий автор»... В 1983 году в письме поэту Давиду Самойлову Руднев писал: «В конце сентября съездил в Москву – поздравить своего первоучителя А.Ф. Лосева с 90-летием и даже написал ему латинские стихи сапфической строфой».

Тем не менее, жизнь в науке для Руднева складывалась весьма непросто. Представленная им в 1968 году в Ученый совет МГПИ диссертация «О стихе А.Блока. Полиметрическая композиция. Метр и смысл», несмотря на высокую оценку официальных оппонентов и А.Ф. Лосева, большинством голосов, признававших ее формалистической, была отклонена, а соискателю отказано в присуждении ученой степени кандидата филологических наук. О других причинах свершившегося и атмосфере защиты вспоминает присутствовавший на ней коллега по Коломенскому пединституту К.Г. Петросов: «Первый звонок прозвучал во время оглашения «личного листка по учету кадров». Дойдя до пункта 5, секретарь совета придал своему лицу лукавое выражение и, прочитав с нажимом «русский», выдержал многозначительную паузу. Члены совета при этом дружно и громко вздохнули, выразив таким образом недоверие национальной принадлежности соискателя. Между тем П.А. Руднев, не скрывавший даже в самые трудные времена своих симпатий к гонимым «космополитам», был по отцу русским и имел полное основание запечатлеть этот факт в анкете (мать – Зинаида Абрамовна Зайденшнур – С.Л.).

В 1969 году Петр Александрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Ученом совете Тартуского университета, а его официальный оппонент академик В.М. Жирмунский назвал автора фундаментального исследования «Метрика Александра Блока», «новатором в изучении стиха». В нем Руднев ввел термин «полиметрическая композиция», прочно вошедший в стиховедческую науку. Более 70 научных работ Руднева опубликовано в авторитетнейших

Яков Гин

изданиях по теории и истории стиха. Монография «Введение в науку о русском стихе» стала библиографической редкостью. Руднев – исследователь метрики Н.А. Некрасова, В.Я. Брюсова, составитель, метрических справочников по стиху А.Х. Востокова, И.Ф. Анненского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, П.А. Катенина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, составитель библиографии стихорусистики.

Выдающийся ученый нашего времени Ю.М. Лотман, с которым Рудневу довелось работать в Тартуском университете, называл его «отцом русской полиметрии», «одним из ведущих специалистов в области русского стиха». А всемирно известный филолог, стиховед, автор книг об античности академик М.Л. Гаспаров писал о том, что Руднев «заглянул в глубину связи между формой и содержанием, а его методологический опыт представляет еще больший интерес для всех, кому придется заниматься стилистикой стиха».

Авторитет Руднева-ученого был очень высок. «Обеспкою Вас консультацией о стихе Брюсова <...> я ссылаюсь на Вас как на одного из самых авторитетных для меня исследователей по стиху», – писал в 1984 году ленинградский профессор Д.Е. Максимов.

Заслуги Руднева-стиховеда по достоинству оценили не только коллеги-ученые, но и поэты. И среди них уже упомянутый Давид Самойлов, который сам занимался стиховедением, написал «Книгу о рифме» и с которым П.А. обменивался письмами и стихотворными посланиями («Я дошел до точки:/Зрения нема. И на этой строчке /Я Вас обнима. Ваш Самойлов). А это из его письма: «Очень приятно, что в разных городах страны строятся части стиховедческого здания». Стиховедческую школу Руднева прошли такие теперь известные ученые-филологи, как М. Лотман, С. Шахвердов, А. Байбури, А. Белоусов, В. Руднев. Добавлю: вдвойне приятно, что стиховедческое здание усилиями Петра Александровича и его учеников,

возводилось и в Петрозаводске. Среди многих его учеников – особо любимая им Ирина Нилова, ныне замечательный преподаватель литературы Петрозаводского музучилища. В 2003 году в издательстве КГПУ вышло учебное пособие Лидии Петровны Новинской «Введение в стиховедение. Метрика. Ритмика. Строфика. Стих и смысл» с преамбулой: «Светлой памяти учителя, друга, мужа Петра Александровича Руднева посвящаю». В некрологе (а он умер в октябре 1996 года), в бюллетене Оклендского университета (Новая Зеландия) его ученики пишут: «Говоря о значении в науке П.А. Руднева, мало перечислить его труды и идеи. Нужно отдать должное тому стимулирующему воздействию, которое он оказал на формирование целого поколения русских стиховедов».

Говоря о Рудневе-стиховеде, хочу назвать издание, которое вышло в 1986 году в Петрозаводске в издательстве «Карелия» Это томик стихов Афанасия Фета, составленный, прокомментированный Рудневым и предваренный его оригинальной статьей о личности, жизни и творчестве поэта.

Особая ипостась П.А. Руднева – вузовский лектор. Петрозаводск не был обойден интересными, яркими преподавателями-филологами. Студенты филологических факультетов университета и пединститута разных поколений помнили и помнят лекции В.М. Морозова. И.П. Лупановой, М.М. Гина, Л.Я. Резникова. Но с Рудневым пришел новый тип вузовской лекции. Проблемность, глубина всякий раз соединялись с огромной библиографической оснащенностью. Лекция оказывалась ареной столкновения мнений, приглашением к раздумью над творчеством писателя, отдельным произведением, литературным явлением, в котором скрещивались разные точки зрения, прочтения, подходы, исследовательские методики. Студент (или другой слушатель) не просто приобщался к готовому знанию, наблюдению, а вовлекался в процесс рождения или формулирования понятия, термина (напр., «лирический сюжет», «эпопея»). Интересно, что библиографическая насыщенность лекций Руднева никогда не вызывала ощущения избыточности, перегруженности. Быть может, это обуславливалось тем, что весь разнообразный источниковедческий материал одушевлялся уважительным отношением к труду каждого исследователя. Неизменно каждый ученый, независимо от рангов и званий, в лекциях Руднева назывался по имени-отчеству. Сначала это вызывало удивление, нередко улыбку, а позже незаметно привилось, стало нормой для многих преподавателей кафедры, а затем и студентов особенно на процедуре защиты дипломных работ. Лекции Петра Александровича отличали тщательно продуманная структура, композиционная строгость, соразмерность всех частей, наконец, экспрессивность, особая энергия, которая передавалась слушателям. К этому добавлю: читал Руднев свободно, как будто импровизировал. Но именно «как будто», потому что за всем этим стояла огромная работа. Мне не раз приходи-

лось быть свидетелем того, как Петр Александрович готовился к лекциям: отбирал материал, много раз просматривал свои записи, перечитывал тексты. А главное – внутренне сосредотачивался. Становился напряженным. Волновался. Но зато после удачно прочитанной лекции начинал шутить, потирал руки. Любил, когда хвалили, – радовался, как ребенок.

Известный филолог Б. Я. Бухштаб, относившийся к Рудневу с трогательной отеческой любовью и заботой (не раз это наблюдала) называл его «преподавателем по натуре». Сам же Петр Александрович в письме к Борису Яковлевичу писал: «...выкладываюсь до последнего, прихожу домой (точнее приволакиваюсь) и даже иногда не могу заснуть».

Лекции П.А. пользовались огромной популярностью. «На Руднева» ходили не только сотрудники кафедры (некоторые из них полностью прослушали его курсы «История русской литературы второй половины XIX века», «Теория литературы», спецкурс по стилистике стиха), но и студенты других факультетов, преподаватели Петрозаводского университета и Петрозаводской консерватории. Не напрасно выкладывался до последнего на своих лекциях Петр Александрович, не напрасно священнодействовал. Его учительство с благодарностью вспоминают коллеги и многие выпускники: «Мы учились у Руднева», «Мы сдавали Рудневу». А это мнение одной из выпускниц института Е.И. Сярки: «Одно из самых светлых воспоминаний об институте – Петр Александрович Руднев. Его лекции – наслаждение. Он ассоциировался у нас с Ю.М. Лотманом. Как он читал!.. Уважал наше мнение, выслушивал. Мы подтягивались, хотели нравиться ему, быть для него интересными собеседниками. Стыдно было чего-то не знать. Поэтому как готовились! Был праздник, если чувствовалось, что Петру Александровичу это интересно. Он учил нас культуре общения».

Нисколько не преувеличивая, скажу: Руднев-лектор, Руднев-преподаватель оказал на меня огромное влияние. Училась у него. Просматривая свои лекции по фольклору, древнерусской, детской литературе, невольно ловила себя на мысли «а что здесь скажет Руднев?» Сам факт его присутствия на кафедре обязывал, хотелось соответствовать.

Но совершенно особенным было влияние Руднева на моего сына Якова Гина (1958-1991); лингвист, кандидат филологических наук, доцент КГПИ; автор книг, вышедших посмертно и подготовленных С.М. Лойтер: «Поэтика грамматического рода» – Петрозаводск, 1992, «Проблемы поэтики грамматических категорий» – СПб, 1996, «О поэтике грамматических категорий» – Петрозаводск, 2006). Когда они встретились, он был девятиклассником. Петр Александрович покорила его тем, что разговаривал на равных, без снисходительности и ученого превосходства. Он посвятил его в свои научные интересы, давал читать работы по стиховедению, пригласил на свои лекции

по русской литературе XIX века, которые Яша воспринял восторженно. Позднее, став студентом филологического факультета Петрозаводского университета, он прослушал стиховедческий спецкурс Петра Александровича.

Интересна динамика их отношений: от поклонения, обожания к глубокому уважению и дружбе. Этому не мешала разница в возрасте. Они стали близкими, нужными друг другу людьми. В конце 1982 – первой половине 1983 года Яша жил в Калининне и за это время написал П.А. более двадцати писем (их переписка опубликована в Ежеквартальнике русской филологии и культуры, СПб, 1998. Т. II, №4. С. 510-524). В одном из них (от 8.09.82) он пишет: «В Вашем последнем письме, дорогой Петр Александрович, я особенно сильно – физически почувствовал Вашу интонацию, услышал Ваш голос. Очень скучаю без Вас – как хорошо бы увидеться! Ну, даст Бог, случай какой-нибудь скоро представится». В ноябре 1982 года Яша участвовал в научной межвузовской конференции в Таллине, организатором которой был доцент Таллиннского педагогического института А.Ф. Белоусов. Руднев познакомил их, сам же из-за болезни на конференцию приехать не смог. Разумеется, Яша подробно описал ее в письмах Петру Александровичу. «Я только что приехал из Таллина, где очень Вас не хватало, по общему мнению участников конференции». (Далее следовал подробнейший рассказ о докладах М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, В.С. Баевского, Б.О. Кормана и др.). Когда Яков работал над статьей «Судьба Филомелы в русской поэзии», у него возникли вопросы, требующие консультации специалиста по античной истории. Петр Александрович пишет письмо своему учителю А.Ф. Лосеву: «Один очень одаренный молодой филолог, читающий в нашем институте курс лекций «Введение в языкознание» и занимающийся лингвостилистикой, обратился ко мне с рядом вопросов, касающихся античности, на которые, увы, я ответить не смог. Понимая, как дорого для Вас быстро текущее время, я все-таки рискую обратиться к вам за консультативной помощью – как ваш верный ученик, почитатель и друг...» Письмо было написано 7 августа 1985 года, А.Ф. Лосев был уже тяжело болен, поэтому ответить не смог. Позже эти вопросы Яша адресовал Михаилу Леоновичу Гаспарову, который ответил с неизменной доброжелательностью.

«Друг, сынок, соавтор, собрат» – так начинается одно из шуточных посланий Петра Александровича Яше. «Сынок» (а то и «щенок») – так он называл его часто, любил, помогал, заботился по-отечески. Они были соавторами: в Известиях Академии Наук (серия литературы и языка, том LVI) опубликована их совместная рецензия на книгу И.И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис».

В письмах, разговорах по телефону, непосредственном общении Яша называл Петра Александровича «ребё». По просьбе Руднева одним из первых

рецензентов рукописи книги «Введение в науку о русском стихе» был Яша. Отзыв он написал обстоятельный и вполне объективный. Начинался он так: «Дорогой ребё! Половину Вашего труда (т.е. все, что Вы мне дали) я прочел – и с удовольствием. Лучшее, что в нем есть – Ваша интонация, Ваш жест. Поэтому написано приподнято и вообще хорошо. <...> А теперь некоторые более или менее частные замечания, – перефразируя поэта: «Прими на радость из моих ладошек немного меда – и немного дегтя». Далее следовали эти самые замечания. А в конце снова: «Дорогой ребё! Итак, пишите и заканчивайте свои «Пролегомены»! Вы можете согласиться или нет с моими замечаниями. Зачем я их столько написал? «Сотри случайные черты», ребё, со своего труда. <...> Пусть сей доработанный труд будет достоин тебя, учитель! И пусть будут будущие филологи учить стихосложение по Рудневу. Ваш Я. Гин». Отзыв имел подзаголовок «Письмо Рудневу о правилах русского стихотворства». Это и послужило основой одного из шуточных посланий Яши Петру Александровичу. «Полиметрическая композиция» с подзаголовком «Стиховед» – писана была ко дню рождения П.А. Руднева в предвкушении обильных и вкусных угощений, которыми так славился дом Руднева-Новинской и в котором так любил бывать Яша и другие люди разных возрастов и занятий... Приведу стихотворение частично:

*У них – все не как у людей.
Совсем особа их порода
Далёки от забот народа
В их голове – ямб и хорей.*

2.
*С постели рано он встает...
«Хлеб с маслом ест и кофе пьет» -
Подумаете вы
Каков ответ?
Да – нет, да – нет.
Да – нет, да – нет.
Амбивалентен стиховед. <... >
Пусть стиховед амбивалентным
И останется.
Ведь это всем нам очень нравится.
Но
Одно
Волнует нас сейчас.
Пускай накормит и напоит
Он НЕ амбивалентно нас.
Яков Гин, 25.03.1978.*

Смерть Яши Петр Александрович перенес очень тяжело.

Двадцать три года он был в жизни нашей семьи, когда нас связывала дружба. Двадцать три года «работали с тобой» (это из его стихотворения мне на 8-е марта, когда «принес ... в подарок Лихачева»). Двадцать три года он был живой связью родственной

души. А это самое нерасторжимое единство.

Последние годы жизни были для Петра Александровича тяжелыми. Он очень страдал от вынужденного из-за болезни выхода на пенсию. И часто повторял эти тютчевские строки:

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?*

В ответ на этот вопрос приведу строку Беллы Ахмадулиной: «Да будем мы к своим друзьям пристраст-

ны», которая имеет печальное и горькое продолжение – «Терять их страшно, Бог не приведи». Друзья, коллеги по работе, ученики и среди них два очень известных ученых России А.К. Байбурин и А.Ф. Белоусов собрали и выпустили в 1999 году в Санкт-Петербургском издательстве «Академический проект» книгу «Studia metrica et poetica: Памяти П.А. Руднева» – сборник, содержащий воспоминания (в том числе автора этих строк), библиографию работ, статьи, посвященные различным вопросам стиховедения и многообразным проблемам изучения литературы и фольклора. И это достойный памятник блестящему филологу.

Еврейский детский фольклор и его судьба

Еврейский детский фольклор, как и еврейский фольклор вообще – неотъемлемая часть культуры создавшего его народа, и одновременно особая самостоятельная область его народно-поэтического творчества. Понятие «детский фольклор» охватывает две группы произведений: 1) те, что созданы взрослыми и адресуются детям – так называемая «лирика материнства» или материнская поэзия, обращенная к младенческому возрасту, – колыбельные песни, потешки, прибаутки; 2) созданные самими детьми и бытующие в их среде — считалки вместе с сопровождающими их играми, дразнилки, скороговорки, сказания и разные истории, «майсес».

Дети всех народов мира имели и имеют свой фольклор. В отличие от фольклора «взрослых», многие жанры которого исчезают, претерпевают процесс разрушения, детский фольклор – вечно живое явление, не знающее угасания и исчезновения. За последние десятилетия вышел целый ряд сборников русского, украинского, белорусского, американского, английского, финского бытовавшего и бытующего детского фольклора.

Больно и тяжело сознавать: еврейский детский фольклор (я говорю только о детском фольклоре на языке идиш) с первых десятилетий XX века как живая традиция не существует. Он исчез вместе с тысячами его создателей и носителей. И лишь отдельные тексты как воспоминание сохранились в памяти людей весьма преклонного возраста. Именно как наследие помещены произведения материнской лирики в антологии «Еврейская народная песня» (СПб., 1994) равно, как детские сказки в сборнике «Еврейские народные сказки» (СПб., 1999).

Приведу две очень распространенные в свое время колыбельные песенки:

*Под кроваткой деточки
Беленькая козочка.
Вот козочка пошла купить
Изюма с миндалем,
Изюма с миндалем очень сладким.
Будь здоров, малыш
Спи в кроватке.*

*Спи же, моя птичка,
Закрой свои глазки.
Спи, мое дитя, спи.
Спи же, моя птичка,
Закрой глазки.
Спи, мое дитя, спи.*

Еврейские мамы, как и мамы всех других народов, понимали, как важны эти непритязательные импровизации для физического, нравственного, духовного здоровья их детей, и несли своим детям этот поэтически выраженный сигнал любви, нежности, заботы, защищенности.

Что касается собственно детского еврейского фольклора, т.е. создаваемого самими детьми, то дошедшие до нас записи и публикации его крайне малочисленны. Они содержатся в работах начала века и изданиях 1920 – 30-х годов С. М. Гинзбурга и П. С. Марека «Еврейские народные песни в России» (СПб., 1901), С. А. Ан-ского (Рапопорта) и Бейлина. С 1940-х годов собирание и изучение еврейского фольклора вообще и детского, в частности, было прервано, как мы теперь знаем, не только вследствие преступлений фашизма, но и антиеврейской политики государства.

Между тем в многочисленных еврейских поселениях («штетл») на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Румынии, Польши, Литвы, Латвии, где на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства, полнокровной жизнью жил на идиш детский фольклор. Трагична судьба этих поселений, стертых с лица земли во время Второй мировой войны. Трагична и судьба еврейского детского фольклора. О широком бытовании еврейского детского фольклора мы узнаем опосредствованно, через русский фольклор. Выдающийся собиратель и исследователь русского детского фольклора Г. С. Виноградов (одной книгой «Страна детей» СПб., 1998 – вышли его труды) в своей работе «Детские игровые прелюдии» 1929 года, изучая генезис и поэтику считалок, возводит происхождение некоторых любимых детьми заумных считалок к еврейским источникам. Он цитирует записанную в Ленинграде считалку

*Айс, цвей, драй
Лидя, Лидя, лай
Окен, бокен, шандарыкин,
Шарин, барин, ник.*

и комментирует ее как заимствование или переделку стихотворения, которое в Ковенской губернии распевалось еврейскими детьми при различных играх, подтверждая ссылкой на идишский текст из сборника С. М. Гинзбурга и П. С. Марека «Еврейские народные песни в России»:

*ניט יינס, ניט צוויי, ניט דריי,
אָדער - יירער - ליי!
אָקען, באַקען...*

Из предоставленного в его распоряжение рукописного сборника некоего В. А. Гуревича: Г. С. Виноградов приводит несколько считалок

*Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба.*

*Энэ бэнэ
торба сорба
энце звака
таус эус
косматэус.*

Он полностью воспроизводит интерпретацию собирателя, об убедительности которой должно судить гебраистам. Суть ее состоит в том, что источником считалочной лексики (каждое слово расшифровывается Гуревичем) являются переименованные детьми молитвенные тексты на древнееврейском языке, которого дети не понимали и воспринимали как заумь. «Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую обработку».

И еще один чрезвычайно любопытный пример влияния еврейского детского фольклора на русский. Он связан с Карелией, точнее Олонецкой губернией. В самом начале XX века «Народные игры в Поморье» (так называется статья) записывал ссыльный этнограф Г. Цейтлин, много изучавший народную культуру Севера. Его работа помещена в журнале, рассказывавшем о жизни Северного края – «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера» (1911, № 13, с. 7-21). В селе Лапино, недалеко от Сумского Посада, Цейтлину довелось среди других записать игру, которая называется «Селюгой». Перед игрой дети «шаландаются» или «мечутся», т.е. определяют считалкой, кому кем быть. «В этом наборе

слов, – пишет Г. Цейтлин, – поражает его еврейское происхождение. В г. Орше Могилевской губернии мне пришлось слышать, как «шаландаются» перед игрой еврейские дети. Вот эти слова:

*Ендиль, (одна)
Бендиль, (косточка)
Цюп, (тяги)
А цендиль. (зуб)
Ачу
Вачу
Видишь,
Корешь,
Чван.*

«Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Г.С. Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую оболочку».

«Еврейский элемент» устанавливают в русской считалке современные исследователи И.И. Земцовский и А. Л. Топорков, последний цитирует многократно записанную в начале XX века в России, Белоруссии и на Украине считалку

*Оны-боны ре,
Интер квинтер жес,
Оны-боны раба,
Интер квинтер жаба,*

в которой целый ряд слов возводит к идиш.

Эти примеры заимствований и влияний еврейского детского фольклора для нас очень важны как свидетельства его полнокровной жизни в прошлом.

Буду признательна людям старшего поколения, кто вспомнит ушедшие из обихода тексты детского фольклора, которые сегодня могут быть расценены как памятники родного слова.

Еврейская колыбельная

Эта статья инициирована заинтересовавшей меня работой израильского музыканта и фольклориста Михаэля Лайнванда «Колыбельная в фольклоре идиш как отражение жизни народа» (журнал «Корни», 2003, №19). Ее автор основывается главным образом на редких, изданных в разные годы за рубежом источниках и обращается к содержательной стороне фольклорной и литературной колыбельной песни, широкому спектру ее тем и мотивов, обусловленных судьбой еврейского народа, его историей и, как он говорит, «стремительно меняющимся миром». Рассматривая ее именно в этой плоскости, Лайнванд справедливо заключает: «Итак, колыбельная на идиш, будучи продуктом, с одной стороны, народа-изгоя, лишенного национальной родины, бесправного и угнетенного, но наделенного бунтарским духом, а с другой – обстоятельством: голода и нищеты, погромов, эмиграции, революций, войн, гетто и лагерей уничтожения и т.д., как таковая выполняет свою основную функцию – успокаивать, укачивать, убаюкивать – лишь частично и в основном за счет мелодии. Текст же ее – это излияние «тяжелого сердца» матери. Он пробуждает, протестует, борется, зывает, призывает. Нередко это песни гнева, ужаса, социальной бури и натиска. Из них исчезает колыбелька вместе с объятым пламенем домом, а в ней – и отец, и мать, да и сам адресат, ребенок».

Действительно, насыщенность еврейских колыбельных песен не свойственными этому жанру мотивами, делает их уникальными и неповторимыми. Происходит несомненная трансформация жанра, его пересоздание и политизирование. Песни успокоения становятся песнями гнева и борьбы, обретают новый смысл и новую окрашенность. И таких текстов много. Приведу лишь один пример из сборника Н. Гребнева «Песни былого»:

*... Спи, мой маленький, пройдут года,
Может, выживешь и станешь старше,
Может стать, отмстишь тогда
Ты за ложь, за кровь, за слезы наши.
Лю-лю-лю.*

«Прочитывая» еврейские колыбельные только под таким углом зрения, можно согласиться с М. Лайнвандом, назвавшим их «бездомными колыбельными бездомного народа», «лишь частично выполняющими свою основную функцию».

Между тем колыбельные еврейские песни – неотъемлемая составляющая давней народной традиции, один из традиционных жанров еврейского фольклора вообще и еврейского детского фольклора, в частности. В его основе, как вообще в классическом

фольклоре, вера в магическую функцию слова. Еврейские колыбельные складывались на протяжении веков, когда народ-педагог, народ-мудрец отбирал эти поэтические произведения для самых маленьких. Это так называемая «лирика материнства» или материнская поэзия. Она обращена к ребенку, не ведающему содержания и смысла слов, еще не различающего окружающих его людей и предметы, но уже узнающего голос матери. Именно голос матери создает то эмоциональное поле, в основе которого – надежность, защищенность бытия. Голос матери – сигнал любви, нежности, заботы – вызывает у младенца бессознательное чувство доверия, успокаивает, убаюкивает.

Колыбельные еврейские песни бытовали в многочисленных еврейских поселениях («штетл») на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы, Латвии, где почти на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства, и где ему разрешалось жить. Еврейские мамы, как и мамы всего мира, исполняли свои непритязательные импровизации, понимая, как они важны для физического, нравственного, духовного развития их детей. Известна трагическая судьба этих поселений, стертых с лица земли после второй мировой войны. К преступлениям фашизма добавилась послевоенная антиеврейская политика советского государства, отлучившего детей от своего языка и своей культуры. С этого времени еврейский детский фольклор как живая традиция перестал существовать. Однако детский фольклор и колыбельная песня оставались в памяти людей преклонного возраста, сохранялись как воспоминание. Они и составили записи и вошли в публикации еврейского фольклора, сделанные в XX веке и содержащиеся в работах и изданиях фольклористов и музыковедов С.М. Гинзбурга, П.С. Марекы, С.А. Ан-ского (Рапопорта), М.Я. Береговского и других. Фольклорные колыбельные вызвали к жизни литературные колыбельные, и последние стали бытовать как народные, оторвавшись от имени создавшего их автора (в их числе песни Шолом-Алейхема, М. Гебиртинга). Об этом красноречиво свидетельствует наиболее репрезентативная антология «Еврейская народная песня», (составлена и подготовлена М.Д. Гольдиным, И.И. Земцовским, Л.М. Печерской, СПб., 1994). В ней, как и в сборнике «Мелодия и образ: десять избранных еврейских народных песен» (составитель Ителла Мастбаум, Иерусалим, 2003), соседствуют тексты народной и литературной колыбельных песен.

И эти издания дают основание говорить о еврейской колыбельной песне как полнокровном, самостоятельном жанре национального традиционного фольклора, явлении традиционной культуры и, нако-

нец, национальной культуры детства. И в этой своей ипостаси еврейская колыбельная песня, как колыбельная всех народов мира, выполняет свою главную функцию – успокоительную, основанную на утверждении сна, усыплении ребенка.

Колыбельную ситуацию создает в ней слово-приказ, слово-команда, слово-формула «спи».

*Спи скорей, мой Янкеле, мой славный...
Ну, спи скорей...*

*Shlof zhe mir shoyn, majn sheyner...
Nu, shlof zhe mir...
(Спи-усни, мой Янкеле. Мелодия и образ; с. 19)*

*Спи, мое дитя,
Моя надежда, красавец мой,
Спи же, сыночек,
Спи, моя гордость...*

*Shlof, main Kind,
Main treist, main seiner,
Shlof ze, zupeni.
Shlof, main kroin...
(Антология, №5)*

*Спи, мое дитя,
Моя надежда, красавец мой.
Спи же, лю, лю, лю,
Спи, жизнь моя...*

*Shlof, main kind,
Main treist, main seiner,
Shlof ze, lu, lu, lu
Shlof, main lebni...
(Антология, №6)*

Другое слово-стабилизатор, дающее ребенку установку на успокоение и являющееся неким акустическим сигналом для засыпания, характерное для еврейской колыбельной «люленьки» и его варианты (аналоги русскому «бай-бай»).

*Ай-лю-лю-лю,
Ай-лю-лю-лю-лю-лю-лю...
(Антология, №4)*

*Люленке, птичка моя,
Люленке, дитя мое.*

*Lulinke, majn feigele,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №10)*

Охранительная функция в песне принадлежит, прежде всего, маме, энергии и силе материнского чувства. Ее семейно-иерархическая роль хранитель-

ницы дома и семьи устойчива, неизменна (в отличие от роли отца). Мама постоянно и безотлучно с ребенком, на ее долю выпадают все трудности его роста, все тяготы повседневной жизни.

*...Что ж ты плачешь
И не хочешь глазки закрывать?
Твоей матери усталой
Ночь опять не спать.
Буду я тебя качать,
Люлинке моя.*

*Pestest zix un vejnst
Un shlofn vilst du nit.
Maxst dox dajn farmaterter muter
Smerch mir dermit.
X`vel dix vign? Lider zingen,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №3)*

*...У колыбельки твоей
Сидит твоя мама,
Поет песенку и плачет,
Когда-нибудь ты поймешь,
О чем она думает.*

*Vaj dajn vig
Zict dajn tame.
Zingt a lid un veint,
Vest amol farstein mistame,
Vos zi hot gemejnt.
(Антология, №5)*

Явно к древним представлениям восходит заговорный мотив, который вводит в свою импровизацию мама-охранительница ребенка от всех злых сил:

*Сыночек мой родной <...>
<...> Я двери затворю,
Тебя заговорю
От порчи и от сглаза,
Пусть и колдуньи спят,
А порча и зараза
От сына улетят.
(Песни былого, с. 194)*

В другой песне мама высказывает благодарение Б-гу за ниспосланное ей дитя и молит его быть охранителем и успокоителем ребенка:

*Мне послали небеса тебя, мой сынок!
Спи, усни, моя любовь, усни, мой ангелок!
Ты, как солнце, жизнь мою озарил собой,
Ты мне дороже всех богатств,
Миленький сыночек мой.
У кого еще найдешь чудеснее сынка?*

Глазки, точно звездочки, два прозрачных
родничка.
Боже, я тебя молю, сына моего храни!
Мой бесценный ангелок,
Усни, сынок, усни!

(Антология, №11)

Отношение матери к ребенку неизменно связано с его идеализацией. Без преувеличения можно утверждать, что еврейская колыбельная – своеобразный памятник материнской любви, первоначально понятия «а идише маме», вошедшего в обиход с очень известной песней.

Один из самых частотных мотивов колыбельной песни – мотив будущего благополучия. Специфика этого мотива в еврейском варианте, это отметил и Лайнванд, – особый пиетет по отношению к книге, обретению знаний, изучению Талмуда и Торы, учености.

Он скоро в хедер, в добрый час пойдет.
И будет там учить Талмуд и Тору.<...>
Он будет наизусть читать Гемару,
И папа будет слушать и сиять. <...>
Ну, спи скорей, мой будущий ученый...

(Мелодия и образ, с.19)

...Будет в хейдер бегать много,
Там учиться будет долго...

Мир еврейской колыбельной песни (об этом говорят и уже цитированные тексты) включает в себя несколько рядов персонажей. Самый главный – человеческий (ребенок, мать, отец). О ребенке и матери уже говорилось. Что же касается отца, то его семейный статус не столь однозначен: он глава семьи, кормилец, его деятельность в основном происходит вне дома – и тогда он пример для подражания ребенку, но он может быть и разрушителем семейного начала.

Люленьки, люли,
... Папа уехал.
Куда он поехал?
Он в Буки поехал.
А что он там купит?
Корову с теленком.
А кто ее будет доить?
Мы с тобой.

(Мелодия и образ, с. 21).

Он не первым, не последним
Примет смертный бой!
Так не плачь, дитя, твой папа –
Он большой герой....

(Антология. № 7)

На базар твой папа не пойдет,
Изюм и миндаль не привезет.
Люлиньке, мой сын.
Уехал он от нас с тобой.
Нас он бросил, мальчик мой.
Люлиньке, мой сын

(Антология, №20).

Животные, которые окружают ребенка, преимущественно из окружающего мира природы: это либо мирные домашние – корова, теленок, гусочка, петушок, либо птички, причем не определенная биологическая особь, а собирательное – «птичка», «птички» («feigele»).

На ветвях уснули птички,
Спи, дитя, мое.

(Антология, №23)

Один из самых популярных мотивов – мотив козочки, белой козочки.

Под кроваткой деточки
Беленькая козочка.
Вот козочка пошла купить
Изюма с миндалем...

(Антология, №13)

Коза, козочка с ее символикой плодородия, благополучия имеет в мировой (начиная с античной) и еврейской традиции древние мифологические корни. И в этом качестве козлик – жертвенное животное еврейской пасхальной обрядности. Акт жертвоприношения с перекладыванием вина своеобразно отражает пасхальная песня-сказка «Козлик». Наконец, еврейская колыбельная песня – песня дома. Кроватка, у которой сидит мать, – это фиксированное защищенное пространство дома. У бездомного ребенка нет своей кроватки.

Спи, моя дочурка.
Спи в своей кроватке.
Песенку тебе спою,
Чтоб заснула сладко.

(Антология, №3)

У колыбельки твоей
Сидит твоя мама,
Поет песенку и плачет...

(Антология, №5)

Таков мир еврейской колыбельной песни, имеющей давнюю традицию и являющейся бесценным памятником народной культуры. Потенции и импульсы жанра праматери оказались настолько мощными и продуктивными, что дали жизнь произведениям недетской тематики, произведениям с новыми мотивами, отразившими трагические страницы истории и судьбы еврейского народа.

Классик еврейской фольклористики М.Я. Береговский и его «Пуримшпили»

Прошедший праздник Пурим побудил меня рассказать, насколько это позволяет газетная площадь, об уникальной книге и уникальной судьбе ее создателя Моисея Яковлевича Береговского, выдающегося собирателя и исследователя еврейского фольклора (1892-1961). Книга называется «Пуримшпили: Еврейские народные музыкально-театральные представления», вышла она в Киеве в 2001 году и завершает пятитомное исследование М.Я. Береговского: I том – Рабочие и революционные песни. Песни о рекрутчине и войне (1934), II том – Любовные и семейно-бытовые песни, III – Еврейская народная инструментальная музыка (1987), IV-й – Еврейские народные напевы без слов (1999), V том – Пуримшпили. Этот пятитомный труд называют «энциклопедией еврейского музыкального фольклора», а каталог фоноваликов из коллекции Береговского внесен среди прочих культурных ценностей в Золотую Книгу ЮНЕСКО.

Родившийся в семье скромного учителя хедера в маленьком украинском селе Термаховка Киевской губернии, рано приобщившийся к музыке, М.Я. Береговский, преодолев все трудности и препятствия, в 1915 году поступил в Киевскую консерваторию. Окончив ее, преподавал музыку в киевских еврейских школах, руководил еврейским самодеятельным хором Киевского отделения «Общества еврейской народной музыки», активно сотрудничал с «Культурлигой» – организацией, которая была призвана приобщить широкие еврейские круги к культуре. Так он шел к главному делу своей жизни – собиранию и изучению еврейского фольклора. С 1927 года систематически и целеустремленно Береговский занимается собиранием и записыванием народной музыки, становится заведующим отделом фольклора в Кабинете еврейской культуры Академии Наук. «Каждое лето вместо отдыха он отправлялся с фонографом в экспедицию и радовался многочисленным находкам и открытиям, записывая от разных исполнителей с помощью фонографа и на слух еврейскую народную музыку во всем разнообразии ее форм». Много и плодотворно работал он после войны, в 1944-1945-м годах, организовывая экспедиции в места еврейских гетто. Эти материалы легли в основу работы о еврейском фольклоре военного времени, когда и перед лицом смерти люди не переставали петь. Коллекция обогащалась бесценными записями.

Но настал зловещий 1949 год, и вскоре после гибели С. Михоэlsa, грубо инсценированной как несчастный случай, и уничтожения Еврейского антифашистского комитета пришел черед Кабинета еврейской культуры. Его закрыли, а «безродного космополита» М.Я. Береговского арестовали и приговорили к 10 годам заключения в лагерях особого режима. В лагере под Тайшетом Береговский сначала работал на лесоповале и вскоре сам получил возможность убедиться в том, что поют не только в гетто и концлагере, устроенном гитлеровцами, но и в советском концлагере. Отсидев половину срока, Береговский был выпущен на волю «по недугу» – без права вернуться домой и вообще без всяких прав. За его реабилитацию боро-

лись Д.Д. Шостакович и М.Ф. Рыльский. Справка о реабилитации была получена лишь летом 1956 года.

До последних дней своей жизни он, больной и измученный хлопотами о пенсии, приводил в порядок свои рукописи, переписывал ноты, перепечатывал тексты, уточнял комментарии, потому что, страстно любя еврейскую культуру, видел в ней часть культуры общечеловеческой, а свою миссию в том, чтобы спасти от забвения и исчезновения то, что еврейский народ создавал веками и что имеет – в этом он был уверен – непреходящую ценность.

Рукопись книги «Пуримшпили» была конфискована в 1950 году во время ареста М.Я. Береговского и полстолетия терпеливо ждала встречи со своим читателем. В ее издании большую роль сыграла дочь автора – Э.М. Береговская, чьи две статьи – предварения («К истории создания «Пуримшпилей» и «Еще раз о судьбе М.Я. Береговского») создают живой «портрет» замечательного человека, подвижника и ученого, вся жизнь которого — служение науке и любимому делу. Его дополняет прекрасный очерк известного литературоведа, зятя М.Я. Береговского В.С. Баевского «Классик и его дочь», опубликованный в материалах межвузовской научной конференции, 11 выпуске «Кормановских чтений» (Ижевск, 2012, с. 482-502).

«Пуримшпили» в фундаментальном научном издании увидели свет через много лет после смерти их собирателя и исследователя. И это событие огромного культурного значения. Еврейский народный театр предстал во всей своей полисюжетности и многовариантности. Самая популярная, широко бытовавшая и наиболее часто разыгрываемая и в наше время пьеса «Ахашверош-шпиль» на сюжет Книги Есфирь помещена в сборнике в девяти вариантах. Здесь же помещены пуримшпили, относящиеся еще к шести библейским сюжетам: Продажа Иосифа, Заклание Исаака, Мудрость Соломона, Благословение Иакова, Соломон и Асмодей, Давид и Голиаф. Все они печатаются на идиш латинским шрифтом. И только последняя пьеса «Давид и Голиаф» прекрасно переведена и прокомментирована историком, этнографом

Валерием Дымшицем (он же переводчик «Еврейских народных сказок»), который является редактором текста «Пуримшпилей». Названный же перевод и исследование «Мы к вам пришли не театр представлять» помещены в петербургском сборнике «Судьбы традиционной культуры: Памяти Ларисы Ивлевой» (СПб.,1998).

То, что когда-то существовало в живой традиции, теперь благодаря труду фольклориста перешло в книгу, которая дает новую жизнь народному театру.

И снова один раз в году – в праздник Пурим разыгрываются представления с элементами карнавала, переодевания, маскарада, раздается веселый свист и топанье ног при упоминании имени Амана – архетипа всех злодеев и ненавистников еврейства, сжигается его изображение, тарахтят специально изготовленные трещотки. А со сцены звучит: «Что за шум и гам? Тише тут и там! Пуримшпиль мы сыграем вам! Тихо, ша!»

«Звать меня Залман...»

(Заметки о еврейском детском фольклоре и его судьбе)

У еврейского детского фольклора на языке идиш судьба не совсем обычная. На протяжении почти трех веков до первых десятилетий XX века в многочисленных еврейских поселениях («штетл») на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы, Латвии, где протекала жизнь восточно-европейского еврейства и где ему разрешалось жить, детский фольклор жил естественной и полнокровной жизнью. Известна трагическая судьба этих стертых с лица земли во время второй мировой войны поселений, а с ними судьба носителей и пользователей фольклора. К преступлениям фашизма добавилась послевоенная антиеврейская политика советского государства, отлучавшего детей от своего языка и своей культуры. Отлучение, даже отторжение испытала на собственном опыте. Мое раннее детство выпало на 1930-1940-е годы. В Житомире, в нашей большой семье, бабушка и дедушка говорили между собой только на идиш, мама с папой между собой преимущественно на идиш, а нас (меня, старших сестру и брата) оберегали, ограждали, чтобы не испортить жизнь, от всего национального и языка в том числе. И мы, как и наши сверстники и одноклассники из еврейских семей, не слышали на идиш ни одной колыбельной или прибаутки, не знали ни одной песенки или считалки.

Известный современный детский поэт Михаил Яснов, комментируя в книге «Детский мир» свои переводы с идиша единичных, дошедших до нас текстов еврейского детского фольклора, обращается к сегодняшним читателям с такими словами:

«Ясное дело: если бы вы родились в то время, когда еврейские дети вовсю распевали эти и подобные им строчки, вам сейчас каждому было бы уже чуть ли не по сотне лет...».

И вот так случилось, что такого перешагнувшего далеко за 90 информанта мне посчастливилось узнать и записывать.

Залман Самуилович Кауфман оказался единственным человеком, кто услышал в газете «Общинный вестник» мое обращение-просьбу к людям старшего поколения вспомнить фольклор их детства – тексты или рассказы и поделиться ими. И вот последние несколько лет мы с Залманом Самуиловичем, оба вынужденные малоподвижные затворники квартирного пространства, часто и продолжительно беседуем по телефону. Я, как он говорит, «разбередила его память», и он надиктовывает мне с комментариями то, что она сохранила... И тогда я обнаружила, что фольклор как таковой и не только детский – одно из многочисленных увлечений Залмана Самуиловича. В течение многих лет он собирал еврейские пословицы и поговорки, которые составили самостоятельную коллекцию из более 3000 текстов, теперь хранящуюся в Рукописном отделе Национальной библиотеки Израиля, откуда поступило благодарственное письмо собирателю. А совсем недавно он передал мне тетрадь с русскими пословицами (более 700), которые долго записывал по случаю от разных людей, особенно часто от своей коллеги-лаборантки из Вологды. Теперь эта тетрадь находится в фольклорном фонде архива Карельского научного центра РАН.

Понять, ощутить, насколько незаурядна личность моего собеседника, позволили мне не только теле-

фонные разговоры и откровения, прерываемые рутинными заботами и делами (у З.С. нелегкая бытовая жизнь), но особенно книги и работы Кауфмана. Ученый-океанолог, доктор биологических наук, автор многих академических трудов, до выхода на пенсию в 2013 году ведущий научный сотрудник Института водных проблем Севера Карельского научного центра, заслуженный деятель науки Республики Карелия, кавалер Ордена за заслуги перед Отечеством Залман Самуилович – человек широких интересов и взглядов. И это отражают как его автобиографические книги «Невыдуманные рассказы» (2003), «Зяма» (2005), изданные в качестве приложения к Библиотечке газеты «Общинный вестник», так и своеобразное, требующее многих знаний и труда исследование «Краткий очерк истории еврейского искусства». И сейчас, в свои 96, Залман Самуилович, не взирая на годы, как настоящий ученый каждый день жизни остается в своих занятиях за письменным столом или компьютером, не прекращая свои научные штудии. Он выявляет упоминания растительного мира в Библии, описывает их, систематизирует, формирует характеристики, вынашивая идею создания короткого курса библейской ботаники. Трудно поверить, что за плечами этого неутомимого, увлекающегося, как он сам себя называет, человека тяжелейшая жизнь: война, которую он прошел от начала до конца, семь лет Гулага, чрезвычайно тернистый путь в науку, путь, что начался, по существу, в детстве, в Чернигове, в отчем доме. В 5 лет маленький Зяма научился читать сначала по-русски, затем в 7 лет за один год в еврейской школе читать и писать на идиш, а еще позже в связи с украинизацией освоил украинский язык. Рано увлекся биологией да так, что шестиклассником стал автором статьи в журнале «Юный натуралист», не просто замеченной, но отрецензированной писателем-натуралистом и художником-анималистом, профессором Московского университета Н.А. Формозовым, с которым завязалась многолетняя перепис-

ска. Поступление на биофак Ленинградского университета было predetermined страстным желанием заниматься биологией, оно было закономерно и естественно.

Но вернусь к фольклору, детскому фольклору прежде всего, который извлекает из кладовой своей памяти Залман Самуилович Кауфман. Он родился в 1921 году в Чернигове, который с конца XVIII века по 1917 г. входил в черту оседлости. Еврейское население города составляло его большинство. «Двор, в котором я жил, был большой, в нем проживало больше сотни человек. Не двор – местечко», – пишет З.С. Кауфман в книге «Невыдуманные рассказы». В этом дворе-местечке и проходило детство с его играми, драками, забавами и увлечениями. Разумеется, играли, кружились, дразнились не только еврейские дети, но и украинские и русские. И бывовал, жил естественной жизнью разноязыкий фольклор.

Тексты от Залмана Самуиловича предлагаю в его транскрипции.

*Андрей, лейг аней,
Гойт ейне,
Моргн – цвей.*

(Эта дразнилка переводится так: Андрей, снеси яйцо, сегодня одно, завтра – два)

*Ицык-пыцик,
Транты,
Шманты,
Барахло.*

(Так дразнили Ицыка, сына собирателя старых вещей)

*Борух Ато,
Ер ист до.*

(Борух Ато, он уже здесь – так дразнили человека, который появлялся там, где его не ждали, т.е. который тут как тут.)

*Матвей, Матвей,
Председатель кислых щей.*

*Береле, Борис,
Председатель дохлых крыс*

*Николай, Николай,
Запер девочку в сарай.
Тыкал, тыкал, не попал,
Только гривенник пропал.*

*Абрашка, кривые ноги, большой живот.
Абрашка всегда танцует и всегда поет.*

*Бусел, бусел, колесо,
Твои детки за лесом.*

(Бусел – так на Украине и Белоруссии называли аиста; мужики затаскивали на деревья старые колеса, а аисты вили на них гнезда.)

*Зяма, Зямохес, кадохес – жид
(кадохес – болезнь, хвороба – укр.)
По веревочке бежит.*

*Аврамеле, вос махт ин кремеле.
(Аврамеле, что делает в лавке)
Вырос до неба, а дурный, як треба.*

*На золотом крыльце сидели
Король, королевич,
Сапожник, портной.
А ты кто такой?*

*Обер, бубер, зубер,
Обер, бубер, кус!
(эта считалка, как и другие, основана на словообразовательной зауми)*

*Анди, дванди,
Тринди, менди,
Яков, Маков,
Чук Малатов,
Девять чук.*

*Кап, кап, Кемерл,
Кум цу мир ин кремерл.
Их дир энес вайзн:
А шиселе фун айзн,
Киндер ин ды вигелах
Шраен ви ду цигелах:
Мэ, мэ, мэ..*

(Переводится: Кап, кап, Кемерл, / Приходи ко мне в лавчонку/, Я тебе что-то покажу/, Мисочку из железца. / Детей в колыбельке / Кричат, как козочки: / Мэ-мэ-мэ)

Несомненно, это осколки, крупницы уже ушедшей культуры еврейского детства, дошедшего до нас, главным образом в переводах, как вот эта замечательная потешка в переводе Наума Гребнева с ярко выраженными, теперь почти не встречаемыми национальными антропонимами, но своим первым именем как будто преднамеренно совпавшая с именем моего информанта:

*Звать меня Залман,
Звать отца Калман,
Деда звать Борех,
Брата звать Зорех,
Маму звать Бейла,
А сестру – Кейла,
Звать котенка Мирка,*

*Лошаденку – Сирка,
Бабушку звать Броха.
Вот и вся мештоха!
(Мештоха – родня)*

Источником этого, как и других переводных текстов, являются собрания и сохранившиеся рукописи еврейского фольклора, относящиеся к 1900-1920-м годам: это прежде всего первый сборник еврейского фольклора «Еврейские народные песни в России», собранный и составленный С.М. Гинзбургом и П.С. Марекон, не ставившими тогда задачу специально записывать детский фольклор, тем не менее выделенными среди других жанровых групп «Колыбельные песни», «Детские и школьные песни», которые, как и все другие тексты сборника на идиш, транскрибированы латинскими буквами; фольклорные записи 1911-1914 годов в местечках Вольни и Подолии С. М. Ан-ского (Раппопорта), вошедшие в изданное посмертно в 1920-25 гг. в Варшаве 15-томное Собрание сочинений на идиш; фольклорные материалы классика еврейской фольклористики М.Я. Береговского и эпизодические записи менее известных собирателей. Они и стали основанием раздела «Чудо-перечудо (Детские песни)» в собрании «Песни былого. Из еврейской народной поэзии» в переводе Наума Гребнева, антологии «Еврейская народная поэзия», составленной Максом Гольдиным и Изалием Земцовским; присовокуплю к ним сборник «Мелодия и образ: десять избранных еврейских народных песен» и уже упомянутую популярную книжку «Детский мир», составленную Валерием Дымшицем и переведенную с идиша Михаилом Ясновым. Выбранные из этих изданий тексты детского фольклора воссоздают в некоторой степени картину бытования времени, когда еврейский детский фольклор естественно бытовал.

Обращусь к одному из самых полнокровных по своей репрезентативности жанров традиционного детского фольклора и лирики материнства – колыбельной песне. Еврейские мамы, как и мамы всех народов мира, исполняли свои непритязательные импровизации, выполнявшие типологически присущие им функции (охранительную, прогностическую, эпистомологическую) и самую главную функцию – успокоительную, основанную на утверждении сна, усыплении ребенка. В еврейских колыбельных большой спектр сюжетов, мотивов и персонажей, которые, отражая некоторые национальные особенности, характеризуют колыбельные как жанр независимо от его этнической принадлежности.

Колыбельную ситуацию в еврейской колыбельной, как и в русских песнях, создает «слово-приказ», «слово-команда», «слово-формула», «слово-стабилизатор» «спи» или «люленьки» (аналог русскому «бай-бай»), дающие ребенку установку на успокоение и являющиеся неким акустическим сигналом для засыпания.

*Спи, мое дитя,
Моя надежда, красавец мой,

Спи же, сыночек,
Спи, моя гордость...*

*Slof, main kind,
Main treist, main s`
einer,
Slof z `e, zuneniu.
Slof, main kroin...*

Антология «Еврейские народные песни» №5, в дальн. «Антология»)

*Люленке, птичка моя,
Люленке, дитя мое.*

*Lulinke, majn feigele,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №10)*

Охранительная функция в песне принадлежит прежде всего маме, энергии и силе материнского чувства. Ее семейно-иерархическая роль хранительницы дома и семьи устойчива, неизменна в отличие от роли отца, чей семейный статус не столь однозначен: он глава семьи, кормилец, и тогда он пример для подражания ребенку, но он может быть и разрушителем семейного начала. Мама же постоянно и безотлучно с ребенком, на ее долю выпадают все трудности его роста, все тяготы повседневной жизни.

*... Что ж ты плачешь
И не хочешь глазки закрывать?
Твоей матери усталой*

*Pestest zix un vejnst
Un slofn vilst du nit.
Maxst dox dajn
farmaterter muter
Smerch mir dermit.
X`vel dix vign? Lider
zingen,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №3)*

*Ночь опять не спать.
Буду я тебя качать,*

Люлинке моя.

... Отношение матери к ребенку неизменно связано с его идеализацией, определяемой как «колыбельное любование»: «Янкеле мой славный», «мое сокровище», «надежда, красавец мой», «моя гордость», «мое дитя, мой свет. Когда я смотрю на тебя, кажется мне, что весь мир мой». Без преувеличения можно утверждать, что и в еврейском варианте, как всех других, колыбельная – своеобразный памятник материнской любви. Мама высказывает благодарение Богу за ниспосланное ей дитя и молит его быть охранителем и успокоителем ребенка:

*Мне послали небеса тебя, мой сынок!
Спи, усни, моя любовь, усни, мой ангелок...*

Один из самых частотных мотивов колыбельной песни – мотив будущего благополучия. Специфика этого мотива в еврейском варианте – особый пиетет по отношению к книге, обретению знаний, изучению Талмуда и Торы, учености.

*... Он скоро в хедер, в добрый час пойдет.
И будет там учить Талмуд и Тору.<...>
Он будет наизусть читать Гемару,
И папа будет слушать и сиять <...>
Ну, спи скорей, мой будущий ученый..*

(Мелодия и образ, с.19)

*... Будет Янкеле читать,
Будет Янкеле писать,
Радовать отца и мать...*
(Песни былого. С. 194) ...

Животные, которые окружают ребенка, преимущественно из окружающего мира природы: это мирные домашние – корова, теленок, гусочка, петушок, либо птички. Один из самых популярных мотивов, и на это указывают М.Гольдин и И.Земцовский, – мотив козочки, белой козочки.

*Под кроватью Иделе
Стоит белоснежная козочка.
Козочка поехала продавать...*
(Антология, с.21)

Коза, козочка с ее символикой плодородия, благополучия имеет в мировой (начиная с античной) и еврейской традиции древние мифологические корни. И в этом качестве козлик – жертвенное животное еврейской пасхальной обрядности. Акт жертвоприношения с перекладыванием вины своеобразно отражает пасхальная песня-сказка «Козлик».

Все сказанное выше позволяет мне не согласиться с одним из посылов в целом интересной, основанной на редких, изданных в разные годы за рубежом источниках статьи «Колыбельная в фольклоре идиш как отражение жизни народа» израильского музыканта и фольклориста Михаэля Лайнванда, назвавшим еврейские «бездомными колыбельными бездомного народа», «лишь частично выполняющими свою основную функцию». Обращаясь к содержательной стороне фольклорной и литературной колыбельной песни, отражающей «стремительно меняющийся мир», Лайнванд заключает: «Итак, колыбельная на идиш, будучи продуктом, с одной стороны, народа-изгоя, лишенного национальной родины, бесправного и угнетенного, но наделенного бунтарским духом, а с другой – обстоятельств: голода и нищеты, погромов, эмиграции, революций, войн, гетто и лагерей уничтожения и т.д., как таковая выполняет свою основную функцию – успокаивать, укачивать, убаюкивать – лишь частично и в основном за счет мелодии. Текст же ее – это излияние «тяжелого сердца» матери. Он пробуждает, протестует, борется, вызывает, призывает. Нередко это песни гнева, ужаса, социальной бури и натиска. Из них исчезает колыбелька вместе с объятым пламенем домом, а в ней – и отец, и мать, да и сам адресат, ребенок».

Действительно, насыщенность поздних колыбельных песен не свойственными этому жанру мотивами, вызывает определенную его трансформацию. Песни успокоения становятся песнями гнева и борьбы, обретают новый смысл и новую окрашенность. И таких текстов много.

*... Спи, мой маленький, пройдут года,
Может, выживешь и станешь старше,
Может статься, отомстишь тогда
Ты за ложь, за кровь, за слезы наши.
Лю-лю-лю.*

(Песни былого, с.197)

У бездомного ребенка не может быть своей кровати. Кровать, у которой сидит мать, – это фиксированное, защищенное пространство дома, откуда она посылает ребенку сигналы любви, нежности, заботы, защищенности. Еврейская колыбельная песня – песня дома:

*Спи, моя дочурка.
Спи в своей кровати.
Песенку тебе спою,
Чтоб заснула сладко.*
(Антология, №3)

*Спи, мальчик мой родной,
Сыночек дорогой,
Здесь над твоей кроватью,
Хороший мальчик мой,
Сию я с песней сладкой...*

(Песни былого, с. 194)

И эти определяющие сюжеты и мотивы еврейских колыбельных песен, имеющих давнюю традицию, делают их бесценными памятниками народной культуры. Потенции и импульсы жанра праматери оказались настолько мощными и продуктивными, что дали жизнь произведениям недетской тематики, произведениям с новыми мотивами, отразившими трагические страницы истории и судьбы еврейского народа.

Дошедшие до нас в переводных публикациях тексты других жанров еврейской «поэзии пестования» единичны и позволяют предположить, что их бытование обусловлено воздействием детского русского фольклора. К таким «первообразам искусства» относится вот эта потешка с явными особенностями национальной традиции.

*Мой Янкель, моя розочка
Пришла к нам в гости козочка.
Для нашего детки
Принесла конфетки.
А дедушка малышке
Подарил две книжки.
Будет Янкеле читать,
Будет Янкеле писать...*

(Песни былого, с. 196).

Нередко эти тексты становятся нам известны благодаря поэтам, подобно обработанной Л. Квитко пестушке – аналогу русским «Потягунюшкам»:

*Потягуша,
потяньсь!*

*поскорей, скорей
проснись!*

*День настал
Давным-давно...*

(Детский мир. с.35)

или такой вопросо-ответной прибаутке, вызывающей ассоциацию с многочисленными русскими прибаутками «Кисонька-мурысонька, где была?», «Каракуля-коляда, где была?»

*Птичка, птица,
Тлём-тлём-тлём.*

Где отец?

– В краю чужом,

Возвратится

Завтра днем.

– Что с собой он

Принесет?

– В двух бочонках

Пиво-мед!

– Куда спрячет?

– В шкаф большой!

– Кто их вытьет?

– Мы с тобой!

(Песни былого, с. 208)

Что касается собственно детского еврейского фольклора, т.е. созданного самими детьми, то дошедшие до нас записи и публикации крайне малочисленны. В архиве М.Я. Береговского оказалась одна детская игра с песенкой, которая «была очень популярна на Украине лет сто назад, а то и больше: дети четырех-десяти лет становились в круг, брались за руки, медленно кружились и пели:

*Руде, руде, не ленись,
К тете Брайне повернись,
Следом – дядя Йосл,
Следом – тетя Сосл.
Шёл вперед
Хоровод –
А теперь назад пойдет.*

Тот из ребят, чье имя называлось в песне, поворачивался спиной к центру, снова брал за руки своих соседей и продолжал кружиться вместе со всеми. Так они и кружились, и пели, пока не оказывалось, что уже не осталось никого, кто стоял бы в круге, как в самом начале. Тогда хоровод рассыпался и набирался новый».

О том, что из жанров собственно детского фольклора особенно популярными и широко бытовавшими были считалки, мы узнаем опосредованно.

Одним из первых о влиянии еврейского детского

фольклора на русский заговорил. ссыльный этнограф Г. Цейтлин, который в самом начале XX века, изучая народную культуру Севера, записал более 20 игр и представил их в статье «Народные игры в Поморье». В поморском селе Лапино, недалеко от Сумского Посада, где о постоянном влиянии еврейского жаргона не может идти речь, Цейтлину довелось среди других записать игру под названием «Селюгой» (кстати, ни в одном словаре говоров не удалось найти значение этого слова) с заумной считалкой, слова которой оказываются словами еврейского жаргона и которой дети определяют, кому кем быть

Ендиль, (одна)

Бендиль, (косточка)

Цювь, (тяни)

А цендиль. (зуб)

Ачу

Вачу

Видишь,

Корешь,

Чван.

«В этом наборе слов, – пишет Г. Цейтлин, – поражает его еврейское происхождение. В г. Орше Могилевской губернии мне пришлось слышать, как «шаландаются» или «мечутся» перед игрой еврейские дети»...

Ейндедь,

Бейндель,

Цуп

А цейндель

Аре,

Баре,

Каче,

Роке,

Журеман,

Капитан...

Выдающийся собиратель и исследователь русского детского фольклора Г. С. Виноградов в своей работе «Детские игровые прелюдии» (1929), изучая генезис и поэтику считалок, возводит происхождение некоторых любимых детьми заумных считалок именно к еврейским источникам. Он цитирует записанную в Ленинграде считалку

Айс, цвей, драй

Лида, Лида, лай

Окен, бокен, шандарыкин,

Шарин, барин, ник.

и комментирует ее как заимствование или переделку стихотворения, которое в Ковенской губернии распевалось еврейскими детьми при различных играх, подтверждая ссылкой на идишский текст из сборника С. М. Гинзбурга и П. С. Марека «Еврейские народные песни в России»:

Nit eins, nit zwei,

nit drai,

oder – lider – lai!

Oken boken

Об еврейском происхождении Г. С. Виноградов говорит, приводя несколько считалок из предостав-

ленного в его распоряжение рукописного сборника некоего В. А. Гуревича:

*Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба.*

*Энэ бэнэ
торба сорба
энце звака
таус эус
косматэус.*

Виноградов полностью воспроизводит интерпретацию собирателя, «об убедительности которой должно судить гебраистам». Суть ее состоит в том, что источником считалочных текстов и заумной лексики (каждое слово расшифровывается Гуревичем) являются «испорченные молитвенные тексты на древнееврейском языке», которого дети не понимали и воспринимали как заумь.<...>. Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую оболочку».

«Еврейский элемент», а значит, свидетельства широкого бытования обнаруживают в русской считалке

современные исследователи И.И. Земцовский и А. Л. Топорков, последний цитирует многократно записанную в начале XX века в России, Белоруссии и на Украине считалку, в которой целый ряд слов восходит к идиш.

*Оны-боны ре,
Интер квинтер жес,
Оны-боны раба,
Интер квинтер жаба.*

За долгие годы занятий детским фольклором я познакомилась с множеством изданий и исследований детского фольклора разных этносов, больших и малых, но не встретила ни одной отдельной публикации, посвященной еврейскому детскому фольклору. Мои заметки преследуют цель – сказать, 1) что в еврейском фольклоре и традиционной национальной культуре есть такая составляющая – детский фольклор и 2) инициировать продолжение разговора. Мои размышления совершенно не учитывают недоступный для меня собирательский материал архивов, отечественных и зарубежных. Хочу надеяться, что образуется группа заинтересованных и компетентных людей, которые в рамках принятых сейчас проектов обратятся к архивам, публикациям и составят сборник еврейского детского фольклора.

Безмерно благодарна председателю петрозаводской еврейской общины и редактору газеты «Общинный вестник» Дмитрию Цвибелю за многолетнюю и безотказную помощь в предоставлении необходимой литературы; известному этнографу, фольклористу, преподавателю иудаики Валерию Дымшицу за редактирование записанных на идише текстов.

Доктор Зильбер – уникальный гуманитарий-просветитель

Необходимое предварение. Хочу предупредить уважаемого читателя, что мое обращение к книгам Анатолия Петровича Зильбера не есть вторжение непосвященного в неизвестную мне сферу медицины. Я буду говорить лишь о той грани его деятельности, которая близка мне и сродни моим занятиям.

Тем не менее, опираясь на многочисленные источники, не могу избежать искушения и не сказать об определяющей, известной многим деятельности врача А.П. Зильбера. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии медико-технических наук. Организатор в Петрозаводске первого в России отделения респираторной терапии. Заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, автор концепции медицины критических состояний, создатель самостоятельного курса анестезиологии-реанимации, Заслуженный деятель науки РФ, Народный врач Карелии, Почетный гражданин Петрозаводска, кавалер многих орденов (в 2019 г. удостоен ордена «Сампо»), медалей, почетных знаков. Автор свыше 460 печатных работ, среди них более 50 монографий. Ученый с мировым именем, чьи лекции по проблемам интенсивной терапии слушали врачи Австрии, Англии, Швеции, Финляндии, США, Израиля, Венгрии, Канады, ближнего зарубежья. Организатор ежегодных учебно-методических семинаров по проблемам медицины критических состояний. «Школа Зильбера», функционирующая под эгидой Европейской Ассоциации анестезиологов, собирает ежегодно в октябре семинар (в 2019 г. – 56-й раз), на который съезжаются сотни врачей для повышения уровня теоретических знаний и внедрения в практику новейших достижений медицины критических состояний и получения специального сертификата.

Добавлю к этому личное – от пациента. В 2002 году, оказавшись по скорой в отделении реанимации Республиканской больницы, где-то около 6-ти утра увидела у своей кровати врача, которым, как позже узнала, был Анатолий Петрович Зильбер. Вскоре состоялось наше знакомство, благодаря которому становлюсь счастливой обладательницей его книг. Появление в отделении в 4-5 часов утра для Зильбера, считающего это время очень важным для медицины критических состояний, имеющей дело с больным в пограничном между жизнью и смертью состоянии, – норма, повседневность, которой он придерживается всю жизнь, вплоть до сегодняшнего дня. Видимо, такие наблюдения обостряют, усиливают осознание ценности жизни, когда врачевание рождает отдельную философию – человековедение. Врач, утверждает А.П. Зильбер, – прежде всего человек, способный к сопереживанию. В замечательной книге «Легенды и реалии профессионального врача» (Петрозаводск,

2005) А.П. Зильбер приводит слова британского врача Томаса Сиденгама, который на вопрос, что следует читать, чтобы стать хорошим врачом, ответил, не задумываясь: «Читайте «Дон Кихота» Сервантеса». Он умел сопереживать людям, попавшим в беду».

Упомянутая книга – лишь одна из более 50-ти работ А.П. Зильбера, посвященных другой стороне его деятельности, – пропаганде гуманитарной культуры. Их доминанта – гуманитарная культура и духовное развитие должны быть фундаментом общего образования и профессионального опыта любого специалиста, а врача особенно. Гуманитарное просветительство Зильбера – производное длящегося уже более 60-ти лет его страстного увлечения медицинским труэнтизмом. Приведу определение этого социологического феномена, принадлежащего доктору Зильберу: «Медицинский труэнтизм – это плодотворное устремление врачей к полезной творческой деятельности вне медицины». Со студенческой скамьи «фанатичный коллекционер материалов по медицинскому труэнтизму», как он сам себя называет, Анатолий Петрович собирает и анализирует материалы о врачах, добившихся успехов и славы вне медицины. Уникальная картотека Зильбера, включающая колоссальный объем знаний по истории культуры в ее разных проявлениях, насчитывает сегодня свыше трех тысяч досье, оформленных в соответствии с принятой им классификационной схемой и твердыми требованиями. Их фигуранты – философы и археологи, дипломаты и историки, астрономы и математики, музыканты и писатели, физики и геологи, политические деятели и главы правительств и др. Являясь не просто информацией или регистрацией каких-то данных, такое персональное дело оказывается итогом глубокого и длительного изучения материалов, каковыми становятся для собирателя многочисленные источники: прежде всего широкий спектр разнородной литературы от античности до наших дней, целенаправленные визиты в отечественные или зарубежные архивы, библиотеки, музеи, переписки, контакты и личные встречи, сопряженные с разысканиями и поисками редких изданий, документов, фотографий и т.д.

Теперь эта картотека – плод огромного труда – в обобщенном и концентрированном виде воплотилась в уникальное трехтомное сочинение «Врачи-труэн-

ты», первый том которого уже предъявлен читателю¹. 15 глав тома – это 15 оригинальных, самостоятельных повествований, в каждом из которых личность врача или врачей-труэнтов становится основанием для полнокровного разговора о какой-то отрасли истории мировой культуры или образования. Так, стержнеобразующей фигурой второй главы «Британский музей начинался на Ямайке» стал доктор Ханс Слоун – создатель Британского музея, первого государственного и общедоступного до сегодняшнего дня. Врачи, стоящие у истоков книгопечатания, журналистики, первых газет, книжной графики в мире и России, в частности, – объекты изображения третьей («Мифы и реалии книгопечатания»), четвертой («Сколько монет в названии газеты «Копейка»?) и пятой («Экслибрис: НОТ или искусство»?) глав, содержащих массу интересных и мало известных фактов (например, о том, что врач и политик Жорж Клемансо имеет отношение к знаменитому в связи делом Дрейфуса письму Золя, которому он дал хлесткое название «Я обвиняю!»; о российском враче П.М. Ольхине, издателе, редакторе, авторе оригинальной системы и руководства по стенографии, основателе в 1861 году и ныне существующего журнала «Вокруг света», именно Ольхин, направил к Ф.М. Достоевскому А.Г. Сниткину, сыгравшую известную роль в его жизни и творчестве). Не менее содержательны другие десять глав книги, рассказывающие об истории библиотек и библиотеке Соловецкого монастыря особо, о месте в русской культуре разных поколений семьи Боткиных, о докторе Фридрихе Шиллере в литературе и музыке, о замечательных коллекционерах живописи, музыкальных инструментов (первой в мире женщине-анестезиологе Вирджинии Апгар) и многих-многих других врачах-труэнтах.

Последняя, пятнадцатая глава «Интеллигентность и медицинский труэнтизм» с подзаголовком «вместо заключения» особая. Утверждая, что труэнтизм – составная часть интеллигентности, автор книги размышляет о том, что такое интеллигентность вообще и каковы характерологические черты интеллигентного врача. И как всегда, апеллирует к разным источникам и личностям, среди которых для меня лично мало убедительной и нежелательной является фигура посредственного писателя П.Д. Боборыкина, тем более так и не ставшего врачом. А то, что интеллигентность, настаивает Зильбер, – категория нравственная, и под ней следует понимать прежде всего порядочность, честность, неспособность к низким поступкам, пристойность поведения, заставляет вспомнить концепцию интеллигентности великого Д.С. Лихачева.

В книге А.П. Зильбера впечатляет диапазон источников, широта охвата материалов – всё это знаки разностороннего гуманитарного знания, огромной на-

читанности, редкой сегодня эрудиции (стоило мне в разговоре упомянуть книгу Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», тут же последовала реакция А.П., который процитировал наизусть весь гимн швамбран и вспомнил несколько замечательных высказываний маленького героя книги – путаника Оськи). Не менее впечатляет, как прочитанное осмыслено и обжито, как оно интерпретируется, как обнаруживаются новые смыслы. Один из поразивших меня примеров – гениальный роман XVI века Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (доктора Рабле, которому среди прочих принадлежат термины «терапия» и «ангина»). Филологи знают, как непросто воспринимается и понимается воплощенная в романе народная смеховая культура, его гротескный реализм, гротесковые материально-телесные образы и «телесного низа», в частности. Именно они прежде всего обращают на себя внимание читателей и комментаторов этого произведения. Исключительно внимательный и целенаправленный читатель А.П. Зильбер усмотрел в романе редко отмечаемый мотив и смысл, процитировав письмо отца-великана Гаргантюа сыну-великану Пантагрюэлю («Я хочу лишь вдохновить тебя на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно...»), письмо, в котором отразилась гуманистическая программа самого Рабле.

Глубина прочтения, внимание к деталям позволяет Зильберу обнаруживать неожиданные смыслы, улавливать, акцентировать новые значения, нюансы и даже грани в рассматриваемых специально или упоминаемых по ассоциации античных мифах, Библии, произведениях художественной литературы («Капитанской дочке» А.С. Пушкина, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, новелле И. Бабеля «Гюи де Мопассан», «Разбойниках» Ф. Шиллера и т.д.). Талантливый истолкователь художественного текста – одна из ипостасей Зильбера-повествователя. Экскурсовод-искусствовед, когда Анатолий Петрович «прочитывает» и комментирует представленные в книге живописные работы из различных музеев мира. Наконец, пристрастный лингвист, неизменно озабоченный документированным выяснением, толкованием значения слова, формулированием и этимологией многочисленных терминов (начиная с истории самого понятия «термин» в подглавке «Почему римский бог Терминус и славянский Чур были против войны?»). Он многократно расширяет границы словоупотребления, воспроизводя в речевом обороте забытые или малоизвестные слова. Одно из них – особо почитаемое им слово «кводлибет», которое широко использовалось в средние века в университетах и означало торжественный словесный и интеллектуальный поединок, полемику. Зильбер упорно и методично адаптирует это слово в современном обиходе, практикуя кводлибеты среди

¹Зильбер А.П. *Врачи-труэнты: Очерки о врачах, прославившихся вне медицины.* С.-Петербург.: Арка, 2013. 460 с. илл.

своих студентов. Разноязычные словари – неперенные источники и инструменты в его тексте, редкая страница которого обходится без лингвистических изысканий.

Отличительное свойство книги Зильбера – ярко выраженный индивидуальный стиль. Размышляя в первой главе, как организовать, структурировать материал, каковой должна быть форма изложения, А.П. Зильбер называет такие литературные жанры, как очерк и эссе. И хотя в подзаголовке книга определена как «Очерки о врачах...», ее главы со свободной композицией, допускающей отвлечения и ассоциации, с вопросами и размышлениями, многочисленными авторскими отступлениями («Я буду позволять себе подобные отвлечения на протяжении всей этой и следующих книг, и у читателей, которые не согласны с таким подходом, я заранее прошу прощения и предлагаю не мучить себя, а пропускать подобные отступления или даже вообще отложить книгу в сторону» (с. 130), нередко публицистическими, порой даже гневными, особенно когда речь идет о современности – невежестве, бескультурье, чиновном произволе («.. и не худо бы и в нашей стране сделать попытку остановить разгул средневекового медицинского шарлатанства, расцветающего не только из-за объективных трудностей государственного здравоохранения...» (с.21), убедительно свидетельствуют, что жанрово книга Зильбера – синтез эссе и очерка, восходящий к бессмертным «Опытам» Мишеля Монтеня, которые являются для него образцом самовыражения.

Одна из пронизывающих «Врачей-труэнтов» интонаций, обеспеченных бесценным качеством, которым щедро одарен автор, юмористическая. Без этого органического чувства юмора не было бы в повествовании (и в заголовках подглавок) так обогащающей его иронии, иногда самоиронии, цитируемых каламбуров, остроумных анекдотов, шуточных песенок и частушек. А как хороши многочисленные юмористические ремарки или постраничные примечания. Приведу один из таких пассажей: «Те, кто не читал «Дракона» Е.Л. Шварца и другие его пьесы, могут пойти и организованно утопиться, потому что они все равно не живут...» (с. 359).

Живой авторский голос, авторское «я» присутствует на всех уровнях повествования, о чем непосредственно и выразительно заявлено в последней части первой главы «Упреждающая анальгезия автора». Вот выдержки из этого своеобразного манифеста: «Книга – не справочник и не фундаментальное руководство по медицинскому труэнтизму. Основная цель книги – просвещение и гуманитарное воспитание читателей, с возбуждением их любопытства и стимуляцией любознательности»; «Эта книга очень личная...»; «Я и сегодня призываю своих читателей сомневаться и удивляться...»; «...свою главную задачу вижу в том, чтобы разжечь любопытство читате-

лей к поиску»; «... книга писалась не один день, хоть и на едином дыхании. Вдох состоялся в 1949 г. на II курсе I ЛМИ, а выдох пока не состоялся». И действительно, сегодня, когда рукописи очередных томов находятся в издательстве, поиски и разыскания продолжают, не прерываясь ни на один день.

Как-то в начале 2000-х годов мне довелось присутствовать на прекрасном творческом вечере петрозаводского поэта, барда Алексея Жидкова, врача-анестезиолога одной из больниц, которого Анатолий Петрович не без гордости представлял и как своего ученика-медика, и как единомышленника-труэнта, строчки которого «Нужно быть на свете этом // Хоть немножечко труэнтотом», цитируются в книге. Не «немножечко», а в полную силу страстное увлечение, гуманитарно-просветительская деятельность выдающегося доктора и уникального труэнта Анатолия Петровича Зильбера блистательно воплотилась в его, несомненно, писательской книге.

И это доказывает недавно вышедшая, великолепная, объемная, с множеством иллюстраций новая книга, о которой я не могу не сказать – «Кводлибет» (Петрозаводск: «Скандинавия», 2018). Как справедливо отмечает сам автор, она «кричит о себе своим названием, непонятным большинству людей, взявших ее в руки». Слово/ понятие «кводлибет», упомянутое мною выше в связи с труэнтами, оказывается темой самостоятельного разговора. А кводлибетарий А.П. Зильбер, проводивший и организовавший в Петрозаводском университете после трехвекового забвения первый и последующие кводлибетты, убедительно называет кводлибет главной формой университетского образования. Она требует сомнений, размышлений, «хочет спора, диспута, а не драки – не политических переворотов, именно поэтому он должен употребляться сегодня». Вводя это понятие в современный речевой оборот, А.П. Зильбер рекомендует его как ведущий принцип образования. Книга невероятно богата знанием гуманитарной культуры, оригинальными и неожиданными ассоциациями и фактами (возможно, порой избыточными), свободными и раскованными доводами и истолкованиями. Убедительно и ярко реанимирует А.П. Зильбер слово «кводлибет». Есть все основания надеяться, что оно приживется в сегодняшнем словоупотреблении, хотя и не в массовом сознании, как прижились блин, как бы и значит. Мы все свидетельствуем, как на канале «Культура» реанимируются старые термины в передачах Михаила Швыдкого «Агора» (древнегреч. центр общественной, экономической, художественной жизни) и Ирины Никитиной «Энигма» (загадка, невыразимое). Отдадим дань пропагандистам гуманитарной культуры и одному из самых прекрасных ее сеятелей – доктору Анатолию Петровичу Зильберу.

Из откликов:

Глубокоуважаемая Софья Михайловна! Прочитал Вашу рецензию в Учёных записках Петрозаводского университета о книге профессора А.П.Зильбера и хочу поблагодарить Вас за прекрасное изложение основных мыслей по поводу этого оригинального произведения, которое, несомненно, принесёт пользу не только медикам. Позвольте представиться. Профессор-иммунолог из Риги Пересадин Николай Александрович. Мне очень импонируют изложенные Вами идеи, рождённые как книгой о врачах-труэнтах, так и Вашим личным знакомством и богатым общением с автором. В Риге я часто выступаю в Музее истории медицины с лекциями о врачах, ставших писателями. А в библиотеке Николая и Михаила Задорновых второй год веду ежемесячные беседы о литераторах, имевших прямое отношение к медицине (как врачи по профессии, так и пациенты-литераторы). Хотел зайти на сайт библиотеки им.Ленина (так она называлась раньше), чтобы посмотреть книгу Зильбера, но что-то пока не получилось. Наш Музей истории медицины им.Паула Страдыня в Риге – один из крупнейших в мире и самый значительный в Восточной Европе. Естественно, нам хотелось бы познакомиться с книгой А.П.Зильбера. Коллеги написали мне в Фейсбуке, что в октябре будет презентация второго тома в Петрозаводске. Ждать ещё довольно долго. Как Вы посоветуете мне поступить? В своё время был у меня один коллега из Петрозаводска, с коим учился на курсах в Москве, но следы его затерялись...

С уважением и благодарностью Николай Пересадин. Рига. Латвия.

Памяти писателя Михаила Яснова

27 октября 2020 года не стало одного из наиболее известных и талантливых современных детских поэтов Михаила Давидовича Яснова (настоящая фамилия Гурвич, г.р. 6 января 1946 года). Автор нескольких десятков книг для самых маленьких: «Лекарство от зевоты» (первая -1979 г), «Чучело-мяучело», «Мамонт, папонт и остальные», «Праздник букваря», «Собиратель сосуллек», «День открытых зверей», «Что из чего», «Когда я стану школьником», «Здравствуйте, хвостаствуйте!», «Мама, смотри на меня!», «Детское время» и др. Его творчество отмечено многочисленными литературными премиями, среди которых премии по детской литературе имени С.Маршака, имени К.Чуковского, имени А. Чехова, лауреат Ордена золотого Орла «За высоту творческих свершений» от Союза литераторов Европы. Яснов – известный поэт, автор нескольких книг лирики для взрослых. Отдельная и большая область его творчества – переводы, среди которых особое место занимают переводы с французского (Гийома Аполлинера, Поля Верлена, Жака Превра, Поля Валери, Жака Кокто и др.), руководитель студии художественного перевода при французском институте Санкт-Петербурга. Яснов – великолепный критик и исследователь детской поэзии. Уровень его знаний позволил быть соавтором Евгении Оскаровны Путиловой, крупнейшего профессионала, составителя и комментатора уникального трехтомного труда «Четыре века русской детской поэзии», содержащего 2055 текстов от 214 поэтов. Своеобразным продолжением и дополнением этого труда является «Путешествие в Чудество: Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах», которая соединила Яснова – поэта, переводчика, литературоведа, литературного критика и пропагандиста детской поэзии, Он превосходно знал сегодняшнее положение дел в детской литературе, заинтересованно и доброжелательно не просто читал, но изучал книги своих собратьев по перу и писал о них, пропагандируя их творчество. Он собрал сборник «Лучшие стихи для детей», где каждому поэту посвящен очерк - предварение. Это новый уровень анализа стихотворений, когда определяется своеобразие, индивидуальное лицо каждого автора (Н. Заболоцкого, В. Берестова, А. Усачева, М. Бородинской, А. Кушнера, А. Шиббаева, О. Григорьева, В. Левина и других).

Мое знакомство с Михаилом Ясновым состоялось после выхода книги «Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору» (Петрозаводск, 2005), на которую он откликнулся добрым и профессиональным письмом. Я получила от Михаила Яснова с автографами несколько детских сборников, в числе которых «Лучшие книги для детей» и книгу лирики «Отчасти» (2013). Но главное завязалась переписка. В Ученых записках Петрозаводского университета было опубликовано интересное интервью с Ясновым кандидата филологических наук, ответственного редактора журнала Н.В.Ровенко.

Работая над статьями о детском еврейском фольклоре, обнаружила, что переводы с идиша единичных, дошедших до нас текстов еврейского детского фольклора принадлежат Михаилу Яснову в книге «Детский мир», составленной Валерием Дымшицем, послесловие М. Яснова (М. – Иерусалим, 2007)

Приведу несколько последних писем М.Д. Яснова, содержащие неопубликованные тексты.

Дорогая Софья Михайловна!

Очень Вы меня порадовали и вдохновили письмом и статьей. Вот спасибо! мой гипотетический издатель притормозил мою книжку идишского детского фольклора: "не будут покупать!" Ему виднее. Наберу еще текстов и попробую предложить в другие издательства. Все время откуда ни возьмись капают буковки. Вот, например, я перехватил начало цитируемой Вами считалки - "Анди, дванди, тринди, менди" и получилась такая "Считандия":

*Анди, дванди,
Трирди, иенди,
На диване
Посиденди,
На веранде
Поигранди -
Менди, тринди,
Дванди, анди!*

Ну, это так, между делом. Будут новости, непременно Вам сообщу. С самыми сердечными пожеланиями, Ваш МЯ

Вы писали 3 октября 2018 г., 12:05:47:

Дорогая Софья Михайловна!

Очень Вы меня порадовали восточкой, спасибо, что пишете, спасибо, что меня подгоняете. Я последнее время живу в таком непроходимом цейтноте, что, возможно, упускаю все важное. Я сейчас напишу Надежде Виленовне, попробуем с ней что-нибудь намудрить. А мой вопрос об идишском детском фольклоре остается злободневным. Очень нужны любые внятные тексты. Вот, посылаю в виде сердечного привета несколько совсем свежих пересказов. Ваш МЯ

ЦИГЕЛЕ-МИГЕЛЕ

*– Белая козочка
Цигеле-Мигеле,
Где ты гуляла сегодня?
– На выгуле.*

– Что ты там делала?
Травку щипала.
– Много ли травки на выгуле?
– Мало!

– Цигеле-Мигеле,
Цигеле-Мигеле,
Лучше бы мы
На лужайке попрыгали!
– Много ли травки там?
– Много премного!
– Где, покажи,
На лужайку дорога?

МЫ БЕЛЬИШКО ВЕШАЛИ

Мы бельишко вешали –
Помогал нам Гершеле:
Отгонял от тазика
Маленького Айзика.

ОХ, ЭТОТ ШМЕРЕЛЕ!

Куклке примерили
Свадебный наряд.
– Выходи за Шмереле! –
Кукле говорят.
– Ох, уж этот Шмереле!
Честно говоря,
Вы ему поверили
Совершенно зря!

ДРАЗНИЛКА

Абрашка, Абрашка,
На носу фуражка!
Веснушки как мухи,
А сам попоухий!

ЧТО ЭТО?

Ночью на этом спят.
Утром этим едят.
Не спеши.
Подумай немножко...

(Во-первых, это подушка,
А во-вторых, – ложка).

СУШКИ ЛИ, БАРАШКИ ЛИ...

Сушки ли, баранки ли –
Что там на примете?
Всё отыщет Янкеле

ВЕЧЕРОМ В БУФЕТЕ

Сахар ли, конфеты ли –
И была-то малость!
Вы уже отведали?
Больше не осталось!

ВОТ ТАК ЧУДО!

– Вот так чудо!
Вот так чудо!
Убежало Ниоткуда!
– А куда?
– В Никуда!
– Это горе – не беда:
Вот когда из Ниоткуда
Убегает Никуда,
Вот тогда уже не чудо,
Не причуда,
А беда!

В ТЕЛЕЖКЕ У ИОСИКА...

В тележке у Иосика
Сломалось два колёсика,
Лошадка захромала,
Тележка в ров упала.
А в тележке был мешок,
А в мешке орешки...
Ни орешков больше нет,
Ни самой тележки.

РЫБКА В РЕЧКЕ УТОНУЛА...

Рыбка в речке утонула.
Муравей упал со стула.
Потерял волчище след
Маленького зайца...
Нет уж, столько страшных бед
Сразу не случается!

Это письмо написано за два месяца до смерти 24 августа 2029 г.,

Дорогая Софья Михайловна!

Очень рад Вашей весточке, спасибо за нее! И одновременно я очень огорчился - судя по всему, Вы не получили мое письмо, в котором я писал Вам, что книга Ваша благополучно до меня дошла, и исторг несколько восторгов по ее адресу - от восхищения ее названием до глубочайшей благодарности за все проникновенные и добрые слова по моему. Сейчас, получив Ваше письмо, снова сунул нос в книгу - сколько тепла, пронизательности, неожиданных деталей! Надеюсь, мне удастся завершить авантюру с моей задуманной книжкой, в которой найдется место и отзвукам на Ваши труды. Кроме многого прочего, меня тронули Ваши воспоминательные страницы, посвященные Якову Иосифовичу и Петру Александровичу Рудневу, с которым меня однажды познакомил Вадим Соломонович Баевский. Полагаю, что и книга Иосифа Михайловича, о которой Вы написали, будет из того же ряда. Доброго Вам здоровья и неизбывной работы! Всегда Ваш МЯ

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Отец рассказывал...

Я люблю повторять слова тургеневского Базарова: "Мой дед землю пахал..." И люблю эти слова, по-своему гордые, прикладывая к самому себе. Да, такое не часто бывает у евреев: мой дед Моисей Гин был настоящим и простым крестьянином. Тут к рассказам моего отца, Хаима Моисеевича Гина, надо сделать небольшое предисловие.

В самом начале девятнадцатого века, вскоре после завоевания Крыма и Северного Причерноморья, которое стало называться Новороссией, потребовалось российскому правительству заселить эти целинные степи. Это теперешние области Украины: Одесская, Николаевская, Запорожская и Херсонская. И додумались тогдашние власти переселить на эти земли евреев из местечек Литвы, которая тогда охватывала и часть Белоруссии, то есть из черты оседлости. Известно, что в Российской Империи евреи не могли по закону быть крестьянами. Но известно с давних пор и другое: издавна в России закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло... В конце 20-х годов XIX столетия, уже в царствование Николая I появился у правительства «сильный» козырь: у переселившихся не будут хватать 10 – 12-летних мальчиков в кантонисты и на 25 лет в солдаты-рекруты, то есть мальчик должен был в солдатчине прожить лет десять, стать совершеннолетним и только потом начинался отсчет этих страшных двадцати пяти лет рекрутских...

Было одно серьезное препятствие: как из ремесленников, торговцев и «людей воздуха», как говорил Шолом-Алейхем, превратиться в крестьян. И какой же пахарь из местечкового еврея? Правительство тогдашнее в этом пункте действовало, довольно-таки неглупо. В каждую такую деревню переселили по несколько крепких немецких крестьянских семей из Поволжья. И языкового барьера почти не было: идишь ведь родственник немецкого языка... Вот они-то и учили наших предков пахать, сеять и прочей крестьянской премудрости.

Мой отец говорил: мы – литваки. Однажды я услышал от отца название его деревни: Третья Рота. Для меня сразу стало ясно, что и евреев-колонистов, и немцев-колонистов поселили на месте неудавшихся аракчеевских военных поселений.

В России во все времена проделывали различные эксперименты над населением. После войны 1812 года военный министр Аракчеев – мрачный и жестокий мечтатель-утопист – создал военные поселения, где попытался солдат-рекрутов, тянувших солдатскую лямку, приучить еще и быть крестьянами в то же самое время. Казалось бы, вполне логично: так как почти все рекруты из крестьян, то почему бы им заодно и не покрестьянствовать. Однако эта дикая утопия закончилась бунтами. Пришлось от нее отказаться. Так евреи оказались в деревне Третья Рота.

Теперь я могу коснуться только самого конца XIX века, когда евреи-крестьяне уже давно состоялись. Да, я люблю повторять слова тургеневского Базарова: «Мой дед землю пахал...» Но ведь уже мой отец и его братья и сестра не крестьянствовали. Почему? Начну с того, что тогда Россия не покупала хлеб, а продавала. Мой дед, как и все крестьяне, торопился пораньше продать собранный хлеб, зерно, пока не упали на него цены. Он с односельчанами, большим обозом, везли пшеницу в Мариуполь, на корабль. Надо было торопиться, так как цены на зерно в конце лета падали. Так они везли свой урожай в 1898 году. И в дороге дед, могучий, огромного роста крестьянин, заболел. Отец рассказывал, что дед в своей деревне Третья Рота славился силой. Он глубже всех загонял топор в пень или колоду – такие тогда были соревнования. Так вот, дед заболел. Острые боли в животе. Что это было? Приступ аппендицита? Заворот кишок? Так никто и не узнал.

Односельчане, по их понятиям, действовали очень человечно, а по нашим нынешним – довольно дико. Они не стали искать врача. Да и где было его найти тогда в случайной на пути деревне? По их понятиям они действовали правильно: оставили в той деревне деда, а его возы с пшеницей повезли, чтобы скорее и получше продать, чтобы многочисленная семья деда не бедствовала зимой... Через несколько суток, на обратном пути, в той неведомой деревне они нашли деда уже мертвым. А было ему от роду тридцать восемь лет. И, односельчане сделали еще одно доброе дело: тайком, накрыв пустыми мешками, привезли труп деда домой, в Третью Роту. Почему тайком? Полиция не разрешала в теплое время года так, открытым, перевозить труп.

Так моя бабушка в возрасте тридцати семи лет овдовела. У нее было восемь детей: семь мальчиков и одна девочка. От четырнадцатилетнего болезненного Иосифа до полугодовалого Израиля. Какое уж тут крестьянствование. Бабушка отдала землю, лошадь и инвентарь соседу немцу-колонисту. И называлось это «исполу», то есть такой арендатор должен был возвращать вдове половину урожая. А корову, эту кормилицу, конечно, не отдала. Отец взволнованно вспоминал врезавшуюся ему в память детскую поистине драматическую историю с этой коровой.

Однажды бабушка заметила на вымени коровы гнойный нарыв. Это ее очень напугало. Бог весть, были ли тогда поблизости ветеринары. В деревне секретов не бывает. Стал часто захаживать мясник и уговаривать бабушку продать корову на мясо. Но это ведь отдать кормилицу за бесценнок. А как прожить со всеми детьми без коровы?.. А далее в воспоминаниях отца шла сцена, которую он никогда не мог забыть.

Корова вернулась под вечер из стада и стояла посреди двора. А под ее брюхом сидел их большой дворовый пес Шарик. Корова, понятно, свою собаку не боялась. Шарик с усилием, с нажимом лизал этот большой гнойный нарыв. Мы, вспоминая отца, все оцепенели, боялись дышать. А Шарик все работал и работал – и вылизал весь гной. А потом быстро рана зажила. Какая радость была, когда Шарик спас нашу кормилицу корову, говорил отец.

Деду было 38 лет в 1898 году, то есть он был 1860 года рождения; бабушке тогда было 37 лет, она на год моложе. Откуда я взял такую твердую дату смерти деда – 1989 год? Отец не раз говорил, что когда умер его отец, ему было пять лет. И еще одно я твердо усвоил: в рождении детей у деда и бабушки был четкий порядок – все рождались через два года. Я пытаюсь выстроить этот ряд: Израиль – 1897; Евсей – 1895; Хаим (мой отец) – 1893; Михаил – 1891; Соня – 1889; Яков – 1887; Тевье – 1885; Иосиф – 1883.

Я только двоих никогда не видел – Иосифа и Якова. Старший брат отца Иосиф (его имя ношу я) умер от сыпняка еще молодым в 1919 году, Яков во время первой мировой войны женился на жительнице города Ковно (теперь Каунас) и после революции оказался в другом государстве, в Литве. Когда перед войной присоединили Прибалтику, Яков написал отцу, собиравшись приехать. Грянула война, и он, его жена и две дочери погибли или в Ковно, или в Саласпилсе. Его имя мы дали своему сыну. А в юности Яков был очень активным, связан был с революционными кружками Екатеринослава. Отец вспоминал, что по поручению Якова он (отцу тогда было лет тринадцать) относил небольшой тяжелый чемоданчик куда-то на окраину Екатеринослава...

Я хорошо помню самого младшего из братьев отца – Израйля. Он был сменным мастером на знаменитом Московском электроламповом заводе. Михаил был столяром, а самый старший из живых тогда братьев Тевье был мыловаром. Что запоминается маленькому мальчику, каким был я за несколько лет перед войной? Надо мной посмеивались взрослые: мне нравилось смотреть, как, дядя Тевье пьет молоко. У него были пышные, как у Тараса Шевченко, усы – и я как завороженный смотрел, как усы погружаются в молоко...

Дядя Тевье был тихий, спокойный и, видимо, очень мечтательный молодой человек. Он отслужил солдатом еще до первой мировой войны. Его призвали и на ту далекую первую мировую. И он случайно

попал в роту, где командиром был его давний командир, у которого он проходил действительную службу. То был интеллигентный офицер, и он был рад встретить своего давнего солдата, аккуратного и исполнительного. А тут случился какой-то дезертир, которого должны расстрелять перед строем. И этот чуткий офицер увидел в строю белое как полотно лицо рядового Тевье Гина. И командир роты неожиданно приказал Тевье Гину принести себе из поселка плащ, хотя на небе не было ни одной тучки. Пока рядовой Гин ходил на квартиру ротного командира за плащом, того злополучного дезертира расстреляли...

Да, дядя Тевье, по рассказам отца, был очень мечтательным человеком. Это случилось все в ту первую мировую войну на австрийском фронте. Они шли с винтовками наперерез по небольшому леску. Свистели пули. Атака задержалась или почему-то захлебнулась. Тевье стоял за деревом и ждал команды. И, как ни странно, в такой обстановке размечтался: окончится война, он вернется в свой поселок Лозовая Павловка, что в Донбассе. Там ждет его невеста; он женится... И вдруг что-то ожгло его живот. Это было пулевое ранение. И Тевье еще повезло, что пуля была на излет – и неглубоко проникла. В госпитале залечили рану, не извлекая пули из живота. Так он с нею и прожил всю жизнь этот безропотный дядя Тевье. А умер во время Отечественной войны в глухом кишлаке, где-то в Казахстане.

Овдовевшая бабушка, как и положено, отдавала мальчиков с пяти лет в хэдэр, а в десять лет была вынуждена прерывать их учебу и отдавать их в «науку» какому-то ремесленнику. Мой отец учился на бондаря, хотя, насколько я знаю, никогда не работал по этой профессии. На моей памяти и до войны и после войны был он сменным в Ворошиловграде мастером на крохотном заводике под названием «Штамп-часы». Что они с часами делали, я не знаю, а вот штампочный участок отца делал жестяные бирки для шахт, бань, еще для чего-то.

Первое свое жалованье, вспоминал отец, он получил в пятнадцать лет и решил сделать хороший подарок маме. Он купил фильдеперсовские ажурные чулки и привез свой подарок в Третью Роту. Женщины всей деревни ходили смотреть эти чулки, и вся третья Рота хохотала: по их понятиям такие чулки носили только гулящие женщины...

Отец мало учился, но с братьями переписывался на идише. И даже мне диктовал простенькие диктанты на идише. По-русски же он выучился читать-писать сам, и был незаурядным читателем. Гордился перед сыновьями-филологами, что помнит толстовскую «Войну и мир» в подробностях...

В 1926 году отец был в самой лучшей поре своей – ему было 33 года. Он начал работать в Луганске, который позднее переименовали в Ворошиловград, затем при Хрущеве – в Луганск, а при Брежневле – в Ворошиловград и, наконец, (наконец ли?) вернулись

к старому Луганску. Так вот отец работал в Луганске, а семья еще не перебралась из поселка пригородного Лозовая Павловка, поэтому отец часто ездил поездом. С ним всегда в дороге были газеты, книга. Так сидя в вагоне, он раскрыл газету, и среди чтения вдруг у него буквально слезы брызнули на лист газеты. Пассажиры вокруг всполошились: огромного роста, молодой, сильный мужчина – и вдруг такие слезы... Отец вспоминал, что он тогда прочитал про очень шумевшую историю. Начало этой истории гражданской в годы войны, когда петлюровцы во время погрома еврейского вырезали много людей, в том числе и жену и детей одного скромного человека, кажется, портного, который в это время был в отъезде. И он решил

найти генерала Петлюру. Уехать в двадцатые годы в другую страну было не очень сложно. И вот в Париже он добывает (покупает?) револьвер. Ему показали степенного человека средних лет и сказали: это Петлюра. Он боялся ошибиться и переспросил: «Вы генерал Петлюра?» И только после этого разрядил в него револьвер. После этого он уже никуда не спешил. Спокойно отдал оружие полиции. Белая эмиграция подняла настоящую бурю, но ей ничего не помогло: французский суд Парижа оправдал этого человека, фамилию которого я запомнил. Это было одно из самых сильных переживаний молодости моего отца. Впереди было много другого.

Детство, оборванное войной

Детство помнится, конечно, отрывочно, но то, что выплывает из памяти, бывает очень и очень четким. Вспоминается и забавное, которое тогда взрослым далеко не казалось забавным.

Детский сад. Наверно, 1937 год. Все обедают, а я стою в углу наказанный и плачу. Дело в том, что кому-то из мальчиков я сказал, что мой папа большой и сильный и он поборет Ворошилова... И это мое заявление, видимо, слышала воспитательница. Обо всем прочем я узнал от бабушки и моих родителей много-много лет спустя. За мной в тот день пришла в садик бабушка и ей воспитательница сказала о моем преступлении. Мама вспоминала, что бабушка пришла со мной домой встревоженная и напугала родителей. Слава богу, что от воспитательницы это событие не попало дальше. Только те, кто знает, что такое 1937 или 38 годы, понимает, чем вся эта забавная история грозила всей нашей семье...

А отец и на самом деле был очень высокий и сильный. И мальчишки на нашей улице мне завидовали, когда во время демонстрации отец посадит меня на плечо – и я был самым высоким... И эта забавная история моя детская нисколько не помешала моему детскому культу Ворошилова. Ведь мой родной город – Ворошиловград.

Писатель Виктор Соловьев сравнивает «любой лесной ночлег» со сказочкой, «услышанной в детстве». Ее не спутаешь с другой, похожей сказочкой, и будешь вспоминать до смерти...

И у меня есть такая сказочка из детства. Я тогда болел корью. Помню полумрак комнаты, и мама мне читает. Помню и эту темную книжку. И одна сказка крепко засела в памяти навсегда. Был такой якобы в древности обычай немощных стариков сбрасывать в пропасть. И вот мальчик наблюдает, как отец его несет носилки для деда. Мальчик говорит отцу:

– Ты эти носилки не выбрасывай, они мне пригодятся для тебя.

Тогда отец разломал носилки. И с тех пор перестали придерживаться того варварского обычая.

В детстве мальчишка падает, набьет себе шишки, поплачет – и, понятно, забудет, ибо это довольно часто с ним случается. Когда со мной такое случалось, я бежал с плачем к самому дорогому мне человеку, к бабушке, и спрашивал:

– А я не умру?

Откуда у меня была эта забота, эта тревога, этот страх?

Когда началась война – та, Великая Отечественная, мне было девять с половиной лет. Уже совсем не далеко было до отрочества, но черту под детством подвела именно война.

А весна и начало лета 1941 года на Украине в родном городе Ворошиловграде были очень хорошими. Такими остались в памяти. Взрослые позднее вспоминали, что мы, мальчишки, тогда, как никогда, много играли в войну. А война была уже на пороге.

Утро, воскресное утро 22 июня было радостным для меня и моего друга-ровесника Кима Майорова: мы могли положить, поместить в настоящую кобуру наш самодельный, вырезанный из дощечки пистолетик. Надо представить радость мальчишек, наших настоящих кобур. А нашли мы ее в чулане, на дне старого сундука. Дело в том, что отец Кима был до 1938 года большим начальником, чуть ли не секретарем какого-то из обкомов на Украине. Понятно, его арестовали, пытали, но все это длилась недолго, так как Ежова сменил Берия и какой-то очень небольшой процент мучеников выпустили. Выпустили и отца Кима. Он был уже сломленный человек. Где-то работал. Вечерами же все конспектировал «Капитал» Карла Маркса и вздох восхищался этими своим занятием... Кобура эта была из прошлой жизни отца Кима.

Мы тихо возились с кобурой и пистолетиком, радость буквально заливала нас. И тут мы услышали: началась война.

... Началась война. И я спросил отца:

– А фашисты придут сюда?

– Ну что ты. Конечно, нет. Мы же за тысячу километров от границы.

И взрослые еще не догадывались, какая это будет война. А вскоре стали появляться в нашем городе раненые. Их возили с вокзала в госпитали. Были переоборудованы автобусы с двумя ярусами полок, как в железнодорожном вагоне. Автобусы медленно ползли в гору по тринадцатой линии, недалеко от нашего дома. Мы, мальчишки и девчонки, подавали раненым в открытые окна печенье и папиросы. А потом начались и бомбежки. Мальчишки тогда хорошо разбирались в отечественных самолетах. Помню, как мы стояли во дворе и спорили, что это за самолеты. А летели очень высоко правильным треугольником три темных самолета. Я сразу понял, что это не наша – у нас не было трехмоторных машин. А когда раздался грохот разорвавшейся бомбы, отец увел меня в дом. Почему в дом? Наверно, еще не были вырыты так называемые щели на улице около ворот нашего двора. Обычно же бомбили по ночам, в ясные лунные и звездные ночи. Так ли было или так только запомнилось? Пока в такую ясную ночь шли по двору, я не только слышал стрельбу зениток, но и видел на ясном небе, словно небольшие клочки ваты – это разрывы зенитных снарядов.

А затем наступил август. И пришла осень – сентябрь и октябрь. 21 октября мы уехали в эвакуацию. Я вспоминал о светлых ночах, но осень и затемнение породили страшные, черные, непроглядные ночи – космические ночи. Таких как будто прежде и вовсе не было...

*В августе ночи длинные, темны,
В воздухе пахнет дождем...*

Эти строки А.Суркова, который старшим поколениям памятен несколькими стихотворениями о войне, я понятно, прочитал уже после войны. Эти стихи в моей памяти слились с теми давними воспоминаниями.

В первые недели войны жизнь еще как бы пыталась продолжиться в прежних привычных формах. Ходили в кино. Помню, что с тетей моей мы смотрели тогда только что выпущенный фильм «Антон Иванович сердится». Я еще сердился на нее, так как она обещала повести меня на «Чапаева», а повела на какой-то музыкальный фильм, который мне. Мальчишке, не очень-то нужен был. Но тут объявили учебную тревогу. Мы вышли из кинотеатра, подождали какое-то время, и снова стали крутить все того же «Антон Иванова», который «сердится»...

В то лето начала войны застрял в нашем городе передвижной зверинец. И в первые месяцы войны не было бомбежек. Только учебные тревоги. Я с моей двоюродной сестрой как-то ходил по зверинцу – и вдруг завывли сирены воздушной тревоги. Все бросились к выходу из зверинца, а кто-то, проходя мимо

клетки с волками, увидел, что это воют (подвывают) волки...

Все облегченно вздохнули и стали преувеличенно смеяться над своим испугом. Теперь мне кажется, что вой волков не так уж похож на сирену воздушной тревоги: просто сработало состояние внутренней готовности, внутренней напряженной встревоженности.

Недолго я в ту осень походил в школу. Начались бомбежки. Мы стали готовиться к эвакуации.

Город наш Ворошиловград был одним из промышленных центров Донбасса. Бомбили особенно заводы и вокзал железнодорожный. Поэтому составы для эвакуированных формировались на станции Лугутино, в двадцати километрах от города. Туда мы и поехали 21 октября 41 года.

Очень памятна первая бездомная лугутинская ночь – жуткая и космически черная. Мы где-то чуть ли не среди путей, слышим вздохи и вскрики паровозов. Но если паровозы, то должны быть какие-то огни. Не помню огней. Не было огней... Все темные, затемненные ночи войны превратились, слились в одну страшную, жуткую лугутинскую ночь. Словно боги отобрали у людей огонь, принесенный им Прометеем...

Но ведь все это происходило на довольно большой станции, а потом только космический мрак и холод ночи. И от страшной черноты становилось еще холоднее. Война моему детству подарила страх. О нем я еще не раз, наверно, вспомню.

А потом наступило серое, мутное утро. Рядом большая ржавая маслянистая лужа. От нее веет холодом и металлом.

Станции и вокзалы. Я еще долго после войны не любил вокзалы. Да и сейчас, попадая на вокзал, становлюсь какой-то взвинченный... В это серое утро мы поселились на нарах двухосной теплушки, где было много людей, – эвакуированных, как тогда нас называли. Эта теплушка станет нашим домом на долгие шесть недель.

Поезд идет без гудков и трогается без гудка. Мимо проносятся станции, лишены табличек с названиями. Полагали, что шпионы не будут знать, на какой они станции находятся... Останавливается наш поезд где-то между станциями, так как станции часто бомбят. Такая остановка могла длиться несколько минут, а иногда и целый день, а то и целые сутки. И какой уж там стыд: туалет тут же у теплушки. Дернул поезд без гудка – и те мужчины, что пободрей помогают пожилым забраться в теплушку. Один раз постояли так немного, паровоз дернул, все забрались в теплушку. Проехали совсем ничего и остановились на целый день. Видим, что стоим теперь прочно, многие посыпались из вагонов. Была в нашей теплушке пожилая бездетная пара – муж да жена. Вот он так флегматично говорит жене:

– Иди кончай...

Какой тут в теплушке раздался хохот. Люди смеялись не только из-за забавного происшествия. Смеялись, словно сбросили давящий груз подавленности, страхов и ожидания бомбежек.

Станции. Станции. Станции...

Днем это станции. А ночью – это сплошной крик.

– Мама-а-а!

– Валя-а-а!

– Гриша-а-а!

Тогда многие отставали от поезда. Немногим удавалось догнать и найти своих. Почему-то этот ночной ужас остался в памяти сильнее, чем бомбежки. Может быть, поэтому я долго не любил один оставаться дома. Отец и мать, наверно, об этом и не догадывались, – не догадывались, что во мне стойко жил страх...

Недалеко от известной узловой станции Россось наш поезд въехал на недавно разбомбленный разъезд. Там, наверно, были разбиты, по крайней мере, два состава – пассажирский с эвакуированными и товарный. Мы вкатились чуть ли не первые после восстановления полотна дороги. Развалины и остатки вагонов еще дымились. Взрывной волной не десятки метров были отброшены пустые железнодорожные цистерны.

Мы долго стояли на этом разъезде. Почему-то там очень много было фотографий. А в одно А в одном месте я увидел ручную швейную машину, опутанную окровавленными длинными темными женскими волосами. Такое никогда не забудешь.

И как ни было долгим наше путешествие в Среднюю Азию, оно почти закончилось на огромной привокзальной площади большого города, где тысячи людей спали на своих вещах тут же на площади, а репродуктор разносил сладкие слова о том, как встречают эвакуированных с цветами. Я уже тогда заметил, какая огромная разница между официальной пропагандой и реальной жизнью... Я болел, у меня было, наверно, повышенная температура, и мама завернула меня в большое цветастое ватное узбекское одеяло. Это было первое для меня тепло узбекской земли.

Болел я долго, больше двух месяцев, и встал на ноги только 4 февраля 42 года. За это время разбили немцев под Москвой. Я помню газету, где на рисунке, на карикатуре джужая партизанка штыком поддевает плюгавенького гитлеровского солдата. И под рисунком были еще едкие сатирические стихи Самуила Маршака... А помню это 4 февраля потому, что родом из Ворошиловграда, что у нас, мальчишек, был тогда свой культ – Ворошилов. И 4 февраля – это день его рождения.

В эту зиму, после такой долгой болезни, меня в школу не пустили. Но нет худа без добра: моя склонность к созерцанию в том маленьком узбекском го-

родке Мирзачуле, видимо, шла своим ходом. Я наблюдал богатейшую жизнь в воде, в тех арыках. Читал я тогда еще мало, а наблюдал много. Меня завораживала «деятельность» ласточек. Я подолгу смотрел, как они строят из влажной земли свои жилища; я смотрел, как живут осы и строят свои висячие домики.

И окружающая жизнь узбеков и корейцев была незнакомой. И много-много лет спустя я понял, какой это древний быт и обиход у узбеков. И в поздние свои годы я догадался, что тогда наблюдал жизнь, чуть ли не библейскую. А когда лет двадцать тому назад я прочитал в одном апокрифическом евангелии, что кто-то проповедовал с крыш, то я живо вспомнил, какую роль играли эти плоские крыши в Средней Азии. В той тишине и прозрачном воздухе голос человека слышен далеко. И вот я вижу, как сосед поднимается на крышу и сигналом-криком вызывает кого-то, кто находится далеко-далеко. Так начинается разговор, когда между общающимися больше километра расстояния... А вечерами вся семья забиралась на эту плоскую крышу – туда не добирались комары.

Отец стал работать охранником на железной дороге. Жили же мы, как и все эвакуированные, впроголодь. Мама стала ходить убирать к врачу, который долго меня лечил. Это была сосланная дворянская семья. Сам врач, по фамилии Бурого, был весьма не молодым человеком. Фамилию хорошо запомнил, так как после войны прочитал какой-то шпионский роман Шпанова с такой фамилией. Она, кажется, вошла и в название того романа. А потом, уже ближе к нашим временам прочитал роман Пастернака с близкой фамилией Живаго. Так работает память...

Пока с нами жила бабушка, я словно позабыл тот страх, который породила эшелонная жизнь. Но бабушку забрала к себе младшая ее дочь, и тот страх как бы вернулся. Я часто оставался дома один. Я уже не играл, переставал что-либо разглядывать. Я только смотрел на дорогу и на далекий мостик через арык – и ждал. Должны появиться мама и отец. Я не боялся кого-то или чего-то конкретно. Я, наверно, тогда и не смог бы ответить, почему мне страшно. Наверное, жил безотчетный страх потерять родителей, как тогда терялись и отставали люди от своих эшелонов... Странно, а ведь я так никогда и не рассказал маме и отцу, как тогда, в детстве дрожала моя робкая душа...

Память же эшелонной жизни еще долго жила у нас. В том азиатском городке Мирзачуле мы поселились недалеко от вокзала, и вся железнодорожная жизнь была слышна хорошо у нас. И когда раздавался лязг вагонов, кто-то вскрикивал «Держись!» – и все хваталось за то, что было поближе... А потом смеялись своему испугу. Я уже вспоминал, что паровозы в местах, где еще могли быть бомбежки, не давали гудка, когда трогались. Просто паровоз сильно дергал и быстро набирал скорость. Вот из тех дней и осталась привычка кричать: «Держись!»...

Мне теперь кажется, что моя склонность к воспоминаниям есть результат и следствие моего воз-

раста. На самом же деле я с молодых ногтей, видимо, был склонен к воспоминаниям, к работе памятью. Поэтому и помню довольно много. А с железной дорогой, которая, как я говорил, проходила недалеко от нашего дома, связаны две небольших, но дорогих мне истории.

Из-за первой – пустяковой, надо признать, – истории я любил ходить с отцом на станцию и смотреть на проходящие товарные поезда. Пассажирских тогда было мало. И когда на какой-нибудь проходящей теплушке видел открытое маленькое железное окошко с привязанной веревкой, то кричал отцу сквозь шум и грохот проходящего состава:

– Посмотри! Посмотри! Это твой галстук!..

Дело в том, что в той нашей теплушке, в которой мы так долго ехали в Азию, было точно такое железное окошко. И я на нарах сидел около него и любил всматриваться в леса Заволжья и бесконечные казахские степи. Тогда отец и привязал свой галстук к этому окошку, чтобы можно было закрывать его на ночь. Я не могу объяснить, почему мне так хотелось снова увидеть ту теплушку среди проносющихся составов. Или уже тогда меня согревали воспоминания о нашем бедственном и тревожном нашем вынужденном путешествии?..

Осенью 1942 года все тревоги и надежды Великой Отечественной войне сосредоточились на Сталинграде; там решалась не только судьба войны, не только судьба страны, но и судьба каждого из нас. А у нас не было репродуктора, и мы ходили на соседнюю улицу. Там на столбе был большой репродуктор. Там мы слушали последние известия. Там летом сорок второго голос Левитана сообщил нам, что сдан Ворошиловград. А 14 февраля 1943 года узнали, что взят Красной Армией наш Город...

Осенью 1942 года очень много составов шло на Запад, к Сталинграду: состав с техникой, состав цистерн, состав с живой силой. И сейчас кажется, что в таком правильном и последовательном чередовании шли составы. И шли очень часто – чуть ли не каждые десять минут. Когда мы с отцом бывали на станции в ту памятную осень сорок второго, то отец мне говорил:

– Ты приложи ухо к рельсам, послушай...

И рельсы непрерывно гудели. Уже скрылся грохотававший состав, а рельсы все гудели и гудели. Затем приближался новый состав и один гул наплывал на другой. И все в Сталинград. В Сталинград. В Сталинград...

Там на станции отец покупал газеты, – обычно «Красную звезду» и «Известия», ибо в них, особенно в «Красной звезде», чуть ли не в каждом номере были статьи, заметки и памфлеты Ильи Эренбурга против фашизма. Сейчас только пожилые люди помнят, как

популярен и просто необходим был всем Эренбург – блестящий писатель, журналист, памфлетист. И я, мальчишка, привык читать тогда Эренбурга, даже норовил сделать это раньше отца. И эти же газеты мы с отцом старались прятать от мамы, так как она там могла найти информацию о блокаде Ленинграда, где был мой старший брат, от которого давно-давно не было ни единого письма...

Вообще же я тогда читал еще мало, но одна книжка осталась в моей памяти навсегда. Называлась она «Питер Мариц, юный бур из Трансвааля». Как все мальчишки, я не запомнил имени автора. Это, кажется, был А.Ниман. Меня поразил этот смелый Питер Мариц, участник некогда знаменитой войны буров Южной Африки за независимость. Я имел неосторожность в довольно поздние свои годы перечитать эту книгу, вернее попробовать перечитать – и был разочарован. Одна мудрая пожилая женщина сказала мне, что нельзя перечитывать в зрелые годы то, что любил в свою мальчишескую пору...

И прежде, чем попрощаться со Средней Азией, я расскажу одну памятную мне легенду, слышанную мною тогда. Она мудра, и в ней есть черточка узбекского быта.

Было такое. Очень богатый человек женился на очень красивой девушке. Но была эта девушка нищенкой.

И вот живет она теперь в полной роскоши. Все у нее есть: много красивой одежды, много дорогих украшений и сколько угодно еды и всякой сладости. Но прежде, чем что-то взять и съесть, она, бывало, разложит по нишам в комнате лепешки, виноград и кишмиш (изюм так называют узбеки), персики, разные восточные сладости.

Тут надо прервать повествование и сказать, что в традиционных узбекских домах в комнатах были ниши, много таких ниш.

И вот она ходит по комнате, подойдет к нише, попросит и только после этого что-то возьмет и съест...

Почему эта история или была так запала в мою память, я и сейчас не могу сказать. Теперь я назвал бы эту историю притчей о том, что как бы так ни было, а мы с вами все равно и всегда остаемся похожими сами на себя...

А затем было долгое возвращение домой, в родной город осенью 1944 года. Но не такое долгое, как эвакуация.

И дома на улицах мне показались куда меньшими, чем я помнил. Наверно, за эти три года я изрядно вырос. Много лет спустя одна строка Анны Ахматовой сказала мне обо всем этом и заставила или помогла вспомнить давнее:

И дома своего не узнаешь...

Наш балабос Гиндинь

Мы, мальчишки и девчонки большого еврейского двора на улице Луначарского в городе Ворошиловграде, не любили нашего балабоса Гиндина. Но прежде скажу пару слов про наш город, каким я его помню по послевоенным годам. Да середины тридцатых годов наш город назывался Луганск, по реке Луганке, притоку Северного Донца. Тогда нарком Клим Ворошилов был мил Сталину – и город, с которым Ворошилов действительно был связан, а предреволюционные годы, назвали его именем. При Хрущеве, так как Ворошилов, видимо, симпатизировал оппозиции Молотова, Кагановича и других, «по желанию трудящихся», в 1958 году городу было возвращено старое название Луганск. А когда умер Ворошилов (это уж при Брежневе) Луганск, «по желанию тех же трудящихся», стал снова называться Ворошиловградом. В перестроечные годы вернулось старое название. Можно пофантазировать, и я скажу: если на Украине когда-нибудь к власти придут коммунисты, то городу нашему обеспечено название – Ворошиловград...

Я, как водится, отвлекся. Так почему же ребята предвоенной поры не любили балабоса нашего двора Гиндина? Он никого из нас не знал по имени – «мальчик», «девочка» – вот это все имена для нас. А когда привозили во двор песок, то он строго следил, чтобы малыши не играли в песке.

Когда-то, до революции, весь двор, дома и конюшня были его собственностью. Во время Гражданской войны, когда деникинские войска вошли в Луганск, казаки потребовали, чтобы Гиндин отдал лошадей. Старик (тогда он не был еще стариком) резко отказал – и один казак рубанул его шашкой по голове. На лысой голове Гиндина над ухом хорошо виден был довольно длинный шрам. Да, этот крепкий и упрямый, как говорят на Украине, упёртый человек, остался жить.

Иногда по вечерам у нас появлялись гости. Бабушка очень тихо сообщала маме, что очень мало хлеба. Мама отправляла меня к балабосу: «Сходи к Гиндину, попроси полбуханки хлеба». У него хлеб почему-то всегда был. Гиндин отрезал полбуханки и клал на весы, затем, отдавая мне хлеб, резко говорил:

– Мальчик! Отдай хлеб маме!

На следующий день мама отрезала побольше хлеба, и я отнесил Гиндину, стараясь как можно быстрее отдать и убежать от него.

– Мальчик! Подожди!

Он взвешивал хлеб, затем отрезал лишнее и говорил:

– Мальчик! Это отдашь маме и скажешь ей, что мне лишнего не надо!

Перед самой войной, Гиндин овдовел. Детей у них не было. Я помню похороны его тихой, незаметной жены. Приехала хевра кадиша и привезли черный лакированный гроб с открывающейся крышкой. По-

койную, зашитую в льняные полотнища, положили в этот гроб. Отец объяснил мне, что гроб служит только для перевозки на кладбище, хоронят без гроба. Так и мою бабушку похоронили после войны, в 1946 году.

Началась война, и вскоре начались бомбежки. Вырыли укрытие около ворот со стороны улицы. И все туда торопились, когда раздавались по радио сигналы воздушной тревоги. Только один Гиндин никуда не торопился: он стоял у ворот, заложив за спину руки.

Уехали мы в эвакуацию 21 октября 1941 года. Город наш и вокзал сильно бомбили, так как это был крупнейший промышленный центр Украины. Поэтому пришлось на пригородном поезде ехать на станцию Лутугино – там формировались составы для эвакуации. Шесть недель мы ехали в эвакуацию. Осели в маленьком городке Мирзачуле, недалеко от Ташкента. Отец стал переписываться с Гиндиным. Оказалось, что в нашем ворошиловградском сарае осталось немного угля, который Гиндин продал. И пришел от него перевод на сто с чем-то рублей. На такую сумму даже полбуханки хлеба не купить на рынке. На бланке перевода был написан краткий отчет рукой Гиндина: продал за столько-то, отнял стоимость пересылки, а остальное прислал...

Летом 1942 года по дороге на Сталинград немцы взяли наш город Ворошиловград. И вот настало время идти евреям на Острую Могилу – так называлась окраина нашего города, где расстреливали евреев. И настало то страшное раннее утро – полицаи обходили дворы и торопили евреев. Гиндин резко сказал, что никуда не пойдет. И полицаи его застрелили в его собственном дворе.

Об этих очень похожих на Гиндина последних его словах мы узнали осенью 1944 года, когда вернулись в наш город из эвакуации.

Сказать пару слов на идиш или сказать пару слов оф идиш?

Почему на склоне жизни – в шестьдесят лет! – вдруг засел я осваивать алэфбэйс и стал очень медленно, очень плохо, но все-таки читать на идиш? Ответ очень простой: чтобы читать в оригинале Шолом-Алейхема. Это, конечно, не полный ответ. Но

точный и правдивый.

На пороге старости заметил, что хочется мне сказать слово-другое на идиш. А с кем прикажете переброситься этими немногими, оставшимися от детства словами? Скажешь кому-то «шолом-алеихем» и в от-

вет только получишь повторение этих же слов. А на самом деле их надо «ибэкрэн», то есть, перевернуть – «алеихем-шолом»... И самым лучшим собеседником оказался великий писатель Шолом-Алейхем. И много хороших людей помогли мне собрать маленькую библиотечку книг на идиш (я не люблю склонять это слово и заметил, что в Краткой еврейской энциклопедии тоже не склоняют это слово «идиш»). И больше всего у меня, конечно, книг Шолом-Алейхема. Есть у меня и довольно изрядный том «Хумеш фар киндер», то есть Тора для детей и подростков. Это просто и простоудушно пересказанное Пятикнижие на идиш – и оно было мне вполне, как говорят, по плечу... А началось всё с того, что мне дали почитать «Тевье-молочника» в оригинале, и, поверите ли, я целый год, по полстранички в раз, читал эту небольшую и мудрую книгу. Но это было лет десять тому назад. Сейчас я читаю немного бодрее... Одна добрая душа и очень энергичный человек говорил: «Если у вас есть книги на идиш, подарите их Гину...» Так у меня появился и «Самоучитель языка идиш» Сандлера, и один том из собрания сочинений Шолом-Алейхема 30-х годов, содержащий знаменитые «Железнодорожные рассказы», и обе части «Мальчика Мотла», и «Шир-наширим» («Песнь Песней») Шолом-Алейхема, и, конечно же, появился и свой томик «Тевье-молочника». Всё шло в дело. У меня нет «Фуем ярид» («С ярмарки»), но я нашел в сандлеровском «Самоучителе» хоть отрывок – и то хорошо. Я не очень был склонен штудировать «Самоучитель» Сандлера, но отрывки прозы и стихи читал с жадностью. Однажды наткнулся на «Стихи о советском паспорте» Маяковского в переводе на идиш... Знаете, кто перевел это стихотворение на идиш? Эммануил Казакевич.

Когда, вскоре после войны, на каком-то обсуждении литературном восхищались повестью Э.Казакевича «Звезда», то он, отвечая, сыграл этакого прощачка:

– Если вам так нравится, то я еще напишу...

А одна литературная дама, писательница, довольно неважный прозаик, тогда сказала Михаилу Светлову:

– Миша, говорят, что до войны Казакевич был по-этом, писал весьма посредственные стихи на идиш, а теперь, посмотри, какую прозу по-русски выдал...

Михаил Светлов довольно едко ей посоветовал:

– А может быть, и тебе стоит начать писать стихи на идиш?..

Я, как водится, немного отвлекся. У нас же дома, на Украине, и до войны, и после нее, идиш жил. И мы, дети, незаметно его усваивали, но, понятно, узко, только на бытовом уровне. Словарь мой был и остался крайне бедным. Вспомнилось, как у нас гостила перед войной бабушка, мать отца. Она всю жизнь прожила в еврейско-немецкой крестьянской колонии где-то между Запорожской и Херсонской областями

и по-русски не говорила. Родители как-то ушли вечером куда-то в гости, а нам захотелось есть. И старший брат сказал: «Бобэ, гиб брэйт!» Бабушка, конечно, поняла, но решила немного поиграть: «А ганцн брэйт дир?» («Целую буханку тебе?»). Вот так примерно мы говорили на идиш...

А я все возвращаюсь мысленно к моим стареньким, маленьким, потрепанным книжечкам Шолом-Алейхема. Особенно люблю перечитывать трогательную историю любви мальчика и девочки в «Шир-наширим». Да, Шолом-Алейхем ей дал название знаменитой библейской книги «Песнь Песней». Вы помните, как начинается у Шолом-Алейхема?

«Бузя – имя, получилось оно из Эстер-Либя: Либузя, Бузя».

Да, так часто по-домашнему мы изменяем имена. Вот знаменитое библейское имя Хава – дающая жизнь. А в быту девочку зовут Хавуся, Вуся. Так и привыкают к этому красивому и ласковому имени Вуся.

Едва научившись читать, я захотел общаться с теми, кто еще немного помнит идиш. Но прежде расскажу, как же я учился читать. Я сразу отметил, что печатный шрифт и письменный, если можно так сказать, очень разные по написанию. Вот буква «шин» на письме совсем как бы «другая» – напоминает «е». И я запретил себе даже всматриваться поначалу в письменный шрифт. Я долго перерисовывал буквы квадратного еврейского письма, не позволяя в день писать больше одной буквы, но зато заполняя ее рисунками большие листы. И когда я хорошо запомнил все буквы и стал читать, только после этого позволил себе осваивать письменные буквы. И стал довольно легко писать, хотя, конечно, и весьма безграмотно. Так для меня и осталось загадкой, почему мне легче писать, чем читать...

Охотники пообщаться немного на идиш, конечно, нашлись. И называли почему-то эти скромные и тихие собрания наши довольно пышно: «Идиш-клуб»... На самом деле все было куда как скромнее, но тепло и сердечно. Я приносил на эти идиш-собрания сборники еврейских песен, сборник пословиц и поговорок. Стоило прочесть несколько пословиц, как многие стали вспоминать памятные еще с детства слова и поговорки. Мы слушали еврейские песни. Я читал крохотные отрывки из «Тевье-молочника» или «Мальчика Мотла», я читал на идиш о патриархах из Торы для подростков. Так продолжалось несколько лет. И продолжалась радость обладания книг на идиш. У меня есть тома избранных произведений Менделе Мойхер-Сфорима и Ицхака-Лейбуша Переца, сборники стихотворений Шмуэля Галкина, Лейба Квитко, замечательного лирика Ошера Шварцмана, погибшего в молодости, в 1919 году, во время кавалерийской атаки; у меня есть даже два сборника стихов Шике Дриза, которого по переводам знают как Овсея Дриза.

И вот совсем недавно опять пополнилась моя библиотечка книг на идиш. У меня появился томик Мойше Тейфа, где есть его избранные стихотворения, поэмы и баллады. А до того я его знал, за редким исключением, только по отличным переводам Юнны Мориц. Теперь у меня есть изрядный том прозы Давида Бергельсона – того Бергельсона, который начал печататься еще при жизни Шолом-Алейхема и того Бергельсона, который был расстрелян 12 августа 1952 года, когда погиб весь цвет еврейской литературы и культуры – Перец Маркиш, Лейб Квитко и многие-многие другие.

Мой старший брат Моисей Гин случайно познакомился с человеком, которому довелось сидеть в одной камере с Давидом Бергельсоном. Писатель был в довольно преклонном возрасте. По рассказам того человека, Бергельсон оцепенело раскачивался и только повторял: «Фар вос? Фар вос?» – «За что? За что?..»

Теперь у меня есть книга Бера Гальперина «Моя родословная», том прозы Хаима Меламуда и маленький томик избранных стихотворений Давида Гофштейна, где, кроме всего прочего, есть его переводы на идиш из Пушкина и Тараса Шевченко.

Но самая большая радость – это маленькая, крохотная библиотечка книг Шолом-Алейхема. Поначалу мне казалось, что, обладая таким богатством, я могу кому-нибудь подарить мой шеститомник Шолом-Алейхема на русском языке. Я, конечно, погорячился. Я хорошо помнил, как беден мой так трудно обретенный идиш. Жизнь показала, что, читая Шолом-Алейхема в оригинале, я иногда, открываю один из томов в переводе и помогаю себе. Но тут открылось неожиданное и совсем другое. Сравнивая перевод с оригиналом, я увидел, как замечательные переводчики, спасая текст от советской цензуры, вынуждены были не только несколько исказить великого Шолом-Алейхема, но и пропускать целые абзацы его текста. Что тут долго говорить Ц на этом материале, на этих наблюдениях можно написать не одну диссертацию... Я же приведу хоть несколько примеров.

В одном месте перевода Шолом-Алейхема я прочитал такое словосочетание: «купол неба» и, грешным делом, усомнился, так ли в оригинале, ибо у евреев редко встречаются купола. И на самом деле, там, где в переводе был «купол неба», оказалось вот что: «ярмолкэ дем гимл», то есть «ермолка неба». Теперь вместо ермолки сказали бы: кипа... В других местах встречается «свод», «небосвод», а в оригинале всё та же «ярмолкэ».

На первой странице «Тевье-молочника» есть очень характерный идиш-оборот «а штикл глик», то есть «кусочек счастья». Мне кажется, так и надо было перевести. Да, сочетание «кусочек счастья» непривычное, но зато оно передает национальную интонацию. Переведено же было одним словом «счастье», которое в этом контексте не имеет ни вкуса, ни запаха, ни цвета...

Как мы помним, вся книга «Тевье-молочник» – это рассказы самого Тевье и его исповеди. И он часто начинает свою речь словом «бэкицэр» Ц в буквальном переводе «быстрее». Переводчик такое начало речи обозначает так: «словом». И это довольно точно. Но поскольку это слово «бэкицэр» часто встречается, то стоило его не переводить, а воспроизвести кириллицей и дать сноску, где указать, что ближайшее тут значение – «словом»...

А теперь приведу перевод, рассчитанный на прохождение через советскую цензуру. Вот только одна фаза из вечернего пейзажа в шоломалейхемовском «Тевье-молочнике»: «тени деревьев вытягиваются до бесконечности». «...до бесконечности» у писателя нет. А что же есть? У Шолом-Алейхема тени вытягиваются, «ви дэр йидышэр голэс», то есть как еврейское изгнание (рассеяние, галут)...

Да, спору нет, советская цензура вынуждала переводчиков исказить текст. Но ведь бывает и так, что просто невозможно перевести на другой язык. Это обычно что-то такое специфически национальное, то, что Юнна Мориц определила, как «нация есть интонация».

Вот я жаловался, что у меня нет автобиографического романа Шолом-Алейхема «Фунэм ярид» («С ярмарки»). И совсем недавно стараниями главы нашей религиозной общины Дмитрия бен Гирша Цвибеля эта чудная книга Шолом-Алейхема у меня таки появилась. В ней более четырехсот страниц. Мне хватит ее медленно читать и перечитывать, наверное, на полгода, если не на весь год. А пока я приведу хоть несколько примеров, которые высмотрел в первых главах «Фунэм ярид» при сравнении с переводом.

Вот глава называется «Татэ-мамэ», а переведено «Отец и мать». Ну и что? И там и там «отец» и «мать» – и при этом каждому и всем понятно, что точно перевести это единое и неделимое, такое слитное «татэ-мамэ» просто невозможно. Да, можно вспомнить, что в Торе написано о том, что человек (адам) прилепится душой к жене своей. Да, можно с оттенком хвастовства сказать что-то о том, какие крепкие браки-семьи (а про себя добавить: были). Всё можно. Только вот точно перевести такое очевидно простое «татэ-мамэ» никому не удастся.

А я двигаюсь дальше по первым главам «Фунэм ярид» и встречаю простое словосочетание «алтэ йидн» («старые евреи»), а переведено оно с оглядкой на цензуру: «старики». Да-да, слово «евреи» как-то потихоньку и незаметно исчезало. Известно, что Корнею Чуковскому с группой писателей, взявшихся изложить, пересказать Библию для детей в первые послевоенные годы, конечно же, разрешили это сделать, но с одним маленьким условием – чтобы слова «еврей», «евреи» не встречались.

Читаю дальше и встречаю у Шолом-Алейхема знакомое по крохам из древнееврейского языка: «понэм эль понэм» («лицом к лицу»). Да, это есть и в современном иврите, но звучит так: «паным эль паным».

Шолом-Алейхем любил приводить и украинские речения, записанные древними еврейскими буквами. Так, Тевье-молочник говорит украинскую поговорку: «Щэ нэ пиймав, а вже скубэ». Есть русская поговорка того же смысла: «делить шкуру неубитого медведя».

Мы помним, так исторически сложилось, что в языке идиш больше всего немецких слов, много древнееврейских, есть и славянские слова, притом из разных исторических эпох. Когда Шолом-Алейхем вспоминает речку своего детства, он там говорит и про берег. А «берег» на идиш – «брэг». И мы догадываемся, что эта древнерусская, точнее старославянская форма слова «берег» была усвоена языком идиш очень давно.

А наши очень колоритные, очень национальные и, конечно же, почти непередаваемые сочетания слов вроде «эсн эс их нит» (есть – я не ем), «рэдн рэд их нит» (говорить – я не говорю), «нэмэн – нэм их нит» (брат – я не беру) и так далее. Эти и похожие словосочетания ни буквально (мои попытки тому свидетельство), ни точно невозможно перевести. Тут переводчики ищут мало-мальски приемлемые и часто не очень удачные эквиваленты.

А вот оборот в «Фунэм ярид», опять-таки очень своеобразный, и очень национальный, и совершенно непередаваемый. Говорит раздраженная нянька, говорит про Шолома, про мальчика, про будущего Шолом-Алейхема: «эпэс а горнышт мит а нышт!» Она, нянька, убеждена, что из этого мальчишки вырастет только ничтожество. Сформулировано это буквально так: «что-то ничтожное с ничто» В буквальном переводе нелепо, конечно, получается. А почему возникло такое раздражение против умного и способного мальчика? Вот как сам Шолом-Алейхем рассказывает о раздражающих талантах автобиографического героя: «Копировать, подражать, передразнивать – на это наш Шолом был мастер. Увидев кого-нибудь в первый раз, тут же находил в нем что-либо неладное, смешное, сразу надувался, как пузырь, и начинал его изображать. Ребята покатывались со смеху. А родители постоянно жаловались учителю, что мальчишка передразнивает всех на свете, точно обезьяна. Надо его от этого отучить».

Учитель не раз принимался «отучать» Шолома, но толку от этого было мало. В ребенка словно бес вселился: он передразнивал решительно всех, даже самого учителя – как он нюхает табак и как семенит короткими ножками, – и жену учителя – как она запинается, краснеет и подмигивает одним глазком, выпрашивая у мужа деньги, чтобы справить субботу, и говорит она не «суббота», а «шабота». Сыпались тумаки, летели оплеухи, свистели розги! Ох, и розги! Какие розги! Веселая была жизнь!»

И сам мальчик, и все вокруг не знали, даже не догадывались, что ему предстоит стать великим писателем, великим мастером смеха. А все признаки были налицо!

Но я снова отвлекся. А надо сказать, что наблюдать трудности перевода можно, конечно, во всех книгах Шолом-Алейхема. Вот «Мальчик Мотл», который в подлиннике называется «Мотл Пэйси дэм хаззнс». Почему не точно перевели название этой книги? Попробуем: «Мотл – сын Пейси хаззана». Да, не очень получается, да еще кому-то неизвестное древнее еврейское слово «хаззан», чего доброго, придется пояснять более поздним европейским словом «кантор» – сам мальчик Мотл, как и все дети, любит повторять то, что говорят взрослые: «Ви их бин а йид!» Попробуйте это перевести. Получается довольно бесцветно: «Я как еврей!» Даже восклицательный знак сюда не просится – настолько это вяло звучит. Переводчики эти и похожие места старались обойти как-то, пропустить. В оригинале же эти слова, это словосочетание очень энергично звучит. Смысл же удается передать только примерно и весьма многословно: «То, о чем я говорю, так же верно, как и то, что я еврей!»

Бэкицер, то есть короче: переводчикам вообще и переводчикам Шолом-Алейхема в особенности я совсем не завидую.

Я привел всего несколько примеров, но убедился (уж себя точно убедил!), что шеститомник Шолом-Алейхема по-русски никому дарить не стоит...

Журнал «Советиш Геймланд» выписывал еще мой отец, а в 1990 году, когда отца уже давно не было, выписал и себе, так как засел плотно за идиш. В год получал не только двенадцать номеров журнала, но еще и двенадцать небольших книжечек приложения «Юнгвалд». И вот в пятом номере всё за тот же 1990 год обнаружил до того не встречавшуюся в русском переводе публицистическую статью Шолом-Алейхема «Почему иначе?» Ничего не сообщалось ни когда она была написана, ни где опубликована. Статья маленькая, всего шесть небольших страничек, но уже прошло пятнадцать лет, как я ее не могу забыть, и всё возвращаюсь и возвращаюсь к ней...

Шолом-Алейхем выбрал форму «фир кашес», форму «четырёх вопросов», – вопросов, которые младший сын задает отцу во время пасхального сэйдэра. Надо сразу сказать, что всё происходит в очень состоятельной дореволюционной еврейской семье. Дети получают домашнее образование, то есть все учителя приходят домой. Всё это – внешняя форма, и выбрана она писателем для того, чтобы темпераментно высказаться обо всем, что Шолом-Алейхема тогда волновало. Я же эти резкие слова писателя воспринял как направленные именно против меня, моего образа жизни и мыслей.

О чем же эти «фир кашес», о чем спрашивают отца? Я выберу некоторые из самых острых. Вот спрашивают отца, почему на Пейсах, на всю неделю отпустили бонну Ц чего мы стыдимся? Может быть, мы стыдимся Моисеевой Торы? И далее идет серия вопросов, которые, понятно, выходят далеко за пределы «фир кашес»... Нас учили многим языкам,

новым и древним, но своему родному не учили. Мы знаем географию всего земного шара, но географию одной-единственной страны – Эрец Исраэль мы не знаем. Мы знаем историю многих стран, но историю своей страны не знаем. Мы знаем Толстого, Пушкина, Гоголя, Горького, но не знаем Абрамовича (то есть, Менделе Мойхер-Сфорима). И самое, наверно, едкое и даже фантастическое обвинение: их состоятельный отец деньгами поддерживает еврейские периодические издания, но не выписывает их, а подписывается на суворинское «Новое время». Даже самый ассимилированный еврей все-таки не стал бы подписывать-

ся на эту знаменитую своим антисемитизмом газету... Но Шолом-Алейхем в своем праведном гневе решил надавить на все педали! Никогда я такой публицистики и такого накала у Шолом-Алейхема не встречал. И уже много лет в нашей школе, где я во взрослой группе читаю Тору и другие части Танаха, каждый год перед Пейсахом напоминаю и читаю отрывки из этой потрясающей статьи Шолом-Алейхема «Почему иначе?»

Вот такой разный мой Шолом-Алейхем, и такой мой путь через идиш к этому дивному писателю.

Мой старший брат

Моему брату Моисею Гину этим летом – 20 июня – исполнилось бы девяносто лет. Он – литературовед, историк литературы, литературный критик, автор многих книг, большая часть их посвящена исследованию творчества Некрасова. В последней биографии Некрасова, изданной в серии ЖЗЛ, в конце книги приложена краткая библиография. Среди немногих книг о жизни и творчестве поэта, рядом с работами Корнея Чуковского, Евгеньева-Максимова, Кормана и Бухштаба упомянута лучшая книга Моисея Гина о поэтике Некрасова «От слова к образу и сюжету»

Всю жизнь Моисей Гин проработал на одном месте – в Петрозаводском университете. Живя в Карелии, много занимался и литературной критикой, писал о Линевском, Гусарове, Викстреме, Соловьеве, Авдышеве, Трофимове. В начале пятидесятых годов я, еще живя на Украине, необычным путем узнал об одной литературно-критической статье брата. Мой друг, молодой поэт, поехал поступать в Литературный институт. Когда он вернулся из Москвы, то рассказал, что там познакомился с поэтом из Петрозаводска Владимиром Морозовым и тот ему сказал, что о нем писал петрозаводский критик Моисей Гин.

И моя жена Софья Лойтер, и наш сын Яков Гин, и я – все мы слушали лекции Моисея Гина. Только зачеты и экзамены я сдавал другим преподавателям.

Те же давние лекции брата хорошо запомнились. Приведу только один пример: рассказ о дореволюционной цензуре середины XIX века, Салтыкове-Щедрине и «Поваренной книге». Цензурный устав того времени называли чугунным. Тем не менее, у такого беспощадного сатирика как Салтыков-Щедрин книги выходили – конечно, ободранные цензурой, но выходили же! Почему? Да потому что цензору не вменялось в обязанность читать между строк, читать в душах, расшифровывать намеки и т.д. и т.п. Если можно так сказать, цензуровалось только то, что видно глазу. И в те же годы в представленной в цензуру «Поваренной книге» писалось, что испекшийся пирог надо выставить на вольный дух... Вот этого цензура, конечно, допустить не могла и «вольный дух» был вычеркнут.

Всем, хорошо знакомым с советской цензурой, тот давний цензурный устав, прозванный чугунным, кажется простодушным и наивным, как гоголевские старосветские помещики. По условиям того времени, понятно, Моисей Гин не мог сравнивать «век нынеш-

ний и век минувший». Но те, кто хотел понимать, задумывались.

Наверно, после такого вступления надо начать двигаться по порядку и с самого начала. Брат родился недалеко от Луганска, в небольшом поселке Лозовая Павловка. Когда брату было лет шесть, отец наш попросил раввина обучать сына древнееврейскому языку. Но вскоре брат пошел в советскую школу, а там ребята стали смеяться, что он учится богу... Нашему отцу пришлось отказаться от своей мечты. Он видел, что советская идеология называет древнееврейский язык буржуазным и всячески его преследует.

Родители наши были хорошими читателями, особенно отец, и можно представить, как гордились они братом, который еще до войны стал студентом филологического факультета знаменитого Ленинградского университета. Жили уже в Луганске, который стал называться Ворошиловградом. Работал только отец. И как ни скромно жили, брата, приехавшего на летние каникулы, встречали торжественно, хотя он мог, конечно же, со своим небольшим чемоданчиком сам прийти с вокзала.

Мне запомнились эти встречи. Мы – отец, мама и я – ехали на линейке на вокзал. На одной стороне сидели возчик и отец, а на другой мы с мамой. Когда же ехали домой, то я уже сидел рядом с чемоданом на багажном месте, на задке линейки. Но все это незначительные мелочи по сравнению с той радостью, что я встречаю старшего брата. Ведь я еще не ходил в школу, а брат уже был студентом.

Правда, одно обстоятельство порядком отравляло мою радость. Не знаю с чего, но я в детстве панически боялся паровозных гудков. А спустя многие годы по первой профессии стал техником по паровозостроению и работал сменным мастером на испытании новых паровозов на паровозостроительном заводе в

родном Ворошиловграде. И должен был проверять, в том числе, и годность этих самых гудков, которых в детстве так панически боялся. Когда машинист или помощник его включал гудок, я стоял в метре от него с открытым ртом, чтобы не оглохнуть, и должен был убедиться, что корпус гудка целый, без раковин и трещин. Да, такая вот ирония судьбы...

Дома, особенно после войны, когда брат стал известным ученым-литературоведом, – дома царил, чуть ли не культ брата. У нас тогда жила традиция семейного по вечерам чтения. Чтение у родителей отдельно не выделяло поэзию, но Некрасов почитался особо. Помню, как мама плакала, когда я читал вслух некрасовских «Русских женщин». Читали и Шевченко, и Шолом-Алейхема, и «Василия Теркина» Твардовского, и стихи Роберта Бернса в переводе Самуила Маршака, и Расула Гамзатова. И все это было для наших родителей не проза или поэзия, а просто близкие и дорогие им вещи.

На Шолом-Алейхеме надо особенно остановиться. Отец нам часто читал в подлиннике, то есть на идиш и «Тевье – молочника», и «Мальчика Мотла», и другие вещи писателя. На идиш это особое чудо, в переводе, конечно, что-то теряется. И кроме всего прочего, мы же немного приобщались к дивному этому языку идиш. А мой старший брат Моисей, когда рассуждал о национальном своеобразии, то обязательно вспоминал то место у Шолом-Алейхема, где маленький Мотл говорит, что он любит животных, особенно всех маленьких: и маленьких кошечек, котят, и маленьких собачек, щенят, и маленьких козочек. Он и дружит с соседским маленьким теленком и дал ему имя-кличку Мени, потому что тот все «говорит» ме да ме... Да, продолжал брат, Мотл любит всех маленьких, но свинок, даже самых маленьких поросят он видеть не может... Так в душе еврейского мальчика смешиваются его детские пристрастия с восанным с молоком матери.

В моем раннем чтении влияние брата было большим. Он мне подарил уникальный однотомник Лермонтова. Известно, что подростки особенно тянутся к Лермонтову. Пора Пушкина наступает позднее. Летом 1941 года издали большой и большеформатный том избранного Лермонтова к юбилею поэта. Началась война – и весь тираж остался в блокадном Ленинграде. В предвоенные и первые послевоенные годы часто издавали классиков такими огромными однотомниками – Пушкина, Тургенева, Куприна, Маяковского.

С однотомником Маяковского связаны особые воспоминания. Не помню с чего у меня, мальчишки, появилось отрицательное, нигилистическое отношение к Маяковскому. И что-то такое я брату и ляпнул, когда летом гостил у брата в Ленинграде. И вот он достал с полки огромный предвоенный однотомник Маяковского с красным силуэтным профилем поэта на обложке. И всю белую ночь напролет брат читал

мне Маяковского. Это была первая в моей жизни бессонная белая ночь. С этой ночи и начался для меня настоящий Маяковский.

Я, конечно, далеко забежал вперед. Воспоминания никак не хотят выстраиваться в строгой последовательности. А если последовательно двигаться, то надо вспомнить ту великую войну, в которую брат провелевал в блокаде Ленинграда. В то лето 1941 года брат окончил четвертый курс, им спешно организовали госэкзамены, а диплом об окончании университета он получил, когда вернулся с войны.

Война для брата началась в конце лета с большого партизанского рейда по тылам врага. Их было больше пятисот человек – студентов и преподавателей университета, плохо вооруженных. Вернулись в Ленинград едва больше ста человек. Вернулись в уже голодающий Ленинград. У брата была редкая медаль – ленинградских партизан.

В одной книге о блокаде Ленинграда прочитал такое:

*«Приказ № 57 г. Ленинград
20 октября 1941 г.*

Гина М.Х. – пожарного, с 16 октября считать призванным в ряды РККА».

Это уже после рейда партизанской бригады. Почему пожарного? Были тогда отряды по тушению так называемых «зажигалок» – небольших термитных бомб, вызывавших пожары. Этим он занимался и до партизанского рейда и после него.

Брат мало рассказывал о войне и о блокаде. Только в поздние свои годы я начал понимать, что охотно и много рассказывают о войне те, кто ее легко прошел...

Поначалу был он солдатом, как тогда говорили, красноармейцем. С 1943 года командир взвода, а позднее – роты. Оба прорыва блокады Ленинграда пережил в 1943 со своим взводом, а в 1944 со своей ротой. Особенно запомнилась ему атака после мощной артподготовки. В роте много было необстрелянных новобранцев. Одна автоматная очередь – и все прочно залегли. Вот тогда и ранило брата в плечо, когда он со старшиной поднимал роту. И не словами «За Родину! За Сталина!» В ход шли куда более увесистые и более употребительные слова... А «За Родину!» и «За Сталина!» писалось потом в рапортах.

Окончилась война. Еще до войны его учитель и руководитель Некрасовского семинара профессор В.Е. Евгеньев-Максимов сказал, что примет его, брата моего, в аспирантуру. Но в первые послевоенные годы начал работать государственный антисемитизм. Брат метался между Ленинградом и Москвой – ничего не получалось. Отчаявшись, позвонил Эренбургу. Тот, услышав, что звонит Моисей Хаимович Гин, сразу сказал, что он все понял... Понятно, помочь он никак не мог. А помог настойчивый профессор Евгеньев-Максимов. Он договорился со знаменитым

Жирмунским, что тот примет брата в «западную», то есть в аспирантуру не по русской литературе. А когда подзабылись те баталии, то документы перенесли в «русскую» аспирантуру. И в 1950 году брат блестяще защитил диссертацию по творчеству Некрасова. И в том же году начал работать в Петрозаводске, в Петрозаводском университете.

За свою не очень долгую жизнь Моисей Гин написал много книг и статей. Брат был настоящим тружеником в науке. Он часто вспоминал пушкинскую строку «Высокой страсти не имея...» Это о тех, кто равнодушен к своему делу. Сам же ко времени защиты кандидатской диссертации в 1950 году был уже известным некрасоведом: подготовил и прокомментировал девятый том собрания сочинений Некрасова. В том же году вышел в малой серии Библиотеки Поэта трехтомник поэзии Некрасова, прокомментированный Т.Бесединой и М.Гином. В 1955 году появился «Семинарий по Некрасову», созданный М.Гином в соавторстве со своим учителем, известным некрасоведом В.Е.Евгеньевым-Максимовым. Этим семинарием пользовалось не одно поколение ученых, преподавателей и студентов. В 1957 году отдельной книгой напечатана в Петрозаводске кандидатская диссертация «Н.А. Некрасов литературный критик», а в следующем году в издательстве «Искусство» появилась книга «Некрасов – драматург и театральный критик» (в соавторстве с Вс. Успенским). В 1966 году в Петрозаводске опубликована книга «О своеобразии реализма Н.А. Некрасова». Это была его докторская диссертация, защищенная в родном Ленинградском университете в следующем 1967 году. В 1969 году в издательстве «Карелия» появился том исследований и статей «Литература и время», в котором есть и литературно-критические работы о писателях Карелии и Севера. Поэзии Некрасова посвящена лучшая книга Моисея Гина «От факта к образу и сюжету» (изда-

тельство «Советский писатель», Москва, 1971 г.). Это последняя прижизненная книга М.Гина. В 1985 году, через год после смерти брата, была издана в Петрозаводске его книга «Достоевский и Некрасов». Исследование о сказках Салтыкова-Щедрина не было завершено. Много сил в последние годы было отдано второму полному собранию сочинений Некрасова. Брат и был инициатором этого пятнадцатитомного собрания сочинений: он написал Твардовскому о необходимости начать это издание. Сохранился и ответ Твардовского.

Хочу в конце вспомнить только одну его статью, которая в переводе на идиш была опубликована в еврейском журнале «Советиш геймланд». Брат решил проследить судьбу одного некрасовского мотива. В стихотворении «О погоде» мы читаем об обесилевшей, о замученной лошади, которую мужик бьет по голове «И по плачущим, кротким глазам...» Когда Достоевский писал своего Раскольникова в романе «Преступление и наказание», то он попросил разрешения у Некрасова использовать этот мотив замученной лошади в сне Раскольникова. Так появился тот сон Раскольникова. Так замученная лошадь стала символом замученного народа. И Менделе Мойхер-Сфорим написал повесть «Кляча», которую двадцатилетний Иван Бунин, не зная, понятно, идиш, перевел на русский язык. Кто-то ему помогал. А позднее Салтыков-Щедрин написал свою сказку «Коняга». Это все писалось в XIX столетии, а в 1918 году Маяковский создал свое «Хорошее отношение к лошадям», где есть такие слова: «Деточка, мы все немножко лошади» И, наконец, в начале двадцатых годов Бабель написал рассказ «Начальник конзапаса» – все о тех же замученных людях, которых мы видим через все тех же замученных лошадей...

Это только несколько отрывков из воспоминаний о моем старшем брате.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ МОИСЕЯ ГИНА

1. Ларок

Брат был отличным рассказчиком, но ни он сам и никто другой так и не записали эти рассказы. Это не единственный пример. А разве записали такого уникального мастера устного рассказа, каким была художник Валентина Авдышева?..

Некоторые рассказы брата я, мне кажется, хорошо помню. Вот один из них. О том, как композитор-песенник с поэтом приезжают в одну из республик, чтобы сочинить песню, для какого-то юбилея. Происходило все это в уже давние советские годы.

Там у композитора жил друг еще со времен гражданской войны. Теперь он большой начальник – первый заместитель министра внутренних дел, генерал или, как тогда эмвешных генералов называли, – комиссар. В нравах того времени было, что вторые

фигуры в национальных республиках всегда были от центра, из Москвы. Таким был и друг композитора.

И вот наши творцы поселились в большой гостинице. А напротив нее очень предприимчивый человек торговал в небольшой забегаловке водочкой в разлив.

Рано утром композитор глянул в окно.

– Ларок открыт...

Как были в полосатых пижамах, так и сбежали композитор и поэт к ларьку, приняли – и назад в номер. Работа пошла хорошо. Как утро, так звучит бодрый сигнал:

– Ларок открыт...

Прошло несколько дней такой райской жизни. И вот однажды их остановил милиционер и, вежливо показывая на пижамы, сказал:

– Горсовет постановил, что в таком виде по улице ходить нельзя.

– Больше это не повторится – в один голос заявили поэт и композитор.

А наутро:

– Ларок открыт...

И все пошло, конечно, по-старому. Прошло еще несколько таких райских, дней, но, как известно, райская жизнь долго не бывает.

Однажды они в своих пижамах напоролась все на того же милиционера.

В отделении композитор вежливо попросил дежурного лейтенанта:

– Мы в чужом городе, а родственники позвонят в гостиницу и будут взволнованы моим исчезновением. Позвольте только позвонить.

Дежурный позволил. Композитор набирает домашний телефон своего друга высокого.

– Ты спишь, а мы уже в отделении...

– Дай трубку дежурному.

Когда дежурный услышал, кто с ним говорит, он встал: никогда с ним такой высокий начальник не говорил.

– Слушаю, товарищ комиссар!.. Есть, товарищ комиссар!.. Будет выполнено, товарищ комиссар!.. – и, выпучив глаза на этих двух в пижамах, растерянно проговорил:

– Приказано доставить назад к ларьку...

II. Как добывали «языка»

Почти всю войну брат провел в блокадном Ленинграде. Понятно, не в самом городе, а в действующей армии. И какое-то время довелось быть разведчиком. Успехи их были невелики. Надо было добывать «языков». А эти «языки» – сильные, сытые, рослые финские солдаты. Сами же они ходили и качались как былинки, хотя армия в блокаде не так бедствовала, как ленинградцы. Брат вспоминал, как они строили блиндажи: даже легкое бревно едва могли поднять. И часто под этой не бог весть какой тяжестью падали...

Пришел приказ командира дивизии во что бы то ни стало добыть «языка». И вот до чего додумались армейские остроумцы. Ночью разведчики выдвинули поближе к финским окопам большую картину, хорошо укрепили ее и оставили засаду. Когда стало светло, финны увидели весьма выразительную сценку: был изображен Гитлер со спущенными штанами, а Маннергейм лизал ему зад...

Расчет был не очень хитрым. Финны, конечно, возмутятся и, конечно, не днем, так ночью попытаются убрать картину. Вот тут, мол, и добудут «языка». А финны и не собирались возмущаться. До наших окопов доносился хохот, веселые выкрики, кто-то ки-

нул пустую консервную банку, стараясь добросить до картины...

Брат рассказывал эту историю просто как забавную. Фронтовики любили рассказывать веселые истории о той страшной и незабываемой войне. А о самом жутком не рассказывали. Языка же позднее добыли каким-то иным способом – уж во всяком случае, без всяких картин.

III. Корней Чуковский и Илья Зильберштейн

Когда читаю про знаменитого Илью Зильберштейна, создателя стотомного «Литературного наследства», литературоведа и искусствоведа, притом страстного следопыта во всем этом, – то вспоминаю один маленький рассказ брата.

Было это в конце сороковых годов, когда его руководителем по аспирантуре известный некрасовед Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов вместе с Корнеем Чуковским редактировал полное собрание сочинений Некрасова. Брат, тоже один из участников этой большой работы, по поручению своего профессора, будучи в Москве, посетил Чуковского. О Чуковском надо бы отдельно говорить – о его артистизме, даже о том, как он сам непременно подавал обшарпанную куртку брату и тем весьма смущал его... Но сейчас не об этом. Не помню, то ли брат пришел к Чуковскому, а там уже был Зильберштейн или он пришел несколько позднее. Не в этом суть. Брата поразило, как Зильберштейн, который, вероятно в доме Чуковского чувствовал себя своим человеком, – как он взял стул, встал на него и снял со стены какую-то работу Репина и сказал очень непринужденно:

– Корней Иванович, зачем вам эта вещь?

Чуковский не собирался сдаваться. Брат был неммым свидетелем незабываемо короткой, энергичной, интеллигентной и при этом яростной перепалки. Брат ушел и так не узнал, чем все кончилось. Однако навсегда запомнил еще и Зильберштейна-коллекционера, чем тот тоже был знаменит.

Мы помним блестящие исследования Зильберштейна и его парижские находки. Нет любителя литературы, который бы не рылся в бесконечных томах «Литературного наследства». Зильберштейн первый подал идею создать музей частных коллекций. И первый принес в дар этому музею свою огромную коллекцию картин. Музей и открылся выставкой из собрания Ильи Зильберштейна.

IV. Про космополита Илью Эренбурга

Когда в конце войны и особенно в первые послевоенные годы царил государственный антисемитизм и брата, лейтенанта, вернувшегося с Великой Отечественной Войны не принимали в аспирантуру, – он, отчаявшись, позвонил Илье Эренбургу, самому популярному публицисту, самому популярному человеку

в годы войны. Эренбург, услышав, что звонит Моисей Хаимович Гин, все понял, посочувствовал сдержанно (его, Эренбурга, наверняка прослушивали!) и ничем не мог помочь. Он сказал, что в академической среде у него нет никакого влияния.

Тогда, да и много позднее, ходили легенды о том, что Эренбург на особом положении, что его никто не правит и не редактирует, и его чуть ли не сам Сталин любит... Понятно, что Сталин никого не любил, но Эренбург и во время войны нужен был, и после войны понадобился как мост для связи с западной интеллигенцией. И его, понятно, терпели и пользовались им.

А когда развернулась гнусная кампания борьбы с так называемыми космополитами, все были убеждены, что уж кто-кто, а Эренбург будет неприкасаемым, хотя его роман «Буря» был отличной площадкой для космополитических плясок. Ведь там много не только России, но и немало Франции, и о последней написано не только с симпатией, но и с любовью...

Брат рассказывал, что, когда Эренбург выступал в Ленинградском университете, его спросили о его мнении о низкопоклонстве перед Западом. Так тогда говорили. Эренбург ответил так: «Кланяться американскому пиджаку глупо. Шекспиру же, сколько бы мы ни кланялись – будет мало...»

По словам брата, тогда же, в 1949 году, на каком-то важном и больном сборище московских писателей

начали – по чьей-то команде или по собственной инициативе, чтобы продемонстрировать бдительность, – короче, начали костить космополита номер один – Илью Эренбурга. Сам же обвиняемый сидел тут же и невозмутимо слушал. И все при нем: и его знаменитая отвисшая губа, и его скептическая маска лица. Все шло как всегда. У таких идеологических погромов были свои обязательные сценарии и неприменные обряды и жертвоприношения. Главное же заключалось в том, что обсуждаемый должен был с трибуны активно каяться, то есть, говоря попросту, поливать себя помоями.

И вот настала очередь Эренбурга. Он вышел на трибуну и сказал:

– Я не так давно получил небольшое письмо. Я прочитаю его вам.

И дальше обычное обращение, что-то вроде «Уважаемый Илья Григорьевич!» или «Уважаемый товарищ Эренбург!» И всего несколько фраз о том, что автору письма понравился роман «Буря». И подпись «И. Сталин».

В огромном зале, только что содрогавшемся от раскатов «праведного» гнева выступавших и клеймивших позором космополита Эренбурга, – в этом зале воцарила мертвая и в то же время напряженнейшая тишина. И в этой тишине четко прозвучал одинокий голос заикавшегося Сергея Михалкова:

– Доп-п-п-прыгались...

Мой друг Петр Руднев

24 ноября 1996 года не стало замечательного ученого филолога, стиховеда и незабываемого человека Петра Александровича Руднева. Некролог в тартуском сборнике начинается так: "Ушел из жизни Петр Александрович Руднев, один из столпов русского стиховедения..." Почему я публикую в "Общинном вестнике" воспоминания о человеке, который исследовал не еврейскую литературу, а русскую? Ну, попробую все рассказать по порядку. Но сначала сразу скажу, что я десять лет тому назад потерял своего дорогого друга Петю Руднева...

П.А. Руднев родился в 1925 году. Он – сын юриста, но тот юрист Руднев происходил из старого купеческого рода. В Ставрополе были огромные склады для зерна, на стенах которых очень крупными буквами было написано: Р У Д Н Е В Ъ. И после революции, вспоминал П.А., как ни закрашивали эти надписи, все проступали эти большие буквы их фамилии с твердым знаком на конце.

А мама была Зинаида Абрамовна Зайденшнур. Ее фамилию с языка идиш можно перевести и как "шелковая невестка", и как "шелковый шнур"... Отца П.А. рано потерял, жил с мамой. Она работала медицинской сестрой. Детство и ранняя юность прошли на Северном Кавказе – в Ставрополе, Ростове и Сочи. Там же и воевал. На фронт пошел после девятого класса. Служил в артиллерии небольших калибров, которая тогда была на конной тяге. Когда я смотрел на интеллигентные руки Пети, мне не верилось, что он скребницей чистил коня. А ведь было такое.

Руднев любил вспоминать свою ставропольскую и ростовскую родню со стороны матери, их очень ха-

актерное, местечковое произношение русских слов. Например, такое: "газэта"... Может быть, поэтому Петя так полюбил анекдот, который, я ему рассказал и он, шутя, часто повторял его обороты. Анекдот этот весьма не хитрый. Было это давно, до революции. Почувствовал себя плохо один местечковый еврей. Надо было обратиться к врачам. Куда прикажете податься? "Ин Одес", конечно, в Одессу, к тамошним знаменитостям. Так он договорился с женой: если потребуется операция, пошлет телеграмму. Его зовут Хаим, а жену – Хая. И вот первая телеграмма: "Резать, Хая, резать". И подпись "Хаим". Жена тоже отвечает телеграммой: "Резать, Хаим, резать". И подпись "Хая". Жандармское управление Одесского района всполошилось: что затевают еврей?..

После войны Руднев – студент классического отделения одного из московских пединститутков. Там еще было довольно много старой профессуры. И среди них Алексей Федорович Лосев. Петя любил повто-

рять: "Если бы не революция, Лосев был бы вторым Гегелем"... А тогда Лосев был гонимым ученым. Особенно эти преследования начались в 1949 кошмарном году – году так называемой борьбы с космополитизмом. Конечно, это был простой государственный антисемитизм, который преследовал евреев-интеллигентов. А кто ринулся защищать Лосева? Студент Руднев, недавний солдат Великой Отечественной войны. Последнее обстоятельство, видимо, и спасло его самого от преследований. А в библиотеке Руднева есть все поздние книги Лосева с такими дарственными надписями: "Пете Рудневу – товарищу по борьбе".

Да, тогда недавний фронтовик Руднев не пострадал. Отомстили ему много позднее. Прошли немалые годы работы в школе, годы работы в Коломенском пединституте. Почему он вздумал первую свою диссертацию предложить для защиты в родной институт, я так и не понял. За давние бои ему отомстили подло: завалили защиту. Но вскоре наступили самые счастливые годы в жизни Руднева – время работы в Тарту, в университете, на кафедре великого Юрия Михайловича Лотмана. Здесь он успешно защитил уже стиховедческую работу. Достаточно сказать, что первым оппонентом был академик Виктор Максимович Жирмунский, в те же страшные послевоенные годы один из главных "космополитов"...

Руднев всегда оставался самим собой. Как-то идя в университет, он увидел пожар, и он на кафедре и многим знакомым рассказывал об этом потрясшем его пожаре. А спецслужбы в тогдашней Прибалтике очень остро воспринимали вообще разговоры, а особенно остро – на такой неординарной кафедре, как лотмановская. Возможно, ректорат на что-то указал Лотману, и он сказал как бы мимоходом, но довольно едко:

– Петр Александрович, ну был пожар, ну что-то горело, ну и пусть себе горело...

Когда Петя рассказывал все это, то мне слышался голос моего отца "Си брент? Зол брэнэн"... ("Горит? Пусть горит...")

Так сложилось, что после Тарту год или два Рудневу и его жене Лидии Петровне Новинской, стиховеду, его ученице и последовательнице, – пришлось поработать в далеком Стерлитамаке, в тамошнем пединституте. Только один эпизод из тогдашней жизни в изображении Пети Руднева. На кафедре говорили об античной литературе. Руднев начал говорить с таких слов: "Я как классик"... Присутствовавший на кафедре проректор из партийных бонз понял так, что этот Руднев поставил себя в ряд с классиками марксизма-ленинизма. Другие классики для него, видно, не существовали... А ведь речь шла всего-то о том, что он, Руднев, получил классическое образование...

Что говорить, Руднев очень хотел вырваться из Стерлитамака. Известный литературовед Борис Федорович Егоров, немало проработавший в Тарту, ближайший друг Лотмана попросил моего брата

М.М.Гина помочь Рудневу устроиться на работу в Петрозаводске. Переговоры брата с ректором Карельского пединститута Петром Ивановичем Ихалайне-ном увенчались успехом, и с осени 1973 года Руднев стал работать в Карельском пединституте. Эти последние двадцать три года его жизни прошли в Петрозаводске. И эти двадцать три года он дарил меня своей дружбой. И он быстро стал торопить меня, чтобы мы перешли на "ты". Он почему-то как о неловкости, неудобстве вспоминал про тех своих друзьях, с которыми никак не удалось перейти на "ты"...

Впервые увидел я Руднева в конце лета того же 1973 года у брата. Это был среднего роста сутуловатый человек с темными, несколько напряженными глазами. Костюм, стрелка на брюках, галстук, чеховская борода, прическа – все в высшей степени аккуратно. Костюм, как я позже понял, обязательно тройка. Я все это заметил сразу, ибо сам далеко не аккуратен, и уж если мне попадался костюм-тройка то я первым делом выбрасывал жилет – он мне почему-то мешал. Руднев, когда говорил, потирал руки. Про себя я заметил, что эти руки всю жизнь работали только за письменным столом. Лопату, топор и пилу они едва ли знали. Правда, позднее я узнал, что Пете в войну приходилось ходить за своими лошадьми...

Во время той первой встречи брат напомнил мне, что ждет меня на даче: надо было помочь ему. Руднев предложил и свою помощь. Я не очень вежливо засмеялся и бросил:

– Там нужен такой трактор, как я...

Когда на небосклоне российской филологии взошла блестящая плеяда стиховедов в начале 60-х годов – Михаил Гаспаров, Петр Руднева, Вадим Баевский и другие, – еще были живы классики стиховедения Жирмунский, Штокмар, всего несколько лет прошло со смерти Томашевского.

(С Штокмаром П.А. был хорошо знаком, бывал у этого патриарха стиховедения дома. И была у Штокмара овчарка. Он ее обучил всяким штукам и часто демонстрировал гостям. Например, вот такое. Сердитым, резким голосом бросал: "Это – троцкист!..." И бедный пес яростно начинал лаять. Так советская интеллигенция в своем узком кругу умела потешаться над советскими же дикостями...)

Известный исследователь поэзии Борис Яковлевич Бухштаб, к тому времени уже весьма немолодой человек, живо заинтересовался этой группой стиховедов-новаторов. Но особенно прикипел душой он к Рудневу, и горячо принял его исследования, и попросту полюбил Руднева как сына: опекал, волновался, когда какое-то время не было писем или звонков. И если ему дозвониться до Рудневых из Ленинграда в Петрозаводск не удавалось, то звонил нам и своим высоким и несколько тягучим голосом-говором спрашивал:

– Как там Петр Александрович? Не болеет ли? Что у них? Давно ничего не знаю...

Едва ли давно, но такова сила привязанности.

И вот как-то Б.Я. Бухштаб с женой приехали в Петрозаводск. Он хорошо был знаком с моим братом М.М. Гином: у них были хорошие деловые отношения. Бухштаб редактировал одну из книг брата. Но приехал Б., конечно, к Рудневым. А Петя всегда щедро делился своими друзьями и, конечно, привел Бухштабов к нам. И вот какая тогда приключилась забавная история. У нас была бутылка коньяка. Дамы пили что-то легкое, Бухштаб – тоже. А мы с Петей чего-то распрыгались и вдвоем уговорили эту бутылку коньяка. Надо сказать, не велик подвиг... Но самое интересное произошло потом. Когда Бухштабы вернулись к Рудневым, Борис Яковлевич сказал жене Пети Лидии Петровне Новинской:

– Иосиф Михайлович, наверно, хороший человек, но он ведь любит выпить. И не скажется ли это плохо на здоровье Петра Александровича?..

Никто никогда так хорошо обо мне не говорил... Через некоторое время я оказался в среде очень динамичных людей, и они, к сожалению, аннулировали эту мою такую высокую характеристику, данную мне Б.Я. Бухштабом. Мне было заявлено безапелляционно, что я непьющий, ибо после третьей стопки убегаю домой. Так та высокая характеристика не получила общественного признания, а осталось только моим личным и сладким воспоминанием...

Руднев не любил популяризаторства, поэтому известен был и в Петрозаводске только в вузовской среде. Зато как его знали и любили не только в Карельском пединституте, но и в Петрозаводском университете, где он читал спецкурс по стиховедению. Такой же спецкурс его пригласил читать в консерватории Юзеф Гейманович Кон. И мне довелось приводить П.А. Руднева в литературное объединение при Союзе писателей Карелии. Бывшие литовцы, а теперь известные поэты хорошо до сих пор помнят лекции-беседы ученого.

Слово о Лазаре Шапиро

24 июля в Тель-Авиве умер на 79 году известный в Карелии писатель Лазарь Шапиро. Он долго болел, а несколько лет тому назад совершенно ослеп. И все эти годы с 1993 и до последних дней своих на земле очень часто звонил многочисленным друзьям в Петрозаводске. И его медленный, крепкий с паузами голос в телефоне разве можно забыть? И такие неторопливые разговоры длились по часу и больше. И сердобольные и бережливые друзья тревожились и говорили Лазарю: «Ведь такой, долгий разговор выгребет у тебя из кармана все деньги!..» А больной и слепой Лазарь отвечал всегда одно и то же: «Это последняя моя радость – общаться с вами...»

И как можно забыть, что весной 1960 года (на первомайской демонстрации в колонне министерства культуры, где мы непременно должны были присут-

При всем своем весьма заметном артистизме, Руднев был очень строгим лектором – никаких баек, никаких анекдотов, все строго и весьма продуманно. Никаких пожелтевших бумажек, лекция каждый раз рождалась заново и была строго научной и совершенной как произведение искусства. И петрозаводские коллеги его перестали просто по фамилии называть ученых. У Руднева если Бахтин, то обязательно Михаил Михайлович, если Баевский, то обязательно Вадим Соломонович, если Тынянов, то обязательно Юрий Николаевич, если Рейслер, то обязательно Соломон Абрамович. И так отдав дань своим предшественникам, единомышленникам, и оппонентами Петя на кафедре радостно потирает свои ручки с такими характерными, очень и очень еврейскими движениями... И дальше, после такой краткой передышки идет опять непрерывный поиск этой самой истины.

Был он очень увлеченный своей благородной наукой человек и фанатически стремился всех вовлечь в эту самую науку – недаром наш сын, впоследствии известный лингвист, называл Петю "ребё"...

Последние годы на земле Руднева были тяжелыми. Больно было смотреть на его угасание. Профессия у него была русская филология, а судьба мне видится как очень еврейская. Давно известно, что евреи сотни и даже тысячи лет, находясь в рассеянии, начиная с Иосифа бен Иакова, часто проявляли себя как будто в далеких от нужд своего народа делах, при этом в душе оставались детьми этого своего многострадального народа.

Одна весьма пожилая дама когда-то сказала Рудневу: "Петр Александрович, как вы похожи на Троцкого!.." А он просто похож был на колоритного интеллигентного еврея. Его все называли так, как было и в паспорте (у евреев это далеко не всегда совпадает...), – Петр Александрович. Но наблюдательные люди, в том числе и те, кто с антисемитским душком, хорошо просматривали в нем еврея.

ствать!) я познакомился с Лазарем Шапиро. И с тех пор он дарил меня своей дружбой. И следы этой дружбы я нахожу не только в надписях на книгах самого писателя, но и в шуточных надписях на других книгах. Среди моих любимых перечитываний есть и трехтомный роман Лиона Фейхтвангера о еврейском историке Иосифе Флавии, подаренный мне Лазарем с такой забавной надписью: «Иосифу – про Иосифа. Лазарь. 10.XII.70».

В карельском издательстве вышли его книги: «Мальчик с фонариком» (1960), «Мои знакомые» (1961), «Хорошо, Илмари!» (1962), «Так оно и было» (1964), «Доброе утро» (1967), «Строгий учитель» (1968), «Про меня и про всех» (1970). И, понятно, было много публикаций в журналах и газетах Карелии.

Лазарь Шапиро родился 7 мая 1928 года в городе Червене, в бывшем еврейском местечке Белоруссии. Маленьким мальчиком, возвращаясь из детского сада, любил забираться на русскую печь, где лежал часто дедушка. Любил садиться верхом на его живот и вести беседы с дедушкой. А дедушка не просто беседовал, а задавал самые главные вопросы.

– Б-г есть? – спрашивал он у внука.

А тот, хорошо подготовленный в советском садике, твердо отвечал:

– Б-га нет!

– Вэк! Убирайся! – и отлучал внука от своих бесед.

Оба и дед и внук – были твердыми и убежденными людьми... Так начинался трудный путь познания для будущего писателя.

Отец же будущего писателя был специалист по лесу, и с 30-х годов семья их жила в Карелии, в Петрозаводске. Во время зимней войны 1939-40 годов отец Лазаря Шапиро погиб в той самой дивизии, о которой Анатолий Гордиенко написал книгу «Гибель дивизии».

В 1952 году двадцатилетний учитель после окончания Петрозаводского университета был направлен на работу в школу села Ведлозеро, где директором был Урхо Руханен. Известный литературный критик, литературовед и переводчик, он тогда не имел права после ГУЛАГа, где провел восемь лет, жить в Петрозаводске. А советский писатель Мариэтта Шагинян бодро писала в сталинские годы о богатстве культуры и литературы Карелии: мол, что там так много писателей, что некоторые из них живут в селах – и называла имя члена союза писателей СССР Урхо Руханена...

Судьба привела Лазаря Шапиро к очень важной для него встрече с Урхо Руханеном, которая стала началом их многолетней дружбы. Я не знаю более духовно близкого человека для Лазаря Шапиро, чем Урхо Руханен. Очень жаль, что Шапиро так и не написал воспоминания о Руханене.

Как-то летом – это было в 1975 году – мы с Лазарем вместе с нашими семьями отдыхали в Святозеро, и так случилось, что и Лазаря и меня подвез в Петрозаводск ректор Пединститута Петр Иванович Ихалайнен. Почему-то в тот раз Лазарь вспоминал много о Ведлозерской школе, о тамошних своих коллегах. Это был интересно и Ихалайнану, ибо в те далекие 50-е годы он был министром просвещения Карелии. Лазарь же был отличным рассказчиком и поведал много забавного и смешного. При этом у него была удивительная способность перевоплощаться в того, о ком он рассказывал. Но Руханена в этом разговоре он не вспоминал. Об Урхо Руханене много и серьезно мне рассказывал и до этого и позднее.

Все, кто знали, кто учился у Лазаря Шапиро, обязательно говорят о его особой доброте. Когда вспоминаю об органической, ему прямо-таки природно присущей доброте, то всплывает в моей памяти и

такой эпизод. Лазарь как-то принес с рынка зелень, и его мама заметила, что эта зелень какая-то неважная. И Лазарь охотно рассказал о том, что на базаре было много отличной зелени, и ее покупали. Но тут же продавала старушка, как оказалось, дачница. У нее зелень была похуже. Лазарь разговорился с этой старушкой. Она, как водится, поведала незнакомому, внимательному и очень доброму человеку то, о чем не всегда расскажешь и самым близким. Лазарю стало ее жаль. Он так примерно и сказал: «У всех покупают, а у нее – нет». И, конечно, купил у нее зелень. Тут я вижу самое главное в человеке и писателе Лазаре Шапиро.

В одном его рассказе есть такие слова: «Ему нравилось смотреть, как встречаются люди». В прозе Лазаря Шапиро встречаются, как правило, «чужие» люди. В этих «незнакомых» встречах человек проявляется наиболее ясно, ибо незнакомые люди более пристально всматриваются друг в друга. Как они поведут себя в обычной, в малодраматической или вовсе не драматической обстановке? Такие вот нехитрые как будто ситуации часто становились зерном сюжета в прозе Лазаря Шапиро, неторопливого и внимательного исследователя человеческих отношений. Его герои не все, наверное, помнили слова Антуана де Сент-Экзюпери о том, что самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения. И при этом все они исповедуют эту человечнейшую религию, это человечнейшее правило людей.

Встречаются люди по-разному на страницах и детских книг, и «взрослых» Лазаря Шапиро, но эти встречи всегда поучительны, ненавязчиво поучительны. Вот маленький мальчик Илмари пришел из школы и радостно сообщил:

Сегодня Вася получил «пять», и учительница ему сказала: «Молодец, Вася!»

– А тебе, – спросила мама, – учительница ничего не сказала?

– Нет, – ответил Илмари, – она сказала только Васе.

– Что ж, – согласилась мама, – это хорошо, что Вася молодец. А когда же учительница скажет и тебе: «Молодец, Илмари?»

– Не знаю, – ответил Илмари. – Наверно, скоро!»

Маленький человек встретился с чужой радостью. И эта радость стала своей. Так раскрылась нам эта незамысловатая история, рассказанная Лазарем Шапиро.

Иная встреча. И другой характер столкновения проступает в маленьком рассказе «На субботнике». Весна. Идет уборка на дворе. «Долбят лед, нагружают на носилки, выносят лед со двора. Из-под топорика Илмари, искрясь на солнце, летят во все стороны ледяные брызги – трудится человек.

Подошел семиклассник Степа. Посмотрел, как все работают, и о чем-то задумался.

Однажды Степа похвалился, что придумает такую машину, которая сама будет переворачивать страницы книги во время чтения.

– Ну и голова у этого парня, сказал тогда Андрей Захарович, который всему удивлялся. – Ты, Степа, непременно будешь изобретателем.

А Степа в ответ:

– Да, уж... наверное, придется...

Посмотрел-посмотрел Степа, как все работают, и говорит:

– Если изготовить на заводе огромную лупу и направить через нее солнечные лучи во двор, то лед растает в два счета...

Все работают, и только Степа предлагает один «проект» за другим – и при этом ничегошеньки не делает. Здесь, помимо всего прочего, скрыт неназойливый юмор Лазаря Шапира, которому у него свойственно без нажима, без форсирования смеха появляться. При этом радиус того, что видел Лазарь Шапира, невелик, даже мал. Он почти не путешествовал, не метался из края в край ни по меридианам, ни по параллелям, не брал популярные в те годы творческие командировки. И все это не из соображений парадоксального порядка: вы вот так, мол, живете, а я не так. Нет. Просто он иначе видел и иначе, как говорят, собирал материал жизни... И при этом Лазарь Шапира больше, чем кто-либо другой, далек от такого привычного для нас понятия или сочетания слов – мелочи жизни. Он не знает их, этих мелочей жизни. И в то же самое время «мелочи» встречаются у него на каждой странице.

Тут мы приближаемся к мысли, что очень важными инструментами прозы этого писателя были притчи. А разве радость за другого, которую переживает мальчик Илмари, – это не притча? А эпизод с «конструктором» Степой разве не притча о лентяе? Такой же притчей становится ситуация в троллейбусе, когда заканчиваются билеты, – и как по-разному ведут себя люди...

Мы привыкли, что когда говорят о притчах, то понимают что-то давнее, древнее, библейское. А Лазарь Шапира писал, создавал современные как будто бесхитростные притчи. Так то оно так, да я хорошо помню, что в наших пристрастиях и беседах Библия занимала большое место. Мы далеко не сразу добрались до древнего еврейского языка, на котором написана Библия. Это трудный язык. Но нам с Лазарем достался от родителей более поздний еврейский язык – идиш. Тут еще помогало, что мы знали немного немецкий. Лазарь раньше меня начал читать на идиш. Я ему подарил доставшийся мне от отца том Шолом-Алейхема «С ярмарки» («Фунэм ярид»). Когда же я начал читать на идиш, то вскоре стал пробовать и писать, хоть и малограмотно, на языке моих родителей. Меня заражал пример Олега (Армаса) Мишина, который, испытав типичную судьбу ингерманландцев

в Советском Союзе, нашел в себе силы не только возродить для себя финский язык, но стал думать, писать на этом языке, переводить с русского на финский. Мы с Лазарем Шапира так далеко не дошли. Но однажды я все-таки Лазаря озадачил, предложив ему диктовать мне на идиш. И он был удивлен, как я быстро рисую эти, как кто-то сказал, рыболовные крючки... И это были буквы самого древнего на земле алфавита.

Я, как водится, несколько отвлекся. А речь шла о притчах в прозе Лазаря Шапира. Все его притчи – это как бы пробные камни, на которых испытываются нравственные показатели человека. Хороший или плохой, «что такое хорошо и что такое плохо» (Маяковский) – это все детские прозрачные и простые решения очень непростых явлений. Хороший или плохой – вот ведь над чем бился всю жизнь Лазарь Шапира. И его детские книги («Мальчик с фонариком», «Хорошо, Илмари!», «Доброе утро») и его «взрослые» книги («Мои знакомые», «Так оно и было», «Строгий учитель») – все они решали все те же вопросы.

У притчевой и нравственно озабоченной прозы Лазаря Шапира есть еще одна не сразу заметная грань: хотя в его рассказах встречаются только русские и финские имена, но эта настойчивая морализующая нотка – и автора и его героев, – эта нотка, этот неприкрытый нравственный максимализм внимательно читателю напоминает и тот самый библейский мир, и то, что автор еврей.

Притчи рождались из встреч и общения с людьми. Стремление к общению с самыми разными людьми было заложено в натуре, в душе писателя и как бы диктовало этакую душевную распахнутость. И все это иногда приводило Лазаря Шапира к довольно забавным ситуациям. Так, когда началась знаменитая Шестидневная война в 1967 году, то хорошо знакомый Лазарю дворник сказал-спросил у него:

– Чего это вы там натворили?

Мне бы посмеяться вместе с Лазарем над этим случаем, а я нешуточно раздражился и сказал ему:

– Это все твоя приветливость и распахнутость. А у меня такая морда лица, что никто не посмеет мне сказать такие слова!..

Лазарь Шапира жил, как и все мы, в достаточно сложном, трудном и далеко не всегда добром мире. Но все им написанное обращено к доброму началу в человеке, особенно в маленьком человеке – в ребенке. И, грешным делом, многим из нас казалась такая наклонность писателя довольно утопичной... И при всем при этом чувство правды никогда не изменяло Лазарю Шапира. Вспоминается такой эпизод конца 60-х годов, когда наше республиканское издательство готовило к 1970 году, к столетию со дня рождения Ленина, сборник воспоминаний и рассказов о вожде. На обсуждении мой старший брат известный литературовед Моисей Гин вспомнил тогда вслух непро-

износимые слова о том, что если сложить время всех бесчисленных воспоминаний о встречах с Лениным, то жизни вождя явно не хватает... И он же добавил, что у него больше всего вызывает доверие маленький, прямо-таки крохотный рассказ Лазаря Шапиро «Здравствуй, товарищ», где старого человека тормозят разные инстанции, требуют, чтобы он в школах рассказывал о встречах с Лениным. А ему, стоявшему в охране красноармейцу, однажды довелось видеть вождя, который, проходя, сказал ему: «Здравствуй, товарищ!» Вот и все. Больше ему нечего и не о чем рассказывать...

Немного о Леониде Резникове

Я хочу рассказать о Леониде Яковлевиче Резникове, которому в феврале исполнилось бы 85 лет. Его хорошо знали и помнят в Карелии и не только в Карелии. Это был замечательный литературный критик. О том говорят его книги. Он был известным литературоведом, специалистом по творчеству М. Горького. О том, опять-таки, говорят его книги – вплоть до последней – «Максим Горький – известный и неизвестный», опубликованной не так давно, уже по-смертно.

Леонид Яковлевич Резников в 1919 году в Одесской области. Отец его провизор, мать – медик. До войны успел окончить филологический факультет Герценовского института в Ленинграде и в 1940 году поступил в аспирантуру. С первых дней войны ушел добровольцем на фронт. А фронт этот – блокадный Ленинград. Воевал, был несколько раз ранен, был награжден орденами и медалями. А после войны, перед самой антисемитской волной, так называемой борьбы с космополитизмом, успел защитить кандидатскую диссертацию о творчестве Эдуарда Багрицкого. Много позже стал и доктором наук и профессором, но это уже в Петрозаводске. А сначала преподавал в Минске, в Белорусском университете. О том времени вспоминали его бывшие студенты: писатель Алесь Адамович и публицист Юрий Черниченко... Потом был еще Кишиневский университет. И более двадцати пяти лет преподавал Леонид Яковлевич в нашем Петрозаводском университете. Его слушали сотни, наверное, даже тысячи студентов. Всего этого вполне достаточно для биографии одного литератора. Леонид же Яковлевич Резников был необычайно и разносторонне одаренным человеком. Он – поэт. Всю жизнь писал стихи, скупо публиковал их. И уже в довольно поздние годы собрал и напечатал хороший томик стихотворений. Я сказал, что скупо печатал стихи. Да. Но среди этих немногих есть публикация и в журнале «Ленинград». Это чуть ли не перед самым постановлением ЦК ВКП/б от 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Это перед тем гнусным постановлением и еще более гнусной речью Жданова, что уничтожила и этот журнал «Ленинград», и уничтожила Ахматову и Зощенку.

Заканчивая эти заметки, хочу напомнить, что Лазарь Шапиро был одним из последних литераторов, кто с Дмитрием Гусаровым был на «ты». Известно, что Гусаров был далеко не распахнутый человек. Среди тех немногих, кто был с Гусаровым на «ты», были Яакко Ругоев, Виктор Соловьев, Ортъе Степанов, Петр Борисков... И последнее. Сейчас, когда на бедные головы детей опрокидывается столько телеужасов и мультужасов, – сейчас хорошо бы издать книжечку лучших рассказов для детей Лазаря Шапиро. Эта проза так по-человечески добра.

Л.Я. Резников отличный очеркист и публицист. Мы помним его книги о Валааме. Наконец, Леонид Яковлевич был самобытным – с таким автобиографическим уклоном – прозаиком. Его рассказы и повести публиковались в журнале «Север» и затем вышли отдельной книгой в издательстве «Карелия». Я нечаянно оказался свидетелем истории издания прозы Л.Я. Резникова. Многие знают, что Леонид Яковлевич умел горячо драться за правду. У него много было почитателей и друзей, но были, понятно, и враги. Зная эту ситуацию, на вопрос редактора издательства, кому бы я посоветовал дать на отзыв рукопись книги Резникова, довольно грубо ответил: «Это зависит от того, что вы хотите. Если хотите угробить дело, то давайте кому попало! А если хотите издать книгу, то надо посоветоваться с самим автором. Ведь этот отзыв – чистая формальность, так как почти вся эта проза была опубликована в журнале, в «Севере». И томик прозы Л.Я. Резникова вышел через какое-то время...

Леонид Яковлевич появился в нашем университете в бурном 1956 году – году больших и почти не оправдавшихся надежд. Тогда при первых впечатлениях Резников поражал студентов, как рассказчик. На всю жизнь запомнился мне своим рассказом об одном известном ленинградском поэте, о событии времен ленинградской блокады. Был этот поэт тяжело ранен, осколок попал в шею. Врачи боролись за его жизнь, но, видимо, не было никакой надежды. Как и других обреченных, от которых отступила медицина, этого поэта снесли в подвал госпиталя, то есть в морг. При этом на всякий случай посадили там, в подвале, в морге, медицинскую сестру: на случай если кто-то из них и победит смерть. Можно представить, как страшно было этой юной медсестричке – тут и трупы, и агонизирующие. Вот она и взяла с собой патефон и ставила все время пластинки. А этот поэт был жив, был в сознании, все слышит и видит, но речь парализована. То ли он зашевелился, то ли застонал. Короче, ясно стало, что жив, и помирать не собирается; подняли наверх. Еще много месяцев провалялся он по госпиталям. Его лицо несет отпечаток того страшного ранения: оно словно разделено по вертикальной оси, разделено симметрично... Это – Вадим Шефнер.

Да, это был первый интерес, первое удивление перед новым человеком, который слово «поэт» проносит так, что даже при устной передаче ясно становится, что оно, это слово, непременно писаться должно с прописной буквы – Поэт... И я доверчиво понес ему, Л.Я.Резникову, какой-то свой студенческий опус, что-то литературно-критическое и, наверно, довольно убогое. Леонид Яковлевич по доброте своей пощадил мое самолюбие, не раздражил текст, заговорил со мной о том, как следует писать. При этом изложил, как я теперь понимаю, одну из самых трудных технологий этого высокого ремесла. Писать, говорил он, надо так: пока окончательно не сработана предыдущая фраза нельзя браться за следующую. Только годы и годы спустя я догадался, что мне был предложен идеальный вариант работы – вариант, редко кому доступный. Большинство пишущих сначала набрасывают черновик, а затем долго и медленно шлифуют его. Я знал только одного мученика и артиста такого способа работы. Это был писатель Виктор Соловьев.

Л.Я.Резников – увлекающийся человек, очень увлекающийся. Когда он увлечен был замечательной книгой Выгодского «Психология искусства» (а мы все были тогда под обаянием этой книги), то это замечали и студенты и все, кто слушал публичные выступления Леонида Яковлевича. То же самое происходило и когда Леонид Яковлевич буквально был одержим очерком Глеба Успенского «Выпрямила»... У Томаса Манна прочитал вот эти слова: «Людам чувства свойственна внешняя выразительность» («Иосиф и его братья», т. 1, с. 107) – и, как вы догадываетесь, сразу вспомнил Л.Я.Резникова.

Как увлекающийся человек Л.Я.Резников иногда терял чувство меры.

Вспоминается год 1957 или 1958. Леонид Яковлевич тогда задумал провести большой вечер поэзии в университете. Нам, студентам, раздал маленькие докладки о тогда словно родившихся поэтах – Леониде Мартынове, Николае Заболоцком, Владимире Луговском, Михаиле Светлове. И говорили Женя Крохина, Семен Манюхин, Саша Анашкин, Соня Лойтер, еще кто-то. Я тогда увлекался Ярославом Смеляковым, впервые в руках держал его только что вышедшую книжечку стихотворений. А когда прочитал иронические строки про комсомолку первой пятилетки:

*Зинка, Зинка, как же ты,
Каким путем, скажи на милость,
С индустриальной высоты
До рукоделья докатилась?..*

– актов зал засмеялся. Короче, мы все как будто были довольны. Леонид Яковлевич тогда сказал горячее вступительное слово во славу Поэзии и Поэта. Все мы отговорили свои докладки и уселись тут же на сцене, среди поэтов Карелии: Леонид Яковлевич пригласил на этот вечер и известных поэтов петрозаводских – были Борис Шмидт, Алексей Титов, Марат Тарасов, Михаил Сысойков, Георгий Кикинов, еще кто-то. И тут я почувствовал какое-то напряжение. Кто-то из поэтов сердито зашептал мне: «Что это он посадил нас слушать доклады?..» Только тогда до меня стало доходить, что поэты Карелии вынуждены будут читать свои стихотворения на фоне прозвучавших крупных поэтов России. Но ничего страшного не произошло: поэтов хорошо встречали и провожали. И все-таки увлекающийся Л.Я.Резников, мечтавший о грандиозном вечере поэзии тогда оплошно соединил по сути дела два вечера поэзии: о поэтах Карелии и о поэтах России, возрожденных оттепелью...

В увлеченности Леонида Яковлевича всегда был элемент донкихотства. Трезвых людей это должно было раздражать. Сражаться за правду он готов был на любой площадке, вплоть до обкома партии. Для Резникова было само собой разумеющимся кинуться на защиту даже мало знакомого ему человека. А уж то, чем жило его время, неизменно его волновало. Притом не только на уровне бесед с окружающими людьми. Это требовало более активного выхода. Л.Я.Резников отправил в журнал «Новый мир» темпераментное большое письмо об одной повести А. Солженицына. И это письмо, а по сути, статья была тогда опубликована. Леонид Яковлевич горячо отзывался и на волновавшую нас тогда повесть «Кончина» В.Тендрякова. Это хорошо помнится до сих пор.

Говорят, что человека можно узнать по тому, как он смеется. Шла обычная защита дипломных работ на филологическом факультете нашего университета. Было это в брежневские годы. И вот студентка, только что защитившая свою дипломную работу, в заключительном слове стала благодарить своего руководителя Леонида Яковлевича и сказала:

– Дорогой Леонид Ильич!

Никто не проронил и слова, но что творилось... Лысина моего брата, М.М.Гина, от смеха стала малиновой, колыхалась от сдерживаемого смеха председатель государственной комиссии очень крупная, полная женщина, известный лингвист Иванова, вся большая аудитория смеялась. Ведь у всех в ушах навязли эти непрерывно повторяемые со всех сторон «Дорогой Леонид Ильич!..» И среди этого все же тихого веселья выделялся громкий, открытый и невероятно веселый хохот Леонида Яковлевича Резникова.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Жизнь и судьба Василия Гроссмана

12 декабря этого 2005 года исполняется сто лет со дня рождения писателя Василия Гроссмана. И родился он в городе Бердичеве. А что мы знаем о Бердичеве? Только анекдоты да еще то, что в Бердичеве венчался Бальзак... А Бердичев до революции, как Вильна, как Житомир, Варшава и Одесса, был крупным центром еврейской культуры, особенно по части книгопечатания и образования.

А почему появилось такое странное сочетание «Василий Гроссман»? На самом деле имя было Иосиф. И нянька слышала, как мама называла сына Ёся, Ёся... Няньке же слышалось: Вася, Вася. Так она его и называла. И родители подключились к этой игре. И только у писателя Гроссмана закрепилось это сочетание «Василий Гроссман». Тут надо заметить, что родители – мама была преподавателем французского языка, а отец инженер-химик – были весьма ассимилированными людьми. Будущий писатель с детства хорошо говорил по-французски и всю жизнь много читал французских классиков. А вот идиш немного понимал, но не говорил.

Семья Гроссманов рано распалась. И самым главным, самым дорогим и близким человеком навсегда в жизни Гроссмана осталась мама, к которой он часто приезжал в Бердичев. А был еще Киев и на всю оставшуюся жизнь – Москва. В середине двадцатых годов Москву приедет Гроссман и его друг Вячеслав Лобода. Гроссман поступил тогда на физико-математический факультет Московского университета, а Лобода – на исторический. Сняли комнатку где-то в Москве и не только в студенческие годы были дружны, но и всю жизнь. Виделись, правда, редко, так как Лобода многие годы до выхода на пенсию учительствовал далеко-далеко на севере Дальнего Востока. Вячеслав Иванович Лобода сыграет большую роль и при жизни Гроссмана и даже после нее. Об этом еще будет разговор.

А инженер-химик (как и его отец) Василий Гроссман несколько лет проработал на шахте в Донбассе, потом вернулся в Москву. Здесь напишет повесть «Глюкауф», которую заметит М. Горький и опубликует в 1934 году. В том же году появится первый рассказ Гроссмана «В городе Бердичеве», который сделает писателя известным не только Горькому, Бабелю и Михаилу Булгакову, а всей читающей стране, так как он будет опубликован в «Литературной газете». Этот рассказ «В городе Бердичеве», наверно, далеко не все читали, но все видели – а многие и не раз – замечательный, прямо-таки гениальный фильм Аскольдова «Комиссар» по этому гроссмановскому рассказу. Там свои лучшие роли сыграли Ролан Быков – жестянщика Магазанника и Нонна Мордюкова – комиссара Вавилову. Это непередаваемо талантливый и правдивый фильм и, конечно, в советские годы был положен на полку,

чудом уцелел и только в перестроечные годы дошел до зрителей. Здесь, как и в рассказе Гроссмана, хорошо виден и еврейский быт маленького городка, местечка, и нравы, и страшные события гражданской войны, и даже сцены будущего Холокоста органично вплелись в ткань фильма «Комиссар». Можно только восхищаться и удивляться Ролану Быкову, который так неподражаемо врос в свою роль, в этот еврейский образ...

Гроссман, понятно, этого фильма не видел. Сам же рассказ «В городе Бердичеве» сделал писателя враз знаменитым. Потом – в те же тридцатые годы еще до войны – писались другие рассказы и большой роман «Степан Кольчугин». Перед самой войной роману присуждена была Сталинская премия. Одним утром в газетах должны были появиться списки лауреатов, а накануне вечером осведомленные люди и редакции газет и журналов поздравляли Гроссмана. Утром в списках лауреатов имени писателя не было – в последний момент Сталин вычеркнул фамилию Гроссмана.

А дальше была война. Человек физически далеко не сильный, близорукий, в очках, Гроссман с самого начала войны стал корреспондентом газеты «Красная звезда» и прошел весь путь отступления до Волги, был в Сталинграде все месяцы этой великой битвы и с армией дошел до Берлина. Во время войны только Илья Эренбург, тоже корреспондент «Красной звезды», был более известен, чем Гроссман. Самая первая повесть о войне «Народ бессмертен» была написана Гроссманом и опубликована в 1942 году.

До войны был хороший советский писатель Гроссман, но война поначалу незаметно стала его как бы поворачивать лицом к новым проблемам. Для себя он ничего не требовал: ни особых привилегий, ни особого обмундирования. В 1944 году, уже будучи в чине подполковника, все донашивал с начала войны свою весьма ветхую шинель. Об этом рассказал поэт Семен Липкин. Некоторые военные корреспонденты старались при высоких штабах что-то узнать, побыстрей написать и податься в тыл... Гроссман никогда не производил впечатления лихого храбреца, но мог часами таиться вместе со снайпером, наблюдая за его трудным и смертельным делом. Гроссман никогда не водил роты в атаку, но постоянно и помногу спокойно и терпеливо не находился, а жил на передовой.

И что-то новое в жизни война открыла этому советскому писателю. На фронте, особенно это заметил

Гроссман во время Сталинградской битвы, люди стали откровеннее и смелее в своих суждениях о жизни прошлой и настоящей, стал как будто пропадать страх и ужас коллективизации и репрессий предвоенных лет. После Сталинградской битвы ясно стало, что война вошла в победную стадию и что народ-победитель, казалось не позволит после войны снова загнать себя в ярмо. Зрела такая надежда, но первые же послевоенные годы показали, что сталинский режим, в отличие от народа и всей страны, – что этот режим сумел использовать плоды победы в своих целях. Разгром всякого свободомыслия начался с нападок на Ахматову и Зощенко, хотя и до этого подспудно нарастала реакция... Затем пришла очередь государственного антисемитизма, который принял форму борьбы с космополитами. Погибли Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин, был уничтожен Антифашистский еврейский комитет и почти все еврейские писатели. А потом дошло дело до «врачей-убийц», то есть надвигалась депортация всех евреев на восток. По части же депортаций у Сталина и его окружения был богатый опыт: были высланы на восток и чеченцы, и балкарцы, и калмыки, и крымские татары, и русские немцы, и ингерманландцы...

Пристальный много думающий и упрямый Гроссман все эти послевоенные годы писал первую часть романа и первоначально назвал его «Сталинград». Позднее под разными давлениями появится название окончательное «За правое дело». Александр Твардовский, редактор журнала «Новый мир», дал прочитать рукопись «За правое дело» тогдашнему члену редколлегии журнала Шолохову. А тот чисто по-чиновничьи спросил: «Кому вы поручили писать роман про Сталинград?». Просто не верится, что автор «Тихого Дона», – романа, который так высоко ценил Гроссман, – что такой писатель мог так низко пасть. Поэтому неудивительно, что многие усомнились, что такой человек мог написать «Тихий Дон»...

После долгих мытарств, сокращений и добавлений роман был напечатан в «Новом мире». Официоз потребовал, чтобы в романе стало меньше евреев, а у талантливого физика Штрума должен появиться русский учитель-академик. И Гроссман под этим давлением ввел фигуру академика Чепьжина. Но что значит настоящий писатель: Гроссман написал Чепьжина так сильно, что забываешь, что все это писалось вынужденно. Пришлось написать и главку о Сталине...

Критика, поначалу встретила роман восторженно. В библиотеках образовались очереди за номерами «Нового мира», где печаталось «За правое дело». Не забудем, что еще жив Сталин, что готовилось, дело врачей, о котором в «Правде» было объявлено 13 января 1953 года. И ровно через месяц 13 февраля в «Правде» же появилась гнусная, доносительская статья М.Бубеннова о романе Гроссмана. И еще раньше на обсуждении в союзе писателей, когда этот ныне

забытый писатель Бубеннов напал на Гроссмана и его роман, то председатель этого судилища, обращаясь к Бубеннову, сказал: «Миша, только, пожалуйста, не волнуйся, береги себя. Товарищ Сталин заботится о твоём здоровье».

И это, понятно, прозвучало зловеще. А горячие сторонники романа Фадеев и Твардовский вынуждены были каяться, что способствовали публикации «За правое дело». Только Гроссман, несмотря на жуткую ситуацию, грозившую не только его свободе, но и жизни, наотрез отказался каяться. Когда уже не было Сталина, в 1954 году на II съезде писателей Фадеев публично извинился перед Гроссманом. Но Фадеев для Гроссмана официальное лицо, а Твардовский близкий друг. И вот другу отступления так и не простил Гроссман. И это сыграет в будущем роковую роль для него.

И почти все пятидесятые годы работает Гроссман над второй частью романа, получившего название «Жизнь и судьба». И все уже названные беды и страны, и свои, и война, и мир, и свобода, и, вернее, отсутствие ее – всё-всё и многое другое увидит новыми глазами писатель и человек Гроссман. И это совершенно новое видение рождается в недрах великой Сталинградской битвы, в тылу и на войне, в гитлеровских концлагерях и сталинском ГУЛАГе...

И вот та обида на Твардовского толкнула Гроссмана отдать такой непроходимый роман в весьма сомнительные руки редактора журнала «Знамя» Кожевникова. Правда, позднее дал и Твардовскому рукопись романа.

Проходит 1960 год, наступает 1961, а Кожевников молчит. И вместо публикации Кожевников сдал рукопись в некие высокие органы. И вот однажды явились два кэбээшника. Они вели себя очень корректно, даже попросили дочь Гроссмана дать ему что-то сердечное. Они произвели обыск, но забрали только рукопись и подготовленные материалы романа «Жизнь и судьба», а у машинистки не только рукопись, но и отработанные копирки; забрали и рукопись у Твардовского. Самого писателя не тронули. От подписки он не разглашении Гроссман резко отказался.

Это была катастрофа – убит главный труд жизни. Гроссман написал большое достойное письмо Хрущеву. Оно сохранилось. Ответа не получил, а был приглашен к серому кардиналу Сулову, который сказал, что рукописи не будут возвращены, а опубликовать роман можно будет лет через 200 или 300...

Надо было жить и работать. Кто-то, понимая безвыходное положение Гроссмана, предложил ему перевести большой роман армянского писателя. Гроссман согласился и поехал в Ереван. Это был конец 1961 и начало 1962 года. Гроссмана поразила древняя, совсем библейских времен старина Армении. И впечатления эти станут лебединой песней Гроссмана, последней работой писателя, его прекрасной поэмой в прозе «Добро вам!»

Там в Армении довелось побывать Гроссману на обыкновенной деревенской свадьбе. Писателя поразило, что на свадьбе много было речей, но «в речах почти не говорилось о молодоженах, об их будущей счастливой жизни. Люди говорили о добре и зле, о честном и трудном труде, о горькой судьбе народа...» «Потом, – пишет Гроссман, – заговорил худой седой мужик в старой солдатской гимнастерке. Редко я видел лица, суровее этого темного, каменного лица. Мартиросян шепнул мне: «Колхозный плотник. Он обращается к вам». Мартиросян перевел мне речь плотника. Он говорил о евреях. Он говорил, что в немецком плену видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных. Он рассказал мне, как были убиты его товарищи евреи. Он говорил о своем сочувствии и любви к еврейским женщинам и детям, которые погибли в газовнях Освенцима. Он сказал, что читал мои военные статьи, где я описываю армян, и подумал, что вот об армянах написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий. Ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа. За это он пьет стакан водки.

Все люди поднялись со своих мест, мужики и бабы, и долгий, тяжкий гром рукоплесканий подтвердил, что армянский крестьянский народ полон сочувствия к еврейскому народу.

Потом выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что кровь и страдания сблизили евреев и армян».

И вот из-за этой речи армянского крестьянина не удалось опубликовать «Добро вам!» в «Новом мире». Цензура требовала убрать это место, а Гроссман отказался без этого отрывка печатать «Добро вам!»

Шли последние годы Гроссмана на земле. Ему удалили одну почку. Было недолгое улучшение. И беда подобралась ко второй. Один молодой писатель предложил свою почку, чтобы спасти Гроссмана, но хирург сказал, что уже ничего невозможно сделать.

Была осень 1964 года. Гроссман умер на 59-м году... Такая вот жизнь и судьба.

А что же стало с рукописью романа «Жизнь и судьба»? Об этом поговорим в следующем номере «Общинного вестника».

На подступах к роману В.Гроссмана «Жизнь и судьба»

Мы помним, что советский режим в 1961 году во время так называемой «оттепели», не тронув писателя Гроссмана, сделал все, чтобы рукопись его романа «Жизнь и судьба» исчезла навсегда. Конечно, Гроссман хорошо понимал, какая взрывная сила заключалась в его главной книге и поэтому позаботился, чтобы два экземпляра рукописи хранились у его самых близких друзей – у Семена Липкина и Вячеслава Лободы.

Рукопись, бывшую у С.Липкина, переснял на фотопленку академик Сахаров, а вывез за границу роман писатель Владимир Войнович. И два замечательных филолога Шимон Маркиш (сын поэта Переца Маркиша) и Ефим Эткинд в 1980 году впервые издали «Жизнь и судьбу».

У нас роман был напечатан на пороге перестройки в 1988 году в журнале «Октябрь». В том же году в журнале «Знамя» появился впервые полный текст «Добро вам!», а затем и повесть о страшном голоде на Украине в начале коллективизации «Всё течет».

А когда опубликовали наконец роман «Жизнь и судьба», вдова Вячеслава Лободы (он не дожил до этих дней) решила отдать рукопись, хранившуюся у неё, в одно из московских издательств. И эта рукопись оказалась самой полной. Так началась жизнь этого без преувеличения великого романа.

При всем желании на такой маленькой площади я не берусь писать обо всем романе Гроссмана «Жизнь и судьба», так как подобная задача кажется вообще невозможной и невыполнимой – по причине того, что вся вещь эта настолько сложно, объемна и неохватна... И при том – это ведь книга не только наша современница, законченная в конце 1960 года и охватывающая по времени очень важный, драматический, но небольшой отрезок времени в эпоху Отечественной войны – только месяцы великой Сталинградской битвы с фашизмом. И в этом, казалось, небольшом

временном пространстве уместились не только потрясающие сцены самой этой Сталинградской битвы, но и жизнь тыла, и гитлеровские концлагеря, и советского концлагеря, солдаты и генералы наши и гитлеровские; и размышления замечательного ученого-атомщика Штрума, и незабываемые письма матери Штрума из еврейского гетто, где она обречена, как и все гетто; и во всем этом есть главная идея – идея свободы, которая зреет и во время Сталинградской битвы, и в концлагерях, и в умах ученых и солдат – везде как противоядие не только гитлеризму, но и сталинизму. Это ведь Гроссман еще в пятидесятые годы поставил по существу знак равенства между Гитлером и Сталиным, между гитлеризмом и сталинизмом... И при этом вся страна воюет, и при том при всем не совсем осознает, что надеется не только на победу, но и на свободу, что свобода придет вместе с победой...

Разве все это и многое другое можно охватить мыслью? Есть тут только один способ и один подход – перечитывать уже в который раз роман «Жизнь и судьба». Вот, может быть, остановлюсь на том, как физик Штрум заполняет анкету посреди войны, когда уже понемногу начался хорошо нам всем памятный государственный антисемитизм, созревший в недрах сталинского режима.

Надо еще остановиться на споре двух революционеров и советских эзков – Абарчука и Магера; и на беседе уже в гитлеровском концлагере старого больше-

вика Мостовского с фашистским идеологом Лиссом. И еще, и еще, и еще... Герои Гроссмана размышляют не только о 1937 году и о государственном антисемитизме, но и о страшном уничтожении крестьянства коллективизацией и голодом.

Вот я как бы набросал краткий конспект того, кое о чем из которого хочу несколько подробнее рассказать. И прежде чем перейти к каким-то эпизодам или страницам «Жизни и судьбы», надо отдать себе полный и ясный отчет в том, что будь этот роман сорок пять лет тому назад опубликован, сегодня мы были бы иными...

Важно, мне кажется, всмотреться, вслушаться в беседу Лисса с Мостовским. Высокий фашистский начальник, претендующий быть теоретиком нацизма, оберштурмбанфюрер вызывает к себе лагерника, старого большевика Мостовского, но не для, допроса. Лиссу просто хочется пофилософствовать с этим весьма образованным пожилым коммунистом. Прежде чем дать слово этому Лиссу, хочу представить, как уцелел во всех чистках 20-30 гг. Мостовской. Он порядочный человек, он никого не гробил, но когда уничтожали эсэров в начале 20-х годов, он молчал, как и потом на протяжении очень событийных, репрессивных лет вплоть до самой войны. Он не поднял голос за невинных. И во время встречи с Лиссом он почти молчит. А о чем же говорит Лисс?

«Когда мы смотрим в лицо друг другу... мы смотрим в зеркало... Разве Вы не узнаете себя, свою волю в нас?»

И несколько ниже спрашивает: «Вы понимаете меня, учитель?»

Да, еще пятьдесят лет тому назад Гроссман поставил знак равенства между нацизмом и сталинизмом. Вот до чего додумался Гроссман.

И снова страшный Лисс мучает своими словами Мостовского:

«Но наша победа – это ваша победа. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе».

И ниже Лисс добавляет:

«Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмете себе наш опыт». «Учитель, вы всегда будете учить нас и всегда у нас учиться»...

А на другом конце земли, далеко на востоке в гулаговском советском лагере находятся два политических зэка – Абарчук и Магер. Фанатик-большевик Абарчук, для которого все каменно-неподвижно и каменно-неизменно. А Магер начал понимать, в какой исторической трясине он увяз. Оба они погибнут. И вот что умиравший Магер говорит Абарчуку:

«Мы ошиблись... Сего не искупишь никаким покаанием. Это я хотел сказать тебе. Раз. Теперь – два.

Мы не понимали свободы. Мы раздавили ее. И Маркс не оценил ее: она основа, смысл, базис над базисом... Вот два, и слушай – три... коммунисты создали кумира, погоны надели, мундиры, исповедуют национализм... надо будет дойдут до черносотенства...»

Обе эти беседы у Гроссмана неслучайны: они рождены опытом послевоенной сталинской эпохи.

Есть старая легенда о рыцаре, победившем дракона и заразившемся кровью побежденного дракона. Можно ли так простодушно объяснять метаморфозы победившей в России революции и революционеров? А эту злополучную эволюцию-метаморфозу еще со времен Великой французской революции стали понимать так: революцию готовят мечтатели, реализуют фанатики, а плодами ее воспользуются обязательно мерзавцы...

Но если говорить о заражении кровью дракона, то есть согласиться с такой метафорой, то все это проще всего проследить на хорошо нам всем известном антисемитизме. Он всегда жил, иногда, как в 20-е годы у нас, только тлел, так как в первое время после революции за слово «жид» можно было угодить в тюрьму. Мой отец рассказывал такой анекдот тех лет. Один спрашивает у знакомого: «Что ты тут делаешь?» – «Подевреиваю трамвай...» Ведь в слове «поджидаю» есть это дивное сочетание «жид»...

Советская идеология, надо помнить, не только нечто насаждала, но и шла навстречу жизни. Если в оккупации были открыты церкви, то великая атеистическая страна, конечно, без восторга соглашалась с этим. Большая часть европейской территории СССР была в гитлеровской оккупации и хорошо окунулась в антисемитизм нацистский. И, опять-таки советская идеология не только не стала мешать этим настроениям, но еще и помогала... Конечно, все было куда сложнее. И все это мучило Гроссмана.

Позволю себе сделать маленькое отступление о чтении и особенно о перечитывании – иначе как объяснить мой выбор той или иной сюжетной линии у Гроссмана в «Жизни и судьбе». Иногда я по-старинному перечитываю книги. Вы никогда не перечитывали «Анну Каренину» только по одной линии – положим, по линии Константина Левина? Кто хочет хоть немного приблизиться к пониманию самого Льва Толстого, вынужден всматриваться в этого очень автобиографического Константина Левина. Вот и с перечитыванием «Жизни и судьбы» Гроссмана у меня нечто похожее. Сколько раз перечитывал эту вещь писателя после 1988 года, после первой у нас публикации в журнале «Октябрь»... Но если хочу взглядеться, вчувствоваться в характер Гроссмана, в его жизнь и судьбу, то обязательно читаю-перечитываю одну только линию – линию ученого-физика Штрума. Обе эти фамилии говорящие. Гроссман переводится с языка идиш, как «большой человек», а Штрум – это «поток».

Сквозной мотив романа «Жизнь и судьба» – и не только для одного Штрума – это Госстрах. Это жут-

кое слово у Гроссмана и понимает он его по-своему, наполняет своим смыслом. Такое понимание родилось у писателя из осознания сталинского режима как государственного страха для людей. Правда, как мы помним из биографии писателя, этот Госстрах настиг Гроссмана уже после сталинской эпохи – среди «оттепели» в 1961 году. Наваливался на Гроссмана Госстрах и раньше, в послевоенные годы, когда была организована травля романа «За правое дело». Но, понятно. Самый страшный Госстрах связан с его главным творением – романом «Жизнь и судьба».

Идет, продолжается Сталинградская битва с фашизмом. А в это время травят знаменитого ученого Штрума как идеалиста. Но Штрум не вообще физик-теоретик, а физик-атомщик. И вдруг посреди травли раздается звонок Сталина к Штруму. Он поддержал его не потому, что так уж любит еврея Штрума, а потому, что остро потребовались его, Штрума, исследования. И все участники травли, после звонка, Сталина, как по команде, возлюбили Штрума. А еще когда длились те гонения, в беседе Штрума с академиком Чепьжиным всплывают знаменитые слова Андрея Платонова о таких гнусных кампаниях травли: «совокупление слепых в крапиве»... Не Штрум с Чепьжиным вспомнили эти едкие слова, а Гроссман им как бы их подарил – слова его друга Андрея Платонова.

До войны Штрум никогда не задумывался над тем, что он еврей. И вот он посреди войны заполняет анкету.

«Ночью, когда жена и дочь легли спать, Штрум взялся заполнять анкету. Почти все вопросы в анкете были те же, что и до войны. И потому, что они были прежними, они казались Виктору Павловичу странными, как-то по-новому тревожили его.

Государство было взволновано не тем, достаточен ли математический аппарат, которым Штрум пользовался в своей работе... Государственная тревога было серьезна и хмура. Штрум, просмотрев анкету, сам заразился неуверенностью в своей надежности и подлинности.

1. Фамилия, имя отчество... Кто он, человек, вписывающий в анкетный лист в ночной час: Штрум, Виктор Павлович? ... помнится, в бумагах отца стояло имя Пинхус, а не Павел. Почему я Виктор Павлович?..»

Герцен и еврей

Александр Иванович Герцен занимает большое место в моих чтениях-перечитываниях: особенно это касается огромной четырехтомной книги "Былое и думы", писавшейся долго, более пятнадцати лет, с 1852 по 1868, Эта книга считается мемуарами. В ней не только история этого великого человека и писателя, но и история России двадцатых-сороковых годов России и конца сороковых-шестидесятых годов Западной Европы.

Пропустим второй, третий и четвертый пункты анкеты и остановимся на незабываемом пятом пункте.

«5. Национальность... Вот пятый пункт. Такой простой, не значащий в довоенное время и какой-то чуть-чуть особенный сейчас.

Штрум, нажимая на перо, решительными буквами написал: «еврей». Он не знал, что будет вскоре значить для сотен тысяч людей ответить на пятый вопрос анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский татарин, еврей...

Он не знал, что год от года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безысходность, кровь будут перебираться, переключиваться в него из соседнего шестого пункта «социальное происхождение», что через несколько лет многие люди станут заполнять пятый пункт анкеты с чувством рока, с которым в прошлые десятилетия отвечали на соседний шестой вопрос дети казачьих офицеров, дворян и фабрикантов, сыновья священников.

Но он уже ощущал и предчувствовал стужение силовых линий вокруг пятого вопроса анкеты. Накануне вечером ему позвонил по телефону Ландесман, и Штрум ему сказал, что ничего не получается с его оформлением. «Я так и предполагал», – сказал Ландесман злым, упрекающим Штрума голосом. «У вас беспорядок в анкете?» – спросил Штрум. Ландесман фыркнул в трубку и сказал: «Беспорядок выражен в фамилии».

А двумя страницами ниже ироничный Гроссман пишет про ироничного Штрума:

«Безысходное чувство виновности, нечистоты охватило Штрума. Он вспомнил про кающегося партийца, сказавшего на собрании: «Товарищи, я не наш человек»...

Все эти мучительные мысли не просто написал Гроссман, а, как мы догадываемся, много страдал, много думал обо всем этом и только потом выдал эти мысли за раздумья весьма думающего Штрума.

Что ж, о многом важном и очень серьезном я не только не рассказал, но даже не упомянул. Поэтому и будем считать, что мы еще на подступах к роману Гроссмана «Жизнь и судьба»...

Название этих заметок чересчур объемное, тогда как речь пойдет всего только о двух эпизодах в жизни Герцена.

Немного о самом Герцене. Его родители – богатый помещик И. А. Яковлев и мать Луиза Гаг из немецкого города Штутгарта. Их брак не был оформлен. Отец придумал ему фамилию от немецкого слова Herz. Вокруг Герцена и его друга поэта Николая Огарева образовалась группа молодежи, увлекавшейся соци-

алистическими идеями. Это были студенческие годы в Московском университете. Вскоре после окончания университета всю эту группу арестовали и сослали в разные места, весьма отдаленные.

Герцена поначалу сослали в Пермь, но там оказалось много сосланных поляков, и тогда Герцена перевели в Вятку. А по дороге из Перми в Вятку вот что произошло. Надо помнить, что ехал Герцен, конечно, в сопровождении пермского жандарма. Были сильные дожди. Герцен в какой-то деревне хотел обсушиться. Дальше – повествование Герцена:

"Пока я думал, ехать или не ехать, взошел солдат и отрапортовал мне, что этапный офицер прислал меня звать на чашку чая.

– С большим удовольствием, где твой офицер?

– Возле, в избе, ваше благородием – и солдат выделал известное па налево кру – – гом.

Я пошел вслед за ним.

Пожилых лет, небольшой ростом офицер, с лицом, выражавшим много перенесенных забот, мелких нужд, страха перед начальством, встретил меня со всем радушием мертвящей скуки. Это был один из тех недалгих, добродушных служак, тянувший лет двадцать пять свою лямку и затянувшийся, без рассуждений, без повышений, в том роде, как служат старые лошади, полагая, вероятно, что так и надо было на рассвете надеть хомут и что-нибудь тащить.

– Кого и куда вы ведете?

– И не спрашивайте, индо сердце надрывается; ну, да про то знают першие, наше дело исполнять приказания, не мы в ответе; а по-человеческому некрасиво.

– Да в чем дело-то?

– Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятителетнего возраста. Во флот, что ли, набирают – не знаю. Сначала было их велели гнать в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань. Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал, говорил: "Беда да и только, треть осталась на дороге" (и офицер показал пальцем на землю). Половина не дойдет до назначения, – прибавил он.

– Повальные болезни, что ли? – спросил я, потрясенный до внутренности.

– Нет, не то, чтоб повальные, а так, мрут, как мухи: жиденок, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная, не привык часов десять месить грязь, да есть сухари – опять чужие люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну, покашляет, покашляет да и в Могилев. И скажите, сделайте милость, что это им далось, что можно с ребятишками делать?

Я молчал.

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но

малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами – показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу.

И притом заметьте, что их вел добряк-офицер, которому явно было жаль детей. Ну, а если б попался военно-политический эконом?

Я взял офицера за руку и, сказав: "поберегите их", бросился в коляску; мне хотелось рыдать, я чувствовал, что не удержусь...

Какие чудовищные преступления схоронены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая! Мы к ним привыкли, они делались обыденно, делались как ни в чем не бывало, никем не замеченные, потерянные за страшной далью, беззвучно заморенные в немых канцелярских омутах или задержанные полицейской цензурой".

Герцен рассказал в этом месте "Былого и дум" о еврейских мальчика-кантионистах. Это варварство процветало с двадцатых годов девятнадцатого века на протяжении всего царствования Николая I. Да, хватали десятилетних мальчиков. Лет десять, до совершеннолетия, они были кантонистами, а затем наступал огромный срок солдатчины – двадцать пять бесконечных лет. Если и оставался жив среди войн и палочной дисциплины, то возвращался домой на пороге старости. И был ли кто-либо живой из его близких?..

Предки моего отца, жившие в Литве, тоже должны были попасть в кантонисты, но их спасло переселение в недавно завоеванные земли в Причерноморье; превратили в крестьян и обещали не брать мальчиков в кантонисты. Самое интересное, что в те далекие времена еврей в Российской империи не мог быть земледельцем. Но и тогда действовали по правилу: закон что дышло, куда повернула туда и вышло...

Да, а почему так поздно – в начале девятнадцатого столетия – додумались превращать еврейских мальчиков в кантонисты? Да потому, что огромное количество евреев, наверное, более миллиона появилось в России в самом конце восемнадцатого века, после трех разделов Польни между Пруссией, Австрией и Россией. Если заговорил о разделах Польши, то хочу напомнить и четвертый раздел этой бедственной Польши между Гитлером и Сталиным незадолго перед Великой Отечественной войной. Следы этого раздела мальчиком и подростком я видел. Перед войной Украина была наводнена евреями из Польши. Потом война и эвакуация в Среднюю Азию. Там мы опять увидели польских евреев. Наш сосед портной Мордхе

рассказал, что им не дали стать беженцами на Украине, а посадили в теплушки и целые составы отправили под Архангельск и высадили среди лесов прямо в снег и объявили, как выразился Мордхе:

– Ви здесь навшегда!..

Они работали на лесоповале. Многие и остались в той северной земле "навшегда".

Когда уже шла война, союзники, правительства США и Англии начало давить на Сталина: нельзя, мол, беженцев отправлять на север, на лесоповал. А куда им податься, когда идет война. Так польские евреи попали в Среднюю Азию. Бабушка моя заметила, что я дружу с еврейскими мальчиками из Польши. Но мне трудно с ними говорить, так как по-русски они знали только несколько матерных слов... И моя мудрая бабушка Башева стала со мной говорить на идиш, и мне стало легче общаться с мальчишками из Польши.

Потом мы заметили, что старшие братья моих приятелей засели за парты и стали изучать английский язык – среди польских евреек нашлись и учительницы английского языка. Мы тогда не знали, что так договорились правительства СССР и Англии. Этих парней потом переправили через Иран в Африку, и они участвовали в разгроме гитлеровской армии Роммеля. В 1943 году этот еврейский корпус участвовал в разгроме фашистской Италии...

Я увлекся и, конечно же, отвлекся от второго эпизода из "Былого и дум" Герцена.

Герцен всегда перед началом очередной главы дает краткое – в двух-трех фразах – ее содержание. И вот я читаю перед какой-то главой: "Император Джемс Ротшильд и банкир Николай Романов". Ротшильд, понятно, капиталист, а "банкир Николай Романов" – это же император Николай I. В этой остроумнейшей

и крайне издевательской формуле скрыто интереснейшее событие, как сжатая пружина...

"В декабре 1843 года я узнал, – пишет Герцен, – что доверенность на залог моего имения, посланная из Парижа и засвидетельствованная в посольстве, уничтожена, и что вслед за тем на капитал моей матери наложено запрещение..."

Глупо или притворно было бы в наше время денежного неустройства пренебрегать состоянием. Деньги – независимость, сила, оружие. А оружие никто не бросает во время войны..."

А Герцен стал вести настоящую войну против николаевского самодержавия. Он в ближайшие годы организует в Лондоне русскую независимую типографию и поможет рождению польской лондонской типографии. Он в эти ранние годы эмиграции создаст истинно революционные книги: "Письма из Франции и Италии", "С того берега", "О развитии революционных идей в России". Короче, правительство николаевской России хорошо понимало, кто такой Герцен и попыталось отобрать у него все его имущество. Герцен обратился к Ротшильду, который заявил протест правительству России, которое наложило запрещение на его, Ротшильда, имущество... Я не вхожу в подробности, но хочу напомнить, что в России государственная касса всегда пустовала и всегда надо было занимать, а занимать приходилось через все того же Ротшильда...

Правительству России пришлось весьма вежливо извиниться перед Ротшильдом.

"С тех пор мы были с Ротшильдом в наилучших отношениях; он любил во мне поле сражения, на котором он побил Николая..."

Вот такие две встречи получились у Герцена с евреями.

Еврейский печальник

Это кто еврейский печальник? Илья Эренбург? Да, тот самый Эренбург, который не знал языка идиш и ничему еврейскому никогда не учился, хотя родился очень давно, в 1891 году. Тот самый Илья Эренбург, который с восемнадцати лет долго жил во Франции. И позднее с перерывами подолгу жил во Франции и других местах Европы. В молодости начинал как поэт, а в начале 20-х годов прославился романом «Хулио Хуренито». Весь мир его знал по публицистическим статьям. Был он тонким эстетом и ценителем живописи. Дружил с Пикассо, Модильяни, Марке, Кончаловским и многими-многими другими художниками.

И этот эстет первый понял, что такое фашизм. В середине 30-х годов на небольшом грузовичке ездил в Испании с кинопередвижкой по фронтам борющейся с фашизмом республиканской армии и демонстрировал один только фильм «Чапаев». Бойцы республиканской армии горячо принимали этот замечательный фильм. Эренбург не мог показывать им последние кадры фильма, где Чапаев гибнет, – им, которые должны были идти в бой.

Самыми главными годами Ильи Эренбурга стало время Великой Отечественной войны. Более полутора тысяч (!) статей и памфлетов написано им за четы-

ре года войны. Почти каждый день они появлялись в газетах. Тогда я старался раньше отца прочитать Эренбурга. А было мне лет двенадцать. Писатель гордился, что в партизанских отрядах отдавали такой приказ: газеты можно пускать на раскурку, кроме статей Эренбурга...

А сам Эренбург в то время по ночам с удовольствием слушал, как по радио беспомощно гитлеровская пропагандистская машина пыталась бороться с пламенным антифашистским словом писателя.

Эти строки были написаны в победном 1945 году:

*Умру – вы вспомните газетный шорох,
Ужасный год, который всем нам дорог...*

А в эти ужасные годы войны Эренбург вместе с Василием Гроссманом составили «Черную книгу» – первую книгу о Холокосте, но посреди сталинского режима ее невозможно было опубликовать.

Первая половина 60-х годов прошла для меня под знаком огромной мемуарной книги Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», печатавшейся по частям в незабываемом журнале Твардовского «Новый мир». Я, понятно, пристрастный человек, очень пристрастный читатель. Но не один я так нетерпеливо ждал очередную часть мемуаров Эренбурга. Мне рассказывала московская поэтесса Нина Бялосинская, как они, московские литераторы, кто хоть кого-нибудь знал в редакции «Нового мира», бегали в журнал, чтобы в гранках прочитать воспоминания Эренбурга о Пастернаке, которого еще совсем недавно травили и уничтожали. Не верили, что страницы о Пастернаке будут напечатаны.

И всё это долгие годы и десятилетия заслоняло от многих из нас Эренбурга-поэта. А публицистика, даже самая талантливая, очень быстро стареет. И вот уже более тридцати пяти лет нет Ильи Григорьевича, и мы понемногу стали понимать, какой это, помимо всего прочего, был поэт.

Вот его очень раннее, очень давнее стихотворение:

*Евреям, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавижда вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.*

*Во мне рождает изумленье
И ваша стойкость и терпенье,
И необычная судьба,
Судьба скитальца и раба.*

*Отравлен я еврейской кровью,
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,*

*И в час унылый, в час скорбей,
Я чувствую, что я еврей!*

Это очень искреннее, но не сильное стихотворение юного поэта. А впереди были три страшные войны в жизни Ильи Эренбурга: Первая мировая, когда он был корреспондентом одной российской газеты на франко-германском фронте и уже упоминаемые мной война в Испании и Великая Отечественная.

*Дай оглянуться – там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!..*

Эти строки не только о войне, не только о разведке

боем, но и о судьбе человека, о судьбе его поколения.

А фашизм шел по планете. Эренбург, корреспондент газеты «Известия», был в Париже, когда туда вошли гитлеровские войска. Он возвращался в Москву через оккупированную гитлеровцами Западную Европу, через саму Германию. Через фашистскую Германию? Да. Не забудем, что уже был заключен союз с Германией в 1939 году, так называемый пакт Молотова-Риббентропа. И остряки называли новоявленных союзников заклятыми друзьями...

Где-то на улице оккупированного гитлеровцами Парижа, увидев в шедшем Эренбурге немолодого еврея, эсэсовский офицер толкнул его. Илья Григорьевич достал красный советский паспорт – и офицер вынужден был вежливо извиниться. Это, наверное, единственный факт положительного действия кратковременного союза СССР с гитлеровской Германией.

В январе 1941 года, за полгода до Великой Отечественной Эренбург написал, наверное, самое лучшее и самое страшное свое стихотворение:

*Бродят Рахели, Хаимы, Лиш,
Как прокаженные, полуживые,
Камни их травят, слепы и глухи,
Бродят, разувшись пред смертью, старухи,
Бродят младенцы, разбужены ночью,
Гонит их сон, земля их не хочет.
Горе, открылась старая рана,
Мать мою звали по имени – Хана.*

Об этом же Эренбург напишет и посреди войны, в 1943 году.

*Запомни этот ров. Ты всё узнал:
И города сожженного оскал,
И черный рот убитого младенца,
И ржавое от крови полотенце.
Молчи – словами не смягчить беды.
Ты хочешь пить, но не ищи воды.
Тебе даны не воск, не мрамор. Помни –
Ты в мире всех бродяг бездомней.
Не обольстись цветком: и он в крови.
Ты видел всё. Запомни и живи.*

А это стихотворение написано в 1944 году.

*В это гетто люди не придут.
Люди были где-то. Ямы тут.
Где-то и теперь несутся дни.
Ты не жди ответа – мы одни,
Потому что у тебя беда,
Потому что на тебе звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.*

Есть страницы в книге Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», которые я никогда не забуду. Это

Эренбург мне рассказал об обращении поэта Юлиана Тувима, которое он написал в 1944 году. У Эренбурга я впервые прочитал эти потрясающие душу слова:

«Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая – это сок тела, ее исследование – дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-то свойства, помимо физиологических, тот, как мы видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей... Другая кровь – это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не «еврейская кровь») течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку... Мы, Шлоймы, Срули, Мокши, пархатые, чесночные, мы, со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев. Мы в катакомбах и бункерах Варшавы, в зловонных трубах канализации давили наших соседей – крыс. Мы, с ружьями на баррикадах, мы, под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. «Арончик, ты же не на фронте?» Он был на фронте, милостивые паны...»

И Эренбург говорит: «Эти слова, написанные кровью, «той, что течет из жил», переписывали тысячи людей. Я прочитал их в 1944 году и долго не мог ни с кем говорить: слова Тувима были той клятвой и тем проклятием, которые жили у многих в сердце».

В том обращении Юлиан Тувим первый сказал, что «антисемитизм – международный язык фашизма».

А все это я вспомнил и написал потому, что меня взволновало стихотворение Бориса Слуцкого, которое приводит в своих воспоминаниях Бенедикт Сарнов в 12 номере журнала «Лехаим» за 2003 год. Вот это стихотворение:

*Было много жалости и горечи.
Это не поднимет, не разбудит.
Скучно будет без Ильи Григорьича.
Тихо будет.*

*Необычно расшумелись похороны:
давка, драка.
Это всё прошло, а прахам поровну
выдается тишины и мрака.*

Михаил Светлов

17 июня этого 2003 года исполняется сто лет со дня рождения замечательного поэта и мудрого человека Михаила Светлова. Светлов – это псевдоним поэта, а фамилия его – Шейнкман.

Есть великие поэты, есть более крупные поэты, чем Михаил Светлов, но более доброго, более по-че-

*Как народ, рвалась интеллигенция.
Старики, как молодые,
Выстояли очередь на Герцена.
мимо гроба тихо проходили.*

*Эту свалку, эти дебри
Выиграл, конечно, он вчистую.
Усмехнулся, если поглядел бы
ту толпу горячую, густую.
Эти искаженные отчаяньем
старые и молодые лица,
что пришли к еврейскому печальнику,
справедливицу и нетерпеливицу,*

*что пришли к писателю прошений
за униженных и оскорбленных.
Так он, лежа в саванах, в пеленах,
Выиграл последнее сраженьё.*

Очень трудно писать о самом страшном в жизни Ильи Эренбурга – о том, что он много знал и много понимал и при этом вынужден был держать душу зажатой. Эта драма, эта трагедия еще ждет своего неторопливого и подробного летописца. Если всё это не забывать, если всё это хорошо помнить, то вот эти стихи Эренбурга становятся понятными:

*Додумать не дай, оборви, молю, этот голос,
Чтоб память распалась, чтоб та тоска раскололась,
Чтоб люди шутили, чтоб больше шуток и шума,
Чтоб, вспомнив, вскочить, себя оборвать, не додумать,
Чтоб жить без просыпу, как пьяный, залпом и на пол,
Чтоб тикали ночью часы, чтоб кран этот капал,
Чтоб капля за каплей, чтоб цифры, рифмы, чтоб что-то,
Какая-то видимость точной, срочной работы,
Чтоб выстоять смерть, чтоб штыком – под бомбы,
под пули,
Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость,
Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось.*

Вот такая судьба была у этого еврейского печальника – у Ильи Григорьевича Эренбурга.

ловчески доброго, я не встречал. Он поражает читателя не сложностью стиха, а тем, что сразу, без предисловий устанавливает отношения с читателем, при этом не заигрывает с ним, не льстит ему.

*Указанье пришло на заре,
Чтоб без премий, без всякого жалованья*

*Сделать всю детвору во дворе
Капитанами дальнего плаванья,
Некрасивого сделать красивым
И несчастного – самым счастливым.*

*Кто шумит за чужими дверьми?
Почему вдруг заплакали дети?
Беспокоиться вместе с людьми –
Нет профессии лучше на свете!
Может быть, я сочувствую слишком?
Разве можно мне быть ни при чем,
Если рядом безногий мальчишка
Загрустил над футбольным мячом?..*

*Указанье является днем –
Побеждать не мечом и огнем,
Только словом, стихом и теплом.*

И заканчивается это довольно большое стихотворенье так:

*Но ребята в предутренний час
Вновь со мною поделаются планами:
«Дядя Миша! Ты сделаешь нас
Хоть какими-нибудь капитанами?»*

За Светловым буквально ходили с блокнотами и записывали его словечки и шутки, а то и горькие истины с примесью печального юмора. И теперь многие воспоминания о поэте – это по сути дела те самые записи, и их следует помещать среди сочинений Светлова. А литературоведы и критики писали о каком-то особом юморе Михаила Светлова. Юмор, бесспорно, особый, но в советские годы невозможно было просто сказать, что корни этого юмора восходят к еврейской смеховой культуре. Юмор Светлова очень близкий родственник юмора Шолом-Алейхема и Бабея. Похожий встречаем у Ильфа и Петрова, у Паустовского, у Аркадия Райкина и Михаила Жванецкого...

В молодости Михаил Светлов писал:

*К моему смешному языку
Ты не будь жестокой и придирчивой, –
Я ведь не профессор МГУ,
А всего лишь
Скромный сын Бердичева.
.....
Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего,
Я бы упражнялся в падежах
Целый день –
С утра до вечера.
Грамматика кипела бы ключом!
– Кого – чего...
– Кому – чему...
– О ком – о чем...
Вот ты думаешь, что я чудак:
Был серьезен,*

*А кончаю шуткой.
Что поделать!
Все евреи так –
Не сидят на месте
Ни минутки...*

Сейчас уместно вспомнить два эпизода из биографии Михаила Светлова. Его мама славилась на весь Екатеринослав (после революции – Днепропетровск) жареными семечками. Отец однажды принес целый мешок разрозненных томов русских классиков. Гимназист Миша Светлов добился, что классики пойдут на кульки для семечек после того, как он их, классиков, прочитает... В другой еще более ранней автобиографии Светлов рассказывает, что его отец и еще несколько стариков вскладчину покупали пуд груш и продавали пофунтно. Разница, пишет Светлов, между расходами и доходами шла на его ученье... Мы остаемся с вами все в той же стихии народного еврейского смеха.

А какое счастливое начало было у Михаила Светлова! Какие были радостные мечты и утопии в середине 20-х годов прошлого века не только у поэта, но и у всего его поколения – провозвестников новой эры человечества. Михаил Светлов был сынов своего времени. А в 20-е годы мечты и утопии представлялись вполне реальными. Поэту виделся тогда вечный мир межнациональный. Как хотелось верить, что угнетение каких-то народов уже канули в вечность. Вот четверостишие, очень характерное для тех романтических лет:

*Черный пес впереди бежит,
Поднял голову, смотрит гордо,
Назови его только «жид» –
Он тебе перекусит горло...*

Мы читаем и перечитываем многие замечательные стихотворения Михаила Светлова, – и при этом читаем сегодняшними глазами, а сами стихи говорят нам о своем времени. Вот несколько строк из знаменитой «Гренады»:

*Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...*

Это ведь не просто кому-то помочь и сделать доброе дело. Здесь подразумевается всемирная революция, победа ее во всем мире. И главная драма жизни Михаила Светлова состояла в том, что он оставался романтиком на протяжении всех десятилетий страшного сталинского режима. Таким его воспринимали и читатели.

Мне рассказывал известный петрозаводский поэт Владимир Морозов.

– Я сразу после школы очутился в Москве, в знаменитом Литературном институте. Кто-то подвел меня к Михаилу Светлову. Он мне показался маленьким и в каком-то жеваном пиджачке. Я с непосредственностью 18-ти лет брякнул ему:

– Михаил Аркадьевич, я вас представлял рубаккой гражданской войны. Руки – во! Плечи – во!..

– Что ты, старик, – усмехнулся Светлов, – плечи уже давно сданы в ломбард...

И в поздние годы свои – в 50-е и 60-е – Михаил Светлов оставался самым собой. Этот особый его добрый юмор излучают и стихи, современниками которых стали мы с вами. Вот несколько строк из стихотворения «Разговор с девочкой»:

*Тянется собрание, делятся пренья...
И когда оратор говорит,
Я вижу – на краю стихотворенья
Заплаканная девочка стоит.
Что ты плачешь при советской власти?
Нет капитализма и следа...*

Между прочим, до капитализма мы с божьей помощью как-то добрались... Но лучше давайте вслушаемся в эту неподражаемую светловскую интонацию вопроса: «Что ты плачешь при советской власти?..» Еще почти такая же интонация в конце стихотворения «Долить»:

*Что нам дождь, он ничего не значит,
Он – обыкновенная вода,
Пусть осенние дожди поплачут,
Я заплачу знаете когда?..*

Светлов знал, что у него рак горла. Он говорил: «Рачок есть. Теперь бы пивка к рачку...»

А вот эти строки написаны, кажется, в больнице:

*Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла –
Первая подруга человека.*

*Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приглубил...*

Среди бумаг Светлова нашли такую строку:

Я взял и умер. Чем бы мне заняться?..

Я благодарен судьбе, что у меня на книжной полке стоят дорогие мне томики Михаила Светлова.

Поэт Наум Коржавин

В победном 1945 году двадцатилетний поэт написал такие стихи:

*Мир еврейских местечек...
Ничего не осталось от них,
Будто Веспасиан
здесь прошел
среди пожаров и гула.
Сальных шуток своих
не отпустят беспутный резник,
И, хлеца по коням,
не споет на шоссе балагула
Я к такому привык –
удивить невозможно меня.
Но мой старый отец,
все равно ему выпросить надо,
Как людей умирать
уводили из белого дня
И как плакали дети
и тщетно просили пощады.
Мой ослепший отец,
этот мир ему знаем и мил.
И дрожащей рукой,
потому что глаза слеповаты,
Ощутит он дома,
синагоги
и камни могил, –*

*Мир знакомых картин,
из которого вышел когда-то.
Мир знакомых картин,
уж ничто не вернет ему их.
И пусть немцам дадут
по десятку за каждую пулю,
Сальных шуток своих
все равно не отпустит резник,
И, хлеца по коням,
уж не спеть никогда
балагуле.*

Мир еврейских местечек... Как его описал, как его словно воскресил Наум Коржавин. Он, этот мир, ушел и одновременно как бы не ушел. Вот я слышу, как весьма пожилой еврей говорит-произносит «газетта», и мне в этом забавном произношении слышится след все того мира местечек. А на Украине еще бывают экспедиции научные по этим бывшим местечкам, собирают и фотографируют оставшиеся следы их.

Коржавин – это литературный псевдоним Наума Моисеевича Манделя, которому 14 октября исполнилось восемьдесят лет. Родился в Киеве, детство и ранняя юность прошли там же, потом, во время войны, эвакуация. Воевать не пришлось, – так как у него очень сильная близорукость. Работал в войну, а потом – Литературный институт. Обо всем этом и о

многом другом Наум Коржавин описал в большой автобиографической прозе «В соблазнах кровавой эпохи». Главное для меня в Науме Коржавине человеке и поэте – это искренность. Она стала сутью и содержанием его поэзии. А житейски она, искренность, и губила его и, как ни странно, спасала.

Первые послевоенные годы. Наум Мандель, еще не Коржавин. Все, кто его знал, звали и до сих пор зовут Эмкой. И всем он читал стихи, не задумываясь, кто на что способен... Устное предание сохранило такие строки:

*А там, в Кремле, в темнице мрака,
Хотел понять двадцатый век
Не понимавший Пастернака
Сухой и жесткий человек...*

На самом деле стихи у Коржавина несколько более сдержанные:

*Там, но открытый всем, однако,
Встал воплотивший трезвый век
Суровый жесткий человек,
Не понимавший Пастернака.*

Понятно, для НКВД было вполне достаточно и этого «мягкого» – варианта. И вот под утро в одну из ночей 1947 года пришли гэбэшники арестовывать Эмку Манделя. Он, одеваясь, стал им говорить, что только начал понимать Маркса и марксизм. Им эти слова были совсем ни к чему. Но эта тотальная искренность подействовала даже на выдавших виды следователей Лубянки, хотя, казалось, их ничем нельзя было удивить. Его, физически беспомощного, каторжный ГУЛАГ, конечно бы, погубил. Его сослали в Сибирь, позднее в Караганду. Все вместе заняло восемь лет. И вернулся в Москву ближе к «оттепельным» годам и остался самим собой. Лазарь Лазарев в своих воспоминаниях пишет, что Наума Коржавина предупредили, что в каком-то кафе, куда они шли компанией, хорошо все прослушивается. Он обиделся: «Что я ребенок?» Но когда за столиком зашла речь о тридцатых годах и кто-то спросил про Кирова, то Эмка прогудел: «В этой банде Киров был еще приличным человеком...» И все покатываются от хохота.

Да, Наум Коржавин всегда оставался и остается Эмкой Манделем. И, как и многих его выжали за границу, лет тридцать тому назад вынудили уехать в эмиграцию. Как выжали Виктора Некрасова, Фридриха Горинштейна, Владимира Войновича... Можно назвать много замечательных имен.

В те годы Наум Коржавин написал большое стихотворение «Письмо в Москву», где есть такими строки:

*Там, близ дракона – не легко.
И здесь – не просто.*

*Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.*

*Здесь вместо мыслей – пустяки.
И тот – как этот.
Здесь даже чувствовать стихи –
Есть точный метод...*

*И никуда я не ушел.
Вино – в стаканы.
Мы – за столом!.. Хоть стал наш стол –
В ширь океана.*

*Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу взглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.*

*Все тот же пир... И пусть темно
В душе, как в склепе,
«We will be happy...» Все равно –
«We will be happy!»*

*Да, все равно... Пусть меркнет мысль,
Пусть гложут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы с ней вместе.*

*Ползет на плаху к палачу,
Трубя: «Дорогу!»...
«We will be happy!» – я кричу
Сквозь безнадегу.*

Да, он кричит по-английски «Мы будем счастливы!», но все равно стихотворение довольно мрачное, ибо это еще 1977 год. Ведь не было надежды когда-то увидеть снова Москву, друзей, читателей. Но перестройка, по крайней мере, сделала возможным для Наума Коржавина часто, очень часто приезжать. Да, из своей «глуши», из Бостона.

И он с головой окунулся в родную ему боль, и маету, и всяческое неустройство. Обо всем этом в форме монолога Коржавина написал стихи замечательный ученый и поэт Дмитрий Сухарев:

*– Находясь на середине
Взбушевавшей реки,
На качающейся льдине
Не толкайтесь, мужики.*

*Так сказал старик Коровин
Ожиданьям вопреки.*

*– Не уважить всех амбиций,
Слишком родина нища.
Нам поврозь теперь – убиться,
Нам спастись – сообща.*

*Так сказал старик Коржавин
Эмфиземою свища.*

*Тост за почвенников п`однял,
За Коротича подн`ял,
Юру Бондарева `обнял,
А Корякина – обн`ял.*

*Целовал Коржавин с толком
Весь разбойный ЦДЛ,
И никто, представьте, волком
На пришельца не глядел.*

*Потому что тем и этим –
И кому Коржавин светел,
И кому пархатый жид –
Всем не сладко жить на свете,
Всем спастись надлежит.*

Это мудрое стихотворение требует кое-каких пояснений. Ну, ЦДЛ – это Центральный дом литераторов, где в перестроечное время было немало шовинистических эксцессов. А почему здесь упомянут и Бондарев, когда-то один из авторов так называемой лейтенантской прозы о войне, а теперь оказался среди этих самых шовинистов. И замечательный критик Игорь Дедков тогда, в перестроечные первые годы написал о Бондареве не статью, не фельетон, а полный гнева и возмущения памфлет. Но Коржавин верен дружбе далеких 50-х годов, когда, Бондарев входил в круг литераторов и сотрудников «Литературки», лучших ее лет...

Да, искренность Наума Коржавина и в жизни и в поэзии и в литературной критике уникальна, ни на кого не похожа. Вот строки его сравнительно поздних стихов:

*То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.*

«Эта яма...»

В этом январе исполнилось 120 со дня рождения Осипа Мандельштама. Хоть и с опозданием, но немало вспомню о поэте и о его судьбе. Впрочем, о таких больших поэтах как Мандельштам, можно писать, не оглядываясь на юбилейные даты. Вот уже больше семидесяти лет прошло, как погиб в ГУЛаге где-то под Владивостоком поэт и был похоронен в общей яме.

Как представить живого Мандельштама? Ну так, как мы представляем Пушкина или Пастернака. Я почти ничего не буду рассказывать, не буду прибегать к воспоминаниям, которых уже довольно много, среди них такие книги, как Надежны Мандельштам. Я только ПРОЧИТАЮ стихотворение Арсения Тарковского «Поэт».

Есть и другие две строки у Наума Коржавина:

*Где медленно я подыхаю
В прекрасном своем далеке...*

Но жив поэт. И память его, память о прошлом жива, о кровавой эпохе.

*Ах ты жизнь моя – морок и месиво.
След кровавый – круги по воде.
Как мы жили! – Как прыгали весело –
Карасями на сковороде.*

*Из огня – в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных – и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.*

Стих Наума Коржавина, как и стих Бориса Слуцкого, поражает не гармоничностью, не особой музыкальностью, хотя все это, по-своему, есть в нем. На самом же деле поражает стих Коржавина этакой угловатой грацией, жесткой, неуступчивой, неуспокаивающей правдой и совестью.

*Бог за измену отнял душу.
Глаза покрылись мутным льдом.
В живых осталась только туша
И вот – нависла над листом.*

*Торчит всей тяжестью огромной,
Свою понять пытаюсь тьму.
И что-то помнит... Что-то помнит...
А что – не вспомнит... Ни к чему.*

Тяжелые воспоминания и раздумья, и высочайшая совесть продиктовали и эти строки.

Эпиграфом Тарковский взял знаменитую пушкинскую строку, так точно говорящую про мандельштамовскую судьбу «Жил на свете рыцарь бедный...»

*Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт.
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.*

*Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть...
Было нищее величье
И задержанная честь.*

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как съяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из нике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся.
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам спую по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

Когда перечитываю вот эти строки из стихотворения его, написанного восемнадцатилетним юношей:

За радость тихую давать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?..

– то ясно, конечно, что Осип Манделъштам и не подозревал, какая его ожидает судьба.

Его ранние стихи, составившие первую книгу «Камень», мне представляются прозрачными, ясными. На рубеже двадцатых годов и в первой половине 20-х для Манделъштама наступает новая полоса. К этому времени он уже многое перенес: его арестовывали и белые, и красные. Но биография словно не входит в стихи первой половины 20-х годов. Эти стихи едва понимаешь, они – сплошная музыка. И не стыдно признаться, что их не столько понимаешь, сколько в

них вслушиваешься, как в музыку. Мотивы перетекают из стихотворения в стихотворение, поэтому сборники поэта всегда будут составляться в том порядке, какой установил поэт.

С середины 20-х годов поэзия прекратится, наступит недолгая пора прозы, в которой мы услышим и время, и биографию Манделъштама.

30-е года начнутся после поездки в Армению. Это поздний Манделъштам. Он и тот же и совершенно другой, ибо невероятно более прозрачный, более, что ли, рационально ясный, разумно можно его поэзию как-то «формулировать»... И самое страшное – в 30-е годы он вышел на свою смертельную прямую...

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера...

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет яру гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Это еще декабрь 1930 года, а ужас уже 1937-го «Шевеля кандалами цепочек дверных»...

И дальше – словно дневник. То был декабрь, а это январь уже 1931-го.

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин,

Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь примус туго накачай,

А не то веревок собери –
Завязать корзину до зари,

Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

А это 2 марта 1931-го:

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли...
Все равно...

А мне здесь слышится: «Ой-вей...» древнее еврейское «О, горе». Это, понятно, мои фантазии, ибо Осип Манделъштам ни идиша, ни древнееврейского не знал, но, может быть, генетически в нем все это как-то жило... Ведь есть у него строка: «Да, я лежу в земле...» А это же известное идишское «Их лиг ин дрэрд»,

как говорил мой отец. Я уж не говорю о потрясающем стихотворении «Жил Александр Герцович...», которое так заканчивается:

*Всё, Александр Герцович,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцович,
Чего там? Все равно...*

А почему я привел только последнюю строфу этого стихотворения? Ведь оно единственное у Мандельштама с такой открытой и сознательной еврейской интонацией,

*Жил Александр Герцович,
Еврейский музыкант, –
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.*

*И власть, с утра до вечера,
Заученную вхруст
Одну сонату вечную
Играл он наизусть...*

*Что, Александр Герцович,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич
Чего там?.. Все равно...*

*Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит.*

*Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
А там – вороньей шубою
На вешалке висеть...*

*Всё, Александр Герцович,
Заверчено давно,*

*Брось, Александр Скерцович,
Чего там? Всё равно...*

И оно, это стихотворение, родилось в конце все того же марта 1931-го года.

Я не написал ни про «век-волкодав», ни про антисталинские строки, но хочу проследить, хоть отрывочно, за нарастанием в 30-ые годы чувства ужаса в стихах Мандельштама. В апреле того же 1931-го он пишет: «Нет, не спрятаться мне от великой муры...», а в мае – «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья...»

«Куда мне деться в этом январе?..» – это уже начало страшного 1937 года. И тогда же: «Я глубоко ушел в немеющее время...»

И даже когда Мандельштам хочет в 1935 году написать шутовское стихотворение, то получается и жутко, и страшно, и пророчески точно.

*Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова –
Как ее не вывертывай,
Криво звучит, а да прямо.*

*Мало в нем было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма,
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама...*

А закончить эти далеко не веселые заметки хочу последними строками из «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама:

*Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году...*

Слово о поэте Мойше Тейфе (1904 – 1966)

Мойше Сейф, Моисей Соломонович, Моше... Я его узнал очень поздно, и ни одной его строчки мне не удалось прочитать в оригинале на идиш. Но все сходится во мнении, что большую часть его стихов прекрасно перевела известный современный поэт Юнна Мориц. Это она сказала в одном стихотворении, что «нация – это интонация...» Что ж, в ее переводах мне отчетливо и хорошо слышится эта еврейская интонация Тейфа.

В самой фамилии поэта – Тейф – мне слышится то идишское слово тыф – глубоко, то древнееврейском тов – хорошо, со многими значениями и оттенками. Но это все мои фантазии, так как известно, что короткие еврейские фамилии – это часто аббревиатуры, скрывающие в себе какие-то изречения. Вот бы у Адина Штейнзальца спросить – он бы объяснил... Так, наверно, и с фамилией Тейф, и моей фамилией Гин, и с фамилией замечательного поэта Самуила Маршака, которую образовал в виде аббревиатуры из какого-то опять-таки еврейского изречения его дед раввин.

Но хватит об этом. Нам надо взглянуть в биографию Мойше Тейфа, которому в этом сентябре, 4-го числа, исполнилось бы 80 лет.

У него вполне советская биография. Родился в Минске. Рано начал работать, вступил в комсомол, учился в школе рабочей молодежи, автор и участник еврейской агитбригады. Рано начал печататься. С середины 20-х годов в Москве. Перевел на идиш знаменитую «Гренаду» Михаила Светлова. В 1933 году окончил еврейское отделение литературного факультета 2-го Московского университета. Ведь было, оказывается, и такое... И Тейфу еще повезло, что он успел поучиться на таком отделении, ибо уже в конце 30-х годов все такое учебное еврейское было закрыто вплоть до начальных и средних школ.

В 30-е годы Тейф много писал стихов и прозы, много переводил на идиш: и Ф.Шиллера, и В.Скотта, и Ш. де Костера; перевел и пьесу Бабеля «Закат»...

В 30-е годы вышли его книги стихов и среди них «Лидер ун поэмес» («Стихотворения и поэмы», Минск, 1933), стихотворения для детей.

В 1937 году – первый арест, длившийся до 1941 года. В начале войны ушел добровольцем на фронт. Писал стихи и баллады о Катастрофе (его мать и сын погибли в Минском гетто). После войны сотрудничал в газете «Эйиикайт», которую закрыли в самом начале пятидесятых годов. В 1948 году – второй арест и несколько лет в лагерях Сибири. Освободили после смерти Сталина. В заключении написал «Турме-лидер» («Тюремные стихи»).

В 60-е годы выходили его избранные сочинения на идиш и в переводе на русский язык. Незадолго до смерти, в 1966 году переводил с древнееврейского на идиш «Шир-наширим» («Песни Песней»).

Деятнадцатилетний Мойше Тейф написал стихотворение «Интеллигент» о погроме в Полтаве и о замечательном человеке и писателе Владимире Галактионовиче Короленко.

... – Остановите ваш погром,
Я – Короленко – протестую!

Это стихотворение написано в 1923 году, в год 70-летия Короленко, до которого писатель не дожил. А перевел это стихотворение русский поэт Виктор Боков.

И так на протяжении более сорока лет Тейф нес своими стихами идеи добра и человечности:

И мама, незабвенный ангел детства,
Торопит в небе маленький паром,
Чтоб крикнуть мне:
– Запомни это средство!
Добром и лаской, лаской и добром!

Когда я не уточняю, кто перевел стихи Тейфа, то ясно, что это сделала Юнна Мориц.

В 1964 году, когда Мойше Тейфу исполнилось 60 лет, поэт трудной, прямо-таки трагической судьбы так написал детям, говоря о «седом поэте»:

... Чтоб вам не снилось, дети,
Все то, что было с ним на этом свете!

Поэт видит не только свою судьбу – он видит трагическую историю еврейского народа. Вот стихотворение «Кали ласка...» о вынужденном приходе евреев из Западной и Центральной Европы в Восточную.

Это было в древности когда-то...
Я припомнить время не берусь.
Мой голодный предок бородатый
На мажаре въехал в Беларусь.
Изгнан из державы европейской,
Где евреям быть запрещено,
Прикатил он выводок еврейский
К берегам реки Березино.
И когда подъехала мажара,
Обмерли медведи у реки:
Ай да предок! Пейсы – два пожара,
Лансердак и белые чулки.

...

- Что я слышу? Боже, что я слышу?
- Кали ласка, заходи скорей.
Лошадей своих поставь под крышу
И зови жену и дочерей.
«Кали ласка!» Ласка? Предок плачет:
- Это что? Библейская строка?
- Ах, - сказали сосны, – это значит,
Я, мужик, встречаю мужика!..

У Мойше Тейфа часто встречаются автобиографические мотивы, и всегда они превращаются в этакий сплав своего, родного, национального и общечеловеческого.

*Подбегает девочка,
Спрашивает тихо:
- Что такое зэмэлэх?
Что такое кихэлэх?
Объясняю девочке
Этих слов значение:
Кихэлэх и зэмэлэх –
Вкусное печенье,
И любил когда-то
Есть печенье это
Мальчик мой, сожженный
В гитлеровском гетто...*

Везде, в любом стихотворении Мойше Сейфа, мы хорошо чувствуем его, поэта, душу и мысли человека доброго и мудрого.

*... О, это было очень странно, право, –
Ведь я пишу не слева и направо,
Ведь я пишу |совсем наоборот.
И девочка - глаза как две пироги –
Стояла долго на моем пороге
И думала, что я сошел с ума.
Ведь там, где у меня стояла точка,
У них в диктантах начиналась строчка –
И так велит грамматика сама!..*

Я хотел выбрать несколько отрывков из большого стихотворения Тейфа «Отцовская азбука» Но потом понял, что этого делать нельзя – надо привести все это стихотворение целиком:

*Смотрю в окошко памяти моей:
Суббота юная нисходит с небосвода,
Качает ветер синеву морей
И колыбель уставшего народа.
Спи, каменщик, портной и музыкант!
На облаке послушном, как теленок,
Плывет тарелка – золотистый кант,
А на тарелке – хала и цыпленок.
На улицах ни звука, ни лица.
Пуста скамейка и квадрат крыльца,
Никто не рассуждает у ворот.
Как сладко спит его величество Народ!
И в тысяче других печальных ноток
Я различаю храпа саксофон,
Виолончель простывших носоглоток
И насморка хронического звон.*

*А мимо лавок с урожаем летним,
Где помидоры прямо из огня,
Идет еврей с мальчишкой пятилетним,
Немыслимо похожим на меня.
Он говорит:
– Осел, чего ты плачешь?
Хорош характер у моих детей!
И так за все на свете деньги платишь,
Еще завелся чертов грамотей.
Какой букварь? Чтоб я о нем не слышал!
Ты видишь, сколько вывесок, дикарь?
Не плачь! Ведь я с тобой на рынок вышел,
Чтоб ты увидел собственный букварь.
Пожалуйста, учись по русским буквам,
По вывескам к горячим свежим булкам,
По надписям над плоскими часами.
Но там, где ходит с длинными усами
Процентной нормы неусыпный страж, –
Туда не надо! Там букварь не наш.
Там скучно, очень дорого и тесно...
Ах, Мойшеле, смотри, как интересно:*

*Алэф – А,
Бейс – Б,
Гимл – Г. –*

*Так милая великая Россия,
Сама полугодовалая, растила
Мальчишек из еврейского квартала,
Таинственные надписи читала:
«Хлеб», «Мясо», «Парикмахерская», «Ларь».
Прекрасен и бессмертен мой букварь!
В снегах славянских под кровавой ношей
Соленых полыхающих бинтов
Я трижды умереть, как Шварцман Ошер,
За мой букварь священный был готов.
И в подмосковной огненной долине,
Когда хрустел под танками январь,
Я, как Паперник, был готов на mine
Взорвать себя и защитить букварь.
Меня терзали горе и утрата,
Но за руки вели меня всегда
Два мальчика, два близнеца, два брата
Кудрявый Алэф и курносый А,
Мой первый май и первое двустушиье,
Мой первый сад и первый соловей.
Стучат,
Стучат,
Стучат, как дождь по крыше,
Они в окошко памяти моей,
Целуют щеки, губы и глаза.
Ведь я – цветок, случайно уцелевший,
На той войне случайно не сгоревший.
Я – дома, и живут в моей скворешне
Кудрявый Алэф и курносый А.*

Менделе Мойхер-Сфорим

(20 XII 1836, местечко Копыль
Минской губернии – 6 XII 1917, Одесса)

Менделе Мойхер-Сфорим – это псевдоним; в переводе с древнееврейского Книгоноша; настоящее имя Шолом Абрамович. Менделе Мойхер-Сфорим получил хорошее традиционное еврейское образование. Он был знатоком Библии-Танаха, Талмуда и древнееврейского языка и уже в юности стал преподавателем. И тяжелым этим трудом всю жизнь зарабатывал хлеб свой, ибо литературный труд еврейского писателя такой возможности не давал. Он учительствовал в Бердичеве, Житомире, а с 1881 года – в Одессе, где прожил многие годы и скончался за две недели до того дня, когда ему должно было исполниться 81 год. Перерыв в одесской жизни был небольшой, когда в начале двадцатого века прокатились еврейские погромы. Эти несколько лет Менделе Мойхер-Сфорим жил в Женеве.

В девятнадцатом веке перед каждым еврейским писателем стоял вопрос, на каком языке писать: на древнееврейском, на идиш или на русском. Менделе Мойхер-Сфорим писал на идиш и древнееврейском. Вот как он рассуждал об этой такой непростой проблеме: "... Присматриваюсь к жизни своего народа, намереваюсь изобразить ее в повестях на библейском; языке, но ведь большинство евреев совсем не понимает этого языка, а знает только идиш. К чему все думы и труды писателя, если он не приносит ими пользы своему народу? Вопрос: для кого я тружусь? – беспокоил и смущал меня. Наши писатели смотрели на идиш свысока и с полнейшим презрением... Меня очень смущала мысль, что если я буду писать на "жаргоне", то этим унижу себя; но сознание пользы дела заглушило во мне чувство ложного стыда, и я решил: будь что будет – заступлюсь за отверженный "жаргон" и буду служить своему народу".

Менделе Мойхер-Сфорим был настоящим просветителем и стал писать на языке идиш. Конечно, просветителем. Недаром он и псевдоним себе выбрал просветительский: Менделе-книгоноша.

К началу двадцатого века ситуация начала меняться: в Палестине народ стал говорить на том самом библейском языке (понятно, значительно осовремененном), который теперь называют ивритом. В России тогда великие поэты Бялик и Черниховский писали на этом языке. И в свои поздние годы на земле Менделе Мойхер-Сфорим перевел на древнееврейский язык свои главные идишские книги. Но даже в идишском названии самой известной книги писателя "Путешествие Вениамина Третьего" числительное "третий" дается автором не на идиш, а на древнееврейском.

Пришло время назвать главные книги Менделе Мойхер-Сфорима. Это повести "Дос клейнэ мэнчэлэ" ("Маленький человечек", 1866), "Ды клячэ" ("Кляча", 1872), "Масозэ Биньомин хашлиши" ("Путешествие Вениамина Третьего", 1876 – 1878); – роман "Фишкэ дэр Крумэр" ("Фишка Хромой", 1888) Последняя его вещь на идиш – это большое автобиографическое повествование "Шлоймэ рэб Хаимс" (Шлойме, сын Хаима), завершенное в последний год жизни писателя.

Сначала я трудно входил в мир книг Менделе Мойхер-Сфорим. Ведь для меня всегда главным был мир Шолом-Алейхема. Но когда я причитался особенно к "Путешествию Вениамина Третьего", то открылся мне несколько иной мир, по-своему замечательный и, если можно так сказать, первоначальный, ибо Менделе Мойхер-Сфорим первый классик литературы на идиш. Только теперь я по-настоящему прочувствовал слова Шолом-Алейхема, сказанные про Менделе Мойхер-Сфорима: "Дедушка еврейской литературы"...

Да, я мало начитан в Менделе Мойхер-Сфориме. Но есть один подход, который мне позволит приблизиться к этому замечательному писателю. Еще посреди девятнадцатого века он первый сделал идиш литературным языком и стал на этом, поначалу только разговорном языке, создавать свои книги. Помогут же мне подойти к Менделе Мойхер-Сфориму его прочные связи с русской литературой. И Шолом-Алейхем, бесспорно, связан с русской литературой, особенно с Гоголем, с его смехом сквозь невидимые миру слезы. Только у Шолом-Алейхема еврейский вариант: и слезы и смех слиты воедино и весьма, видимы миру... Впрочем, об этом уже писал Менделе Мойхер-Сфорим. В письме к другу Менаше Марголису, ученому, исследователю Талмуда (а это письмо открывает роман "Фишка Хромой") Менделе Мойхер-Сфорим пишет: "... если он (еврей – И.Г.) иной раз и поет что-нибудь веселое, – издали кажется, что он плачет, заливаясь слезами. (...) Смеется, а на глазах у него слезы".

Есть у Менделе Мойхер-Сфорима ранняя повесть "Кляча". Она, помимо всего прочего, переключается с одной линией в русской литературе. Это заметил, исследовал и описал мой старший брат Моисей Гин (1919 – 1984), известный историк литературы и критик. Его статья в переводе на идиш была опубликована в журнале "Советиш Геймланд". О чем она? Сначала некий общий тезис: дело не в том, что обязательно должна быть описана кляча; для многих русских писателей прошлого русский народ – это загнанная кляча. И для Менделе Мойхер-Сфорима евреи в России и

не только в ней – тоже загнанная кляча. И вот Моисей Гин рассматривает историю этого мотива "клячи". Начинает с известных строк Некрасова, где описана замученная непосильной работой лошадь:

*Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела.... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам,
И по плачущим, кротким глазам!..*

Прошло несколько лет, и Достоевский испросил у Некрасова разрешение использовать этот мотив замученной лошади в романе "Преступление и наказание". Там Раскольников видит мучительный сон об избиваемой, замученной лошади. Позднее "Холстомер" Толстого, "Кляча" Менделе Мойхер-Сфорима, сказка "Коняга" Салтыкова-Щедрина; а в двадцатом веке "Мафусаил" Шолом-Алейхема, "Хорошее отношение к лошадям" Маяковского ("Мы все немного – лошади, Каждый из нас по-своему лошадь...") и, наконец, рассказ Бабеля "Начальник конзапаса"...

Интересна история переводов "Клячи" Менделе Мойхер-Сфорима на русский язык. В девятнадцатом веке их было мало, "Кляча" была переведена только перец первой мировой войны. Но не так давно стало известно, что двадцатилетний Иван Бунин в 1890 году напечатал свой перевод "Клячи" в провинциальной газете "Орловский вестник", где он тогда работал. Языка идиш, понятно, Бунин не знал. Кто ему помог в этом деле – Б-г весть...

А теперь не буду больше отвлекаться и сосредоточусь только на одной книге Менделе Мойхер-Сфорима – на замечательной повести "Путешествие Вениамина Третьего". Почему Вениамин аж Третий? Да потому, что были до него, два знаменитых еврейских путешественника: Вениамин из Туделы в Средние века и еще был Вениамин Второй (настоящее имя Иосиф Израиль) в первой половине девятнадцатого столетия. Оба они оставили описания своих путешествий.

В этой повести два героя – Вениамин и его "оруженосец" недотепистый Сендерл. Да, это еврейские Дон Кихот и Санчо Панса... Все это хорошо сидит в памяти еще и потому, что мы, хоть и в звукозаписи, а слышали великого Соломона Михоэлса в роли Вениамина и Вениамина Зускина в роли Сендерла.

Где родились, где живут и откуда пустились а свои странствия Вениамин и его Сендерл по местечкам и городам еврейской черты оседлости? Их родина – это местечко "Тунеядовка" – маленький городок, заброшенный уголок в стороне от почтового тракта, почти отрезанный от мира. Случится, попадет туда кто-нибудь, – жители распахивают окна, двери, и с удивлением разглядывают нового человека. Соседи, высунувшись из окон, спрашивают друг друга: "Кто бы это мог быть? Откуда он к нам свалился?.."

И далее Менделе Мойхер-Сфорим пишет:

"Что касается самих обитателей Тунеядовки, то они, не про вас будь сказано, люди бедные, можно сказать – нищие. Но нужно им воздать должное – бедняки они веселые, жизнерадостные, неунывающие".

Стоит присмотреться к названиям местечек и городов у Менделе Мойхер-Сфорима чтобы, догадаться, что он весьма склонен к сатире: Тунеядовка, Глупаск (у Салтыкова-Щедрина в "Истории одного города" Глупов), Пятогниловка. Исключением служит название большого – по понятиям Вениамина. И Сендерла, – города: Тетеревка.

"Тетеревка – первый крупный город, который довелось увидеть нашим путешественникам за всю свою жизнь. Удивительно ли, что они разглядывали прямые улицы, высокие каменные дома и никак не могли наглядеться на них? Чуть ли не на цыпочках шли они по тротуарам, смешно поднимая ноги, будто боялись слишком сильно ступать по гладким камням, чтобы не причинить им какого-нибудь вреда. Ноги, участь коих весьма незавидна! Местечковые ноги, никогда не ступавшие по деревянному настилу даже у себя в доме, ноги, с которыми их обладатели не церемонились, вынуждая их, как свиней, месить непролазную уличную грязь... Такие ноги и в самом деле не могут не растеряться на первых порах, не могут не подпрыгивать, впервые ощутив под собою каменную мостовую. Только что прибывшие местечковые ноги не трудно узнать на мощенных улицах большого города".

И этот большой город, так оглушивший наших местечковых героев, называется Тетеревка. Нетрудно угадать в нем губернский город Житомир, центр Волыни. И стоит этот город на притоке Днепра реке Тетерева. Вот, вероятно, откуда Тетеревка-город. Между прочим, это еще самое добродушное название города. А из-за своих сатир Менделе Мойхер-Сфориму пришлось покинуть сначала Бердичев, а затем и Житомир – сильные и богатые узнали себя в каких-то повестях...

А наши путешественники – Вениамин Третий и Сендерл – побывали в разных местечках, ночевали в синагогах за печкой, Вениамин рассуждал и философствовал с местными жителями, а более практичный, и земной Сендерл заботился о том, чтобы горба не была пустой. А когда они покидали родную Тунеядовку, то вот какая музыка их провожала:

"В это время из соседней лужицы донеслось кваканье лягушек. Они словно прощались с нашими путешественниками и проквкали в их честь торжественный марш. Тунеядовские жабы как-то особенно голосисто кричат в своих затянутых плесенью болотах и славятся на весь мир наравне с днепровицкими клопами и тараканами..."

Скитальцы-путешественники Менделе Мойхер-Сфорима – это скитания самого еврейского народа. А у путешественников Вениамина и Сендерла много разных встреч – печальных, забавных и даже страшных. В конце повести их забрили в солдаты. Но, слава

Б-гу, какому-то высокому военному чину они показались такими странными, что он взял и отпустил их... Не забудем, что описывается время Крымской войны, во время которой умрет Николай I, а с воцарением Александра II солдатчина станет не такой страшной, в том числе и для евреев.

А под занавес хочу привести сценку, которая говорит о забавном простодушии наших героев.

"В это время на дороге показался крестьянин, сидевший на возу, доверху набитом сеном.

– Сендерл! – сказал Вениамин. – Не мешает все-таки спросить насчет дороги. Поди-ка на всякий случай спроси. С мужиками ты, пожалуй, лучше меня столкуешься. Тебя ведь твоя молодичка частенько брала с собой на базар.

Сендерл поднялся с места и, подойдя к крестьянину, почтительно обратился к нему со следующими словами:

– Добрый день! Кажу-но, чоловіче, куды дорога аф Эрец-Исроел?

– Що? – с удивлением переспросил крестьянин, уставившись на Сендерла. – Який Сруль? Не бачив я Сруля!

– Ні, ні! – не выдержал Вениамин и вмешался в разговор. – Это вы Сруль... А він "Эрец-Исроел". Сендерл, скажи ему еще раз, ясней! Где ему понять? Ты пояснее растолкуй ему, Сендерл!

– На Эр-р-рец Ис-ро-ел куды дорога? – четко повторил Сендерл.

– А пес вас знаэ, що ви морочите мені голову! Це дорога на Пьевки..."

Это у меня первый подступ к миру замечательно-го писателя Менделе Мойхер-Сфорима. Как знать, может быть, когда-нибудь снова попробую погрузиться в его книги.

Почему я перечитываю трилогию Лиона Фейхтвангера об Иосифе Флавии

Я не могу – нет никаких сил – перечитать "Москву 1931" Лиона Фейхтвангера. А надо бы: ведь это его бесспорная вина, что он не увидел, не разглядел сталинского террора. Только не разглядел ли? Есть свидетельство вдовы Бабеля, что во время своего пребывания в Москве в страшном 1937 году Фейхтвангер приходил к ним. Был очень подавлен и о чем-то тревожно говорил с Бабелем. Разговор, понятно, шел по-немецки, и Пирожкова ничего не поняла...

Не надо забывать, что у западного интеллигента Фейхтвангера не было выбора в борьбе против фашизма. Тогда Америка и Запад чего-то вяло выжидали и получается, что писателю-антифашисту оставалось опираться только на Сталина. Так и появилась та злополучная книжонка...

Это только предварительные заметки. Мне предстоит ответить на вопрос, почему я так часто перечитываю трилогию Лиона Фейхтвангера о еврейском историке Иосифе Флавии. Впрочем, коротко ответить даже просто: там каждая страница говорит, буквально кричит об этой самой еврейской судьбе. Так это и в первом романе "Иудейская война", так это и в "Сыновьях", так это и в последнем – "Настанет день". А разве не так в "Еврее Зюссе"? Или в романе "Семья Оппенгейм"? (Позднее писатель назвал этот роман "Семья Опперман".) Список этот, конечно, легко продолжить. И все-таки я почему-то чаще всего перечитываю трилогию, которая называется одним словом "Иосиф".

Начну с самого начала. Лион Фейхтвангер родился в 1884 году в богатой еврейской семье в городе Мюнхене. Получил хорошее еврейское и хорошее филологическое образование в Мюнхене и Берлине. Знал новые и древние языки, среди которых древнееврейский язык и санскрит. В многочисленных своих кратких автобиографиях Лион Фейхтвангер любил иронически писать о своем родном Мюнхене в цифрах: столько-то в нем жителей, из них столько

буржуа, столько мещан, столько студентов, столько проституток... А итог: девяносто процентов из них – антисемиты. Мы не забываем, что Мюнхен стал позднее одной из главных колыбелей германского нацизма. Да и писалась такая едкая автобиография в 30-е годы, когда Гитлер пришел к власти...

Лион Фейхтвангер начинал как театральный, критик и драматург, и только в 20-е годы вышел на свою главную тропу – обратился к историческим романам. Первый роман такого плана "Еврей Зюсс" из-за этой самой еврейской тематики издатели немецкие не хотели печатать. И только когда прославился второй роман "Безобразная герцогиня", – только после этого напечатали "Еврея Люсса"...

Надо сразу сказать, что эти и другие исторические романы Лиона Фейхтвангера да, исторические, но в первую очередь очень и очень современные. Его, Фейхтвангера, пример, его опыт оказал влияние на исторические романы Генриха Манна и вообще на весь западный исторический роман.

В 1932 году появляется первый роман трилогии "Иосиф" "Иудейская война". Начинается он с того, что приезжает в Рим молодой священник первой череды Иерусалимского храма Иосиф бен Маттафий. Иосифом Флавием он назовет себя позднее. Его в императорском Риме времен Нерона ждет очень трудная задача: добиться освобождения невинно осужденных на каторжные работы трех старых мудрецов. Иосиф

знакомится со знаменитым актером Деметрием Либанием, родившимся рабом, которого ценит сам Нерон. Фейхтвангер пишет: "Нелегкий человек этот Либаний, одновременно гордый и подавленный своим еврейством". А в другом месте добавляет о "его вызывающих и печальных губах". Надо ли напоминать, что в этих словах писателя очень понятно нам слышится тысячелетняя – не одного тысячелетия – еврейская судьба. Деметрий Либаний сам захотел увидеть этих трех мучеников. И вот они на кирпичном заводе под Римом, где длится каторга этих стариков.

Деметрий Либаний "не отрывал взгляда от старцев, когда те, истощенные, сломленные, с трудом двигая кадыками и давясь, выборматывали свои убогие жалобы... Слезы набежали ему на глаза, он не вытирал их, и они заструились по его слегка отекившим щекам. Деметрий замер в странной неподвижности; потом, стиснув зубы, очень медленно поднял покрытую кольцами руку и разодрал на себе одежду, как это делали евреи в знак великой скорби. Затем присел рядом с тремя несчастными, прижался вплотную к их смердящим лохмотьям, так что вонючее дыхание обдавало ему лицо и их грязные бороды щекотали ему кожу. И он заговорил с ними по-арамейски; он запинался, он словно извлекал этот полузабытый язык издали... и они заплакали, и они благословили его, когда он уходил.

По возвращении в город, к Тибурским воротам, актер, прощаясь с Иосифом, прибавил:

– И знаете, что самое страшное? Не их слова, а эта странная манера раскачиваться взад и вперед верхней частью туловища, и так равномерно. Это делают только люди, которые постоянно сидят на земле и проводят много времени в темноте. Слова могут лгать, но такие движения до ужаса правдивы. Я должен это обдумать..."

Благодаря актеру Деметрию Либанию Иосифа приняла императрица. Он произвел на нее хорошее, даже сильное впечатление, когда сказал страшные слова: "Бог теперь в Италии..." От этих слов пройдет еще немало времени до других еще более страшных, которые скажет Иосиф будущему императору Веспасиану. Но жестокий Рим ничего не делает так просто. Да, этих несчастных стариков отпустят, уступят еврею Деметрию Либанию и еврею Иосифу бен Маттафию, но потребуют таких жертв, от которых всему еврейству станет много хуже.

Во время той беседы императрица напомнит актеру, что он скрывает что-то важное. Деметрий Либаний мрачно отзывается:

" – Я хочу сыграть еврея Апеллу.

Иосиф испугался. Еврей Апелла – это был тот образ еврея, каким его создал злой юмор римлян, – крайне противный персонаж...

– Да, – сказала тихо и с усилием императрица. – Это хорошая и опасная идея".

И Деметрием Либанием сыграл еврея Апеллу. "Странному автоматическому и покорному раскачиванию трех невинных в темнице актер был обязан целым рядом особенно удачных, жутко-гротескных находок. Он поставил себе целью дать смелое сочетание трагического и смешного".

И вот на сцене придворного театра Деметрий – еврей Апелла. Это человек средних лет, живущими где-то в маленьком городке Иудеи. Он беден, у него много детей. "Когда смерть уносит его жену, он уходит из дома. Он берет с собой мезузу, чтобы прибить ее к дверям своего будущего дома, он берет с собой свои молитвенные ремешки, своей ящик-утеплитель для субботних кушаний, свои субботние светильники, всех своих многочисленных детей и своего невидимого Б-га. Он идет на Восток..." На Востоке его ограбили и убивают трех его детей. Он хоронит своих детей, затем садится и поет старинную песню: "На реках вавилонских, там сидели мы и плакали": он как-то странно раскачивается, и в этих движениях есть что-то нелепое и скорбное..." И так повторяется много раз: он бросает своей домик, берет с собой мезузу, подсвечники, оставшихся детей и своего невидимого Б-га...

Был ли такой спектакль на самом деле в древнем Риме – не это, наверно, волнует нас с вами. Но эти несколько страниц в романе "Иудейская война" Лиона Фейхтвангера невозможно, нет никаких сил забыть... А почему? Потому что по воле Лиона Фейхтвангера актер "так бесстрашно сочетал все комические черты этого еврея с трагизмом его судьбы".

Когда привезли в Рим трех освобожденных старцев, многие плакали. "Актер же Деметрий Либаний опустился на колени, склонил голову в уличную пыль и поцеловал ноги старцев, пострадавших за Б-га и землю Израиля. В нем привыкли видеть комика, народ смеялся, где бы он ни показывался, но теперь, когда он лежал в пыли перед тремя старцами, целовал им ноги и плакал, никто не находил его смешным".

Да, старцев отпустили. Но есть еще скрытое, до поры до времени решение императорской власти, которое резко ухудшит положение евреев Иудеи, приведет к восстанию, которое в истории осталось под названием Иудейской войны.

Иосиф бен Маттафий еще какое-то время после освобождения старцев останется в Риме и по воле Лиона Фейхтвангера напишет одну из Маккавейских книг, станет известен как исторический писатель. Да, кто-то из предшественников или современников Иосифа написал эти Маккавейские книги, но кто именно – мы не знаем.

Возвращение Иосифа в Иудею почти совпадет с началом восстания против римского владычества, с началом Иудейской войны. Иосиф стал руководителем восстания на севере, в Галилее. Потом прибыли римские легионы во главе с полководцем Веспасианом. Он осадил крепость Иотапату. И когда крепость

пала, Иосиф не только сдался Веспасиану, но и объявил этого полководца, римлянина, язычника Мессией Машиахом... И пожелал остаться в цепях до тех пор, пока его пророчество не исполнится. Евреи от него отвернулись, римляне его презирали. Вот как пишет Лион Фейхтвангер: "Иосифа, находящегося среди наиболее приближенных к Веспасиану людей, содержали просто, но не плохо. Фельдмаршал советовался с ним в вопросах, касавшихся еврейских обычаев и личных обстоятельств отдельных евреев, охотно допускал его к себе. Но он давал Иосифу понять, что его словам ни на минуту не верит до конца, частенько проверял их, иногда дразнил его и унижал довольно чувствительно. Иосиф переносил насмешки и унижения с вкрадчивой покорностью и старался быть всячески полезным. Он редактировал приказы маршала еврейскому населению, участвовал в качестве эксперта при спорах римских чиновников с местными властями и скоро стал необходимым.

Несмотря на то, что Иосиф ради них лез из кожи, галилейские евреи считали его трусом и перебежчиком". И каждый еврей старался отойти от него на семь шагов как от прокаженного. И это был из худших вариантов все той же еврейской судьбы...

Когда Веспасиан стал императором, то у Иосифа появился выбор: то ли с Веспасианом отправиться в Рим, то ли с его сыном Титом отправиться к осажденному Иерусалиму, обреченному на гибель. Свидетель времени, историк Иосиф теперь уже Флавий хорошо понимал, что он должен все увидеть своими глазами, как бы ему ни было тяжело. И он поехал с Титом к Иерусалиму. Лион Фейхтвангер нашел для этой ситуации точные слова: "Он не станет ни Гомером Веспасиана, ни Гомером Тита. Он воспевает свой народ, великую войну своего народа. И если действительно придут горе и гибель, он будет устами этого горя и гибели..."

И писатель создает маленькую поэму в прозе об Израиле, Иерусалиме и Храме. И начинает Фейхтвангер известными, много раз произнесенными и много раз написанными словами: "Посередине мира находилась страна Израиль, Иерусалим находился посередине страны, Храм – посередине Иерусалима, Святая Святых – посередине Храма, пуп земли..."

Для евреев всего мира их Храм был истинной родиной, неиссякаемым источником сил. Где бы они ни находились – на Эбро или на Инде, у Британского моря или в Верховьях Нила, – они во время молитвы обращали лицо в сторону Иерусалима, туда, где стоял Храм. Все они с радостью отчисляли в пользу Храма проценты со своих доходов, все они к нему поломничали или собирались однажды на пасху непременно принести и своего агнца в Храм. Удавалось ли им какое-нибудь начинание – они благодарили

Невидимого в Храме, оказывались ли они беспомощными или в беде – они искали у Него поддержки. Только поблизости от Храма земля была чиста,

и сюда отправляли жившие за границей своих умерших, с тем, чтобы они вернулись на родину хотя бы после смерти. Как ни рассеяны были евреи по земле, здесь была их единая отчизна".

Недавно я прочитал неизвестные мне слова Лиона Фейхтвангера: "Не каждый подлец – антисемит, но каждый антисемит – подлец". Эти слова привел известный писатель Григорий Бакланов в своих заметках о Солженицыне и о его книге "Двести лет вместе"...

Я начал с чего-то современного, а ведь надо продолжать об этой самой еврейской судьбе в трилогии Л. Фейхтвангера. Правда, известно, что у Фейхтвангера современность непременно проступает сквозь любой исторический материал. И эта современность у него, опять-таки, превращается в наболевший разговор о еврейской судьбе.

Однако вернемся к первому роману трилогии Лиона Фейхтвангера "Иудейская война", к еврейской судьбе Иосифа Флавия. Он должен все сам увидеть и пережить, и написать. Он в свите принца Тита, того самого Тита, кто разрушит и Иерусалим, и Храм. Лион Фейхтвангер питает:

"Иосиф – единственный, кто не в силах владеть собой... Умом – он на стороне тех, в среде которыми теперь находится. Но сердцем – он с иудеями; ему тяжело слышать стук лопат, топоров, молотков, с помощью которых солдаты опустошают лучезарные окрестности города".

Из района Храма доносится чудовищное гудение. Лошади начинают беспокоиться.

– Что это? – спрашивает принц.

– Это Магрефа, стозвучный гидравлический гудок, – поясняет Иосиф. – Его слышно до самого Иерихона.

– У вашего Бога... очень громкий голос – констатирует Тит".

И будет еще один очень напряженный разговор между раненым во время осады Иерусалима Иосифом и принцем Титом. Они у Лиона Фейхтвангера друзья".

Тит "прошел к Иосифу. Тот лежал на кровати, измученный, покрытый холодным потом, несмотря на жаркий летний день. Иосиф хотел встать.

– Лежи, лежи, – попросил Тит. – Но скажи мне, может быть, меня ослепляет гнев на этих людей? Объясни хоть ты мне, мой еврей, чего они хотят? Ведь своей цели они уже достичь не могут, почему же они предпочитают умереть, чем жить? Они могут сберечь дом, ради которого борются, почему же они хотят, чтобы он сгорел? Ты понимаешь это, мой еврей?

– Я понимаю, – сказал Иосиф с бесконечной усталостью, и на лице его было то же скорбное выражение, что и у людей, стоявших на стене.

– Ты наш враг? – спросил Тит очень мягко.

– Нет, принц, – ответил Иосиф.

– Ты с теми, кто по ту сторону стены? – спросил Тит.

Иосиф погрузился в себя и скорбно молчал.

– Ты с теми, кто по ту сторону стены? – повторил Тит настойчивее.

– Да, принц, – сказал Иосиф".

Очень важны беседы Иосифа Флавия с Иохананом бен Заккаи. Кто он такой? Он один из самых мудрых и самых влиятельных людей в Синедрióне. Его ученики вынесли его из осажденного и обреченного Иерусалима под видом покойника. Он, Иоханан бен Заккаи, выпросит у Веспасиана маленький городок Ямнию, где соберет мудрецов Израиля. И они, и их последователи будут работать над созданием строгого канона ТАНАХа. И это будет длиться не десятилетия, а больше двух столетий... С этого Иоханана бен Заккаи все главное и началось – началась целенаправленная работа по духовному объединению евреев, потерявших и Храм, и Иерусалим, и землю свою, и обреченных на тысячелетние скитания, на рассеяние, на галут. Нам в этих беседах нет смысла биться над вопросом, были ли они, эти беседы, на самом деле и были ли они, такими, как их изобразил Лион Фейхтвангер. Ясно одно: писатель опирался на опыт двухтысячелетнего бытия еврейства. Вот что говорит у Лиона Фейхтвангера Иосиф Флавий, о чем он спрашивает и что отвечает Иоханан бан Заккаи.

"... у Иосифа забилося сердце, когда его пригласили к старику. Но Иоханан не стал соблюдать семь шагов расстояния. Иосиф низко склонился перед ним, приложил руку ко лбу, и старик благословил своего любимого ученика.

Иосиф сказал:

– Я придал словам пророка двойной смысл, я виноват в суетловии. Отсюда родилось много зла.

Старик сказал:

– Иерусалим и Храм еще до вашего проступка созрели для падения... Я хочу поговорить с вами, доктор Иосиф, ученик мой, – продолжал он. – Иудейское царство погибло, – повторил Иоханан, – но царство объединяет нас. Создавались и другие царства, они рушились, возникнут новые, которые тоже рухнут. Царство – это не самое важное.

– А что же самое важное отец мой?

– Не народ и не государство создают общность. Смысл нашей общности – не царство, смысл нашей общности – Закон. Пока существует Закон и учение, наша связь нерушима, – она крепче, чем если бы шла от государства. Закон жив, до тех пор, пока есть голос возвещающий его. Пока звучит голос Иакова, руки Исава бессильны.

Иосиф сказал нерешительно:

– А у меня есть этот голос, отец мой?

– Люди считают, что вы предали свое иудейство, Иосиф бен Маттафий. Но если соль и растворяется в воде, то она все же в ней есть, и когда вода испаряется, соль остается.

Слова, сказанные стариком, и ободрили Иосифа, и смирили его, так что он долго не мог говорить. Затем он тихо, робко напомнил своему учителю:

– Вы не поделитесь со мной вашими планами, отец мой?

– Да, – отозвался Иоханан. – Теперь я могу тебе сказать. Мы отдаем Храм, Мы воздвигаем вместо видимого Дома Б-жия – невидимый, мы окружим веющее дыхание

Б-жия стенами слов вместо гранитных стен. Что такое дыхание Б-жие? Закон и учение. Нас нельзя рассеять, пока у нас есть язык для слов или бумага для Закона. Поэтому-то я и просил у римлянина город Ямнию...

– Ваш план, отец мой, нуждается в труде многих поколений.

– Нам спешить некуда, – возразил старик.

– Но разве римляне не будут препятствовать? – спросил Иосиф.

– Конечно, они попытаются: власть всегда недоверчива к духу, но дух эластичен.

Нет таких запоров, сквозь которые он бы не проник. Пусть они разрушат наш Храм и наше государство: на место Храма и государства мы возведем учение и Закон. Они запретят нам слово – мы будем объясняться знаками, Они запретят нам письмо – мы придумаем шифр. Они преградят нам прямой путь – но Б-г не умалится, если верующие в Него будут вынуждены пробираться к Нему хитрыми окольными путями. – Старик прикрыл глаза, открыл их, сказал:

– Нам не дано завершить это дело, но мы не имеем права от него откаться. Вот для чего мы избраны.

– А мессия? – спросил Иосиф с последней надеждой.

Иоханан знаком предложил Иосифу наклониться к нему, своим увядшим ртом он прошептал в молодое ухо:

– Вопрос, придет ли когда-нибудь мессия? Но верить в это нужно. Никогда, не следует рассчитывать на то, что он придет, но всегда верить, что он придет.

Идя от него, Иосиф чувствовал подавленность. Значит, вера этого великого старца не была чем-то лучезарным, помогавшим ему, а чем-то тягостным, лукавым, всегда соединенным с ересью, всегда борющимся с ересью, было бременем... И Иосифу стало тяжело".

Я не напрасно привел такие большие отрывки прозы Лиона Фейхтвангера. Это, может быть, самые главные страницы не только в романе "Иудейская вона", не только в трилогии "Иосиф", но и во всем творчестве этого писателя.

Мысли Иоханана бен Заккаи настолько важны, что Лион Фейхтвангер снова возвращается к ним после падения Храма.

"В Ямнии Иоханан бен Заккай узнал: Храм пал. Маленький древний старичок разорвал на себе одежды и посыпал пеплом главу. Но в ту же ночь он созвал совещание.

– До сего дня, – заявил он, – Великий Иерусалимский совет имел власть толковать слово Б-жие, определять, когда начинается год и когда рождается молодой месяц, что правильно и что неправильно, что свято, что нет, имел власть вязать и разрешать. С нынешнего дня это право переходит к совету в Ямнии.

– Наша первая задача – установить, где границы Священного писания. Храма больше нет. Единственное царство, которым мы владеем – это Писание. Его книги – наши провинции, его изречения – наши города и села. До сих пор слово Б-жье было перемешано со словами человеческими. Теперь же следует определить, что принадлежит к Писанию, что – нет.

– Наша вторая задача – сохранить комментарий ученых в веках. До сих пор на передаче комментария иным путем, чем из уст в уста, лежало проклятие. Мы снимаем это проклятие. Мы занесем шестьсот тринадцать заветов на хороший пергамент, там, где они начинаются и где кончаются, мы их обведем оградой и подведем под них фундамент, чтобы Израиль мог опираться на них вовек.

– Мы, семьдесят один человек, это – всё, что осталось от царства Б-га..."

Какие поразительные, какие сильные слова! Ну да, Лион Фейхтвангер, конечно, спрессовал огромные и длительные события, растянувшиеся на многие-многие годы...

Храм еще горит, а писатель как бы подводит итог древней еврейской истории в крохотной, но тем не менее монументальной главке.

"Гибель Храма свершилась 29 августа 823 года после основания города Рима, 9 ава 3830 года по еврейскому летоисчислению. И 9 же ава был разрушен Навуходоносором Первый Храм. Второй Храм простоял шестьсот тридцать девять лет один месяц и семнадцать дней... Многие тысячи священников совершали служение, как оно предписано Третьей книгой Моисея и изъяснено до мельчайших подробностей многими поколениями богословов".

А что же Иосиф Флавий? Он видел все: он видел, как погибал его город Иерусалим, он видел, как горел его Храм, единственный в мире Храм, в котором он, Иосиф бен Маттафий из рода Хасмонеев-Маккавеев, был Священником первой очереди. И обо всем, что он увидел и пережил, он напишет книгу "Иудейская война", которая живет, и которую читают вот уже скоро две тысячи лет... А пока с разрешения принца Тита он спасает людей и священные свитки. Уже целая колонна спасенных Иосифом людей идет за ним, и у всех в руках спасенные свитки. А в одном свитке есть вырезанное место, напоминающее по форме стельку – видимо, солдату потребовалась эта самая стелька.

Иосиф спас, буквально снял с креста распятого друга-врага писателя Юста. А впереди его ожидает работа – огромная, трудная, пламенная работа: написать эту великую книгу.

Сквозная тема этих моих заметок о трилогии Лиона Фейхтвангера «Иосиф» – это еврейская судьба. И писатель видит эту самую судьбу в жизни еврейского историка Иосифа Флавия, о биографии которого у нас довольно скудные сведения. С некоторыми допущениями можно утверждать, что еврейская судьба во все времена галута, рассеяния по сути дела была одна и та же. Вот даже прочитывая подряд названия частей (Л.Фейхтвангер по-древнему части называет книгами) второго романа трилогии «Сыновья», замечаешь эту самую еврейскую судьбу. Название первых трех частей – «Писатель», «Муж», «Отец» – как бы нейтральные, а названия последних двух частей – «Националист» и «Гражданин вселенной» – словно кричат об этой самой судьбе еврейской...

Роман «Сыновья» был первым из всего Фейхтвангера, что я прочитал еще подростком в послевоенные годы. Сейчас, шестьдесят лет спустя, мне трудно вспомнить, что я тогда понимал в нем и чем он тогда меня привлек.

Вернемся к самому роману. В «Сыновьях» мы наблюдаем, как Иосиф Флавий пытается воспитать своего сына от полугречанки-полуегиптянки Дорион, – пытается воспитать иудеем. Из этого ничего не получается. Он, Иосиф Флавий, всему миру поведал в своей огромной книге «Иудейские древности» (Фейхтвангер в романе ее называет «Всеобщая история евреев») о мире Танаха, мире Библии и поздней еврейской истории, не сумел своему «греческому» сыну Павлу, одному-единственному юному существу преподать все это... И это тоже еврейская судьба.

И тогда Иосиф Флавий переключает все свое внимание на еврейского своего сына, которого он впервые видит, когда первая его жена с сыном приезжает в Рим. Симон же погибает во время детской игры в войну, когда кто-то из ребят в катапульту подкладывает вместо кусочка теста настоящий камень. А ведь это Иосиф Флавий познакомил сына с устройством катапульты и помог построить это метательное оружие. Иосиф в гибели Симона видит указание, что он должен бороться за своего «греческого» сына, но, как известно, из этого ничего не получилось.

И во всей истории с «греческим» сыном опять-таки сработал механизм еврейской судьбы: по желанию императора Тита, друга Иосифа Флавия, ему сделали уступку, но при этом был принят очень жесткий закон против евреев.

Иосиф Флавий у Лиона Фейхтвангера во время публичного чтения. Которое слышит другой жестокий император Домициан, читает главу из своей книги «Иудейские древности» о царе Ироде, уничтожившем всех своих сыновей. Это был смелый и дерзким намек на то, что Домициан уничтожил двух

своих двоюродных братьев. И несмотря на смертельную опасность Иосиф Флавий на этом подъеме пишет свою знаменитую книгу «О древности иудейского народа или Против Апиона». Апион – известный комментатор Гомера и не менее известный антисемит древности. Эта книга Иосифа Фливиа – первый в истории трактат против антисемитизма. Но «Против Апиона» – это еще и гимн во славу великой еврейской литературы. Вот как у Лиона Фейхтвангера говорит Иосиф Флавий:

«Из десятков тысяч наших книг мы составили канон, только двадцать две отобрали мы из этих тысяч, тысяч и тысяч, и эти двадцать две книги мы соединили в одну. Но зато в какую книгу! В Книгу книг! И мы народ этой Книги. О, как мы любим ее, как читаем, как толкуем! Эта Книга – все содержание нашей жизни, это наша душа и наше в государство. Наш Б-г являет себя не в зримом облики – он открывается в духе, в этой Книге». И это тоже еврейская судьба.

Честолюбие и активность Иосифа Флавия – это тоже часть еврейской судьбы. Он добьется, что поздний его сын Маттафий (названный по имени деда – мы помним, что сам Иосиф-то бен Маттафий...) будет причислен к свите императрицы. Однако подозрительный император Домициан не желает видеть этого яркого еврейского юношу при дворе и устраивает так, что Маттафий погибает. Это и месть за дерзкое чтение Иосифа Флавия. И опять же это все та же еврейская судьба.

Лион Фейхтвангер описывает и открытие синагоги, где будут храниться священные свитки, спасенные Иосифом Флавием из горящего Храма. Первого тишири в первый день нового 3842 года (82 год новой эры) стоит в своей синагоге священник первой очереди Иосиф бен Маттафий. «Бараний рог, призывавший к покаянию, потряс его до глубины существа, взрыл его душу. Это было благое потрясение. Оно словно Вспахало его душу для принятия посева.

Десятого тишири стоял он, как и другие, в своей синагоге в простой белой одежде, в той льняной одежде, в которой он после смерти будет положен в гроб, ибо человек должен в этот день предстать перед лицом Г-спода как бы готовый к смерти.

Коллегия в Ямнии приказала, чтобы великая жертва, приносившаяся, когда Храм был цел, в день очищения, теперь была заменена описанием этого жертвоприношения.

И вот левит, один из немногих спасшихся при разрушении Иерусалима, поет в синагоге Иосифа:

«Хвала глазу, видевшему двадцать четыре тысячи священников, утварь Храма, великолепие службы; когда наше ухо теперь слышит об этом, наша душа печалится. Хвала глазу, видевшему первосвященника, когда он выходил из Свята святых...»

И священник первой очереди Иосиф бен Маттафий все это видел. Лион Фейхтвангер дальше пишет:

«Но когда он теперь услышал повествование об утраченном, он не выдержал. Его сердце замерло, остановилось, глаза, видевшие пожар и падение Храма, померкли, уши, слышавшие треск и грохот горевшего Храма, не могли слушать описания храмового служения, и гражданин вселенной, Иосиф Флавий, под пенье левитов об утраченном величии его народа, рухнул наземь и лежал без сознания, в простой белой одежде, в которой его когда-нибудь похоронят».

Да, это тот самый Иосиф Флавий, Иосиф бен Маттафий, который хотел быть иудеем и гражданином вселенной, хотел быть иудеем и римлянином, который совершал неблаговидные поступки против своего народа и много раз спасал этот самый народ... И это тот, писатель-историк, книги которого о еврейском народе читает весь мир вот уже скоро две тысячи лет.

А когда я читаю у Лиона Фейхтвангера снова про актера Дементия Либания, про его «... мужественную, боязливую, усталую, терзаемую тщеславием душу», то думаю и об Иосифе Флавии, и обо всех нас, и о тысячах лет еврейского галута.

Сколько еврейских терзаний у еврейского историка Иосифа Флавия по Лиону Фейхтвангеру. И последнее терзание у уже весьма пожилого Иосифа: он узнает, что его «греческий» сын стал главным руководителем подавления восстания в Иудее...

Да, Лион Фейхтвангер артистически насытил биографию Иосифа Флавия этой самой еврейской судьбой.

И последнее, о чем я хотел вам напомнить. Конечно, Лион Фейхтвангер прославился в первую очередь историческими романами. Но не только. В конце двадцатых годов, еще до прихода к власти Гитлера, он написал большой роман «Успех» об угрозе фашизма, нацизма. И мне этот роман удалось прочитать в послевоенные годы в родном городе Луганске на Украине (тогда он еще назывался: Ворошиловград). Советская идеология в те годы провозгласила Лиона Фейхтвангера буржуазным националистом, его книги исчезли из библиотек. А в Луганске, слава Б-гу, забыли убрать в областной библиотеке роман «Успех». Я его не только прочитал, но в середине пятидесятых годов, в мое студенческое время в Петрозаводском Университете, пересказал одной преподавательнице иностранной литературы содержание «Успеха», так как в Петрозаводске тогда невозможно было найти этот роман.

В послевоенные годы Лион Фейхтвангер увлекся веком Просвещения, веком XVIII, когда Северная Америка боролась за независимость, когда произошла Великая французская революция. Писателя привлекали такие фигуры того времени, как Бомарше, Гойя, Франклин, Жан-Жак Русс. Это его романы «Гойя, или тяжкий путь познания», «Мудрость чудака, или смерть и преобразование Жан-Жака Руссо», «Лисы в винограднике».

В конце второй Мировой войны Лион Фейхтвангер напишет антифашистский роман «Братья Лау-

тензак». В собрание сочинений писателя на русском языке не вошли пьесы Лиона Фейхтвангера, среди которых есть и исторические. Они были изданы отдельным томом.

За год до смерти, в 1957 году, Лион Фейхтвангер напишет свой последний роман – и этим романом станет «Иеффай и его дочь». В основе этого исторического романа лежит сказание о полководце Ифтахе из «Книги судей Израилевых».

На подступах к роману Томаса Манна "Иосиф и его братья"

Уже сорок лет я читаю и перечитываю тетралогии Томаса Манна "Иосиф и его братья" – это романы "Былое Иакова", "Юный Иосиф", "Иосиф в Египте" и "Иосиф-кормилец". А все началось с того, что я не смог одолеть довольно большой Пролог к тетралогии: это сорок страниц. Я, конечно, знал, как труден для чтения вообще Томас Манн, а этот Пролог тогда, в 1968 году, не разгрыз. Тогда я был буквально в столбняке, а теперь спокойно могу объяснить: в то время я был очень слабо библейски начитан... Слава Б-гу, что не отбросил всю книгу, а только – Пролог. А когда закончил чтение всех четырех романов Тетралогии – а они величиной с "Войну и мир", то есть, более тысячи шестисот страниц (?), – только после этого с грехом пополам одолел тот невозможный Пролог. Такая вот не вдохновляющая история чтения. А теперь не проходит и года, чтобы я не перечитывал какие-то части тетралогии, а то и все это громадное писательское сооружение Томаса Манна, такое мудрое, такое крайне нужное мне. Я не знаю лучших литературных вариаций на темы первой книги Торы, на темы Берешит-Бытие... Даже на балтийских пляжах города Лиепая в 1970 году эта вещь Томаса Манна была со мной. Потом зимой я замечал между страниц тончайший балтийский пляжный песок...

А ранней осенью 1984 года в писательском доме творчества в Дубултах я познакомился с переводчиком "Иосифа и его братьев" – с Соломоном Константиновичем Аптом. Я хорошо помню осень того года после смерти моего старшего брата, известного литературоведа Моисея Гина. Я тогда буквально огоршил этим известием Соломона Апта. Мое знакомство с Аптом было, конечно, довольно поверхностным, но я и прежде знал, что он ученый-классик, полиглот, не только выдающийся переводчик, но и замечательный писатель – его жезеэловский "Томас Манн" одна из лучших книг об этом писателе.

Я наивно ему сказал, что в том издании 1968 года мне не хватало комментариев. Соломон Константинович удивленно посмотрел на меня и резко бросил: – Слава Б-гу, что вышло после Шестидневной войны...

Да, приходится удивляться, что такое творение проскочило сквозь тупую, политизированную и антисемитскую советскую цензуру. Но последствия были: больше новых собраний сочинений Томаса Манна в советские годы не было после того известного десятилетия 1959–1961 годов. Рассуждали официальные советские круги, видимо, так: теперь невозможно выпустить собрание сочинений писателя без уже опубликованного на русском языке романа "Иосиф и его братья". И простое решение: не надо никаких собраний сочинений Томаса Манна...

Соломон Апт семь лет трудился над очень непростым по стилю романом-тетралогией "Иосиф и его братья". И только позднее я узнал из опубликованной

Я кратко назвал главные вещи Лиона Фейхтвангера, не упомянув его эмигрантские по теме романы «Изгнание» и «Симона».

Все это значительные произведения замечательного писателя. Но и заканчивая эти заметки, еще раз скажу, что мне ближе всего эта самая трилогия Лиона Фейхтвангера о еврейском историке Иосифе Флавии. Поэтому я ее так часто перечитываю.

переписки Веры Пановой и Александра Твардовского, сколько усилий приложил Апт, чтобы опубликовать свой перевод.

Вера Панова писала Твардовскому: "Конец 1961г. принес мне счастье: я прочла (в рукописи) только что переведенные две книги тетралогии Томаса Манна об Иосифе. Это великое и удивительное произведение. Не зная его, нельзя и вполнину оценить, что представляет собою Манн... Повторю, читать это – высокое счастье. Я сейчас начала ее перечитывать и вторично испытываю то же наслаждение".

Замечательный прозаик Вера Панова поделилась буквально восторгом с Александром Твардовским, который был не только настоящим поэтом, но в те годы и редактором незабываемого "Нового мира". Возможно их слово, их авторитет и помог появиться-пробиться роману Томаса Манна.

Теперь надо подумать над тем, почему Томас Манн обратился к книге Бытие, к истории Иосифа и его предков. Сам писатель об этом рассказал. Дело в том, что Томас Манн как правило о всех своих значительных и крупных произведениях позднее рассказывал-описывал, как возникал их замысел и как они писались.

Подростком, рассказывал Томас Манн, он увлекался Древним Египтом. На занятии в гимназии учитель спросил, как древние египтяне называли своего бога быка. Томас Манн поднял руку и ответил: Хапи. Учитель оборвал его и сказал: Апис... Дисциплинированному немецкому гимназисту не хватило хра-

броси сказать, что древние египтяне называли быка Хапи, а Апис – это греко-римская транскрипция.

В двадцатые годы известного и знаменитого писателя Томаса Манна один немецкий художник попросил написать предисловие к его альбому. И весь альбом тот – это рисунки об Иосифе библейском. Не знаю, написал ли Томас Манн предисловие, но открыл свою старую семейную Библию – и не просто зачитался, а на пятнадцать лет погрузился в этот прекрасный, мудрый и неповторимый мир. Было это в 1926 году. И тогда же написал тот самый Пролог, который стал камнем преткновения для меня...

Но мне этого рассказа о замысле "Иосифа и его братьев" мало. Я хочу оглянуться на прошлое Томаса Манна, особенно на годы его во время первой мировой войны, когда писатель был одержим националистическими настроениями, вылившимися в публицистическую книгу "Размышления аполитичного". Мы с вами не знаем такого Томаса Манна и книгу эту не читали. Она до сих пор не переведена на русский язык. Долго и трудно выходил писатель из этого состояния. Помогла работа над романом "Волшебная гора". И это для меня не совсем полный ответ. Что происходило в двадцатые годы в Германии, и особенно было заметно в Мюнхене, где жил Томас Манн? Поднимал голову фашизм, нацизм. Заметил все это и Лион Фейхтвангер и резко против нацизма написал в романе "Успех", который вышел в конце двадцатых годов, за несколько лет до прихода Гитлера к власти.

В эти же годы полным ходом идет работа над "Иосифом и его братьями". И Томас Манн решил нацистской бесчеловечной и жестокой мифологии противопоставить библейский мир, то есть поведать, как рождалось человеческое, очень человеческое в человеке – и, повторюсь, на материале, если можно так сказать, истории библейского Иосифа и его предков. В первую очередь среди них надо назвать Авраама и отца Иосифа Иакова.

Томас Манн в докладе об "Иосифе и его братьях" отмечал: "Написать роман о духовном мире иудейства было задачей весьма своевременной..." И тогда же он пояснил, что ему внушали "... глубочайшее отвращение ... бредовые идеи расового превосходства, которые являются главной составляющей частью созданного на потребу черни фашистского мифа". И еще писал Томас Манн, что в его "книге миф был выбит из рук фашизма..."

И прежде чем обратиться к этой "песне о человечестве", как сам писатель называл свою тетралогию, начну с того трудного и пространного Пролога.

Пролог состоит из десяти глав. Вот как начинается первая глава: "Прошлое – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?..."

После долгих и глубоких рассуждений о прошлом, о древности Томас Манн обращается к Аврааму, пи-

шет о его Б-ге, "над чьим образом трудился его дух". И добавляет: "Силой, заставившей его сняться с места, была тревога духовная, забота о Б-ге... Он страдал и, сопоставляя меру своего внутреннего беспокойства с мерой его у огромного большинства людей, заключал, что его страдания служат будущему. Не напрасна, говорил ему новооткрытый Б-г, твоя мука, твоя тревога".

Понятно, что не удастся подробно говорить о всех десяти главах Пролога, но упомяну их и несколько подробнее дотронусь до некоторых.

Вторая глава продолжает разрабатывать тему "лунного странника" – то есть Авраама, и здесь "... у юного Иосифа кружилась уже голова", когда он как бы заглядывал в ту "бездонную преисподнюю прошлого".

Глава третья и четвертая – это, говоря по-современному, повествование об образовании Иосифа бен Иаков. И Томас Манн пишет, что незаурядному Иосифу была присуща тяга к искусству письма: "Иосиф был особенно к нему привержен и, в отличие от всех своих братьев, рано стал в нем совершенствоваться..."

Потом будет пятая глава о Потопе и шестая о Великой башне, то есть о Вавилонском столпотворении. Седьмая глава про рай, про Эден, а восьмая про совершенного человека; по-древнееврейски это звучит так – Адам гадмон.

Очень важно, хоть коротко, но остановиться на девятой главе, которую можно назвать так: "Грехопадение души", да, именно души. Дело в том, что традиционный перевод на русский язык содержит слово "соблазнил", где речь идет о Змее и Хаве. На самом же деле там слово "смутил" – и это снимает всякие кривотолки...

Особо надо остановиться на последней десятой главе, ибо она говорит о традициях духовного беспокойства. Тут мы прочитываем такие слова, которые еще не раз вспомним: "...дух ... выбрав среди довольных и убаженных кого-то одного, родит в его груди тревогу сверхъестественно огромной беды, гонит его из ворот состоявшегося и данного в авантюрно-неведомое ... Так образуются те самые глубинные пласты прошлого, откуда смело можно начинать частную историю, как начинал свою от города Ура и от ухода пращура Иосиф. Традиция духовного беспокойства – она была у Иосифа в крови, это она определяла близкую ему жизнь, мир и поступки его отца... Незнание покоя, пытливость, настороженность искателя, радение о Б-ге, горькое, полное сомнений раздумье об истинном и праведном, о началах и концах..."

И в конце этой последней десятой главы Пролога Томас Манн заговорил о "празднике повествования". Как хорошо, как точно сказано! Это ведь о книге Берешит, о книге Бытие. Да, мы никогда не перестанем радоваться этому бессмертному празднику повествования, который открывает нам первая книга Торы!

И последний большой абзац Пролога (они у Томаса Манна все большие...) начинается так:

"Итак, без боязни вниз! Разве мы собираемся прыгнуть напраполю в колодец? Отнюдь нет. Мы спустимся чуть глубже, чем на три тысячи лет, – а что это по сравнению с бездонностью времени? Там у людей нет ни глаз во лбу, ни рогов, и они не сражаются с летающими ящерами: это такие же люди, как мы, если не считать некоторой мечтательной неточности их

мышления, а ее им легко можно простить..."

А заканчивается этот абзац на пороге первого романа тетралогии "Былое Иакова" такими словами:

"Откройте глаза, если вы зажмурились перед спуском! Мы на месте. Вот они, глядите, – резкие лунные тени на мирных холмах! Вот она, ощутите, мягкая свежесть по-летнему звездной весенней ночи!"

До встречи с романом "Былое Иакова".

Роман Томаса Манна «Былое Иакова»

Мы на пороге романа Томаса Манна "Былое Иакова". А начало этого былого Иакова, конечно, связано с Авраамом. Я немного уже прикоснулся к его, Авраама, беспокойству, поиску Б-га в прошлых заметках "На подступах к роману Томаса Манна Иосиф и его братья". Теперь надо продолжить разговор о беспокойном мире Авраама, хотя для этого придется с опережением внедриться ненадолго во второй роман тетралогии Томаса Манна "Юный Иосиф".

Вот какие слова мы встречаем в главе "Как Авраам открыл Б-га": "... халдеянин был просто-напросто человеком, который открыл Б-га, после чего Тот на радостях поцеловал себе пальцы и воскликнул: "До сих пор никто из людей не называл меня Господом и Всевышним, а теперь меня так зовут!"

Это у Томаса Манна рассуждает любимый герой Иосиф бен Иаков. И этот умный юноша понимает, что путь Авраама к Б-гу был трудным и даже мучительным. Вот как Иосиф представляет, что произошло в душе Авраама:

"Я, Аврам, а во мне человек, вправе служить исключительно Всевышнему..." Началось с того, что Аврам подумал, что служить и поклоняться нужно одной земле, ибо она приносит плоды и поддерживает жизнь. Но тут он заметил, что она нуждается в дожде с неба. Тогда он взглянул на небо, увидел солнце во всем великолепии, во всей мощи его благодати и проклятия, и решил было уже служить ему. Тут, однако, оно закатилось, и он убедился, что, значит, оно не может быть высшим в мире. Тогда он обратил свой взор к луне и звездам... когда взошла утренняя звезда, пастух и стадо исчезли, и Авраам заключил: "Нет, и эти боги тоже недостойны меня... Хотя они и высоки, но не будь над ними владыки, который ими управляет, как могли бы одни из них восходить, а другие заходить Мне, человеку, не пристало служить им, а не тому, кто ими повелевает".

Так шаг за шагом открывал Б-га Авраам. А Иосиф задумывается у Томаса Манна над тем, каким был его предок Авраам:

"В саком деле, был ли Аврам высокого роста и по-стариковски красив, как Елиезер, или же он был маленький, худой и согбенный?.." Но ведь как трудно, как напряженно и даже мучительно шли поиски Б-га. Может быть, поэтому у Томаса Манна появляется такое предположение:

"Может быть, он (Авраам) был маленький, несчастный, мрачный и весь дергался от снедавшего его беспокойства..."

Оставим роман "Юный Иосиф" и вернемся к началу первого романа тетралогии "Былое Иакова", к главе "Отец", где мы читаем подробный портрет Иакова:

"Иаков – или Иаков бен Ицхак, как он подписывался, – казался человеком величественного, чуть ли не сверхъестественного роста, когда стоял между колодцем и деревом наставленья, ближе к дереву, испещрившему его одежды тенями своих листьев. Еще большую внушительность – то ли сознательно, то ли безотчетно – приобретал он благодаря своей позе: он опирался на длинный посох, обхватив его пальцами очень высоко, отчего просторный рукав его крупноборчатой, в узкую бледную полоску, верхней одежды... сполз с поднятой выше головы, уже стариковской руки, украшенной на запястье медным браслетом. Предпочтенному близнецу Исава было тогда шестьдесят семь лет. Его борода, негустая, но длинная и широкая, сливаясь с волосами головы у висков, торчала на щеках тонкими прядями и падала на грудь во всю ее ширину; нестриженная, незавитая, никак не причесанная и не приглаженная, она серебрилась на лунном свете. Узкие губы были видны в ней. Глубокие морщины уходили в бороду от крыльев тонкого носа. Глаза... с дряблыми, в прожилках, нижними веками, вообще-то уже ослабевшие от старости и зоркие только душевной зоркостью, озабоченно следили за мальчиком у колодца".

Такой вот немаленький портрет Иакова бен Ицхак нарисовал Томас Манн, а я его еще подсократил.

А мальчик у колодца – это же Иосиф. Отца же беспокоит, что Иосиф полуобнаженный сидит под луной и словно молится ей. Мы же с вами помним, как бежал Иаков от Лавана, а Рахель украла идолов Лавана. Можно подумать, что Рахель захотела просто досадить Лавану. Точнее будет, если мы предположим, что у язычника Лавана и дочь полуязычица. Вот и чуткого и мудрого Иакова тревожит в романе Томаса Манна: как бы любимый сын не стал на тропу язычников...

Все мы помним, как любил своего младшего сына Иосифа Иаков бен Ицхак, – как любил сына его незабвенной Рахели. И по всему поэтому Томас Манн создает фантазию о том, как Иаков не смог быть Авраамом... Вот как об этом рассказывает сам Иаков своему Иосифу о привидившемся ему несостоявшемся жертвоприношении.

"... И я услышал голос Его и сказал Ему: "Вот я!" И мое сердце остановилось, мое дыхание замерло. И оседлал я осла рано утром и взял тебя с собой. Ибо ты был Ицхак, поздний мой первенец, и Господь учинил нам смех, когда объявил о тебе, и ты был для меня всем на свете, и все будущее было в тебе! И наколол я дров для всежжения, и взвалил их на осла, и посадил сверху дитя, и вместе с работниками шел три дня из Беэршевы к Едому и к земле Муцри и к горе этой земли – Хореву. И когда издали увидел я гору Господню и вершину гор, я оставил осла с отроками, чтобы они нас ожидали, и возложил на тебя дрова для всежжения и взял в руки огонь и нож, и дальше мы шли одни. И когда ты заговорил со мной: "Отец мой?" – я не сумел сказать тебе: "Вот я", – потому что горло мое неожиданно застонало. И когда ты сказал своим голосом: "Вот огонь и дровам; где же овца для всежжения?" – я не сумел ответить тебе, как должен был, что Господь усмотрит себе овцу, и мне сделалось так худо и так больно, что со слезами я чуть не изверг из себя душу, и я опять застонал, и тогда ты стал искоса глядеть на меня своими глазами. И когда мы пришли на место, я построил из камней жертвенник и разложил на нем дрова, и связал дитя веревкой и положил его поверх дров. И взял нож и закрыл тебе левой рукой оба глаза. И когда я приставил нож и лезвие ножа к твоему горлу – вот тогда я послушался Господа, и рука моя опустилась, и нож выскользнул, и я пал на лицо свое и грыз зубами землю и траву земли, и колотил их ногами и кулаками, и крича: "Заколи, заколи его Ты... ибо он для меня все на свете, и я не Авраам, и душа моя отказывается повиноваться Тебе!" И когда я кричал и колотил землю, гром прокатился по небу от этого места и укатился вдаль. И был у меня сын, и не было больше Господа, ибо я не нашел в себе силы выполнить Его волю, да, да, не нашел, – простонал он, качая лбом, по-прежнему прижатый к руке, в которой был посох".

Дальше Иаков возвращается к этим своим переживаниям незабываемым:

"Разве меня испытывал Б-г? Нет, Он испытывал Авраама, и тот выдержал испытание. Меня же Авраамовым испытанием испытывал я сам, и душа моя не выдержала его, ибо любовь моя была сильнее, чем моя вера, и я не нашел в себе силы совершить это, – простонал он снова и снова склонил к посоху лоб..."

Одну из глав "Былого Иакова" Томас Манн назвал "Двуголосная песнь". Здесь как бы по очереди солируют Иосиф и Иаков, и все это сливается в дивный диалог. Да, в древности пастухи ночами у костров,

когда стерегли стада, – тогда они рассказывали-пересказывали из Писания, и они, эти предания жили и устно. Кто-то заканчивал, а другой говорил: "Знаю доподлинно", – и тоже брал слово.

Вот у Томаса Манне говорит Иосиф:

" – Ах, папочка, дорогой господин мой! – сказал он, оборачиваясь со счастливой улыбкой и обнимая одной рукой отца, к его восхищенью. – Как чудесно, что Б-г любит нас и благоволит к нам и что он допускает дым наших жертв до своих ноздрей!"

Иосиф с радостью говорит, что они из колена житей шатров, что-то говорит о Ханоке. Иаков отзывается. Он сказал:

" – Да, я знаю о Ханоке, из первого колена людского, сыне Иаред, а Иаред был сыном Магалалеила, а тот – сыном Каинана, а тот – сыном Еноса, а Енос был сыном Сифа, а тот сыном Адама. Вот родословие Енока до самого начала. Внуком же его сына был Ной, второй первочеловек, а Ной родил Сима, чьи дети черны, но миловидны, а от Сима в четвертом колене родился Евер, и поэтому Сим – отец всей детей Евера и всех евреев..."

Это было известно, ничего нового он не сообщил. Каждый в роду и в семье с детства знал назубок родословную предков, и старик просто воспользовался случаем развлечься ее повторением и подтверждением. Иосиф понял, что разговор их собьется на "прекраснословие", то есть превратится в такую беседу, которая служит уже не для полезного обмена мнениями о тех или иных практических или религиозных делах, а только для перечисленья известных обим истин, только для напоминанья, подтвержденья и назиданья, и представляет собой разговорную двуголосицу, подобную той переключке, какую ночами заводили у полевых костров...

– Знаю доподлинно – сказал Иаков и взял опять слово. – То была земля, которую Господь пожелал ему указать. Ибо другом Б-га был Авраам, и открыл он духом своим воистину величайшего владыку... И пришел в Дамаск, и родил там со служанкой Елиезера. И пошел дальше по этой земле со своими людьми, что принадлежали Б-гу, и в согласии с духом своим заново освящал святыни людей той земли, и жертвенники, и каменные круги и наставлял народ под деревьями, и учил его, что придет благословенное время, и прибывали к Аврааму окрестные жители...

– Я это знаю так же, как ты, – пропел Иосиф, – и двинулся отец наш из долины к горе и пришел в славное место, что нашел Иаков, и поставил между Бэйт Эдем и прибежищем Гаем жертвенник Всевышнему..."

Перечитываю дальше "Былое Иакова". Томасу Манну не свойственно вести повествование строго и линейно хронологически. Писатель как бы подчиняется умной голове юного Иосифа, его сведущей и богатой памяти о жизни и нравах, страданиях и подвигах его предков. Даже примитивный и дикий Исав

очень хорошо не только помнил, но прямо-таки впитал в себя историю Каина и Авеля. Томас Манн замечает: "... красный, волосатый Исав плакал и выказал полное нежелание мстить и преследовать. Он совсем не хотел еще и убить авелевского своего брата..."

Мне не хочется долго задерживаться на Исаве. Лучше перейду я к главе "Вознесение главы" – самому главному событию молодости Иакова бен Ицхака. Мы помним, мы знаем историю бегства Иакова на восток, к Лавану. Мы помним в подробностях ту ночь, и те вещи сны-видения, которые были дарованы Иакову. И вот как все это описал Томас Манн:

"Тут-то и началось, тут-то и пошло, тут-то и в самом деле, должно быть, среди ночи, после нескольких часов глубокого забытья, голова его была вознесена

от всякого позора к величественнейшему видению, где... ему не снилось, что он находится каком-то другом месте. Он и во сне опирался головою на камень и спал. Но сквозь веки его проникало ослепительное сияние; он видел сквозь них... пуповину, связывающую небо и землю, лестницу, ведущую к высочайшему дворцу, ее бесчисленные, огненные и широкие ступени, поднимавшиеся на невероятную высоту, к верховному храму и к престолу верховного владыки. Они не были ни каменными, ни деревянными, ни из какого-либо другого земного вещества; казалось, что они сооружены из раскаленной руды, из звездного огня..."

И, как мы помним, после этой вещи ночи то место Иаков назвал Бэйтэль – Дом Божий.

Роман Томаса Манна «Юный Иосиф»

Мы с вами на пути от первого романа "Былое Иакова" ко второму – "Юный Иосиф". В 1942 году, когда уже была завершена почти вся тетралогия "Иосиф и его братья", Томас Манн вспоминал:

"Я до сих пор помню, как меня позабавили и каким лестным комплиментом мне показались слова моей мюнхенской машинистки, с которыми эта простая женщина вручила мне перепечатанную рукопись "Былого Иакова", первого романа из цикла об Иосифе. "Ну вот, теперь хоть знаешь, как все это было на самом деле!" – сказала она. Это была трогательная фраза..."

Начинается роман "Юный Иосиф" с маленького трактата "О красоте". Томас Манн пишет:

"Сказано так: Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими, будучи отроком, с сыновьями Валлы и с сыновьями Зелфы, жен отца своего. Это верно, и если в Прекраснословной Беседе прибавлено далее, что он доводил худые о них слухи до отца их, то нам известны тому примеры. Нетрудно найти такой угол зрения, при котором он предстал бы несносным малым. Такова и была точка зрения братьев. Мы не разделяем ее, вернее, приняв ее на мгновение, тотчас же от нее отказываемся, ибо Иосиф был чем-то большим..."

Иосифу было семнадцать лет, и в глазах всех, кто видел его, он был красивейшим из детей человеческих".

Мы с вами хорошо помним, что было потом по книге Бэрэшит: братья, обиженные и даже оскорбленные унижающими их снами Иосифа, жестоко расправляются с ним. Вот как это описано в простодушном письме в романе современного писателя Людмилы Улицкой "Даниэль Штайн, переводчик":

"...я успела посмотреть... еще одно потрясающее место в направлении города Шхема. Там пасли скот братья Иосифа, он их сначала не нашел, а потом нашел, и они сбросили его в сухой колодец, разозлившись на него за толкование сна. Даниэль показал нам такой сухой колодец. Возможно, тот самый. Киломе-

трах в двадцати есть еще один сухой колодец, и, скорее всего именно в этом или очень похожем месте... они его вытащили из колодца и отдали проходящим купцам. Неподалеку, по дну высохшего русла – вади – проходил караванный путь. То есть вся история, которая описана сначала в Библии, а потом у Томаса Манна, просто буквально вот здесь происходила. Купцы купили Иосифа как раба, это стоило на современные деньги гораздо меньше, чем сегодня стоит овца, и отвезти в Египет. Вот такая история. А эта караванная дорога местами еще видна. Там же, возле сухого колодца, мы встретили двух арабских мальчиков, которые пасли коз..."

Вот такая простодушная и наивная современная страница в этом известном романе Людмилы Улицкой. Я уверен, что эта страница тоже поможет нам задуматься над библейской историей Иосифа и над ее интерпретацией у Томаса Манна.

Да, мудрая история Иосифа склоняет нас к размышлению вообще о жизни. Мы начинаем понимать, что без жестоких ударов судьбы способный, но избалованный юный Иосиф не стал бы тем человеком, тем Иосифом, каким мы его знаем и помним.

Не первый раз задумываюсь над тем, что же и для чего же сделал Томас Манн в своих четырех романах об Иосифе, – что сделал из маленькой по объему незабываемой истории из Бэрэшит?.. Да, еще великий Гете считал, что эту историю надо написать намного подробнее. Я передаю мысль, смысл, а не слова. Томас же Манн вошел в литературу в самом конце девятнадцатого века, когда уже были Достоевским и Львом Толстым достигнуты, открыты великие психологические романы. Но сложность и трудность состояла в том, что Томасу Манну необходимо было опираться на древний самобытный библейский мир.

Я остановлюсь на последнем разделе романа "Юный Иосиф". Этот раздел называется "Растрезан-

ный". Речь идет о сообщенной Иакову якобы смерти его сына Иосифа. В этом разделе свыше тридцати страниц и три главы: "Иаков скорбит об Иосифе", "Искушение Иакова" и "Привыкание". А вот тот маленький текст в Бэрэшит, на который опирался писатель Томас Манн. Речь о том, что придумали и что сделали братья Иосифа после того, как его продали купцам-ишмаэльтянам.

"И взяли они рубашку Иосефа, и зарезали козленка, и обмакнули рубашку в кровь, И послали разноцветную рубашку, и принесли их отцу, и сказали: это мы нашли, узнай же, сына ли твоего эта рубашка или нет? И он узнал ее, и сказал: это рубашка сына моего, хищный зверь его съел, о, растерзан, растерзан Йосеф! И разорвал Яаков одежды свои, и оплакивал сына своего многие дни. И стали все сыновья и все дочери его утешать его, но он не принимал утешения, говоря: сойду к сыну моему в могилу. И оплакивал его отец".

Вот весь текст, на который опирался Томас Манн в разделе "Растерзанный". Первая глава раздела "Иаков скорбит об Иосифе" исходит из этого маленького фрагмента из Бэрэшит, а другие две главы – "Искушения Иакова" и "Привыкание" – это уже "психологические" решения Томаса Манна.

Давайте притронемся к этим последним главам романа "Юный Иосиф" и попытаемся почувствовать их библейский мир, их библейскую стихию.

Открываю том на интересующем нас разделе "Растерзанный". Под растерзанным в данном случае разумеется не Иосиф, а, конечно, его бедный отец Иаков. Между прочим, в каждом из четырех наших томасманновских романах всегда ровно семь разделов – то самое библейское число семь... Да, так открываю на нужной странице роман и замечаю на полях пометку "Слово и знак" – это рукой известного стиховеда П.А. Руднева написано. Действительно, мой друг Петр Александрович читал мой экземпляр романа, и его, понятно, заинтересовали рассуждения Томаса Манна о слове и знаке, где под знаком подразумевалась разорванная и залитая кровью рубашка Иосифа. Ведь такой знак страшнее любых слов. Томас Манн пишет:

"Сосредоточенная его жестокость не допускает никаких отсрочек и никакого самообольщения. Он недвусмыслен, и ему не нужно становиться реальностью, потому что он сам – реальность.

... Иаков при виде платья, как того и ждали, упал без чувств, факт подлинный. Никто, однако, не видел, как это произошло, ибо, отбубнив свою небылицу, дофанские жители, два бедняка, которые за небольшую толику шерсти и простокваши тупо согласились изображать нашедших остатки одежды Иосифа, не стали дожидаться, какое действие окажет их ложь, и тотчас дали тягу".

Читая Томаса Манна, мы, конечно, не можем забыть, что он – писатель двадцатого века и что психологический роман – это его стихия. Мы читаем у Томаса Манна:

"Хорошая вещь обычай, благотворно размеряющий предписаниями веселье и горе, чтобы они не буйствовали, не выходили из берегов, а твердо держались четкого руслу. Иаков тоже чувствовал полезность и благодатность связывающей традиции, но внук Авраама был слишком самобытной натурой и слишком живо связывалось у него общее чувство с личными мыслями, чтобы он удовлетворялся однообразными формулами. Он говорил и плакал также свободно, не по чекану, и при этом тоже Елиезер вытирал ему лицо, вставляя иногда слова успокоительного одобрения или предостерегавшего несогласия.

– То, чего я боялся, – бормотал Иаков слабым от горя голосом, – меня постигло, и то, о чем я тревожился, произошло!.. Нет, нет, нет, нет, это непостижимо уму, чтобы действительно случилось то, чего ты боялся. Если бы это меня не тревожило, если бы это стряслось неожиданно, я бы поверил, я бы сказал своему сердцу: ты было беспечно и не предотвратило зла, потому что ты вовремя не углядело его. Понимаешь, неожиданному можно поверить. Но когда сбывается то, чего ты опасался, когда оно все-таки осмеливается сбываться, это, по-моему, ужасно..."

И, конечно же, у Томаса Манна в этой страшной ситуации в словах бедного Иакова не могут не звучать мотивы Иова:

"... Вот я сажу среди мусора, лицо мое побагровело и распухло от плача, и по щекам моим, смешиваясь с пеплом, текут слезы..."

– Вот оно, Елиезер, гляди – разноцветное платье, лохмотья покрывала! Я поднял его в спальне с лица любимой и праведной и протянул ей цветок моей души. Но потом оказалось, что это была не она, что Лаван перехитрил меня, и душа моя долго чувствовала себя несказанно поруганной и растерзанной, – куда праведная в жестоких муках не принесла мне моего мальчика, Думузи, мое сокровище. А теперь растерзан и он, и убита отрада моих очей. Можно ли это понять? Приемлемо ли оно, такое испытание? Нет, нет, нет, нет, я отказываюсь жить. Я хочу, чтобы душа моя удавилась и умерли эти кости!

– Не грехи, Израиль!

– Ах, Елиезер, не тебе учить меня бояться Б-га и преклоняться перед Его всемогуществом!.."

А какие, словно это Иов, говорит Иаков дерзкие слова Б-гу, какие это страшные и невозможные слова:

"... я не мог бы возложить на него дрова для всеожжения и, взяв его за руку, понести огонь и нож. О Елиезер, я честно и сокрушенно признался Б-гу, что на это у меня не хватило бы силы. Ты думаешь, Он милостиво принял мое смирение и сжалился надо мной из-за моего признания? Как бы не так! Он даже глазом не моргнул и сказал: "Да случится то, чего ты не в силах сделать, и если ты не можешь это сделать, Я возьму это Сам". Вот что такое Б-г..."

Да, Томас Манн придал черты Иова своему Иакову!

И еще Томас Манн как бы исследует две вины: и братьев, и самого Иакова. В чем вина Иакова? В том, что именно он, отец, своей безудержной любовью избаловал юного Иосифа. Я вам напомним некоторые размышления писателя по этому поводу. Вот что пишет Томас Манн:

"Они были связаны друг с другом в Б-ге и в Иосифе, и если поначалу было великой мукой жить вместе, то они приняли эту муку как искупление, Иаков и его сыновья. Ибо сыновья знали, что они сделали, и если за ними была вина, то и отец тоже сознавал за собой вину.

Время, однако, шло, заставляя их свыкнуться со своим положением. Оно притупило бурав недоверия

во взгляде Иакова и позволило братьям знать не так уж точно, что они сделали..."

А как мудро и даже немного лукаво завершает Томас Манн этот второй роман цикла "Юный Иосиф", – завершает как бы обращением к Иакову:

"Ах, благочестивый старик! Знал ли ты, какая поразительная прихоть кроется вновь за молчанием твоего на диво величавого Б-га и какое непостижимое блаженство растерзает твою душу по Его воле! Когда ты был молод плотью, одно утро обратило твое глубочайшее счастье в обман и безумье. Тебе суждено стать очень старым, чтобы узнать, что точно так же обманом и безумьем была и твоя тягчайшая скорбь".

Так заканчивается роман "Юный Иосиф". А нас ждет третий роман цикла "Иосиф в Египте".

Романы Томаса Манна "Иосиф в Египте" и "Иосиф-кормилец"

Когда перечитываешь "Иосифа и его братьев" Томаса Манна, то больше задумываешься над тем, как относятся эти четыре романа с Библией – Танахом, конкретнее с книгой Бэрэшит – Бытие. Поначалу наивно восхищаешься богатой фантазией Томаса Манна, который, чтобы показать, как страдает жена Потифара от безответной любви к Иосифу, как нам кажется, писатель придумал такую хорошо запоминающуюся сцену. Влюбленная страдалница приглашает своих подруг из придворного круга в гости и просит прислуживать им управляющего-раба красавца Иосифа. Предварительно она велела слугам остро наточить фруктовые ножи. И вот на этом приеме важные дамы едят фрукты и пьют напитки, которые подает им красивый Иосиф. Они так засмотрелись на этого раба, что, разрезая фрукты, порезали себе ладони. Влюбленная хозяйка как опытный режиссер все предусмотрела – не только велела наточить ножи, но и заготовила перевязочный материал. И вот когда удалился Иосиф, хозяйка своим подругам сказала примерно так: мол, каково мне его видеть каждый день; вы один раз его увидели – и посмотрите, что натворили... Это она говорила в то время, как служанки перевязывали ее подруг.

Да, я наивно восхищался Томасом Манном, его воображением и фантазией, не зная, не подозревая, что эту историю писатель вычитал, позаимствовал в Талмуде...

Тут надо остановиться немного на устном бытовании того, что мы с вами читаем в Танахе-Библии. Когда мы читаем, что рунопевцы сидели друг против друга и, держась за руки, пели и сказывали руны, которые у Лённрота превратились в "Калевалу", то не всегда мы задумываемся, как вели себя в такой ситуации древние еврейские пастухи. Они ночами у костров, когда нельзя было спать и надо было беречь стадо от хищников, – вот тогда у костров они рассказывали друг другу многое из того, что мы с вами узнаем из чтения Танаха-Библии. Томас Манн хорошо изобразил это рассказывание-воспоминание в одной из глав "Былого Иакова", когда Иосиф и Иаков рассказывают друг другу древние истории, начиная такими словами: "Знаю, доподлинно знаю..."

Ведь еще до того, как многое было записано, эти истории долго жили устной жизнью, в устной передаче. Мы знаем, что в Иудее древней распевали те свадебные песни, которые позднее неизвестный поэт или поэты превратили в "Шир-хаШирим", то есть

в "Песнь Песней". А чтобы эта поэма могла войти в строгий канон, приписали ее авторство царю Соломону.

Да, народная память и народная фантазия сильно, активно работали в глубокой древности. И все это время был строгий запрет на запись устной традиции, – запись на все то, что потом составило много-много-томный Талмуд, то есть не просто книгу, а целую немалую библиотеку. А сняли запрет на эту запись уже в первые века новой эры, уже после гибели Храма, Иерусалима и государства. И Талмуд включил в себя и законы, и комментарии, и агаду. Теперь многое из агады называют фольклором. И среди этих сказаний есть прекрасная история о том, как жена Потифара, прибегнув к жестокому эксперименту, поведала, как она страдает от безответной любви. А я-то наивный эту историю впервые прочитал у Томаса Манна и вообразил, что это он сам ее придумал...

После этого весьма длинного вступления в роман "Иосиф в Египте" и некоторого опережения событий я должен встроиться в ход последовательного повествования. И вот в начальных частях романа этого, где купившие раба купцы везут его в Египет потому, что таковы их торговые цели, то их, купцов, возмуща-

ют вопросы Иосифа: мол, куда вы меня ведете. Они отвечают в том смысле, что они не его везут для него, а туда направляются, куда им надо... Тут надо пояснить, почему задавал такие вопросы Иосиф. Дело в том, что в Торе, в Бэрэшит нет никаких описаний и подробностей, как был отведен Иосиф в Египет. Можно подумать, что это дало возможность свободно фантазировать Томасу Манну. Но это только так кажется на первый взгляд. Все дело в том, что Томас Манн как бы пронизал все эти эпизоды повествования одной мыслью, теми словами, которые Иосиф скажет много лет спустя братьям своим, когда им откроется: "... не вы послали меня сюда, но Б-г..."

Речь, понятно, идет о том, что Иосиф был послан вперед, чтобы всех их спасти, спасти весь род их. Эту мысль мы встречаем и последнем абзаце "Юного Иосифа" и во многих местах романа "Иосиф в Египте" – с самого его начала.

Мысль о том, что у Б-га насчет Иосифа есть очень важная цель, особенно заметна на тех страницах Томаса Манна, когда его, Иосифа, проводят купцы недалеко от его мест, где обитает отец Иаков. Да, Иосиф думает о побеге, о том, чтобы вернуться к отцу и снова стать избалованным любимцем. Но, тут же спохватывается Иосиф, – он не может забыть тревожащую его мысль о том, что нельзя нарушать замысел Б-га, нельзя этого делать. Едва ли это ясная мысль, но ощущение, чувство такое все время присутствует в размышлениях юного Иосифа в томасмановском романе. Да, все это идет под тем знаком – под знаком тех знаменитых слов Иосифа, которые он когда-то скажет братьям...

Прибытие Иосифа в Египет для Томаса Манна особый, как это ни странно, праздник, радость, ибо он, писатель, может позволить себе погрузиться в мир древнего Египта – мир так хорошо ему, Томасу Манну, известный еще со времени гимназической юности. И он как бы дарит свое увлечение древним Египтом умному и в высшей степени любознательному Иосифу.

Да, с третьего романа цикла, с "Иосифа в Египте" начинается буквально море разлитое подробностей жизни древнего Египта. И вот когда судьба забрасывает Иосифа в этот самый Египет, то Томас Манн со своим степенным юмором, говоря "известно доподлинно", описывает весь этот мир, – в это время чтения не вспоминаем ли мы ту простодушную машинистку Томаса Манна с ее забавным замечанием, что теперь, после чтения рукописи романа библейского этого, она знает, как все это было на самом деле... Может быть, она как бы подтолкнула писателя все больше и больше разворачивать подробности?..

Второй раздел романа "Иосиф в Египте" называется "Вступление в Шеол" – это о

прибытии Иосифа с купцами в Египет. Притом что Иаков любил называть мрачно Египет Шеолом, но это, конечно, не ад. Под словом "шеол" древние ев-

реи подразумевали только царство мертвых. И Томас Манн начинает этот раздел так про Иосифа:

"Что он увидел там прежде всего? Это мы знаем с полной определенностью..."

Но поскольку в Бэрэшит об этом нет ничего, то и руки и воображение у Томаса Манна в некотором смысле свободные.

Я уже не раз замечал, что писатель любит эту игру в достоверность. Начинается другая глава опять же с этой самой достоверности.

"Как точно известен нам путь, которым вели отторгнутого от дома Иосифа! Вниз ли, вверх ли, это зависит от того, как считать. Ко всем его запутанным обстоятельствам прибавилась и путаница с "верхом" и "низом". Относительно родины он, как прежде Аврам, двигался, следуя в Египет, "вниз", но зато в самом Египте он стал двигаться "вверх", то есть навстречу течению реки, а текла река с юга, так что в полуденном направлении Иосиф уже не "спускался", а "поднимался". Эта путаница казалась нарочитой..."

Проходит немало времени прежде, чем повелитель раба Иосифа Потифар замечает, как даровит, как талантлив его раб. И Томас Манн делает так, что их разговор поворачивает на тему греха. Когда Иосиф заговорил о грехе, то Потифар спросил:

" – А что такое ... грех?"

– Именно это, мой повелитель, – затребованное, но в то же время запретное, приказанное, но в то же время заказанное под страхом проклятья. Пожалуй, только мы одни в мире знаем что такое – грех".

Так отвечает Иосиф на вопрос Потифара. А нас с вами ответ Иосифа заставляет вспомнить жертвоприношение Авраама. Мысль Томаса Манна о грехе осложняется тем, что неразумные родители Потифара совершили грех – оскотили своего ребенка во имя дикого предрассудка... Но это Томас Манн придумал для того, чтобы максимально драматизировать последующие события, о которых я уже упоминал.

Я собирался что-то писать отдельно о последнем, четвертом романе цикла "Иосиф и его братья", – о романе "Иосиф-кормилец", но подумал, что в этом романе Томас Манн как раз "разрабатывает" все то, что мы хорошо помним из Бэрэшит. Да, здесь свершится "Другая яма" – так называется первый раздел романа "Иосиф-кормилец". Если беспечное толкование Иосифом перед братьями своих юношеских снов привели его к первой яме, то другая яма поднимет его, Иосифа, на невероятную высоту. Но не сразу. Сначала Иосиф растолкует осужденным придворным их сны, а затем придется толковать сны фараона. Сначала глава называется "Иосиф приходит на помощь как толкователь", а затем – "Сны фараона". События так быстро развиваются, что появляется глава "Владыка над землей Египетской". "Иосифу нравится жить" – это тоже название главы. Следом идет глава "Они придут". Тревожное время голода и приход братьев.

Сначала они "В неполном составе" (опять название главы), а во второй приход и с Вениамином. Затем драматические испытания и не требующая никаких объяснений глава "Это я"...

Незабываемое "Собрание перед смертью" у постели Иакова, когда он говорит, буквально рисует будущее колен Израиля. И прекрасный финал всей этой тетралогии Томаса Манна, где Иосиф говорит братьям:

"Спите спокойно! Завтра с помощью Б-жьей мы отправимся назад, в забавную землю Египетскую. Так

говорил он с ними, и они смеялись и плакали вместе, и все тянулись руками к нему, стоящему среди них, и дотрагивались до него, и он тоже их гладил. И на этом кончается прекрасная, придуманная Б-гом история об Иосифе и его братьях.

Томас Манн писал эту очень большую книгу больше пятнадцати лет – начал в середине двадцатых годов, а завершил в самом начале 1943 года посреди страшной войны.

Шолом-Алейхем

«Мальчик Мотл»

В "Тевье-молочнике" идет сплошной монолог героя, и этот герой, умудренный жизнью и Книгой Тевье, к концу повествования уже довольно пожилой человек. И в "Мальчике Мотле" тоже сплошной монолог героя, только этот герой небольшой мальчик, которому нет девяти лет. Его глазами мы видим всё: и близких людей – маму, да, вечно заплаканную маму, так как от туберкулеза умирает отец хази Пэйси; и старшего брата Эли, и всё окружающее мальчика – и обычные и далеко не обычные события. Всё-всё обязательно преображено детским восприятием, богатым детским воображением. В этом всем и обаяние, и детская непосредственность, и, понятно, детское преображение взрослых проблем. И все это рождает неподражаемый шоломалейхемовский юмор и многое другое, что трудно охватить одним взглядом.

"Мальчик Мотл". Те, кто читают Шолом-Алейхема только в переводе, привыкли к этому названию. А в оригинале, на языке идиш это название выглядит так: "Мотл Пэйси дэм хази", то есть "Мотл (сын) Пэйси хази". Многие не знают древнееврейского слова "хази", но слышали слово "кантор"...

Мотл – живой и очень наблюдательный мальчик, как и все дети, часто любящий как-то повторять взрослых. Он и клянется, как это делают взрослые. В таких случаях он бросает: "Ви их бин а ид!.." В оригинале это звучит очень эмоционально, но трудно кратко перевести это. Буквально: "Как я еврей!" Но ведь смысл этого изречения примерно таков: "То, о чем я говорю, так же верно, как то, что я еврей".

У переводчиков, бесспорно, были немалые трудности, хотя среди них были также известные мастера, как М. Шамбадал и Р.Рубина. Не надо забывать, что было еще и мощное советское идеологическое давление, а в послевоенные годы еще и сдобренное хорошей порцией государственного антисемитизма. Вот, например, группе писателей во главе с Корнеем Чуковским разрешили пересказать Библию для детей, но с таким условием: чтобы в тексте ни разу не было слова "еврей". Вот так.

Мальчик Мотл удивляется, что озорные мальчишки мучают животных, привязывают несчастной

кошке жестянку к хвосту; та пугается, бежит, жестянка гремит еще сильнее и пугает еще больше. Мотл, по-своему, рассуждает-размышляет: зачем мучить кошку? Лучше ее погладить по голове, тогда она начинает муркать, мурлыкать. Мотл любит животных, особенно всех маленьких – и маленьких кошечек, котят, и маленьких собачек, щенят, и маленьких козочек. Он и дружит с соседским маленьким теленком и дал ему имя-кличку Мени, потому, что тот "говорит" все ме да ме... Да, Мотл любит всех маленьких, но свинок, даже самых маленьких поросят он видеть не может!.. Так в душе еврейского ребенка смешиваются его детские пристрастия с восанным с молоком матери...

Мой покойный старший брат Моисей Гин, известный литературовед, когда рассуждал о национальном своеобразии, то любил вспоминать это место из Шолом-Алейхема, где маленький Мотл рассказывает о том, что он любит все маленькое и чего он не любит.

Тут хочу напомнить замечательное письмо М. Горького, написанное им в 1910 году Шолом-Алейхему. Горький писал:

"Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал. Чудесная книга! Перевод, мне кажется, сделан умело и с любовью к автору. Хотя местами чувствуется, что на русском языке трудно передать печальный и сердечный юмор оригинала. Я говорю – чувствуется.

Книга мне сильно нравится. Еще раз скажу – превосходная книга! Вся она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни.

Искренне желаю Вашей книге успеха, не сомневайтесь в нем".

Далеко по не идеальному переводу Горький почувствовал главное и в книге этой, и во всем Шолом-Алейхеме. Вот они эти слова: "смеялся и плакал"; "печальный и сердечный юмор"; она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу".

Тевье-молочник живет в украинском селе, и его мир – это мир семьи, мир Книги, то есть Торы, всего Танаха и Талмуда, и, конечно же, народной мудрости, как говорят ученые, смеховой культуры, то есть

попросту народного юмора. Он, Тевье, понятно, общается и с соседями по селу, мирно и хорошо с ними живет; вот одна пословица, которую говорит Тевье: "ще нэ поймав, а вжэ скубэ"; соседи часто советуются с мудрым и доброжелательным Тевье. Даже когда прокатывается волна еврейских погромов, то они, односельчане, приходят к Тевье и говорят, что если они хотя бы не побьют ему стекла, то их не поймут в соседних селах...

Иное дело мир местечка, мир типичного шоломалейхемовского местечка Касриловки в "Мальчике Мотле". Здесь мы читаем, как долго болеет и умирает от туберкулеза легких бедняк хазн Пейся и бедствует его небольшая семья: жена, старший сын Эля и маленький неунывающий Мотл. Хорошо, что есть добрая и жалостливая соседка Песя "ды гробэ", то есть Песя толстая, которая, как умеет, старается подкармливать несчастных соседей. А ее муж "бухбиндер", то есть переплетчик, человек очень нужный в нищем местечке, где, тем не менее, очень много книг, и поэтому название его профессии "бухбиндер" во времена введенных паспортов в середине XIX столетия становится довольно распространенной фамилией. Этот добросовестный и приветливый переплетчик любит говорить с улыбкой, что рай на земле – это баня по пятницам...

Так мы потихоньку входим в мир местечка, где живет маленький Мотл Пэйси дэм хазнс... А мир этот очень печален, умирает отец нашего маленького героя. Но так устроена эта жизнь, что горькое и печальное еще недоступно маленькому мальчику. Наступает время траура, Мотл перестает ходить в хэдэр, все его жалеют. Когда старший брат Эля хочет за шалости дать подзатыльник Мотлу, мама его одергивает примерно так: как ты можешь его наказывать – он ведь "ёсэм", он ведь сирота?! И внутренний голос подсказывает Мотлу такие слова: "Мне хорошо – я сирота". Эти слова "Мир из гут – их бин а ёсэм" становятся названием второй главы этой повести. Горькая усмешка, горький и добрый этот юмор, который так хорошо почувствовал даже в переводе М. Горький, имеет своим началом очень давнее, очень строгое и много раз повторенное в разных местах Танаха человечнейшее правило о непрременном внимании, о заботе о сироте и вдове. И эти слова – "ёсэм" и "алмонэ" – как бы ни плохо мы помнили свой язык, – эти слова крепко вбиты в нашу память.

"Мальчик Мотл". Хотя здесь немало бед и печалей, немало несчастий и всяких горестей, но здесь же настоящие шоломалейхемовские каскады смеха, то есть вполне еврейская ситуация. Где-то Шолом-Алейхем обронил: "Еврей смеется, чтобы не плакать..." А в повести "Мальчик Мотл", наверно, больше смеха, чем где-либо в другом месте у Шолом-Алейхема.

Давайте и дальше пойдем по некоторым главам этого повествования. Вы помните, что у Шолом-Алейхема такие говорящие наименования глав. Вот

как эта: "Мой брат Эля женится". – "Майн брудэр Эле хот хасэнэ". И какие первые слова в этой главе: "Поздравляю вас! Знаете? Мой брат Эля женится!" Это, конечно, нас с вами поздравляет Мотл... А как это звучит в оригинале: "Маэлтов! Ир вэйст? Майн брудэр Эле хот хасэнэ!" И так будет буквально с каждой главой этой книги. Но настоящее феерическое действие начинается с главы "Напиток моего брата Эли". На языке оригинала "напиток" звучит куда менее интеллигентно: "гэтранк" чуть ли не как "питьё" и даже "пойло" ... Тут надо вспомнить о шоломалейхемовских "людях воздуха". Для них самое главное – это замысел, это мечта: вдруг разбогатеть. И вот этот самый напиток создан. Кто же будет бегать по базару и кричать: "Квас! Квас! Идн, квас!?" Конечно же, не мама, ей неприлично, и не старший брат Эля, ибо он уже женатый человек. Какие могут тут быть вопросы: кто как не маленький Мотл. Для него это суший пустяк. У него даже штаны кричат. Он, Мотл, говорит, что какие-то странные у него штаны: когда их поставишь – они стоят, а когда идешь – они кричат...

Ему, Мотлу, брат велел бегать по базару с кувшином и стаканом и напевать: "Евреи, напиток! Копейка – стакан!" Мотл лихо перевернул слова: "Сладкого квасу стакан! Копейка – еврей!.." И был огромный успех до тех пор, пока увлекшийся Мотл в темноте не перепутал, где напиток, а где бадья со стиранным бельем... Кончилось все, когда городской, попробовав напиток, спросил:

– Где ты взял такие помои?..

Но эти события никак не остановили поток фантазий старшего брата Эли, поэтому следующая глава называется "Мы наводняем мир чернилами". И таки наводнили. Ну, куда можно деть такое огромное количество бутылей, бутылок и маленьких бутылочек в их местечке? Их пришлось все-все вылить ночью. А утром... Про утро пишет Шолом-Алейхем, то есть рассказывает Мотл: "Соседи наши проснулись утром: и пошла кутерьма – прямо зарезали их! У одного всю стену забрызгали чернилами. У другого облили забор, новенький забор! У третьего была пара белых коз, а ему их покрасили в черный цвет, – не узнать их. Но все было бы терпимо, если бы не резниковы чулки. Новенькую пару чулок, белых чулок, резничиха повесила на заборе у нашей соседки, а их испортили вконец. Просили ее вешать чулки на чужой забор! Мама обещала купить ей пару новых чулок, лишь бы все было тихо. Но что делать со стеной? С забором? Решено было, что мама и моя золовка Броха возьмут щетки и затрут пятна белой глиной.

– Ваше счастье, что вы напали на порядочных соседей. Вот напоролись бы с вашими чернилами на Менаше-лекаря, тогда бы вы почувствовали, как велик наш Б-г! – говорит маме соседка Песя.

– Что же вы думаете? И в беде нужна удача! – говорит мама и смотрит на меня.

Что она этим хочет сказать?.."

Вы думаете, что неудачи так-таки и обескуражили неумного старшего брата Элю? Вы ошибаетесь. Вот что поведал нам маленький Мотл: "Знаете, что у нас на очереди? Мыши!" Но вскоре появляется, как говорит Мотл, "наш друг Пиня". Друг-то он, конечно, не наш, а старшего брата Эли. И он, Пиня, торжественно сжигает в печке любимую книгу Эли. "Минута-другая – и от книги моего брата Эли, помогающей зарабатывать "сто рублей в месяц и больше", остается лишь горсточка пепла".

"Наш друг Пиня", в отличие от Эли, не "деятель", но и его фантазия всех их сдвинет с места. И следующая глава начинается восклицанием Мотла: "Ура, мы едем в Америку! Где она, эта Америка? Не знаю. Знаю только, что это далеко, ужасно далеко! Туда нужно ехать и ехать до тех пор, пока не приедешь..."

И вот начинается их долгое путешествие с мытарствами. Глава называется "Мы нарушаем границу". В подлиннике резче сказано: "Мир ганвэнэн ды грэнэц". Но до границы еще далеко. И вот как начинается их путешествие:

"Кони Лейзера, хоть и летят, как орлы, однако мы порядком тащились, покуда прибыли на станцию. А когда прибыли, не могли вылезть. Мне было легче всех. Ведь я с Лейзером сидел на облучке. Правда, было жестко, все кости ныли, но зато спрыгнуть можно было за одну минуту. А вот они прыгать уже не могли. Вы знаете кто: мой брат Эля, моя золовка Броха, наш друг Пиня со своей женой Тайбл и моя мама. Хуже всех пришлось женщинам. Они где сидели, там и застряли! Пришлось сначала сбросить все узлы и всю постель и лишь потом вытаскивать наших женщин поодиночке. Все это сделал Лейзер. Он хотя и сердитый и проклиняет всех и вся на чем свет стоит, но человек порядочный и извозчик честный. Жаль, что он оставил нас с узлами на станции, а сам пошел искать обратных пассажиров. Без него мы остались

одни, словно среди моря. Во-первых, нам причинил немало огорчений служитель на станции. Он цеплялся к нам за то, что у нас много узлов, и не столько из-за узлов, сколько из-за постели. Дело ему большое, что мы возьмем много подушек! Мама пыталась говорить с ним по-хорошему, объяснила, что мы едем в Америку. А он расвирипел и послал нас в такое место, что даже стыдно сказать".

И вот пошла череда городов, через которые пришлось проезжать Мотлу и его большой халястре... И среди них – Вена. Глава в переводе называется так: "Вена – вот это город". А если точно перевести, то получится: "Вена – город, и Б-г – отец"... А больше всего приключений у них было, наверно, в Лондоне. В одном городе познакомились с бойким и странным евреем, который клялся в таком стиле: "Чтоб вы этим столом подавились, если я вру!..." Но самым забавным оказалось освоение лондонского трамвая. Когда местечковая халястра увидела проезжавший трамвай, то они замахали энергично руками, чтобы трамвай остановился именно там, где они стояли. Кто-то, поняв в чем дело, подвел их всех к остановке. И вот они уже едут в трамвае, при этом, конечно, догадываются что надо платить. К ним подошел кондуктор и резко бросил: "Файф!" А они: ха-ха-ха! Дело в том, что по-английски "файф" – это пять центов, а на идиш это повелительна форма от глагола "свистеть". Для них это прозвучало как команда: "Свисти!..." Так они стояли и посмеивались до тех пор, пока кондуктор уже сердито им бросил: "Файф!" Они опять: ха-ха-ха... Тогда кондуктор остановил трамвай и вышвырнул их...

Я не успею рассказать вам, как Мотл и его близкие жили-бедовали в Америке. Вам придется об этом перечитать самим. Эту вторую часть повести Шолом-Алейхем написал в свои последние годы на земле, когда он сам жил в Америке.

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Еврейская поэзия живет более трех тысяч лет. Из эпохи Танаха известно самое древнее стихотворение XII века до новой эры «Песня Деборы»; затем пришли в мир великие Хваления-псалмы. Эпоха Талмуда оставила свою поэзию. Наш сборник начинается ряд блестящих еврейских поэтов средневековой Испании: Шмуэль ха-Нагид, Моше Габироль, Моше ибн Эзра, Иегуда Галеви, Авраам ибн Эзра. Они писали стихи на древнееврейском языке, а деловым каждодневным языком их был арабский. Стихи писались по-еврейски, а трактаты философские – по-арабски.

И уж более близкое к нам время дало двух великих поэтов: Хаима Нахмана Бялика и Шауля Черниковского.

А самый молодой поэт, представленный в этом сборнике, Велвл Чернин, живет в Израиле и пишет стихи на языке идиш, который он осваивал и усовершенствовал в достаточно сознательном возрасте.

Шмуэль ха-Нагид (993 – 1056)

Шмуэль ха-Нагид один из ранних еврейских поэтов и философов в Испании. Он был визирем халифа, а при его безвольном наследнике стал по сути дела главой халифата. Приведу несколько его дидактических стихотворений.

Когда от роду год всего,
ребенок ползает змеей,
Как только на ноги встает,
запрыгать норовит козой.

Двадцатилетний удалец
красоткам жаждет угодить,
Тридцатилетний, не страшась,
готов и бурю укротить.

Сорокалетнему привет,
как другу, дарят старики,
А в пятьдесят уж – седина,
прошли счастливые деньки.

Немилосердный перст времен
коснется сердца в шестьдесят,
Сгибают в семьдесят года,
и вниз глаза уже глядят.

Восьмым десятком сети лет
охватят так, что не вздохнуть,
А в девяносто кто поймет,
к зиме иль к лету держим путь.

Столетний будто говорит:
спеши взглянуть в последний раз.
Когда в могилу мы сойдем,
один червяк оценит нас.

Печален наших дней итог,
туманит грусть мои глаза,
И плачу я, и сердце жжет
бессилья горькая слеза.

Перевод Я. Либермана

Достоин уваженья тот,
чья гордость не велит просить.
Презренья стоит льстец, что рад,
мерзавцу преданно служить.

Перевод Я. Либермана

Кто не стыдится позабыть
друзей поддержку в трудный час,
Слепцу подобен, в чьих глазах
свет благочестия угас.
А кто заносчиво глядит
на тех, кто от несчастья спас,
Благодаяние чернит,
как самый низменный из нас.

Перевод Я. Либермана

Укрепи свое сердце в несчастье любом.
И пусть смерть в твои двери колотится лбом,
Еще лампа горит, хоть и светит с трудом,
Ранен лев, но рычит, бьет упрямо хвостом.

Перевод В. Лазариса и Я. Либермана

Мы познакомились с дидактическими стихотворениями Шмуэля ха-Нагида. А теперь три его стихотворения «Из гимнов вину» в переводе В. Лазариса.

* * *

Отменного вкуса, пурпурного цвета,
Испанский разлив, что и в Индии чтим,
Лишь кинется в голову выпивка эта
И валит любого, и правит над ним.

Скорбящий, чья кровь вытекает слезами, –
Его виноградная кровь исцелит,
И чаша по кругу идет меж друзьями
И, будто картежников коном, манит.

* * *

Скончался ав, почил элул
И их жара прошла,
Пришел тишрей, но и его
Кончина унесла.

Пришли дожди и холода,
И, весело звеня,
В кувшине новое вино
Опять зовет меня.

А потому идем, мой друг,
С другими заодно,
Чтоб каждый мог, чтоб каждый мог
Испить свое вино.

Они сказали: посмотри
На дождь, послушай гром,

Взгляни – от пламени костра
Морознее кругом.

Один летит куда-то вниз,
Когда встает другой,
Вставай! – И будем до утра
Мы пить вино с тобой.

* * *

Не пора ли, друг мой, выпить
Нам с тобой вина?
Петухи меня подняли
И лишили сна.

Выйдем из дому и в этот
Предраассветный час
На востоке алой нитью
Утро встретит нас.

Я хочу обнять скорее
Полной чаши круг
И отпить багрец душистый
Из девичьих рук.

Пусть она про все на свете
Песню мне споет
И душа моя родится,
А потом – умрет.

Шломо ибн Табироль

(Родился в 1021 или 1022 году. Дата смерти неизвестна)

Шломо ибн Табироль родился на юге Испании. Рано осиротел. Был очень болезненный и одинокий человек. Современники считали его очень неуживчивым. Прожил мало. После 1045 года нет сведений о Табироле. В ранней юности Табироль написал поэму, в которой сформулировал правила древнееврейского языка. Он автор многих стихотворений и философских трактатов. Один из них «Источник жизни» в переводе с арабского на латынь стал одним из главных произведений средневековой схоластики. Долго знали, что этот трактат написал Авицеброн, и только в 1846 году ориенталист Соломон Мунк доказал, что Авицеброн и Шломо ибн Табироль – это одно и то же лицо.

Пристало ль мне уже в шестнадцать лет
Прослыть певцом житейских мук и бед.

Не лучше ль, как ровесники мои,
Встречать беспечно вечер и рассвет?

Но рано ощутил я сердца власть,
Стать праведным и мудрым дал обет.

И рано юности огонь погас,
И в скорби я увидел яркий свет.

Стенанье, плач мою сжимают грудь,
Когда веселью я гляжу вослед.

Но слезы – ложь! Надежда – лишь обман!
В них никакого облегченья нет.

Когда ж судьбой бальзам мне будет дан,
Что исцеляет от смертельных ран?

Перевод Я. Либермана

Другие стихотворения перевел В. Лазарис.

Ты все хочешь узнать – и на помощь я силы зову –
Дня чего разорвал я одежду и пеплом посыпал главу?

Я не плачу по мертвому и не скорблю по нему,
Ибо каждый умрет – не сумеет откупиться ему.
Я горюю о том, что удел мой – болезнь и кровать,
Я не встану, и вновь без меня будут Тору читать.

Еще одно стихотворение, которое – это точно известно – написано в шестнадцатилетнем возрасте.

*Да, я смело Судьбу вызываю на бой,
Пусть неведомы сроки мои и кануны,*

*Пусть грохочет потоп над моей головой –
В моем сердце не дрогнут невучие струны.
Это храброе сердце пока еще юно,
Но глубокой и зоркой полно прямоюй.*

Моше ибн Эзра (1055 – 1139)

В XI и XII веках, в замечательную эпоху еврейской поэзии в Испании, жил поэт Моше ибн Эзра. Это была в высшей степени культурная семья, давшая много громких имен, среди которых Иегуда ибн Эзра; мы знаем его по роману Лиона Фейхтвангера "Испанская баллада". Иегуда ибн Эзра был племянником поэта. Та эпоха не знала узких специалистов. Поэт Моше ибн Эзра был и лингвистом, и историком литературы, и философом. У него было много учеников, и среди них поэт Иегуда Галеви.

Несколько стихотворений из сборника Моше ибн Эзры "Хризолит" ("Таршиш"). Хризолит – на древнееврейском Таршиш – полулегендарная страна на территории Испании. Поэтому в названии сборника речь как бы идет одновременно и о красивом камне и о неведомой стране.

*Груди любимой ласкай под луной,
Губы любимой целуй день-деньской...*

*Сдайся любви, невзирая на тех,
Кто возглашает, что все это грех.
Только любовь будит радостный смех.
Женицин послал нам небес Властелин,
Чтобы не стало угрюмых мужчин.*

*Краткая жизнь человеку дана,
Так получи свою радость сполна:
Пой и пляши, не чурайся вина,
А как напьешься, то, чтобы поспать,
Лучшее место – девичья кровать...*

Перевод Г. Бена и Я. Либермана

*Вот могилы давних лет
Тех людей, чей сгинул след,*

*И ни зависти, ни бед
Меж соседей больше нет.*

*Нету злобы, крик затих,
И когда смотрю на них,*

*Не скажу я никогда,
Кто – рабы, кто – господа.
Перевод В. Лазариса*

Загадка

*Она в темной ночи нам служить рождена.
Точно пальма, что тянется к небу, стройна.*

*Как копье золотое, пряма и остра,
Она солнцу и звездам лучистым сестра.*

*На щеке ее искра-слезинка дрожит.
Пламя точит ей тело и смертью грозит.*

*Но продлить краткий век ее можете вы
Отсеченьем горячей ее головы.*

*Нет другого, подобного ей существа.
Так к кому же относятся эти слова?
(Свеча)*

Перевод Я. Либермана

Иегуда Галеви (1075 – 1141)

Иегуда Галеви – великий еврейский поэт и философ, живший и писавший в средневековой Испании. Он стремился на родину, на восток. И тогда это было непросто.

*Я на Западе, а сердце
На востоке без остатка.
Моя пища так безвкусна,
И откуда быть ей сладкой,*

*Коли я сдержать не в силах
Обещания святого,
А на мне самом оковы?
Всей Испании богатства*

*Я бы бросил грудой хлама,
И упал бы, и зарылся
В пыль разрушенного Храма.*

Перевод В. Лазарис

В 1140 году Галеви закончил главный свой философский труд "Книгу Хазара" ("Сефер Кузари") и отправился на родину предков.

*Давно отмерен срок
Сомнений и тревог
В конце моих дорог
Белеют города.*

*Песком занесены
До будущей весны,
Они тихи, как сны,
Прозрачны, как вода.*

*В тени разбитых стен
Забвенье, прах и тлен,
Тоскливый вой гиен,
Стервятников страда,*

*Но я готов идти
Всю жизнь, чтобы найти
Заветные пути,
Ведущие туда.*

*Я бросить все готов –
Друзей, родимый кров,
Веселый шум пиров,
Безбедные года,*

*Давно я сердцем там,
Где плещет Иордан,
В прекраснейшей из стран,
Где гор встает гряда.*

*Мне прах отцов милей
Застолья королей,
Лишь там, в родном тепле
Давидова гнезда,*

*Где спят который век
Скрижали и ковчег,
Где время медлит бег,
Ненастьям никогда*

*Не сбить с куста огонь...
Лишь там, в земле благой,
Я обрету покой
Отныне – навсегда.*

Перевод А. Тарновицкого

Иегуду Галеви последний раз видели, когда он на корабле отплыл от Александрии. Дальше его следы теряются. Доплыл ли он до Палестины, добрался ли до Иерусалима – неизвестно...

Авраам ибн Эзра (1089 – 1164)

Авраам ибн Эзра – поэт, философ, грамматик, комментатор Библии и астроном – родился в Толедо (Испания). Судьба была его немилосердно. Из пяти детей четверо умерли, а пятый, Исаак, покинул Испанию и принял ислам. В "Плаче о сыне Исааке" Эзра оплакивает словно бы умершего сына.

*Думал я, родился он на счастье,
В старости защитой от ненастья
Мне он будет. Тицетны ожиданья.
Я не понял посланного знака,
Суждены мне вечные страданья
После смерти моего Исаака.*

Перевод В. Лазариса и Я. Либермана

Авраам ибн Эзра много скитался по странам Европы и Северной Африки. В эти годы много сил отдает исследованию библейских книг, пишет комментарии к Торе и Кохелету. В 1158 году, находясь в Лондоне, Эзра видел сон, и он записал этот сон-видение. Получился небольшой текст под названием "Грамота Субботы" ("Иггерет Шаббат"). В конце жизни поэт возвращается в Испанию и умирает на границе между Наваррой и Старой Кастилией.

*Звезды в заговор вступили в ночь,
когда я нарождался,
Оттого не удастся мне,
за что б я ни принял.*

*Торговал бы я свечами – вечно солнце бы светило.
Шил бы саваны умершим – смерть бы к людям
путь забыла.
Постучусь я в двери князя – "он из дому уезжает",
Вечером являюсь снова – "князь давно уж почивает".*

*И беднейшему страдальцу остается жить,
как прежде,
С нищетою не расставаясь, как с прорехами
в одежде.*

Перевод Я. Либермана

Еврейская поэзия

Араб воспел союз любви
И сладкий пыл любовной неги,
Эдом прославил мечь крови,
Удалых рыцарей набегу.

Индуса речь – тайник священный,
Ионян музы нет умней,
Но славу неть Творцу Вселенной
Способен только Иудей.

Перевод А. Дробинского

Иегуда Алхаризи (1170 – 1265)

Иегуда Алхаризи, последний поэт этой блестящей плеяды, жившей и творившей в средневековой Испании. Алхаризи родился в Испании, а большая часть жизни его связана с югом Франции, с Провансом. Поэт много переводил с арабского на древнееврейский, в том числе и Маймонида. Алхаризи был одним из первых профессиональных литераторов – он своим пером добывал свой хлеб насущный. Много путешествовал, бывал в Палестине, Египте, Сирии.

Подобен торгу мир и люди в нем – соперники,
Кто сердцем чувствует злоеций ход времен,
В расселину скалы, как жители пещерные,
Сокройтесь, пока мир тщеславьем опьянен.

А мне что выбрать в этом мире злом,
Искать убежищ потаенных тень?
Под мирозданья благостным шатром
Ждать, что настанет просветления день?

Но отвергаю благостный шатер
И тщетных ожиданий приговор.

Перевод Я. Либермана

Отцы поэзии Иегуда и Моисей,,
И Соломон, сияя, точно солнце,
Прожили век среди таких людей,
Что знали цену мукам стихотворца.

Теперь былых ценителей уж нет.
Исчезла щедрость и померкло солнце,
И где блаженство Находил поэт –
Лишь сушь и зной, и нет воды в колодцах.

Перевод Я. Либермана

Пригелась лютня на груди у девушки,
Нежною музыкой сердце ее утешая,
Как ребенок, плачущий на руках у матери,
Что поет и улыбается, слезы его осушая.

Перевод В. Лазариса

Дни встречи с друзьями сладки, как мед,
Но странствия ночь меня ныне гнетет.

Душе в мертвом теле безрадостно жить,
И радость уж мне никто не вернет.

Печаль, как ночь разлуки долга,
Радость, как ночь любви коротка.

Перевод Я. Либермана

Как Каин скитаться я обречен
Горем сраженный, а не вином.
Помощи жду я, видно, напрасно,
Одна лишь нужда – мой жребий несчастный.

Перевод Я. Либермана

Новое нам приятно и мило,
Когда постареет – станет постыло.
Вино же, сколько бы ни старело,
Ни людям, ни Б-гу не надоело.

Перевод Я. Либермана

Теперь вчитаемся в его острые, сатирические стихотворения. Ведь Генрих Гейне называл Алхаризи «остряком французским», намекая на то, что поэт жил во Франции, в Провансе. Гейне еще про него писал, что Алхаризи «задолго до Вольтера был чистейшим вольтерьянцем»...

Скупому

Рука твоя закрыта для просителя,
Как дева для мужчины-искусителя.
Когда бы мать твоя такую же была,
Тебя бы никогда не родила.

Перевод Я. Либермана

Есть люди сладкие в речах,
Всегда с улыбкой на устах
Они готовы клясться в дружбе нежной.

Но знаю я, внутри у них
Врага засада, зла тайник,
И разве скроешь их улыбкою любезной?

Перевод Я. Либермана

Вот несколько строф из очень едкого стихотворения «Невесте»:

Из самого ада ты послана мне,
Господь да спалит тебя в страшном огне!
Ты ангелам гнева и мести – сестра,
Ты – самая страшная в этой родне.

Как древо Аманово, ты высока,
Чтоб ты закачалась на нем в вышине!

Пусть в бездну тебя опрокинет Господь,
Туда, где Содом и Гоморра на дне...

Перевод В. Лазариса

Взгляните, как усердно молится старик, –
Одежды белизна и благородный лик.
А в сердце его фальшь и преданность порокам,
И через мнимой чистоты родник
Нет-нет и грязь проглянет ненароком.

Перевод Я. Либермана

Как-то однажды в субботнюю ночь
Блоха укусила поэта.
Стараясь ужасную боль превозмочь,
Отмстить он решил ей за это,

Но голос друга успел услышать:
«В субботу нельзя никого убивать!»

Поэт же, жаждою мести томим,
Ответил ему изреченьем таким:
«Когда убивать враг пришел к тебе в дом,
Убей его сам, позабыв обо всем!»

Чем спор будет кончен, блоха ждать не стала.
Другого поэта кусать ускакала.

Перевел Я. Либермана

Авраам ибн Сагл (1208 – 1260)

Жил в Севилье в XIII столетии еврейский поэт Авраам ибн Сагл. В то время царствовала там арабо-берберская династия Альмогадов. И отличался этот режим резким исламским фанатизмом. В этой ситуации Авраам ибн Сагл принял в 1251 году ислам, возможно был вынужден сделать этот шаг. При этом он не порывал с миром своих предков. Об этом свидетельствует его мусульманское имя: Абу Исхак Ибрагим ибн Сагль аль-Израили. Авраам ибн Сагл погиб в море по пути в Северную Африку. В стихах его памяти один поэт писал: «Твои стихи были как жемчуг, и сам ты – жемчужина, вернувшаяся в лоно моря».

Пир

Кубки все вином наполним, пустим побыстрей по кругу,
Вот и капли дождевые брызнут по сухому лугу.

Туча с неба увидала вихрь засушливый и пыльный,
Сжалилась и напоила злаки влагою обильной.

Молния мечом сверкнула, и гроза готова к бою,
Тучи двинулись сразиться насмерть с засухой земною.

Пальмы с листьев дождь стряхнули, стали и стройней, и краше,

Словно выпили не воду, а вино из полной чаши.
Лепестки цветов раскрылись, как ресницы глаз прекрасных,

А из глаз лучатся стрелы пламенных желаний
страстных.

Взоры их – как звезды ночи, в них такое обаянье, –
Солнце дня затмить не в силах трепетное их сиянье.

Перевод М. Зенкевича

Свидание

Она пришла ко мне, я так был поражен,
Не верил я глазам, подумал – это сон,

Нет, это не она, а бред ночной горячий,
Любовью ослеплен бывает даже зрячий...

Но мимолетное возлюбленной виденье
Дарит нам и в мечтах большое наслажденье.

Мрак окружал меня наедине с любимой,
Но наполнял сердца нам свет неугасимый.

*А звезды, в небесах мерцавшие стыдливо,
Смотрели вниз на нас завистливо, ревниво,*

*Из кубков пили мы, и ночь была чудесной,
Я целовал луну, прекраснее небесной.
От горя умирал я и до нашей встречи,
И чуть не умер я от счастья в этот вечер.*

*Я дважды умирал, но все ж обрел спасенье:
Дарует нам любовь и жизнь, и воскресенье.*

Перевод М. Зенкевича

*На цвет небес вечерних взглянуть необходимо:
Так выглядит влюбленный, что разлучен с
любимой.*

*И солнце будто медлит, застыв неподалеку, –
Глядит с живым участием, рукой подперло
щеку.*

*Оно на гладь залива тень красную бросает –
Любви смущенной робость и плач соединяет.*

*И вот оно уплыло, как кубок в час вечерний,
Что выронил из пальцев неловкий виночерпий.*

Перевод Е. Николаевской

Мы немного познакомились с печальной судьбой этого средневекового еврейского поэта, стихи которого, особенно любовная лирика, популярны уже много веков.

*Где отыскать мне спасенье от страсти?
Только лишь слезы помогут отчасти, –
Я под началом любви и во власти.*

*Сердце мое отреклось от терпенья,
Тело мое подчинилось недугу,*

*Очи готовы к бессонному бдению.
Ветка склонилась, ниспослана свыше,
Чудо щеки твоей ближе и ближе,
Родинки черное пламя я вижу.*

*И проступают сквозь свет мирозданья,
Будто начертанные красотой,
Знаки волшебные, и назиданья,*

*И предсказания, и вопрошенья, –
И подо всем этим, как украшенья,
Точка из амбры – всего завершение.*

*Те, что бранили меня ежечасно,
Ей до земли поклонились, воскликнув:
«Страстью сражен, гибнет он не напрасно!*

*Сладостной он удостоен печали:
Зрелища краше мы впрямь не видали,
Да и когда-либо встретим едва ли».*

*Мученик тот, кто охвачен любовью:
От подозрений он изнемогает,
Сердце его обливается кровью.*

*Тот, кто влюблен, пред судьбою немеет:
Даже в душе он мечты не лелеет,
Взора на милую бросить не смеет.*

*Ты обольстительница, чаровница,
Беды несущая здравому смыслу,
Нежность во взоре суровом таится...*

*Я, поразмыслив, пришел к допущенью:
Уж не попытка ли это – прощенье
Вдруг испросить за свои прегрешенья?*

*Страстью объятый, когда повсеместно
Все про любовь мою стало известно,
Так я запел, обращаясь к прелестной:*

*«Ты, услышав, что люблю тебя страстно,
Вдруг отвечаешь: люблю тебя тоже!..
Ах, эта весть сколь нова – столь прекрасна!»*

Перевод Е. Николаевской

Иммануил Гароми (1265 – 1330)

Спасаясь от преследований, евреи из арабской Испании переселяются в Прованс, Северную Африку и Италию. Иммануил бен Соломон Гароми (Римский) жил в Италии. Он не только современник великого Данте, но и ровесник: хорошо был знаком с Данте.

Иммануил Гароми удачно сочетает свою древнюю культуру с современной ему европейской, – поэтому у него встречается и нерифмованные и рифмованные стих и, близок ему и сонет. Отталкиваясь от «Божественной комедии» Данте, Иммануил Гароми написал сатирическую поэму «Ад и рай». Все стихи даются в переводе Я. Либермана.

Из поэмы «Ад и рай»

*Раю ад я предпочел бы:
Скучно до смерти в раю,
Где безгрешные старухи
Сохраниют честь свою,*

Где царит лишь добродетель –
Скуки и тоски сестрица,
Где мораль оберегают
Безобразнейшие лица.

Нет, уж лучше в ад попасть мне:
Там толпа премилых грешниц,
И улыбки расточает
Рой молоденьких прелестниц.

Взоры их пылают страстью,
Голоса полны томленья.
С ними ад мне будет в радость,
Рай без них – одно мученье.

Как счастлив я, что милая моя
Моим мольбам сегодня уступила:
Венец любви — свиданье — посулила.
Как бьется сердце, радость не тая!

Уже пора смущенье прочь прогнать,
Так скоро долгожданная минута!
Но жжет меня сомненье почему-то:
О, как бы в нужный миг не оплошать!

Самой судьбой любовь мне суждена.
Она моя надежда и услада.
В ней бытия всего земного свет.

Упьюсь же ею. Большего не надо,
Пускай царит во мне она одна,
На персях милой не познаю бед!

В последнее строке – «На персях милой не познаю бед!» – в оригинале игра слов: «шад» – это и грудь и беда...

Позднее наряду с ранними стихами, посвященными любви, вступают в свою очередь поздние размышления о судьбе, о жизни и смерти.

Если б не боялся Бога и народа осужденья,
Красоте б алтарь построил я, вне всякого сомненья,
И поскольку все красотки мне милы без исключенья,
Я б на всех на них молился в знак особого почтенья.

Любовь законов никаких не знает,
Не ведает ни страха и ни веры.

Что ей страдальцев праведных примеры –
Слепа, глуха и слабых презирает.

Любовь – горящий факел, что сияет
Могуществом и гордостью Венеры.
Она не знает ни грани, ни меры
И побеждает всех, кого желает.

И я среди поверженных в сраженьи,
И лишь один Амур повелевает
Печалью и тоской, что грудь мою теснят.

И как я ни молю о снисхожденьи,
Он мне высокомерно отвечает:
«Я этого хочу – пей сладострастья яд».

Познанье – лестница, что на земле стоит,
Но в небо открывает нам дорогу.

И будь ты хоть левит, хоть неофит, –
Чем выше ты на ней, тем ближе к Богу.

Если б не стыдился перед Богом,
Я бы сам покончил счеты с жизнью.

Что в ней пользы – мудрости потоки
Обмелели, как ручей капризный,
Глупость, ложь и ханжество у власти,
Разум никому не нужным признан.

Смотрю я с грустью: быстротечны дни,
Тускнеет солнце, близок час заката...
И ноет сердце в ожиданьи ночи.

Как зданье роится – глядеть нет мочи...
И нет уж тех, кого любил когда-то –
Давно меня покинули они.

Погасли дружбы преданной огни,
Нет ни отца, ни матери, ни брата,
И больно мне. Как мир вокруг непрочен!

И одиночество мне увлажняет очи-
Нет утешенья, мы о судьбой одни.

Хаим Нахман Бялик (1873 – 1934)

Литература на языке идиш с давних пор приучила нас к сугубому бытовизму, к жалобам и плачам на жизнь в черте оседлости. Всё это верно и справедливо. Но читатели конца прошлого столетия словно отвыкли от другой литературы. И тут появился поэт могучего дарования и мощного голоса, как у библейских пророков. Он не жаловался, а как настоящий нави (пророк) обличал, резко говорил правду и вел за собой. Это был великий поэт Хаим Нахман Бялик. Писал он в основном на древнееврейском языке. И только некоторые свои произведения, как поэма "Сказание о погроме", сам перевел на идиш, чтобы большее число людей могли ее прочитать. Но особенно широко узнали Бялика, когда его перевел на русский язык Владимир (Зеев) Жаботинский перед первой мировой войной.

В СССР официально признали идиш народным языком, и древнееврейский обозвали буржуазным; и, понятно, всячески стали его изживать. И Х. Н. Бялик, как и Шауль Черниховский, как и театр "Габима", вынуждены были покинуть страну.

Над бойней

Небеса! Если в вас, в глубине синевы,
Еще жив старый Бог на престоле,
И лишь мне Он незрим, – то молитесь хоть вы
О моей окровавленной доле!
У меня больше нет ни молитвы в груди,
Ни в руках моих сил, ни надежд впереди...
О, доколе, доколе, доколе?
Ищешь горло, палач? На! Свой нож приго-
товь,
Режь, как пса, и не думай о страхе:
Кто и что я? Сам Бог разрешил мою кровь,
В целом мире я будто на плахе...
Брызны, кровь моя, лей, заливая поля,
Чтоб осталась навеки, навеки земля,
Как палач, в этой красной рубахе...

Если есть Высший Суд – да свершится тот-
час!
Если ж я в черных муках исчезну,
И тогда он придет, слишком поздно для нас
То да рухнет престол его в бездну,
Да сгниет ваше небо, кровавая грязь
И убийцы под ним да живут веселясь
И глумясь над Десницей возмездной...

И проклятье тому, кто поет нам про
мечь!
Мести нет, слишком страшны страдания:
Как за детскую кровь казнь отмерить и
счесть?
Сатана б не нашел воздаянья...
Пусть сочтется та кровь неотмщеная в ад,
И да роет во тьме, и да точит, как яд,
Разъеда столпы мироздания...

1903 Перевод В. Жаботинского

Глагол

Разбей твой алтарь, и пламенный уголь
о, пророк,

Швырни средь большой дорог –
Пусть жарят они на нем мясо, и ставят горшок,
И греют руки и ноги.
И брось им искру из сердца – она пригодится
Зажигать окурки, что погас,
Озарять воровато-ухмыляющиеся лица
И злорадство прищуренных глаз.
Вот шныряют они – и твою молитву бормочут,
И во храме твоём, как дома;
Скорбью твоею скорбят, о твоей заботе хлопочут –
И ждут твоего разгрома.
И тогда на разбитый алтарь налетят, и растащат
сор,
Унесут в свои жилища,
И обломками вымостят двор, и починят забор,
И разукрасят кладбища;
И если найдут твое сердце, опаленное, в куче сора, –
Швырнут его псам на еду.
Пни же твой жертвенник, пни пинком позора,
И да рухнет и гаснет в чаду.

.....
Будь Глагол твой горек, как смерть, – будь он
смерть сама, все равно:

Грянь!
Нам смерть не страшна – уж она нас давно оседлала
И в рот нам продела узду;
На устах у нас – гимн возрожденья, и с ним,
под звоны кимвала,
Мы до гроба допляшем в бреду...

1904 Перевод В. Жаботинского

Мы привыкли, что Хаим Нахман Бялик – это поэт-пророк, что его громокипящие поэмы и стихотворения потрясают наши души своей мощью и силой духа. Но не будем забывать и то, что наш великий поэт бывает и проникновеннейшим лириком. Три стихотворения, с которыми в этот раз мы вас знакомим, имеют общий заголовок «Из народных песен» и были написаны в 1906 году.

Из народных песен

Между Тигром и Евфратом,
На пригорке, на горбатом,
В листьях пальмы, вся
блистая,
Княжит пава золотая.

Я взмолилась златокрылой:
Ты сыщи мне, где мой
милый!
Подхвати его на месте
И, связав, умчи к невесте.

А не свяжешь, или нечем, –
Кликни зовом человеческим
И скажи... А что – не знаю...
Ты скажи, что я сгораю.

Скажешь: сад расцвел
богато,
И зарделся плод граната-
Но замки-ворота целы,
И не сорван плод созрелый.

Скажешь: ночью я часами
Плачу горькими слезами
И мечусь, полунагая,
Покрывала обжигая.

А нейдет – тогда шепни ты:
Сундуки мои набиты-
Шелк, сорочки, одеяла-
Я сама их вышивала...

И перина пуховая,
Что сготовила родная
За недоспанные ночи
К ложу брачному для дочки...

И, запрятана глубоко,
Ждёт фата поры до срока –
Всё по счёту, я готова, –
Что ж не видно дорогого?

Чудо – дива, птица рая,
Молвит пава золотая:
«Полечу во мраке ночи,
И раскрою другу очи.

В грезе образ твой навею,
В сердце зов запечатлею:
Он проснётся, хватъ метёлку
И верхом – в твою светёлку».

«Я примчался издалека,
Радость жизни, светоч ока,

И хочу не шёлк прозрачный,
Но любовь в подарок брачный.

Что мне в роскоши наряда!
Шёлка – бархата не надо:
Твои косы – шёлк прекрасный,
Твоя грудь – как пух атласный.
И за мной большое вено:
Чуб – и море по колено.
Выходи ж на встречу друга,
Нареченная супруга...»

Вот и ночь. Туман пронзая,
Взмыла пава золотая,
Взмыла к небу и пропала-
И обета не сдержала.

И с утра до темной ночи
Подымаю к тучам очи:
Тучки, белые туманы,
Где же милый мой желанный?

Перевод В. Жаботинского

У этого великого поэта есть стихотворение «Предводителю хора», написанное в 1915 году и великолепно переведенное Владиславом Ходасевичем. А само название этого стихотворения нам напоминает начальные слова многих песен-псалмов из Книги Хвалений: Ламэнацеах, что и значит Руководителю (хора).

Сколько непобедимой жизни и бьющей через край жизнерадостности в этой бедняцкой пляске у Хаима Нахмана Бялика!

Предводителю хора

Мупим и Хупим! В литавры! За дело!
Миллай и Гиллай! В свирель задувай!
Скрипка, бойчей, чтоб струна ослабела!
Слышите, черт побори? Не плошай!

Ни мяса, ни рыбы, ни булки, ни хлеба...
Но что нам за дело? Мы пляшем сегодня.
Есть Бог всемогущий, и синее небо-
Сильней топчите во имя Господне!
Весь гнев свой, сердце негасимое пламя,
В неистовой пляске излейте, страдая, –
И пляска взовьётся, взрокочет громами,
Грозя всей земле, небеса раздражая.

Ни брюк, ни сапог, ни рубашки – но смейтесь:
Ведь лишняя тяжесть от лишнего платья!
Нагие, босые – орлами вы взвейтесь,
Все выше, все выше, все выше, о брატья!

*Промчимся грозой, пролетим ураганом
Над морем печалей, над жизнью постылой.
В туфлях, иль без туфель – всем участь одна
нам:
Всем песням и пляскам конец – за могилой!*

*Ни близких, ни друга ни брата, ни сына...
На чье ж ты плечо обопреешься, слабая?
Одни мы... Сольемся же все воедино,
Теснее, теснее, теснее, теснее!
Тесней – чтоб за ногу нога задевала!
Старик в седирах – с чернокудрюю девой...
Кружись, хоровод, без конца, без начала,
Налево, направо, – направо, налево.*

*Ни пяди земли, нет и кровя над нами?
Да много ли толку-то в плаче нестройном?
Чай, свет-то широк с четырьмя сторонами!
О, слава Тебе, даровавшие покой нам!
О, слава Тебе, даровавший нам кровлю
Из синего неба – и солнце свечю
Повесивший там... Я Тебя славословлю!
Хвалите же Бога проворной ногою!*

*Мупим и Хупим! В литавры! За дело!
Миллай и Гиллай! В свирель задувай!
Скрипка, бойчей, чтоб струна ослабела!
Слышите, черт поберит? Не плошай!*

У Хаима Нахмана Бялика было одинокое, трудное, полунищее и голодное детство. И был только один друг – прекрасная природа Украины, Волыни. И уже первое опубликованное в Одессе стихотворение «К ласточке» говорит обо всем этом. Жаботинский любил как бы пересказывать стихи Бялика в своем обширном очерке жизни поэта. Вот как он пишет о стихотворении «К ласточке»: «... поэт здороваётся с ласточкой, прилетевшей с юга весной, горько жаловался ей на то, как живётся его народу в этой холодной стране и жадно расспрашивал, что видела она за тёплыми морями. Быть может, она пролетала над Палестиной? «Принесла ли ты мне привет от роскоши родной земли, от её долин и гор? Сжалился ли Бог над Сионом, утешил ли его, или по-прежнему край оставлен могилам?...»

Это стихотворение «К ласточке» перевел в начале прошлого века юный Самуил Маршак, и в переводе оно называется «Птичке».

Птичке

*Привет тебе, птишка! Привет, дорогая!
Ко мне прилетела ты с юга...
Душа, по родным твоим песням сучая,
Давно стосковалась, подружка!..
Так спой же о странах далеких, красивых...
Скажи мне, родимая птишка,*

*Ужели в краях лучезарно-счастливых,
Как здесь, всем тоскливо и тяжело?..
Несеешь ли приветы от братьев Сиона,
Далеких и страстно любимых?
Скажи мне, слышали ль они мои стоны –
Рыдания братьев гонимых?
И знают ли сколько врагов беспощадных
В чужбине меня окружают?
О, пой же скорей о долинах отрадных,
Где яркое солнце сияет
Несеешь ли привет от цветов Иордана,
Его безмятежный долины?
Скажи, излечил ли тяжелую рану
Господь у родной Палестины?..
А доли Сарона, Левоны вершины
По-прежнему ль льют ароматы?..
Что с лесом Ливана – главой исполина,
Проснулся ль, тревогой объятый?..
И стелются жемчугом росы Хермона,
Иль капая тихо слезами? –
Все так же ль блестит Иордан полусонный
Журчит голубыми струями?..
А тучи все так же ль Сион окружили
Подобием сумрачной сетки?..
О, спой о земле ты, где жизнь находили,
И гибель нашли мои предки!..
Завяли ль цветы, что весной насаждал я,
Как блекну и сам я, унылый...
А ярко и мощно тогда расцветал я –
Но гибнут могучие силы...
Скажи, что тебе мои песни шептали?..
Ты ждешь ли, чтоб поздно иль рано
Те песни, проснувшись, сердца взбушевали,
Как ветры дубраву Ливана?..
Где братья, что сеяли хлеб свой, рыдая?
Пожали ли с песнями ниву? –
О, если бы крылья – взлетел бы туда я,
Где зреет миндаль и олива!..
Привет тебе, птишка! Привет – дорогами
Опять прилетела ты с юга!
Душа стосковалась, по песне сучая...
О, пой, заливайся, подружка!..*

Это стихотворение написано в 1891 году восемнадцатилетним поэтом, а переведено в 1906 году девятнадцатилетним Самуилом Маршаком.

В 1916 году отмечался первый юбилей поэта Бялика – 25-летие литературной деятельности. Его поздравляли И.Бунин, М.Гершензон, В.Короленко, Л.Пастернак, А.Куприн и многие-многие другие. Бунин посвятил Бялику это стихотворение:

Да исполнятся сроки

Х.Н.Бялику

– Почто, о Боже, столько лет
Ты мучишь нас в пустыне знойной?
Где правый путь? Где отчий след
К стране родимой и спокойной?

– Мужайтесь, верные! Вперед!
Я дал вам горький лист оливы,
Но слаще будет он, чем мед
От тех, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути:
Потребна скорбь, потребно время,
Чтобы могло произрасти
На ниву брошенное семя.

По какой-то нелепой ошибке до сих пор эти стихи печатаются в сочинениях Бунина как принадлежащие Бялику и переведенные на русский язык Буниным...

А сегодня напомним вам стихотворение Бялика «Аггада» в переводе В.Жаботинского.

О ветхие книги, страницы Талмуда,
сказания древней Аггады, –
у вас во мгновенья тоски одинокой
душа моя ищет улады.

Как червь, что зарылся в расселине камня,
таясь среди мрака и пыли,
так робко я кроюсь под сень вашей тайны
от злобного гнета насилий.

Во тьме непроглядной бреду по дороге,
и небо туманом одето –
вы рвете туманы, и льете мне в сердце
луч новый от вечного света.

И, бросив погоню за тенями жизни,
Стихая под сенью Аггады,
я плачу, и тихо из груди родимой
впиваю напиток отрады.

Живу средь народов презренный и жалкий,
не смею дать волю рыданиям:
я столько рыдал, что слезы б иссякли,
но только с последним дыханьем.

Была прежде арфа – и арфу я скорбно
повесил не иве прибрежной,
и горько заплакал, и слезы ту арфу
умчали волною мятежной.

Ой, арфа, певица напевов Егуды!
Теперь эти струны разбиты –
а некогда пели псалмы Адоною
и гимны красе Шуламиты...

Угасли цари – песнопевцы Сиона;
ни трона, ни струнного звона...
Свирель моя скорбной голубкой тоскует
на чуждых реках Вавилона.

Но были в изгнаныи певцы и герои –
герои народного духа,
и отзвуки арфы звенели в их сердце
и в памяти чуткого слуха;

и вникли те люди в народную душу
пытливостью вещеого взгляда,
и дивные звуки умолкнувшей арфы
спасли – и родилась Аггада!

И в дни моей скорби – как струн, я касаюсь
страниц обветшалых рукою –
поплачу над ними о горе народном
и сердце мое успокою;

и вижу тогда я величье народа,
с главой выше горних туманов,
и чую душою, что черви воспрянут
и – верь! – победят великанов.

1892

У многих поэтов автобиографические мотивы очень заметны, они как бы находятся на поверхности. Не таков Бялик. Но так кажется до тех пор, пока к нему хорошо не причитаешься. В одном стихотворении, как писал Жаботинский, «Бялик сам рассказал нам свою литературную биографию». Речь идет о стихотворении «Если ангел спросит...», которое сам же Жаботинский и перевел.

Если ангел попросит...

– Где душа твоя, сын мой?
– Там, на свете широком, о ангел!
Есть на свете поселок, огражденный лесами,
Над поселком – пучина синевы без предела,
И средь синего неба, словно дочка-малютка,
Серебристая легкая тучка.
В летний полдень, бывало, там резвился
ребенок,
Одинокий душою, полный грезы невнятной,
И был я тот ребенок, о ангел.
И однажды казался мир окутан дремотой,
Загляделся ребенок в бездонное небо,
И увидел малютку, серебристую тучку –
И душа упорхнула, словно горлинка, в небо
К белой тучке прекрасной...

– И растаяла с нею?
– Нет, есть солнце в лазури!
Подхватил мою душу ясный луч милосердный,

*И на крыльях сиянья долго, долго порхала
Она бабочкой белой;
И однажды, поутру, на луче золотистом
Прилетела на землю для жемчужин-росинок
И на щечке ребенка увидела слезинку,
И был я тот ребенок, и душа моя тихо
В той слезе утонула...
– И чрез миг испарилась?
– Нет, упала на Книгу!
Был у деда косматый фолиант обветшалый,
Меж страницами – волос бороды серебристой,
Пук оборванных нитей от молитвенной
кисти,
И меж буквами пятна, пятна сала и воску –
И душа одиноко в тех безжизненных буквах
Трепетала и билась...*

*– И она задохнулась?
– Нет, о ангел, запела!
В тех безжизненных буквах песня жизни таи-
лась,
В ветхой дедовской Книге сердце вечности
билось.
И душа моя пела песнь о тучке сквозистой,
О луче светозарном, о слезинке лучистой,
Об истрепанной Книге в пятнах воску и сала, –
Про любовь и про юность только песен не
знала.
И куда-то рвалась, и томилась о чем-то,
Тосковала и ныла, словно в тесной темнице;
И однажды раскрыл я обветшалую Книгу –
И душа улетела на волю.*

*И с тех пор она в мире бесприютно блуждает,
Бесприютно блуждает и не знает утехи;
И в стыдливые ночи, когда месяц рождается,
Когда молятся люди над ущербом светила,
Она грезит любовью пред порогом запретным,
И стучится, прижались, беззвучно рыдая
И молясь о любви...*

Здесь не столько литературная биография поэта, сколько предыстория литературной биографии. Здесь удивительный мир детства, непосредственного и влюбленного погружения в природу. И через все это будущий поэт поднимается в высокий мир великой Книги.

Пророческая мощь Хаима Нахмана Бялика сильнее всего слышится в поэмах.

Поэма "Свиток, о пламени" имеет такой подзаголовок: "Из сказаний о разрушении второго храма". Вот первая глава этой поэмы.

I

*Всю ночь оно пылало, воздымая
ввысь над горою храма языки*

*огня. С высот опаленного неба
брызгали звезды ливнем искрометным
наземь. Или Господь Свой трон небесный
и Свои венец вдребезги раздробил?*

*Обрывки красных туч, перегруженных
кровью с огнем, скитались в просторах
ночи, неся по далеким горам
скорбную весть о гневе Бога мищени
и о Его ярости возглашая
скалам пустынь. Не Свою ли порфиру
разодрал Адонай, и по ветрам
клочья развеял?*

*И великий ужас
был на дальних горах, и дрожь объяла
хмурые скалы пустынь: Бог отмищени
Иегова, Бог отмищени воссиял!
И вот Он, Бог отмищени, в дивной славе
Своей,
покойный, грозный, восседит
на пылающем троне, в сердце моря
пламени, облачен в пурпур огня,
и угли раскаленные – подножье
стопам Его. Кругом в безумной скачке
в бешеной пляске вьются языки.
Над головой Его шипит пожар
и со свистом засасывает, жадный,
пространства мира. Спокоен и грозен
сидит Он, мышцы Его скрещены,
и от взоров очей ширится пламя
и выше вздымаются
костры от мания ресницы.*

*Пойте Богу
песнь пламени, о буйный хоровод
огненного радения!*

А теперь приведу два отрывка из второй главы поэмы.

II

*Когда
засверкала заря на горных высях
и по долинам лег белесый пар,
тогда смирилось море пыланий,
и земля поглотила языки
от обожженной Божией святыни
на горе храма.*

*.....
И гимны заре
сменились безмолвной песнью горя,
беззвучно-внятной жалобой. И молча
отвернулись и плакали они,
каждый ангел один со своей душою,
и весь мир с ними
плакал в тишине.*

*И некий вздох, беззвучный, но глубокий,
со дна земли поднялся и разнесся
и разбился в безмолвии рыдания.
То разбилось, разбилось сердце мира,
и невмочь стало Господу крепиться,
и очнулся Господь, и лвиным ревом*

*возревел, и всплеснул руками в боли –
и поднялась Шехина с пепелища
и сокрылась в загадочности Тайн...*

Перевод В. Жаботинского

Шаул Черниховский (1875 – 1943)

Шаул Черниховский не похож на своего современника Хаима Нахмана Бялика. Бялик – выходец из черты оседлости, а Черниховский – из Новороссии. Завоеванные у Турции в конце XVIII столетия северное Причерноморье и Крым еще в первых десятилетиях XIX века были мало заселены. Правительство России до войны 1812 года начало осваивать эти земли. И в нарушение своих же законов решило здесь поселить и евреев из черты оседлости. Соблазняли евреев тем, что не будут у них брать-хватать мальчиков в кантонисты. Так появились еврей-земледельцы в так называемых еврейско-немецких колониях. Немцев же из Поволжья пригласили в каждое село по несколько семей, чтобы научили местечковых евреев пахать землю. Я этим всем интересовался, так как со стороны отца я внук еврея-крестьянина, еврея-колониста. Вот в такой примерно среде появился поэт Шаул Черниховский. Да, родился он на юге России, учился в Германии, а умер в Палестине. По профессии – врач, по призванию – поэт. И жаркая южная Украина вошли в его полнокровную, радостную поэзию, в его многочисленные идиллии. Неужели в XX веке писались давно забытые идиллии? Да, писались. Их писал Шаул Черниховский по-древнееврейски. Да еще как писал! А переводил их на русский язык Владислав Ходасевич. Вот отрывок из идиллии «В знойный день».

*Таммуза солнце средь неба недвижно стоит, изливая
Света и блеска поток на поля и сады Украины.
Море огня разлилось – и отблески, отсветы, искры
Перебегают вокруг улыбочиво, быстро, воздушно.
Вот – засияли на маке, на крылышках бабочки пе-
строй...*

*Там комары заплясали над зеркалом лужицы. С ними
В солнечном блеске танцует стрекоз веселое племя.
В зелень густую листовы и в черные борозды поля –
Всюду проникли лучи; вон там проскользнул по
струйке,*

*Что с лепетаньем проворным бежит по земле золо-
тистой.*

*Луч ни один не вернулся туда, откуда пришел он,
И ни за что не вернется. Так шаловливые дети
Мчатся от матери прочь – прячутся; их не сыщешь.
Поле впитало в себя осколки разбрызганных светов,
Бережно спрятало их в плодоносное, теплое лоно.
Завязи, почки, побеги впитали их в клеточки жадно,
После ж, когда миновала пора изумрудная листьев,
Поле и нива наружу извергли хранимые светы;
Луч поднялся из земли, и зернами сделались искры, –
Зернами ржи усатой, налившейся грузно пшеницы
И ячменя. И всплеснулось золото нижнее к небу,
С золотом верхним слилось, – и со светлами встрети-
лись светлы.*

1904

Стихотворение «В горах» состоит из двух частей.
Это вторая его часть.

*Туда, где голос-чародей
Тебя зовет: приди, владей!
Где высь лобзает гребни гор;
Где беспределен кругозор,*

*Где у денницы ярче взор,
Где тьмой повит безмолвный бор.*

*И выше! Там еще вольней,
Там храм весь в пламени огней.
Да не страшит тебя закат,
Не леденит извечный хлад!*

*Во имя Господа иди
И место дивное найди,
Где сердце дрогнет, как струна,
Где смерть величия полна...*

Перевод О. Румера

Не перестаешь удивляться его, Шауля Черниховского, радостному оптимистическому мироощущению. Как и идиллии, это стихотворение "Лесные чары" перевел Владислав Ходасевич.

Лесные чары

*Вот оно! Восходит солнце! По долинам, по низам
Все еще туман клубится, прицепившись к кустам.*

*Вот, качаясь, в высь взлетает. С озера сползает
тьнь...*

*С непокрытой головою, брат, бежим – и встретим
день!*

*По холмам и по долинам, потаенною тропой,
Там, где в даль межа змеится, увлажненная росой!*

*В лес! У леса – тайны, шумы, сумрак, шорохи теней,
Звуки темные, глухие, дебри спутанных корней.*

*Там от века дремлют камни; там покой и тишина,
Смутный шорох листопада, злых оврагов глубина;*

*Там на дне долины вьется с легким шелестом ручей;
Запоздалого побега там не виден взор ничей;*

*Там нора косоного зайца, гнезда ос в пустых дуплах;
Копытит крот на солнце, ястреб реет в небесах;*

*Вот – расщепленные буки, на стволах грибы сидят...
В буке – ласочки жилище, а в кустах таится клад.*

*Робко мышшь глядит из норки... Груды хвои, муравьи...
брошена прозрачным свитком кожа старая змеи.*

*Утром ястреб заунывно прокричит в пустую даль,
Ночью захохочет филин, пробуждающий печаль...*

*Запах листьев прошлогодних, сосен пряный аромат...
Там, в траве, семьею тесной подосинники сидят.*

*Боровик, валуй, масленок и пурпурный мухомор!
Здравствуйтесь, живите, будьте! Всех равно ласкает
взор.*

*Жизнью тихой, жизнью смирной суждено вам здесь
прожить,
И болеть, и в чарах леса волховать и ворожить...*

*Молча внемлю звукам леса я, Адамов сын немой;
Чуждый миру их, иду я одинокою тропой.*

*О, когда б цветов и знаков речь могла мне быть
слышна,
И вела б со мной беседу благовонная сосна!*

*Верно есть, кто понимает говор листьев, шепот
вод,
С недозрелой земляничкой речи грустные ведет;*

*Кто целует, сострадая, расщепленный ствол сосны,
Кто поймет качанье дуба, шепот ветра, плеск
волны;*

*Верно есть, с кем чарой ночи рад делиться скромный
гриб,
Кто играет с водолюбом, что к пузырькам прилип;*

*Кто с улыбкой умиления смотрит на гнездо дроздов,
Глупой ящерице кличет: «Тише, берегись врагов!»*

*Есть же кто-нибудь, кто в скорби на себе одежды
вет,
Слыша, как топор по лесу с тяжким топотом
идет!..*

Залман Шнеур (1887 – 1959)

Если пророческий дар Бялика начал формироваться в местечке, а Черняховский вышел из южной, новороссийской деревни, то Шнеур – поэт города. И его объединяют с Бяликом гневные пророческие мотивы. Залман Шнеур родился в местечке Шклов в семье потомка цадика Шнеерсона из Нежина. Учился в городской школе Шклова, а вечерами дома занимался Талмудом и другими еврейскими науками. Бялик в тринадцатилетнем Залмане заметил недюжинное дарование. Шнеуру не было и двадцати лет, когда он уехал в Швейцарию, а затем в Париж, где в Сорбонне изучал литературу и философию. Ряд лет прожил в Берлине. А когда стала надвигаться угроза фашизма, переехал в Париж, где его все-таки настигла фашистская оккупация. Прятался с семьей по подвалам и чердакам. Затем французы помогли перебраться в Испанию, и в 1941 году Шнеур оказался в США. До этого Залман Шнеур писал по-древнееврейски. Теперь этот язык стал называться иврит. В США начал писать на идиш; много писал не только стихов, но и прозы и даже издал на этом языке 15-томное собрание сочинений. С 1949 года Залман Шнеур в Израиле. Он опять пишет на иврите.

Из поэмы «В горах»

*Мир тебе, горная сень! Как целебен твой воздух
прозрачный!
Свежесть дыханья Творца сохранил он со дня
мирозданья.
Мощь он усталым дает, пробуждает он дремлющий
гений...
Дай исцеленье и мне!.. Я устал, изнемог я смертельно.
В северных снежных степях начертал я горячею
кровью –
Красным на белом – главу многоскорбной истории
древней,
И убежал навсегда... А теперь я стою пред тобою...*

*Что же так хмуро глядишь на меня ты глазами
ущелий?
Я не безвестный пришелец, Посмотри на свидетельство это –
Торы священный лоскут, опаленный, с запекшейся
кровью
На письменах «не убий»...
– Благословен твой приход! – отвечают мне
глухо утесы
Шумом потоков седых... Алого знамени свет,
Разливаясь с далекой вершины, сладкий сулит мне
покой.
– Полный величия мир, слушай признание мое.
Пред тобой исповедуюсь ныне!*

Перевод С. Маршака

Маки

Светило ярко утро, и я бродил по нивам,
И всюду рдели маки средь утренних полей,
Как ставший плотью возглас расторгшей
землю страсти,
Как факелы восторга средь празднеств летних
дней.

Везде огонь средь стеблей, а травы не сгорают,
И в ясном поле ветер качнул пыланье-цвет,
И легкой зыбью взрылось живое пламя маков,
И лишь не рдеют искры, и только дыма нет.

И я стою в волненьи средь огненного поля,
В кольце из алых вспышек и зыбких волн огня,
И было в небе солнце, и было в поле пламя,
И светлое пыланье очистило меня...

Перевод К. Балтрушайтиса

Залман Шнеур писал на идиш и на иврите. Вероятно, самое главное, самое пророческое его произведение – это большая поэма «Под звуки мандолины», написанная в молодости, в 1911 году. Отрывки из этой поэмы перевел с иврита Владислав Ходасевич. Вот некоторые из них.

Рука моих златов не отмстила
За честь моих сестер, за кровь героев.
Но в семьдесят раз дух мой отомстил.
Не победил народ, – но победил мой Бог!
И нет страны, где не излил мой Бог
И кровь мою, и дух, и прелесть Галилеи.
Священной книги нет, чтоб в ней не уловил я
Шум Иорданских вод иль эхо гор Ливанских.
Где храм и где дворец, в которых не звучат
Псалмы Давидовы, глаголы Моисея?
Где холст, где мрамор, медь, что нам не говорили б
На вечном языке ожившей плоти
Об откровениях и светлых снах пророков,
О творческой росе в сказаньях Бытия,
О грустной осени в стихах Экклезиаста,
О буйном вертограде Песни Песней?
Мой творческий во всем лучится свет,
Во всех плодах земли – души мое, дыханье –
Как тонкий аромат этрога. И народы
Им дышат, им, не ведая того.

Яков Фихманъ (1881 – 1958)

Яков Фихман тонкий и чуткий лирик. Кто-то из литераторов сказал о нем, что он любит по-своему – нежно и – как ни странно – одиноко...

Хочу я к тебе ежедневно,
Признание сорваться готово...
Но нет: не сказалось ни разу –
И будет ли сказано слово?

... Взгляни ж: от ветхости истлела
Моя, давно скитальческая, обувь,
Но смуглые нежны еще ланиты –
Востока неизменное наследье.
В глазах – какая грусть, и сколько в них презренья!
В моей глуби все океаны тонут,
И слезы все – в одной моей слезе.
Все реки горестей в мое впадают море,
И все-таки оно еще не полно.
В котомке у меня такие родословья,
Какими ни один вельможа похвалиться
Не может никогда...

... Давно мои забыли сестры
Напевы солнца, спелых гроздей, влажных
Чаш лотоса, напевы гордых пальм,
Что рвутся из земли раздольным кликом
жизни.
Забыта ими песня о свободе
И песнь зелота, что роняет лук,
Обвитый локоном возлюбленной... В унылых
Напевах севера, в часы чужих веселий,
В кругу врагов, возжаждавших изведать
Любовь Востока, – смуглые мои
Танцуют сестры. Пляска вьюг – их пляска...

Песнь моего Востока, как ручей,
На севере она заледенела
И носится, как ветер непогоды,
Взвывающий в трубе...

Все дальше от Востока страны те,
В которых шаг за шагом умираю.
Вот, я слабею, в жилах стынет кровь,
Кипевшая когда-то верой в Бога
И песней вавилонских рек...

Так счастье цветет ежедневно:
Увяло – и вновь зазелело...
Хожу я к тебе ежедневно,
А ты и не знаешь, в чем дело.

1908

В 1912 году Яков Фихман впервые побывал в Палестине и тогда же написал стихотворение «Арци» («Моя страна»). Он переделывал его несколько раз, вплоть до середины 30-х годов. Оба стихотворения перевел Владислав Ходасевич.

О ты, страна моя, насыщенная морем,
Страна безмолвных гор и величавых туч,
Струящихся вечности и тайны свет священный,
Скользя по белизне твоих отвесных круч.

Я принял всю тебя: и скорбь твоих усталых,
Прохлады жаждущих, испепеленных жнитв,
И мрак пещер твоих, где сладкий хлад покоя
Встречает беглецов, презревших ярость битв

Ты вся моя. Люблю песков твоих неярких
Струенье нежное на берегу морском
И алость пышную цветов, что теплым
утром
Трепещут, как сердца, под легким ветерком.

Впервые предо мной ты на заре открылась
В унылой нагоде холмов – и вся была

Как слабая душа, что жаждет избавленья –
Как пламя, скорбь твоя мне сердце обожгла.

В тебя поверил я. Припав к земле, я слушал
Песнь сердца твоего. На каждый холмик твой
Усталую главу доверчиво склонял я,
Из камня каждого священный пил покой.

Никто не ведает про то, что мне шептали
Твой каждый кустик, терн в расщелине скалы,
Когда, волнуемый печалью странно-древней,
Я брел долинами в часы вечерней мглы.

Когда душа дрожит пред щедростью Господней,
Как сладок ветерок твоих святых ночей!
Как сердце веселит усталому скитальцу –
Среди пустынных гор напев твоих ключей!

Мать-родина! Ты нам – как мореходам гавань.
В тебе конец пустынь, покой и мирный сон.
К твоим горам бредут от всех пределов мира
Скитальцы всех времен, наречий и племен.

В плодах твоих долин – какой избыток пышный!
Как мягко шелестит в ручьях твоих вода!
Как одиночество вершин твоих прекрасно!
Как сердцем волен тот, кто добредет сюда!

Рахель (1890 – 1931)

Рахель Блувштейн-Села родилась в 1890 году в Саратове. Юность прошла в Полтаве. Здесь под влиянием толстовских идей и особенно под влиянием замечательного человека и писателя Владимира Галактионовича Короленко Рахель решила работать на земле. В 1909 году она уезжает в Палестину и работает на ферме на берегу озера Киннерет.

Может быть,
Никогда не бывало тех дней?
Может быть,
Никогда не вставала с зарей и не шла
По росистым лугам я косить?

Никогда в те горящие долгие дни
На полях
Не везла я с ликующей песней снопы
На тяжелых, высоких возах?

Никогда не бросалась в кристальную синь
Твоих волн?
О Киннерет ты мой, о Киннерет ты мой,
Неужели ты был только сон?

Перевод М. Ялан-Штекепис

Как тепло в оригинале звучит эта строка:

О Киннерет ты мой, о Киннерет ты мой... -
ШЕЛЬ КИННЕРЕТ ШЕЛИ... ОЙ, КИННЕРЕТ
ШЕЛИ...

В 1912 году Рахель едет во Францию учиться – осваивать агрономию. Начавшаяся 1 Мировая война вынуждает ее вернуться в Россию, где в лишениях и голоде проведет и годы гражданской войны. И только в 1919 году Рахель, уже больная туберкулезом, сможет приехать в Палестину. На земле работать здорово уже не позволит. Работать будет только душа. Стихи свои она подписывала только одним именем: Рахель. Они станут очень популярны. А жизни останется очень мало. В 1931 году ее похоронят на берегу озера Киннерет.

Рахель

Ее голос – моя свирель.
Ее кровь – в моей.
Отару пасет, что снега белей,
Праматерь Рахель.
Оттого стал мне тесен дом,
Плохо мне в городах –
Что играли ветра в степях
Непослушным ее платком.

Оттого так легко идти,
Так спокойно жить –
Что ногам моим не забыть
Те былые пути.
Перевод Б. Камянова

Неужели конец? Неба ясен простор,
Дней грядущих туманы мерцают вдали,
Травы зелены, осени дни не пришли
До сих пор.

Я приму приговор. В сердце ропота нет.
Улыбались цветы на пути у меня,. Пламенели
закаты, был чистым рассвет
Уходящего дня.

Перевод Я. Хромченко

Стране моей

Страна моя! Тебя
Не воспела я
За подвиги твои,
Твою борьбу. Лишь посадила я
У речки деревцо,
Лишь протоптала я
В степи тропу.

Хоть я и знаю, мать,
Что скуден этот дар, –
Прошу, прими его
По доброте:
Он – радостная песнь,
Он – затаенный плач,
Когда ты вновь в беде.

Перевод Б. Камянова

Мы познакомились с некоторыми фактами биографии Рахели Блувштейн-Сала и с несколькими её стихотворениями. Но остались в стороне ряд ее прекрасных вещей. Что ж, продолжим знакомство с этим замечательным поэтом.

Михаль

И полюбила Михаль, дочь Саула, Давида...-
и призрела его в сердце своём.
Книга Самуила

О Михаль, ты сестра мне –
ведь связь поколений крепка,
И еще виноградник
попынью сухой не зарос,
И на платье твоём не поблек ещё
пурпур полос,
Золотые браслеты твои
мне звенят сквозь века.

Не однажды я видела,
как ты стоишь у окна,
И свободу и нежность
твои отражают черты.
О Михаль, о, сестра, я ведь тоже
грустна, как и ты,
И, как ты, на призренье к любимому
осуждена.

Перевод М.Яниковой

Рукою доброю погладь мою, –
Пусть, как сестре, – назад не оглянуться.
Мы знаем: после бури кораблю
В родную гавань больше не вернуться.
Утри мне слезы. Только ты один
Найти сумеешь ласковое слово.
Мы оба точно знаем: блудный сын
Родного неба не увидит снова.

Перевод Я. Хромченко

Мы как два волка плясали на цепи,
и это мы называли любовью.
И.Эренбург
Поставь меня печатью на сердце своем...
Песнь песней
Пусть слиты губы, но сердца разделены,
Терзает души страх.
В одних и тех же – волей рока – мы должны
Плясать цепях.

Степным волкам лишь слышно, как звенят
Их цепи – не дано им различать
Молитвы и мольбы: поставь меня
На сердце, как печать...

Перевод М.Яниковой.

Настроение

А. Д. Гордону

День уходил, уже темнело,
 День угасал.
 Закатным золотом одело
 Вершины скал.

Померк полей простор далекий,
 Простор немой,
 И смутен путь мой одинокий,
 Пустынный мой.

Судьбе всевластной не перечу
 И говорю:
 За всё, за всё, что мне навстречу –
 Благодарю!

Перевод Я. Хромченко

Мои мертвецы

Только мертвые не умирают...
 И. Ш. К.

Только вы остались, чтоб меня беречь,
 Только вам не страшен смерти острый меч.

У конца дороги, пред закатом дня,
 Молча соберётесь провожать меня.

Наш союз навеки закреплён судьбой:
 То, что потеряла, уношу с собой.

Перевод М. Ялаи-Штекелис

Превращение

Эта слабая плоть,
 Это сердце печальное –
 Это
 Превратится в крупницы земли
 плодородной.

И в зной,
 Пробудившись, возжаждет
 Веселой струи водяной, И потянется ввысь,
 И пробьется к весеннему свету.
 Напитавшись дождём,
 Я воспряну, я вырвусь на волю
 Из могилы глубокой,
 Сквозь комья земли полевой,
 И увижу я небо –
 Кустами, цветами, травой,
 И зажмурю глаза,
 Обожжённые зноем и болью.

Перевод Я. Хромченко

Хаим Ленский (1905 – 1943)

Среди многих печальных судеб еврейских поэтов поражает трагизмом судьба Хаима Ленского. Он родился в городе Слониме, воспитывался у дяди. Его родители расстались, когда будущий поэт был младенцем. После революции отец оказался в СССР, а сын – в Польше. И чтобы увидеться с отцом, восемнадцатилетний Хаим Ленский перешел польско-советскую границу и был задержан пограничниками. Начались его беды. Да и что могло ожидать поэта, пишущего на древнееврейском языке, в СССР, где идиш был признан народным языком, а древнееврейский буржуазным?.. С середины 30-х годов аресты, лагеря, Сибирь и небольшой перерыв перед войной. Умер в лагере, в Сибири, вероятно, в 1943 году. Стихи Хаима Ленского приводим в переводах Валерия Слуцкого.

Воем вьюга. Ворота скрипят на ветру.
 Машет дерево скрюченной кроной.
 Чьи-то окрики. Полночь. К какому одру
 Припаду головой обнаженной?

Хлещет режущий снег по горячей щеке.
 О, я знаю – меня поджидая,
 Исполинской медведицей там, вдалеке
 Притаилась Россия. Туда я
 Устремлюсь. Буду схвачен. И в крике мой рот
 Искажится от боли когтящей.
 Так, достигнут, последний из зубров ревет,
 Окружен Беловежскою чащей.
 И тогда, белизну снеговой пелены
 В муках брызгами крови усеяв,
 Он припомнит о пасынке чуждой страны,
 О последнем поэте евреев.

Царствуй, древняя речь! Иордан и Евфрат
 За спиной твоих войск, закаленных походом.
 Твои буквы подобны построенным в ряд
 Ассирийским героям квадратобородым.

Я себя полководцем твоим сознаю.
 Прикажи, развернут боевое искусство
 Ямб – в пехотном, хорей – в колесничном
 строю.
 Впереди знаменосец решительный – чувство.
 Из-за Немана, Дона, Невы их полки
 Перевел я, победно командуя ими.
 О, царица! И ты из-за Леты-реки
 Вслед за древними переведи мое имя.

Охранник юный, черный зев ружья
 Не наводи, моей горячей крови
 Не проливай в дверях небытия,
 Покуда немота на полуслове

Мой голос не сковала. Солнцу дня
Позволь мне гимн закончить вполнапева
И прошептать, чуть голову склоня:
«Шалом! Шалом!» – направо и налево.

Аврааму К (ариву)
Свет лимонных зорь конца эзула,
В небе нежность хрусталя.
В стылую бескрайность заглянула
Увлажненная земля.
Посвист ветра не уgomонится
На взъерошенной стерне...
По другую сторону границы,
Друг мой, вспомни обо мне!
Ленинград, В тюрьме, 24.02.1935

И еще одно стихотворение в переводе А. Воловика.

Под чуждым небом кочевать,
Опять брести в неволе.
Я у судьбы прошу узнать,
У звезд прошу: доколе?
Нет сил терпеть, нет больше сил,
Мой каждый вздох – от боли.
И я просил, и я молил –
Хоть миг покоя, что ли!
Хоть раз склониться над волной
Молю в последнем тщанье:
Пусть передаст земле родной
Хоть губ моих касанье...

Давид Шимонович (Шимони) 1886 – 1956

В 1908 году юный Давид Шимонович, желая поступить на курсы востоковедения при Петербургском университете, пришел к знаменитому семитологу, специалисту по средневековой еврейской поэзии, исследователю еврейско-хазарской переписки П. К. Коковцову. Профессор сказал юному поэту, что не стоит поступить на курсы, так как он скоро уедет в Палестину. Так оно и стало.

Владислав Ходасевич перевел стихотворение поэта «На реке Квор». Название стихотворения мы поймем, когда перечитаем начало Книги пророка Иезекииля: «И было в тридцатый год, в четвертый месяц, в пятый день месяца, и я среди переселенцев на реке Квор». Речь идет о Временах Вавилонского плена. Стихотворение очень современное, хотя говорится о событиях очень давних. Дело в том, что рассеяние, галут уже в течение сотен и даже тысяч лет для евреев остается очень и очень современным. Длится трагедия галута.

Тянулся молча вечер длинный,
В Ниссон переходил Адор...
Со всеми, кто ушел в скитанье,
Бреду и я в чужой простор.
Луна, бледнея, льет сиянье
На спящий мир, на тихий Квор...
Под круглой, мертвенной луной
Белеет чайка без движенья,
И два крыла соединены
Мерцают мертвой белизной.
Труп чайки по реке плывет!
Навеки!.. Не сверкнут зарницы,
Волна, запенясь, не плеснет!
Навеки!.. Я смотрю вперед:

Белея, по реке плывет
Лишь чайки труп, труп легкой птицы!

Со всеми, кто ушел в скитанье,
Бреду и я в чужой простор, –
И без конца, без упования
Твой вечный берег длится, Квор!
Безжизненно, беззвучно годы
Проходят, быстро дни летят, –
По гравию не шелестят
Твои медлительные воды...
А сверху белая луна,
Не падая, не поднимаясь,
Висит. Давно мертва она.
И вдруг я понял, содрогаясь:
Мы все мертвы! Здесь нет живого!
Куда идем и для чего?
Довольно звука одного,
Довольно оклика ночного –
И все исчезнет от него,
Растает, как ночная мара...

Но тщетно я кричать хотел:
Мой голос умер... Я смотрел:
Там мертвецы за парой пара,
Идут, идут... И черный Квор
Не зыблется меж черных гор.

1912

Ошер Шварцмань (1889 – 1919)

Ошер Шварцмань погиб в бою на тридцатом году жизни. Он много лет, с 1911 года, служил в кавалерий-

ский частях. В 1919 году за три месяца до гибели вступил в Красную Армию. Он воевал в Первую мировую

войну, он участвовал в гражданской войне, он жил во время страшных еврейских погромов на Украине. И он оставил нам немного более шестидесяти стихотворений на идиш. В них нет внешних примет войн, революций и погромов, но есть боль, тревога и мужество. Стихотворения Ошера Шварцмана перевел Валерий Слуцкий.

*Я видел меч: сверкал, звеня,
Его клинок – алмаз –
Небесным всполохом огня
Мне резануло глаз.*

*Я видел снег: безгрешно бел,
Едва с небес упал –
Никто коснуться не успел
Чистейших покрывал.*

*Но пригляделся, и печаль
Мне жгала грудь тотчас:
Запятнан снег, в щербинах сталь –
Прекрасный сон погас,
1909, Киев*

Из цикла «Суббота»

Блюме Яннис

*И уже утихает Самбатъон-река...
И степной горизонт золотят облака,
И, подобное зыблущейся пелене,
Темно-синее море в закатном огне.*

*Наклонился олень к лучезарной реке.
Чудный город мерещится мне вдалеке,
И мечтающий взор отвести не могу
От страны золотистой на том берегу...
1918, Киев*

В темную ночь

*Когда чернотой мои мысли объять,
И я растворен в непроглядности мглы,*

*Я слышу вдали штормовые раскаты –
Дробятся валы.*

*Мне видится битва в кипении моря,
Летящие гребни теней –
Там черные всадники мчатся, пришпоря
Гигантских коней.*

*Несутся, сшибаясь, ряды исполинов –
с грядю – гряда.
Кто в беге промедлил, оружие не вскинув, –
Уже никогда*

*Его не нацелит. И в месиве битвы,
В сплетении тел и копыт –
Метущийся ропот проклятья-молитвы,
И ярость кипит...*

*Когда я во мраке, мне видится поле,
Где властвует смертная мгла,
И чудится стон человеческой боли,
Застывшие в корчах тела.*

1818, Киев

*В стране людской печали
Что в ответ
Скажу тому, кто изнемог от бед,
Кто пеплом гасит боль страданий?
Перед тем
Язык мой нем...*

*И гнев смиряя свой,
Я с непокрытой головой,
Нагим и нищим
В пустыню устремлюсь. И станет мне жилищем
Обитель ветра и песка,
Палящий небосвод заменит крышу.
И к людям не вернусь до той поры, пока
Я слою избавленья не услышу.*

1919, Киев

Перец Маркиш (1895 – 1952)

Перец Маркиш родился на Волыни. Его дед Шимшон-Бер знал, что его далекие-далекие предки жили когда-то в Испании. Умный и живой внук Шимшон-Бера уже в три года стал ходить в хэдэр. Перец Маркиш не только поэт-лирик, но и автор многочисленных поэм. Он не только поэт, но и драматург, и автор нескольких романов.

И поют, поют дороги...

– напишет Перец Маркиш и своей ранней поэме «Вольнь» (1918 г.). И эти самостоятельные дороги запели ему очень рано. Десятилетний мальчик с хорошим голосом и слухом, он поет в синагогальном хоре в городе Чуднове, что стоит на скалистых берегах

реки Тетерев. Это совсем недалеко от Житомира.

В ранней юности начались его скитания по «черте оседлости»: Балта, Кишинев, Одесса... Работает конторщиком, репетитором, поденщиком, сборщиком винограда. Это была школа жизни. А впереди Переца Маркиша ждали еще более суровые испытания:

рядовым солдатом он прошел первую мировую войну. «Интернационализм, пронизывающий все его творчество, – писал Наровчатов, – он выстрадал на кровавых

Галицийских полях, в залитых осенним дождем окопах, в пропахших карболкой палатах солдатских лазаретов". Эти испытания стали вехами, этапами рождения крупного еврейского поэта, писавшего ни языке идиш.

*Я сам – земля!
И пашня – сам!
И сам – налившийся на пашне колос...
Нет, то не высь грозою раскололась,
То сам я тучею прошел по небесам
И на себя низвергся ливнем сам!
Я с корнем вырвал всё, что сгнило на корню,
И всё, что вырвал, сам похороню.
Поднявшийся из тьмы заклётых мраком лет,
Я сам их окропил
Благим предвестьем дня,
И вот уже светает вокруг меня,
И в ночь затерян след...*

*Я пашня. Я земля. Я колос наливной...
И скорби не доветь векови надо мной.*
Перевод Л. Руст

Это раннее бунтарское стихотворение. Это время, когда в Киеве рядом с Перецом Маркишем работали замечательные молодые поэты Лев Квитко, Давид Гофштейн, Ошер Шварцман. И наряду с бунтарскими стихами тогда рождались такие проникновенные строки, которые перевела Анна Ахматова.

*Ты никогда еще так не была свежа,
Как ранней осенью, почти совсем зеленой.
Вот ветер за тобой погнался, весь дрожа,
И поцелуй сорвал, роняя листья клена.*

*Ты пахнешь камышом, продрогшим на ветру,
И спелым яблоком – осенней негой садах
Я сбитый ветром лист взволнованно беру
И целовать тебя хочу, моя услада.*

*Брожу растерянно и что-то бормочу.
Какая в этих днях неслыханная сила!
Мне ветер сердце дал и взял мое. Хочу,
Чтоб ты мне сердце подарила.*

В двадцатые годы пять лет Перец Маркиш живет за границей. Под многим стихотворениями этого времени стоят названия западноевропейских горо-

дов – Берлин, Париж, Варшава, Лондон, Рим – городов, уде создавались эти стихи. 20-е и 30-е годы – время расцвета таланта поэта. И среди многих его поэм выделяется необычная поэма

"Танцовщица их гетто", написанная в 1940 году перед самой Отечественной войной. Это даже не поэма, а сорок стансов, размышляющих стихотворений, со-единенных скорее не сюжетом, а сквозной музыкаль-ной темой. И тема эти звучит, трагически: речь ведь идет о фашистском гетто. Перевел поэму А. Кленов,

*Стремительно блистанье легких но –
Моя любовь танцует перед вами:
Встречается с клинком стальной клинок
И объясняются, сверкая лезвиями.*

*От плеч струится серебристый ток,
Но что-то недосказано ногами...
Встречается с клинком стальной клинок
И объясняются, сверкая лезвиями.*

Мы поначалу только по названию поэмы догады-ваемся, о каком страшном гетто должна идти речь.

*Сама земля пылает, как костер,
А небо дышит стужей ледяною.
И ты танцуешь... И висит топор
Над запрокинутою головою.*

Автор, понимая, что замысел его необычен, по ходу поэмы дает себе слово:

*Я сам не знаю, что я написал, –
Писать, как пишут все, я не умею...*

И вот начинает заучить теми нацизма:

*Идет, идет с секирой истукан.
Он свастику и ночь несет народам.
Он тащит мертвеца. Он смел и пьян.
Он штурмовик. Он из-за Рейна родом.*

*Он миллионам, множа плач и стон,
На спинах выжег желтые заплаты...*

Перец Маркиш всё время возвращается к своей главной теме:

*Выстукивай свой звонкий мадригал,
Греми, моя подруга, каблуками.
Палач твой пол-Европы заплелал
Отравленными желтыми плевками...*

*Я соберу посев твоих шагов
На всех дорогах долгого изгнания:*

За двадцать пять скитальческих веков
Мой тайный клад, мой дар и достоянье.

Без крова, без дороги, без жилья,
Без языка, опоры, утешенья
Идешь, тоску свою не утоля,
И под ноги кидаются каменя.

Оплачь, сестра, свой пламенный костер,
Оплачь свою последнюю разлуку.

Станцуй вершинам вековой позор,
Станцуй долинам вековую муку!

Когда перечитываешь строку "Идет, идет с секирой истукан...", то вспоминаешь другого истукана – Сталина, который в 1952 году уничтожил крупнейших еврейских писателей и среди них Переца Миркиша.

Давид Гофштейн (1889 – 1952)

Давид Гофштейн родился в штетле, в местечке Коростышеве на Житомирщине в семье еврея-хлебороба. Так о нем писал украинский поэт Максим Рыльский. И вся жизнь Давида Гофштейна связана с Украиной и Киевом.

Вот как пытливо вглядывается и мир двадцатилетний поэт:

Компас

И ночь и звезды без конца, без края...
Во всем знакомом тайну открываю.
Коробка круглая меня манит,
И стрелка в ней железная – магнит –
Трепещет на иголке, и томится,
И под стеклянной крышкой стремится
К звезде Полярной в голубую тьму...
Но почему?
Но почему?

Перевод Н. Ушакова

Давид Гофштейн не только «во всем знакомом тайну открывает», но и открыл для себя форму стихотворения-миниатюры.

Так из теплой сердечной росы,
Так из соков горячих и юных,
Из окутанной временем плоти
Вдруг рождается мечта,
Что годами блуждала в скитаньях,
Так рождается напев,
Не меняющийся никогда,
Так они возникают –
Легенды,
Сказанья.

Перевод С. Олендера

Имена

Как два волчонка, разыгрались дети,
Еще – волчата маленькие оба.
И Шамаем зовется старший сын, –
Так звался дед, старик слепой в трущобе,
В глухом местечке проживший столетье, –
И Гилелем зовется младший.
Иное имя в первые часы
Его на лестнице теней
Подстерегало,
Но я из гуши дней
Кипящих
Внезапно ощутил и увидел
Дыханье юных лет,
Как капельки росы
На плесени старинного гнезда...
И Шамаем зовется старший сын,
И Гилелем зовется младший...

Перевод Б. Левмана

Бог мой бог! Таких не помню я
Облаков над нашей крышей:
Посредине – буро-темные,
А края и не опишешь!

Не поведаешь словами,
Как смешались: блеск и дым,
Ночь с рассветными мазками,
Сумрак с полднем голубым...

Это все слилось чудесно
С пеньем сердца огневым,
С песней той, что лишь известна
Пальцам трепетным твоим

Перевод Э. Асадова

Лейб Квитко (1890 – 1952)

Когда родился замечательный еврейский детский поэт Лейб Квитко, точно мы не знаем. Эта дата колеблется между 1890 и 1895 годами. Не знал своего года рождения и сам Квитко. Он родился в семье ремесленника селе Голосково на Украине. Когда Лейб был маленьким мальчиком, туберкулез скопил всю его семью –

родителей, братьев и сестер. Зато год смерти Лейба Квитко мы хорошо помним: 1952 год. Это год, когда был уничтожен Еврейский антифашистский комитет. То был цвет еврейской литературы. Среди обреченных – и классик еврейской прозы, уже старик, Давид Бергельсон. Кто-то из сокамерников рассказывал, что он сидел и раскачивался все время и только твердил: "Фар вос?! Фар вос?!" – "За что?! За что?!"

Лейб Квитко был светлый, радостный человек. Поэтому так популярны его стихотворения "Анна-Ванна – бригадир", "Кисанька", "Скрипка", "В гости", разве такое забудешь:

*Но-о, лошадка!
Стук-стук, дрожки!
В лес поедем к бабке Мирл
По кривой дорожке...*

Перевод Т. Спендиаровой

Я был маленьким мальчиком, еще не ходил в школу, когда старший брал мой студент привез мне из Ленинграда книжку-стихотворение, которое началось так: "Климу Ворошилову письмо я написал..." Дело не в Ворошилове. Это было прекрасное стихотворение Лейба Квитко, переведенное с языка идиш Самуилом Маршаком.

*Лемеле хозяйничает
Мама уходит,
Спешит в магазин.
– Лемеле, ты
Остаешься один.*

*Мама сказала:
– Ты мне послужи:
Вымой тарелки,
Сестру уложи.*

*Дров наколоть
Не забудь, мой сынок,
Поймай петуха
И запи на замок.*

*Сестренка, тарелки,
Петух и дрова...
У Лемеле только
Одна голова!*

*Схватил он сестренку
И запер в сарай,
Сказал он сестренке: –
Ты здесь поиграй!*

*Дрова он усердно
Помыл кипятком,
Четыре тарелки
Разбил молотком.*

*Но долго пришлось
С петухом воевать –*

*Ему не хотелось
Ложиться в кровать.*

Перевод Н. Найденовой

Скрипка

*Я разломал коробочку –
Фанерный сундучок, –
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.*

*Я к веточке приладил
Четыре волоска, –
Никто еще не видывал
Подобного смычка*

*Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка –
На свете нет такой!*

*В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.*

*Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.*

*И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
«Какое наслаждение
От музыки такой!»*

*Задрал котенок голову,
Лошадка мчится вскачь.
Откуда он? Откуда он-
Невиданный скрипач?*

*Трай-ля! Замолкла скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.*

*Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.*

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

Перевод М. Светлова

Мы с вами перечитали некоторые стихотворения еврейских поэтов, писавших на языке идиш. Это строки и Переца Маркиша, и Лейба Квитко, и Давида Гофштейна. И у всех у них одна и та же дата смерти – 1952 год, 12 августа 1952. Это всё жертвы сталинских репрессий. Это всё расстрелянные в один день члены Еврейского антифашистского комитета. Мы перечитали четырех поэтов – жертв было куда больше.

Довид Кнут (1900 – 1955)

Довид Кнут (Давид Миронович Фихман) не собирался быть эмигрантом, но его дом после революции оказался в Румынии, а юный поэт переехал в Париж. Его жена, поэтесса Ариадна Скрябина, дочь композитора, стала героиней французского сопротивления. Гитлеровцы ее зверски замучили в 1944 году. В Тулузе ей установлен памятник.

Довид Кнут писал по-русски. Вот одно из его лучших, поистине пламенных стихотворений.

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира-Кто-Просвещает-Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов,
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых,
Где, средь степей и рыжей кукурузы,
Еще кочуют дымные костры
И таборы цыган;

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

Я,
Довид-Ари,
Чья праща исторгла
Предсмертные проклятья Голиафа, –
Того, от чьей ступни дрожали горы, –
Пришел в ваш стан учиться вашим песням.
Но вскоре вам скажу
Мою

Я помню всё:

Пустыни Ханаана,
Пески и финики горячей Палестины,
Гортанный стон арабских караванов,
Ливанский кедр и скуку древних стен
Святого Ерушалаима
И страшный час:
Обвал, и треск, и грохоты Синая,
Когда в огне разверзлась с громом небо
И в чугунах отягощенных туч
Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки – Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кинол,
И дым, и вонь отцовской бакалейки –
Айва, халва, чеснок и папушой, –
Где я стерег от пальцев молдован
Заплесневелые рогали и тарань.

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Тысячелетия бродившее вино,
Остановился на песке путей,
Чтобы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любви и тоски –
Блаженный груз моих тысячелетий.

Его первый сборник стихов так и назывался "Мои тысячелетия" (1925 г.)

Велвл Чернинь (1958)

Велвл Черник уникальный поэт на идиш. Родился в Москве в ассимилированной семье. Идиш начал сам изучать в 12 лет после того, как побывал на родине матери в Перятыне. В 20 лет стал изучать иврит. Тогда это можно было делать только нелегально. Историк по образованию, в 1983 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького (группа идиш первого набора), изучал крымчаков и караимов, в 80-е годы работал редактором в журнале "Советиш Геймланд". В Израиле с 1990 года. Стихи даются в переводе Валерия Слущкого.

Уходит мой народ
 Веками – млад и стар
 И гонит и зовет
 В родную даль Шофар.

И вновь костры и ночь.
 И вновь пророк велит
 Надеждой превозмочь
 Глухую боль обид,

И не видать конца
 Пути в чужой стране.
 Иди! Завет Творца-
 Будь тверд и верен Мне,
 И ...

Моя грамматика (отрывки)

Не люблю я грамматику-
 Косность ее наступленья,
 С ней строку не завертишь,
 Играя, как в цирке – жонглер.
 И в свободной манере
 Сегодняшнего поколенья
 Я кидаюсь в атаку,
 Чтобы дать правишкам отпор.

.....

Я – еврейский еврей,
 И в душе отзывается идиш.
 Кое-что с колыбели,
 Поверьте, осталось в мозгу.
 Что касается "хун", –
 Хоть различья в словах не увидишь,
 Где – петух, а где – курица,
 Я разобраться смогу.

Да, грамматика – страж,
 Ей отставку давать не годится;
 Тот замес, на котором
 Скрепляются в строки слова.
 Без грамматики стих
 Опадет – за частицей частица,
 И осыпется песнь,
 Как с деревьев осенних – листва.

.....

Часто ссоримся мы.
 Своеволие слов не в почете
 У нее. И, признаться,
 Грамматику я не люблю...

Киевская ночь

Разлетелось безумное солнце,
 Мириады обломков
 Разметав над холмами вблизи у Днепра.
 Обветшалые окна Подола,
 Два десятка хромящих улиц
 Бедно блещут осколками вечного света.
 В синагоге темно.
 Где-то спит, разметавшись, община.
 Тих Андреевский Спуск.
 И заплеванной Днепр безразлично спокоен,
 Слово он выжидает свой час,
 Как Самсон ослепленный
 Часа ждал своего в филистимской тюрьме.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Цвибель. О МЕСТНОЙ ГАЗЕТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО	3
Бен Гирш. АЗБУКА ИУДАИЗМА	6
Давид Генделев. ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПЕТРОЗАВОДСКА ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПЕТРОЗАВОДСКА	12
НАШЕЙ ОБЩИНЕ 100 ЛЕТ	26
К 100-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ПЕТРОЗАВОДСКОЙ СИНАГОГИ	27
СКРОМНЫЙ ТРУЖЕНИК ПЕЧАТНОГО ДЕЛА	29
Михаил Бравый, Илья Шегельман, Яков Бравый. ЕВРЕИ КАРЕЛИИ.....	31
Лев Альшиц «Я ИЗ РОДА АЛЬШИЦ...»	42
МЫСЛИ ВРАЗБРОС	45
Нохим Залманович (Яков Бравый). ЕВРЕЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ	46
Элла Осипчук АВИВА	55
ВОСПОМИНАНИЯ МАРКА ШАМИСА	57
Анна Ярцева. ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО СТЕРЕОТИПА	67
Рудольф Мельцер ПЯТАЯ ГРАФА	67
ЧИНАРИКИ	88
Михаил Бравый ЧЕТЫРЕ ГОДА МИЛОСЕРДИЯ	89
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ «ХЭСЭДА АГАМИМ»	89
Юрий Рыбак ИСКУССТВО ОТДАВАТЬ	91
«В течение недели месяца Хешвана»	92
Валентина Бравая «Уже стал традиционным»	94
«БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ...»	95
ИМЕНА И СУДЬБЫ Лора Береговская. МОЙ ОТЕЦ НАУМ ЦАЛЬ	97
Наталья Гродницкая. «РИСКНУЛ И НЫРНУЛ В ДЖАЗ...»	99

Алла Аблова.	
ЮЗЕФ КОН: ПУТЬ МУЗЫКАНТА	102
Ольга Бочкарева.	
РУВИМ ПЕРГАМЕНТ И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ.....	104
Наталья Мешкова.	
УЧИТЕЛЬ БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ	106
Юлия Генделева.	
ДОРОГИ ГЕРША ПУКАЧА	109
Генрих Берлинер.	
ИРИДИЙ МИХАЙЛОВИЧ МЕНДЕЛЕЕВ	111
Адольф Островский.	
ПРОФЕССОР ФРОЛЬКИС	113
Алла Аблова.	
АБРАМ ГОЛЛАНД	115
Кир Рожков.	
ОНА ЗВАЛАСЬ ТАТЬЯНА	117
Александр Селюцкий.	
ЧЕЛОВЕК, ИЗЛУЧАВШИЙ СВЕТ	119
Юлия Генделева.	
ДЯДЯ ЗАЛЯ	122
Лев Хорош. СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКИЕ	
О ПЕРВОМ ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРЕ	124
С.Д. ДОНДЕ И КОЕ-ЧТО О НЕМ	124
КАК УТВЕРЖДАЛИ Л.М. ШУСТЕРА	125
ОТ АТЕИЗМА К НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ	125
РОДНЫХ СОЖГЛИ В ВЕЛИЖЕ	127
АРХИТЕКТОР КОНСТАНТИН ГУТИН	130
ДИРИЖЕР ЮРИЙ АРАНОВИЧ	133
ПО СЛЕДАМ ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ	136
«ЖИЗНЬ СО «ЗВЕЗДОЙ»	137
Гарри Лак. МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925	
МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925	142
РАЗГОВОР НА РАССВЕТЕ	153
МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925. Часть вторая	155
МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925. Часть третья	
АНЦА	156
ЭВЕНКИЙСКИЕ МОТИВЫ	159
ПОЛЬ МАРСЕЛЬ – ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ	162
Софья Лойтер. ЧАСТИЧКИ БЫТИЯ	
ДОРОГИЕ МОИ, НЕЗАБВЕННЫЕ	164
МОЙ КАССИЛЬ	166
ВСТРЕЧИ И ПИСЬМА	169

«ДА БУДЕМ МЫ К СВОИМ ДРУЗЬЯМ ПРИСТРАСТНЫ...»	170
ЕВРЕЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЕГО СУДЬБА	175
ЕВРЕЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ	177
КЛАССИК ЕВРЕЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ М.Я. БЕРЕГОВСКИЙ И ЕГО «ПУРИМШПИЛЬ»	180
«ЗВАТЬ МЕНЯ ЗАЛМАН...»	182
ДОКТОР ЗИЛЬБЕР – УНИКАЛЬНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ	188
ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ЯСНОВА	192
Иосиф Гин. ХОЧУ РАССКАЗАТЬ	
ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЛ	194
ДЕТСТВО, ОБОРВАННОЕ ВОЙНОЙ	196
НАШ БАЛАБОС ГИНДИН	200
САЗАТЬ ПАРУ СЛОВ НА ИДИШ ИЛИ СКАЗАТЬ ПАРУ СЛОВ ОФ ИДИШ?	200
МОЙ СТАРШИЙ БРАТ	204
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ МОИСЕЯ ГИНА	
ЛАРОК	206
КАК ДОБЫВАЛИ «ЯЗЫКА»	207
КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ И ИЛЬЯ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН	207
ПРО КОСМОПОЛИТА ИЛЬЮ ЭРЕНБУРГА	207
* * *	
МОЙ ДРУГ ПЕТР РУДНЕВ	208
СЛОВО О ЛАЗАРЕ ШАПИРО	210
НЕМНОГО О ЛЕОНИДЕ РЕЗНИКОВЕ	213
ЛИТАРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ	
ЖИЗНЬ И СУДЬБА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА	215
НА ПОДСТУПАХ К РОМАНУ В.ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»	217
ГЕРЦЕН И ЕВРЕИ	218
ЕВРЕЙСКИЙ ПЕЧАЛЬНИК	221
МИХАИЛ СВЕТЛОВ	224
ПОЭТ НАУМ КОРЖАВИН	225
«ЭТА ЯМА...»	227
СЛОВО О ПОЭТЕ МОЙШЕ ТЕЙФЕ	230
МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМ	232
ПОЧЕМУ Я ПЕРЕЧИТЫВАЮ ТРИЛОГИЮ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА ОБ ИОСИФЕ ФЛАФИИ	234
НА ПОДСТУПАХ К РОМАНУ ТОМАСА МАННА «ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ»	240
РОМАН ТОМАСА МАННА «БЫЛОЕ ИАКОВА»	242
РОМАН ТОМАСА МАННА «ЮНЫЙ ИОСИФ»	244
РОМАНЫ ТОМАСА МАННА «ИОСИФ В ЕГИПТЕ» И «ИОСИФ-КОРМИЛЕЦ»	246
ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ «МАЛЬЧИК МОТЛ»	248
ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ	
ШМУЭЛЬ ha-НАГИД	251
ШЛОМО ИБН ГАБИРОЛЬ	252
МОШЕ ИБН ЭЗРА	253
ИЕГУДА ГАЛЕВИ	253

АВРААМ ИБН ЭЗРА	259
ИЕГУДА АЛХАРИЗИ	255
АВРААМ ИБН САГАЛ	256
ИММАНУИЛ ГАРОМИ	257
ХАИМ НАХМАН БЯЛИК	259
ШАУЛ ЧЕРНИХОВСКИЙ	264
ЗАЛМАН ШНЕУР	265
ЯКОВ ФИХМАН	266
РАХЕЛЬ	267
ХАИМ ЛЕНСКИЙ	269
ДАВИД ШИМОНОВИЧ (ШИМОНИ)	270
ОШЕР ШВАРЦМАН	270
ПЕРЕЦ МАРКИШ	271
ДАВИД ГОФШТЕЙН	273
ЛЕЙБ КВИТКО	273
ДОВИД КНУТ	275
ВЕЛВЛ ЧЕРНИН	275

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Петрозаводская еврейская религиозная община

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Избранные публикации 1998 – 2018 гг.

Том - I

Редактор-составитель Дмитрий Цвибель

Бумага офсетная. Формат 60x90 ¹/₈. Тираж 100 экз.
Усл. печ. л. 35.5. Уч. изд. л. 27.6

Отпечатано в «Издательский дом ПИН», ИП Марков Н.А.
г. Петрозаводск, ул. Балтийская 5б, тел. (814 2) 56-26-73
www.pinptz.ru